
А
36218
ОЛИМПЪ.
ЗЕВСЪ.

W Fluss 85.

ОЛИМПЪ.

ОЛИМПЪ.
ЗЕВСЪ.
Souchen del.

ОЛИМПЪ,

или

ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ МИѲОЛОГІЯ

въ связи

СЪ ЕГИПЕТСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ И ИНДІЙСКОЙ.

КНИГА ДЛЯ ВЗРОСЛАГО ЮНОШЕСТВА, МОЛОДЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ И ДЛЯ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Г. ПЕТИСКУСА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ 12-ГО УЛУЧШЕННАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1860 ГОДА

П. ЕВСТАФІЕВЪ.

(Съ приложеніемъ 67 рисунковъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 31 Августа дня 1860 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

ПРЕДИСЛОВІЕ

НѢМЕЦКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Если книга въ продолженіе 45 лѣтъ остается любимицей публики; если заботливый отецъ на пути образованія своего сына встрѣчаетъ ту же книгу, которая и для него самаго служила въ юности чистымъ и богатымъ источникомъ вѣрнаго пониманія нравственныхъ представленій минувшихъ временъ; то естественно видѣть въ такой книгѣ несомнѣнное достоинство. Расположеніе къ ней двухъ последовательныхъ поколѣній читателей становится тогда понятной данью любимому сочиненію.

Таковъ предлагаемый *Олимпъ* Петискуса.

Причины его необыкновеннаго успѣха за-

ключаются въ счастливомъ соединеніи научнаго основанія съ такимъ изложеніемъ, которое живостью своей дѣлаетъ читателя воспріимчивѣе къ высокопоэтическому идеальному міру классической древности, а послѣдовательностію развитія предмета доводитъ читателя до яснаго и полнаго пониманія миѳовъ и сказаній отжившаго міра, во всемъ значеніи ихъ, со всей отчетливостью.

Вотъ существенныя достоинства этого сочиненія. Съ этой стороны оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя можно ему ставить, какъ извѣстнаго рода учебнику. Мы сочли себя однакожъ обязанными при теперешнемъ его изданіи внести въ прежній текстъ все, что въ новое время наука разработала въ области миѳологіи, и размѣстить это пріобрѣтеніе въ сочиненіи въ систематическомъ порядкѣ, не нарушая увлекательности изложенія.

Вамъ, наставницы, наставники, родители и воспитатели, внимательно слѣдящимъ за ходомъ образованія вашихъ дѣтей и воспитанниковъ, мы смѣло вручаемъ *Олимпъ*. Онъ много будетъ содѣйствовать къ тому, чтобы вызвать въ юношествѣ охоту къ исторіи и

направить эту охоту къ тому изящному и поэтическому, которымъ исполненъ міръ древнихъ сказаній.

Къ этому предисловію нѣмецкаго изданія «Олимпа» русскій переводчикъ его считаетъ умѣстнымъ прибавить нѣсколько словъ. Примѣчанія къ различнымъ мѣстамъ текста и частыя вноски изъ Гомера и другихъ поэтовъ въ прибавку къ тексту или въ замѣнъ выпускаемыхъ частей его, сдѣланы съ цѣлью: съ одной стороны, — пополнить впечатлѣніе отъ прочитаннаго, а съ другой — возбудить въ читающихъ желаніе ближе познакомиться съ самими твореніями Гомера, если еще знакомы съ ними только поверхностно. Ради полноты сочиненія русскій переводчикъ его имѣетъ въ виду составить къ нему очеркъ миѳологіи Славянской и издать его или въ видѣ приложенія къ «Олимпу» или же при второмъ его изданіи, которое — какъ само сочиненіе позволяетъ надѣяться, — вѣроятно, не замедлитъ сдѣлаться потребнымъ.

ОЛИМПЪ

или

ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Сущность и значеніе боговъ классической древности.

Отправимтесь вмѣстѣ, мои молодые читатели и читательницы, въ многообразно-прославленную поэтами страну, въ такъ называемый древній міръ, и взглянемъ, какъ жили и дѣйствовали въ немъ сонмы боговъ, богинь и героевъ. Человѣкъ вѣрилъ, что съ царственнаго жилища своего, Олимпа, господствовали они надъ міромъ: не только суша, вода, внутренній огонь земли съ его огнедышущими жерлами и землетрясеніями, но и мрачныя бездны подземнаго міра — все подчинялось всесильной ихъ власти. Человѣкъ не ограничивался тѣмъ, что свое собственное существованіе и свои собственныя тѣлесныя и духовныя совершенства считалъ дарами этихъ боговъ, но видѣлъ ихъ божественное вліяніе на всякомъ предметѣ видимой природы: горали, долина, источникъ, водопадъ, рѣка, тихая роща, цвѣтистыя жатво-обильныя нивы или стада, избушка или дворецъ — всякій предметъ состоялъ подъ

кровомъ какого-либо божества. Младенческое вѣрованіе того юнаго времени давало при этомъ божеству еще опредѣленный кругъ дѣятельности. Вотъ какъ одинъ нѣмецкій поэтъ, незатѣйливо, но вѣрно, выразился о божествахъ этого ранняго времени:

„Усердно спорятъ боги затѣмъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ наиболѣе способствовалъ къ обогащенію природы своими щедрыми дарами.“

„Die Götter eifern in die Wette,
Wer zur Begabung der Natur
Am meisten beizutragen hätte.

Гдѣ бъ ни былъ человѣкъ, — все, что замѣчалъ онъ въ себѣ самомъ или во внѣшней природѣ, было въ его глазахъ созданіемъ какого либо особаго божества, отъ наблюденія котораго ничто не ускользало. Поэтому, живъ былъ въ душѣ его священный ужасъ, который не допускалъ его покинуть и тѣмъ прогнѣвить своихъ боговъ. Твердо вѣря, что все, .что въ немъ и внѣ его, есть дѣло боговъ, ему естественно было дойти до представленія себѣ судьбы въ смыслѣ непреложнаго міроваго предопредѣленія, котораго и сами боги не властны измѣнить. Человѣкъ, правда, сознавалъ, что онъ свободенъ въ своей дѣятельности, но тутъ же представлялъ себѣ судьбу рѣшительницей, ибо въ результатѣ своей дѣятельности видѣлъ *ея* вліяніе.

Съ этимъ вѣрованіемъ выходилъ воинъ на поле сраженія, ибо — ему казалось — боги тутъ же, съ нимъ. Съ той же вѣрой и земледѣлецъ обработы-

валъ свое поле, ибо само же божество научило людей садить и сѣять и тѣмъ просыпало на нихъ небесные дары жатвы. Мореходецъ прежде всего искалъ благоволенія морскаго божества и потому берегся чѣмъ-либо прогнѣвить его. Не менѣе этого и лирическое вдохновеніе поэта и удачное произведеніе художника, были также дарами особыхъ боговъ. Самыя радости дружбы и общежительности на играхъ или пирѣ, были принимаемы какъ знаки благоволенія божества. Праздникъ начинался торжественнымъ къ нему воззваніемъ и хвалебной пѣснью. Первое возліяніе, въ честь божества же, служило началомъ общаго пира. Вотъ что было особеннаго въ миѳологіи древняго міра, при всякихъ обстоятельствахъ жизни, не смотря на то, что ученіе это проявлялось въ формѣ многобожія, въ которомъ жизнь и дѣятельность боговъ облекали въ человѣчные способы и образы.

Изъ этого видно, что намъ предстоитъ имѣть дѣло съ тѣмъ, что было для древняго міра — самымъ священнымъ, а именно, съ его религіозными вѣрованіями. Подробно изслѣдуя ихъ, мы должны проникнуть въ глубочайшія тайны прошедшаго.

Тутъ прежде всего раскрываются передъ нами: способы происхожденія ихъ боговъ и ихъ богопочитаніе.

Соображаясь съ тѣмъ, какъ жило божество въ народномъ вѣрованіи, художникъ облекалъ его въ высокосовершенный осязательный образъ и тогда изображеніе божества освящалось открытымъ народнымъ поклоненіемъ. Въ изображеніи божества народному вѣрованію видѣлось не одно только про-

изведеніе художника, но видимое олицетвореніе божества. Народъ взиралъ на это изображеніе какъ на видимое вмѣстилище, тлѣнную форму, которымъ божество присуще было духомъ. Видя и чувствуя божество близъ себя, человѣкъ не могъ быть равнодушнымъ и къ изображенію его. При желаніи понимать исторію развитія человѣчества не нужно упускать изъ виду этого обстоятельства, ибо оно даетъ много значенія знанію народныхъ вѣрованій древности. Время, въ которое жили тѣ вѣрованія, уже тысячелѣтіями отдѣлилось отъ насъ. Сами народы не существуютъ болѣе, а съ ними и вѣрованія ихъ давно ужъ умерли въ самомъ корнѣ. Ихъ узнаёшь теперь только изъ писателей того времени, да изъ уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія изображеній боговъ, по которымъ уже въ наше время воспроизведены подобныя же, извѣстныя изображенія. Съ покинутыми божествами распалось и великолѣпіе ихъ храмовъ, но и въ развалинахъ остались на удивленіе потомству слѣды минувшаго величія ихъ.

На тысячи лѣтъ юнѣйшее поколѣніе, будемъ мы помнить, что взглядъ, брошенный на минувшій бытъ человѣчества, доставитъ намъ не только новые и занимательные матеріалы въ часы досуга, но и приведетъ насъ ко многимъ поучительнымъ заключеніямъ, когда станемъ сравнивать два, тысячами лѣтъ раздѣленные, періода. При этомъ не забудемъ только, что миѳологія была священнымъ достояніемъ, религіей, такихъ народовъ, которые литературу, науку, искусство и государственный бытъ развили до высокой степени совершенства. Еще и

теперь во многихъ отношеніяхъ народы эти отчасти могутъ служить намъ недосягаемыми образцами. Возьмемъ Грековъ. Кому неизвѣстны, хотя по имени, ихъ поэтическія произведенія (ихъ Гомеръ, Пиндаръ, Анакреонъ, Теокритъ и др.); ихъ драма (Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ и др.); краснорѣчіе (Демосѳенъ, Эсхинъ и др.); исторіографія (Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и др.); философія (Платонъ, Аристотель и др.); математика (Архимедъ, Эвклидъ и др.)? Обратимся къ Римлянамъ. Кто не знаетъ о твореніяхъ Цицероновъ, Горацієвъ, Виргилієвъ, Овидієвъ, Ливієвъ, Тацитовъ, Ювеналовъ и др.? Кому изъ безчисленнаго множества греческихъ ваятелей и живописцевъ неизвѣстны хотя имена Праксителей, Фидієвъ, Апеллесовъ, Зевксисовъ? Ибо у Грековъ религіозное чувство особенно любило выражаться въ изящномъ убранствѣ священныхъ мѣстъ, храмовъ и жертвенниковъ. Потому-то и образовалось тутъ цѣлое — судя по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ: неисчислимое — сокровище приношеній по обѣтамъ и вообще мастерскихъ произведеній во всѣхъ родахъ искусствъ.

И такъ, религіозное вѣрованіе, какъ благороднѣйшее и священнѣйшее изъ вѣрованій народныхъ, было тогда источникомъ образованія для народовъ. Естественно, что одно другому соотвѣтствовало. Нельзя не признать въ обоихъ величественнаго, благороднаго, высокаго и прекраснаго, но въ то же время нельзя и не замѣтить, что религіозное ихъ вѣрованье не могло освободиться отъ внѣшней природы, въ которой заключался его первоначальный

корень, и не осчастливленное Божественнымъ откровеніемъ освободиться на столько, чтобы увѣровать въ Одно Высшее Существо, Небеснаго Отца и Ему одному поклоняться. Между тѣмъ народы тѣ, хотя и въ невѣдѣніи своемъ, считали себя счастливыми при своихъ собственныхъ вѣрованіяхъ, почерпнутыхъ изъ внѣшней природы. Вотъ какъ слова великаго нѣмецкаго поэта намекаютъ на отличіе тогдашнихъ религіозныхъ вѣрованій отъ теперешнихъ:

«Da ihr noch die ſchöne Welt regieret,
An der Freude leichtem Gängelband
Selige Geſchlechter noch geführet,
Schöne Weſen aus dem Fabelland!
Ach! da euer Wonnedienſt noch glänzte. —
Wie ganz anders, anders war es da!»

Наше путешествіе въ такъ называемый древній міръ приводитъ насъ въ Грецію и Лаціумъ. Древніе Греки жили съ незапамятныхъ временъ въ нынѣшней Греціи, на островахъ Архипелага, по западнымъ берегамъ Малой Азіи и въ колоніяхъ, поселенныхъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго Моря и даже далѣе — до устьевъ Волги; кромѣ того — въ колоніяхъ на островѣ Сициліи, нѣкоторыхъ городахъ Южной Италіи и по южнымъ берегамъ Франціи. На этомъ пространствѣ находились въ Ѳессаліи: богами обитаемая гора Олимпъ, прелестная долина Темпейская, смѣющіеся берега Пенейа, а въ Фокидѣ — священная Дельфійская роща, гдѣ жрица, сидя на своемъ треножникѣ, передавала

вопрошавшимъ предсказанія своего провозвѣстника-бога (Аполлона). Тутъ же и тихая, гористая Аркадія съ своими стадами; обширныя Олимпійскія равнины съ своими несчетными храмами, статуями боговъ и посвященными имъ зданіями. Тутъ и богатый, мореврадѣтельный Коринѳъ; и городъ богини Аѳины; и Ѳивы съ Элевзисомъ, древнимъ городомъ Кадма; и Аполлоновъ священный островъ Делосъ; и остальные острова: Эгина, Лемносъ, Хіо, Наксосъ, Родоссъ и др.

Главное мѣстопребываніе древнихъ Римлянъ былъ Римъ, въ области Лаціумъ (въ средней Италіи), на берегу Тибра. Отсюда они завоеваніями распространили господство свое надъ Европой, Азіей и Африкой.

Прежде, чѣмъ я введу васъ, читатели, въ область прошедшаго и ближе познакомлю васъ съ религіозными вѣрованіями народовъ Греціи и Италіи, позвольте предпослать нѣчто такое, на что требуется особенное вниманіе, ибо для точнаго уразумѣнія послѣдующаго важно и необходимо знать предъидущее. Прежде всего нужно объяснить значеніе слова *Миѳологія*. Слово это состоитъ изъ двухъ греческихъ словъ: *mythos* (μη'δος) — сказаніе, легенда, сага — и *logos* (λο'γος) — повѣсть, наука — и потому буквально значитъ: наука о сказаніяхъ. И такъ миѳологія есть наука или изложеніе сказаній, въ которыхъ древніе изобразили дѣятельность своихъ боговъ, ихъ существо, ихъ происхожденіе, а съ этимъ вмѣстѣ и происхожденіе всего видимаго міра, по своимъ понятіямъ о немъ. Греки называли миѳомъ и сказку, но наше по-

нятіе о послѣдней не можетъ имѣть здѣсь приложенія, ибо къ баснямъ и сказкамъ Грекъ не привязывалъ вѣры какъ къ былому дѣлу, между тѣмъ, какъ миѳъ былъ для него поэтическимъ выраженіемъ дѣйствительнаго религіознаго вѣрованья. Поэтому миѳологію и называли также: наукой о богахъ.

Ни одинъ народъ при своемъ происхожденіи не стоялъ на такой степени образованія, на какой бывалъ въ позднѣйшее время своего развитія. Не изъ рукъ природы выходитъ человѣкъ образованнымъ, свѣдущимъ, опытнымъ: ему нужно, выйдя изъ дѣтства, пережить юность, когда развернутся постепенно его умственныя силы, раскроются душевныя побужденія, и фантазія (вообразительная способность) вступитъ въ права свои; когда черезъ расширеніе круга своихъ представленій и провѣрку собственныхъ понятій окрѣпнетъ въ немъ лучшее пониманіе окружающихъ его предметовъ и сознаніе важнѣйшихъ истинъ. Ему предстоитъ затѣмъ — мало по малу выйти изъ подъ преобладанія фантазіи, отъ которой много ошибокъ придется ему сдѣлать въ юности, и наконецъ достигнуть того, чтобы, признавши свои заблужденія, посвятить себя служенію правдѣ. Только тогда человѣкъ въ состояніи мысли свои постоянно устремлять на предметы высокаго значенія, а силы свои — къ благимъ и полезнымъ цѣлямъ. Какъ бываетъ съ ходомъ развитія отдѣльнаго человѣка, такъ, приблизительно, и съ цѣлымъ народомъ. Народъ вѣдь тоже есть собраніе отдѣльныхъ личностей. Отсюда легко понять, что если имѣютъ значеніе раз-

личныя обстоятельства, сопровождающія умственное и нравственное развитіе отдѣльной личности, то тѣмъ болѣе представляютъ этого значенія обстоятельства, вліяющія на ходъ развитія цѣлаго народа.

Первоначальное состояніе народа бываетъ — невѣжество, во время котораго онъ еще не знаетъ ни себя, ни своихъ высокихъ силъ, ни назначенія. Еще менѣе можетъ онъ вѣрно судить объ окружающихъ его предметахъ и о мірѣ, въ которомъ живетъ. Фантазія тогда тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ менѣе внутренній, умственный свѣтъ достигъ въ человѣкѣ до полной ясности, и чѣмъ менѣе выработано человѣкомъ разсужденіе. А между тѣмъ чувствуетъ и грубый человѣкъ, что онъ окруженъ тысячью предметовъ, могучему вліянію которыхъ онъ не можетъ не подчиниться, какъ наприм. силами природы. Чувствуетъ онъ и то, что предметы, которые видитъ онъ въ природѣ, не отъ него получили свое существованіе и не отъ него зависятъ. Постепенно приходитъ онъ къ необходимости задать себѣ естественные вопросы: откуда же взялось все это? Кто это произвелъ? И чѣмъ болѣе затрудняется онъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе сознаетъ свое безсиліе. Его еще не окрѣпшее разсужденіе не допускаетъ его проникнуть во внутреннюю связь вещей; его еще необразованный умъ отказываетъ ему въ средствѣ и пути къ вѣрному обсужденію и успокоительному познанію. Тѣмъ большій просторъ достается на долю фантазіи въ этомъ умственно-ограниченномъ состояніи человѣка. Но въ глубинѣ души, чувствуя присут-

ствіе въ мірѣ высшей силы, творчествомъ которой произошло все существующее, человѣкъ создаетъ въ своемъ воображеніи олицетвореніе этой высшей силы. При этомъ, — такъ какъ человѣкъ тогда не можетъ представить себѣ существа безъусловно высшаго, а тѣмъ менѣе создать его въ воображеніи; съ другой же стороны, такъ какъ су-нельзя представить себѣ божество иначе какъ су-ществомъ высочайшимъ и совершеннѣйшимъ, какъ стро-только можно это себѣ вообразить — онъ и строитъ его себѣ по человѣческому образцу и, осно-вываясь на человѣческихъ же свойствахъ и си-лахъ, надѣляетъ и его такими же, только гораздо въ высшей степени сравнительно съ своими соб-ственными. По мѣрѣ того, какъ онъ преисполняетъ различными достоинствами произведеніе своей фан-тазіи, оно начинаетъ мало-по-малу удовлетворять его. Далѣе. Не видя ни откуда возможности за-мѣтить свое заблужденіе или научиться лучшему въ замѣнъ его, онъ скоро доходитъ до того, что— созданіе своего воображенія принимаетъ за истину и оно становится для него предметомъ религіоз-наго вѣрованія. Послѣдуемъ дальше за человѣкомъ. Наблюдая разнородность естественныхъ предме-товъ вокругъ себя, онъ предъощущаетъ и разно-образіе силъ, которыя — кажется ему — незави-симо другъ отъ друга и отъ высшаго закона вза-имно-содѣйствуютъ или взаимно-противодѣйству-ютъ. Отсюда фантазія ведетъ его къ представ-ленію разнообразія боговъ (къ политеизму). И такъ — онъ воображаетъ себѣ не одно высшее су-щество, но столько ихъ, сколько замѣчаетъ разно-

образныхъ силъ, условливающихъ его собственное существованіе. На сколько видитъ онъ въ нихъ величія и красоты, на столько и олицетворяетъ въ нихъ великаго, могущественнаго, достойнаго уваженія. Впрочемъ, и въ ужасномъ — если оно представляется ему властью, отъ которой онъ зависитъ и которая можетъ его уничтожить — чувствуетъ онъ также нѣчто божественное, а потому старается его умиротворять, благосклонность его заискивать. Такимъ образомъ, человѣкъ въ окружающемъ его мірѣ самъ создаетъ новый міръ существъ, которыхъ, смотря по свойству ихъ, уважаетъ, любитъ или страшится. Этимъ новымъ міромъ заселяетъ онъ воздухъ, воду, землю, лѣса и нивы, дворцы и хижины. Не только въ предметахъ видимой природы, но и въ явленіяхъ ея и вообще въ событіяхъ, совершающихся у него предъ глазами, видится ему дѣятельная сила какого-либо невѣдомаго, но могучаго существа и, благоговѣя предъ этой силой, онъ старается почтеніемъ, любовью или подобострастіемъ поддержать съ нею доброе согласіе и пріобрѣсти ея благорасположеніе и охрану. Для достиженія этого, онъ не останавливается предъ услугами и дарами, въ такой мѣрѣ, въ какой эти силы ему самому любы и благопріятны. И вотъ, имъ первымъ воздвигаетъ онъ священные города, жертвенники и храмы, чтобы тамъ, на опредѣленномъ мѣстѣ, навѣрно быть ближе къ высшимъ существамъ. По его представленію, надо же и божеству имѣть опредѣленное мѣстопребываніе, какъ необходимо это человѣку, когда ему приходится гдѣ-либо на долго оставаться.

Изъ этихъ вѣрованій возникли храмы и жертвенники съ приношеніями на нихъ всевозможныхъ даровъ; священные обычаи или церемоніи, очищенія, умилостивительныя жертвы, освященія, торжественныя шествія, а у Грековъ — народныя игры Олимпійскія, Немейскія и др.; въ послѣдствіи же и таинства или мистеріи, какъ напр. Элевзинскія въ честь Деметры. Простой, естественный человѣкъ, каковы и были Греки — болѣе даже чѣмъ Римляне — былъ и чувствовалъ себя вблизи своего божества тамъ, гдѣ искалъ его или вѣрилъ его пребыванію. Это вѣрованіе не только переходило изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ ко внукамъ, но и расширялось присоединеніемъ къ нему обычаевъ другихъ странъ. По мѣрѣ распространенія въ народѣ просвѣщенія, распространялись и религіозныя вѣрованія и совершенствовалась внѣшняя сторона ихъ, пріобрѣтая болѣе изящества.

Вотъ какъ, читатели, произошла Миѳологія, или иначе сказать: вотъ какъ въ періодѣ невѣжества древнихъ народовъ посредствомъ сказаній распространились понятія какъ о происхожденіи міра и земли со всѣми возникшими отсюда явленіями, такъ и о богахъ и герояхъ.

По тому, что здѣсь уже приведено, вы, читатели, не будете удивляться, что въ этой такъ называемой божественной наукѣ, сложенной изъ сказаній, обнаруживаются не только противорѣчія, чудовищности и несообразности, но даже просто невозможности. Все это становится яснѣе и яснѣе, когда размышляешь, *какимъ образомъ* и *когда* возникли сами миѳологическія сказанія? Они никакъ

не принадлежатъ *одному времени*, а тѣмъ менѣе *одному мѣсту*. Въ продолженіе тысячелѣтій, сопутствуя народу, они испытали всѣ измѣненія, совершившіяся въ образованіи его. Въ нихъ даютъ себя замѣчать: и естественная грубость первоначальнаго быта народа, и образованность позднѣйшаго періода его существованія. Конечно, этому много содѣйствовали писатели и философы.

При предстоящемъ повѣствованіи никогда не упускайте, читатели, изъ виду этого обстоятельства и вы безъ затрудненія будете понимать многое такое, чтò безъ этого только удивляло бы васъ.

Я долженъ обратить ваше вниманіе еще на одинъ важный предметъ. Въ миѳологіи повѣствуется о богахъ много такого, чтò отчасти только кажется безнравственнымъ, относительно нашихъ законовъ нравственности, а отчасти и дѣйствительно безнравственно и дурно, относительно всякихъ законовъ нравственности. При этихъ случаяхъ вспоминайте, что, какъ мы видѣли, боги были только олицетвореніями силъ природы; что въ такихъ олицетвореніяхъ желали выразить только то, что знали о дѣйствіи или состояніи этихъ силъ, представляя ихъ какъ живыми дѣйствующими существами; что наконецъ видимыя и вещественныя выраженія ихъ должны же были находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми понятіями, которыя народъ имѣлъ о различныхъ силахъ природы и ихъ взаимномъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія понятными становятся напримѣръ споръ и вражда между богами, если въ этой враждѣ заключается

выраженіе столкновенія противоположныхъ силъ природы, каковы: свѣтъ и тьма, жаръ и холодъ и т. п. Понятны также изображенія и братской, родственной любви между богами, если этой любовью выражается дружеское взаимодѣйствіе силъ, какъ напримѣръ: тепла и влажности и т. п. И такъ — по всѣмъ этимъ путямъ приходимъ къ тому заключенію, что нужно стараться понять смыслъ видимаго миѳологическаго изображенія и тамъ, гдѣ этого достигнемъ, не будетъ и рѣчи о безнравственномъ и дурномъ. Безнравственными, кажется, только тѣ миѳы можно будетъ назвать, въ которыхъ не найдется такого смысла. А и это можетъ встрѣтиться, если сообразить, что и сами древніе, жившіе многіе вѣка послѣ происхожденія большей части миѳовъ, не понимали уже значенія многихъ изъ нихъ. Случалось и то, что многіе, кому такіе миѳы представлялись безнравственными, часто отвергали въ нихъ благороднѣйшую и лучшую часть, какъ выдумку или клевету на боговъ; а другіе — древнимъ сказаніямъ старались придать новый смыслъ, соотвѣтствующій той степени просвѣщенія, на которой они сами находились. Независимо отъ такихъ случайностей, чѣмъ болѣе на пути образованія совершенствовалась религія Грековъ, тѣмъ болѣе удалялись ихъ боги отъ природы и первоначальнаго своего значенія, а возвышались до чисто-духовныхъ существъ. Хотя съ прогрессивнымъ ходомъ просвѣщенія и сами древнія сказанія и вѣрованія естественно, соображаясь съ нимъ, измѣнялись, но такъ какъ не смотря на это, нельзя же было положительно отвергнуть прежнія поня-

тія о происхожденіи боговъ, то и возникло отсюда множество несообразностей и противорѣчій, а за ними — и полный произволъ въ пониманіи религіи. Все это должно было привести, и наконецъ привело, къ ослабленію и къ упадку язычества. Съ этимъ тѣсно связаны еще два обстоятельства. Во первыхъ, не всѣ Греки и Римляне, и не во всѣ времена, и сами вѣрили всему, что заключала въ себѣ ихъ совокупная религія, со всѣми послѣдующими религіозными повѣствованіями. Во вторыхъ, просвѣщеннѣйшіе изъ среды ихъ, такъ называемые философы или мудрецы: Сократъ, Платонъ и др. сознавали необходимымъ для блага народа не мѣшать ему держаться того, чему онъ вѣрилъ и чего страшился. Этимъ хотѣли мудрые достигнуть того, чтобы народы съ подобающимъ уваженіемъ подчинялись законамъ общечеловѣческимъ и государственнымъ. Это желаніе ихъ было не безполезно для общества, ибо мудрый человѣкъ уважаетъ и самое заблужденіе своего собрата, если это заблужденіе безвредно для другихъ, или даже можетъ быть средствомъ для ихъ улучшенія и успокоенія, но не всякій такъ просвѣщенъ, чтобъ обнять умомъ высшія истины, прилѣпиться къ нимъ сердцемъ и бодро понести на себѣ возлагаемыя ими обязанности.

Отъ произвола въ пониманіи религіи произошелъ и обычай обращаться за рѣшеніемъ къ Дельфійскому оракулу каждый разъ, когда рождалось въ народѣ недоумѣніе, чего держаться въ какихъ-либо предметахъ богослуженія? Такъ, когда однажды спросили его Аѳиняне объ этомъ, Оракулъ

отвѣчалъ: „того, котораго держались ваши предки.“—Не одни мудрѣйшіе изъ гражданъ, но и само государство наблюдало за богослуженіемъ и послѣднее даже не допускало никакихъ нововведеній въ немъ. Самъ Сократъ былъ осужденъ на смерть за то, что былъ выставленъ предъ обществомъ какъ развратитель юношества ученіемъ будто бы объ иныхъ богахъ.

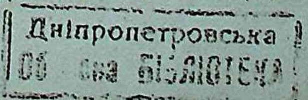
Для васъ, читатели, миѳологія не можетъ имѣть религіознаго значенія, ибо вы живете въ такое время, когда понятія о происхожденіи міра, о Богѣ, Творцѣ всего существующаго, объ обязанностяхъ къ нему человѣка и объ истинномъ Богопочитаніи стали свѣтлы; они возносятъ умъ, совершенствуютъ и успокоиваютъ сердце и душу. Но ради развитія собственнаго ума и изящнаго вкуса, а еще болѣе для вѣрнаго пониманія исторіи человѣчества, не слѣдуетъ не знать религіозныхъ вѣрованій древнихъ народовъ, которыя, если смотрѣть на нихъ съ вѣрной точки зрѣнія, не менѣе народовъ современныхъ, представляютъ многое достойное уваженія.

Хотя въ миѳологіи древнихъ народовъ, — особенно въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя заимствованы отъ другихъ народовъ, старѣйшихъ на поприщѣ образованія, — все еще содержится многое такое, что несовмѣстно съ дѣйствительно-просвѣщеннымъ религіознымъ воззрѣніемъ, однакоже есть и въ нихъ своя доля истиннаго, полезнаго, достойнаго уваженія. Потомство отжившихъ народовъ было бы несправедливо, еслибъ предало осмѣянію ихъ недостатки. Мы не имѣемъ права шутить или

смѣяться надъ религіозными вѣрованіями предшествовавшаго намъ міра, особенно если будемъ опираться только на томъ, что мы живемъ въ болѣе счастливое время и, какъ христіане, владѣемъ единственно вѣрными религіозными воззрѣніями, недопускающими никакого сравненія, съ тѣми, которыя достались въ удѣлъ нашимъ предшественникамъ. Какъ не похоже дѣтство на зрѣлый возрастъ, такъ различны между собой представленія ума невѣжественнаго и просвѣщеннаго. Чудесное живо занимаетъ неразвитый умъ грубаго человѣка, ибо онъ еще не распознаетъ несообразностей; — ему хочется видѣть все глазами, потому что онъ еще не въ состояніи составить себѣ понятіе о невидимомъ мірѣ. Углубиться въ изслѣдованія — у него нѣтъ еще достаточныхъ умственныхъ силъ, и вотъ онъ, по видимымъ предметамъ, строитъ себѣ представленіе того, что онъ хотя и не видитъ, но не можетъ не признать существующимъ, потому что видитъ слѣдствія его дѣятельности.

Съ этой точки зрѣнія, читатели, слѣдуетъ смотрѣть на миѳологію Грековъ, Римлянъ и Египтянъ. Тогда и многообразіе божествъ, предъ которыми поклонялись толпы народовъ, не поразитъ васъ удивленіемъ; и внутренняя и обрядовая стороны ихъ богослуженій, ихъ праздниковъ и жертвоприношеній не покажутся вамъ странными.

Всякій первобытный народъ, т. е. такой, который заключаетъ въ себѣ массу людей, не только живущихъ на одномъ какомъ-либо мѣстѣ, но и имѣющихъ свои собственные, общіе: языкъ, нравы, а въ послѣдствіи и законы (его отличаемъ отъ

тѣхъ народовъ, которые распространившись въ другія страны какъ вѣтви отъ основнаго ствола, при постепенномъ ходѣ своего развитія заимствуютъ языкъ, нравы и учрежденія отъ какого-либо другаго народа, первобытнаго), имѣетъ и свою собственную миѳологію. Начало ея образованія совпадаетъ съ началомъ освобожденія народа отъ первобытной грубости нравовъ и состоянія. У него тогда уже зарождаются свои понятія о божествѣ, о происхожденіи міра, земли и о причинахъ замѣчаемыхъ имъ въ природѣ явленій. Но степени развитія первобытныхъ народовъ различны не только по странамъ и климатамъ, въ которыхъ живутъ они, но и по характеру занятій ихъ, и по времени прожитому ими, и по различнымъ судьбамъ жизни ихъ. Однакожъ, не смотря на это, есть у всѣхъ первобытныхъ народовъ нѣкоторыя религіозныя представленія — общія всѣмъ имъ, и во всѣ времена, но различающіяся у разныхъ народовъ только формами выраженія. Таковы: представленія о богахъ и мірозданіи. Въ исторической послѣдовательности прежде всего у первобытныхъ народовъ являются высшія, собственно-истинныя божества, потомъ слѣдуютъ нѣкоторыя существа меньшаго могущества и величія, изукрашенныя божественными качествами, но въ такой степени, что они стоятъ гораздо ниже первыхъ. Вотъ происхожденіе низшихъ божествъ. Наконецъ къ сонму боговъ присоединяются и нѣкоторые, выходящіе изъ общаго уровня люди, которыхъ народное вѣрованье надѣляетъ необыкновенными силами,

способностями и какимъ-то высокимъ призваніемъ и почитаетъ за полу-боговъ или героевъ.

Что касается до формы, то — народы, еще не совсѣмъ вышедшіе изъ грубаго состоянія, изображали и боговъ своихъ въ грубой формѣ. Народы же просвѣщенные представляли ихъ существами возвышеннѣйшими, въ видѣ благороднѣйшемъ.

Изъ всѣхъ миѳологій совершеннѣйшая — Греческая. Къ ней примыкаетъ Римская, такъ какъ Римляне въ главнѣйшемъ приняли образованіе свое отъ Грековъ. Египетская миѳологія — самая темная для нашего пониманія по причинѣ своей глубокой древности.

Греческая и Римская миѳологіи, которыми предстоитъ намъ заняться, заключаютъ въ себѣ (уже во Введеніи обозначенныя вообще): 1) божества высшія; 2) божества низшія, и 3) героевъ или полубоговъ, къ исторіи которыхъ привязаны различныя миѳическія повѣствованія.

Греки часть своего образованія позаимствовали отъ образованнѣйшаго въ древности народа — Египтянъ. Это совершилось посредствомъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ сказаній, занесенныхъ къ Грекамъ Египетскими переселенцами: Кадмомъ, Кекропсомъ и другими. Когда я вамъ, читатели, сообщу изъ греческой и римской миѳологіи то, что въ ней представляетъ наиболѣе значенія, то для большей полноты знанія вамъ слѣдуетъ тогда узнать и главнѣйшее изъ миѳологіи Египтянъ, этого знаменательнаго и въ своемъ замкнутомъ образованіи удивительнаго народа. Въ цѣлости этихъ для васъ назначаемыхъ повѣствованій вы увидите много по-

учительныхъ намековъ на аллегорическія изображенія разныхъ лицъ.

Прочитавши изложенное здѣсь, вы меня можетъ быть — и это очень естественно — спросите: Откуда почерпнуты свѣдѣнія о древней миѳологіи и къ чему онѣ могутъ служить намъ? Вотъ вамъ отвѣтъ. Уже и въ тѣ времена, когда, какъ вы далѣе увидите, миѳологія была вѣрованьемъ народнымъ, были люди, какъ напр. мудрецы, философы, историки, поэты, которые собирали и записывали господствовавшія въ народныхъ понятіяхъ представленія и наиболѣе распространенныя сказанія. Сочиненія ихъ дошли и къ намъ. Изъ нихъ-то вѣроятно и заимствованы миѳологическія свѣдѣнія. Они обогатились еще и тѣмъ, что̀ раскрыто въ изображеніяхъ памятниковъ образовательнаго искусства: статуяхъ, драгоцѣнныхъ архитектурныхъ остаткахъ и монетахъ, которыми старались увѣковѣчить различныя обстоятельства тогдашнихъ народныхъ вѣрованій. Вотъ источники нашихъ познаній о миѳологіи древнихъ. Теперь нѣсколько словъ о полезности этихъ познаній. Они тѣмъ важны и для каждаго образованнаго человѣка необходимы, что изъ нихъ учишься узнавать вообще исторію образованности рода человѣческаго и по возможности сближаешься съ духомъ народовъ протекшихъ временъ. Если мы останемся безъ близкаго знакомства съ миѳологіей, то дошедшія до насъ и достойныя высокой цѣны произведенія писателей греческихъ будутъ намъ не совсѣмъ понятны, а въ скульптурныхъ произведеніяхъ ихъ художниковъ и въ изображеніяхъ и надписяхъ, сохранив-

шихся въ остаткахъ древнихъ зданій, отъ насъ ускользнетъ часть ихъ красотъ и художественнаго достоинства ихъ, какъ памятниковъ тѣхъ временъ, въ которыя они возникли. Слѣдовательно, тутъ явная потеря нашимъ художникамъ, которымъ эти произведенія, при должномъ пониманіи ихъ, могли бы быть полезны какъ образцы достойные подражанія. Безъ знанія миѳологіи древнихъ народовъ трудно узнать основательно и самую исторію постепеннаго образованія ихъ. Наконецъ, какъ бы были понятны и тѣ чудныя аллегоріи, т. е. въ вещественныхъ образахъ выраженныя умственныя представленія, которыми наши поэты и художники такъ успѣшно пользуются въ своихъ произведеніяхъ?

Чтобы постигнуть, какимъ образомъ народныя религіозныя вѣрованія были существенной частью народной жизни, нужно знать способъ и существо древняго богопочитанія или такъ называемое древнее священнослуженіе (Culte). Въ древности оно состояло главнѣйшимъ образомъ въ жертвахъ, которыя, какъ уже выше было замѣчено, приносились на жертвенникахъ. Намъ едва вѣрится, что въ тѣ времена (а впрочемъ и теперь существуетъ подобное у грубыхъ народовъ Африки и Азіи) приносили въ жертву не только животныхъ или произведенія царства растительнаго, но даже и людей. И во многихъ мѣстахъ Греціи, какъ узнаёмъ изъ греческихъ сказаній, напримѣръ изъ всѣмъ извѣстнаго сказанія объ Ифигеніи, были также человѣческія жертвоприношенія. По мѣрѣ того однакожъ, какъ Греки подвигались впередъ въ своемъ обра-

зованіи, и у нихъ постепенно терялъ силу и наконецъ совсѣмъ прекратился этотъ жестокій обычай. Наконецъ просіяло христіанство. Оно вовсе отмѣнило жертвы.

Теперь спрашивается: *какъ* произошли жертвы? Отвѣтъ простой: онѣ выражали собой часть того, чѣмъ, — какъ казалось тогдашнему человѣку — онъ обязанъ былъ участію своихъ боговъ и въ чемъ слѣдовательно онъ состоялъ имъ должникомъ. Такимъ образомъ жертвы нераздѣльно связаны съ естественнымъ служеніемъ этимъ богамъ, ибо сами боги были составлены на чисточеловѣческихъ воззрѣніяхъ. Человѣку естественно ожидать себѣ вознагражденія отъ того, кому онъ содѣйствовалъ, или же, съ другой стороны, по понятному чувству благодарности, естественно дѣлиться тѣмъ, что имѣешь, съ человѣкомъ, который оказалъ намъ дружбу или готовность къ услугамъ. Такъ и тогда: человѣкъ считалъ себя обязаннымъ удѣлять божеству приличную часть того, пріобрѣтеніе чего онъ относилъ или къ непосредственной помощи божества или же къ его содѣйствію или благоволенію. Земледѣлецъ приносилъ отъ жатвы, пастухъ — отъ первенцевъ стада. И тотъ, и другой благодарили этимъ божество за содѣйствіе жатвѣ, за преуспѣяніе стада. Купецъ отъ прибыли, а воинъ отъ добычи, также приносили частицу подобающему божеству. И такъ — жертвы были дары, которыми люди расплачивались съ богами. Не исполнявшій этого страшился подпасть подъ гнѣвъ боговъ и потерять ихъ благоволеніе. Вотъ какими торговыми сдѣлками представляются жертвы близкаго къ при-

родѣ человѣка, который въ своихъ дѣйствіяхъ естественно могъ руководствоваться только тѣми понятіями о предметахъ, которыя имѣлись у него. Если теперь, при свѣтѣ христіанства, разсѣялась законность жертвоприношеній и ужъ мы смотримъ на нихъ какъ на нѣчто такое, съ чѣмъ давно разорвана внутренняя связь человѣка, то все-таки изъ нихъ ярко высказывается естественное врожденное чувство въ человѣкѣ — искать божественнаго вездѣ въ природѣ и даже во всѣхъ явленіяхъ ея. Дѣйствительно, повинуясь этому чувству, человѣкъ и искалъ его тогда и въ сіяньи солнца, и въ дождѣ, громѣ и молніи, растительной силѣ, теченіи рѣкъ, и въ волнующемся морѣ, и въ прохладномъ источникѣ и тѣнистомъ деревѣ и т. п. Чѣмъ болѣе развивалась въ немъ воспріимчивость ко внѣшнему и чѣмъ глубже вникалъ онъ въ себя, тѣмъ яснѣе выставлялась ему божественность и его собственныхъ духовныхъ силъ. Эти силы онъ олицетворялъ въ своемъ понятіи особымъ божествомъ. И потому, если случалось прибѣгать къ послѣднему за содѣйствіемъ, то, сообразно съ просимымъ, прибѣгающій — былъ ли то поэтъ, художникъ или даже состязающійся — приносилъ божеству въ видѣ дара соотвѣтствующую плату, которую и предъявлялъ въ посвященныхъ для этого мѣстахъ.

Въ такомъ изъ природы возникшемъ происхожденіи божественныхъ вѣрованій лежитъ корень той чрезвычайной религіозности, которою отличается древность. Греческій философъ Пиѳагоръ училъ, что человѣкъ становится лучше и лучше, когда при-

лежно посѣщаетъ жилища боговъ, т. е. храмы и мѣста жертвоприношеній, и является къ общественнымъ богослуженіямъ, и Греки, желая, чтобы на каждомъ мѣстѣ помнилъ человѣкъ, что онъ повсюду странствуетъ на глазахъ у боговъ, воздвигали имъ повсюду храмы, статуи, жертвенники, святилища. Усерднымъ поклонникомъ считался тотъ, кто ревностно исполнялъ обязанности свои предъ богами; въ неисполнителѣ ихъ видѣли безбожника. Если случалось ему, хотя неумышленно и безъ вѣдома, погрѣшить противъ почтенія къ богамъ, онъ долженъ былъ очищеніемъ и жертвоприношеніемъ умилостивить прогнѣванное божество. Вѣря, что боги повсюду и во всякое время, и что поэтому всегда и вездѣ человѣкъ долженъ быть предъ ними набоженъ и чистъ въ словахъ и дѣйствіяхъ, старались страшиться дурнаго и нечистаго дѣла и усиливать благоговѣніе особенно вблизи храмовъ и святилищъ, при жертвоприношеніяхъ и празднествахъ. Каждый долженъ былъ являться предъ богами въ одеждѣ свѣтлой и въ помыслахъ чистыхъ: боги отвращались отъ нечистоты. Не съ скорбнымъ духомъ и не въ плачевныхъ одеждахъ должно было показываться къ богамъ, но съ весельемъ въ сердцѣ и въ праздничномъ видѣ. Въ дни празднествъ работы прекращались. Такъ какъ богамъ пріятны были только веселость, порядокъ и правильность, поэтому при праздничныхъ шествіяхъ все, даже одежда, поступь и всѣ движенія, должны были сіять мѣрною торжественностью. Не забывались при этомъ случаѣ и Музы, т. е. пѣніе и музыка. Начало празднества возвѣщалось всенародно. У Рим-

лянъ, напримѣръ, оно открывалось слѣдующимъ воззваніемъ: „Насталъ день празднества! да не отягощаетъ слуха ссора и брань; да удалится отъ насъ вражда и злоба; да прерветъ свое жестокое дѣло злобствующій языкъ! Но благовоннымъ ароматомъ, да вознесется жертвенное пламя! Облечемся же въ чистыя, ясному празднику пристойныя, одежды и направимъ путь нашъ ко святилищамъ!“ Каждому божеству жертвовалось только то, что или входило въ кругъ дѣятельности его и считалось его даромъ, или же имѣло глубокое и таинственное отношеніе къ самому существу его. Изъ животныхъ иногда жертвовались и такія, которыя портятъ божественные дары, какъ напримѣръ: Діонису (Бахусу) приносили въ жертву козла на томъ основаніи, что онъ портитъ виноградныя лозы. Жертва не должна была имѣть никакого природнаго недостатка. Жертву торжественно убирали и освящали жертвенной повязкой. Вотъ отчего на скульптурныхъ произведеніяхъ видимъ жертвеннаго тельца изукрашеннаго вѣнками или къ умилостивительной жертвѣ назначенную свинью— съ жертвенной повязкой вокругъ тѣла. Убійца человѣка или даже тотъ, кто только взглядывалъ на убитаго или прикасался къ нему, становился нечистъ: онъ и не смѣлъ уже явиться на священныя мѣста боговъ, прежде чѣмъ вновь примирится съ ними. Очищеніе его производилось посредствомъ омовенія или окропленія себя морской или ключевой водой и непремѣнно заключалось соотвѣтствующимъ жертвоприношеніемъ. Жертвоприношенія, какъ дѣла священныя, долженъ былъ исполнять

жрецъ. Должность жреческую по стариннымъ кореннымъ опредѣленіямъ могли занимать не только мужчины, но и женщины. Такъ, у древнихъ Римлянъ жрицами богини Весты были дѣвицы, называвшіяся Весталками. Обязанность ихъ была — блюсти священный жертвенный огонь и не давать ему угаснуть. У Грековъ, у Аполлона Дельфійскаго, оракульство тоже было въ рукахъ женщины, которая и возвѣщала людямъ глаголы боговъ. И у другихъ боговъ, особенно богинь, бывали жрицы. Къ праздничнымъ шествіямъ въ священныя мѣста, въ храмы и къ жертвенникамъ принадлежали жрецы и правительственныя лица, кромѣ остальныхъ участниковъ. — Жертвоприношеніе животнаго начиналось съ того, что у него отрѣзывали на лбу нѣсколько волосъ и, какъ первѣйшій даръ божеству, бросали ихъ на жертвенный огонь. Потомъ протягивали ему между роговъ смѣшанный съ солью жертвенный хлѣбъ и произносили при этомъ, смотря потому, — былъ ли то телецъ, ягненокъ и т. п., слѣдующія слова: „благоугоденъ да будетъ сей телецъ, ягненокъ и т. п.“ Вслѣдъ за тѣмъ животное убивали и, проливая кровь его вокругъ жертвенника, сожигали на послѣднемъ благороднѣйшія внутренности животнаго, перемѣшанныя съ мукой, виномъ и благовонными смолами. При жертвоприношеніи въ честь божествамъ рѣчнымъ и морскимъ жертвенную часть погружали на самую глубину сосуда. При жертвоприношеніяхъ богамъ подземнымъ животное должно было быть чернаго цвѣта и стоять въ вырытой въ землѣ ямѣ. Остатки жертвеннаго животнаго съѣдались на торжественномъ

пирѣ. Благопріятной жертвой считалась та, при которой замѣчались счастливыя предзнаменованія.

У Римлянъ молящійся обращался лицемъ къ востоку, а если въ храмѣ, то — къ изображенію и жертвеннику божества, прикасался къ окраинамъ жертвенника и со всѣмъ вниманіемъ произносилъ молитву. Обращаясь къ небеснымъ богамъ, руки воздѣвали къ небу; обращаясь же къ богамъ подземнымъ, и руки направляли къ землѣ. Произнося обѣтъ, складывали руки на груди. Римляне цѣловали у изображенія божества уста, руку и колѣно.

Между большими религіозными празднествами слѣдуетъ упомянуть объ играхъ Олимпійскихъ, Пиѳійскихъ и Немейскихъ или Истмійскихъ (Коринѳскихъ). Весь народъ принималъ участіе въ этихъ празднествахъ. Если бывали между отдѣльными греческими государствами войны, то онѣ на это время прекращались. Олимпійскія игры праздновались черезъ каждыя 5-ть лѣтъ въ честь Зевса Олимпійскаго. Онѣ сопровождались всякаго рода состязаніями: въ метаньи въ кольцо, бѣганьи, кулачномъ бою, ристаньи а коняхъ или въ колесницахъ и проч., а иногда и въ чтеніи литературныхъ произведеній. Геродотъ, напримѣръ, на играхъ читалъ свою Исторію. Участники въ играхъ жадно устремлялись къ нимъ заблаговременно, чтобъ выиграть побѣдный призъ, состоявшій въ оливковомъ вѣнкѣ. Обширныя, ровныя поля, на которыхъ праздновались эти игры, лежали въ области Элидѣ, въ Пелопонезѣ. Пиѳійскія игры, въ честь Аполлона, были недалеко отъ Дельфъ. Онѣ тоже праздновались черезъ 5-ть лѣтъ.

На нихъ были еще гимнастическія и музыкальныя состязанія. Наградой былъ — лавровый вѣнокъ, а на Немейскихъ играхъ, которыя были въ честь Зевса, вѣнокъ изъ петрушки.

Истмійскія игры праздновались черезъ каждые 3 года на Коринѳскомъ перешейкѣ въ честь Посейдона (Нептуна). Побѣдителя на состязаніяхъ украшали сосновымъ вѣнкомъ. Величайшій греческій поэтъ Пиндаръ прославлялъ побѣдителей на этихъ играхъ своими пѣснями, дошедшими до насъ.

Взглядъ на два изчезнувшіе со всемірной сцены народа, нѣкогда образованнѣйшіе и могущественнѣйшіе, раскрываетъ намъ такія обстоятельства народной жизни, которыхъ теперь не встрѣтить нигдѣ, да которыхъ съ тѣхъ поръ и не встрѣчалось болѣе.

Предъ вами, читатели и читательницы мои, открывается здѣсь новое поле знанія. Вступая теперь на него, какъ бы на самую почву славнаго древняго міра, не забудемъ уваженія, должнаго почтенной древности и ея вѣрованіямъ. Будемъ ревностно изучать исторію и этихъ народовъ и ихъ искусства и образованности, а вникая въ заблужденья ихъ, воспользуемся всѣмъ, что представится поучительнаго въ великихъ судьбахъ древняго язычества.

Приступая къ изученію древняго міра съ желаніемъ узнать, какъ дѣйствовали въ немъ боги и герои, познакомимся предварительно съ тѣмъ, что думали тогда о происхожденіи міра и особен-

но нашей планеты и о ея физическомъ состояніи. Объ этихъ предметахъ существовали вначалѣ такія представленія и понятія, которыя могли возникнуть и держаться только въ то время, когда фантазія господствовала надъ всѣми остальными душевными силами. Преобладаніе фантазіи надъ разсужденьемъ было до того очевидно, что если ей и случалось, руководя понятіями человѣка, попасть въ такой мракъ и хаосъ, въ которыхъ она и сама терялась, то она этотъ мракъ и хаосъ принималась облекать въ соотвѣтственные имъ образы и изъ нихъ, какъ изъ первыхъ, основныхъ элементовъ, строить свои миѳы.

Для насъ міръ есть неизмѣримое все, въ которомъ заключается все созданное, произшедшее; есть — изъ безчисленныхъ частей состоящее безграничное цѣлое. На землю мы смотримъ какъ на точку въ этомъ безконечномъ *всемъ*, какъ на малѣйшую, единственную частицу безсчетныхъ міровъ, всемогущей творческой силой вызванныхъ къ существованію. Не такъ думали древніе народы, а именно Греки и Римляне. Они глядѣли на землю какъ на средоточіе міра и вотъ какъ объясняли себѣ ея происхожденіе. Первое, что произошло (а откуда? этого они не доискивались), было *хаосъ*, т. е. безпорядочная масса какой-то первобытной или основной матеріи, изъ которой за тѣмъ образовались всѣ происшедшія существа. Этотъ хаосъ представляли себѣ чѣмъ-то въ родѣ безобразной груды вещества, которое при посредствѣ *другой силы* (?) раздѣлено на части, одаренныя способностью производить разнообразнѣйшіе

предметы. Эта другая сила былъ — *Эросъ* (*Аморъ*, Любовь). Ея вліяніемъ родственные между собой матеріалы и вещества соединились вмѣстѣ и отдѣлились отъ другихъ, разнородныхъ съ ними. Такъ стали входить въ хаосъ **Порядокъ** и **Гармонія**. Отъ этого разобщенія однородныхъ элементовъ отъ разнородныхъ, возникли изъ хаоса впервые: *Эребъ* (первобытная тьма) и *Никсъ* (съ днемъ чередующаяся ночь). Эребъ и Никсъ соединились брачными узами, и плодомъ ихъ союза были: *Эфиръ* (свѣтлый воздухъ) и *Имера* (день). Далѣе: Эросъ и Хаосъ также соединились вмѣстѣ и отъ этого союза произошли **Тартаръ** (подземный міръ) и **Геа** (**Теллусъ** или **Терра**, земля), которая родила слѣдующихъ за ними: **Понта** (море), **Горы** и **Урана** (небо). Отъ союзовъ Геи съ чадами своими, Понтомъ и Ураномъ, родилось многочисленное потомство. Въ немъ упомянемъ на первый разъ **Титановъ**, **Гигантовъ** и **Циклоповъ**.

Не сомнѣваюсь, читатели, что вы видите всю образность этого представленія, которымъ выражается слѣдующее: въ началѣ все было въ видѣ безпорядочной смѣси до тѣхъ поръ, когда мощная сила, многознаменательный Эросъ—по нашему Любовь — разлучила въ хаосѣ день отъ ночи, небо отъ земли и моря, и послѣднія два населила живыми существами. По вѣрованію древнихъ — землю, произведеніе творческой силы Любви, заселяли первоначально существа гораздо высшія и могущественнѣйшія, чѣмъ наслѣдовавшій родъ человѣческій. Послѣдній поэтому долженъ былъ вѣрно понимать значеніе своихъ силъ и совершенствъ, относительно предшествовавшихъ существъ. По

тому же вѣрованью — видъ земли, составлявшій для древнихъ весь міръ, былъ иной, чѣмъ тотъ, который извѣстенъ намъ теперь. Этотъ видъ присуждали они землѣ, основываясь на привычкѣ держатьсятого, что представлялось ихъ чувствамъ. Съ башни или какого либо возвышеніяна равнинѣ видишь доступную глазу часть земли въ формѣ круглой плоскости, на самыхъ крайнихъ предѣлахъ которой, какъ кажется глазу, покоится небесный сводъ. Это явленіе, которое пусть другіе объяснятъ вамъ, мои молодые читатели, привело древнихъ къ вѣрованью, будто земля есть — равномѣрно-выпуклый щитообразный кругъ, утвержденный на прочномъ основаніи и окруженный первобытнымъ потокомъ — *Океаномъ*. Внѣшній край этого круга предполагали приподнятымъ для задержки Океана, а внутреннее пространство — вогнутымъ и занятымъ моремъ (*Понтомъ*). Сюда вливались изъ различныхъ мѣстностей вытекавшія рѣки. Надъ этимъ кругомъ наклонялся, по ихъ мнѣнію, на подобіе раскинутаго шатра, небесный сводъ, покоившійся на горахъ, какъ крайнихъ предѣлахъ земной окружности. Воздухъ, облака, а надъ ними чистый эфиръ, наполняли пространство между окружностью земли и сводомъ небеснымъ: на послѣднемъ пребывали солнце, луна и звѣзды. Каждое утро въ божественной колесницѣ, запряженной четырьмя благородными конями, съ востока являлось на небо свѣтило дневное и катилось черезъ весь сводъ небесный, освѣщая землю. Погрузившись на западѣ въ прохладныя волны Океана, оно въ теченіе ночи снова переѣзжало на суднѣ на

свое утреннее мѣсто, чтобъ съ слѣдующимъ днемъ снова отправиться въ обычный свой путь. — Высшіе или главнѣйшіе боги обитали въ воздушномъ пространствѣ между землей и небомъ, а резиденція ихъ была въ великолѣпныхъ палатахъ на вершинѣ горы Олимпа, въ Греціи. Оттого эти боги, числомъ двѣнадцать, называются также Олимпійскими богами. Вотъ они: *Зевсъ* (Юпитеръ), *Гера* (Юнона), *Посейдонъ* (Нептунъ), *Деметра* (Церера), *Аполлонъ* (Аполло), *Артемида* (Діана), *Гефестъ* (Вулканъ), *Паллада-Аѳина* (Минерва), *Аресъ* (Марсъ), *Афродита* (Венера), *Гермесъ* (Меркурій) и *Гестія* (Веста). Древніе вѣровали, что Олимпъ составлялъ возвышенное средоточіе земной площади и что отсюда безсмертные боги сходили по временамъ къ смертнымъ людямъ. По позднѣйшему мнѣнію боги перенесли свое жилище выше небеснаго свода и расположили свои палаты, въ томъ числѣ и Юпитеръ свою резиденцію, вокругъ обширнаго отверстія въ небѣ. Это отверстіе было сдѣлано для того, чтобы боги могли обозрѣвать земной міръ. По этому представленію слово Олимпъ часто принималось въ смыслѣ неба и означало преимущественно мѣстопребываніе боговъ. Противоположно небу, далеко вглубь подъ земной поверхностью, былъ міръ подземный, *Тартаръ*. На самомъ крайнемъ западѣ земной поверхности вытекала изъ Океана рѣка *Стиксъ* и отдѣляла Тартаръ отъ міра надземнаго. Низшія божества и герои жили не вмѣстѣ съ высшими; къ тому же мнѣнія о мѣстопребываніи героевъ въ различныя времена древности бывали различны. Низшія божества по при-

чинѣ назначеннаго имъ круга дѣятельности въ разныхъ мѣстностяхъ земной площади, не могли имѣть отдѣльнаго мѣстопребыванія. Такъ напримѣръ *Наяды*, т. е. нимфы источниковъ, жили въ источникахъ; *Ореады*, нимфы горъ, жили въ горахъ; *Дріады*, нимфы лѣсовъ, — въ лѣсахъ и т. д.

Чтобы достигнуть вѣрнаго пониманія миѳологіи Грековъ и Римлянъ, сообразно съ историческими данными, слѣдуетъ прежде чѣмъ перейти къ изложенію частей ея, сказать еще нѣсколько словъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ, имѣющемъ въ ней всеобщее значеніе. Обыкновенно допускаютъ болѣе или менѣе полное согласіе и даже единство миѳологій обоихъ народовъ, но это единство въ большей части матеріала только кажущееся; ибо часто принимаютъ за Римскую миѳологію то, что только разсказано въ римскихъ сочиненіяхъ. Далѣе будетъ показано, что такое мнѣніе ошибочно и что въ сущности миѳологіи обоихъ народовъ очень уклоняются другъ отъ друга. Да это и весьма понятно, если напомнимъ себѣ, что ни одно обстоятельство не связано такъ тѣсно и неразлучно съ образованіемъ народнымъ, какъ его религіозныя вѣрованья. Еслижъ обратимся къ первымъ временамъ существованія Грековъ и Римлянъ, то увидимъ, что хотя оба эти народа и принадлежатъ къ одному первобытному корню, но въ теченіе цѣлыхъ столѣтій шли каждый отдѣльно, безъ всякихъ соприкосновеній, и развивались во многихъ отношеніяхъ различно. Отсюда и неудивительно, что миѳологіи обоихъ народовъ, т. е. ихъ сказанія о богахъ и герояхъ, также какъ и ихъ бо-

гопочитанія, представляются въ первоначальное время существованія обоихъ народовъ — во многихъ пунктахъ одинакими, тогда какъ въ позднѣе-развившихся сказаніяхъ являются различными. Богопочтеніе у Римлянъ было въ соотвѣтствіи съ ихъ образомъ жизни въ началѣ. Какъ самъ народъ, состоявшій изъ пастуховъ и земледѣльцевъ, и оно было очень просто и не такъ многообразно, какъ у Грековъ, которые оттого такъ разносторонно развивались, что народъ греческій раздѣлился на многія самостоятельныя отрасли, изъ которыхъ въ каждой выработывалось отдѣльное собственное религіозное вѣрованье, бывшее въ соотвѣтствіи съ характеромъ той мѣстности и условнымъ образомъ жизни. Такъ напримѣръ жители отдѣленной отъ моря гористой Аркадіи, занимавшіеся преимущественно скотоводствомъ, естественно поклонялись не тѣмъ богамъ, покровителямъ ихъ существованія, которымъ поклонялись обитатели береговъ и острововъ и которыхъ жизненный элементъ былъ — море, а главнѣйшія занятія — рыболовство и мореходство. У Римлянъ напротивъ: какъ однообразна и однородна была страна, въ которой они жили, на столько же и религіозныя вѣрованья ихъ были однороднѣе и однообразнѣе чѣмъ греческія. Въ Греціи многія сказанія принадлежали первоначально одному какому-либо народному племени и только благодаря поэтамъ сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Были и еще сказанія, которыя, какъ собственное произведеніе поэтовъ и писателей, и вовсе не входили въ составъ вѣрованій народныхъ. Ни тѣхъ, ни другихъ въ Римской

миѳологіи *первыхъ временъ* не встрѣчаемъ. Не встрѣчаемъ, напримѣръ, сказаній: о битвѣ Урана съ своими сыновьями; о томъ, какъ Хроносъ проглотилъ своихъ собственныхъ дѣтей; или о томъ, какъ его же заключилъ въ Тартаръ собственный сынъ его Зевсъ. Другія же сказанія — о битвахъ, пораженіяхъ или услугахъ боговъ людямъ — происхожденія исключительно греческаго. Сюда можно отнести: сказаніе о томъ, какъ Плутонъ увелъ въ подземный міръ, къ себѣ, ***Персефону*** (Прозерпину) или о томъ, какъ страдалъ Діониссъ и мн. др. Случалось, что въ обоихъ культахъ, Греческомъ и Римскомъ, не смотря на ихъ разницу, выражались одинакія явленія. Такъ было съ отмѣной празднествъ въ честь Вакха и при др. случаяхъ. Правда, что эти празднества въ Италіи опять вошли въ употребленіе вмѣстѣ съ развившейся тамъ непомѣрной роскошью позднѣйшихъ временъ, но безграничная сумятица и непристойность, сопровождавшія ночныя вакханаліи, были до того нравственно оскорбительны, что ихъ снова строго запретили, да и самыхъ участниковъ въ нихъ, какъ людей необузданныхъ, подвергли народному презрѣнію. Далѣе: къ несогласію миѳологій Грековъ и Римлянъ относится и то, что одно и тоже божество не всегда представляется у обоихъ народовъ съ одинакимъ значеніемъ. ***Меркурій*** у Римлянъ никогда не былъ въ такомъ почтеніи, какимъ пользовался онъ у Грековъ, считавшихъ его за одного изъ важнѣйшихъ своихъ божествъ. Также и ***Сатурнъ*** Римлянъ никакъ не выражаетъ вполнѣ ***Кроноса*** Гре-

ковъ, хотя по разсказамъ Римскихъ поэтовъ (Овидія и другихъ) и слѣдовало бы этому вѣрить.

Именно эти-то разсказы Римскихъ писателей и приготовили упомянутое ошибочное воззрѣніе на миѳологіи обоихъ народовъ и мнѣніе о ихъ единствѣ. Притомъ Римскіе поэты и писатели, сообщающіе намъ миѳологическіе матеріалы, сами принадлежатъ къ тому времени, когда въ Римѣ принято уже греческое образованіе, съ которымъ неразлучна и греческая миѳологія. Вслѣдствіе этого поэты и писатели представляютъ намъ не Римскую миѳологію, а свѣдѣнія о Греческой, извлекая эти свѣдѣнія изъ предшествовавшихъ имъ писателей Греческихъ. Внимательно читая ихъ, видишь, что они и ограничиваются только разсказами о чуждомъ имъ, Греческомъ. Въ культѣ же Римлянъ видны только одиночно принятые элементы Греческаго богопочтенія. Тамъ и сямъ у Римлянъ примѣшивались правда греческія сказанія о богахъ и герояхъ къ ихъ собственнымъ отечественнымъ божествамъ, когда у послѣднихъ находилось какое-либо сходство съ первыми. Чтобы совершенно слиться религіознымъ сказаніямъ того и другаго народа, до этого не доходило не только у народа Римскаго, но даже и у писателей его. Греческія сказанія и оставались въ сознаніи Римскихъ поэтовъ греческими же, только имена боговъ и героевъ они или переводили по своему или выражали въ иной формѣ, болѣе соотвѣтствовавшей ихъ собственному языку.

Такъ какъ въ средніе вѣка Римская литература прежде Греческой распространилась въ обществѣ,

то римскія названія божествъ миѳологическихъ и получили у насъ большую популярность. Этотъ обычай укрѣпился еще болѣе тѣмъ, что и наши поэты, вплетая миѳологичное въ свои сочиненія, что̀ особенно часто случалось въ прошедшемъ столѣтіи, большей частью употребляли имена, съ которыми сами познакомились изъ римскихъ источниковъ. Изъ предстоящаго изложенія ясно покажется, что Греческихъ и Римскихъ боговъ никакимъ образомъ не должно принимать однихъ за другихъ. Чтобы не ускользало основательное пониманіе ихъ, слѣдуетъ внимательно глядѣть и на греческія ихъ названія, которыя поэтому мы повсюду приводимъ не только наряду съ римскими, но даже впереди ихъ, какъ служащія для послѣднихъ коренным основаніемъ.

Эти замѣтки о существѣ и различныхъ обстоятельствахъ религіознаго вѣрованія и боговъ Греческихъ и Римскихъ вы можете принять за порогъ той языческой храмины двухъ великихъ народовъ, въ которую мы теперь вступаемъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы пройдемъ вмѣстѣ самую миѳологію, а затѣмъ — изучимъ рядомъ божества Греческія и Римскія.

Въ нашемъ изложеніи миѳологіи мы слѣдуемъ той установленной писателями системѣ, которая, какъ мы уже прежде напоминали, во многихъ случаяхъ позволяетъ выходить за предѣлы содержанія собственно народныхъ религіозныхъ вѣрованій. Такой обычай при изложеніи миѳологіи легко объясняется желаніемъ передать и уяснить понятія древнихъ народовъ о происхожденіи и постепен-

номъ развитіи установившагося міроваго порядка. Что этотъ міровой порядокъ искони вѣковъ одинъ и тотъ же, это способенъ сознавать только истинный христіанинъ, вѣрующій въ источникъ жизни — въ Единаго Предвѣчнаго Творца. Кому же понятіе о Всемогущемъ и Премудромъ Создателѣ міра было чуждо, тотъ разумѣется долженъ былъ думать, что совершенный порядокъ въ мірѣ устанавливался постепенно и выяснялся изъ долгой борьбы враждебныхъ началъ и силъ. Мы ужъ сообщили взглядъ Грековъ на происхожденіе видимаго міра изъ хаоса. О постепенномъ совершенствованіи міроваго порядка думали Греки, что оно исполнялось только въ продолженіе трехъ поколѣній боговъ, смѣнявшихъ другъ друга на престолѣ всемірнаго обладанія. Въ главѣ перваго поколѣнія стоялъ владыкою *Уранъ*; за нимъ, какъ владыка слѣдующаго, — сынъ его *Кроносъ*, а за этимъ уже — глава юнѣйшей и совершеннѣйшей династіи боговъ — *Зевсъ* (Юпитеръ). Что повѣствовалось объ этихъ смѣнахъ всемірныхъ владыкъ, пусть явится это на первомъ планѣ и въ нашемъ изложеніи. Чтобъ яснѣе и отчетливѣй оно вышло, начнемъ съ

1) ВЫСШИХЪ БОЖЕСТВЪ.

УРАНЪ (у Римлянъ *Coelus*, *Небо*).

Уранъ былъ олицетвореніемъ неба и выражалъ собою тѣ понятія, которыя древніе составили себѣ о небѣ, основываясь на объясненіяхъ видимаго сво-

да небеснаго. Съ Урана начинается старѣйшій родъ боговъ: такъ утверждаютъ древнѣйшіе писатели. Уже сказано, что Геа (земля) была матерью Урана и что потомъ отъ ея же супружества съ Ураномъ родились *Титаны*, имя которыхъ не совсѣмъ еще уяснено, *Гекатонхейры* и *Циклопы*.

Титановъ по отцу называли также *Уранидами*. Ихъ было шесть: *Койосъ*, *Кріосъ*, *Гиперіонъ*, *Япетосъ*, *Океаносъ*, *Кроносъ*. Шесть же было у нихъ и сестеръ: *Ѳейя*, *Реа*, *Ѳемида*, *Мнемозина*, *Феба*, *Теѳида*, на которыхъ братья и женились. Эти божества изображали своими супружествами — первобытныя силы природы, *совокупно* дѣйствующія съ незапамятныхъ временъ.

Гекатонхейровъ, которыхъ Римляне называли *Центиманами* (т. е. сторукими: буквальный переводъ греческаго названія), было трое: *Котосъ*, *Гигесъ* или *Гіесъ* и *Бріарей*. Въ нихъ заключалось выраженіе страшныхъ дѣйствій разъяренной, громящей морской силы.

Циклопы: *Бронтесъ* (громъ), *Стеропесъ* (молнія) и *Аргесъ* (сверканіе) были олицетвореніемъ грозныхъ тучъ и принадлежностей грозы — пламенныхъ молній и грохочущихъ громовъ. Циклоповъ изображали съ однимъ только, за то сверкающимъ, окомъ посреди лба. Древніе видѣли въ явленьяхъ вулканическихъ изверженій сходство съ явленьями грозы *). Поэтому не странно, что они назна-

---

*) Древніе, воображая себѣ землю плоско-выпуклымъ щитомъ, конечно не могли придумать того *весьма вѣроятнаго* предположенія (гипотезы), на основаніи котораго въ настоящее время такъ удовлетвори-

чали въ жилище Циклопамъ нѣдра огнедышущей горы, именно Этны, въ Сициліи, и полагали, что они тамъ въ качествѣ кузнечныхъ подмастерьевъ помогаютъ Гефесту (Вулкану) ковать молніи и другіе предметы.

Такъ какъ всѣ эти сверхъ-естественныя существа были выраженіемъ страхъ внушающихъ силъ природы, то ихъ представляли себѣ въ видѣ необычайныхъ великановъ. Въ поэтическомъ миѳѣ сказывается, что самъ Уранъ боялся опасности отъ ихъ могущества своему правленію и изъ предусмотрительности сбросилъ ихъ въ Тартаръ, гдѣ и держалъ ихъ въ плѣну. Супруга его приняла къ сердцу горькую судьбу дѣтей своихъ и на всякій

тельно объясняются явленія землетрясеній, изверженій и т. п. Предположеніе это состоитъ въ томъ, что внутренность земли и теперь (какъ во время óно была *вся* земля) находится въ расплавленномъ состояніи, а твердая поверхность земли, на которой живетъ человѣчество, есть только застывшая кора земнаго ядра; кора толщиной отъ 20 до 50 миль, слѣдовательно удобно трескающаяся, когда ужъ не въ состояніи бываетъ противиться напору паровъ, накопившихся подъ нею. Извѣстно, что вода въ видѣ пара требуетъ мѣста около 1800 разъ больше чѣмъ сколько занимала она, бывши жидкою. Само собою понятно, что вода пробирается внутрь земли черезъ трещины въ корѣ земной или посредствомъ горныхъ породъ (известняковъ и т. п.), легко пропускающихъ ее. Итакъ, накопленіе паровъ подъ корой земной есть главный источникъ землетрясеній и изверженій. Стѣсненные, пары рвутся наружу и вылетаютъ въ отверстіе огнедышущей горы (если не приходится пробивать новаго отверстія), увлекая и подбрасывая въ воздухъ расплавленныя и нерасплавленныя вещества. Паровъ иногда такъ много накопляется подъ корой земной, что они высокимъ столбомъ (отъ 150 до 1000 саженъ) выбрасываются изъ отверстія горы. При этомъ часто *освобождается столько электричества*, что молніи бороздятъ столбъ пара по всѣмъ направленіямъ; за ними разумѣется слѣдуютъ неумолкающіе раскаты грома, а иногда и проливной дождь.

Прим. перевод.

случай снабдила Кроноса могущественнымъ, собственнаго издѣлія, стальнымъ серпомъ. Кроносъ улучилъ удобную минуту и поразилъ имъ Урана. Освобожденные такимъ образомъ Титаны женились послѣ паденія Урана на сестрахъ своихъ и были родоначальниками многочисленнаго потомства боговъ. Этому множеству содѣйствовало еще и то, что изъ капель крови Урана, падавшихъ изъ раны его на землю, возникли: 1) *Гиганты*, исполины съ драконовыми ногами; 2) ***Нимфы Мелисскія***, т. е. нимфы ясени (изъ этого дерева дѣлали обыкновенно военныя копья), и наконецъ 3) *Эриніи* (у римлянъ ***Фуріи***), духи злобы, исчадія пролитой отцовской крови. Ихъ три: ***Тизифона***, ***Мегера*** и ***Алекто***. Въ этихъ чудовищахъ, опоясанныхъ змѣями и съ змѣями же вмѣсто волосъ на головѣ, олицетворены вся ярость мученій, вся безотрадность терзаній человѣка, который — преступникъ.

Всѣ эти божественныя существа принадлежали первоначально только къ греческой миѳологіи, да и у Грековъ воздавались религіозныя поклоненія только Эриніямъ (въ Аѳинахъ). Римляне узнали ихъ позже, но и узнавши, приняли ихъ только какъ поэтическія мечтанія, не включая ихъ въ свои религіозныя вѣрованія. Впрочемъ, какъ неизбѣжно человѣку сознаніе распространеннаго въ мірѣ зла, видно изъ того, что и до знакомства съ греческими Эриніями Римляне имѣли свои олицетворенія духовъ злобы. То были *Ларвы*, не оставлявшіе и мертвыхъ въ покоѣ, если послѣдніе не успѣли очиститься покаяніемъ. Вѣрованьями въ такія безчеловѣчныя существа Греки и Римляне даютъ понять, какъ

трепетали они заслуженнаго гнѣва божественныхъ обитателей небесныхъ.

Въ цѣломъ семействѣ Уранидовъ олицетворены представленія всѣхъ силъ природы, созидающихъ, сохраняющихъ, разрушающихъ. Уранъ же — источникъ самаго плодородія земли, ибо онъ-то нисносылаетъ теплый дождь, пробуждающій къ дѣятельности силы, заключенныя въ нѣдрахъ почвы.

КРОНОСЪ.

(См. табл. I)

Кроносъ—(названіе Греческое, значитъ: *Споспѣшникъ*, *Совершитель*) былъ сыномъ Урана. Долго смотрѣли на это божество, какъ на равнозначущее съ римскимъ Сатурномъ. Впослѣдствіи точнѣйшія изслѣдованія показали, что нельзя на столько сближать ихъ, и потому Сатурну посвящалось особое изображеніе.

Послѣ низложенія Урана, Кроносъ принялъ господство надъ міромъ и женился на *Реѣ*, дочери Геи. Реа произвела ему: *Гадеса* (Плутона), *Посейдона* (Нептуна), *Зевса* (Юпитера) и дочерей: *Гестію* (Весту), *Деметру* (Цереру), и *Геру* (Юнону). По предсказанію его родителей, ему предстояло подобное же низверженіе, какъ и отцу его. Чтобъ избѣгнуть этой участи онъ пятерыхъ своихъ старшихъ дѣтей проглотилъ. Когда Реа родила меньшаго сына — Зевса, то для того, чтобы избавить его отъ участи его братьевъ, она схитрила передъ супругомъ своимъ. Вмѣсто ребенка она подала Кро-

I.

КРОНОСЪ.

РЕА.

носу камень, спеленатый какъ ребенокъ. Кроносъ проглотилъ его, увѣренный, что уничтожилъ и меньшаго своего сына. Между тѣмъ новорожденный по приказанію матери отнесенъ на островъ Критъ (нынѣшняя Кандія, на Средиземномъ морѣ, къ югу отъ Греціи), въ пещеру Идайскую, гдѣ Нимфы кормили дитя медомъ и молокомъ козы Амальтеа, а жрецы ихъ—Куреты и Корбанты—подымали такую шумную пляску, что Кроносу не слышны были крики ребенка.

На рисункѣ нашемъ изображена та минута, когда Реа подаетъ завернутый камень супругу своему, въ божественномъ покоѣ возсѣдающемъ на престолѣ. Покой выражается кромѣ сидячаго положенія еще откинутой одеждой и серпомъ, переложеннымъ въ лѣвую руку. Какъ споспѣшнику созрѣванія, Кроносу вручается орудіе жатвы. Этотъ же аттрибутъ (т. е. принадлежность изображенія) указываетъ и на его поступокъ съ отцемъ своимъ, Ураномъ.

По приказанію Геи Куреты приложили особенное попеченіе о юномъ возрастѣ Зевса и воспитали его. Онъ ужъ выросъ, когда Кроносъ, благодаря лекарству, принесенному матерью его и дочерью Океаноса—Метисой, возвратилъ проглоченныхъ своихъ пятерыхъ старшихъ дѣтей. Зевсъ соединился съ ними и, свергнувши отца съ престола, самъ возсѣлъ на немъ.

Титаны однакожъ не были довольны этой перемѣной владычества. Они взбунтовались противъ Юпитера и — вспыхнула десятилѣтняя кровопролитная война Уранидовъ съ Кронидами (сыновей

Урана съ сыновьями Кроноса), называемая также войной Титановъ. Съ помощью сторукихъ (Гекатонхейровъ) Зевсъ кончилъ ее тѣмъ, что сбросилъ Титановъ въ Тартаръ и назначилъ тамъ строжайшій надзоръ за ними. Много скорби и горечи испытала Гея отъ поношенія, нанесеннаго поколѣнію ея. Она возбудила противъ Зевса Гигантовъ, также своихъ дѣтей, которые принялись громоздить скалы на скалы и горы на горы, грозя достигнуть неба. Напрасно поражалъ ихъ Зевсъ молніями, напрасно призывалъ на помощь силу братьевъ и сестеръ своихъ, сожителей по Олимпу, все было безуспѣшно. Только при содѣйствіи Геракла (Геркулеса) были бунтовщики частью умерщвлены, частью ниспровергнуты въ бездну и завалены въ ней скалами и горами. Новымъ негодованіемъ и яростію воспылала оскорбленная Гея и выслала на Зевса съ Тартаромъ прижитое у ней страшное чудовище — ***Тифона***, силамъ котораго ничто не могло противиться, чье одно дуновенье подобно было грозной бурѣ и опустошительному урагану. Но и его Зевсъ одолѣлъ. Съ этихъ поръ власть громовержца навсегда была упрочена. Вникая въ этотъ миѳъ, раскрываешь такой въ немъ смыслъ. Въ Кроносѣ олицетворены силы природы, споспѣшествующія созрѣванію и ускоряющія его. Кроносъ уготовляетъ жатву, которая хотя со временемъ и потребится, но не уничтожится, ибо сила возсозданія, при помощи основныхъ дѣятельныхъ началъ въ природѣ, олицетворенныхъ древними въ образѣ Титановъ, развиваясь въ своей безъостановочной дѣятельности, опять обновитъ ее.

И то повторяется вѣчно и такъ неизмѣнно, что самые страшные перевороты на землѣ: землетрясенія, бури, наводненія и т. п. являются въ общей связи дѣятельностей силъ природы не препятствіемъ имъ, а скорѣе содѣйствіемъ къ осуществленію конечной цѣли.

Миѳъ о Кроносѣ въ подробности обнимаетъ собою второй рядъ олицетворенныхъ силъ природы, изъ постояннаго дѣйствія которыхъ возникаетъ наконецъ стройное цѣлое, міроуправленіе, въ образѣ Зевса.

Такимъ образомъ Греки чувственно, подъ видомъ борьбы различныхъ божествъ, изобразили себѣ дѣятельность различныхъ силъ природы, какъ онѣ, взаимно содѣйствуя или противоборствуя, устрояютъ верховный порядокъ міру. Замѣчательно, что между божествами, олицетворившими эти силы, старѣйшія и могущественнѣйшія являются наконецъ подчиненными другимъ, хотя юнѣйшимъ, но снабженнымъ высшими дарами духа.

Сказаніе о рожденіи Зевса и о попеченіи о его дѣтствѣ наиболѣе было разработано и распространено на Критѣ, просвѣщеніе котораго не было заимствовано у другихъ странъ. Тамъ же впервые возникло и поклоненіе Кроносу.

Какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Греціи, напр. въ Аѳинахъ, въ поклоненіи этому божеству выражался не столько страхъ, который могло бы внушить божество, проглотившее собственныхъ дѣтей, сколько любовь къ споспѣшнику благодатной жатвы, сулящему радость и благополучіе. Поэтому и празднества въ честь

его, въ Греціи (*Кроніи*), точно такъ же какъ и Италіянскія (*Сатурналіи*), соотвѣтствовавшія Кроніямъ, отличались неудержимой веселостью.

Сказаніе о битвахъ боговъ подъ предводительствомъ Зевса съ Титанами, Гигантами и Тифономъ, въ томъ видѣ, какъ мы привели его здѣсь, было развито писателями и хотя было довольно распространено въ народѣ, но не составляло существенной части религіи его.

САТУРНЪ.

Римскій миѳъ о *Сатурнѣ* (собственно: Сѣятелѣ, Богѣ посѣва) отличенъ отъ Греческаго миѳа о Хроносѣ. Супруга Сатурна называется *Опсой* (что значитъ: избытокъ благосостоянія, богатство). О Сатурнѣ повѣствуется, что онъ пришелъ въ ту часть Италіи, которая расположена по Тибру. Съ незапамятныхъ временъ тутъ царствовалъ *Янусъ*. Сатурнъ отправился къ Янусу и научилъ народъ его земледѣлію, садоводству и многимъ другимъ, до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ народу, искусствамъ. Показалъ, напримѣръ: какъ виноградъ садить, какъ плодовыя деревья облагороживать и т. п. Такими путями народъ выходилъ изъ грубаго состоянія и привыкалъ къ порядку, условленному мирными занятіями. Сатурнъ же заслужилъ этимъ у народа такое почтеніе, что Янусъ раздѣлилъ съ нимъ господство надъ своей страной, назвавши ее при этомъ *Сатурніей*, т. е. страной посѣвовъ, плодовъ. Время правленія Сатурна называется у писателей

счастливѣйшимъ, золотымъ вѣкомъ, ибо то было время невинности, свободы и радости для людей. Люди поэтому жили весело и беззаботно. О подобномъ же періодѣ, обозначившемъ время господства Хроноса, повѣствуютъ и Греческія сказанія. Это-то обстоятельство и способствовало главнымъ образомъ къ смѣшенію Сатурна съ Хроносомъ.

У Римлянъ было ежегодно въ декабрѣ празднество въ честь Сатурна. Праздникъ продолжался отъ 5 до 7-ми дней, при шумномъ весельи. Въ такіе дни уничтожалось различіе состояній, закрывались всякія совѣщанія и освобождались подсудимые отъ заслуженнаго наказанія. Рабы надѣвали одежды господъ своихъ и получали роскошное угощеніе и подарки. И дѣтей дарили въ Римѣ въ это время. Для подарковъ имъ выставлялось множество картинъ въ такъ называемой Улицѣ картинъ.

Сатурновъ храмъ въ Римѣ стоялъ при подошвѣ Капитолійскаго холма. Тутъ же была и статуя его, ноги которой постоянно были обвиты шерстяною повязкой. Только на время Сатурналій повязка снималась. Въ одной рукѣ статуя держала кривой садовничій ножъ въ знакъ того, что Сатурнъ преподалъ, какъ обрѣзывать виноградныя лозы и масличныя деревья. Въ этомъ же храмѣ хранились государственная казна и военные значки.

РЕА.

(См. таблицы I и II).

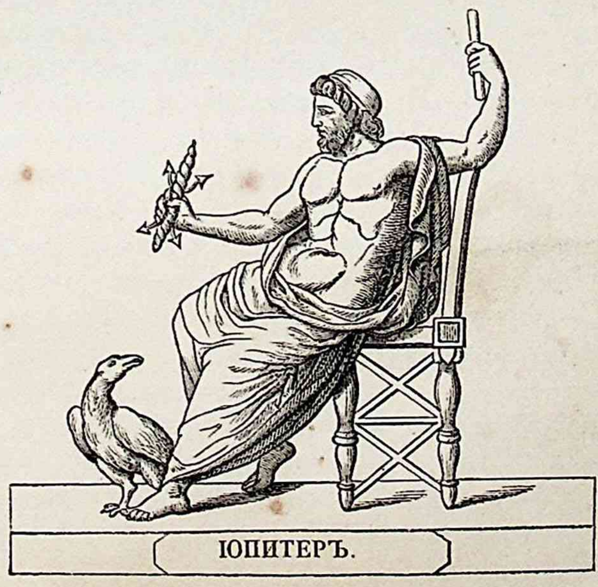
Реа, какъ ужъ сказано, была супругой Кроноса и матерью Плутона, Посейдона, Зевса и Гестіи,

Деметры, Геры. Вначалѣ Греки смотрѣли на Рею, какъ на божество, совершенно отличное отъ Лидійской и Фригійской богини *Кибебы* или *Кибелы*, но такъ какъ у обѣихъ богинь было много сходнаго, то Греки идею обѣихъ слили въ одну идею и въ одно почитаніе. И супругу Сатурна — Опсу, обыкновенно ставили на ряду съ Реей, ибо полагали, что обѣ онѣ имѣютъ одинакое значеніе. Хотя онѣ и не совсѣмъ одно и тоже, но во всякомъ случаѣ очень схожи уже тѣмъ, что обѣ — супруги весьма родственныхъ между собой боговъ. Основное понятіе, олицетворенное этими богинями, есть — плодородіе земли. Греки впрочемъ воздавали Реѣ почитаніе преимущественно какъ богинѣ-матери лѣсистыхъ горъ. Это-то обстоятельство и подало поводъ къ слiянію Реи съ восточной Кибелой, имѣющей тоже значеніе. Какъ богиня просвѣщенія Реа была также строительницей городовъ. Изображаемая на ней корона составлена изъ подобія не только горныхъ вершинъ, но также и городскихъ стѣнъ и башенъ. Въ такомъ видѣ ее называли mater turreta. Въ такомъ видѣ она изображена и на нашемъ рисункѣ (табл. II).

О способѣ ея божественнаго происхожденія разсказывалось у Грековъ весьма различно. Какъ Реа — она была дочерью Урана и Геи (неба и земли); какъ Кибела — дочерью какого-то князя Фригійскаго, въ Малой Азіи, по имени Мэона. Мэонъ, въ досадѣ, что родился не мальчикъ, велѣлъ ее тотчасъ по рожденіи отнести на гору Кибелу, гдѣ звѣри дикіе ее вскормили, а пастухи нашли и воспитали. Красота и умъ пріобрѣли ей потомъ лю-

II.

бовь народа; самъ Мэонъ призналъ тогда ее своей дочерью и принялъ къ себѣ. Но когда Реа вошла въ любовную связь съ молодымъ фригійцемъ Аттисомъ, отецъ воспылалъ такимъ гнѣвомъ, что велѣлъ казнить Аттиса смертной казнью. Кибела впала въ безумную, безграничную скорбь, въ уединеніи искала облегченія и все время просиживала у сосны, въ которую, какъ ей чудилось, превратился возлюбленный ея. Душа, переполненная тоской, искала излиться въ звукахъ. Богиня изобрѣла нѣчто въ родѣ бубна или тимпана и флейту. Звуки безумнаго отчаянія приводили и жителей окрестныхъ мѣстъ въ состояніе близкое къ иступленію. Сочувствіе къ ея безотрадному положенію проникло въ сердце *Марсіаса*, одного изъ жителей этихъ странъ. Сталъ онъ безотлучнымъ ей спутникомъ и другомъ и, вмѣстѣ съ нею странствуя по горамъ и въ лѣсахъ, усовершенствовалъ изобрѣтенные ею инструменты. Съ непреодолимымъ мужествомъ проникая горныя пустыни и лѣсныя чащи, богиня укрощаетъ и подчиняетъ своей власти могущественнѣйшаго изъ хищныхъ звѣрей, бывшихъ имъ повсюду единственными товарищами — льва.

Богинѣ посвящались сосны, дубы и фіалки. Послѣднія, какъ повѣствуетъ граціозное сказаніе, выросли тамъ, куда попали капли крови возлюбленнаго богини.

Богиню Рею изображали со скипетромъ въ одной рукѣ и съ изобрѣтеннымъ ею музыкальнымъ инструментомъ (тимпаномъ или кимваломъ) въ другой. Въ вѣнцѣ изъ подобія стѣнъ — символъ градостроительства — богиня сидитъ на львѣ, ко-

тораго подчинила своей волѣ (см. Табл. I). Луна и звѣзда на изображеніи намекаютъ на то, что служеніе этой богинѣ отправлялось ночью.

Изображали ее еще и такъ, какъ это видно на таблицѣ II: богиня на тронѣ; высокая корона, подобная той, о которой сейчасъ сказано, на полузакутанной головѣ. Одежды плотно прилегаютъ къ тѣлу, а внизу падаютъ роскошными складками; въ лѣвой рукѣ тимпанъ.

Еще древнѣе изображали эту богиню сидящею на тронѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго два большіе льва, или — стоящею на колесницѣ, которую везутъ укрощенныя ею животныя.

Жрецы ея, *Галли*, *Корибанты* или *Куреты* (а жрецами назывались люди, которые при открытомъ служеніи богинѣ исполняли обычные уставы), должны были на посвященныхъ богинѣ празднествахъ подражать музыкѣ, изобрѣтенной богинею. Особенность служенія этой богинѣ состояла въ поразительномъ шумѣ и неистовствѣ. Жрецы и вѣрующіе вмѣстѣ производили оглушительную музыку кимвалами, тимпанами, флейтами, рожками и дикими пѣснями, и все это собраніе съ пылающими факелами носилось по горамъ и лѣсамъ, въ религіозномъ изступленіи нанося другъ другу раны, чтобъ живѣй чувствовались страданія, которыя испытывала богиня, тоскуя по своемъ возлюбленномъ. Посвященное ей же таинственное служеніе перешло позже у Грековъ въ служеніе Діониссу (Бахусу) и Деметрѣ (Церерѣ).

Поклоненіе этой богинѣ распространено было во всей Малой Азіи (нынѣшней Анатоліи) и на

островѣ Критѣ. Кромѣ того — въ гористой Аркадіи (область Греціи), въ той части ея, гдѣ полагали рожденіе Зевса и происхожденіе первыхъ людей. Отечествомъ этого поклоненія была собственно мѣстность около Пессинуса, во Фригіи, гдѣ въ горахъ находилось святилище, на подобіе пещеры, называемое Кибела, — древнѣйшее изъ всѣхъ, посвященныхъ этой богинѣ. Первый храмъ воздвигъ ей въ Пессинусѣ царь Мидасъ, и этотъ храмъ владѣтели страны до позднѣйшихъ временъ роскошно содержали. Кромѣ этого, знаменитѣйшіе изъ храмовъ этой богини были въ Сардесѣ, Магнезіи, Смирнѣ, Эфесѣ, Лампсакѣ, Эвзикѣ. Въ самыхъ Аѳинахъ было ея святилище, извѣстное мастерскимъ изваяніемъ статуи богини, вышедшимъ изъ подъ рѣзца знаменитаго Фидія.

Послѣ успѣшнаго изгнанія Ганнибала изъ Италіи, Римляне, относя благопріятный исходъ войны съ Карѳагенянами къ содѣйствію Реи, учреждали въ честь ей празднества въ Италіи. Въ этихъ празднествахъ, называвшихся *Мегалезіями*, участвовали только женщины.

ЗЕВСЪ или ЮПИТЕРЪ.

(См. табл. II).

Богъ неба назывался у Грековъ *Зевсомъ*. У него было много прозваній, которыя или произошли отъ названій различныхъ мѣстностей, гдѣ воздавалось ему почитаніе, или служили для выраженія

преобладанія какого-либо изъ многообразныхъ свойствъ этого божества. Къ первымъ относятся напримѣръ: *Додонэй* (отъ Эпирскаго города Додоны), *Анхесміосъ* (отъ имени горы Анхесмоса въ Аттикѣ) и т. п. Изъ послѣднихъ самыя извѣстныя и чаще встрѣчаемыя у Гомера: *Мрачныхъ тучъ собиратель*, *Громовержецъ*, *Скиптродержавный*, *Людей и безсмертныхъ отецъ*. Весьма часто, въ знакъ особенной почести, придается ему прозвище: *Кроніона* или *Кронида*, что обозначаетъ сына и наслѣдника Кроноса.

Старѣйшій изъ боговъ, спасенный заботливой своей матерью, Реей, Зевсъ былъ сохранно принесенъ на островъ Критъ, а именно на гору Иду, гдѣ Нимфы его воспитали. Скоро выросъ онъ на заботливыхъ попеченіяхъ своихъ воспитательницъ и благодаря кормившей его молокомъ своимъ козѣ Амальтеѣ. (Въ послѣдствіи, изъ благодарности, Зевсъ помѣстилъ ее въ сонмъ звѣздъ. Это нынѣшняя Капелла, Chèvre, въ созвѣздіи Фурмана). Уже въ молодости развились въ немъ необычайные разумъ и тѣлесная крѣпость и въ молодости же, при содѣйствіи своихъ сестеръ, свергнулъ онъ съ престола отца своего, одолѣлъ Титановъ и Гигантовъ и тѣмъ навсегда упрочилъ свое могущество. По жребію съ братьями рѣшено, кому и чѣмъ владѣть: Зевсъ предоставилъ себѣ владычество надъ Олимпомъ, т. е. Небомъ, и верховное господство надъ всѣмъ созданіемъ; брату же своему Посейдону — владычество надъ моремъ; наконецъ, Гадесу — господство надъ моремъ подземнымъ. Земля была общимъ удѣломъ братьевъ. (См. ниже:

И риса, 2-я цитата изъ Илліады). Впрочемъ, и Посей донъ, и Гадесъ признавали надъ собой первенс тво Зевса. Такимъ образомъ послѣдній, по древнимъ преданіямъ, былъ владыкою Неба, Земли и преисподнихъ. — Въ Зевсѣ заключаются источники добра и зла, самихъ страданій и испытаній, но только одно доброе свойственно ему хотѣть. Потому во всякой нуждѣ взывали къ нему какъ къ спасителю и утѣшителю. Между тѣмъ онъ не можетъ отступить отъ міроваго порядка, ибо онъ самъ же сохраняетъ этотъ порядокъ. Поэтому **Судьбы** (**Фатумъ**) не могъ и онъ измѣнить *).

---

*) Вотъ какъ говоритъ въ III-й Пѣсни Одиссеи принявшая вид человѣка дочь Зевса — Аѳина-Паллада — о неизбѣжности судьбы:

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему (т. е. Телемаку) отвѣчала:
. . . .
«Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;
. . . .
«Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
«Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
«Въ руки ***навѣкъ*** усыпляющей смерти ***судьбиною*** будетъ.

Въ словѣ ***навѣкъ*** выражается все мрачное и печальное, что представлялось тогдашнему Греку за предѣлами земнаго существованія, въ которомъ онъ видѣлъ всѣ доступныя смертному утѣхи и радости, а потому и глядѣлъ на смерть какъ на нѣчто ужасное. Понятны съ этой точки зрѣнія жалобы тѣни Ахилловой, обращенныя къ Одиссею, когда этотъ послѣдній проникъ въ мрачное жилище Аида. Вотъ эти скорбныя жалобы (*Одиссея*, Пѣснь XI).

«О, Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
«Лучше бъ хотѣлъ я, ***живой***, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
«Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
«Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, ***мертвый***.

Прим. Перев.

Въ первыя времена правленія Зевса царствовалъ на землѣ *серебряный вѣкъ*: люди также какъ и во время *золотаго вѣка* наслаждались благосостояніемъ и богатствомъ, но только не такъ какъ тогда были невинны и довольны, а поэтому и утратили источникъ истиннаго, невозмутимаго счастія. Люди серебрянаго вѣка, живя въ роскоши и изнѣженности, были все еще недовольны и забывали воздавать богамъ своимъ должное имъ почтеніе. Кромѣ того, что они этимъ сами шли на перекоръ собственному же счастью и благополучію, но еще и навлекли на себя гнѣвъ верховнаго владыки. Зевсъ сослалъ ихъ съ лица земли и заключилъ въ преисподнюю, гдѣ они на вѣки утратили счастье быть близкими къ своимъ божественнымъ покровителямъ. Впрочемъ, люди эти, обладая гораздо меньшими духовными силами сравнительно съ своими предшественниками, т. е. людьми золотаго вѣка, все еще стояли много выше людей послѣдующихъ поколѣній.

Серебряному наслѣдовалъ *вѣкъ мѣдный*. Тутъ война и опустошеніе смѣнили земледѣліе и кроткіе нравы людей. Весь періодъ этотъ прошелъ въ бранномъ одушевленіи и въ громкихъ дѣлахъ. Что-жъ вышло изъ этого бурнаго существованія людей, уважавшихъ только право сильнаго и блистательными подвигами храбрости наполнившихъ вселенную? Отказавшись жить духовно, они сошли со сцены міра, не оставивши послѣ себя никакого достойнаго воспоминанія, которое продолжило бы ихъ существованіе въ потомствѣ.

Напослѣдокъ насталъ *вѣкъ желѣзный*. Изврати-

лись люди и утративши свои прежнія качества, въ потѣ лица, трудами рукъ своихъ, должны были снискивать себѣ бѣдное пропитаніе. Это бы не бѣда, но къ тяжкому положенію примѣшались корысть, за ней и обманъ, и такъ овладѣли людьми, что богиня справедливости (*Дика* или *Астрея*), а за ней и Вѣрность, и Стыдливость, и Правдивость покинули землю и удалились въ небесное жилище *).

Зевсъ опредѣлилъ уничтожить родъ людской и сотворить новый. Потопъ покрылъ Грецію. Спасены отъ потопа только Девкаліонъ съ супругой своей Пиррой, и спасены на вершинѣ горы Парнасса. По воззванію боговъ они сдѣлались родоначальниками новаго поколѣнія людей. Людей этихъ

---

*) У одного изъ древнѣйшихъ поэтовъ Греціи — Гезіода — находимъ изліяніе скорби отъ извращенія рода человѣческаго. «Зачѣмъ я не родился раньше? восклицаетъ онъ: а то я принужденъ существовать въ *желѣзномъ* вѣкѣ. Боги съ каждымъ днемъ посылаютъ людямъ новыя заботы, новое горе и печаль и нѣтъ имъ, бѣднымъ, отдыха ни днемъ, ни ночью. Но они еще больше мучатъ сами себя: въ нихъ самихъ сокрытъ источникъ ихъ страданій. Раздоръ и вражда въ сердцахъ ихъ. Жестокіе люди! Неужели вы нисколько не помышляете о праведномъ судѣ безсмертныхъ боговъ? Зачѣмъ вы не платите благодарностью родителямъ вашимъ за заботы ихъ о васъ, за ихъ безсонныя ночи, проведенныя ими надъ вашей колыбелью? Зачѣмъ въ поступкахъ вашихъ съ другими людьми вы думаете только о насиліи и неправдѣ? Вы отворачиваетесь, если голосъ правды коснется испорченнаго вашего слуха: вамъ любы только лесть и обманъ. Добрые страдаютъ отъ злобы дурныхъ людей. Зависть съ своимъ тусклымъ взоромъ и желтымъ лицомъ денно и нощно бродитъ по землѣ, выбирая себѣ жертву и кидаясь на нее. Святыя богини *Стыда* и *Невинности* не показываются болѣе на землѣ: онѣ закутались въ длинные покровы и печально ушли на небо, въ жилище безсмертныхъ боговъ. На землѣ остались только горе, слезы и отчаяніе, но *гдѣ* найти спасеніе?»

(*Прим. перев.* Заимствовано изъ стат. *Прометей и 4 вѣка*).

произвели боги изъ камней, которые повелѣно было Девкаліону и супругѣ его бросить позади себя. Потопъ удалился. Новые обитатели земли стали обработывать ее и разошлись въ разныя стороны и населили ее. Такъ какъ этотъ родъ людской ничѣмъ не былъ лучше послѣдняго, то часто терялъ благоволеніе Зевса и черезъ то испытывалъ его наказаніе.

Первая супруга Зевса была *Метиса* (Благоразуміе), одна изъ дочерей Океана. Но такъ какъ *Судьба* (*Фатумъ*), божество темное, но всемогущее, предупредила его, объявивши, что Метиса можетъ родить ему сына, который превзойдетъ его самаго могуществомъ, то Зевсъ проглотилъ свою супругу, а изъ собственной головы произвелъ на свѣтъ *Палладу-Аѳину* (*Минерву*), богиню мудрости. Вслѣдъ за тѣмъ, но на короткій срокъ, вступилъ Зевсъ въ супружество съ Ѳемидой, богиней правосудія, отъ которой имѣлъ *Астрею* и *Горъ* (богинь временъ года).

Особенную любовь питалъ Зевсъ къ сестрѣ своей *Герѣ* (Юнонѣ), которой могущественныя прелести оковали его сердце. Долго противилась Гера настояніямъ Зевса сдѣлаться ему супругой, наконецъ уступила и торжественно сочеталась съ нимъ бракомъ. Къ этой блистательной свадьбѣ приглашены были не только всѣ боги-небожители, но и тѣ изъ нихъ, которые на землѣ имѣли второстепеное значеніе. Нимфа *Эгелона*, подшучивавшая надъ союзомъ Юпитера съ Юноной, была у самаго своего дома *Гермесомъ* (*Меркуріемъ*) сброшена въ ближайшую рѣку и превращена въ черепаху

паху. Вотъ отчего, говорили древніе, черепаха и до сихъ поръ носитъ домъ свой у себя на спинѣ.

Юнона родила своему супругу: *Гебу* (*Ювентасъ*) *Арея* (*Марса*) и *Гефеста* (*Вулкана*).

Юпитеръ, сколько раскрывается изъ различныхъ о немъ преданій, не всегда былъ вѣренъ союзу съ сестрой своей. Тайно любилъ онъ не только другихъ богинь, но часто, принимая посторонній образъ, сближался даже съ прекрасными дочерьми смертныхъ, не смотря на негодованіе, въ какое приходила Гера, узнавая о подобныхъ случаяхъ. Такъ явились плоды тайныхъ связей Зевса: отъ *Деметры* (*Цереры*)—*Персефона* (*Прозерпина*); отъ *Леты* (*Латоны*)—*Аполлонъ* и *Артемида* (*Діана*) отъ *Діоніи* — *Афродита* (*Венера*); отъ *Мнемозины* — *Музы*; отъ *Эвриноміи* — *Хариты* (*Граціи*); отъ *Семеліи* — *Діониссъ* (*Бахусъ*); отъ *Маіи* — *Гермесъ* *) (*Меркурій*); отъ *Алкмены* — *Гераклъ* (*Геркулесъ*). Многіе боги, о которыхъ мы узнаемъ впереди, были также дѣти Зевса отъ разныхъ матерей.

Читая у писателей объ этихъ многочисленныхъ любовныхъ сношеніяхъ Зевса, видишь такія дѣйствія его, которыя кажутся намъ предосудительными и даже недостойными міродержавнаго владыки, но поводъ къ осужденію уничтожается, когда вникаешь въ источникъ такихъ свѣдѣній о немъ.

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣти, которыхъ Зевсъ имѣлъ отъ другихъ женщинъ, а не отъ Юноны, указаны всѣ вмѣстѣ, *не обращая вниманія на то, что свѣдѣніе это дается послѣ разсказа о бракосочетаніи Зевса съ Юноной,* иначе не могъ бы быть въ числѣ дѣтей и Гермесъ, который упомянутъ уже при самомъ законномъ бракосочетаніи Зевса. *Прим. перев.*

Разнообразіе супружествъ Зевса совершенно объясняется разнообразіемъ сказаній, возникшихъ о нихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи, и притомъ независимо другъ отъ друга. Въ каждомъ изъ этихъ сказаній повѣствуется, что у Зевса была одна жена, которой онъ неизмѣнно былъ вѣренъ. Писатели и поэты, собравши эти сказанія, стали и разсказывать ихъ вмѣстѣ, какъ равносильныя. Такимъ образомъ и вышло то повѣствованіе, которое мы теперь привели и которое представляется имѣющимъ не тотъ смыслъ, какой заключается въ каждомъ отдѣльномъ сказаніи, вошедшемъ въ составъ общаго. Законная жена у Зевса могла быть только одна, ибо Греки не менѣе насъ строго держались одноженства. Эта законная жена очевидно была Гера. Остальныя супружества, которыя Зевсъ *не менѣе законно* (разсматривая каждое отдѣльное сказаніе порознь) заключалъ съ другими богинями или смертными, представляются естественно (относительно преобладающаго сказанія о супружествѣ съ Герой) простыми любовными связями, а самыя участницы въ этихъ связяхъ кажутся при Герѣ только — наложницами скиптродержавца. Вы видите, какъ миѳъ съ кажущимся въ немъ безнравственнымъ смысломъ представляется вовсе инымъ, когда взглянуть на него съ вѣрной точки зрѣнія. Это соображеніе слѣдуетъ не упускать изъ виду при встрѣчѣ и со многими другими миѳами, на первый взглядъ безнравственными. Всѣ они, если ихъ исторически разобрать и безпристрастно обсудить, представляются выраженіемъ глубокаго смысла и неимѣющими тѣни предосудительности,

подъ которой являются они ограниченному пониманію ихъ.

У Римлянъ, какъ и у Грековъ, Юпитеръ былъ: Отецъ неба, изъ всѣхъ боговъ высочайшій и совершеннѣйшій. Поэтому звали его могущественнѣйшимъ и высочайшимъ. Города и земли стояли подъ его покровомъ.

Итакъ, у Грековъ и Римлянъ въ Зевсѣ-Юпитерѣ олицетворенъ верховный міродержавный владыка и промыслитель, исполненный высочайшаго могущества, мудрости и справедливости; въ правленьи вселенной совмѣщающій въ себѣ верховное правосудіе съ безграничной любовью и милосердіемъ. Вліянію высочайшаго бога подчинена вся природа и почти всѣ обстоятельства жизни человѣка. Зевсъ повелѣваетъ смѣну дня и ночи и временъ годовъ. Ему же подвластны и вѣтры. Велѣніемъ Зевса сбираются мрачныя тучи и плодотворнымъ дождемъ орошаютъ поля и нивы. Онъ покровитель и правъ, и закона, и всякаго вѣрнаго общежитейскаго строя. Въ немъ же источникъ силы царей, ведущей ихъ путями доблестей. Онъ наблюдаетъ взаимныя сношенія людей, возбуждаетъ въ нихъ духъ правосудія, вѣрности, кротости и строго карая неправду, коварство, жестокость.

Такъ какъ Зевсъ былъ не только Самодержецъ и Громовержецъ, но въ то же время и отецъ смертныхъ и безсмертныхъ, то всякій несчастный и горемъ убитый имѣлъ въ немъ вѣрнѣйшій покровъ и отраду. Карая жестокосердыхъ, Зевсъ возбуждалъ въ людяхъ сострадание и милость. Здѣсь у мѣста представить два миѳологическихъ преданья о

случаяхъ, въ которыхъ особенно осязательно проявилось державное господство Зевса на землѣ.

Филемонъ и *Бавкида* — престарѣлая чета супруговъ изъ простаго состоянія — жили въ своей бѣдной хижинѣ, во Фригіи, въ невозмутимомъ согласіи и набожной преданности богамъ. Зевсъ часто въ различныхъ человѣческихъ образахъ посѣщалъ землю, чтобъ ближе видѣть, какъ люди живутъ межъ собой. Въ одно изъ такихъ странствованій по Фригіи вмѣстѣ съ Гермесомъ, зашелъ онъ и къ этимъ бѣднымъ людямъ. Они конечно не узнали ни его, ни спутника его, но принимая ихъ за усталыхъ странниковъ, встрѣтили со всевозможнымъ радушіемъ, отъ чистаго сердца услуживали имъ и угощали чѣмъ могли отъ своей бѣдности. Въ порывѣ ласковаго радушія они разсуждали, какъ бы лучше изготовить для гостей единственнаго гуся, который былъ у счастливыхъ бѣдняковъ. Зевсъ отклонилъ ихъ намѣреніе. Добродушіе и благочестіе старой четы тронули Зевса, ибо во Фригіи онъ встрѣчалъ до-сихъ-поръ только грубость, развратъ и небрежность къ безсмертнымъ богамъ. Зевсъ опредѣлилъ казнить нечестивое населеніе страны сокрушительнымъ потопомъ; Филемона же и Бавкиду не только спасти, но и наградить какъ можно болѣе. За тѣмъ онъ открылъ себя счастливымъ супругамъ. Когда потопъ уничтожилъ недостойныхъ жителей Фригіи, Зевсъ превратилъ стоявшую на холмѣ бѣдную хижину обоихъ стариковъ въ великолѣпный храмъ себѣ и назначилъ въ него Филемона — жрецомъ, а Бавкиду — жрицей. Исполняя просьбу супруговъ, онъ позволилъ имъ

умереть вмѣстѣ, когда приведетъ судьба ихъ последній часъ. Этотъ часъ наступилъ впрочемъ еще много лѣтъ спустя. Наконецъ, чтобъ и по смерти не разлучать ихъ, Зевсъ превратилъ Филемона въ дубъ, а Бавкиду въ липу и далъ имъ расти въ близкомъ сосѣдствѣ.

Другой случай. У Ликаона, вельможи въ Аркадіи, было пятьдесятъ сыновей, но не вселилъ имъ отецъ добрыхъ побужденій въ душу и — окрестная страна была исполнена ужасомъ отъ ихъ жестокостей и убійствъ. Дурной и постыдной жизнью утратили люди свои прекрасныя человѣчныя свойства, попасть къ нимъ въ руки значило — дать беззаконнымъ новый предлогъ къ злодѣйству. Однажды явился къ этому вельможѣ самъ Зевсъ въ чужомъ видѣ. Семейство помыслило на жизнь пришельца. Когда же Зевсъ открылъ имъ себя, то этимъ не возбудилъ въ нихъ не только раскаянья, но даже и вѣры. Ликаонъ, чтобъ испытать божественность странника, велѣлъ тайно изготовить ему блюдо изъ недавно-убитаго невиннаго ребенка. Приказаніе исполнено, отвратительное кушанье подано. Зевсъ, тотчасъ же узнавшій жестокіе помыслы нечестивцевъ, пламенемъ истребилъ ихъ жилище и отнялъ у нихъ образъ человѣческій, обративъ ихъ въ свирѣпыхъ волковъ, которымъ приличнѣе стала кровожадность нечестивой семьи.

На сколько по однимъ сказаніямъ является главнѣйшій богъ Грековъ и Римлянъ преисполненнымъ божественныхъ совершенствъ, на столько же по многимъ другимъ не свободенъ онъ даже отъ человѣческихъ слабостей и ошибокъ. И тутъ опять,

какъ въ вышеприведенныхъ чертахъ супружеской невѣрности, слабости эти только кажущіяся и только въ рѣдкихъ случаяхъ—дѣйствительные недостатки. Но допустить и эти послѣдніе рѣдкіе случаи мы можемъ не иначе какъ тогда, когда сами рѣшимся раздѣлять тѣ понятія о нравственности, которыя обозначаютъ тонкій, еще не вполнѣ развитый просвѣщеніемъ, періодъ человѣчества.

Не смотря на то, что Зевсъ въ повѣствованіяхъ писателей не всегда является совѣршеннѣйшимъ и святѣйшимъ существомъ, все-таки онъ у всѣхъ народовъ греческаго происхожденія получаетъ высочайшее почитаніе и сопровождается аттрибутами высшей власти и могущества. Ни одно изъ остальныхъ божествъ не пользуется этимъ. Онъ гремитъ въ облакахъ; онъ мечетъ изъ мощной десницы на землю сокрушительныя молніи; онъ вѣдаетъ и грядущее какъ настоящее. Въ Додонѣ Эпирскомъ (въ области Этусѣ, въ сѣверной Греціи) находился священный дубъ, шелестомъ листьевъ котораго возвѣщалъ верховный богъ людямъ свою волю или раскрывалъ имъ страницы будущаго. Точно также и на островѣ Критѣ въ священной пещерѣ вѣщалъ онъ устами своего оракула. И повсюду въ Греціи воздавалось Зевсу самое ревностное поклоненіе. На священныхъ поляхъ Олимпійскихъ, въ великолѣпномъ храмѣ Зевсу, стояло и знаменитое изображеніе его, въ 40 футовъ вышиною, сдѣланное изъ слоновой кости и золота. Это произведеніе славнаго художника Фидія *), за дивное изящество счи-

*) *Фидій* жилъ и дѣйствовалъ во время Периклова правленія въ Аѳинахъ, въ V вѣкѣ до Рождества Христова. Съ именемъ Перикла нераз-

талось однимъ изъ семи чудесъ свѣта *)! Были и другіе у него храмы, болѣе или менѣе блестящіе, болѣе или менѣе знаменитые, въ Аѳинахъ, Агригентѣ и въ другихъ городахъ и областяхъ. Отъ нихъ часто давались Зевсу и особыя прозванья.

Въ честь Зевса черезъ каждые 4 года, въ мѣсяцѣ іюлѣ (у Грековъ—*Гекатомбэонъ*) на Олимпійской священной полянѣ праздновались торже-

---

лучно воспоминаніе самаго блестящаго и цвѣтущаго періода жизни Аѳинской республики, въ отношеніи силъ, искусствъ и наукъ. Фидій былъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, которые умѣли понимать планы Перикла и приводить ихъ въ исполненіе, а потому и группировались вокругъ блистательнаго правителя. Какъ художникъ, замѣчателенъ Фидій тѣмъ, что онъ первый позаботился давать выраженіе своимъ статуямъ, тогда какъ до него различать ихъ можно было только по приложеннымъ аттрибутамъ божествъ. Въ статуѣ Зевса онъ осуществилъ тѣ представленія, которыя можно было почерпнуть о міродержцѣ изъ Гомера, и особенно головѣ Зевса вдохнулъ божественныя: достоинство и величіе.

Кромѣ статуи Зевса Олимпійскаго замѣчательны еще три статуи богини Аѳины, которыя этотъ художникъ поставилъ въ Аѳинахъ и которыя занимали почетнѣйшее мѣсто среди драгоцѣнныхъ памятниковъ искусства, прославившихъ періодъ правленія Перикла. Объ этихъ статуяхъ подробнѣе см. ниже (Аѳина-Паллада). *Прим. перевод.*

*) *Чудесами свѣта* въ древности называли такіе памятники искусства, которые по необыкновенному изяществу или за рѣдкую величину и прочность считались дѣлами, какъ бы превосходящими силы человѣческія. Ихъ считалось въ древности семь: 1) Египетскія пирамиды; 2) Вавилонскія стѣны; 3) Вавилонскіе же такъ называемые висячіе сады; 4) храмъ Діаны въ Эфесѣ; 5) статуя Юпитера Олимпійскаго; 6) Мавзолей Галикарнасскій, и 7) Колоссъ Родосскій. — Въ произведеніяхъ изъ золота и слоновой кости, каковы были статуя Юпитера Олимпійскаго и многія другія, изъ слоновой кости дѣлалось лицо и прочія части тѣла обнаженныя; волосы же и одежды выкладывались отчасти разноцвѣтнымъ эмалированнымъ чеканеннымъ золотомъ. Какъ драгоцѣнны были такія колоссальныя статуи, можно себѣ представить изъ того, что одна прядь кудрей Зевсовыхъ стоила на наши деньги приблизительно до 300 червонцевъ.

ственнѣйшія игры, самыя знаменитыя изъ всѣхъ народныхъ игръ въ Греціи. Олимпійскія игры продолжались 5 дней. Прежде всего совершалось жертвоприношеніе; самыя же игры проходили въ различнаго рода состязаніяхъ. Тутъ были и бѣганье въ запуски и прыганье; метанье въ дискъ или кольцо и кулачные бои; и ристанье на коняхъ или въ колесницахъ, запряженныхъ парой или четверней; наконецъ — музыкальныя и литературныя состязанія. При метаньи въ дискъ (кругъ) употребляли чечевицеобразные до 8 фунтовъ вѣсу кружки, каменные или металлическіе. Это послѣднее гимнастическое упражненіе можно отчасти сравнить съ игрой въ камни, употребительной и въ наше время у Швейцарцевъ. Греки считали за особенную честь одержать побѣду на этихъ играхъ, хотя награда побѣдителю заключалась въ простомъ вѣнкѣ изъ дикихъ оливъ.

По однимъ источникамъ учредилъ эти игры Зевсъ въ память побѣды своей надъ Титанами; потому и сами боги въ древности принимали участіе въ нихъ. По другимъ источникамъ ихъ установилъ въ честь Зевса сынъ Лидійскаго царя Тантала Пелопсъ, по имени котораго и южную часть Греціи назвали Пелопонезомъ. По пространству времени отъ однихъ Олимпійскихъ игръ до слѣдующихъ вели въ Греціи лѣтосчисленіе. Счетъ этотъ назывался *Олимпіадами*. Одна Олимпіада была очевидно — пространство полныхъ четырехъ лѣтъ *).

---

*) Учрежденіе Олимпійскихъ игръ современно древнѣйшему періоду жизни Грековъ (около 1500 лѣтъ до Рождества Христова). Вслѣдствіе

Зевсу въ честь праздновались еще *Немейскія игры* (въ Немеѣ), по значенію слѣдующія непосредственно за Олимпійскими. Были еще у Грековъ общественныя игры: *Пиѳійскія* (въ Дельфахъ) — въ честь Аполлона, и наконецъ четвертыя *Истмійскія* (на перешейкѣ Коринѳскомъ) въ честь Посейдона (Нептуна).

Юпитеръ Римлянамъ былъ не менѣе священъ, чѣмъ Зевсъ — Грекамъ. Въ самомъ Римѣ было посвящено ему много храмовъ. Богатѣйшій и великолѣпнѣйшій изъ нихъ стоялъ въ Капитоліи *), на скалѣ Тарпейской.

безпорядковъ, бывшихъ въ южной Греціи (Пелопонезѣ) отъ вторженія новыхъ владѣльцевъ въ страну, игры эти пришли въ забвеніе. Ликургъ возстановилъ ихъ (въ половинѣ IX вѣка до Р. Хр.) и положилъ праздновать ихъ при храмѣ Зевса Олимпійскаго.

Игры Олимпійскія имѣли необыкновенное значеніе для всего народа Греческаго, ибо служили ощутительнымъ напоминаніемъ имъ *единства* ихъ происхожденія, вѣрованій и общности нуждъ ихъ. Это очевидно изъ того, что на время игръ смолкали частныя распри и мѣстныя войны и со всѣхъ концовъ Греціи стремились единоплеменники освѣжиться взаимнымъ соприкосновеніемъ, блеснуть предъ другими умомъ или тѣлесной ловкостью или же насладиться проявленьями ихъ въ землякахъ своихъ, воспитывая такимъ образомъ въ себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ греческаго образованія надъ грубостью окрестныхъ народовъ. Особенно способствовали эти собранія развитію и скрѣпленію торговыхъ сношеній между купцами, которые съѣзжались сюда изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Греціи. Побѣда, одержанная на Олимпійскихъ играхъ, считалась высочайшей честью, которая можетъ достаться въ удѣлъ смертному. По примѣру Олимпійскихъ возникли и другія общественныя игры, но первыя имѣли всегда первенство по значенію — Лѣтосчисленіе по Олимпіадамъ, начинаемое съ 776 года до Р. Хр., только съ Александра Македонскаго вошло во всеобщее употребленіе. *Прим. перевод.*

*) *Капитолій* была знаменитая цитадель древняго Рима, построенная царемъ Тарквиніемъ Прискомъ 140 лѣтъ спустя послѣ основанія этого города (а городъ построенъ въ 753 году до Рождества Христова.

По мѣсту и самъ Юпитеръ назывался Капитолійскимъ (или Optimus, Maximus, совершеннѣйшій, высочайшій). Такъ и въ другихъ областяхъ и городахъ ему давались различныя прозванія, сообразно съ тѣми дѣйствіями и свойствами, которыя приписывались божеству (напримѣръ Stator — зиждитель; Hospitalis — покровитель *), Nuptialis — бракосовершитель; Abretanos — Абретанскій, отъ Абретаны, въ Мизіи).

Римляне праздновали въ честь Юпитеру такъ называемыя Римскія или великія игры. Онѣ также продолжались 5 дней и состояли изъ разнаго рода состязаній. На нихъ бывали и торжественные обѣды. Въ Капитоліи же находилась еще колоссальная бронзовая статуя этого божества, вылитая изъ оружія, отбитаго у священнаго легіона Самнитянъ, одного изъ племенъ Италіи, покореннаго Римлянами.

Въ жертву Юпитеру приносили преимущественно быковъ. Великая жертва изо ста быковъ, что

Годъ построенія Рима былъ для Римлянъ *Эрой*, т. е. началомъ лѣто-
счисленія, какъ для христіанъ — годъ Рождества Христова, для Магоме-
танъ — годъ бѣгства Магометова изъ Мекки въ Медину и проч.). Въ Ка-
питолійскомъ храмѣ Юпитера было три особыя отдѣленія: Юпитеру,
Юнонѣ и Минервѣ. Юпитерово отдѣленіе имѣло 200 футовъ длины на
185 ширины. И здѣсь статуя Юпитера была изъ золота и слоновой кости.
Пожаръ нѣсколько разъ уничтожалъ ее, но Римляне опять возстановляли
ее и изъ тѣхъ же драгоцѣнныхъ матеріаловъ. На храмъ Юпитера Капи-
толійскаго Римляне расточали всевозможные дары роскоши. Въ этомъ
храмѣ консулы предъ вступленіемъ своимъ въ должность, а полководцы,
отправляясь въ походъ, приносили торжественныя жертвы. Имя Капито-
лія (отъ *Caput*-голова) означало господство его надъ городомъ.

*) *Богъ гостелюбецъ* (Одиссея пѣснь IX стихъ 271). *Пр. перевод.*

случалось при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ или особенной важности поводахъ, называлась *Гекатомбой*. Изъ деревъ посвящались ему преимущественно дубъ и оливковое дерево, а изъ птицъ—орелъ. Орелъ о–сю–пору считается царемъ птицъ, а потому кажется самымъ приличнымъ аттрибутомъ царя боговъ.

Изображали Юпитера въ видѣ сильнаго человѣка съ важной и торжественной осанкой, открытымъ челомъ и пространной грудью. Иногда выраженью лица придавалась юношеская мягкость и лице украшалось небольшою бородкой. Но это рѣдко; чаще же, какъ и подобаетъ, съ мощными прядями волосъ на головѣ и съ обильной бородой. Въ одной рукѣ скиптръ, въ другой перуны: зубчатая молнія или громовая стрѣла (какъ аттрибуты его могущества). Онъ изображался сидящимъ на престолѣ: одежды, откинутыя вверху и ниспадавшія на бедрахъ, выражали этимъ божественный покой. У ногъ Юпитера орелъ — символъ царственности.

Встрѣчаютъ также божество это сидящимъ, съ молніями въ рукѣ, и окруженнымъ землею, луной *), моремъ и созвѣздіями зодіаковъ или иногда

---

*) Древніе не знали, что земля обращается вокругъ солнца, но не могли не видѣть на кажущемся сводѣ небесномъ тѣхъ явленій, которыя зависятъ отъ этого обращенія земли. Вотъ эти явленія:

Во все время обращенія земли вокругъ солнца свѣтила небесныя однѣ за другими возвышаются и за тѣмъ понижаются надъ головой наблюдателя. Уже и древніе наблюдатели отличали изъ этихъ свѣтилъ такія, которыя бросались въ глаза или большей яркостью или особенно замѣтнымъ по чему–либо сочетаніемъ въ группы. Такія группы получали различныя названія, соотвѣтствовавшія тѣмъ фигурамъ, которыя могло видѣть въ

стоящимъ въ колесницѣ, какъ бы отправляясь на битву съ Гигантами. Наконецъ, на главѣ у него или вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ какъ у божества Додонскаго или же изъ священныхъ оливковыхъ вѣтвей какъ у божества Олимпійскаго. Какъ Зевса Аммонскаго, у котораго жрецъ пребывалъ въ степяхъ Ливійскихъ, его изображали съ бараньими рогами по образцу нѣкоторыхъ Азіятскихъ божествъ подобнаго же значенія, въ латахъ и стоящимъ на тельцѣ.

нихъ воображеніе наблюдателя. Такъ произошли названія звѣздныхъ группъ: Медвѣдица, Песъ, Корона и др. Также точно произошли названія и тѣхъ звѣздныхъ группъ, которыя наблюдатель привыкъ встрѣчать періодически смѣняющимися у себя надъ головой, во все время путешествія вокругъ солнца того подвижнаго шара, который онъ такъ довѣрчиво считалъ омываемымъ безбрежнымъ Океаномъ, и утвержденнымъ незыблемо.

Представимъ себѣ небесный поясъ, шириной въ 18°, по срединѣ котораго располагается видимый годовой путь солнца. Этотъ поясъ называютъ *зодіакомъ*. На пространствѣ его и расположены тѣ созвѣздія (т. е. группы звѣздъ), которыя во весь видимый годовой путь солнца (дѣйствительно же это есть годовой путь земли вокругъ солнца) періодически восходятъ надъ наблюдателемъ и смѣняются другъ другомъ до тѣхъ поръ, пока начнутъ повторяться. Этихъ созвѣздій 12. — Вотъ ихъ имена, начиная отъ точки весенняго равноденствія (9-го марта), по направленію отъ запада къ востоку: *Овенъ, Телецъ, Близнецы, Ракъ, Левъ, Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы*. Каждому изъ этихъ 12 созвѣздій соотвѣтствуетъ мѣсяцъ времени: Овну — Мартъ, Тельцу — Апрѣль и т. д. — Въ продолженіе половины пути вокругъ солнца земля выставляетъ къ нему постепенно свое сѣверное полушаріе, въ остальную половину — южное. Первое начинается съ 9-то Декабря, съ котораго поэтому и солнце становится намъ все болѣе и болѣе видимымъ въ продолженіе сутокъ, т. е., какъ говорятъ, дни начинаютъ прибывать. Марта 9-го (въ с. Овна) день выравнивается съ ночью, а Іюня 9-го (въ с. Рака) онъ на нашемъ полушаріи — изъ всѣхъ длиннѣйшій. Послѣ этого земля начинаетъ выставляться къ сѣверу — южнымъ полушаріемъ, а на нашемъ слѣдовательно чередуются явленія, противупо-

III.

ЮНОНА.

НЕПТУНЪ.

ГЕРА или ЮНОНА.

(См. табл. III).

Гера была, какъ ужъ сказано, дочь Кроноса и Реи, слѣдовательно сестра Зевса, что не помѣшало однакожъ послѣднему быть ей законнымъ супругомъ. Гера представляетъ женскую силу, Зевсъ — мужскую. Въ союзѣ ихъ олицетворенъ источникъ благословеннаго плодородія природы. Во всей Греціи Гера, какъ законная жена Зевса, пользовалась необычайнымъ почитаніемъ. Ее славили какъ владычицу неба и земли и особенно какъ покрови-

---

ложныя приведеннымъ сейчасъ, а именно: 9 Сентября (въ с. Вѣсы) день убавляется до равенства съ ночью, а 9-го Декабря (въ с. Козерога) день уменьшается до нельзя, т. е. ночь становится длиннѣйшею изъ всѣхъ ночей даннаго мѣста. Весь рядъ описанныхъ явленій повторяется неизмѣнно и такъ правильно, что пространство времени употребляемое для полнаго повторенія ихъ, послужило уже древнѣйшимъ народамъ единицей мѣры времени. Эта единица — *годъ*. Скажемъ два слова о годѣ Грековъ и Римлянъ.

Греческій годъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ. Начало — съ 9-го Сентября, т. е. съ осенняго равноденствія. Названія мѣсяцевъ не у всѣхъ племенъ Греческихъ были одинаковы. Вотъ названія мѣсяцевъ, введенныя Солономъ въ концѣ VI вѣка до Р. Хр. (заимствуемъ ихъ, также какъ и названія мѣсяцевъ года Римскаго, изъ *Метрологіи* г. Петрушевскаго): осенніе — Піанепсіонъ, Мемактиріонъ, Посидеонъ; зимніе — Гамеліонъ, Анөестеріонъ, Элафеболіонъ; весенніе — Мунихіонъ, Өаргеліонъ, Скирофоріонъ; лѣтніе — Экатомбэонъ, Метагитніонъ, Боэдроміонъ.

Римскій годъ раздѣлялся въ самомъ началѣ на 10 мѣсяцевъ: Martius (Мартъ) Aprilius (Апрѣль), Majus (Май), Junius (Іюнь), Quintilis (Квинтиль), Sextilis (Секстиль), September (Сент.), October (Окт.), November (Ноябрь), December (Декаб.). Лѣтъ 40 спустя годъ раздѣлили на 12 мѣсяцевъ: первый назвали: Januarius (Январь), послѣдній — Februarius (Февраль), а между ними расположили 10 прежнихъ. Такъ и осталось. *Прим. перевод.*

тельницу супружества. На это послѣднее указываютъ и прозванія, которыя давали ей Греки (Гамелія, Зигія, Телейя) и Римляне (Пронуба, Юга, Адульта). *) Какъ царица, Гера держала себя съ особеннымъ достоинствомъ въ сонмѣ безсмертныхъ; какъ законная супруга верховнаго владыки, она служила олицетвореньемъ цѣломудрія и супружеской вѣрности. Поэтому въ ней опредѣленнѣе чѣмъ у другихъ божествъ выяснился характеръ нравственной высокости и гордой непорочности. У писателей богиня эта часто изображается ревниво преслѣдующею преступниковъ противъ строжайшей нравственности, святость которой она сама хранила ненарушимо. Къ ревности подавали ей часто поводы не только люди и обыкновенные боги, но и самъ державный супругъ ея. И тутъ не щадила богиня возлюбленныхъ Зевса, соперницъ своихъ, и безпощадно, жестоко, по крайней мѣрѣ по нашимъ понятіямъ, преслѣдовала и карала ихъ. Такъ, прекрасную Латону подвергла она всѣмъ ужасамъ безъисходнаго терзанья дракономъ; другихъ казнила презрѣньемъ, обращая въ различныхъ птицъ и звѣрей. Іо, дочь Иниха, обращена въ корову; дочь Пана, Инкса, — въ какую-то птицу; Галантиду, наперстницу Алкмены, — въ ласточку. Тотъ же духъ ревнивой мести не покидалъ ее и въ обращеніи съ дѣтьми Зевса отъ другихъ женъ: Геракла напримѣръ, Алкменина сына, богиня преслѣ-

*) Греки подъ именами Телейоса и Телейи, а Римляне подъ именами Адультуса и Адульты почитали особыя божества, давая имъ значенія покровителей и покровительницъ супружества.

довала во всю его жизнь. Зевсъ, раздражаясь такими поступками жены, и съ нею тогда обращался не ласково, а иногда и приграживалъ суровымъ исправительнымъ наказаніемъ. Однакожъ, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе супружеской жизни высочайшей четы, необходимо, рядомъ съ приведенными сценами домашнихъ несогласій, вспоминать и о томъ, что въ другихъ случаяхъ Зевсъ окружалъ свою супругу такимъ уваженіемъ и нѣжностью, выказывалъ ей такое высокое почтеніе, что и остальные боги, когда имъ приходилось бывать у Зевса на совѣтѣ или пирѣ, должны были воздавать богинѣ такое почтеніе, какое подобало домоправительницѣ Зевса и владычицѣ неба и земли.

Какъ строгая нравственность богини переходила нерѣдко въ жестокость и ревность, такъ и ея царственная гордость, какъ сестры и супруги высочайшаго изъ боговъ, перерождалась иногда въ тщеславіе и властолюбіе, которыя приводили ее къ дѣламъ противнымъ божественной любви и даже къ несправедливостямъ. Примѣръ этого виденъ въ ея поступкѣ съ Зидой. Ее богиня ниспровергла въ Тартаръ только за то, что Зида пыталась свою красоту ставить выше богининой. Но гораздо болѣе излилось ея гнѣва на несчастныхъ жителей города Трои, во время осады его Греками. Гера пристала къ Аѳинѣ (Минервѣ) и обѣ усердно, и силой, и хитростью, содѣйствовали Грекамъ въ отмщенье Парису, сыну Троянскаго князя, за то, что онъ оскорбилъ тщеславіе богини, осмѣлившись сказать, что, по его мнѣнію, и Гера и Аѳина усту-

паютъ по красотѣ первенство Афродитѣ (Венерѣ). Объ этомъ сказаніи мы далѣе изложимъ подробнѣе.

Почитаніе Юноны и у Грековъ, какъ и у Римлянъ, было очень распространено, особенно между женщинами. Народное вѣрованіе въ Римѣ посвящало ей чрезвычайное празднество, называвшееся *Юноніей*, и множество храмовъ, изъ которыхъ славнѣйшіе два находились: на склонѣ горы у города Аргоса и на островѣ Самосѣ въ Эгейскомъ морѣ (у береговъ Малой Азіи). Отъ этого послѣдняго Юнона называлась: *Самія*. Хариты (Граціи) и Горы сопутствовали этой богинѣ, а Ириса была у ней особенно близкой прислужницей.

Изъ животныхъ посвящались Юнонѣ: въ Греціи — павлинъ, въ Италіи — гусь, какъ символы горделиваго величія богини. Кромѣ того, полагая, что священное бракосочетаніе Геры съ Зевсомъ было праздновано весной, Греки посвящали богинѣ кукушку, какъ вѣстницу весны. И всѣ главнѣйшія празднества этой богинѣ назначались весной. Всѣ онѣ выражали различныя обстоятельства, намекающія на супружество Геры съ Зевсомъ и состояли въ подражаніи свадебнымъ обычаямъ. Наконецъ, богинѣ посвящались цвѣты, какъ спутники весны. На празднествахъ Юноны все бывало изукрашено и увѣнчано цвѣтами.

1-го Марта Римлянки праздновали этой богинѣ праздникъ *Матроналій*. Онѣ являлись къ жертвенному огню безъ всякихъ узловъ въ одеждѣ и получали отъ своихъ пріятелей, супруговъ или возлюбленныхъ, различные подарки и въ свою очередь угощали и одаривали своихъ прислужницъ.

Аттрибуты Юноны: царская діадема и скиптръ, какъ принадлежности супруги царя боговъ, или же—звѣздами усѣянный покровъ, представитель царицы неба. Ее изображали въ видѣ величавой женщины, въ красотѣ которой видно преобладаніе важности и горделивости надъ нѣжностью и граціей. Открытое чело и божественный взглядъ запечатлѣны величіемъ и внушаютъ его зрителю. Гомеръ называетъ Геру достославною, взоростремительною богиней. Одежда ея — туника, схваченная поясомъ.

Иногда, какъ на нашей таблицѣ, изображали ее въ діадемѣ, безъ пояса, въ длинной одеждѣ, схваченной только на одномъ плечѣ и свободно ниспадающей съ другаго и со стана. Въ одной рукѣ царскій жезлъ, въ другой—патѐра (символъ приносимыхъ ей жертвенныхъ даровъ).

Наконецъ, на иныхъ изображеніяхъ: богиня возсѣдаетъ на тронѣ, со скиптромъ и гранатой; или же на колесницѣ, которую везутъ два павлина; или—на колесницѣ же, съ павлиномъ у ногъ ея и съ кукушкой на скиптрѣ. Черезъ каждыя 5 лѣтъ греческія женщины и дѣвушки собирались въ Олимпіи для празднества Юнонѣ. Въ этихъ празднествахъ только онѣ и могли участвовать. Во время празднества ткали богинѣ великолѣпныя, священныя одежды, а потомъ раздѣлившись на-двое состязались въ бѣганьи. Въ жертву богинѣ приносились преимущественно ягнята и молодыя бѣлыя коровы.

Въ Римѣ много было храмовъ *Юнонѣ-Люциніи*. Такъ прозывали ее, потому-что, считая ее помощ-

ницей женщинамъ въ родахъ, воздавали ей и соотвѣтствующее почитаніе. Ей посвящались на служеніе первые дни *) каждаго мѣсяца и особенно— весь мѣсяцъ іюнь. Въ первыя времена называли Юнонами геніевъ, покровительствовавшихъ женщинамъ.

ПОСЕЙДОНЪ или НЕПТУНЪ.

(См. табл. III).

Онъ назывался у Грековъ также *Посидаономъ* и *Посейдаономъ*, а у Римлянъ *Нептуномъ*, былъ также сынъ Кроноса и Реи, слѣдовательно братъ Зевса. Въ войнѣ Зевса съ Титанами и Гигантами Посейдонъ усердно помогалъ брату. Въ благодарность, Зевсъ благоволилъ раздѣлить съ нимъ владычество

---

*) У Римлянъ: первый день каждаго мѣсяца назывался ***календы*** (calendæ), средній—***идами*** (idus); ***нонами*** (nonæ) назывался десятый день до идъ. Такимъ образомъ мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ частей или періодовъ: первый—отъ календъ до нонъ; второй—отъ нонъ до идъ; третій—отъ идъ до календъ слѣдующаго мѣсяца.

Дни недѣли (отъ нашего воскресенья) назывались: 1) ***dies solis*** (день солнца), 2) ***dies Martis*** (день Марса), 3) ***dies Mercurii*** (д. Меркурія), 4) ***dies Lunæ*** (д. луны), 5) ***dies Jovis*** (д. Юпитера), 6) ***dies Veneris*** (д. Венеры), 7) ***dies Sabbati***, ***dies Saturni*** (д. субботы, д. Сатурна). У Грековъ: мѣсяцъ дѣлился на 3 десятидневника или ***декады***. Дни недѣльные (начиная съ нашего воскресенья) назывались по именамъ тѣхъ же божествъ, какъ и у Римлянъ, только Греческими, а не Римскими именами: 1) ***имѐра ту Иліу***, т. е. день солнца; 2) ***имера тисъ Селинисъ***, т. е. день луны; 3) ***и. ту Арэосъ***,—день Марса; 4) ***и. ту Ерму***—д. Эрмія или Гермеса; 5) ***и. ту Діосъ***—д. Зевса; 6) ***и. тисъ Афродитисъ***—д. Афродиты; 7) ***и. ту Кро́ни Саббату***—д. Хроноса или субботы. Очевидно, что семидневные періоды заимствованы у Евреевъ. ***Прим. перевод.*** (изъ Метрологіи).

свое. Брошенъ былъ жребій, — Посейдону досталось въ удѣлъ море (см. ниже: ***Ириса***, 2-я цитата изъ Илліады), съ моремъ неразлучно было и главное господство надъ вѣтрами и власть производить землетрясенія, чѣмъ и объясняется употребляемое часто *) у Гомера прозваніе его: землеколебателя.

Такимъ-то образомъ вырабатывалось у древнихъ сказаніе о господствѣ стихій. Посейдонъ означаетъ водную стихію, Зевсъ и Гера слѣдующія двѣ, т. е. Небо и Землю **). И Посейдонъ почитался за великаго и могущественнаго бога, ибо подъ его стихіей разумѣлись явленія не менѣе важныя и разнообразныя сравнительно съ тѣми, которыя разумѣлись подъ олицетвореніями неба и земли. Онъ

---

*) ***Напримѣръ***:

(Пѣснь V, ст. 365—368) { Изображеніе гибели корабля Одиссеева на пути изъ жилища Нимфы Калипсо:

«Тою порою, какъ онъ (Одиссей) колебался разсудкомъ и сердцемъ,
«Поднялъ изъ бездны волну Посидонъ, потрясающій землю,
«Страшную, тяжкую, горообгромную; сильно онъ грянулъ
«Ею въ него.»......

Или еще:

(Пѣснь VII, ст. 270—271) { Разсказъ Одиссея о претерпѣнныхъ имъ бѣдахъ.

— — — — — — «Много однако еще мнѣ
«Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный готовилъ.» ***Пр. перевод.***

) Слово *стихіи*** или ***элементы*** стоитъ здѣсь въ томъ смыслѣ, какой придавали имъ древніе, т. е. въ смыслѣ силъ природы, слѣдовательно неподлежащихъ человѣческимъ вліяніямъ. Теперь же всякому образованному человѣку извѣстно, что съ современной точки зрѣнія естественныхъ наукъ прежнія 4 стихіи не выдерживаютъ своего названія. И воздухъ (небо), и вода, и огонь, и земля суть тѣла, состоящія изъ другихъ тѣлъ: твердыхъ и газообразныхъ, которыя уже въ свою очередь въ химіи дѣйствительно называются элементами или основными началами, неподлежащими (пока еще) дальнѣйшимъ разложеніямъ.

Прим. перевод.

является богомъ влажности и всякой воды на землѣ, но выразительнѣе чѣмъ гдѣ-либо высказывалось могущество его въ морѣ, когда отъ бушующихъ волнъ, какъ бы отъ подземнаго колебанія, содрогались уединенные острова и прибрежныя скалы. Поднять изъ необъятнаго моря влагу и скопить ее въ тучи; сильной десницей всколебать землю, чтобъ раздвинулись горы и на мѣстѣ ихъ развернулись водообильныя долины; свѣтлымъ ключемъ прыснуть изъ каменной груди горы; — вотъ что, по народному вѣрованію, доступно всемощному бога морскаго трезубцу. Все же то на потребу природѣ и людямъ: влагой обильныя тучи разнесутъ ее по полямъ и нивамъ и приготовятъ роскошную жатву (Цереры); воспитаютъ лозу виноградную и драгоцѣнной струей перейдутъ потомъ въ плодъ Діонисса (Бахуса); наполнятъ ключи и источники (Нимфъ), рѣки, озера и самое — бурѣ подобное — кипучее море.

Владычествуя въ своемъ обширномъ царствѣ, Посейдонъ является, какъ видно, въ тѣсномъ родствѣ съ Деметрой (Церерой) и Діониссомъ (Бахусомъ), а также и въ тѣсной дружбѣ съ Нимфами, своей божественной дѣятельностію наполняя такимъ образомъ жизнь людей на морѣ и сушѣ, на горахъ и въ долинахъ.

Не менѣе благодѣтельныхъ въ мірѣ вліяній Посейдона знаменательны и противодѣйствія его другимъ божествамъ. Помогая Зевсу въ войнѣ его съ Титанами и Гигантами, Посейдонъ сокрушилъ великана Полибота и ниспровергъ его въ пучину морскую подъ мысъ острова Коса. Послѣ такого

подвига онъ неосторожно поссорился съ Зевсомъ и возсталъ противъ его первенства. На цѣлый годъ отнялъ Зевсъ у брата владычество надъ моремъ и вѣтрами и велѣлъ ему вмѣстѣ съ Аполлономъ служить царю Троянскому Лаомедону, все это время помогая царю доканчивать великія стѣны Троянскія. Такъ говорятъ нѣкоторые писатели; другіе же утверждаютъ, что оба бога добровольно взялись за постройку стѣнъ Трои. Они пожелали испытать нравственныя качества Лаомедона. Когда онѣ выказались въ невыгодномъ свѣтѣ, ибо царь отнѣкивался и пытался не выдать Посейдону условленнаго за работу вознагражденія, то Посейдонъ въ негодованіи на низкій поступокъ (см. ниже *Аполлонъ*) наводнилъ его землю, а вслѣдъ за наводненіемъ выслалъ морское чудовище. Только отдавши на жертву чудовищу дочь Лаомедона, можно было умиротворить разгнѣваннаго Посейдона. Но Гераклъ освободилъ дѣвицу и умертвилъ чудовище. Такимъ образомъ, неумиротворенный Посейдонъ ждалъ случая излить гнѣвъ свой на виновныхъ. Во время войны съ ними Грековъ, онъ, ставъ на сторонѣ послѣднихъ, готовился надѣлать неисчислимыхъ бѣдъ Троянцамъ. Онъ исполнилъ бы свою божественную месть, еслибъ Зевсъ не воспротивился его враждебнымъ намѣреніямъ. Хотя и съ ропотомъ, но долженъ былъ подчиниться онъ велѣнью державнаго владыки и предоставить Грековъ ихъ собственнымъ силамъ. Такимъ образомъ, самымъ поступкомъ своимъ призналъ Посейдонъ верховное господство преемника Кроноса (см. ниже *Ириса*, 2-я цитата изъ Гомера).

Преданія говорятъ, что бывали у Посейдона споры и съ другими богами за право обладанія той или другой областію Греціи. Только и изъ этихъ споровъ выходили Посейдону однѣ неудачи. Такъ, напримѣръ, случилось и въ знаменитое состязаніе его съ богиней Аѳиной за Аттику. Въ сонмѣ боговъ опредѣлено отдать эту область тому, кто сотворитъ величайшее чудо и подаритъ Аттикѣ полезнѣйшій подарокъ. Посейдонъ ударилъ своимъ мощнымъ трезубцомъ въ 400 футовую, совершенно безводную, Аѳинскую скалу и брызнулъ изъ скалы обильный соляной источникъ. На той же голой скалѣ вызвала къ жизни Аѳина оливковое дерево, и боги рѣшили, что полезнѣйшій даръ — даръ богини Аѳины. Ей то и посвящена Аттика. Посейдонъ излилъ свою досаду наводненіемъ, которое наслалъ на эту область.

Въ сторонѣ Лерны, въ безводной области Арголидѣ, Посейдонъ изъ любви къ робкой дочери царской Амимонѣ, искавшей и не могшей найти воды Данаю, отцу своему, вызвалъ трезубцемъ изъ земли три обильныхъ и свѣтлыхъ ключа. Преданье говоритъ, что Арголида была бѣдна водою съ тѣхъ— поръ, какъ прогнѣвался на нее суровый богъ моря, за то, что при спорѣ съ Юноной Инахъ присудилъ эту область ей, а не ему.

По вѣрованью Грековъ законной женой Посейдона была Амфитрита, дочь Океана и Теѳисы. Но кромѣ законной были и другія. Отъ нихъ въ миѳологіи извѣстнѣйшіе доблестные сыны: отъ Геи — исполинъ *Антей*, побѣдитель Геракла; отъ Меланиппы — *Эолъ* и *Бэотъ*; отъ Тиро — *Пеліасъ* и

Нелей (первый, пославшій Аргонавтовъ; послѣдній— отецъ Нестора); отъ Өоозы — ***Полифемъ***; отъ Алопы — ***Гиппоөонъ***; отъ Медузы — Крылатый, Нимфами источниковъ вскормленный, конь ***Пегасъ***, олицетворившій у поэтовъ полетъ вдохновенія; наконецъ, отъ Теофаны, обращенной въ овцу, — золотой баранъ Аргонавтовъ. Принявши на себя образъ коня, Посейдонъ произвелъ на свѣтъ удивительное существо «***Аріона***», который скоро прославился своей необычайной быстротой. Поэтому его изображали, какъ и Пегаса, крылатымъ конемъ. Преданія Аркадскаго происхожденія относятъ это чадо къ союзу Посейдона съ Деметрой; по сказанью-жъ, господствовавшему въ Віотіи, Аріонъ былъ плодомъ супружества его съ одной изъ Эриній.

Во всѣхъ этихъ существахъ вѣрованье Грековъ олицетворило необыкновенно быстрое и многостороннее проявленіе и вліянье въ природѣ влажнаго элемента Посейдонова.

Жилище Нептуна представляли себѣ въ глубинѣ моря (по гречески ***Понта***), въ великолѣпныхъ, блистательныхъ чертогахъ. Отсюда властвовалъ онъ не только надъ моремъ, но и простиралъ свое вліяніе на острова, мѣста прибрежныя и лежащія далѣе вглубь страны, и на самыя горы. Быстрые кони морскіе, или гиппокампы, которыхъ изображали спереди конями, а сзади — рыбами, носили его по зыбкой поверхности моря, когда богъ отправлялся осматривать свои владѣнія. Такъ Посейдонъ представленъ и на нашей таблицѣ, съ символомъ властителя въ правой рукѣ.

Вотъ какимъ образомъ творецъ Илліады, Гомеръ, воспѣваетъ эти божественныя поѣздки. Вмѣсто довольно сухой и короткой прозы подлинника мы позволяемъ себѣ привести здѣсь Гомера въ переводѣ Гнѣдича (Илліада. Пѣснь XIII), начиная съ того мѣста, гдѣ изъ возвышеннаго жилища своего Посейдонъ, созерцая битвы Ахейцевъ съ Троянцами, скорбитъ о неудачахъ Грековъ, ропщетъ на Зевса державнаго, ему повелѣвшаго, какъ выше сказано, оставить Грековъ ихъ собственнымъ силамъ, и наконецъ въ негодованьи несется на помощь къ нимъ, чтобы отмстить Троянцамъ.

«Болѣе Зевсъ къ Илліону очей не склонялъ свѣтозарныхъ;
«Ибо не чаялъ уже, чтобы кто изъ боговъ Олимпійскихъ
«Вышелъ еще поборать за Троянскихъ сыновъ иль Ахейскихъ.
«Но соглядалъ не напрасно и богъ Посидаонъ великій:
«Самъ онъ сидѣлъ, созерцая войну и кровавую битву
«Съ горныхъ вершинъ, съ высочайшей стремнины лѣсистаго Сама
«Въ Ѳракіи горной; оттолѣ великая видѣлась Ида,
«Видѣлась Троя Пріама и станъ корабельный Ахеянъ.
«Тамъ онъ, изъ моря изшедшій, сидѣлъ, сострадалъ объ Ахейцахъ,
«Силой Троянъ укрощенныхъ, и страшно роптала на Зевеса.
«Вдругъ негодуя возсталъ и съ утесной горы устремился,
«Быстро ступая впередъ: задрожали дубравы и горы
«Вкругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога.
«Трижды ступилъ Посидонъ и въ четвертый достигнулъ предѣла
«Эги; тамъ Посидона въ заливѣ глубокомъ обитель,
«Домъ золотой, лучезарно сіяющій, вѣчно нетлѣнный.
«Тамъ онъ притекшій, запрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
«Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя.
«Золотомъ самъ онъ одѣялся, въ руку десную прекрасный
«Бичъ захватилъ золотой и на свѣтлую сталъ колесницу;
«Коней погналъ по волнамъ; и взыграли страшилища бездны,
«Вкругъ изъ пучинъ заскакали киты, узнавая владыку;

«Радуясь, море подъ нимъ разстилалось; а гордые кони
«Бурно летѣли, зыбей не касаяся мѣдною осью;
«Къ стану Ахейскому мчалися быстро-скакавшіе кони.»

Самого Посейдона изображали въ видѣ угрюмаго старца съ большой бородой и съ трезубцемъ въ рукѣ. Это орудіе (Греки называли его: Тріена, а Римляне — ТридENSъ), отъ котораго трепетали Гиганты, вздымалось море, били изъ камней источники и дрожали скалы и лоно земное, напоминало своей формой гарпунъ, съ которымъ уже въ древнѣйшія времена выѣзжали жители Средиземнаго поморья на ловлю тунцовъ *).

Вотъ какъ воспѣваетъ Шиллеръ строителя стѣнъ Трои: „...И самъ царь морей поспѣшаетъ, мощнымъ трезубцемъ своимъ въ гранитную грудь поражаетъ онъ землю; раздробляются скалы и изъ державной десницы легкими осколками ниспадаютъ снова на лоно земное, гдѣ съ ловкимъ Гермесомъ царь Посейдонъ громоздитъ изъ нихъ необъятныя стѣны.“

---

*) *Тунцы*, Thon, Thunfish, tunny-fish — одна изъ самыхъ большихъ пу-
рыбъ Средиземнаго моря, бываетъ до двухъ саженъ длины и до 4 напоми-
довъ вѣсу. Съ небольшой (относительно тѣла) головкой, тунецъ на спинѣ
наетъ формой огромное веретено, сіяющее ярко-голубой чешуей чешуи,
и бокахъ и серебристой — на брюхѣ. Но не ради его блестящей напоминающаго
а изъ-за его лакомаго, жирнаго мяса, вкусомъ нѣсколько по-
стерлядь, преслѣдовали тунца уже и древніе обитатели Средиземнаго об-
морья, какъ не перестаютъ преслѣдовать и теперешніе. Ловлю ихъ од-
легчаютъ періодическія переселенія тунцовъ безчисленными стадами изъ Гре-
ного моря въ другое или отъ одного берега къ другому. Древніе Римскіе и са-
ческіе гастрономы особенно уважали въ тунцѣ голову и грудь, какъ по-
мыя жирныя части. Теперь тунцовъ солятъ, коптятъ, или изрѣзавъ и
сыпавъ солью заливаютъ оливковымъ масломъ.

Прим. перевод.

"Auch den Meergott sieht man eilen;
Rasch mit des Tridentes Stoß
Bricht er die granitnen Säulen
Aus dem Erdgerippe los,
Schwingt sie in gewalt'gen Händen
Hoch wie einen leichten Ball,
Und mit Hermes, dem behenden,
Thürmet er der Mauern Wall.„

Супругу Посейдона, Амфитриту, часто изображали съ развѣвающимся на головѣ покровомъ, вмѣстѣ съ супругомъ въ раковинѣ, плывущей или несомой дельфиномъ *). Нереиды, Тритоны **), дельфины и яростныя чудовища, сопровождавшія божественную чету, были символами подвижной, тревожной стихіи и бурныхъ набѣговъ на землю кипящихъ, пѣнистыхъ валовъ въ часы непогоды.

Повсюду въ Греціи, особенно въ приморскихъ городахъ и гаваняхъ, Посейдону воздавалось самое ревностное и многообразное почитаніе. Кромѣ различныхъ святилищъ и праздниковъ въ честь ему были построены прекрасные храмы въ Ѳессаліи,

---

*) *Дельфины* принадлежатъ къ разряду млекопитающихъ рыбообразныхъ, слѣдовательно находятся въ близкомъ родствѣ съ китами, кашалотами и др. Величиной бываютъ отъ 8 до 10 футовъ. Водятся огромными стадами во всѣхъ моряхъ. Любятъ сопровождать корабли, выжидая какой-либо подачки или поживы для своей помѣстительной пасти, вооруженной 80 зубами. — Черноморскихъ дельфиновъ называютъ у насъ *морскими свинками*.

Древніе много разсказывали о дельфинѣ баснословнаго и, пользуясь нѣкоторой смышленостью этого животнаго, сравнительно съ рыбами, съ которыми многіе его смѣшивали, Греки видѣли въ немъ чуть не образъ нравственнаго и физическаго совершенства. *Прим. перевод.*

**) *Тритоны* — низшія божества, прислужники и исполнители повелѣній Посейдона; *Нереиды* же — нимфы морей. (См. ниже). *Пр. перев.*

Віотіи, внутри Пелопонеза, въ Аркадіи, а также и въ городахъ Егейѣ и Геликѣ въ приморской области Ахайи, въ Пилосѣ Мессенскомъ, въ Элидѣ, на островѣ Самосѣ, въ Коринѳѣ, Навпліи, Трэценѣ; на остр. Калавріи, въ Эвбеѣ, Скиросѣ, Теносѣ; на Мало-Азійскихъ берегахъ въ Іоніи при Микалѣ, на мысѣ Тенарскомъ, въ Аѳинахъ и на Истмѣ, т. е. на перешейкѣ, соединяющемъ у Коринѳа Пелопонезъ съ остальной землей Греціи.

Ѳессалійцы обожали его съ тѣхъ-поръ, какъ Посейдонъ трезубцемъ своимъ пробилъ горы, съ незапамятныхъ временъ замыкавшія со всѣхъ сторонъ Ѳессалію, и такимъ образомъ далъ возможность посредствомъ образовавшейся долины (Темпейской) стекать всей той водѣ, которая прежде переполняла пространство области. — И въ Віотіи, плодоносной низменности, мѣстами впрочемъ не менѣе Аркадіи изобильной горами и котловинами, долинами и водопадами, почитали Посейдона за любовь его къ Деметрѣ, богинѣ земледѣлія и хлѣбопашества, которыя такъ процвѣтали въ этой области.—Знаменитъ былъ на островѣ Теносѣ ежегодный праздникъ въ честь Посейдона, котораго тамъ чтили еще какъ врача. Съ окрестныхъ острововъ множество народу стекалось къ этому празднику, который проходилъ въ жертвоприношеньяхъ, пирушкахъ и общихъ совѣщаньяхъ и вспомоществованьяхъ. — На Истмѣ два раза въ каждую Олимпіаду, осенью, праздновались блистательныя игры, устроенныя Тезеемъ (однимъ изъ героевъ Греческихъ) въ честь Посейдона. Эти игры были знамениты не менѣе Олимпійскихъ. Такая же была и

цѣль ихъ, а именно: воспитывать и поддерживать въ отдѣльныхъ обществахъ Греческихъ мысль о взаимномъ родствѣ ихъ по единству происхожденія. По имени мѣста, гдѣ игры эти происходили, и назывались онѣ Истмійскими. Аѳиняне пользовались нѣкоторыми преимуществами на этихъ играхъ, надзоръ за которыми порученъ былъ Коринѳянамъ. Это былъ главнѣйшій праздникъ Посейдону, какъ державному владыкѣ морей и покровителю коноводства. Посвященный ему здѣсь храмъ и другія святилища находились въ сосновой рощѣ. Праздникъ сопровождался состязаньями, въ которыхъ побѣдителя украшали вѣнкомъ изъ сосновыхъ вѣтвей. Въ этой же рощѣ съ религіознымъ благоговѣніемъ сохраняли Греки корабль Аргонавтовъ, Арго *), въ воспоминаніе перваго великаго предпріятія ихъ на морѣ. Здѣсь же, въ святилищѣ Посейдона находилась статуя его, ростомъ въ 7 локтей **), изъ желѣза, поставленная Греками послѣ

---

*) Преданіе говоритъ, будто Язонъ, одинъ изъ героевъ Греческихъ, отправился на этомъ кораблѣ изъ Өессаліи въ Колхиду (нынѣшняя Кутаисская губ.), чтобъ возвратить оттуда золотаго барана, на которомъ спаслись дѣти одного Греческаго князя отъ преслѣдованій своей злой мачихи. Походъ этотъ относится къ 1200 году до Р. Хр. — Въ преданіи важнѣе всего то, что видно, какъ готовы были Греки и въ глубочайшей древности, на всякое отважное предпріятіе, вызванное чаяньемъ богатой выгоды, хотя бы то было на край свѣта. Колхида по тогдашнимъ понятіямъ о пространствѣ земли была дѣйствительно чѣмъ-то въ родѣ края свѣта.

Прим. перевод.

**) Мѣра *локоть* упоминается писателями у всѣхъ древнихъ народовъ, хотя не у всѣхъ народовъ имѣлъ онъ одинакую величину:

1) Локоть Греческій былъ равенъ нашимъ 10,14 вершкамъ.
Греки называли его: *пѝхисъ*.

2) Локоть Римскій (cubitus) — — — 9,91 вершкамъ.

знаменитой побѣды ихъ на морѣ, гдѣ былъ ими разбитъ весь флотъ Персидскій.

Посейдону приносили въ жертву коней и быковъ, которыхъ и погружали въ море; иногда же сожигали, какъ видно изъ 111-й пѣсни Одиссеи:

«Тою порою достигнулъ корабль (Одиссеевъ) до Нелеева града
«Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ
«Черныхъ быковъ Посидону, лазурнокудрявому богу;
«Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пятисотъ на каждой,
«Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.
«Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ
«Бедра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы.»

Спасающійся отъ кораблекрушенія вѣшалъ что-либо въ храмѣ Посейдона въ память своего избавленія.

Римляне называли Посейдона Нептуномъ, что̀ означало *владыку морей*. Хотя Римляне въ первоначальныя времена были преимущественно пастухами и земледѣльцами и слѣдовательно мало приходили въ прикосновеніе съ моремъ, однакожъ каждый годъ они собирались на праздникъ этому божеству въ храмѣ его, на Марсовомъ полѣ, и послѣ располагались на немъ же въ шалашахъ для пирушки, попойки и игръ. Въ позднѣйшія времена, когда Римляне, благодаря войнамъ съ Карѳагенянами, стали отважно пускаться въ море, всякій

---

3) Локоть Арабскій (derага) былъ равенъ нашимъ 14, 4 вершкамъ.
4) Локоть Египетскій (малый) — — —— 10,14 ——
—— ——— (большой или царской) = 11,83 ——
5) Локоть Іудейскій (ammah) былъ двоякій: большой и малый. Большой или священный (cubitus verissimus) = 11,83 вершкамъ.
Малый или мужскій (cubitus virilis) = 10,14 ——
Прим. перевод. (Заимствовано изъ метрологіи же).

военачальникъ, передъ выступленіемъ съ флотомъ, приносилъ жертву Нептуну.

Супругу Нептуна Римляне называли *Салаціей*, т. е. богиней соленой стихіи. Плодъ союза ихъ — *Тритона* — Греки называли сыномъ Амфитриты. Вникните, читатели, въ изложенный миѳъ о Посейдонѣ (Нептунѣ) и вамъ раскроется полное олицетвореніе влажной стихіи во всѣхъ ея до безконечности разнообразныхъ проявленіяхъ въ природѣ: и въ видѣ обширнаго моря — пространнаго поприща для мореходства; и въ видѣ тучъ, несущихъ въ себѣ изъ моря скопленный запасъ, чтобъ напоить жаждущую землю и ускорить созрѣваніе хлѣба и виноградной лозы; и въ видѣ свѣтлыхъ источниковъ, бьющихъ прохладной струей на благо стадамъ животныхъ и на здоровье человѣку. Въ самомъ томъ дивномъ конѣ, котораго мощные прыжки и стремительный бѣгъ какъ бы напоминаютъ шумно и съ пѣной катящіяся на берегъ волны морскія, видишь и силу, способствующую земледѣлію, и помощь для всадника въ битвѣ. Битвами Посейдона съ Бріареемъ и Титанами конечно выражена борьба враждебныхъ началъ въ природѣ, возникающая каждый разъ, когда этимъ началамъ случается приходить во взаимное прикосновеніе, и оканчивающаяся, какъ и у Посейдона съ противниками, взаимнымъ же ихъ уравновѣшеніемъ, т. е. покоемъ. Изъ олицетворенія въ образѣ божества тѣхъ многообразныхъ проявленій и дѣйствій влаги въ природѣ видно, какъ глубоко лежало естественное религіозное чувство въ душѣ тогдашняго Грека и какъ ясно оно выражалось въ выработанныхъ

имъ же самимъ божествахъ, ибо эти послѣднія вѣрно соотвѣтствовали живымъ силамъ природы.

АМФИТРИТА.

Амфитрита по однимъ сказаніямъ была дочерью Океана и Теѳисы, по другимъ же — Нерейя и Дориды. Она была супругой Посейдона и произвела ему Тритона и Роду. Отъ послѣдней островъ Родосъ получилъ свое имя. Одни преданія говорятъ, будто Посейдонъ увидѣлъ Амфитриту въ пляскѣ Нереидъ, на островѣ Наксосѣ, и оттуда похитилъ ее. По другимъ же она спаслась отъ Посейдона на Атласъ, гдѣ ее однакожъ отыскалъ дельфинъ морскаго бога.

Амфитрита, какъ богиня морей, является не только воздымающей грозныя волны и потрясающей ими подводныя скалы и утесы, но въ ней же и залогъ попеченій о всякой твари, населяющей море.

Изображаютъ ее обыкновенно съ развѣянными по вѣтру волосами или вплетенными въ нихъ на вискахъ раковыми клешнями и въ такомъ видѣ сидящей (одна или съ супругомъ) на спинѣ у Тритона или другаго чудовища, въ сопровожденіи морскихъ животныхъ и растеній.

Амфитрита Грековъ соотвѣтствуетъ Римскимъ: ***Салаціи***, ***Невериттъ*** и ***Фенильѣ***.

У писателей часто вмѣсто имени моря стоитъ имя этой богини.

ПЛУТО или ГАДЕСЪ.

(См. табл. IV).

Въ древнѣйшія времена Греки называли его *Аидесъ* (т. е. незримый), *Аидоней*, *Гадесъ*, позже: *Плутонъ* (т. е. богатый), а Римляне: — *Плуто* съ разными приставными именами, какъ-то: *Стикскій Юпитеръ*, *Сподручникъ Юпитеровъ*, *Оркусъ*, *Февруcъ*, *Дисъ*, *Суммапусъ*, т. е. верховный молитвенникъ за тѣни усопшихъ, за души отшедшихъ изъ міра.

Вспомните, читатели, раскрытую уже въ началѣ идею, лежащую въ основаніи миѳологіи, и вы легко найдете и въ миѳѣ о Гадесѣ смыслъ и значеніе, почерпнутыя изъ природы. Небо, поверхность земли и море составляли для древнихъ весь видимый міръ и они олицетворяли его Зевсомъ, Герой и Посейдономъ. Но и внутренность земли, которую считали пустою, древніе воображали себѣ особымъ царствомъ, которое должно было также имѣть своего владыку. Въ именахъ этого владыки выражено двоякое представленіе о немъ древнихъ. Плутономъ, или богатымъ, обозначенъ расточитель царствъ растительнаго и минеральнаго, имѣющихъ происхожденіе свое ближе или далѣе въ нѣдрахъ земли; Аидесомъ, Гадесомъ (т. е. невидимымъ) обозначенъ владыка подземнаго, невѣдомаго міра, куда все отжившее, и самъ человѣкъ своей плотію, неминуемо должны отойти и сокрыться. И такъ Податель земныхъ благъ съ одной сто-

ПЛУТОНЪ и ПРОЗЕРПИНА.

ЦЕРЕРА.

ВЕСТА.

роны, является повелителемъ тѣней усопшихъ съ другой. Обнимая въ своемъ царствѣ весь таинственный, подземный міръ, Плутонъ получаетъ еще названіе Зевса Катахѳоніоса, т. е. подземнаго Зевса или Зевса Земли. Какъ виновника произрастенія зерна, съ теплой надеждой зарытаго въ борозду поля; какъ виновника вообще плодородья земли, изъ нѣдръ своихъ производящей на свѣтъ богатство растительнаго міра, его почитали за бога ласковаго и попечительнаго и звали его *благодѣтелемъ*.

Съ представленіями объ избыткѣ и плодородіи земли несовмѣстно, что она же потомъ и поглощаетъ опять все безъ возврата. Но древніе и эту особенность земли, олицетворенную въ Аидесѣ, съумѣли возвести въ новый титулъ подземнаго бога, назвавши его *непримиримымъ*, *неумолимымъ*, увлекающимъ въ мрачныя нѣдра свои, — въ Оркусъ, въ Аидъ, — все живущее на поверхности земли и самаго человѣка, когда исполнится рядъ прожитыхъ имъ годовъ. Эта великая таинственность смерти, такъ неразлучной въ природѣ съ рожденіемъ и жизнію, была у древнихъ предметомъ празднованія Элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ посвященные, покидая страхъ смерти, черпали успокоительную надежду на лучшую будущность.

Ученіе о Гадесѣ выработывается въ опредѣленный миѳологическій образъ въ повѣствованіи о супружествѣ Аидеса съ Персефоной (Прозерпиной). Въ этой божественной четѣ подземнаго міра олицетворены представленія, на столько повидимому противоположныя, на сколько кажутся противопо-

ложными жизнь и смерть. Въ обоихъ этихъ божествахъ вѣрованіе древнихъ видѣло страшную чету непримиримыхъ враговъ всякой жизненности, высылавшихъ на нее непрерывный рядъ истребительныхъ смертей. А между тѣмъ въ томъ же миѳѣ лежитъ все прежняя основная во всей миѳологіи идея любви, наполнявшей своей дѣятельностію предѣлы даже подземнаго міра. Что же другое, какъ не любовь, приковывала Персефону къ супругу ея, когда на вызовъ матери своей Деметры (Цереры) она отвѣчала, что не можетъ воротиться въ подземный міръ потому, что до половины уже съѣла полученную отъ супруга гранату, такъ называемое яблоко любви. (Объ этомъ пространнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). Въ такомъ тѣсномъ родствѣ посредствомъ дочери своей стояла Деметра съ подземнымъ царствомъ смерти. Но не смотря на связь любви въ самомъ царствѣ Аидеса отсутствіе жизни видно изъ того, что (по тому же миѳу) божественная чета пребывала бездѣтной. Въ уваженіе этого же миѳа на изображеньяхъ Персеѳоны и Гадеса граната является какъ непремѣнный символъ ихъ.

Гадесъ былъ сынъ Реи и Хроноса. Владычество надъ міромъ подземнымъ досталось ему, когда послѣ низверженья съ престола Хроноса, братья: Зевсъ, Посейдонъ и Гадесъ, жребію предоставили рѣшить, кому чѣмъ владѣть въ мірѣ. Ужъ по одному этому простому сказанью означенныя три божества являются очевидно главнѣйшими изъ всѣхъ. Гадесъ содѣйствовалъ Зевсу въ войнѣ его съ Титанами, потомъ съ Гигантами, и за то получилъ въ пода-

рокъ шлемъ-невидимку, конечно весьма приличный тому божеству, въ назначенiи котораго заключалась смерть, незримо приближающаяся къ своей жертвѣ.

Власть Гадеса надъ мiромъ подземнымъ не менѣе была значительна, чѣмъ власть Посейдона надъ моремъ или Зевса надъ небомъ, не смотря на верховное господство послѣдняго во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Все населенiе царства Гадесова состояло изъ тѣней усопшихъ.—Греки и Римляне придавали этому царству различныя прозвища: *Аидесъ* (сокращенное Аида), *Гадесъ*, *Эребъ*, *Оркусъ*, *Тартаръ*. Представленiя древнихъ о смерти и тогда уже были до того разнообразны, что мы извлекаемъ изъ нихъ только наиболѣе распространенныя.

Уже касательно самаго мѣста, гдѣ быть царству Гадеса, древнiе писатели несогласны: то его полагаютъ въ подземномъ мiрѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. подъ кровлей земной коры; то ищутъ его на дальнемъ западѣ, въ Океанѣ, гдѣ дремлютъ мрачныя рощи Персефоны. Тѣнь матери Одиссеевой говоритъ своему сыну, проникшему въ царство Гадеса (*Одиссея. Пѣснь XI*):

«Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную область
»Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго: шумно бѣгутъ здѣсь
«Страшныя рѣки, потоки великiе; здѣсь Океана
«Воды глубокiя льются: никто переплыть ихъ не можетъ
«Самъ. То однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно.

Къ подземному мiру ведутъ изъ царства Гадеса широко-отверстыя врата. Въ нихъ входъ усопшимъ въ царство тѣней, конечно безъ возврата въ

свѣтлый міръ. Изъ живыхъ только рѣдкимъ героямъ, какъ напримѣръ Гераклу и Орфею, суждено было проникнуть на время въ обитель усопшихъ. Входъ защищался страшнымъ церберомъ, собакой съ тремя головами и змѣинымъ хвостомъ. Входящихъ онъ встрѣчалъ ласковымъ привѣтствіемъ, но горе тому, кто вздумалъ бы выйти назадъ изъ царства Гадеса: свирѣпо зубами онъ тѣхъ снова увлекалъ далеко отъ мѣста ихъ позднихъ желаній. Кромѣ этихъ обширныхъ вратъ подземный міръ отдѣлялся отъ верхняго еще многими быстротекущими рѣками. Изъ нихъ знаменитѣйшая — *Стиксъ*. Мысль о Стиксѣ неразлучна была въ древнемъ мірѣ съ такимъ мрачнымъ ужасомъ, что даже высшіе боги призывали его въ свидѣтели справедливости своихъ клятвъ. Черезъ Стиксъ перевозилъ души усопшихъ престарѣлый, богами назначенный въ свою должность, *Харонъ*, но перевозилъ только тѣхъ усопшихъ, чьи тѣла преданы землѣ съ приличными жертвоприношеньями и посвященьями. Въ противномъ случаѣ, несчастнымъ тѣнямъ оставалось, безъ перевозу, печально блуждать у береговъ. Древній содрогался отъ одной мысли о такой скорби. За перевозъ Харонъ получалъ извѣстную плату (у Грековъ: *Навлонъ*). На этотъ конецъ, погребая умершаго, клали ему въ ротъ монету *(Данаке)*, чтобъ было ему чѣмъ расчесться съ перевозчикомъ на Стиксѣ.

Кромѣ Стикса называютъ еще нѣсколько рѣкъ подземнаго міра: 1) *Ахеронъ*, рѣка вѣчныхъ страданій; 2) *Пирифлегетонъ*, огнестремительный; 3) *Коцитосъ*, потокъ воздыханій и скорбнаго вопля; на-

конецъ, по позднѣйшему сказанію, и 4) *Лета*, рѣка забвенія. Послѣдней приписывали то качество, что усопшему стоило испить воды ея и все прежнее человѣка такъ вполнѣ забывалось, какъ будто его никогда и не бывало.

Въ основаніи сказанья объ этой рѣкѣ лежала та мысль, что человѣкъ, отходя въ царство вѣчнаго покоя, свободенъ становился отъ самихъ воспоминаній о нуждахъ, заботахъ и страданіяхъ земной его жизни.

Самый входъ въ подземный міръ помѣщали въ такія мѣстности, которыя особенно-мрачными пропастями и дикими провалами, съ кипящими въ нихъ сердитыми водами, наполняли душу смертнаго небывалымъ ужасомъ, и потому считались наиболѣе приличными для обозначенія входовъ въ мрачный Аидъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ мѣстностей, соотвѣтствующихъ этому назначенію, была Авернисское озеро въ южной Италіи. О немъ разсказывали такія же чудеса, какія теперь слышишь о Мертвомъ морѣ, что будто и птица, которая отважится пролетѣть надъ его вредоносными волнами, увлечется въ бездонную пучину.

Состояніе усопшихъ въ царствѣ Гадеса древніе представляли себѣ чѣмъ-то въ родѣ призрачной жизни, въ которой люди отрѣшенные отъ жизни дѣйствительной, безжизненно-вѣя въ предѣлахъ Аида, какъ выразительно переводитъ Жуковскій Гомерово слово, не утрачивали однако-жъ воспоминанія о своихъ личностяхъ и продолжали, хотя безъ всякаго сознанія, главнѣйшія занятія земной своей жизни. Полное сознаніе даровалось богами

подземнаго міра только нѣкоторымъ избраннымъ, каковъ былъ напр. Ѳивскій прорицатель Тирезій, о которомъ подробнѣе скажется въ своемъ мѣстѣ. Состояніе посмертное условливало слѣдовательно собою безвыходную печаль и уныніе, иначе не говорила бы тѣнь Ахилла Одиссею (того, что мы привели въ одномъ изъ предъидущихъ примѣчаній):

«О, Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
«Лучшебъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
«Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
«Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый.»

Случайно могли тѣни усопшихъ являться къ живымъ друзьямъ своимъ. Можно было и вызывать ихъ изъ Аида различными заклинаньями при жертвоприношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ, если тѣни усопшихъ испивали жертвенной крови, то имъ возвращалось на время сознанье и слово и онѣ снова могли говорить съ живыми.

Приводимъ мѣсто изъ Одиссеи (пѣснь XI), гдѣ Одиссей повѣствуетъ о томъ, какъ онъ, проникнувши въ область Аида съ цѣлью узнать отъ Тирезія будущій жребій свой, приготовляетъ жертву:

«Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
«Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
«Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
«Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону.
«Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
«Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
«Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
. . . .

«Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Ѳивскаго образъ;
«Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и сказалъ мнѣ:
«Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
«Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
«Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?
«Но отслонися отъ ямы и къ крови мечемъ не препятствуй
«Мнѣ подойти, чтобъ напившися могъ я по правдѣ пророчить.
«Такъ онъ сказалъ. Отслоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
«Вдвинулъ въ ножны, а Тирезій, напившися черныя крови,
«Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча.
(Здѣсь длинное предсказаніе Одиссею бѣдствій и благополучнаго исхода ихъ).
«Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая сказалъ я:
«Старецъ! пускай совершится, что мнѣ предназначили боги;
«Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
«Матери милой я вижу отшедшую душу, близъ крови
«Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто не смѣетъ
«Сыну въ лице поглядѣть и завесть разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,
«Старецъ, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живаго узнала?
«Такъ я его вопросилъ и отвѣтствуя такъ мнѣ сказалъ онъ:
«Легкое средство на это въ немногихъ словахъ я открою:
«Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
«Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно
«Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь:
«Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Аида,
«Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.»

Въ царствѣ мертвыхъ находилось два отдѣленія, въ которыхъ и размѣщалась вся масса усопшихъ, одно—*Элизій* и *Острова блаженныхъ*, другое—*Тартаръ* или мѣсто казни для нечестивыхъ. Гдѣ именно, въ какихъ предѣлахъ Гадесова царства, расположены были эти отдѣленія, различныя преданія и говорятъ различно, но господствующее мнѣніе было то, что блаженныя обители пребывали на дальнѣйшемъ западѣ, а Тартаръ такъ глубоко подъ землей, какъ высоко небо надъ нею. Въ обитель

блаженныхъ попадали не столько обыкновенные добрые люди, сколько особые счастливцы, избранники безсмертныхъ боговъ, и въ ней пребывали они подъ кроткой державой Хроноса, наслаждаясь благами безконечнаго *золотаго вѣка*. Вѣрованье позднѣйшихъ временъ позволило надѣяться достигнуть блаженнаго безсмертія и всѣмъ добрымъ людямъ, особенно тѣмъ, которые посвящены были въ Элевзинскія таинства (см. ниже). Тартаръ же былъ, какъ сказано, мѣстомъ безотрадной ссылки всѣхъ, за свою нечестивую жизнь на землѣ утратившихъ всякое благоволеніе безсмертныхъ боговъ. Чтобы дать понятіе о страданіяхъ, на которыя обречены были они, упомянемъ о судьбѣ знаменитѣйшихъ жертвъ Тартара. Скажемъ нѣсколько словъ о мукахъ Тантала, Иксіона, Сизифа, Титія и Данаидъ.

Танталъ, царь Фригійскій, оскорбилъ правосудіе и любовь боговъ своей безграничной заносчивостью, измѣной и жестокостью къ собственному сыну. За это онъ въ Тартарѣ долженъ былъ трепетать ежеминутно, видя надъ головой у себя нависшую, готовую обрушиться, скалу; долженъ былъ чувствовать постоянно жестокую жажду и стоя по горло въ водѣ не смѣть утолить ее, ибо лишь только онъ готовился освѣжить палящую внутренность, вода тотчасъ понижалась; долженъ былъ вѣчно томиться голодомъ и не смѣть облегчить его висящими надъ нимъ сочными плодами, ибо лишь только приближалъ онъ къ нимъ алчныя уста, плоды удалялись, раздражая его мученія.

Иксіонъ, царь Ѳессалійскій подобными-жъ преступленіями прогнѣвалъ боговъ. Его въ Тартарѣ

опредѣлили безсмертные: змѣями кровожадными укрѣпить на колесѣ и вѣтрамъ свирѣпымъ вертѣть его, ни минуты отдыха не давая печальному страдальцу.

Сизифъ, царь Коринѳскій, упорствомъ и ложью такъ раздражилъ боговъ, что въ наказанье долженъ былъ въ Тартарѣ вѣчно встаскивать на высокую гору огромную глыбу скалы, и почти достигая предѣла мученій, видѣть, какъ скала съ громомъ скатывается внизъ, чтобъ ему снова начинать нескончаемое страданье.

Данаиды, дочери Даная, царя въ Аргосѣ (см. ниже), въ наказаніе за убійство мужей своихъ, должны были лить воду въ бездонную бочку, чтобы наполнить ее, не наполняемую.

Титій, наконецъ, исполинъ Эвбейскій, во зло употребившій свою силу, за оскорбленіе Леты, матери Аполлона и Артемиды, былъ Зевсомъ низверженъ въ Тартаръ, гдѣ два хищныхъ коршуна рвали его печень, нароставшую вѣчно для вѣчныхъ терзаній.

Эти жестокія казни были чувственными представленьями правосудія боговъ противъ нечестивцевъ земныхъ, хотя-бы они являлись даже и на самыхъ высокихъ степеняхъ достоинствъ и званій.

Гадесъ и Персефона представлялись древнимъ не только владыками переселившихся душъ, но еще и верховными судьями дѣлъ человѣческихъ. Всѣ проступки живущаго въ мірѣ заносилъ Гадесъ въ свою памятную книгу и сообразно съ нею рѣшалось по смерти человѣка, куда его направить: въ Элизій или Тартаръ? Въ дѣлѣ суда надъ усопшимъ Гадесу содѣйствовали три героя, прославившіеся

во время своей земной жизни особенной мудростью и справедливостью. То были: *Минось*, *Радамантъ* и *Эакъ*. Послѣдняго считали еще и привратникомъ царства подземнаго.

У Грековъ и Римлянъ широко распространено было почитаніе Плутону-Гадесу. Въ Греціи особенно замѣчательные храмы его находились въ Элидѣ, у Пилоса, въ Аѳинахъ и въ Олимпіи. Ему посвящались кипарисы, нарциссы и буксы. *)

Въ Римѣ, въ Февралѣ, въ продолженіи 12 дней приносимы были ему великія жертвы (Februationen) черныхъ быковъ и козловъ, а жрецы украшались при этомъ вѣнками изъ кипарисовыхъ вѣтвей. Каждое столѣтіе посвящались ему и Прозерпинѣ *Секулярныя* (т. е. столѣтнія) игры, въ знакъ празднества мертвымъ.

Изображается Плутонъ: въ мрачномъ величіи возсѣдающимъ на престолѣ. Тѣнь отъ нависшихъ съ головы волосъ затемняетъ чело. Хлѣбныя произрастенія или плоды, вѣнчающіе главу его, возвѣщаютъ владыку сокровищъ и благъ земныхъ.

---

*) Такъ какъ *буксъ* встрѣчается у насъ въ торговлѣ и [illegible] подъ чужимъ именемъ (пальмы), то скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Буксъ или *самшитъ* (Buxus, le bois de buis, Buxbaum, box-tree) принадлежитъ къ семейству растеній молочайныхъ (Euphorbia[illegible]) растетъ въ южной и западной части средней Европы, въ Закав[illegible] Персіи. Въ средней Европѣ растетъ кустарникомъ, въ южной—де[illegible] Древесина его замѣчательна твердостью, плотностью во всѣхъ частяхъ [illegible] пріятнымъ, слегка желтымъ цвѣтомъ. Употребляется между прочимъ [illegible] гравированья на немъ. Изъ дерева и корней *самшита вѣчнозеленаго* (b. Sempervirens) вывариваютъ настой, употребляемый въ [illegible] какъ потогонное.

Прим. перевод.

Иногда же на главѣ у него рогъ изобилія или зубчатая корона. Въ рукѣ жезлъ владычества, или двузубчатый скипетръ, или наконецъ ключъ. Послѣдній знаменуетъ хозяина подземнаго міра, откуда ужъ нѣтъ возврата. У ногъ его Церберъ о трехъ головахъ. Часто изображенъ Плутонъ съ покрытой головой или въ шлемѣ, владѣющемъ чудною силой дѣлать невидимымъ того, кто надѣнетъ его. Часто Прозерпина изображается съ нимъ же на тронѣ, или же въ колесницѣ, влекомой черными конями, послушными лишь золотымъ поводьямъ мрачнаго бога. На избранной нами таблицѣ Прозерпина на тронѣ вмѣстѣ съ супругомъ; Меркурій вводитъ въ жилище усопшихъ тѣнь дѣвочки, а за нею слѣдуетъ смерть. Изображеніе напоминаетъ стихъ Шиллера:

„In sein stygisches Boot
„Rafflet der Tod
„Auch der Jugend blühendes Leben.

(Печальный чёлнъ смерти влечетъ безпощадно за Стиксъ и жизнь расцвѣтающей юности).

ПЕРСЕФОНА или ПРОЗЕРПИНА.

(См табл. IV).

У Грековъ еще: ***Персефонія*** и ***Кора***, у Римлянъ ***Либера***, была дочерью Зевса и Деметры, супругой Аидеса. Дѣтей у нея не было. Вотъ какъ разсказываетъ преданіе о похищеніи ея Аидесомъ съ соизволенія Зевса. Чудныхъ прелестей исполненная дѣва гуляла въ цвѣтущей долинѣ, недалеко

отъ Этны, въ Сициліи, и собирала любимцевъ своихъ нарциссовъ; — вдругъ изъ мрачнаго провала земли предсталъ передъ нею царь преисподнихъ, и цвѣтковъ прекраснѣйшій цвѣтъ умчался имъ на бурныхъ коняхъ, управляемыхъ привычной рукою Гермеса. Ни вопли ея, ни зовы безсмертныхъ на помощь, ни мощное сопротивленіе дивной жертвы, не отвратили похищенія: Зевсъ всемогущій соизволилъ такъ дѣлу рѣшиться. Печальная Деметра повсюду искала свое дѣтище, а по другимъ же преданьямъ жарко, на легкихъ крылатыхъ драконахъ, преслѣдовала похитителя, но все было напрасно. Богъ солнца, всезрящій, всеслышащій, сказалъ ей судьбу, постигшую Кору. Мольбы матери тронули безсмертныхъ и они обѣщали возвратить ей дочь, если послѣдняя ничего не вкусила еще въ царствѣ подземномъ. Посланный Зевсомъ Гермесъ воротился и возвѣстилъ, что Прозерпина до половины ужъ съѣла яблоко, данное ей супругомъ въ знаменованье любви, отнынѣ связующей ихъ. Такимъ образомъ невозможно стало Персефонѣ возвратиться навсегда къ милой матери. По взаимному однакожъ уговору обоихъ міровъ позволено было Персефоніи полгода быть вмѣстѣ съ матерью въ сонмѣ боговъ олимпійскихъ, полгодажъ украшать своимъ пребываніемъ царство Гадеса, супруга безсмертнаго.

И такъ, по смыслу этого миѳа, въ Прозерпинѣ-Корѣ, дочери небеснаго Зевса, оплодотворяющаго землю тепломъ и влагой, нельзя не видѣть символъ, или самую богиню, произрастенія, ибо она является къ матери своей, Деметрѣ, богинѣ плодородія

земли, только съ весной, чтобъ снова, предчувствуя осенью близкій свой конецъ, удалятьcя зимой, какъ зернышко въ почву, къ подземному міру.

Поэты новыхъ народовъ несчетное число разъ пользовались и пользуются случаемъ сравнивать видимое отцвѣтаніе и замираніе природы осенью съ скоротечностью всего, что цвѣтетъ на землѣ. Древніе въ картинѣ внезапнаго похищенія Гадесомъ-Плутономъ цвѣтущей Персефоны начертали просто-на-просто образъ смерти, нежданно уносящей свою жертву изъ веселаго міра. Но уже и древніе, язычники, въ образѣ періодическаго возвращенія Персефоны къ матери олицетворившіе вѣчно-свѣжее обновленіе природы весной, даютъ намъ возможность видѣть, что они питали въ душѣ начала сладкой надежды, предвозвѣстницы утѣшительнаго вѣрованья, что на мѣстѣ смерти взыграетъ новая жизнь, а человѣкъ, увлеченный даже въ отдаленнѣйшіе предѣлы царства подземнаго не вѣчно останется "безжизненно-вѣющей" тѣнью. Повѣствованіе и представленіе въ видимыхъ образахъ въ этомъ смыслѣ миѳа о Прозерпинѣ и матери ея и составляли содержаніе элевзинскихъ таинствъ, возбуждавшихъ въ посвященныхъ въ нихъ успокоительную надежду иной, вѣчной, жизни за предѣлами земнаго существованія. Замѣчательно, какъ тщетно душа столько вѣковъ жаждала изъ потемковъ выбиться къ Свѣту Немерцающему, Творцу своему, но предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, только чутьемъ угадывала источникъ своего происхожденія, пока Божественное Откровеніе не ввело ее въ самый міръ

свѣта, открытымъ, чистѣйшимъ источникомъ блаженства, смѣнившаго прежнія, смутныя гаданія о немъ.

И Персефонѣ воздавалось такое же поклоненіе какъ и супругу ея, особенно въ Сициліи, Южной Италіи, изъ областей же Греческихъ особенно въ Локридѣ, и наконецъ въ Кизикѣ у Пропонтиды (Мраморнаго моря). Въ этихъ мѣстахъ у ней были великолѣпные храмы. Въ жертву богинѣ приносили черныхъ коровъ.

Изображая Персефону въ видѣ молодой женщины, одаренной всею роскошной и привлекательной красотой, древніе олицетворяли въ ней самую цвѣтущую пору природы—весну. На этомъ-то основаніи и звали Персефону еще Кóрой (т. е. чудною, небывалою дѣвой). Взглядъ же на Персефону, какъ на супругу Гадеса, открываетъ въ ней иное значеніе. Съ этой стороны является она облеченной мрачнымъ характеромъ Гадеса, является царицею царства тѣней, мощной повелительницей населенія подземнаго міра, въ томъ числѣ и свирѣпыхъ демоновъ (духовъ кары и ярости), которыхъ высылаетъ она въ міръ для терзанія нечестивыхъ людей, особенно клятвопреступниковъ. Съ этой-то стороны и обозначаетъ обоихъ супруговъ стихъ Гомера (*Илліада, пѣснь IX*):

«Зевсъ подземный и чуждая жалости Персефонія».

Слѣдовательно и въ ней повторяется двоякость значенія, которую мы высказали, разбирая смыслъ преданія о Плутонѣ-Гадесѣ. Она же замѣчается и въ видимыхъ изображеніяхъ этой богини. Обыкновенно ее изображали на тронѣ или

въ колесницѣ вмѣстѣ съ Плутономъ. Длинный, густой покровъ набрасываетъ сильную тѣнь на прекрасную, обольстительную женщину, выражая этою тѣнью таинственность существа. Въ рукѣ у богини граната *) или нарциссъ. Нарциссы посвящались и ей.

Главныя празднества ей въ Греціи приходились осенью и весной. Осенью онѣ имѣли характеръ печальный въ воспоминаніе похищенья богини; весной же—радостный, въ воспоминаніе возвращенья ея на землю.

Съ головы умершаго отрѣзывали немного волосъ и посвящали ихъ богинѣ подземнаго міра. Позже вошло въ обычай всѣмъ друзьямъ и слугамъ умершихъ отрѣзывать у себя нѣсколько волосъ и бросать ихъ на костеръ, на которомъ обыкновенно сожигали усопшаго; при совершеніи же послѣдняго обряда надъ сожигаемымъ—бить себя въ грудь и этимъ выражать скорбь объ умершемъ Скорбь по усопшемъ, даже самое безграничное отчаяніе, въ какое повергала оставшихся смерть близкаго имъ, намъ совершенно будутъ понятны,

*) *Гранатовое дерево* или *гранатникъ* (punic granatum, Le grenadier, Granaten-Baum, pommegranate-tree) принадлежитъ къ семейству растеній того же имени. Растетъ въ Южной Европѣ, а у насъ на Кавказѣ и южномъ берегу Крыма. Сѣмяна плода заключены въ необыкновенно-сочную, сладкую мякоть. Стѣсненныя взаимно, онѣ представляются какъ бы ограненными, что при темно-пунцовомъ цвѣтѣ сока напоминаетъ зерна граната минерала. Древесина гранатника тверда и хороша въ издѣліи.

Прим. перевод.

если не забудемъ взглядъ язычника на конецъ земнаго своего существованія (см. выше примѣч.).

Понятна поэтому грусть дивнаго Ахиллеса, когда онъ говоритъ (*Илліада. Пѣснь IX*):

«Съ жизнью, по мнѣ, не сравнится ни что: ни богатства, какими
«Сей Иліонъ, какъ вѣщаютъ, обиловалъ градъ процвѣтавшій
«Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской:
«Ни сокровища, сколько ихъ каменный сводъ заключаетъ
«Въ храмѣ Феба пророка, въ Пиѳосѣ, утесами грозномъ.
«Можно все пріобрѣсть, и воловъ, и овецъ среброрунныхъ;
«Можно стяжать и прекрасныхъ коней, и златые треноги;
«Душу жъ назадъ возвратить невозможно; души не стяжаешь,
«Вновь не уловишь ее; какъ однажды изъ устъ улетѣла».

Римляне не почитали Кору какъ богиню, хотя въ ихъ миѳологіи и упоминается имя Прозерпины. У народа римскаго была туземнаго происхожденія владычица царства тѣней, *Либитина* или *Любентина*, но поклоненіе и ей имѣло соотношеніе только съ смертью человѣка и съ погребеніемъ его, безъ всякихъ намековъ на какое-либо другое, болѣе глубокое значеніе этого божества.

За Персефоной очень кстати изложить то, что относится къ богинѣ, также исполненной таинственности и также проявлявшейся въ обоихъ мірахъ, хотя она и не относится къ высшимъ божествамъ. Это —

ГЕКАТА.

Титанскаго происхожденія, дочь Тартара и Ночи, а по другимъ даннымъ дочь Персеса и Астеріи (Звѣздной ночи), сестра Леты. Объ этой

богинѣ у древнихъ находимъ различныя повѣствованія, въ силу которыхъ Гекату смѣшивали съ другими богинями, особенно съ такими, которыя имѣли сколько-нибудь соотношенія съ ночью, какова напримѣръ Селена или Луна, которой посвященъ у Грековъ 2-й день недѣли (См. выше примѣчаніе). Геката шествуетъ передъ Персефоніей, пылающимъ факеломъ разгоняя мракъ ночи. Она такимъ образомъ принадлежитъ къ сонму богинь факелоносныхъ, покровительницъ ночныхъ свѣтилъ. Ей вѣдомы темные духи и прочія тайныя силы природы, повинующіяся глаголу богини. Но не только онѣ, а и самыя рожденіе, жизнь и смерть людей чувствовали на себѣ вліяніе Гекаты, и великій почетъ былъ ей удѣломъ не только у смертныхъ и въ царствѣ подземномъ, но и въ свѣтломъ Олимпѣ. Присущность Гекаты всѣмъ тремъ царствамъ міра, Олимпу, землѣ и Аиду, древніе выражали тѣмъ, что изображали ее въ трояком видѣ, почему Римляне и называли ее triformis (трехликая). Изъ животныхъ собаки были посвящаемы этой богинѣ. Изъ всѣхъ трехсторонних значеній этого божества наиболѣе развито было естественно то, которое преобладало съ самаго начала надъ остальными. Вслѣдствіе этого Геката и является преимущественно одной изъ дѣятельнѣйшихъ богинь міра подземнаго, представительницей мрака ночнаго и всякаго волшебства и заклинанія. Послѣднія и у древнихъ народовъ были не менѣе распространены и пользовались неменьшимъ довѣріемъ, чѣмъ у народовъ средневѣковыхъ временъ. Понятно поэтому, что не только празднества, но и вооб-

ще служба этой богинѣ, были совершаемы ночью, въ сопровожденіи пылающихъ факеловъ. Въ жертву ей приносимы были съ особенными, необычайными при другихъ случаяхъ, церемоніями, черные ягнята. На далекихъ распутьяхъ и уединенныхъ дорогахъ древніе считали себя особенно близкими къ этой богинѣ. Поэтому и называли ее въ этомъ смыслѣ Трифіей.

На островѣ Эгинѣ, въ Саронскомъ заливѣ, каждый годъ отправлялись этой богинѣ празднованія, полныя таинственнаго значенія. Въ южной Италіи, у озера Авернисскаго, была темная роща, посвященная Гекатѣ.

ДЕМЕТРА или ЦЕРЕРА.

(См. табл. IV).

Которую Греки называли еще: *Деа*, была дочь Хроноса и Реи, стало быть сестра Зевса и Плутона. Какъ мы видѣли уже, Церера—мать Коры-Прозерпины, богини произрастенія. Въ Деметрѣ Греки олицетворяли представленія самой земли, въ ея безконечномъ и разнообразномъ плодородіи заслуживавшей уже и тогда неотъемлемый титулъ всеобщей матери кормилицы.

Деметра почиталась подательницей всѣхъ плодовъ земныхъ, и главнѣйшихъ изъ нихъ—хлѣбныхъ. Съ этимъ тѣсно связано по преданію обыкновеніе почитать въ Деметрѣ начало земледѣлія, а за нимъ и начало всякаго общественнаго порядка. Дѣйствительно, земледѣліе и съ нимъ неразрывно свя-

занный осѣдлый образъ жизни, повсюду служили для людей началомъ порядка и образованія, ибо мало-по-малу сводили людей въ общины и скрѣпляли ихъ въ одно гражданское тѣло. И люди, покидая лѣса, гдѣ поодиночно скитались до тѣхъ поръ, питаясь желудями и корнями растеній, привыкали другъ къ другу, научались узнавать и цѣнить взаимныя услуги, а вмѣстѣ съ ними и всѣ благодѣянія ремеслъ, искусствъ; научались вырабатывать здравыя понятія о собственности и личности и, устраивая себѣ отечество, жить въ немъ подъ кровомъ мудрыхъ законовъ. Поэтому Деметрѣ совершенно прилично названіе Тесмофоры, которое давали ей Греки, ибо это названіе выражаетъ родоначальницу, виновницу гражданскихъ учрежденій. Въ этомъ смыслѣ и воздавались этой богинѣ празднества, называемыя *Тесмофоріями* (о нихъ ниже).

Когда Гадесъ похитилъ у Деметры юное, любезное ея дѣтище, озабоченная мать, зажегши блестящій факелъ, понеслась въ своей легкой колесницѣ, запряженной крылатыми драконами, по всей землѣ, разыскивая похищенную. Благо было тѣмъ землямъ, которыя радушно встрѣчали богиню: она всюду оставляла свое благословеніе, научая жителей тѣхъ странъ обильному дарами земледѣлію. Особенно пролила она свои благодѣянія на Аттику за дружеское гостепріимство, оказанное ей Келеемъ, жившимъ въ Элевзисѣ, одномъ изъ пригородныхъ селеній Аѳинъ. Тутъ преподала она впервые употребленіе плуга, а при отъѣздѣ оставила питомцу своему, сыну Келея — *Триптолему*, дары

благороднаго ячменя и свою драконовую колесницу, чтобы юный питомецъ, объѣзжая страны, и другихъ научалъ, какъ сѣять и употреблять его. Порученіе Триптолемъ выполнилъ такъ, что скоро земледѣліе распространилось въ отдаленнѣйшіе предѣлы Греціи.

Посейдонъ употребилъ однажды силу свою во зло противъ Деметры, пустившись преслѣдовать ее. Чтобъ спастись отъ могучаго бога, Деметра приняла видъ быстраго коня, но безуспѣшно: еще быстрѣйшимъ конемъ пустился за нею Посидаонъ великій. Плодомъ неутомимыхъ и настойчивыхъ стремленій его былъ — сынъ отъ Деметры: конь Аріонъ, созданіе чудное, надѣленное непостижимой быстротой бѣга и человѣческими разумомъ и словомъ. Но стыдъ и боль проникли въ сердце Деметры, произведшей на свѣтъ существо, неимѣвшее себѣ подобныхъ, и преданіе говоритъ, что богиня долгое время скрывалась въ какой-то пещерѣ до тѣхъ поръ, пока омывшись въ водахъ свѣтлой Ладоны—рѣки, не явилась, очищенной, снова въ сонмѣ безсмертныхъ.

Если въ этомъ миѳѣ древнихъ выраженъ нежданный, неутѣшительный плодъ богини земнаго плодородія, то въ другомъ ихъ преданіи, въ которомъ говорится, что Деметра отъ союза съ Язіономъ, жителемъ Крита, прилежнымъ земледѣльцемъ, имѣла сына Плутоса (богатство), ясно олицетворили Греки идею богатства и благополучія, неразлучныхъ съ ревностнымъ и успѣшнымъ земледѣліемъ. На островѣ Критѣ, который издавна славился своимъ плодородіемъ и просвѣщеніемъ, съ

незапамятныхъ временъ воздавалось почитаніе этой богинѣ земледѣлія. Такъ же было и въ другихъ Греческихъ мѣстностяхъ: Аркадіи, Мессеніи, Сикіонѣ, Коринѳѣ Аргосѣ, Мегарѣ, Віотіи, Локридѣ, въ Сициліи и др.; особенно же въ Элевзисѣ. Связь Деметры съ Зевсомъ, плодомъ которой была Персефона, должна выражать не что иное, какъ благодѣтельное вліяніе на землю небомъ ниспосылаемаго необходимаго тепла и обильнаго дождя. По цвѣту созрѣвшей нивы Деметру называли русокудрой богиней; у Гомера стоитъ (*Илліада, Пѣснь V*):

«Жателямъ, вѣющимъ хлѣбъ ..... Деметра съ кудрями златыми
«Плодъ отдѣляетъ отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ.»

Въ старинныхъ же Греческихъ народныхъ пѣсняхъ подательницу благословенной жатвы называютъ также матерью богатства. На этомъ основаніи ежегодно, осенью, праздновались ей мѣстные праздники жатвъ, *Галои* или *Ѳализіи*, которые сопровождались жертвоприношеньями и дружнымъ весельемъ и пирами. Кромѣ ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи, въ Аѳинахъ, напримѣръ, въ октябрѣ праздновались *Тесмофоріи*. Праздникъ этотъ длился 5 дней и особенно торжественно былъ отправляемъ въ близлежащемъ около Аѳинъ селеніи Галимѣ, хотя характеръ умѣренности и воздержности, которымъ былъ запечатлѣнъ онъ, видѣнъ въ томъ, что на праздникѣ могли присутствовать только замужнія женщины. Въ праздновaніи этомъ, посвященномъ матери несравненной Коры-Персефоны, выражалась какъ-бы мольба земныхъ матерей о благословеніи и ихъ дѣтьми, подобными

дочери божественной Деметры. Тесмофоріи не имѣли впрочемъ ничего общаго съ преданіемъ о похищеніи Персефоны и о горести матери ея. Это преданіе составляло напротивъ главное содержаніе *Элевзиній* (Элевзинскихъ мистерій или таинствъ), о которыхъ мы уже упоминали прежде, а теперь прибавимъ къ тому нѣсколько подробностей. Преданіе гласитъ, будто Деметра сама, пребывая въ Элевзисѣ, когда разыскивала свою дочь, установила таинства эти и преподала основаніе ихъ *Эвмолпу*, отъ котораго и повели родъ свой *Эвмолпиды*, жрецы Элевзинскіе.

Элевзиній нужно различать два рода: *краткія*, которыя праздновались ранней весной, когда появлялись первые цвѣты, и *долгія*, которыя приходились въ сентябрѣ, когда исполнялось ему девять дней.

Праздникъ открывался ночнымъ шествіемъ при факелахъ; въ главнѣйшіе дни праздника посвященные представляли страданія Деметры и при этомъ изыскивали мѣста, на которыхъ, по преданію, прошли главные моменты исторіи ея. Такими мѣстами были напримѣръ: такъ называемый *Камень безотрадный*, на которомъ безмолвно отдыхала богиня, когда душа ея исполнилась тоски отчаянія, мѣсто, гдѣ вкусила богиня пищи послѣ долгаго воздержанія; еще одно, гдѣ она наконецъ соединилась съ дочерью, и мн. друг. — Переживая съ богиней скорби ея и радости, посвященные олицетворяли ими для себя идею скорбнаго земнаго существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ радостную надежду перехода въ блаженную вѣчность. Заключеніе праздни-

ка, когда картина свѣжей и мощной жизни смѣняла образъ печали и смерти, проходило въ разныхъ гимнастическихъ состязаніяхъ.

Посвященіе въ эти мистеріи сопровождалось многими приготовленіями и испытаньями, цѣль которыхъ была — ввести новаго желающаго участника во внутренній, глубокій смыслъ сказанія о Корѣ-Персефонѣ и матери ея и ознакомить его прежде со всѣми важнѣйшими обычаями мистерій. При этомъ нужно замѣтить, что ни иноземцы, ни вообще рабы, а единственно свободнорожденные Греки могли желать и получать участіе въ Элевзиніяхъ. Изъ сказаннаго само собой видно, что обычаи мистерій держались втайнѣ; празднество же само производило глубокое впечатлѣніе на духъ участниковъ его, ибо при вѣрномъ и полномъ пониманіи обрядовъ его, проникнутыхъ глубокимъ смысломъ, посвященному раскрывалось въ немъ утѣшеніе во время земной жизни и радостный взглядъ на продолженіе существованія за предѣлами гроба.

Римляне съ первыхъ временъ существованія своего государства заняли отъ Грековъ почитаніе Деметры-Цереры. И у нихъ былъ праздникъ этой богинѣ, весной же, и совершался при торжественныхъ шествіяхъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и сопровождался пирами и жертвоприношеніями свиней. Праздникъ этотъ примыкалъ непосредственно къ другому, подобному же, первобытному, въ честь богини, которую звали Теллусъ (Tellus), т. е. земля, въ смыслѣ подательницы жатвы и плодовъ. Значеніе этого послѣдняго праздника было приблизительно то же, что и празднества Церерѣ.

Деметру изображали въ видѣ женщины величавой, съ кроткимъ взглядомъ, въ длинной одеждѣ и въ вѣнкѣ изъ маку или пшеничныхъ колосьевъ; иногда же въ одной рукѣ маковыя головки или колосья, а въ другой — серпъ или факелъ. Очень часто богиня изображалась въ колесницѣ, запряженной крылатыми драконами, какъ она преслѣдуетъ похителя дочери своей. Этой чадолюбивой матери выраженіе кротости идетъ болѣе, чѣмъ величіе Геры, которое иногда желали сочетать съ кротостью на ея изображеніяхъ, хотя въ остальномъ Деметра стоитъ близко къ „Зевса супругѣ державной“ (какъ называетъ ее Гомеръ, см. *Илліаду*, переводъ Гнѣдича. *Пѣснь XIV, ст. 242)*.

Нерѣдко однако-жъ кроткое выраженіе богини помрачается покровомъ грусти и печали, навѣяннымъ скорбной потерею любимой дочери, печали тѣмъ болѣе глубокой, что ей суждено посѣщать нѣжную мать каждую осень, когда дочь должна раставаться съ матерью и снова скрываться въ мрачные предѣлы подземнаго своего супруга.

Изъ животныхъ ей приносили въ жертву коровъ и особенно свиней. Изъ растеній ей посвящали, кромѣ хлѣбныхъ, плодовыя деревья и весенніе цвѣты, особенно нарцисы и гіацинты. По этимъ аттрибутамъ, а также по корзинѣ съ хлѣбными растеніями, съ которой часто изображаютъ Деметру, легко узнать чадолюбивую богиню.

ГЕСТІА или ВЕСТА.

(См. табл. IV).

Сестра Деметры почиталась у Грековъ и Римлянъ какъ богиня-покровительница домашнихъ стадъ и огней. По послѣднему званію у Гестіи на каждомъ семейномъ очагѣ былъ особенный жертвенникъ, вокругъ котораго семьяне собирались ежедневно, въ сердцѣ воздавая богинѣ подобающее ей почтеніе. Всякій разъ, какъ на семейномъ очагѣ готовилась пища, чувствовали члены семьи, посредствомъ видимаго знака, взаимную межъ-собою близость и родство. Такое святилище Гестіи не только оставалось въ средѣ каждой семьи, но если случалось Грекамъ выходить въ чужую сторону, чтобъ основать новую колонію, то они не забывали взять съ собой этого священнаго огня, чтобъ и на чужбинѣ не потерять благословенія отечественной богини. Государство было для Грека какъ бы великая семья, средоточіемъ которой былъ жертвенникъ Гестіи. Грекъ, унося съ собой въ чуждую сторону огня съ этого государственнаго очага, считалъ себя и тамъ по прежнему членомъ родной, родоначальной семьи. При всякомъ предпріятіи приносилось въ жертву что-либо на этомъ жертвенникѣ Гестіи. Случалось ли, что огонь на какомъ-либо изъ жертвенниковъ угасалъ, то ни чѣмъ другимъ, какъ пламенемъ, взятымъ съ неменѣе чистаго жертвенника, можно было возстановить угаснувшій огонь: всякій другой считался нечистымъ.

Огонь почитался у древнихъ чистѣйшимъ изъ прочихъ элементовъ (см. выше примѣчаніе); какъ представительница его, Гестіа отклоняла узы супружества, хотя Посейдонъ и Аполлонъ искали союза съ нею, и выхлопотала себѣ у Зевса позволеніе вѣчно пребывать въ дѣвичествѣ. Поэтому Гестіа считалась покровительницей цѣломудрія.

На изображеньяхъ она является стройной дѣвой. Непорочный ликъ и вся фигура закутаны въ длинныя одежды, съ головы ниспадаетъ особый покровъ; въ одной рукѣ свѣтильникъ или жертвенная чаша, въ другой — жезлъ, символъ державства.

Въ Греціи воздавалось Гестіи довольно ревностное почитаніе, хотя и не было у ней особыхъ храмовъ, потому-что и безъ нихъ въ каждомъ домѣ было у ней святилище. Притомъ же при всякомъ всесожженіи въ храмѣ кого-бы ни было изъ боговъ о Гестіи непремѣнно воспоминали, какъ о богинѣ огней, и домашняго и жертвеннаго, и тутъ же съ молитвами совершали въ честь ея священное возліяніе воды, вина и масла. Но Гестіи приносимы были особенныя жертвы, а именно: свѣжія произведенія хлѣбныхъ растеній, первые собранные плоды деревьевъ, а для всесожженія — нетелившіяся еще коровы. Жрицы ея должны были неизмѣнно оставаться дѣвами. Такъ было въ Греціи. Въ Римѣ же Нума-Помпилій (который царствовалъ отъ 718 до 679 до Р. Хр.) построилъ ей храмъ, который имѣлъ круглую форму. Въ growth серединѣ его, на жертвенникѣ, горѣлъ символъ богини пламенемъ неугасимымъ. Днемъ храмъ былъ открытъ, на ночь закрывался. Въ храмѣ Весты хранились замѣча-

тельныя вещи, между прочимъ изображеніе разныхъ древнихъ боговъ и *Палладіумъ*, небольшая деревянная фигура Минервы (Паллады), которая, т. е. фигура, упала, какъ говорило преданіе, съ неба въ царственный градъ Трою, оттуда была привезена въ Грецію и наконецъ въ Римъ, и отъ почтительнаго сбереженія которой, какъ говорило тоже преданіе, зависѣли безопасность и благополучіе самаго Рима. Въ Римѣ было у богини шесть жрицъ, которыя и назывались отъ Римскаго названія богини *Весталками* или *дѣвами Весты*. Ихъ призваніе было — блюсти священный огонь жертвенника и приносить въ храмѣ жертвы и моленія о благосостояніи государства. Посвящалъ ихъ въ это высокое званіе верховный жрецъ, pontifex maximus. Весталки облекались въ бѣлыя одѣянія; на челѣ носили повязку, на головѣ покровъ. Впослѣдствіи къ этой одеждѣ присоединились и нѣкоторыя украшенія.

Ихъ посвящали на служеніе Вестѣ между шестымъ и десятымъ годомъ ихъ жизни. Произнесши обѣтъ строгаго цѣломудрія, онѣ должны были служить въ храмѣ 30 лѣтъ. Затѣмъ, онѣ могли оставлять его и даже выходить замужъ. Народъ неодобрительно глядѣлъ на это обыкновеніе, ибо видѣлъ въ понужденіи дѣвочекъ, безсознательно налагающихъ на себя великій обѣтъ, дѣло, могущее заслужить только негодованіе богини. Пока Весталки находились въ служеніи храму, онѣ пользовались большимъ уваженіемъ и замѣчательными преимуществами. Особа ихъ была неприкосновенна; онѣ свободны были отъ отеческаго надзора и вла-

сти и могли, какъ хотѣли, располагать своимъ имуществомъ. Когда онѣ проходили въ торжественныхъ праздничныхъ шествіяхъ по улицамъ Рима, Ликторы (приказные служители) несли передъ ними связки прутьевъ (fasces), изъ которыхъ выставлялись топоры. Это были знаки такой высокой власти, которыми въ Римѣ кромѣ Весталокъ обозначали только Консуловъ *) (высшихъ гражданскихъ сановниковъ). Тутъ, если къ нимъ приближался преступникъ, котораго вели на мѣсто казни, то Весталки могли даровать ему освобожденіе.

Строгость суда надъ Весталкой, забывшей свою обязанность, равнялась тому чрезвычайному уваженію, которымъ она обыкновенно окружена была въ народѣ. Если она по оплошности давала угаснуть жертвенному огню, который можно было возстановить только чистѣйшими лучами солнца посредствомъ зажигательнаго стекла, то верховный жрецъ удалялъ виновницу въ темную комнату и наказывалъ ее прутьями; еслижъ она нарушала обѣтъ чистоты, то ее осуждали на погребеніе за-

---

*) Власть Консуловъ учреждена въ Римѣ послѣ изгнанія послѣдняго изъ царей — Тарквинія Гордаго (Tarquinius Superbus). Періодъ же правленія царей продолжался отъ построенія Рима только 245 лѣтъ (отъ 754 г. до 509 до Р. Х.). Власть консуловъ, которыхъ при самомъ началѣ избрано два, равнялась слѣдовательно верховной власти. Консулъ произносилъ смертный приговоръ, денежную пеню, но благороднѣйшіе изъ Римскихъ гражданъ (Патриціи) имѣли право избѣгать этого приговора, подавая жалобу въ Сенатъ. Третій изъ Консуловъ (Валерій) доставилъ это важное право и простымъ гражданамъ (плебеямъ). Но право это простиралось не далѣе одной мили отъ города. Отсюда понятно отчасти значеніе, которое давали титулу гражданина города Рима.

Прим. перев.

живо на такъ называемомъ „полѣ нечестивыхъ" (campus sceleratus). Преступницу вводили въ подземное строеніе, куда вносили ей постель, зажженную лампу, немного хлѣба и воды и потомъ запирали ее въ подземной темницѣ, засыпали самую темницу вровень съ поверхностью земли и такимъ образомъ покидали несчастную на жертву страшной, мучительной смерти. Соучастника же въ нарушеніи обѣта Весталки казнили всенародно. Весь городъ повергался въ печаль и долгія, всеобщія моленія возносились къ раздраженной богинѣ для умилостивленія ея. Самое шествіе съ носилками, въ которыхъ жертва собственной немощи такъ глубоко была погружена, что ни единый звукъ ея не доходилъ до слуха смертнаго, ужасомъ проникало сердца встрѣчныхъ и весь городъ представлялъ въ тотъ день необычное зрѣлище глубочайшей печали и сокрушенія.

Царь Нума Помпилій преимущественно содѣйствовалъ къ основанію въ Римѣ почитанія различныхъ боговъ. Онъ же ввелъ и Весталокъ. Сначала ихъ было 2, потомъ 4. Царь Сервій Туллій (578—534 до Р. Х.) увеличилъ число ихъ до шести и послѣ всегда въ высокую должность эту избирались дѣвицы только благороднѣйшихъ римскихъ семействъ. По преданію, лежащему въ основаніи города Рима, сами *Ромулъ* и *Ремъ*, основатели его, были сыновья одной жрицы—Весталки, по имени Реа, и Марса *).

---

*) По преданію, разсказанному Римскимъ историкомъ Титомъ Ливіемъ Ромулъ и Ремъ, близнецы, были рождены какою-то царевною отъ Марса. Малютки, брошенные на погибель, были вскормлены волчицей. Взросши

Каждый годъ 1-го Марта возобновляли священный жертвенный огнь Весты на жертвенникѣ, осѣненномъ лаврами; кромѣ того и храмъ (15-го Іюня) чистили и убирали. Впрочемъ, прежде этого еще, а именно 9-го Іюня, отправляемъ былъ богинѣ праздникъ ***Весталіи***. Женщины, и только женщины, шествовали безъ обуви на поклоненіе и молитвы въ храмъ чистой богини. Потомъ доставляли въ священныхъ сосудахъ пищу для общей трапезы, а ослы, увѣнчанные зеленью, приносили хлѣбы въ корзинахъ повѣшенныхъ имъ на шею.

АРЕЙ или МАРСЪ.

(См. Таблиц. V).

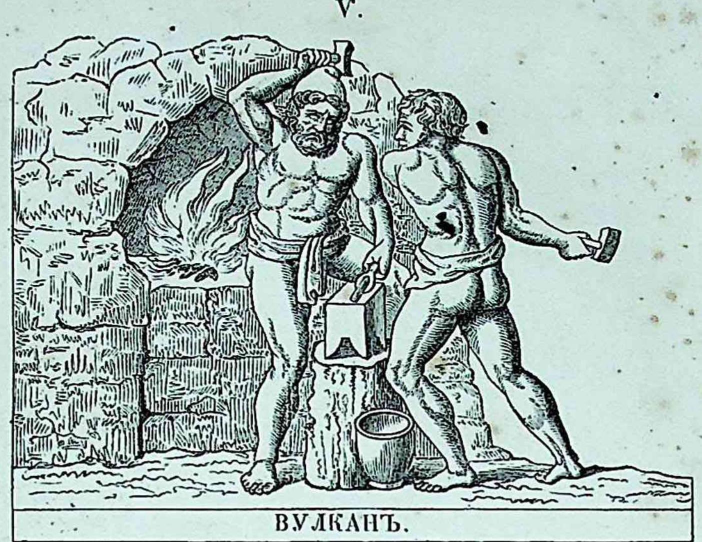
Арей, по вѣрованью Грековъ, былъ сынъ Зевса и Геры. Первоначально Ареемъ олицетворены были, кажется, бурная непогода и тревога стихій (въ смыслѣ древнихъ); но это естественное значеніе его забыто гораздо даже раньше, чѣмъ у другихъ боговъ, и Арей выступаетъ передъ нами, какъ богъ тревогъ и волненій людскихъ, какъ страшный богъ войны или лучше сказать битвы и боевой свалки, тѣшащій душу убійствомъ, упивающійся кровью. У Гомера обыкновенные эпитеты, придаваемые имени Арея: „бурный, кровавый,

---

и основавши городъ, братья поссорились за имя новому городу и Ромулъ убилъ Рема. Конецъ Ромула соотвѣтствуетъ его поэтически изображенному происхожденію. Самъ Марсъ, во время страшной бури, среди грома и молній, сошелъ въ огненной колесницѣ и восхитилъ къ себѣ сына.

Прим. перевод.

V.

ВУЛКАНЪ.

МАРСЪ.

ВЕНЕРА.

мужегубецъ, распаляющій въ битву, стѣнъ разрушитель“ и т. п.

Въ этомъ отношеніи Арей выражаетъ представленія, противоположныя тѣмъ, которыя олицетворены въ Аѳинѣ-Палладѣ, богинѣ рыцарски правильной битвы. Поэтому Аѳина съ этой стороны является во многихъ древнихъ сказаніяхъ непріятельницей Арея. Въ войнѣ Зевса съ Гигантами, въ которой Арей усердно помогалъ отцу своему, не только державный родитель его испыталъ много трудовъ, но

«Пострадалъ и Арей, какъ его Эфіальтесъ и Этосъ,
«Два исполина огромные, страшною цѣпью сковали;
«Скованъ, тринадцать онъ мѣсяцовъ въ мѣдной темницѣ томился.
«Если бы мачиха ихъ, Эривея прекрасная, тайно
«Гермесу не дали вѣсти. Гермесъ Арея похитилъ,
«Силы лишеннаго: страшныя цѣпи его одолѣли».
(Иллiада, пѣснь V).

Въ троянскую войну стоялъ онъ за троянцевъ и особенно горячо содѣйствовалъ предводителю ратей Илліонскихъ Гектору. Здѣсь же Арей и былъ раненъ Діомедомъ, героемъ Ахейскимъ, которому покровительствовала Аѳина. Вотъ какъ Гомеръ повѣтствуетъ *(Иллiада, пѣснь V)* о пораженіи Арея и о гнѣвѣ на него Зевса:

«И тогда на Арея напалъ Діомедъ нестрашимый
«Съ мѣднымъ копьемъ; и усиливъ его, устремила Паллада
«Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь:
«Тамъ Діомедъ поразилъ и, безсмертную плоть растерзавши,
«Вырвалъ обратно копье; и взревѣлъ Арей мѣднобронный
«Страшно, какъ будто бы девять или десять воскликнули тысячъ
«Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
«Дрогнули всѣ: и дружины Троянъ, и дружины Ахеянъ
«Съ ужаса; такъ заревѣлъ Арей, не насытный войною».

Съ облаками отшедши къ пространному небу, „Мѣдный Арей“ горько жаловался на вмѣшательство Аѳины и дерзко упрекалъ отцу потворство его дочери.

«Грозно воззрѣвъ на него, провѣщалъ громовержецъ Кроніонъ:
«Смолкни, о ты, переметникъ! Не вой близъ меня возсѣдящій!
«Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо!
»Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны!
«Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчностроптивый,
«Геры, которую самъ я съ трудомъ укрощаю словами!
«Ты и теперь, какъ я мню, по ея же внушеніямъ страждешь!
«Но тебя я страдающимъ долѣе видѣть не въ силахъ.
»Отрасль моя ты и матерь тебя отъ меня породила.
«Еслибъ отъ бога другаго родился ты, столько злотворный,
»Былъ бы уже ты давно преисподнѣе всѣхъ Уранидовъ!
«Рекъ, и его врачевать повелѣлъ Громовержецъ Пеону».

По Греческимъ сказаніямъ, у Арея законной жены не было, тѣмъ не менѣе отъ частыхъ сближеній его съ богинями и съ дочерьми смертныхъ у него явилось многочисленное потомство сыновей. Всѣ они были, по отцу, герои, но между ними знаменитѣйшіе: *Мелеагръ*, вождь Калидонскій, сокрушившій дикаго вепря (см. ниже); *Цикносъ*, убитый Геракломъ, за что на этого послѣдняго всталъ на месть Арей и битва между двумя героями была бы жестокая, еслибъ Зевсъ не бросилъ въ нихъ молній и тѣмъ не разлучилъ своихъ бурныхъ сыновей; далѣе *Парѳенопей*, одинъ изъ предводителей семи героевъ противъ Ѳивъ (см. ниже), *Деномей* и мн. др. Часто употребляемое, напр. у Гомера, выраженіе: „сынъ“ или „отрасль Арея“ надобно понимать въ томъ смыслѣ, что необычайная храбрость, необузданный пылъ боевой героевъ, заслужившихъ это названіе, заставляли видѣть въ нихъ

какъ бы прямыхъ преемниковъ непоколебимаго въ битвѣ Арея.

По римскимъ миѳологическимъ сказаніямъ Марсъ былъ въ супружествѣ съ Беллоной. Сестрой его почитали Эриду (Распря, Раздоръ), чудовищное существо, предшествующее своему брату. Оно и дѣйствительно такъ: за раздоромъ слѣдомъ идетъ опустошительная война. У Марса съ Афродитой родились: *Гармонія* (Согласіе) и *Фобъ* (Ужасъ). Всезрящій богъ солнца *Геліосъ* указалъ на противозаконную связь Марса съ Афродитой супругу ея Гефесту.

«Только достигла обидная вѣсть до Гефестова слуха,
«Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ плаху поставилъ,
«Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и проворно
«Сѣти сковалъ изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ничѣмъ не разрывныхъ
«Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готовя Арею
«Стыдъ. . . . .

Самъ Гефестъ уставилъ сѣти такимъ образомъ, что виновные были нежданно схвачены ими. Гефестъ созвалъ боговъ на позорище и горько жаловался на невѣрность супруги и требовалъ у Зевса обратно все сполна свадебное *вено*, т. е. плату, которую было въ обыкновеніи платить за невѣсту. Только по ходатайству Посейдона, который поручился въ уплатѣ требуемаго, Гефестъ рѣшился отпустить обѣ жертвы своей хитроумной уловки.

«Хромоногій Гефестъ отвѣчалъ Посейдону владыкѣ:
«Воли твоей, Посидонъ, не дерзну и не властенъ отвергнуть.
«Съ сими словами разрушила цѣпи Гефестова сила.
(Одиссея. Пѣснь VIII).

Это сочетаніе Арея съ Афродитой, которыхъ въ Ѳивахъ почитали даже супругами, какъ они и изо-

бражены на нашей таблицѣ (XI), конечно выражаетъ дружественный покой, слѣдующій обыкновенно за смолкнувшею войной. Въ такомъ случаѣ мощнаго и бурнаго Арея представляли уже безъ оружія и въ длинной, мирной одеждѣ. Потому-то и возникла отъ Марса Гармонія, что матерью ей была Афродита-Уранія, т. е. небесная Афродита.

Хотя въ Греціи и почитали Арея, но онъ не имѣлъ въ ней значенія такого великаго, покровительствующаго божества, какъ въ Римѣ. Изъ всѣхъ областей Греческихъ почитаніе Арею наиболѣе распространено было въ Лаконикѣ, у воинственныхъ Спартанцевъ, у которыхъ въ древнѣйшемъ ихъ храмѣ была статуя этого бога, сдѣланная Алкаменомъ, ученикомъ Фидія. Мѣстомъ, откуда распространилось почитаніе Арея, была Ѳракія, населенная дикими и воинственными племенами „наѣздниковъ конныхъ", какъ говоритъ Гомеръ. Но все-таки наиболѣе развито оно было у войнолюбивыхъ Римлянъ, считавшихъ его послѣ Юпитера покровителемъ своего государства. Они и себя любили величать истыми дѣтьми Марса, называя его Mars pater, ибо считали его отцемъ Ромула и Рема. У Римлянъ были ему даже воздвигнуты особыя помѣщенія для оракуловъ его. На полѣ, которое было посвящено Марсу и поэтому называлось Марсовымъ, Римляне производили различныя воинскія упражненія, состязанія, Марсовы игры (марціалии) и наконецъ открытыя совѣщанія въ случаяхъ государственной важности. На этомъ же полѣ находились и ристалища недалеко отъ храма Марсу. На этомъ же полѣ черезъ каждые 4 года

происходилъ смотръ оружію гражданъ, такъ какъ каждый изъ гражданъ обязанъ былъ быть всегда готовымъ итти на войну. При этомъ приносили въ жертву Марсу быка, барана и козла, которыхъ прежде обводили вокругъ всего присутствующаго народа. При жертвоприношеніи молили Марса и прочихъ безсмертныхъ еще болѣе возвеличить и украсить римское государство, а впослѣдствіи молили — укрѣпить и на вѣки продлить величіе его. Два раза въ году, въ началѣ Марта и въ Октябрѣ, происходили на Марсовомъ полѣ состязанія. На послѣднихъ приносили въ жертву Марсу такъ называемаго „Октябрскаго коня“, собственно подручнаго коня въ побѣдоносной парной колесницѣ. — Марсу посвящалась часть добычи военной, схваченной на полѣ брани. Воинъ римскій, выступая въ походъ, посѣщалъ прежде храмъ „бурнаго“ бога, гдѣ прикасался къ божественному щиту и потрясалъ божественнымъ копьемъ, произнося: Марсъ! бодрствуй надъ нами. По преданію, щитъ этотъ спалъ съ неба при Нумѣ Помпиліи и съ тѣхъ поръ сохранялся (не хуже Палладіума въ храмѣ Весты) въ римскомъ храмѣ Марса на особыхъ попеченіяхъ жрецовъ вмѣстѣ съ посвященнымъ Марсу копьемъ. Каждый годъ жрецы отправляли благодарственный праздникъ за эти драгоцѣнные подарки боговъ. Въ первобытныя времена приносили Марсу и человѣческія жертвы, преимущественно плѣнныхъ; позже этотъ жестокій обычай вышелъ изъ употребленія и люди при жертвахъ смѣнились или частью изъ отбитой добычи, или конями, баранами и собаками. Марсу

посвящались, кромѣ поименованныхъ животныхъ, волкъ, пѣтухъ и дятелъ.

На изображеньяхъ цвѣтущей поры искусства (таково и избранное нами изображеніе) Марсъ является въ видѣ молодаго, могучаго воина, безъ бороды, въ бронѣ и возвышенномъ шлемѣ, съ копьемъ и щитомъ, съ выразительнымъ движеніемъ правой руки. На другихъ изображеніяхъ Марсъ шествуетъ быстро, какъ будто на битву, съ копьемъ на плечѣ, или же на нѣкоторыхъ другихъ: съ богатой добычей, отнятой у враговъ, возвращается съ поля битвы.

Въ старинныхъ изображеніяхъ, какъ это и видно во многихъ храмахъ его, Марсъ является съ бородой. Поэты изображаютъ его стоящимъ въ пространной боевой колесницѣ; Беллона несется впереди его; рядомъ же съ нимъ робкій Страхъ и блѣдный Ужасъ (Деймъ и *Фобъ*), а также и *Керіи*, богини кровавой, насильственной смерти.

ГЕФЕСТЪ или ВУЛКАНЪ.

(См. табл. V).

Сынъ Зевса и Геры, по вѣрованью Грековъ. Римляне къ имени Вулкана прибавляли еще названіе *Мульцибера* (т. е. *мягчителя*, *плавильщика*—конечно, желѣза). Въ Гефестѣ олицетворенъ огонь, дышущій изъ нѣдръ земли, безъ всякаго прямаго соотношенія къ нему лучей солнечныхъ или огнеметательныхъ молній. Эта черта значенія его выражена въ миѳѣ тѣмъ, что Гефестъ представленъ

происшедшимъ единственно отъ Геры, безъ участія въ его происхожденіи ни Зевса, ни другаго кого изъ безсмертныхъ. Хотя тамъ-и-сямъ проглядываютъ нѣкоторые намеки на различіе Гефеста и Геры, тѣмъ не менѣе однакожъ со стороны упомянутаго значенія Гефеста онъ представляется весьма родственнымъ Герѣ; Зевсъ же напротивъ представленъ нечувствующимъ къ нему особаго влеченія. Преданіе доказываетъ это повѣствованіемъ о томъ, какъ однажды вздумалъ Гефестъ въ какомъ-то случаѣ держать сторону матери и какъ за то... впрочемъ лучше приведемъ слова самаго Гефеста, обращенныя къ матери, погруженной въ скорбь грознымъ словомъ громоноснаго супруга своего (*Илліада, Пѣснь I*):

«Милая мать! претерпи и снеси, какъ ни горестно сердцу!
«Сыну толико драгая! не дай на себѣ ты увидѣть
«Зевса ударовъ; безсиленъ я буду, хотя и крушася,
«Помощь подать: тяжело Олимпійцу противиться Зевсу!
«Онъ уже древле меня, побужденнаго сердцемъ на помощь,
«Ринулъ за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небеснаго прага.
«Несся стремглавъ я весь день, и съ закатомъ блестящаго солнца
«Палъ на божественный Лѣмносъ, едва сохранивши дыханье.
«Тамъ Синтійскіе мужи меня дружелюбно пріяли.

По другому однакожъ преданію, сама Гера устыдившись дитяти своего, родившагося на свѣтъ маленькимъ, плачевнымъ (маленькимъ, какъ искра, изъ которой разгарается пламя), столкнула будто его съ Олимпа и онъ палъ въ море, гдѣ приняли его ласково Ѳетиса и Эвринома и гдѣ въ жилищѣ влажныхъ боговъ произвелъ онъ свои искусныя работы. Между этими работами особенно замѣчателенъ золотой тронъ съ невидимыми связя-

ми. Тронъ этотъ послалъ Гефестъ матери въ отмщенье за поступокъ ея съ нимъ. Лишь только, не подозрѣвая умысла, возсѣла на немъ „лилейно-раменная Гера“ мощныя связи охватили и сжали ее: ничья власть не могла одолѣть ихъ. Не трудно видѣть въ этомъ выраженіе тѣхъ ледяныхъ связей, которыми скованная земля утрачиваетъ свою производительность на все то время, когда тепло покидаетъ ее. Это еще яснѣе видно изъ того, что богъ весны, *Діонисъ (Бахусъ)*, является въ миѳѣ посредникомъ-миротворцемъ. Сладкими рѣчами склоняетъ онъ Гефеста воротиться на Олимпъ, въ объятія матери, и мать тотчасъ освобождается отъ долгихъ узъ.

Когда бы, и отъ кого бы, ни случилось паденіе Гефеста, но слѣдствіемъ этого вышла та шаткая и валкая походка Гефеста „хромоногаго“, какъ называетъ его Гомеръ, которая однажды въ сонмѣ боговъ на Олимпѣ произвела странное веселье:

«Гефестъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
«Сладостный нектаръ подноситъ, черпая кубкомъ изъ чаши,
«Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
«Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетится.

Конечно, древніе этой хромотой и колеблющейся походкой олицетворили неровные, прихотливые переливы пламени.

Какъ бога огня, при дальнѣйшемъ, постепенномъ развитіи миѳа, древніе стали почитать Гефеста божествомъ тѣхъ искусствъ, которыя необходимо требуютъ помощи этого элемента древнихъ. Такъ Гефестъ является богомъ металлургіи, а въ Аѳинахъ— богомъ гончарной работы. Впрочемъ такъ какъ не одни металлы и глина выработываются помощью

огня: онъ необходимый спутникъ большей части, если не всѣхъ, ремеслъ и художествъ, условливающихъ бытъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ народовъ; то на этомъ основаніи Гефестъ почитался у древнихъ боговъ споспѣшникомъ промышленности и просвѣщенія. Въ совершенно особенномъ видѣ выработалось представленіе о немъ, какъ объ искусномъ художникѣ въ металлическихъ издѣліяхъ. Тутъ его воображали кузнецомъ Олимпійскимъ, работающимъ въ своей закопченной мастерской, которую часто помѣщали въ нѣдрахъ огнедышущей Этны. Отсюда выходили блистательныя произведенія его художества, которыя онъ и раздаривалъ богамъ и своимъ смертнымъ любимцамъ. Тутъ онъ изготовилъ для Зевса тотъ мощный аттрибутъ державства (щитъ), который назывался *эгидомъ*, и чуднаго искусства скипетръ; доспѣхи Ахиллесу; оружіе Гераклу; себѣ — двухъ удивительныхъ прислужницъ изъ золота, которыя какъ живыя важно выступали и помогали Гефесту въ ходьбѣ; наконецъ — ту знаменитую сѣть, которая была такъ памятна Марсу и Афродитѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ нежданно накрылъ ихъ Гефестъ въ своемъ домѣ, и призванные на зрѣлище сожители Олимпійскіе

«Подняли смѣхъ несказанный, увидя, какое
«Хитрое дѣло ревнивый Гефестъ совершить умудрился.
«Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
«Злое невпрокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ одержала;
«Какъ ни хромаетъ Гефестъ, но поймалъ онъ Арея, который
«Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ».

(Одиссея. Пѣснь VIII).

Гефестъ же былъ и богомъ земнаго, вулканическаго, тепла. Съ-тѣхъ-поръ, какъ замѣтили плодородіе вулканической почвы, стали относить его къ покровительству Гефеста и видѣть особенное его благословеніе на виноградной лозѣ, такъ какъ она на вулканической почвѣ приноситъ лучшіе плоды. Изъ этого источника и возникло преданіе, раскрывающее то особенное дружество Гефеста съ Діонисомъ, которое отчасти уже обнаруживается въ вышеупомянутомъ примиреніи Гефеста съ Олимпомъ; отчасти же видно изъ того, что оба эти божества иногда смѣшивались въ воздаваемомъ имъ почитаніи.

Въ мѣсто пребыванія Гефесту вѣрованье древнихъ отводило преимущественно вулканическія мѣстности, въ Греціи островъ Лѣмносъ, по которому и самъ богъ назывался Лемносскимъ; кромѣ Лѣмноса — Липары и Сицилію. На послѣдней Этна была средоточіемъ его кузнечныхъ работъ. Тутъ онъ, при содѣйствіи подмастерьевъ — Циклоповъ, ковалъ Зевсу во время войны его съ Гигантами губительныя молніи; Нептуну — мощный трезубецъ; Плутону — тотъ незримымъ дѣлающій шлемъ, о которомъ уже разсказано. Какъ одно изъ божествъ Олимпійскихъ, Гефестъ имѣлъ и на немъ палаты, не уступающія въ блескѣ жилищамъ другихъ безсмертныхъ. Это видно изъ словъ Гомера *(Илліада. Пѣснь XVIII)*.

(Θетида отправляется къ Гефесту заказывать оружіе сыну своему Ахиллесу):

«Тою порою Θетида достигла Гефестова дома,

«Звѣздныхъ, нетлѣнныхъ чертоговъ, прекраснѣйшихъ среди Олимпа,
«Кои изъ мѣди блистательной создалъ себѣ хромоногій».

Нельзя не упомянуть о важной помощи, которую Гефестъ оказалъ Зевсу, когда послѣдній восхотѣлъ изъ собственной главы создать Аѳину (Минерву). По повелѣнію Зевса, Гефестъ раскололъ ему топоромъ голову и изъ нея явилась „свѣтлоокая дочь Зевса — Аѳина-Паллада".

И у Грековъ, и у Римлянъ почитаніе Гефеста-Вулкана восходитъ къ глубочайшей древности; особенно же чтили его на Лѐмносѣ. Храмъ Гефестовъ стоялъ у подножія огнедышущей (теперь давно погасшей) горы Мосихлоса, по преданію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Прометей похитилъ небеснаго огня, за что и былъ Гефестомъ прикованъ къ какой-то кавказской скалѣ, гдѣ орелъ клевалъ его печень, нароставшую безпрерывно для безконечныхъ терзаній. Ежегодно съ-тѣхъ-поръ островъ Лемносъ въ опредѣленное время, при разныхъ печальныхъ обрядахъ, долженъ былъ сначала сокрушаться, а потомъ примиряться съ разгнѣваннымъ богомъ. Девять дней никто не смѣлъ имѣть у себя огня, пока не воротится съ священнаго острова Делоса посланный туда корабль. Привезенный на немъ огонь, роздавали тогда въ домы и мастерскія заведенія.— Въ Сициліи, на горѣ Этнѣ, у Гефеста былъ также храмъ, оберегаемый особенными псами, одаренными способностью отличать набожныхъ людей отъ нечестивыхъ и яростно гнать послѣднихъ прочь отъ священнаго мѣста.

Пространно было почитаніе Гефеста и въ юж-

ной Италіи, въ древней Кампаніи. Въ Аѳинахъ почитаніе Гефеста присоединялось къ почитанію покровительницы града — Аѳины-Паллады. Гефеста тамъ чтили какъ бога семейныхъ огней, какъ устроителя семейной жизни, въ чемъ онъ и слылъ за божественнаго мастера. Въ соотношеніи съ этимъ взглядомъ на него мужи Аѳинскіе праздновали ему и Аѳинѣ ежегодно, въ Октябрѣ, праздникъ *Апатурій*: въ праздничныхъ одеждахъ, при горящихъ факелахъ, совершали жертвоприношенія и восхваляли свѣтлаго „огнеподателя." — Въ томъ же мѣсяцѣ отправляемы были еще обоимъ божествамъ, силой и вліяніемъ которыхъ, по вѣрованью древнихъ, такъ глубоко проникнуты были различныя обстоятельства жизни человѣка — празднества *Халкейскія*. Кромѣ этихъ были еще *Гефестеи* и *Панатенеи*. При всѣхъ этихъ празднествахъ происходили въ Аѳинахъ призовые бѣги юношей съ факелами.

Въ Римѣ уже Ромулъ построилъ Вулкану храмъ и установилъ празднество *Вулканалій*. Празднество (23-го августа) начиналось жертвоприношеніемъ (рыбъ), чтобъ отклонить всякое несчастіе, могущее приключиться при употребленіи огня во время замѣтно-прибавившихся вечеровъ. Въ священный день празднества зажигали вечерніе огни и приступали къ вечернимъ работамъ.

Въ Троянскую войну Гефестъ примкнулъ къ Герѣ, Аѳинѣ, Посидону, Гермесу на помощь Грекамъ, хотя и не поспѣвалъ за другими богами, что видно изъ словъ Гомера (*Илліада. Пѣснь XX*):

«Съ ними къ судамъ и Гефестъ огромный, и пышущій силой,
«Шелъ хромая: съ трудомъ волочилъ онъ увѣчныя ноги».

Отъ супруги своей, Афродиты, Гефестъ дѣтей не имѣлъ, за то было у него нѣсколько сыновей отъ другихъ, побочныхъ, женъ. По аттическому сказанью, Гефестъ очень ухаживалъ за Аѳиной (Минервой), но неудачно. Однако-жъ богиня приняла подъ свое особое покровительство *Эрихтонія*, сына Гефеста и Геи (богини-земли).

Гефеста изображали (какъ и на избранномъ нами рисункѣ) въ видѣ возмужалаго, бородатаго человѣка. Видъ важный, внушающій; одежды никакой, кромѣ легкаго передника, на головѣ же нѣчто въ родѣ колпака, хорошо напоминающаго обыкновенный покровъ древнихъ греческихъ ремесленниковъ. На изображеніяхъ Гефестъ при помощи дѣятельныхъ своихъ подмастерьевъ сильно куетъ на своей наковальнѣ. Кривая нога намекаетъ на печальное событіе въ жизни Гефеста.

На старинныхъ монетахъ острова Лемноса Гефестъ изображенъ безъ бороды. На древнихъ вазахъ чаще всего встрѣчается та сцена, когда Гефестъ, одѣтый и увѣнчанный, съ молотомъ и кузнечными клещами въ рукѣ, сидя на ослѣ, котораго ведетъ Діониссъ (Бахусъ), съ виноградною тростью, изъ своего морскаго заточенія возвращается на Олимпъ.

АФРОДИТА или ВЕНЕРА

(См. табл. V и XI).

Афродита-Венера у Грековъ и Римлянъ была богиней-любви. Уже у древнѣйшихъ народовъ Востока производящая сила природы была олицетворена особымъ божествомъ. Изъ Сиріи и Финикіи пересадилось на Греческую почву, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ Греціей, представленіе божества любви, называемаго *Астартой*. Оттуда оно разошлось по островамъ Средиземнаго моря и наконецъ достигло Италіи. Въ развитіи миѳа объ этомъ божествѣ воображенію народовъ поле представлялось обширное. Можетъ быть поэтому-то въ сказаніяхъ даже древнѣйшихъ повѣствователей объ Афродитѣ встрѣчаются разнорѣчія о происхожденіи ея и значеніи; и разныя прозванія придаются ей. Во всякомъ случаѣ преобладающая идея, олицетворенная этой богиней, есть— божественная производительная сила природы во всемъ чудномъ и безконечно-разнообразномъ ея проявленіи. Изъ различныхъ преданій открывается отличіе Афродиты *древней* отъ Афродиты *юной*. *Древняя* была дочь Урана, почему и прозывалась *Ураніей*, т. е. *небесной*. О ней сказывалось, что она возникла изъ пѣны, взбиваемой волнами морскими. Отсюда и прозваніе ея: *Анадіомена* (изъ моря изшедшая). Анадіоменѣ приписывалась великая власть надъ моремъ: моряки взывали къ ней, какъ къ

вѣрной покровительницѣ своей. Богинѣ посвящалось миртовое дерево *), за которое, какъ полагали, удалились моряки въ то время, какъ Анадіомена, нагая, весной изошла изъ волнъ морскихъ и ступила на островъ Цитеру, или Киѳеру (нынѣшній Чериго, въ Кандійскихъ водахъ). На островѣ этомъ она получала особенно горячее поклоненіе и по имени острова называлась *Цитерской*. Впрочемъ, точно также ей давали прозванія и отъ другихъ мѣстностей, гдѣ воздавалось ей почита-

---

*) Мирты распространены не только въ южной Европѣ, гдѣ, по замѣчанію Александра Гумбольдта, они придаютъ особенный характеръ островамъ Средиземнаго моря, состоящимъ изъ извести и трахитовъ, но и на всемъ междутропическомъ пространствѣ. Европейскій миртъ, т. е. *м. обыкновенный* (Myrtus Communis, Le myrte, Myrtle-tree, Myrtenbaum) представляетъ вѣтвистый, отъ 3 до 8 футовъ въ вышину кустъ съ жесткими, лоснящимися, густо-сидящими листьями. Мирты тропическіе болѣе замѣчательны. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ (по фонъ-Клёдену): 1) *М. Пряный* или *Индійскій* (M. Pimenta, Le Noivre de Jamaïque, Nelkenpfeffer-Myrte, Jamaïca pepper или Long leav'd pimento) растетъ на Антильскихъ остр., ростомъ отъ 20 до 30 фут. Ягоды его собираютъ до полной ихъ зрѣлости и сушатъ. Въ торговлѣ у насъ онѣ извѣстны подъ имен. Англійскаго перца. Нѣкоторые, близкіе къ этому мирту, доставляютъ т. н. *Царскій перецъ*, а иные употребляются въ медицинѣ. 2) *Миртъ-Гвоздичникъ* (caryophylus aromaticus) съ Молукскихъ острововъ, растетъ деревомъ отъ 20 до 40 футовъ вышины. Роскошный цвѣтъ его собираютъ до раскрытія его и сушатъ. Въ торговлѣ цѣнится высоко и извѣстенъ подъ имен. Ямайскаго или Кайенскаго перца. Голландцы разсадили его у себя на 4 островахъ, на остальныхъ же истребили, не желая соперничества. Французамъ удалось украсть нѣсколько растеній въ 1770 г. и развести его на Сешельскихъ островахъ, на Бурбонѣ и въ Кайенѣ. 3) Листья этого мирта (M. Eugenia Ugni), который растетъ въ Южной Америкѣ, жители Парагвая употребляютъ какъ чай, а ягоды его, имѣющія пріятный кисловато-ароматическій вкусъ—въ пищу.

Прим. перевод.

ніе. Таковы были: *Аматузіа* (отъ Амата или Аматонта на Кипрѣ), *Киприда*, *Книдія*, *Паѳія*, *Идалія* и др. Въ представленіяхъ объ Афродитѣ-Ураніи олицетворена та чистѣйшая сила природы, которою держится жизнь въ мірѣ и которая не имѣетъ ничего общаго съ чувственными представленіями любви. — *Юная Афродита*, напротивъ, есть символъ земной любви. Эта Афродита, по нѣкоторымъ сказаніямъ, произошла отъ Зевса и Діаны, почему и называлась также: *Діонея*. Олицетворяя Афродитою высшій идеалъ женской красоты, древніе изображали ее во всей обворожительной ея наготѣ, или только подъ легчайшими покровами, шествующей въ колесницѣ, которую везутъ лебеди, голуби или воробьи. Богиню сопровождаютъ: сынъ ея *Эросъ* (*Амуръ* или *Купидонъ*), *Хариты* (*Граціи*), *Горы*, *Гимеросъ* (богъ любовнаго томленья), *Поѳосъ* (богъ сладкихъ желаній), *Пеиѳо* (покоряющая нѣжность). — У ней былъ любимецъ, прекрасный цвѣтущій пастушокъ *Адонисъ*. Когда онъ погибъ на охотѣ отъ дикаго вепря, Афродита впала въ такое отчаяніе, что не имѣла силъ оторваться отъ мертваго. Боги въ утѣшеніе ей опредѣлили ея возлюбленному ежегодно на весну и лѣто покидать мрачную обитель Персефоны и оставаться у Афродиты. И такъ въ сочетаніи Адониса съ Афродитой олицетворены расцвѣтанье и цвѣтъ природы до самой поры созрѣванья и конечной жатвы его (осени и зимы: возвращенья къ Персефонѣ). Эта ежегодная естественная перемѣна въ природѣ была поводомъ къ особому празднеству въ честь Адониса. Празднество начиналось

обрядомъ, какъ бы погребеніе Адониса, котораго провожали съ печальными пѣснями въ темное жилище Персефоніи, а оканчивалось радостной вспышкой надежды снова насладиться весеннимъ его появленьемъ и возгласами: «Адонисъ живъ, Адонисъ снова является къ намъ»! По Адонису Афродита называлась у Грековъ еще *Адонейя* или *Адонія*.

Эта богиня, какъ мы уже видѣли прежде, была замужемъ за Вулканомъ. Дѣтей у нихъ не было. Кромѣ Адониса (или какъ называли его древніе Сирійцы: *Абобасъ*, т. е. флейтистъ), богиня особеннымъ предпочтеньемъ наградила также смертнаго мужа *Анхиза*. Анхизу произвела богиня Энея, котораго сынъ *Асканій* (или по римскимъ сказаніямъ Юлій) сдѣлался родоначальникомъ знатнѣйшей въ Римѣ фамиліи. Къ ней же принадлежалъ впослѣдствіи и *Юлій Цезарь*. Слѣдовательно, этотъ знаменитый мужъ происходилъ по прямой линіи отъ Афродиты. Если безплодно было супружество богини, то нетаковы были ея отношенія къ другимъ безсмертнымъ Олимпа: между многочисленными дѣтьми ея замѣчательнѣйшіе: *Эросъ-Амуръ* и *Антеросъ* (Любовь и Взаимность), *Гименей* и *Гермафродитъ* (см. ниже).

При всей добротѣ и ласковости, Афродита не болѣе другихъ богинь была свободна отъ раздражительности и мести въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорблялась божественность ея. *Гипполитъ* пораженъ былъ смертью; *Полифонта* — обращена въ сову; *Арсиноя* — въ камень, а *Мирра* — въ миртовое дерево. О спорѣ за красоту, возникшемъ у богини съ Герой и Аѳиной, спорѣ, доставившемъ

сыну троянскаго царя Парису благоволеніе Афродиты, мы разскажемъ въ связи съ тѣми событіями, которыя относятся къ войнѣ Троянской.

Соединявшая любовными узами всѣ существа неба, земли и самаго Тартара, Афродита почиталась древними какъ богиня супружествъ. Это значеніе Афродиты раскрыто въ словахъ, которыя вѣщаетъ Зевсъ къ ней, когда послѣдняя является къ отцу съ жалобой на Діомеда, героя Ахейскаго, ранившаго ее въ Троянскую войну (*Илліада. Пѣснь V*):

«Милая дочь! не тебѣ заповѣданы шумныя брани!
«Ты занимайся дѣлами пріятными сладостныхъ браковъ;
«Тѣже бурный Арей и Паллада-Аѳина устроятъ?

На островѣ Кипрѣ было у ней нѣсколько храмовъ, но блистательнѣйшій изъ всѣхъ—въ городѣ Паѳосѣ. Сюда стекались тысячами, чтобъ праздновать ежегодный праздникъ въ честь Афродиты. Тутъ былъ и оракулъ богини. Тутъ же воздавалось ей почитаніе какъ Афродитѣ-Ураніи (См. выше). Въ Книдѣ, городѣ Карійскомъ, изъ всѣхъ сокровищъ великолѣпнаго храма богини восхитительнѣйшимъ была чудная статуя самой Афродиты, произведеніе *Праксителя* *).

---

*) *Пракситель,* знаменитый ваятель греческій IV вѣка до Р. Х., творецъ статуи Афродиты Книдской, на которую издалека съѣзжались любоваться Греки, благоговѣвшіе предъ изяществомъ формъ, и подражаніемъ которой считаютъ Венеру Медицейскую, произведеніе Клеолана Аѳинскаго, произвелъ еще: *группу Ніобы*, находящуюся во Флоренціи; *Аполлона Савроктоноса* (Аполлона поражающаго дракона) и *Фавна* съ

Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Грецiи богиню, рожденную моремъ, чтили какъ покровительницу въ далекихъ странствованiяхъ по невѣрной стихiи. Моряки и рыболовы, отправляясь въ путь, взывали къ златой Афродитѣ и становились подъ охрану ея. На островѣ Эгинѣ сначала Посейдону приносили жертвы и утѣшали его сладкими пирами, за ними взывали къ Афродитѣ, и тутъ ужъ на праздникѣ богини предавались неудержимой радости и утѣхамъ. И въ Книдѣ Афродиту чтили богиней безпокойнаго моря: на владычество ея надъ моремъ указываетъ присутствiе среди аттрибутовъ богини дельфина. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ сдѣлалось общимъ поклоненiе Афродитѣ-Венерѣ, и здѣсь также ей посвящались ежегодныя празднества, *Венералiи*. Храмы ея были: одинъ въ Капитолiи, другой у Колинскихъ Вратъ. Въ Италiи посвященъ былъ Венерѣ мѣсяцъ Апрѣль, когда земля покрывается свѣжею зеленью и цвѣтами или, говоря языкомъ миѳологiи, когда Адонисъ снова покидаетъ подземелье для свѣтлаго мiра.

Богинѣ посвящали: голубей, барановъ, зайцевъ, дельфиновъ, лебедей; изъ цвѣтовъ: мирты, розы и нѣкоторыя другiя красивыя растенiя; яблоки и другiе плоды. Въ Элидѣ символомъ богини служила черепаха. Въ формѣ щита этого животнаго ви-

---

флейтой. Кромѣ ихъ къ рѣзцу же Праксителя, по мнѣнiю многихъ, относятся изображенiя *Аполлона Бельведерскаго* (теперь въ Ватиканѣ) и *Дiаны* (теперь въ Версали). По мнѣнiю же нѣкоторыхъ послѣднiя двѣ статуи произведены раньше: Скопасомъ или (еще раньше) Каламомъ Аѳинскимъ. Произведенiя Праксителя изъ мѣди и мрамора.

Прим. перев.

дѣли намекъ на небесный сводъ, а въ робости и нравахъ животнаго, непокидающаго своего дома, видѣли изображеніе домовитой хозяйки, отъ которой требовалось постояннаго и бдительнаго надзора за ввѣренными ей домашними дѣлами.

Вначалѣ изображали богиню эту въ видѣ безформеннаго камня; потомъ постепенно изображеніе выработывалось искусствомъ въ стройную, чудными прелестями одаренную, фигуру богини, въ изящныхъ одеждахъ; позднѣйшее уже искусство стало изображать ее нагою въ различныхъ положеніяхъ. На избранныхъ нами рисункахъ богиня въ одеждахъ. На обоихъ изображеніяхъ волосы на головѣ изящно убраны — отличительный признакъ Афродиты. На первомъ изображеніи одежды, схваченныя только на правомъ плечѣ, изящными складками ниспадаютъ внизъ. Въ лѣвой рукѣ яблоко, символъ предпочтенія, выраженнаго Парисомъ, когда Гера, Паллада и Афродита предоставили ему произнесть судъ надъ ихъ красотой.

«Онъ богинь оскорбилъ, приходившихъ въ домъ его сельскій»

тѣмъ, что далъ побѣду златой Афродитѣ. Но не забыли этого оскорбленья Гера и Паллада и показали въ Троянскую войну, какъ ужасенъ гнѣвъ раздраженныхъ богинь.

Искусство увѣковѣчило образъ богини въ несчетномъ количествѣ статуй. Изъ нихъ многія дошли и до насъ *). Высочайшій идеалъ красоты богини, съ

---

*) Знаменитѣйшею изъ нихъ считалась до сихъ поръ Венера Медицейская (Венера Медичи). Въ прошедшемъ же году (въ 1859) нашли въ бывшихъ садахъ Юлія Цезаря древнюю статую, изображающую богиню въ

АПОЛЛОНЪ.

ГЕЛІОСЪ.

которой уже никогда не равнялись послѣдующія произведенія художниковъ; была вышеупомянутая нагая статуя *Афродиты-Книдійской*.

ПАЛЛАДА-АѲИНА или МИНЕРВА.

(См. табл. VI.)

Ее звали также *Тритогеніей*, *Тритоніей* и *Атенеей*. Въ миѳѣ о Палладѣ повѣствуется, что она вышла изъ чернокудрой главы тучегонителя Зевса совсѣмъ вооруженной; что при рожденьи ея дрогнули небо и земля, вскипѣло море и померкло свѣтило дневное. Уже сказано было, что Зевсъ предъ рожденьемъ Аѳины проглотилъ супругу свою Метису и потомъ повелѣлъ Гефесту расколоть ему голову. Прибавимъ теперь, что по другимъ сказаніямъ, послѣднее повелѣніе отдано было не Гефесту, а Прометею.

Другіе миѳы повѣствуютъ, что Аѳина была плодомъ союза Нептуна съ Нимфой Тритоніей, а Зевсъ только принялъ ее въ число дѣтей своихъ. Кажется однакожъ, что эти миѳы уже позднѣйшаго происхожденія и придуманы для того, чтобъ объяс-

---

той же позѣ, какъ и Медицейская, но сохранившуюся почти *вполнѣ* въ томъ видѣ, какъ художественный рѣзецъ Аѳинскій произвелъ ее, тогда какъ у Венеры Медицейской руки, а можетъ быть и голова, произведены по мнѣнію многихъ уже позднѣйшимъ искусствомъ. Знатоки отдаютъ недавно-открытой статуѣ первенство. Драгоцѣнность эта (*Венера Порта-Портезе*) пріобрѣтена Россіей и хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. *Прим. перевод.*

нить. съ незапамятныхъ временъ примкнувшее къ
имени Аѳины прозваніе Тритогеніи или Тритоніи,
но съ вѣрованьемъ народнымъ не имѣли ничего
общаго.

Въ народномъ вѣрованьи о рожденьи Аѳины изъ
Зевсовой головы лежитъ та же основная мысль,
въ силу которой и Гефестъ считался сыномъ *един-*
ственно Геры (см. о Гефестѣ). Какъ въ происхож-
деніи бога земнаго огня представляли отсутствіе
всякаго небеснаго участія, такъ же и рожденіе не-
бесной Аѳины освободили отъ вмѣшательства вся-
каго земнаго содѣйствія. По смыслу сказанья объ
Аѳинѣ видно, что въ ней совмѣщаются различныя
свойства. Она—то грозная и разящая, какъ чер-
ныя тучи и бурные взрывы, встрѣтившіе ея рож-
денье, то свѣтлая и кроткая, какъ лучезарное не-
бо, когда прольются на успокоенную природу по-
токи тепла и пронесутся живительныя струи по
овлаженнымъ нивамъ.

Обѣ эти стороны ея существа: мощь и гроза,
вмѣстѣ съ ясностью и кротостью, выражены и въ
обоихъ греческихъ именахъ богини. Какъ Паллада,
она одна облечена эгидомъ державнаго Зевса; она
одна, какъ говоритъ Эсхилъ *), «вѣдаетъ ключъ

---

*) *Эсхилъ*, поэтъ трагическій, жилъ въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Х. Въ про-
изведеніяхъ его ярко сіяетъ превосходство Греческаго духа и образованія надъ
варварами. Въ своемъ «*Прометеѣ*», онъ выразилъ идеалъ свободнаго Гре-
ка, не преклоняющагося предъ несправедливою волею Зевса, Грека великаго
въ самомъ паденіи. Кромѣ того всѣ произведенія его запечатлѣны глубокимъ
чувствомъ преданности волѣ боговъ. Въ «*Персѣ*» онъ говоритъ, что
Персы пострадали за то, что нападая на Элладу, не страшились грабить
боговъ и сожигать храмы.

Прим. перевод.

отъ покоя, гдѣ молньи таятся отцовы». Какъ Паллада, она возбуждаетъ храбрыхъ къ подвигамъ доблести и ни что не стоитъ предъ молніеноснымъ ея копьемъ. Вотъ, какъ вдохнула Паллада мужество въ Ахейскаго героя Діомеда:

«Чадо Тидея! о, воинъ, любезнѣйшій сердцу Аѳины!
«Нѣтъ, не страшися теперь ни Арея сего, ни другаго
«Сильнаго бога: сама за тебя я поборницей буду.
«Мужествуй, въ бой на Арея лети на коняхъ звуконогихъ;
«Смѣло сойдись и рази, не убойся свирѣпства Арея,
«Буйнаго бога сего, сотвореннаго къ злу вѣроломца!
«Самъ онъ недавно обѣтъ произнесъ предо мной и предъ Герой,
«Ратовать противъ Троянъ и всегда поборать за Ахеянъ;
«Нынѣ жъ стоитъ за Троянъ, вѣроломный: Ахеянъ оставилъ.
. . . .
«Быстро сама въ колесницу къ Тидиду восходитъ богиня,
«Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
«Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрѣйшаго мужа.
«Разомъ и бичъ и бразды захвативши, Паллада-Аѳина
«Вдругъ на Арея на перваго бурныхъ коней устремила.
. . . .
«И тогда на Арея напалъ Діомедъ нестрашимый
«Съ мѣднымъ копьемъ; и усиливъ его, устремила Паллада
«Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь:
«Тамъ Діомедъ поразилъ и, безсмертную плоть растерзавши,
«Вырвалъ обратно копье. . . . .

(Илліада. Пѣснь V).

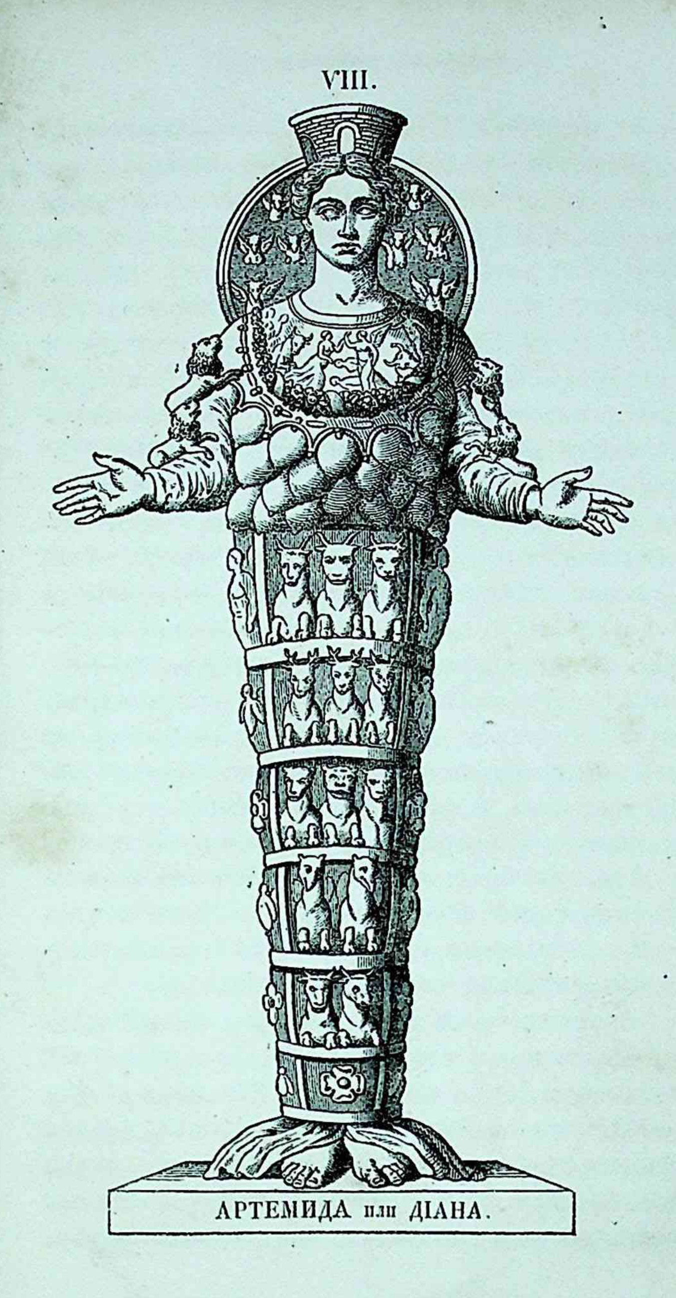
Какъ кроткая дочь неба, богиня врагъ Арея, ищущаго только боя и кровавой схватки. И въ политической жизни государствъ, какъ и въ духовной жизни каждой отдѣльной личности человѣческой, миръ дается, какъ плата за вынесенную борьбу, тамъ—съ врагами внѣшними, тутъ—съ собственными страстями. Паллада покровительствуетъ такой борьбѣ и поддерживаетъ человѣка на пути къ достиженію такого мира, но и по достиженіи его она не

оставляетъ человѣка, а напротивъ, кроткая, премудрая, раскрываетъ предъ нимъ благодѣянія міра и учитъ человѣка, какъ можно болѣе и долѣе пользоваться ими. Вникните въ смыслъ миѳа объ Аѳинѣ-Палладѣ, и вы откроете ту связь, которою такъ неразлучно связаны обѣ стороны значенія богини, на первый разъ будто противоположныя, а на самомъ дѣлѣ взаимно условливающія другъ друга, и вы сознаете всю глубокость смысла, заключеннаго древнимъ Грекомъ въ представленьи богини Аѳины-Паллады.

Итакъ, въ богинѣ нераздѣльно слиты обѣ стороны ея значенія и составляютъ одно цѣлое представленіе. Здѣсь у мѣста обратить вниманіе на то, что по смыслу миѳа объ Аѳинѣ она вѣчно пребывала въ безбрачіи, отвергая различныя предложенія, существующія въ преданіяхъ. Не удивительно, что существо, при самомъ рожденьи котораго устранено всякое земное вмѣшательство, является и тутъ безъ земныхъ потребностей и слабостей. Грекъ олицетворилъ въ Аѳинѣ существо по преимуществу исполненное духа, безграничнаго въ своей дѣятельности, наполняющаго ею весь міръ и не имѣющаго ничего общаго съ житейскими, ограниченными, нуждами и проявленьями.

Въ войну Зевса съ Титанами и Гигантами Паллада дѣятельно помогала отцу совѣтомъ и дѣломъ, и къ его же выгодѣ возбудила его воспользоваться необыкновенно-важнымъ содѣйствіемъ Геракла къ усмиренію мятежниковъ. И сама она укротила чудовищнаго исполина Энкелада. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось могущество Зевса, является она

VIII.

АРТЕМИДА или ДІАНА.

покровительницей героевъ, преслѣдующихъ и уничтожающихъ на землѣ все чудовищное. Такъ она неотлучно сопутствуетъ Гераклу въ его многотрудныхъ похожденіяхъ (см. ниже); такъ она помогаетъ Персею умертвить Горгону-Медузу и на собственномъ эгидѣ уноситъ главу чудовища. За послѣдній подвигъ Аѳину называютъ *Горгофоніей*. Вмѣстѣ съ Герой она покровительствуетъ Аргонавтамъ (см. примѣч.); Тезею помогаетъ исполнить свои подвиги противъ вражескихъ, темныхъ силъ; наконецъ оказываетъ безконечный рядъ мощныхъ содѣйствій героямъ Ахейскимъ, пришедшимъ подъ Трою. Только по ея внушеніямъ и падаетъ Троя, десять лѣтъ отражающая храброе воинство греческое (см. ниже).

Среди мира Аѳина возвышаетъ духъ людей на полезныя занятія и распространяетъ между людьми благодѣянія различныхъ искусствъ и ремеслъ. Она преподаетъ, по вѣрованью древнихъ, искусство прясть и ткать, ухаживать за новорожденными, играть на флейтѣ и даже врачевать различные недуги. Какъ укротительница бури военной, она научаетъ людей покорять своей власти дикихъ коней и впрягать ихъ въ боевыя колесницы. Въ преданіи о Беллерофонѣ именно повѣствуется о томъ, какъ Аѳина укротила для него крылатаго Пегаса (см. ниже). Въ Аѳинахъ же распространено было еще другое сказаніе, о томъ, какъ Эрихтоній научился отъ Аѳины упряжкѣ коней тогда, когда никто еще изъ людей не умѣлъ обуздывать ихъ для этого. Однимъ словомъ, подъ покровительствомъ богини Аѳины находятся всѣ, кто занимается по-

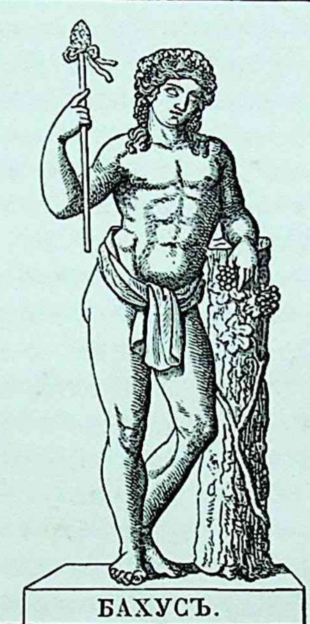
лезными ремеслами и художествами, особенно же такими, которыя способствуютъ въ обществѣ къ смягченію нравовъ и просвѣщенію, а слѣдовательно устраиваютъ благополучіе обществъ человѣческихъ.

Но особенно глубокое почитаніе получала Аѳина-Паллада въ той области, которая, какъ ужъ было разсказано, досталась ей послѣ соперничества съ богомъ морей, т. е. въ Аттикѣ. Тамъ въ почитаніи превозносили ее надъ всѣми остальными божествами и самъ главный городъ области названъ по имени богини. Краснорѣчивѣйшимъ знакомъ покровительства Аѳины этой области считалось оливковое дерево, вслѣдствіе спора съ Посейдономъ вызванное ею къ жизни на безплодной скалѣ. По преданію, распространенному у Аѳинянъ, всѣ оливы, главнѣйшее богатство страны, пошли отъ созданья богини. Объ этомъ оливковомъ деревѣ жила въ народѣ Аѳинскомъ такая повѣсть, въ которой ясно высказывается вся глубина вѣрованія ихъ въ свою любимую богиню. Вотъ она: Персы вторглись въ Грецію съ безчисленными силами и Аѳина предстала къ трону своего громоноснаго отца и молила спасти отъ враговъ ея возлюбленный городъ. Но судьба всемощная рѣшила погибнуть славному городу, чтобъ возникъ онъ изъ разрушенія еще славнѣйшимъ и блистательнѣйшимъ чѣмъ былъ прежде. Итакъ, Зевсъ самъ, покоряясь непреклонной судьбѣ, не могъ исполнить просьбы милой дочери, и Аѳиняне, покинувъ родныя жилища, сѣли на корабли; Персы же до основанія истребили Аѳины, все предавши мечу и огню. Не спаслось

VII.

ДІАНА.

БАХУСЪ.

отъ огня и священное дерево богини. Но Аѳина скоро дала знаменье своего неизмѣннаго покрова Аттикѣ: она сохранила жизнь въ корнѣ погибшаго дерева. Изъ него быстро явился въ три локтя длиною свѣжій отпрыскъ и сталъ предъ Аѳинянами, какъ символъ возрожденія ихъ города. Новый духъ мужества влила богиня въ поникшихъ Ахейцевъ: они вскипѣли яростью на Персовъ и ставъ во главѣ остальныхъ греческихъ дружинъ разсѣяли при Саламинѣ флотъ непріятельскій въ десятеро сильнѣйшій. Жалкіе остатки завоевателей, покрытые позоромъ, бѣжали далеко отъ Греческой земли.

Изображенія этой богини отличались разнообразіемъ, что̀ зависѣло отъ различныхъ качествъ, отъ различныхъ родовъ дѣятельности, которыя совмѣщали въ значеніи богини Аѳины. Этимъ же объясняется и разнообразіе прозваній ея въ мѣстностяхъ, прославленныхъ особенно ревностнымъ поклоненіемъ этой богинѣ. Такъ въ Элидѣ, почитая въ Аѳинѣ нѣжную попечительницу дѣтей, называли ее матерью; въ другихъ же мѣстахъ, особенно въ Аѳинахъ,—***Поліасъ***, покровительницей городовъ, или ***Сотейрой***, мощной защитницей, ***Цезіей*** или ***Главкописой***, т. е. лазурноокой богиней; ***Парѳеносой***, дѣвственницей, ***Гиппіей***, т. е. коней укротительницей; ***Эрганой***, въ рукодѣльяхъ искусной; ***Никой***—побѣдительницей; ***Механитисой***—художницей и мн. др. Въ качествѣ богини войны ее изображали въ видѣ высокорослой дѣвы съ важнымъ видомъ, вооруженной щитомъ и длинною пикой, въ золотомъ шлемѣ съ конскою гривой или сфинксомъ на немъ, и съ грудью, покрытой простран-

ной бронею (эгидомъ), съ змѣями вокругъ ея и главою Медузы посрединѣ. Одежда — туника безъ рукавовъ. Какъ богиню женскихъ рукодѣлій, т. е. Аѳину-Эргану, ее изображали хотя и въ шлемѣ, но безъ оружія и въ длинной, волнистой одеждѣ, съ прялкой и т. п. Какъ матерь и покровительницу врачевства (Аѳина-Гигіея) ее изображали съ змѣею, символомъ здравія, а какъ богиню музыки съ флейтой въ рукѣ. Встрѣчаются между аттрибутами Аѳины и вѣтви оливъ. Изъ животныхъ посвящены были ей кромѣ змѣй еще пѣтухъ, символъ бодрствованія (онъ же часто и на изображеніяхъ богини), и въ особенности сова, сверкающимъ взглядомъ какъ-бы напоминающая молніеносный взоръ Аѳины-Паллады, а ночной бодростью указывающей на прилежаніе мудреца, который и въ ночные часы питаетъ свой умъ наукой и размышленіемъ.

Хотя Аѳина, подобно Гестіи-Вестѣ и Артемидѣ-Діанѣ, пребывала дѣвой, но, какъ видно и на избранномъ нами изображеніи, богинѣ не придано дѣвственной округлости и нѣжности формъ, а напротивъ — грудь, руки и бедра скорѣе напоминаютъ мужскія. И черты лица, продолговатаго, съ открытымъ взглядомъ и челомъ, лишены женственной прелести. Всѣ эти особенности совершенно соотвѣтствуютъ главнѣйшимъ родамъ дѣятельности богини.

Древнѣйшее, деревянное изображеніе богини, упавшее будто бы съ неба, извѣстное подъ именемъ *Палладіума*, т. е. изображенія Паллады, было вначалѣ во владѣніи Троянской царской фами-

ліи и хранилось, какъ священнѣйшій даръ неба, ибо, по вѣрованью, съ сохраненіемъ его связана была и судьба самой Трои. Въ троянскую войну Палладіумъ былъ похищенъ или Діомедомъ или Одиссеемъ, что и причинило взятіе Трои помощью деревяннаго коня (см. ниже: Троянская война). По другимъ источникамъ, Палладіумъ былъ захваченъ Энеемъ въ бѣгствѣ изъ Трои. Изъ несогласія этихъ свѣдѣній вышло то, что когда впослѣдствіи появилось много Палладіумовъ, то разныя государства, напр. Аргосъ, Римъ, Аѳины, оспаривали каждый истинность того Палладіума, которымъ сами владѣли, считая другіе подложными. Это, впрочемъ, не мѣшало каждому изъ нихъ глядѣть на изображеніе Аѳины, квкъ на необходимое условіе и ручательство благополучія государства. Отсюда начало обычая употреблять выраженіе Палладіума въ болѣе пространномъ и переносномъ значеніи. Говоря, напримѣръ: *Исчезъ Палладіумъ свободы* выражали этимъ, что главнѣйшія условія и ручательства свободы утрачены.

Славнѣйшія и знаменательнѣйшія статуи Аѳины-Паллады находились въ Аѳинахъ. Онѣ были произведенія Фидія, творца статуи Зевса Олимпійскаго. Въ особенности замѣчательны: статуя, сдѣланная изъ слоновой кости и золота, и стоявшая въ Парѳенонѣ *), а другая бронзовая, на которую потра-

---

*) ***Парѳенонъ***, храмъ покровительницы Аѳинской, былъ возобновленъ Перикломъ на мѣстѣ разрушеннаго Персами, въ самомъ Акрополисѣ, т. е. цитадели города, и возобновленъ въ такомъ блескѣ и изяществѣ, что ему не было подобнаго во всей Греціи. Теперь Турецкое владычество на-

чена десятая часть добычи Мараѳонской, стоявшая на Сунійскомъ мысѣ, южной оконечности Аттики, подъ открытымъ небомъ, и на столько превышавшая само зданіе храма Аѳины Сунійской, что мореходцы, приходя на высоту Сунійскаго мыса, уже видѣли возвышенный шлемъ и копье богини.

Въ честь Аѳины-Паллады были установлены празднества *Панатеней*. Ежегодно праздновались малыя Панатенеи, а въ третій годъ текущей Олимпіады—большія. Установленіе празднествъ этихъ восходитъ къ глубочайшей древности. Какъ и при другихъ праздникахъ, были здѣсь торжественныя шествія, жертвоприношенія и пиршества, но кро-

---

ложило печать своего невѣжества и на памятники художества древней Греціи. Въ войну Турокъ съ Венеціянами, въ 1677 году, Турки обратили Парѳенонъ, тогда еще почти цѣлый, въ пороховой складъ. Венеціянская бомба взорвала на воздухъ памятникъ славы Перикловой, пощадивъ только западную сторону и нѣсколько колоннъ. Къ счастію, хотя барельефы, находившіеся на храмѣ, спасены вначалѣ прошедшаго столѣтія Шуазелемъ во Францію и Лордомъ Эльгиномъ въ Англію.

Отъ храма Сунійской Аѳины теперь осталось только семнадцать колоннъ и онѣ такъ далеко видны съ моря, что самый мысъ и теперь называется мысомъ Колоннъ.

О статуѣ Аѳины Парѳенонской слѣдуетъ прибавить, что одежда ея, сдѣланная изъ чистаго золота, была устроена такъ, что могла сниматься: она обыкновенна хранилась во внутренности храма, и надѣвалась только въ торжественные случаи. Несмотря на громадность статуи (до $6^1/_2$ саж.), она была такъ хороша въ одеждѣ, что по увѣренію древнихъ, казалась живою.

Третья статуя, также Фидіева, какъ и первыя двѣ, была сдѣлана изъ бронзы и поставлена въ Аѳинахъ. По красотѣ своей она была извѣстна подъ именемъ Каллиморфосъ, т. е. благообразной. Она же извѣстна подъ именемъ Лемносской, ибо сдѣлана была на деньги Лемносцевъ.

Прим. перев.

мѣ того Панатенеи отличались еще состязаньями въ борьбѣ и особенно тѣмъ, что распространялись изъ Аттики далеко, во всѣ колоніи Греческія. Побѣдной наградой былъ сосудъ чистѣйшаго оливковаго масла, продукта священнаго дерева Аѳины. На этихъ Панатенейскихъ сосудахъ, изъ которыхъ многіе дошли и до насъ, съ одной стороны изображена сама богиня въ воинственномъ положеніи, а съ другой — тотъ родъ состязанія, въ которомъ получена награда. Самая торжественная часть праздника была — принесеніе въ даръ богинѣ богатой, пространной одежды, узорчато-истканной Аѳинскими женами и дѣвами. Пышную одежду несли въ Акрополисъ, т. е. укрѣпленное средоточіе города, чтобы тамъ возложить ее на статую богини. Въ шествіи участвовало все населеніе Аѳинъ: и знатнѣйшіе юноши верхомъ или въ колесницахъ, запряженныхъ четырьмя отборными конями; и отряды воиновъ въ полномъ вооруженіи; и граждане Аѳинскіе съ женами и дочерьми въ торжественныхъ одеждахъ. Въ началѣ весны приносили жертвы Аѳинѣ правительственныя лица, и двѣ дѣвицы въ продолженіи года заботились о служеніи богинѣ въ храмѣ ея.

Почти съ такой же ревностью, какъ Греки, почитали и Римляне богиню, которой качества были въ духѣ народа Римскаго. Римляне называли ее *Минервой*, т. е. богиней мудрости или лучше: размышленія. И у Римлянъ подъ покровомъ ея находились искусства и ремесла и домашнія женскія занятія: пряжа, тканье, вышиванье и т. п.— Изъ многихъ прекрасныхъ храмовъ римскихъ въ

честь Аѳинѣ-Минервѣ, древнѣйшій находился въ Капитоліи. Въ честь изображенію ея, Палладіуму, воздавалось особое поклоненіе и посвященъ былъ ежегодный праздникъ, который продолжался 5 дней, отъ 19-го до 23-го Марта.

ФЕБЪ-АПОЛЛОНЪ и ГЕЛІОСЪ или СОЛЬ.

(См. Табл. VI).

Главнѣйшія прозванія Аполлона: ***Деліосъ*** по имени посвященнаго ему острова Делоса; ***Кинтіосъ*** по имени находящейся на этомъ островѣ горы; ***Летоидесъ*** по имени матери своей Леты или по римски Латоны; ***Номіосъ***, напоминающее отношеніе бога къ пѣнію и игрѣ; ***Пэанъ***, т. е. врачъ, наконецъ ***Пиѳіосъ*** или ***Пиѳійскій*** по имени Дельфъ или Пиѳа, гдѣ былъ у этого бога оракулъ. Онъ былъ сынъ Зевса, рожденный вмѣстѣ съ Артемидой (Діаной) отъ Леты (Латоны), которая, повсюду преслѣдуемая ревнивой Герой, спаслась наконецъ на островъ Делосъ, одинъ изъ Кикладъ, разсѣянныхъ на пространствѣ Эгейскаго моря. До той поры по этому сказанію, Делосъ стоялъ пустынной скалою среди моря; съ рожденіемъ же бога и безжизненная скала просіяла небывалымъ блескомъ, священные лебеди явились на морѣ и семь разъ облетѣли расцвѣтшій островъ. Вотъ почему на островѣ Делосѣ, въ мѣсяцъ, когда расцвѣтаетъ природа (Май), праздновали рожденіе свѣтлаго бога.

Позднѣйшіе Греческіе писатели не дѣлаютъ различія между Аполлономъ и богомъ солнца—Геліосомъ; точно также и римскіе, смѣшивая ихъ, даютъ обоимъ одно основное значеніе, боговъ солнца. Но миѳъ объ Аполлонѣ, которому придано названіе Феба, въ смыслѣ чистѣйшихъ лучей свѣта, т. е. лучей солнечныхъ, тогда какъ матери его дано имя Леты, т. е. сокрытой, въ смыслѣ темной ночи, этотъ миѳъ въ послѣдовательномъ развитіи своемъ получилъ такой обширный смыслъ, что основное его значеніе почти утратилось. ***Геліосъ*** же (или ***Гиперіонъ***) обозначаетъ собственно свѣтило дневное, какъ оно является на тверди небесной, со всѣми перемѣнами, сопровождающими появленія его въ продолженіи дня и года; и едва ли гдѣ-либо Геліосъ принимаетъ другое, болѣе обширное, значеніе. И ему посвящалось число семь. На островѣ Тринакріи (полагаютъ, что это Сицилія) паслись на привольѣ его семь стадъ коровъ и столько жъ овецъ. Ни одной коровой, ни одной овцой, не могли стада ни увеличиться, ни уменьшиться. Свѣтлый богъ любовался ими при каждомъ восходѣ и закатѣ своемъ. Рука смертнаго не смѣла касаться божественныхъ стадъ. Одиссей, подъѣзжая къ Тринакріи, говорилъ своимъ товарищамъ:

«Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и ѣдою.
»Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотатную руку;
«Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
«Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ».

(Одиссея. Пѣснь XII).

И такъ, хотя Аполлонъ-Фебъ съ одной стороны, а Геліосъ-Соль съ другой и смѣшаны у древнихъ писателей въ одномъ миѳѣ, но ихъ нужно, да это и весьма легко, различать. Смѣшенье жъ ихъ у писателей конечно не есть плодъ лучшаго, вѣрнѣйшаго пониманія религіозныхъ представленій объ этихъ божествахъ, но просто упущеніе изъ виду различной степени развитости этихъ представленій.

По вѣрованью древнихъ, Геліосъ (Солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперстая Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, несся по своду небесному, ночью же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Теѳисы прекрасной. За тѣмъ-то и посвящали ему, какъ и Посейдону, коня, а голову коня изображали символомъ бога.

Почитаніе Геліоса было распространено во многихъ мѣстностяхъ Греціи, особенно же на островѣ Родосѣ, который будто бы при раздѣлѣ земли между богами достался первымъ и единственнымъ удѣломъ Геліосу. Тутъ же была и знаменитая статуя бога солнца, бывшая прежде въ числѣ семи чудесъ свѣта, а впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ Колосса Родосскаго. И было за что называться такимъ именемъ: она была ростомъ до 70 локтей, и Геліосъ представленъ былъ шагающимъ черезъ рукавъ морской у острова Родоса; въ отверстіе же между ногъ проходили парусныя суда.—И здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ, принося коней въ жертву Геліосу, ввергали ихъ въ море.

Древніе вѣрили, что тамъ должна быть вѣчная жатва, гдѣ Геліосъ встаетъ съ моря прекраснаго, чтобъ явиться на мѣдномъ

«Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
«Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ».

(*Одиссея. Пѣснь III*).

На островѣ Родосѣ былъ ежегодный праздникъ Геліосу въ Августѣ.

Вникнемъ теперь внимательнѣе въ значеніе Феба-Аполлона. Мы ужъ сказали, что оба божества первоначально означаютъ свѣтъ и солнце, и что въ послѣдовательномъ развитіи получаютъ значенія существенно различныя. Попытаемся доказать это. Отъ солнца исходитъ свѣтъ физическій, но вѣдь вообще подъ свѣтомъ мы осуществляемъ себѣ понятія и свѣта правды и знанія, справедливости и всякой нравственной чистоты. Вотъ на какомъ основаніи легко и разумно различать свѣтъ духовный (Феба-Аполлона) отъ свѣта физическаго (Геліоса-Соля). Первый вдохновляетъ оракула снимать завѣсу съ темнаго будущаго, уничтожаетъ мрачнаго чудовища Пиѳона, пытавшагося сдѣлать оракулъ его неприступнымъ; онъ же богъ музыки и пѣнія, которыя раздаются тамъ лишь, гдѣ свѣтъ и благополучіе и гдѣ ничто не нарушаетъ безопасности стадъ. Послѣдній же, т. е. Геліосъ — только свѣтлое тѣло, съ различными явленіями котораго связаны перемѣны сутокъ и временъ года.

Миѳъ объ Аполлонѣ, такъ же какъ и миѳъ объ

Афродитѣ, принадлежитъ къ древнѣйшимъ, съ тою разницею, что онъ, по крайней мѣрѣ въ большей части своей, принадлежитъ Греціи, а не занесенъ въ нее какъ тотъ съ Востока. Нужно однакожъ согласиться съ тѣмъ, что и у народовъ Востока было почитаніе нѣкоторыхъ боговъ солнца и свѣта, и особенно странно то, что въ основаніи и ихъ почитанія лежитъ тоже различное воззрѣніе на свѣтъ и солнце. Воздухъ, земля, вода, подземный міръ и другія силы природы, какъ мы видѣли, олицетворены въ яркихъ образахъ; въ миѳѣ же объ Аполлонѣ, кажется, соединены противорѣчія. Но это кажется только при поверхностномъ взглядѣ на него: противорѣчіе разрѣшается въ согласіе, лишь только вникнуть въ смыслъ миѳа о дѣятельности вѣчнаго свѣта и солнца.

Куда только достигнутъ лучи солнечные или, говоря языкомъ древнихъ, стрѣлы Аполлона, въ сады и рощи, нивы и луга, все вспрянетъ отъ долгаго, тяжелаго сна, все снова оживетъ и въ такой же красотѣ развернется и созрѣетъ, какъ бы въ первый разъ по созданіи. Согрѣтая до самыхъ сокровенныхъ фибръ, природа зазвучитъ радостно, и радостью же откликнется на голосъ ея чувство человѣка. Насквозь проникнетъ природу благодатное солнце, и тьма не устоитъ предъ его побѣдоноснымъ лучомъ. Всѣ эти представленія и даже представленіе о разрушительномъ иногда дѣйствіи этихъ самыхъ лучей солнца на растенія, животныхъ и самаго человѣка, особенно въ жаркихъ странахъ, все это разбираемый нами миѳъ воплощаетъ въ образѣ Аполлона: онъ сіяетъ благодатью

и красотой бога, всѣми благословляемаго, который, по слову нашего общаго наставника—Крылова:

«Былинкѣ-ль, кедру ли — благотворитъ равно,
«И радость по себѣ и счастье оставляетъ.
«За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
«Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
«И все его благословляетъ».

Въ силу этого миѳа Аполлонъ является то верховнымъ покровителемъ пастуховъ, пасущихъ стада свои въ согрѣтыхъ имъ долинахъ, и беззаботно услаждающихъ себя свирѣлью, подъ кровомъ бога, не боясь хищныхъ звѣрей; то богомъ врачеванья, благопріятствующимъ росту травъ, исцѣляющихъ недуги; то богомъ музыки, который свѣтомъ и тепломъ проникаетъ живую природу и она звучитъ подъ благотворнымъ дѣйствіемъ ихъ; то наконецъ богомъ-вѣщателемъ, приподымающимъ таинственную завѣсу будущаго, проливая свѣтъ небесный во всѣ темные предѣлы міра, разгоняя тревожный мракъ ночи. Понятно, что врачи, поэты, художники, на основаніи такихъ представленій объ Аполлонѣ, наслаждались непосредственнымъ покровительствомъ его.

Какъ бога врачеванья Аполлона звали *Пэаномъ* или *Пэйономъ*; какъ бога музыки и поэзіи—*Цифаредомъ*, а какъ предводителя сонма музъ—*Музагетомъ*. Родъ знаменитыхъ врачей, поэтовъ и музыкантовъ, напримѣръ Эскулапа и Орфея, производили обыкновенно отъ Аполлона.—Аполлону вѣрованье древнихъ дало въ удѣлъ вѣчную и неизмѣнную юность и силу, знаменуя этимъ вѣчно-юную мощь свѣта и тепла.

Поэтому Аполлонъ считался покровителемъ юной силы и ловкости въ состязаньяхъ и битвахъ. Не забыли древніе внести въ значеніе Аполлона и тотъ вредъ, который иногда бываетъ слѣдствіемъ жаркаго лѣта (солнечные удары, болѣзни и т. п.) и потому съ этой точки зрѣнія почитали въ немъ бога смерти, слетающей вмѣстѣ съ "тихой стрѣлой дальновержца„.

Въ силу разнообразія названій и значенія Аполлона, его изображаютъ и стоящимъ и сидящимъ; въ спокойномъ положеніи и съ живою походкой; но во всякомъ случаѣ: въ образѣ прекраснаго, сильнаго юноши. Волнистыя кудри свободно ниспадаютъ съ божественной главы или схвачены только лавровымъ вѣнкомъ или легкой связью; изящество членовъ не скрыто ни какой неумѣстной одеждой, изрѣдка только съ плеча падаетъ легкій покровъ, дополняющій гармонію линій чуднаго тѣла; въ рукѣ или лукъ или изогнутый посохъ пастушій, а за спиною колчанъ съ стрѣлами; иногда же въ рукѣ лира (музыкальный инструментъ древнихъ). Ноги безъ обуви или въ нарядныхъ сандаліяхъ.

Въ качествѣ же Музагета или Цифареда Аполлона изображали въ длинныхъ одеждахъ, ниспадавшихъ до земли и поверхъ которыхъ былъ еще наброшенъ общій покровъ. Въ этомъ же случаѣ Аполлонъ изображался съ жертвенникомъ или съ треножникомъ, символами бога-вѣщателя. Геліосъ же изображался съ лучами, сіяющими вокругъ головы (символъ солнца) и въ ту самую минуту,

когда четверо быстрыхъ коней мчатъ его огненную колесницу по своду небесному.

Хотя на избранномъ нами изображеніи Аполлона не видно многихъ изъ тѣхъ подробностей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, но за то это изображеніе признано самымъ изящнымъ изо всѣхъ по суду Винкельмана, знаменитаго знатока древнихъ искусствъ. На этомъ изображеніи мужественное лице Аполлона, мощныя кудри, напоминающія отцовы, и самая мантія (хламида), смѣло откинутая съ плеча черезъ лѣвую руку, все заставляетъ думать, говоритъ Винкельманъ, что это положеніе Аполлона выражаетъ торжество надъ дракономъ Пиѳономъ, хотѣвшимъ препятствовать доступу къ дельфійскому оракулу Аполлона.

Рядомъ съ нимъ изображеніе Геліоса. Онъ въ широкой, свободной одеждѣ, чуть чуть схваченной у пояса (знакъ поспѣшности); вокругъ головы семи-лучевой вѣнецъ (замѣтьте посвященное ему число семь); въ одной рукѣ шаръ, означающій форму свѣтила: въ другой—рогъ изобилія, распространяемаго благодатными лучами солнца; возлѣ него конскія головы, напоминающія поѣздъ Геліоса.

И такъ въ самыхъ изображеніяхъ Аполлона и Геліоса художники совершенно вѣрно и сообразно съ существомъ дѣла представили проявленія свѣта духовнаго и вещественнаго.

Обратимся теперь къ главнѣйшимъ преданіямъ объ этихъ божествахъ. Прежде объ Аполлонѣ. Уже къ самому періоду возрастанія его привязаны многія чудныя повѣствованія. Такъ напри-

мѣръ, будто не мать, преслѣдуемая неотступно Герой, вскормила его, а Ѳемида (справедливость; вотъ почему и внесено начало правды въ представленіе Аполлона), и не молокомъ вскормили его, а нектаромъ и амврозіей, отъ которыхъ онъ такъ скоро и такъ мощно развернулся, что чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія ужъ былъ блестящимъ юношей и покинулъ своихъ покровительницъ-богинь, возвѣстивъ имъ свое призваніе въ жизни: метать неотвратимыя стрѣлы, восхищать сердца музыкой и вѣщать людямъ непреложные глаголы.

Послѣ этого отправился Аполлонъ разъискивать себѣ для оракула мѣсто, ни слишкомъ шумное, ни слишкомъ глухое. Много областей Греческихъ прошелъ онъ прежде, чѣмъ достигъ глубокой Дельфійской (или Пиѳійской) долины. Здѣсь, въ сердцѣ Греціи, онъ избралъ себѣ мѣстопребываніе. На этомъ мѣстѣ стоялъ до тѣхъ поръ съ незапамятныхъ временъ оракулъ Ѳемиды. Его богиня охотно уступила юнѣйшему богу. Только страшный драконъ Пиѳонъ воспротивился ему и пытался его изгнать. Напрасно: полный силы и мужества, богъ послѣ короткой борьбы уничтожилъ ужасное чудовище. Такимъ образомъ онъ завоевалъ себѣ знаменитый во всемъ мірѣ оракулъ Пиѳійскій, самъ же получилъ почетное имя Пиѳіоса. Но даръ провѣщаній онъ получилъ отъ отца своего Зевса и потому въ вѣщаніяхъ Аполлона древніе видѣли выраженіе воли и предначертаній самаго „отца безсмертныхъ и смертныхъ“.

Съ этихъ поръ никто ужъ не оспаривалъ у

Аполлона владѣній дельфійскихъ, только одинъ разъ онъ долженъ былъ снова явиться на защиту ихъ. Это случилось, когда Гераклъ необузданно-храбрый изгналъ жрицу Аполлонову и ниспровергъ ея священный треножникъ за то, что она возвѣстила ему въ храмѣ такой отвѣтъ, который не понравился герою.

Зевсъ не допустилъ однакожъ дѣтямъ своимъ разсориться, примирилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ Аполлонъ и Гераклъ зажили въ тѣснѣйшей дружбѣ.

Аполлоновы ловкость и мѣткость въ стрѣльбѣ были очень полезны Зевсу въ войнѣ его съ Титанами и Гигантами. Но когда Аполлонъ, въ отмщеніе Зевсу за то, что онъ поразилъ молніей сына его Эскулапа, убилъ нѣсколькихъ Циклоповъ, то возбудилъ этимъ такой гнѣвъ отца своего, что былъ на нѣкоторое время вовсе изгнанъ изъ сонма небесныхъ. Тутъ онъ, какъ простой смертный, служилъ на землѣ сначала у друга своего, царя Ѳессалійскаго Адмета хранителемъ стадъ крутороги хъ быковъ, а послѣ въ томъ же званіи у Лаомедона Троянскаго, въ Малой Азіи. Въ досадѣ на свое изгнаніе Аполлонъ заключилъ союзъ съ Посейдономъ съ цѣлью низвергнуть Зевса съ престола. Планъ ихъ не удался и Зевсъ въ наказанье велѣлъ имъ обоимъ помогать Троянцамъ строить стѣны вокругъ ихъ города. Царь Троянскій Лаомедонъ, когда насталъ срокъ расплаты, не отдалъ условленной платы и тѣмъ заронилъ такъ глубоко жажду мести въ сердце Посейдона, что онъ постоянно и сильно вредилъ Троянцамъ во время осады ихъ города ратями Ахейскими, увлекалъ и

Аполлона содѣйствовать ему, такъ упрекая его въ покровительствѣ героямъ Троянскимъ:

«О безрасудный, безпамятно сердце твое! Позабылъ ты,
«Сколько трудовъ мы и бѣдъ претерпѣли вокругъ Иліона,
«Мы отъ безсмертныхъ одни? Повинуяся волѣ Кронида,
«Здѣсь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
«Цѣлый работали годъ; и сурово онъ властвовалъ нами.
«Я обитателямъ Трои высокія стѣны воздвигнулъ,
«Крѣпкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
«Ты, Аполлонъ, у него какъ наемникъ воловъ круторогихъ
«Пасъ по долинамъ холмистой, дубровами вѣнчанной Иды.
«Но когда намъ условленной платы желанныя Ѓоры (т. е. часы)
«Срокъ принесли, Лаомедонъ жестокій насильно присвоилъ
«Должную плату и насъ изъ предѣловъ съ угрозами выслалъ.
«Лютый, тебѣ онъ грозилъ оковать руки и ноги
«И продать, какъ раба, на островъ чужой и далекій;
«Намъ обоимъ похвалялся отсѣчь въ поруганіе уши.
«Такъ удалилися мы, на него негодуя душею.
«Царь вѣроломный, завѣтъ сотворилъ и его не исполнилъ!
«Фебъ! не за толь благодѣешь народу сему, и не хочешь
«Намъ поспѣшать, да погибнутъ на вѣкъ вѣроломцы Трояне,
«Бѣдственно всѣ да погибнутъ, и робкія жены, и дѣти!»

(Илліада. Пѣснь XXI).

Напрасно Посейдонъ упрекалъ Аполлона въ великодушіи. Послѣдній въ отмщеніе за понесенныя оскорбленія наслалъ на виновныхъ моръ, опустошившій и Трою и область ея. Во время своего служебнаго испытанія у Аполлона вышелъ споръ съ Паномъ, утверждавшимъ, будто флейта его пріятнѣе лиры Аполлоновой. Мидасъ, Царь Лидійскій, которому спорившіе предоставили разрѣшить споръ, склонился на сторону Пана, за что удостоился получить отъ Аполлона въ вѣчное наслѣдство ослиныя уши. Марсіаса же, который осмѣлился хвалиться тѣмъ, будто играетъ на флейтѣ

лучше Аполлона, послѣдній предалъ жестокой смертной казни.

Здѣсь же мѣсто разсказать преданіе о несчастной матери, подвергшейся гнѣву Аполлона. Это была супруга славнаго бряцателя струнъ Амфіона (сына Зевса и Антіопы), это была

«— — — несчастная матерь Ніоба,
«Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла,
«Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей разцвѣтавшихъ.
«Юношей Фебъ поразилъ изъ блестящаго лука стрѣлами,
«Мстящій Ніобѣ, а дѣвъ—Артемида гордая лукомъ.
«Мать ихъ дерзала равняться съ румяноланитою Летой:
«Лета двоихъ—говорила,—а я многочисленныхъ матерь!
«Двое сіи у гордившейся матери всѣхъ погубили.
«Девять дней валялися трупы; и не было мужа
«Гробу предать ихъ: въ камень людей превратилъ Громовержецъ.
«Мертвыхъ въ десятый день погребли милосердые боги.
«Плачемъ по нихъ истомяся, и мать вспомянула о пищѣ.
«Нынѣ та мать на скалахъ, на пустынныхъ горахъ Сицилійскихъ,
. . . .
«Тамъ, отъ боговъ превращенная въ камень, страдаетъ Ніоба».

(Илліада. Пѣснь XXIV).

По миѳологическимъ сказаніямъ, отъ союзовъ Аполлона съ богинями и прекрасными дочерьми *)

---

*) Преданіе гласитъ, что Аполлонъ преподалъ дочери Главка *Деифобѣ* даръ гаданья и надѣлилъ ее тысячелѣтнею жизнью для упражненія и развитія этого дара. Гадательница жила въ пещерѣ, близъ города Кумы, въ Кампаніи (область южной Италіи) и извѣстна была подъ именемъ Кумской *Сивиллы*. Ей принадлежали тѣ *три сивиллинскія книги*, въ которыхъ заключались будто-бы предсказанія о судьбахъ Римскаго государства. Послѣдній царь Римскій, *Тарквиній Гордый* купилъ (?) ихъ у Сивиллы. Ихъ берегли въ Капитоліи, какъ зеницу ока, до-тѣхъ-поръ пока, при Суллѣ, страшный пожаръ, бывшій въ Римѣ, истребилъ и ихъ,

смертныхъ родилось многочисленное потомство: отъ ***Корониcы — Асклепій*** или ***Эскулапъ***; отъ ***Крезы — Іонъ*** *); отъ ***Калліопы — Орфей*** и ***Гименъ***; отъ ***Таліи***—жрецы Кибелы, ***Корибанты***.

Обращаясь теперь къ Геліосу, встрѣчаемъ и отъ него многочисленныхъ потомковъ, между которыми знаменитѣйшій — ***Фаэтонъ***, рожденный ***Клименой***. ***Эпафосъ***, сынъ Зевса и Іо, оспаривалъ у Фаэтона божественность его происхожденія. Фаэтонъ явился въ искристые чертоги отца своего, говоря: „люди не вѣрятъ, что ты мнѣ отецъ; я пришелъ просить, чтобъ ты далъ доказательство, что я сынъ твой. Признай меня предъ небомъ и землею“. Геліосъ отвѣчалъ: „ты истинный сынъ мой, и я готовъ признать тебя предъ цѣлымъ свѣтомъ. Проси у меня чего хочешь и—клянусь мрачнымъ Стиксомъ—я исполню твое желаніе“. Фаэтонъ задрожалъ отъ радости. „Такъ повѣрь же мнѣ хотя на одинъ день твою колесницу; позволь мнѣ въ вѣнцѣ твоемъ хотя разъ проѣхать по недоступнымъ высотамъ неба!“ Устрашился и опечалился свѣтлый богъ и грустно воскликнулъ: „О, сынъ мой! любовь къ тебѣ вызвала мою безумную клятву! Чего ты просишь? Твоимъ ли слабымъ смерт-

---

Былъ и въ Греціи знаменитый гадатель, *Эпименидъ*, любимецъ Апол-
лона. Онъ былъ простой пастухъ, говоритъ преданіе, но разъ заснувши
въ пещерѣ, проспалъ 56 лѣтъ и чудно проснувшись проникся съ-тѣхъ-
поръ дивнымъ даромъ Аполлона.

*) Іонъ былъ родоначальникомъ Іонянъ; сводный братъ его *Ахей*—родоначальникомъ Ахеянъ; отъ *Дора* пошли Доріійцы, отъ *Эола—Эоляне*. Вотъ четыре главнѣйшихъ народа древней Греціи.

нымъ рукамъ управлять конями, которые и мнѣ едва повинуются! Не берись же за дѣло безсмертныхъ боговъ. Проси, кромѣ этого, всего, чего ты хочешь. Клянусь, всѣ блага земли и неба тебѣ доступны.“ Но юноша продолжалъ умолять отца, а отецъ клялся Стиксомъ, какъ же было не исполнить клятвы? Ужъ проснулась „съ перстами пурпурными“ Аврора, и разлился на востокѣ цвѣтъ разсыпанныхъ ею розъ. Впрягли огненныхъ коней въ золотую колесницу Геліоса и безсмертный отецъ, со слезами на глазахъ, надѣваетъ вѣнецъ свой Фаэтону и говоритъ ему: „дитя, дитя неразумное! не на радость ты ѣдешь!... Держи же крѣпче повода, не отступай ни на шагъ отъ назначеннаго пути. Онъ идетъ вкось огромнымъ кругомъ, но берегись опуститься слишкомъ низко, а то земля загорится; не подымайся и черезъ чуръ высоко, а то вспыхнетъ небо... Но, сынъ мой, одумайся: еще минута и“... А сынъ ужъ не слушалъ, однимъ прыжкомъ онъ очутился въ колесницѣ. Кони ударили копытомъ въ небо такъ, что искры посыпались, и быстро помчались впередъ, разсѣкая грудью утренній туманъ. Черезъ минуту, почуявъ, что не та рука управляетъ ими, они помчались съ колесницей вдоль тверди небесной.

Извратился дневной порядокъ теченія солнечнаго, когда колесница выбилась изъ пробитой колеи. Ужасъ охватилъ юношу, но какъ направить коней на истинный путь, какъ укротить ихъ, неистовыхъ, онъ не зналъ, а странныя, причудливыя созвѣздія въ видимомъ безпорядкѣ неслись къ нему на встрѣчу. Отчаяніе проникло въ измученную

душу; безсильная рука выпустила поводья, а кони, почувствовавъ ихъ, вздрогнули и еще стремительнѣй, еще неправильнѣй взносились то чуть не до звѣздъ неподвижныхъ, то мчались надъ самой землей. Изсохла вся влага на землѣ, сама она растрескалась, а дремучіе лѣса поблекли, листья съёжились, почернѣли, вспыхнули и разлился пожаръ, и уничтожилъ весь хлѣбъ, надежду, добытую кровавымъ трудомъ земледѣльца. Города запылали въ той странѣ, надъ которой промчалась колесница безумнаго Фаэтона, и всѣ люди были опалены и на вѣки остались черными. И стали ихъ называть по этому неграми (черными). Зевсъ воззрѣлъ на пылающую землю и всемогущей молніей поразилъ Фаэтона, виновника новаго бѣдствія, и сбросилъ его въ рѣку *Эриданъ* (полагаютъ, что это—По).— Не только поэты, но и художники представили въ словѣ и образѣ преданія объ этихъ необычайныхъ событіяхъ въ природѣ.

Долго оплакивали Фаэтона сестры его, ***Геліады***, т. е. дочери Геліоса: ***Паэѳуза***, ***Эглея*** и ***Лампетія***, обращенныя въ лиственницы *), онѣ печально

*) *Лиственница*, Larух, le bois de mélèze, Larch—wood, Lerchenbaum, принадлежитъ къ семейству хвойныхъ и представляетъ слѣдующія замѣчательныя разности. Лиственница Европейская (L. europæa) растетъ у насъ только въ южной Польшѣ. Древесина ея необыкновенно тверда, мало подвержена нападенію насѣкомыхъ, а потому употребляется для всякаго рода построекъ, въ водѣ и на сушѣ. Изъ трещинъ стебля или изъ отверстій, сдѣланныхъ искусственно, вытекаетъ смолистое вещество, терпентинъ, изъ котораго получается перегонкой *скипидаръ*. *Лиственница Сибирская* (l. sybirica) растетъ по всей Сибири и подымается до Полярнаго круга. Въ Европейской же Россіи растетъ въ сѣ-

свѣсились съ рѣчныхъ береговъ и слезы ихъ падали непрерывной струей. Эти слезы солнце обратило въ *Электронъ* (янтарь) и вотъ причина, почему у Грековъ такъ высоко цѣнился янтарь *). Другъ Фаэтона *Кикносъ* (лебедь), не перестававшій сокрушаться отъ потери, былъ превращенъ въ лебедя. Самъ Геліосъ, увидя печальный конецъ своего злополучнаго сына, погрузился въ глубокую печаль. Тогда, говорятъ, два дня прошло безъ солнечнаго свѣта. Только послѣ многихъ просьбъ остальныхъ боговъ Геліосъ снова возсѣлъ на солнечную колесницу и—порядокъ нарушенный возстановился.

веро-восточныхъ частяхъ ея. Предѣлы ея распространенія ограничиваются линіей, проведенной отъ Бѣлаго моря вдоль Волги до Оренбургскаго Урала. Лиственницы скидаютъ иглы на зиму. *Лиственница Американская* (l. Americana) растетъ въ гористыхъ мѣстностяхъ С. Доминго и извѣстна подъ именемъ Гакматакъ или Тамаракъ.

Къ лиственницѣ подходитъ близко кедръ (Cedrus). Кедръ ливанскій, знаменитый своей пахучей древесиной, растетъ въ горахъ Сиріи и Малой Азіи. На Ливанскихъ горахъ остались только 20, 30 весьма старыхъ стволовъ отъ 6 до 7 саженъ въ обхватъ.

Прим. перевод.

*) *Янтарь* (Ambre, Bernstein, Succinit, Gentarum) смола разныхъ соснъ первобытнаго міра и поэтому находится иногда вмѣстѣ съ ископаемымъ деревомъ или подъ корой его. Его много выбрасывается волнами морскими на берега Помераніи. Въ Пруссіи его собирается до 1000 пудовъ ежегодно по берегамъ моря и въ нарочно для этого разработываемыхъ шахтахъ тѣхъ пластовъ земли, въ которыхъ залегаютъ деревья съ янтаремъ; точно такія же разработки производятся и въ Польшѣ, возлѣ Остроленки. Въ янтарѣ часто попадаются внутри насѣкомыя и небольшія частицы растеній. Отдѣльные куски попадаются въ Пруссіи до 14 фун. вѣсу. Кромѣ украшеній янтарь идетъ на приготовленіе лаковъ, янтарной кислоты и т. п. Янтарь находится и въ другихъ мѣстахъ.

Прим. перевод.

После этого отступленія воротимся опять къ Аполлону. Греки воздавали ему самое ревностное почитаніе, да и могло ли это быть иначе, когда это божество стояло въ такихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ жизни? По разнымъ мѣстностямъ и почитаніе было различно, чѣмъ и объясняется различіе прозваній его. Такъ ***Аполлонъ Ликійскій*** почитался въ мало-азійской области Ликіи, въ Аттикѣ, и здѣсь въ особенности въ Аѳинахъ; въ Аргосѣ, Сикіонѣ, Трэценѣ, на Парнассѣ и въ Ѳивахъ. Его символомъ былъ волкъ (по гречески: ***Ликосъ***). Почитаніе ***Аполлона-Гіакинѳа*** распространилось преимущественно изъ Пелопонеза, нынѣшней Мореи, по всѣмъ южнымъ берегамъ его, въ Сикіонъ, Мессенію, Амиклею и Спарту. Служеніе этому Аполлону сопровождалось жалобными пѣснями и поэтическими состязаніями. Въ это служеніе внесена была мысль о скоротечности всего, что совершается въ видимой природѣ и обновленіи ея самой. Въ Спартѣ, въ Іюлѣ, девять дней сряду праздновали ***Гіакинтіи***, сначала—ночью и печально; подъ конецъ же—свѣтло и радостно.

Основаніемъ этого праздника служилъ слѣдующій миѳъ. Гіакинѳа, меньшаго сына Амикла, любилъ Аполлонъ; любилъ его и богъ вѣтровъ Зефиръ и однажды, изъ ревности къ Аполлону, метальный кругъ, направленный Аполлономъ въ дискъ, поворотилъ въ голову Гіакинѳа. Печальное начало и за тѣмъ радостное продолженіе праздника служили напоминаніемъ убійства и возрожденія Гіакинѳа. Очевидно, этотъ миѳъ, по подобію миѳа о Персефонѣ, указывалъ на періодическое за-

мираніе и возрожденіе природы, олицетворенной здѣсь въ образѣ юноши; точно также очевидно, что подъ смертоноснымъ метательнымъ кругомъ Аполлона разумѣли злотворное дѣйствіе знойныхъ лучей, отъ которыхъ сохнетъ растительность.

За *Гіакинтіями* слѣдовалъ въ Августѣ праздникъ *Карней*, имѣвшій въ Спартѣ нѣсколько воинственный видъ. Все населеніе, спасаясь отъ лѣтняго зноя, покидало городъ и располагалось вблизи его на нѣсколько дней лагеремъ въ палаткахъ, какъ бы въ военное время. Смыслъ этого праздника былъ въ соотношеніи съ разрушительнымъ дѣйствіемъ зноя, который часто бываетъ даже источникомъ повальныхъ болѣзней. Въ этомъ смыслѣ, придавая Аполлону прозваніе *Карнейя*, т. е. бога губительнаго, древніе старались приличными жертвоприношеніями умилостивить разгнѣванное божество. Этотъ праздникъ свято исполнялся въ Спартѣ, а изъ нея распространился въ *Киринею*, греческую колонію на сѣверныхъ берегахъ Африки, на острова Родосъ и Сицилію и въ греческіе города южной Италіи, а именно *Тарентъ* и *Сибарисъ*. Славнѣйшій храмъ Аполлона-Карнейя стоялъ въ Амиклеѣ.

Поклоненіе Аполлону Дельфійскому, распространенное на Критѣ, въ Криссѣ Фокидскомъ, въ Дельфахъ, на островѣ Эгинѣ, въ Милетѣ и другихъ мѣстностяхъ, воздавалось ему какъ божеству моря, то воздымающаго бурныя волны, то смѣняющаго гнѣвъ свой на кроткую тишину. Въ Аѳинахъ находилось святилище этого божества, *Дельфиніонъ*, древнѣйшее мѣсто божественныхъ казней

и примиреній. Здѣсь же въ Апрѣлѣ праздновались *Дельфиніи*, праздникъ, имѣвшій близкое отношеніе къ существовавшему нѣкогда обычаю ежегодно отсылать на Критъ въ умилостивительную жертву Аполлону семь избранныхъ мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Обычай былъ въ силѣ до тѣхъ поръ, пока *Тезей* не освободилъ городъ отъ этой тяжелой дани. Символомъ Аполлона Дельфійскаго былъ Дельфинъ. — За этимъ праздникомъ слѣдовалъ въ Маѣ главный праздникъ Аполлоновъ: *Ѳаргеліи*. Смыслъ этого праздника былъ прославленіе божества, благодатнымъ дѣйствіемъ свѣта и тепла ускоряющаго созрѣваніе хлѣбныхъ растеній и злаковъ, и благодарность умиротворенному Аполлону за отмѣну прежде бывшихъ въ обычаѣ человѣческихъ жертвъ. — Около этого же времени праздновались и *Деліи*, главнѣйшій праздникъ у Грековъ Іоническаго происхожденія. — Въ праздникъ *Метагитній*, который слѣдовалъ въ Августѣ, Аполлонъ, какъ богъ жатвы и изобилія, принималъ у себя и угощалъ другихъ боговъ.

По количеству празднествъ въ честь Аполлона можно угадать, какъ много храмовъ было посвящено этому божеству. Изъ всѣхъ храмовъ великолѣпнѣйшій былъ Дельфійскій, на горѣ *Парнассѣ*. Въ этомъ храмѣ, какъ было уже сказано, находилась и жрица Аполлонова *Пиѳія*, которая, сидя на священномъ треножникѣ, передавала вопрошающимъ божественные отвѣты. Треножникъ былъ замѣчательно высокъ и весь изъ золота. Онъ стоялъ прямо надъ отверстіемъ въ скалѣ, откуда постоянно подымались холодныя, одуряющія испаре-

нія. Сама Пиѳія отъ нихъ приходила въ какое-то особенное раздражительное состояніе, въ которомъ и подавала отвѣты въ формѣ несвязныхъ, отрывистыхъ словъ. Жрецы потомъ облекали ихъ въ произвольные стихотворные образы и весьма благоразумно заботились о томъ, чтобы отвѣтъ, данный вопрошающему, имѣлъ не одно, прямое, значеніе, а двойной смыслъ, за которымъ такимъ образомъ жрецы-истолкователи всегда были безопасны. Возьмемъ хоть одинъ примѣръ. Во время нашествія Персовъ на Грецію, когда Ксерксъ ужъ приближался къ Аѳинамъ, Оракулъ на вопросъ, гдѣ найти спасеніе отъ варваровъ, отвѣчалъ: "за деревянными стѣнами„. Нѣкоторые старѣйшины народа поняли отвѣтъ въ смыслѣ деревянныхъ укрѣпленій въ городѣ и убѣдили, впрочемъ немногихъ, засѣсть въ Акрополисѣ и укрѣпиться палисадами и другими деревянными препятствіями непріятелю, что̀ и было сдѣлано. Ѳемистоклъ же увѣрилъ большинство гражданъ, что деревянныя стѣны ни что другое какъ флотъ, и что тамъ только и есть вѣрное спасеніе. Дѣйствительно, пересѣвъ на корабли, Греки, воспламененные Ѳемистокломъ, одержали (23-го Іюля 480 г. до Р. Х.) при Саламинѣ рѣшительную побѣду надъ флотомъ Персидскимъ. Но дѣло въ томъ, что еслибъ всѣ граждане поняли отвѣтъ Оракула, какъ поняли его старѣйшины, и вслѣдствіе того были бы разбиты, то оракулъ все-таки остался бы правъ, сказавъ, что Аѳиняне должны были понять изъ отвѣта приказаніе сѣсть на корабли, а не иное что. Впрочемъ только такими способами жрецы Апол-

лоновы и могли упрочивать славу непогрѣшимости дельфійскаго оракула и обезпечивать себѣ огромное вліяніе въ обществѣ.

Недалеко отъ Дельфъ, на Крисской равнинѣ, въ честь Аполлона и въ воспоминаніе подвига его юности надъ дракономъ Пиѳономъ, праздновались сначала черезъ каждыя 7, потомъ черезъ 9, а наконецъ черезъ каждыя 5 лѣтъ, знаменитыя Пиѳійскія игры, на которыхъ побѣдителя украшали лавровымъ вѣнкомъ.

Въ Римѣ поклоненіе Аполлону вошло въ обычай лишь за 320 л. до Р. Х., съ тѣхъ поръ, какъ послѣ моровой язвы посвященъ ему тамъ первый храмъ, за которымъ и другой построенъ на Палатинскомъ холмѣ. *Аполлинарскія* игры учреждены во вторую Пуническую войну. Ему посвящены были лавровое дерево, а изъ животныхъ: олень, волкъ, лебедь, дельфинъ и воронъ. Между многими художественными произведеніями древности, дошедшими до насъ, одно изъ знаменитѣйшихъ — статуя Аполлона, которой изображеніе и на нашей таблицѣ. Эта статуя извѣстна въ обществѣ подъ именемъ Аполлона Бельведерскаго, по имени той залы великолѣпнаго дворца въ Римѣ, въ которой находится теперь это произведеніе.

АРТЕМИДА или ДІАНА и СЕЛЕНА или ЛУНА.

(См. табл. VII, VIII, X).

Артемиду смѣшивали съ *Селеной* на подобіе того, какъ Аполлона смѣшивали съ Геліосомъ. По

различному роду почитанія Артемиды, ей придавали различныя прозванія. Ее звали напримѣръ *Мунихіей*, т. е. богинею лунной ночи; *Ликіей* богинею свѣта; *Дельфиніей*, *Дафніей*, *Описой* или *Уписой*, т. е. свѣтлымъ окомъ ночи; *Каллистой*, прекраснѣйшей; *Деспоиной*—владычицей; *Агротерой*—охотолюбивой; *Лафріей*—добычестяжательной; *Брауроніей* (отъ Браурона); *Лимнаіей* (т. е. богиней влажныхъ, кустами поросшихъ, мѣстностей); *Ортіей* или *Ортозіей*, *Бритомартисой* или *Диктинной*, *Кинтіей*, *Деліей* и *Фебой*. Она была двойничной сестрой Аполлона, рожденной прежде его. Какъ Аполлонъ у древнихъ былъ прообразомъ солнца и свѣта, такъ и Артемида служила у нихъ первоначально олицетвореніемъ луны и ночи. На томъ основаніи, что луна представляется то просто свѣтиломъ ночи, то съ другой стороны дѣятелемъ, оказывающимъ отчасти дѣйствительное, отчасти же воображаемое, вліяніе на жизнь растеній, животныхъ и человѣка, различали древніе и два божества: *Селена* или *Луна* обозначала только свѣтило ночное, какъ Геліосъ—свѣтило дня; а *Артемида* или *Діана* вмѣщала въ своемъ значеніи вліянія луны на органическую природу. Миѳъ объ Артемидѣ поэтому и былъ разработанъ несравненно разностороннѣе, нежели миѳъ о Селенѣ. Вотъ еще черта сходства съ предшествовавшей парой божествъ. Наконецъ и смѣшеніе Артемиды-Діаны съ Селеной-Луной произошло въ позднѣйшее время на томъ же самомъ основаніи, какъ это случилось при смѣшеніи Аполлона-Феба съ Геліосомъ-Солемъ.

По разнообразію дѣйствительныхъ и воображаемыхъ вліяній луны въ природѣ, и миѳъ объ Артемидѣ выработался весьма различно въ разныхъ мѣстностяхъ и сообразно съ тѣми взглядами, какіе имѣли на богиню, которой воздавали поклоненіе. Чтобъ составить себѣ объ этомъ вѣрное понятіе, не надо забывать, что поклоненіе различнымъ силамъ природы у древнихъ было въ соотвѣтствіи съ свойствами самой той мѣстности, гдѣ силы эти олицетворены были въ образахъ извѣстныхъ божествъ. Поэтому въ миѳологическихъ повѣствованіяхъ древнихъ силы природы не могутъ представляться намъ подъ такимъ воззрѣніемъ, съ которымъ мы теперь созерцаемъ и изучаемъ подобныя силы. Естественно такое воззрѣніе древнихъ даетъ себя замѣтить и въ миѳѣ объ Артемидѣ. Но какъ бы вамъ ни показалось страннымъ многое, что составляетъ нераздѣльную принадлежность миѳа объ этой богинѣ, онъ стόитъ полнаго вниманія, ибо почитаніе этой богини, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, было очень распространено въ древнемъ мірѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что какъ двойничная сестра Аполлона, она представляетъ въ своемъ миѳѣ многое, что гармонируетъ съ подобнымъ же у Аполлона, съ которымъ древніе считали ее связанной внутреннимъ духовнымъ родствомъ.

Въ жаркихъ странахъ обильныя росы благодѣтельны для растеній не менѣе дождей, которые не бываютъ тамъ по мѣсяцамъ. Такъ какъ опытомъ дознано, что самыя богатыя росы случаются обыкновенно при безоблачномъ небѣ, когда лу-

на сіяетъ на немъ во всемъ блескѣ, то древніе отнесли ко вліянію Артемиды это обстоятельство, благопріятствующее освѣженію и жизни растительнаго царства. И вѣрованью древняго чудилось, какъ сама богиня, сопровождаемая нимфами источниковъ, витаетъ въ ясныя ночи по лѣсамъ, рощамъ, горамъ и долинамъ; и богиню почитали какъ благодѣтельницу источниковъ, рѣкъ и влажныхъ полянъ. Въ Аркадіи же почитали Артемиду какъ богиню музыки и пляски, поэтому и представляли ее себѣ въ сопровожденіи Музъ, Харитъ и Нимфъ, Афродиты и Аѳины. Если первое изъ этихъ представленій и можно пытаться объяснить единственно изъ проявленій вліяній луны на землю, за то второе заставляетъ необходимо въ *Артемидѣ-Гимніи*, какъ звали ее въ Аркадіи, признать близкое родство съ Аполлономъ.

За этими двумя представленіями объ Артемидѣ пусть послѣдуетъ то, которое имѣетъ символическій смыслъ. Смотря на рожденіе человѣка, какъ бы на выходъ изъ ночи въ день, придавали Артемидѣ еще новую черту значенія, почитая въ ней *предстательницу* и *помощницу* въ тѣхъ страданіяхъ, которыми женщина прежде всего другаго платитъ за имя матери. Въ этомъ смыслѣ Артемиду называли *Эйлифіей*, *Илифіей* *) или *Элевфой*, относя такимъ образомъ къ покрову ея и преуспѣяніе плотской природы и первыя необходимыя попече-

*) Оба первыя имена придаются также и Герѣ. Илифіей же называется также и дочь Геры и Зевса.

нія о дѣтяхъ. Въ этомъ смыслѣ въ Мессеніи, Лаконіи, Элидѣ и другихъ мѣстностяхъ Греціи дѣвушки праздновали Артемидѣ особый праздникъ, сопровождаемый пляской. Какъ бы продолженіемъ этого представленія было почитаніе Артемиды богиней смерти, ибо въ смерти видѣли какъ бы противоположное рожденіе, т. е. возвращеніе опять въ ночь. Изъ всѣхъ родовъ смертей тѣ считались происшедшими отъ Артемиды, которые приключались неожиданно, или же причины которыхъ для живыхъ представлялись загадочными. Тутъ опять черта сходства съ Аполлономъ: про такихъ умершихъ обыкновенно говорили, что ихъ поразили (мужчинъ) Аполлонъ или (женщинъ и дѣвицъ) Артемида „своей неслышной стрѣлой".

Въ чистомъ и ровномъ сіяньи луны и тогда, какъ теперь, видѣлось изображеніе дѣвической ясности и непорочности. Съ этой точки зрѣнія Артемиду, которой самое имя означаетъ цѣломудріе, непорочность, представляли богиней нравственной чистоты. Подъ кровомъ ея находились поэтому юноши и дѣвицы. Весной они приносили своей покровительницѣ въ даръ вѣнки изъ цвѣтовъ. Въ этомъ смыслѣ почитали Артемиду въ Аѳинахъ, Коринѳѣ и Ѳивахъ, какъ богиню строгой скромности, добраго имени, чистыхъ помысловъ и благомыслія въ гражданской жизни и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни семейной. Точно также наоборотъ, мысли и дѣла, оскорблявшія скромность и непорочность, не ускользали отъ стрѣлъ Артемиды.

Въ Аттикѣ, въ праздникъ ***Мунихіи***, посвященный Артемидѣ, какъ богинѣ Луны, приносили въ

жертву ей круглыя печенья, уставленныя свѣтильниками. Въ этой же области праздновались *Браурони̇и*, намекавшія на соотношеніе богини Луны съ періодическими волненьями на морѣ. Изъ этого видно, что древніе только пытались угадывать связь морскихъ приливовъ и отливовъ съ фазами луны *). Въ силу этой связи Артемиду особенно почитали въ приморскихъ мѣстностяхъ.

---

*) Весьма вѣроятно, что Финикіяне, какъ искуснѣйшіе мореплаватели древности, знали раньше другихъ, что воды въ океанѣ постоянно возвышаются и понижаются. Изъ Грековъ же первый, кто замѣтилъ явленіе прилива и отлива, былъ *Колай* изъ Самоса (см. Гумбольдтовъ *Космосъ*), который однажды за 600 лѣтъ до Р. Х., отправляясь въ Египетъ, былъ отнесенъ восточнымъ вѣтромъ за островъ Платею и оттуда Божьимъ соизволеніемъ, какъ замѣчаетъ значительно Геродотъ, древнѣйшій историкъ Греческій, былъ вынесенъ чрезъ приливъ морской въ Океанъ.

Сначала вѣсти объ этихъ чудныхъ колебаніяхъ поверхности водной казались Грекамъ довольно долго невѣроятными. Со временъ же Александра Македонскаго, т. е. съ половины IV вѣка до Р. Х. эти явленія обратили вниманіе философовъ и естество-испытателей, и уже тогда внимательные наблюдатели, а именно: Аристотель, Цезарь, Страбонъ и Плиній, относили причину этихъ явленій къ вліянію луны.

Въ настоящее время, благодаря теоріямъ Кеплера и Ньютона, изслѣдованіямъ Бернулли, Эйлера и Лапласа, въ особенности же трудамъ Кембриджскаго профессора Вевеля (въ 1834—35 годахъ) явленіе ежесуточно двухъ приливовъ и двухъ отливовъ при берегахъ океановъ и открытыхъ морей объяснено весьма удовлетворительно, а именно:

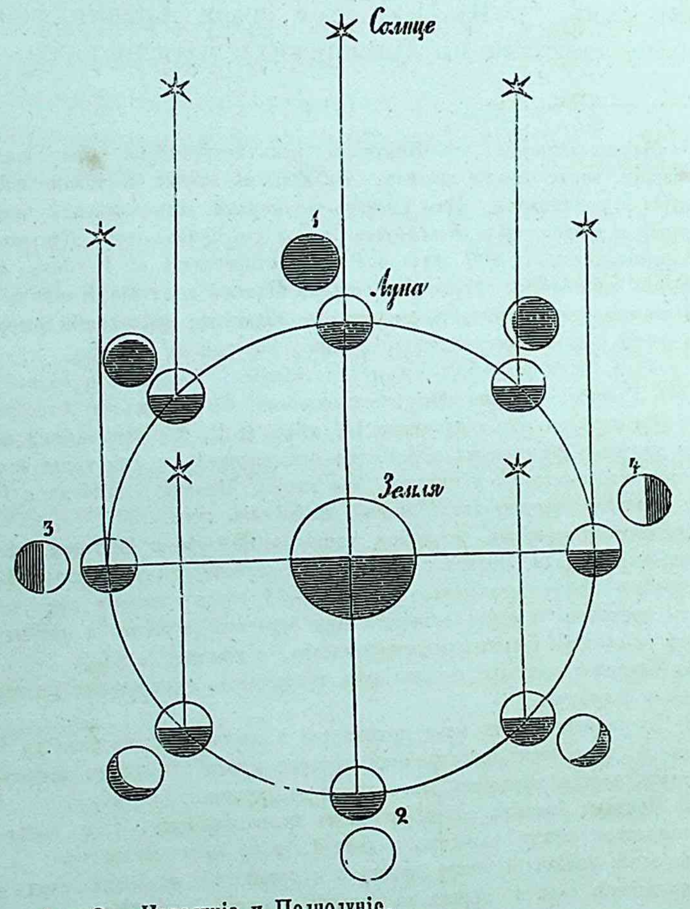
1) Коренная причина прилива есть притяженіе, оказываемое на землю луной и солнцемъ.

2) Въ данномъ мѣстѣ море подымается и опускается два раза въ сутки, т. е. въ теченіе того времени, которое нужно отъ одного прохожденія луны через меридіанъ этого мѣста до другаго.

3) Приливы бываютъ сильнѣйшими во время новолунія, т. е. когда луна находится между солнцемъ и землей, и во время полнолунія, т. е. когда земля находится между солнцемъ и луной, ибо въ обоихъ этихъ случаяхъ вліяніе луны и солнца на приливъ и отливъ сильнѣйшее. Приливы бываютъ слабѣйшими во время первой и послѣдней четверти, т. е. когда

Какъ ни разнообразны миѳы объ этой богинѣ и какъ ни различны способы почитанія ея, но они всѣ согласны въ томъ, что Артемида—богиня охо-

луна и солнце отстоятъ другъ отъ друга на четверть оборота земли и когда слѣдовательно въ одно и тоже время луна возбуждаетъ приливъ, а солнце—отливъ и обратно (См. чертежъ).

1 и 2 — Новолуніе и Полнолуніе.
3 и 4 — Первая и послѣдняя четверти.

ты и ночи съ благодатнымъ вліяніемъ послѣдней на растительное царство.

Богиней охоты стали ее почитать на томъ основаніи, что ее считали покровительницей и владычицей лѣсовъ и дикаго населенія ихъ.—Агамемнонъ потерпѣлъ отъ Артемиды большія несчастія за то, что осмѣлился убить посвященную ей оленью самку. Извѣстно, что у народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія гражданскаго, охота составляетъ предметъ великой важности. Артемида, какъ покровительница животныхъ, населяющихъ лѣса и долины, изображена на старинныхъ памятникахъ въ видѣ матери дикой природы, среди львовъ и пантеръ, или одѣтой въ кожу ихъ. Какъ богиню водныхъ низменностей ее изображали также среди посвященныхъ ей рыбъ и съ тростникомъ, вплетеннымъ въ волосы.

Еще въ самомъ раннемъ возрастѣ Артемида, съ соизволенія Зевса, избрала себѣ вѣчное безбрачіе и, какъ Аѳина, пребывала въ строжайшемъ цѣломудріи, немилосердно карая малѣйшее оскорбленіе

Наконецъ 4) Всѣ приливы на земномъ шарѣ суть главнымъ образомъ развѣтвленія одного общаго потока, происходящаго отъ того толчка, который получаетъ вода въ Великомъ Океанѣ, какъ единственномъ вмѣстилищѣ водъ, имѣющемъ достаточную ширину (90°) для того, чтобы была въ немъ точка, въ зенитѣ которой находилась бы луна, и при томъ еще другая, въ которой въ это время солнце находилось бы на горизонтѣ. Сообщенное движущейся водѣ общее, извѣстное направленіе разбивается на частныя отъ встрѣчи съ материками, островами и берегами. Отъ этихъ встрѣчъ, а также отъ глубины дна, зависятъ и скорость и высота приливовъ и всѣ видимыя неправильности ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Прим. перев.

его со стороны сопровождавшихъ ее нимфъ. Несчастную Дафну суровая богиня обратила въ лавровое дерево, а Каллисту — въ медвѣдицу. Строго наказывала Артемида всякаго, кто оскорблялъ ея божественную чистоту. Такъ Греки, отправляясь въ походъ, встрѣчены были жестокими бурями на морѣ за вышеупомянутое преступленіе предводителя ихъ Агамемнона и не смѣли выходить изъ Авлійской бухты до-тѣхъ-поръ, пока приличной жертвой не умилостивили богиню. Не менѣе пострадали въ подобномъ же случаѣ и Этоляне, когда Артемида выслала на нихъ свирѣпаго Калидонскаго вепря, который опустошалъ ихъ нивы до-тѣхъ-поръ, пока богиня не благоволила герою Мелеагру позволить умертвить его. Артемида была жестока и безпощадна въ отношеніи къ тѣмъ смертнымъ, которые оскорбляли ея чувство стыдливости и цѣломудрія. Оба охотника Оріона и особенно Актеонъ, испытали на себѣ слѣдствія немилосерднаго наказанія богини: Актеонъ превращенный ею въ оленя, былъ растерзанъ собственными собаками. Не только за себя, но и вообще за оскорбленіе боговъ мстительная Артемида казнитъ смертью. Вспомнимъ судьбу несчастной Ніобы (см. выше *Аполлонъ*).

Любимое занятіе Артемиды—охота. Постояннымъ упражненіемъ въ ней богиня развила въ себѣ такое мужество и ловкость въ стрѣльбѣ, что была весьма полезна отцу своему въ войнѣ его съ Титанами и Гигантами и Троянцамъ во время осады ихъ города Греками.

Сообразно съ различными свойствами, которыми надѣлило Артемиду воображеніе Грековъ, неудиви-

тельно, что и изображенія этой богини разнообразны. Обыкновеннѣе же всего ее изображаютъ *богиней охоты* (какъ и на нашей таблицѣ № VII), въ видѣ стройной, мужественной, величавой дѣвы, съ высоко-опоясанной, ради свободы бѣга, туникой; ноги обуты въ легкія сандаліи; за плечами полный колчанъ стрѣлъ, рядомъ съ нею несется олень; рука богини удерживаетъ его за рога—знакъ господства Артемиды надъ лѣсной тварью.

На нѣкоторыхъ изображеніяхъ въ рукѣ богини лукъ или дротикъ; на иныхъ богиня съ охотничьей собакой; или наконецъ — ѣдетъ на колесницѣ, запряженной оленями.

Луна или ***Селена*** находится, какъ сказано, въ такомъ же отношеніи къ Артемидѣ, въ какомъ Геліосъ къ Фебу-Аполлону. Селена означаетъ свѣтило ночное; Артемида—естественныя вліянія луны и ночи на природу. Въ силу значенія своего Селена изображается въ длинныхъ одеждахъ съ приподнятымъ покровомъ на головѣ, украшенной двурогою луной. Съ граціознымъ движеніемъ впередъ, съ факеломъ въ рукѣ, богиня шествуетъ въ колесницѣ, запряженной двумя конями. Прелестный миѳъ о томъ, какъ богиня, оплывая горы и лѣса и на пути своемъ привлеченная чудной красотой спящаго юноши Эндиміона, сошла къ нему со своей колесницы, конечно какъ нельзя осязательнѣе олицетворяетъ кроткое бодрствованіе богини ночи надъ погруженною въ сонъ вѣчно-прекрасной природой. Въ Римѣ былъ у Селены значительный храмъ, построенный ей уже Сервіемъ Тулліемъ на Авентин-

ской горѣ. Второй храмъ ея тамъ же стоялъ въ Капитоліи, и еще третій — на горѣ Палатинской.

Теперь обратимся къ такъ называемой Діанѣ Эфесской. Глядя на изображеніе ея (таблица VIII), можно подумать, что въ немъ ничего нѣтъ общаго съ изображеніями Артемиды; съ перваго раза трудно даже понять, какъ можно совмѣстить съ изображенной на ней богиней титулъ *дѣвственной* Артемиды. Изображеніе ея совершенно уклоняется отъ простыхъ человѣчныхъ образовъ, въ которыхъ обыкновенно представляли Греки свои божества; въ особенности же ярко запечатлѣнъ на немъ материнскій характеръ. Первоначальное почитаніе этой богини распространилось у народовъ Востока и у Грековъ, поселившихся по берегамъ Мало-Азійскимъ; сліяніе же ея съ Греческой Артемидой совершилось фактически на томъ основаніи, что сама Артемида, несмотря на свое дѣвичество, почиталась богиней, ниспосылающей плодотворную росу на растительность, покровительствующей рожденью, наконецъ богиней-матерью всѣхъ звѣрей, населяющихъ лѣса и горы. Всѣ эти качества составляли существенную принадлежность и Азіатской богини. Поэтому сліяніе обѣихъ совершилось просто и естественно.

При такой близости значенія Діаны Греческой съ значеніемъ богини восточной, которую особенно усердно почитали въ Эфесѣ, въ главномъ городѣ Іонянъ малоазійскихъ, не нашли неумѣстнымъ необыкновенное развитое выраженіе принадлежности матери-кормилицы, которое ставитъ ее въ родство съ Реей-Кибелой. Поэтому Діана Эфесская

представлена въ башенной коронѣ, а голова обозначена на кругломъ щитѣ, символѣ полной луны; на груди у богини цвѣточное ожерелье служитъ символомъ весны и дѣвичества; множество грудей обозначаютъ мать дикой природы, которой поэтому приличны на изображенiи и львы на рукахъ и разныя животныя: олени и воображаемые грифоны, и др. на перевязяхъ, схватывающихъ укутанное тѣло богини. Тельцы между ними своими рогами знаменуютъ серповидную луну; по сторонамъ изображены цвѣты и пчелы.

На другихъ древнихъ изображенiяхъ богиня эта также со множествомъ грудей, но въ одной рукѣ держитъ жезлъ или же цѣпь, доходящую до земли, а нижняя часть тѣла отъ туловища оканчивается въ видѣ отесаннаго заостреннаго камня.

Почитанiе Дiаны Эфесской было распространено по всей Малой Азiи. Въ Эфесѣ былъ у ней такой великолѣпный храмъ, что считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Нѣкто Геростратъ Эфесскiй сжегъ его, желая этимъ способомъ обезсмертить свое имя. Пожаръ случился въ ту самую ночь, когда родился Александръ Македонскiй. Событiе въ храмѣ приняли за предзнаменованiе великой будущности Александра, что онъ впослѣдствiи, прогремѣвши своими завоеванiями въ Европѣ и Азiи, выказалъ особенно въ томъ, что велѣлъ возобновить храмъ прекраснѣе прежняго. Храмъ этотъ сiялъ еще въ полномъ блескѣ, когда Апостолъ Павелъ пришелъ въ Эфесъ проповѣдывать христiанство. Цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ главнымъ образомъ отъ участiя въ украшеньяхъ храма, а еще болѣе отъ ми-

ніатюрныхъ серебряныхъ изображеній храма Артемидина, имѣлъ столько матеріальной выгоды, что сильно боялся, чтобы новая вѣра не лишила ихъ выгодныхъ занятій и потому возсталъ самъ и гражданъ возбуждалъ противъ пришельцевъ (см. Дѣян. Апостол. Главы XIX и XX). Павелъ и ученики его должны были покинуть городъ. Однакожъ христіанство нашло послѣдователей и въ Эфесѣ, такъ что со времени Павла тутъ устроилась христіанская церковь. Не менѣе великолѣпенъ былъ храмъ *Діаны-Левкофрины* въ Магнезіи, т. е. также въ Малой Азіи.

Почитаніе *Артемиды Таврической* возникло въ странахъ у Чернаго моря, въ особенности въ Крыму, откуда Орестъ, по преданію (см. ниже), перенесъ ея изображеніе и почитаніе въ Грецію, гдѣ она примкнула къ первоначальной Артемидѣ подъ именемъ *Ортіи* или *Ортозіи*. Въ Спартѣ обычай приносить въ жертву юношей относятъ ко времени законодательства Ликурга (т. е. къ половинѣ IX столѣтія до Р. Х.). Ортія изображалась въ видѣ юной дѣвы, сидящей на тельцѣ, серпообразные рога котораго представляли главный аттрибутъ богини луны.

На островахъ Критѣ, Эгинѣ, по берегамъ Лаконіи (нынѣшней Мореи) и во многихъ другихъ мѣстностяхъ распространено было еще почитаніе *Артемиды-Бритомартіи* или *Диктинны*.

Повсюду, гдѣ почитали Аполлона, и Діанѣ приносили жертвы и отправляли служеніе. Въ Римѣ также почитаніе Діаны было всеобщимъ. Сервій Туллій построилъ храмъ богинѣ на холмѣ Авен-

тинскомъ. Въ жертву ей приносимы были рогатый скотъ, олени и плоды. Назначаемое для жертвоприношенія не должно было имѣть никакого естественнаго недостатка и быть совершенно чистымъ. Ей посвящаемы были олени, собаки и первые плоды полевыхъ произрастеній.

ДІОНИССЪ-ВАКХЪ или БАХУСЪ.

(См. табл. VII).

Ни одинъ изъ боговъ не имѣлъ столько разныхъ прозвищъ, какъ *Вакхъ*, котораго поэтому звали „многоименнымъ". Извѣстнѣйшія его прозвища: *Бромій*, *Лієй*, *Либеръ*, *Эванъ*, *Эвій* и *Диѳирамбъ*. У Грековъ онъ извѣстенъ преимущественно подъ именами Діонисса или Вакха, у Римлянъ же подъ именемъ *Бахуса*. Миѳъ и почитаніе этого божества — происхожденія восточнаго; съ Востока перешли они въ Грецію, откуда, уже въ развитомъ видѣ, сообщились и Римлянамъ. Въ самомъ началѣ Діониссомъ олицетворена была всепроницающая растительная сила природы въ видѣ сока растительнаго. Отсюда, весна — время радости и торжества, а зима — время страданій природы, т. е. Діонисса. Позже присоединены были къ значенію его представленія подателя радостей и веселья, чувствуемыхъ человѣкомъ, испивающимъ благороднаго напитка виноградной лозы. Наконецъ, такъ какъ на посвященныхъ ему весеннихъ и лѣтнихъ празднествахъ, воспитывавшихъ въ участникахъ

ихъ свѣтлое настроеніе духа, впервые обнаружились проявленія драматическаго искусства, то и стали Діонисса почитать не только богомъ вина, но также покровителемъ театра.

Въ Греціи Ѳивы считались обыкновенно отечествомъ почитанія этого бога. О рожденіи его такъ повѣствуютъ греческіе писатели: Зевсъ склонился любовью къ *Семелѣ*, дочери Кадма (строителя Ѳивъ, сына Агенора, слѣдовательно внука Посейдона). Этого довольно было, чтобъ ревнивая Гера опредѣлила Семелѣ погибнуть. Подъ чужимъ видомъ вкравшись въ безграничную довѣренность Семелы, Гера внушила ей однажды упросить Зевса явиться ей въ полномъ величіи Громовержца. Едва заговорила несчастная о своей просьбѣ, Зевсъ поклялся Стиксомъ, что исполнитъ всякое ея желаніе. Изумился и опечалился владыка Олимпа, когда выслушалъ безумную просьбу, но связанный страшной клятвой, онъ сдержалъ слово. Лишь только приблизился Зевсъ къ Семелѣ во всемъ поразительномъ сіяньи своемъ, ни взоры, ни духъ смертной не вынесли этого и она тутъ же была поражена на смерть необъятностью славы „отца безсмертныхъ и смертныхъ“. Такъ удовлетворила Гера свою ненасытимую ревность. Къ счастью, Зевсъ спасъ жизнь сына Семелы, Вакха, и укрывая его отъ враждебныхъ преслѣдованій Геры, положившей уничтожить и его, повелѣлъ посланнику боговъ, Меркурію, тайно унести его къ Нимфамъ въ Пизу, гдѣ Вакхъ и былъ воспитанъ подъ надзоромъ Силена. Въ ознаменье того, что Вакхъ спасеньемъ своимъ какъ бы два раза рожденъ былъ Зевсомъ къ жизни, онъ

получилъ прозваніе Диѳирамба, т. е. „вдвойнѣ рожденнаго“. Имя это впослѣдствіи перешло на веселые гимны, посвященные въ честь Вакху, какъ это значится у древнѣйшаго писателя диѳирамбовъ— Аріона Метимнскаго. Дѣтство Вакхъ провелъ безмятежно и весело среди дикихъ звѣрей, Нимфъ, Сатировъ, Силеновъ, пастуховъ и винодѣловъ.

Возросши, Вакхъ прошелъ всѣ страны, проникъ въ предѣлы самой Индіи, и повсюду научилъ народы воздѣлывать виноградъ, а съ этимъ вмѣстѣ преподалъ имъ и многія мирныя искусства, особенно же научилъ людей сильно стоять за правду и справедливость, за что народы чтили въ немъ благодѣтеля своего. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ странѣ Ѳракійскаго царя Ликурга, онъ встрѣчалъ себѣ сильное сопротивленіе, возникавшее отъ злоупотребленія свойствъ виноградной струи, но такія злоупотребленія Діониссъ преслѣдовалъ и наказывалъ съ неумолимой строгостью. Ликурга, напримѣръ, за это онъ помутилъ такимъ состояніемъ, въ которомъ тотъ собственнаго сына принялъ за виноградную лозу, которую нужно было срѣзать. Ликургъ, пришедши въ себя и увидѣвши свое преступленіе въ отчаяніи наложилъ и на себя руки.

По нѣкоторымъ повѣствованіямъ оказывается, что и Діониссъ помогалъ отцу своему въ войнѣ его съ Гигантами, въ собственномъ своемъ видѣ или же принявши на себя образъ свирѣпаго льва.

Въ свитѣ Діониса повсюду слѣдуютъ *Сатиры*,

Фавны, ***Менады*** *) и ***Силены***. Во время одного изъ своихъ шествій со свитой на островѣ Наксосѣ встрѣтилъ онъ Аріадну, дочь Миноса, Тезеемъ уведенную на островъ изъ дома родительскаго, и плѣненный ея необычайной красотой избралъ ее себѣ въ супруги. Впрочемъ и до нея были у Діонисса плоды союзовъ съ нимфами и богинями, отъ Афродиты напр. ***Гименей*** и ***Пріапъ***.

На сколько разнообразны были представленія о Вакхѣ, на столько же разнообразны были и церемоніи, которыми сопровождалось широко-распространенное въ Греціи почитаніе этого божества, особенно же на горѣ ***Киөеронѣ*** въ Италіи. Въ послѣдней странѣ празднества Вакховы, ***Вакханаліи***, отличались, какъ бывало сначала и въ Греціи, такой необузданной, дикой вольностью, что ихъ сперва законы римскіе ограничили, а послѣ и совсѣмъ уничтожили.

Вакху посвящены, были: виноградная лоза, плющъ и гранатникъ. Въ жертву приносимы были козлы и свиньи.

Изображенія Діонисса отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то, на которомъ Діониссъ представляется въ видѣ человѣка почтеннаго выраже-

---

*) ***Менады***, назыв. также ***Вакхе*** или ***Вакхантины***, ***Өіады***, ***Бас-***
сариды или ***Мималлоны***, были Діониссомъ одухотворенныя женщины.
Увѣнчанныя плющемъ, съ Вакховыми жезлами (тирсами) сопровождали
онѣ своего бога, неперестававая радостно восклицать: *Эвоэ*, ***Вакхъ***! подъ
звуки веселыхъ тимпановъ.

нія и лѣтъ, съ повязкой на челѣ и въ длинной, до-полу, одеждѣ. Здѣсь онъ изображаетъ отца растительной силы. На это изображеніе смотрятъ какъ на пришедшее будто бы съ Востока, и называютъ его „Вакхомъ индѣйскимъ", но это совершенно ошибочно, ибо это изображеніе чисто-греческаго происхожденія. На другихъ изображеніяхъ онъ представленъ напротивъ въ видѣ прелестнаго юноши, почти съ женственной красотой; волнистыя кудри перевиты плющемъ и виноградными вѣтвями; вмѣсто одежды накинута кожа козули; на челѣ едва замѣтные рожки. Въ такомъ видѣ Вакхъ шествуетъ или верхомъ на какомъ-либо изъ посвященныхъ ему животныхъ, львовъ или пантеръ, или въ колесницѣ, запряженной ими же. Въ этомъ юношескомъ видѣ Вакхъ является божествомъ вина. Но никогда и нигдѣ, за исключеніемъ лишь представленій его рожденія и дѣтства, не является онъ въ древнемъ искусствѣ ребенкомъ, сидящимъ на бочкѣ, какъ это вкралось въ изображенія Вакха въ позднѣйшее время. Древнѣйшее изображеніе этого божества было просто кусокъ дерева, или одна маска или только одна голова на столбѣ, обращенномъ вверхъ основаніемъ. Мы выбрали то изображеніе, на которомъ лучше всего выражается божественность Вакха. Здѣсь божество, въ полномъ развитіи юношеской стройности и силы, совершенно соотвѣтствуетъ значенію Вакха, какъ бога растительной силы и радости; Вакхъ безъ бороды и нагъ; съ головы распадаются пышныя пряди волосъ, перевитыя благородными гроздьями; въ рукѣ тирсъ. Стволъ

дерева, на который опирается Вакхъ, также увитъ виноградными листьями и кистями.

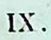
Тирсъ — болѣе или менѣе длинный жезлъ, обвитый виноградной лозой съ кедровой шишкой на верхней оконечности. Этотъ тирсъ и чаша-кубокъ составляютъ аттрибуты Вакха.

ГЕРМЕСЪ или МЕРКУРІЙ.

(См. Таблиц. IX).

Гермесъ былъ сынъ Зевса и Майи (что значитъ: мать-кормилица), дочери Атласа. У Римлянъ божество это не имѣло такого обширнаго и важнаго значенія, какъ у Грековъ: Римляне почитали въ немъ бога торговли и торговой выгоды, изображая Меркурія, вмѣсто замѣчательнаго жезла его съ священною вѣтвью, знакомъ мира. У Грековъ же съ незапамятныхъ временъ чтили въ немъ божество, ниспосылающее въ царствѣ животномъ плодъ и преуспѣяніе.

Такъ какъ въ первоначальныя времена стада составляли существенную часть богатства народнаго, поэтому въ Гермесѣ чтили подателя всяческихъ благъ, откуда бы они ни происходили. Посмотримъ, какъ развились подробности значенія Гермеса. Ничѣмъ такъ легко и скоро не наживается богатство какъ торговлей; отсюда явилось въ Гермесѣ значеніе бога торговли и покровителя торговыхъ людей. Мирныя и дружескія сно-

МЕРКУРІЙ.

ЯНУСЪ

шенія условливаютъ успѣшную торговлю на сушѣ и морѣ — и Гермесъ является богомъ-покровителемъ дружественныхъ между-народныхъ отношеній. Необходимость вести дѣло торговое умно и осмотрительно придаетъ новую черту значенію Гермеса, ставитъ его богомъ благоразумія, предусмотрительности, даже хитрости. Наконецъ, на томъ основаніи, что въ торговлѣ, хотя впрочемъ не въ благороднѣйшихъ ея проявленіяхъ, доходятъ иногда до того, что покупщика склоняютъ на свою сторону вкрадчивой, ловкою рѣчью, стали чтить въ Гермесѣ бога краснорѣчія. Отсюда однакожъ недалеко до хитрости и лукавства, ужъ неимѣющихъ ничего общаго съ честностью и правдивостью; поэтому не станемъ удивляться, что Гермесъ въ заключеніе является покровителмеъ плутовъ и мошенниковъ. Впрочемъ это послѣднее значеніе придано ему болѣе въ шутку.

Должность Гермеса, какъ вѣстника боговъ, преимущественно же Зевса, совпадаетъ отчасти съ значеніемъ его какъ покровителя дружественныхъ, взаимныхъ отношеній между людьми. Въ званіи вѣстника воли боговъ онъ служитъ какъ бы посредствующимъ звеномъ въ цѣпи неба, земли и самаго міра подземнаго, куда Гермесъ сводитъ души усопшихъ къ самому трону Плутона и Прозерпины (см. табл. IV). Въ этомъ послѣднемъ значеніи его называли *Психопомпосъ* (душъ водитель).

Итакъ, кругъ дѣятельности Гермеса очень многосторонен и миѳы о Гермесѣ въ высшей степени разнообразны. Рожденіе его совершилось въ темную ночь, въ уединенной, скрытой отъ взоровъ пе-

щерѣ Аркадской горы Киллене (въ нынѣшней Мореѣ), почему Гермесъ носитъ еще прозваніе *Килленіоса*.

Тотчасъ по рожденіи проявились необыкновенно ярко и умъ и ловкость Гермеса, именно въ томъ родѣ дѣятельности, котораго онъ впослѣдствіи, въ силу миѳа, явился покровителемъ. Въ темную, облачную ночь вышелъ онъ тайкомъ изъ своей пещеры и похитилъ лучшую часть изъ стадъ брата своего Аполлона. Долго и безполезно разъискивалъ ихъ Аполлонъ, а Гермесъ между тѣмъ самымъ плутовскимъ образомъ съумѣлъ скрыть слѣды своей продѣлки. Онъ привязалъ къ ногамъ животныхъ связки прутьевъ, чтобъ они заглаживали слѣды животныхъ, и наконецъ такъ искусно загналъ ихъ въ горную пещеру, что судя по ступнямъ, оставшимся на пути стада, приходилось думать, что оно вышло изъ пещеры, а не вошло въ нее. Но одинъ земледѣлецъ подглядѣлъ продѣлку и обнаружилъ ее Аполлону. Въ гнѣвѣ Аполлонъ схватилъ плутишку и представилъ его прямо къ престолу Зевса, настаивая на необходимости примѣрно наказать его. Но Гермесъ, ни сколько не озадаченный такой неожиданностію, съумѣлъ такъ развеселить своими шутками и остротами Зевса и самаго брата, что тотъ совершенно примирился съ нимъ, особенно, когда получилъ въ подарокъ отъ Гермеса лиру, которую послѣдній ухитрился сдѣлать изъ щита черепахи, натянувши въ немъ звучныя струны. (При этомъ случаѣ онъ и себѣ смастерилъ пастушью свирѣль). Послѣ этого братья зажили въ совершенномъ согласіи. Въ такомъ расположеніи подарилъ Аполлонъ Гермесу трилистный прутъ счастья (волшебный прутъ).

Чрезъ посредство же Аполлона получилъ Гермесъ и даръ вѣщанія, но только не въ такой формѣ, въ какой вѣщалъ оракулъ Аполлоновъ (т. е. въ словахъ), а въ различныхъ случайныхъ сближеніяхъ совершающихся явленій. Яснѣе сказать: предпринимая что-либо въ области дѣятельности Гермеса, вѣрующему видѣлся въ различныхъ случайно замѣчаемыхъ имъ явленіяхъ знакъ благопріятный или неблагопріятный предпріятію. Подобное суевѣріе весьма распространено и въ нашихъ повѣрьяхъ и предразсудкахъ; напримѣръ заяцъ, перебѣгающій дорогу намъ, когда выѣхали мы въ путь, или — встрѣча старой бабы на дорогѣ или кого-либо съ ведрами пустыми или полными и проч. и проч. вздоры, для многихъ изъ суевѣрныхъ представляются явленіями, имѣющими утѣшительный или мрачный смыслъ. Такъ и тогда; только подобные знаки считали положительно посылаемыми самимъ Гермесомъ. Кромѣ того еще обращались въ случаяхъ предпріятій чего-либо къ оракулу, который, перебрасывая кости, наблюдалъ и толковалъ выпадающіе знаки и приходящіе видѣли въ толкованіяхъ возможность начать дѣло или необходимость оставить его.

Ловкость и проворство, остроуміе и увлекательное краснорѣчіе, которыя Гермесъ обнаружилъ уже въ дѣтствѣ, онъ впослѣдствіи развилъ въ высокой степени и съ самыми блестящими результатами. Похитивши у Зевса скипетръ, у Афродиты ея поясъ, у Посейдона трезубецъ, у Арея мечъ, у Гефеста щипцы и у Аполлона лукъ и стрѣлы, онъ всѣхъ обиженныхъ съумѣлъ развеселить и опять

расположить въ свою пользу. Особенно же поразительно проявились таланты Гермеса въ слѣдующемъ дѣлѣ. Зевсъ, желая укрыть свою возлюбленную Іо отъ ревнивыхъ преслѣдованій Геры, обратилъ ее въ корову, но Гера, узнавши объ этомъ, поручила стоглазому Аргусу смотрѣть за нею во всѣ глаза.

Зевсъ отдалъ приказаніе Гермесу высвободить Іо изъ-подъ надзора Аргуса, самъ же не сдѣлалъ этого потому, что освобожденіе не могло или не должно было совершиться силой. Порученіе было не легко исполнить, ибо Аргусъ даже въ глубочайшемъ снѣ закрывалъ только пятьдесятъ глазъ, смотрѣли же еще пятьдесятъ: не бездѣлица; но Гермесъ съумѣлъ и его опутать своими хитрыми сѣтями. Различными пріятными исторіями онъ сначала расположилъ въ свою пользу неусыпнаго стража, а потомъ на свирѣли своей сталъ наигрывать ему такія удивительныя вещи, что Аргусъ весь разнѣжился, заслушался и убаюканные очи стали потихоньку смыкаться одни за другими. Уснуло последнее око, и Гермесъ, не теряя минуты, убилъ чудовище и освободилъ Іо. Говорятъ, что Гера размѣстила потомъ очи Аргусовы въ хвостѣ своего павлина. Дѣло, совершенное Гермесомъ, Зевсъ почтилъ такимъ высокимъ уваженіемъ, что съ-тѣхъ поръ титулъ „Аргусоубійцы" сталъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ титуловъ Гермеса.

Какъ ни разнообразны проявленія мудрости Гермеса въ необыкновенной хитрости и ловкости, но онѣ не выражаютъ собою всего значенія его. Эта же мудрость служитъ въ немъ источникомъ изо-

брѣтательности: такъ, не только Аполлону, но и Ѳиванскому пѣвцу Амфіону, онъ сдѣлалъ лютню, а Паламеда выучилъ писать буквами. Гермесъ готовъ на дѣла доблести: онъ присутствуетъ повсюду, гдѣ опасныя приключенія вызываютъ благоразуміе и подвергаютъ испытанію предпріимчивый духъ; руководитъ героевъ въ опасныхъ предпріятіяхъ; направляетъ на истинный путь сбившихся съ него, является вѣрнымъ помощникомъ изгнанниковъ и покровителемъ ихъ въ чужой землѣ, среди враждебныхъ людей.

Отцу своему и онъ оказалъ немаловажныя услуги въ войну его съ Гигантами, особенно когда спасъ его отъ опасной мощи Тиѳона; и вообще Гермесъ съ величайшей охотой готовъ былъ дѣлать другимъ богамъ пріятное, но подобно имъ неумолимо-строго наказывалъ тѣхъ, кто дерзалъ слишкомъ приближаться къ нему. Такъ онъ Баттоса, осмѣлившагося открыть Аполлону похищеніе имъ стадъ брата, наказалъ тѣмъ, что обратилъ его въ камень.

Изъ дѣтей, рожденныхъ ему различными матерями, замѣчательны особенно дочери: *Лары* по имени матери ихъ, которую звали Лара. У Римлянъ онѣ пользовались замѣчательнымъ уваженіемъ, какъ божества, покровительствующія семействамъ, въ нѣдрѣ которыхъ находились и мѣстопребываніе и святилища Ларъ.

Удивителенъ миѳъ о томъ, что отъ Гермеса и Афродиты родился *Гермафродитъ*, полу-мужчина, полу-женщина. Въ немъ можетъ быть олицетворено представленіе о томъ, что въ юношѣ легко

сочетаются нѣжная прелесть (Афродита) и живость съ проворствомъ (Гермесъ).

Какъ покровителю государственныхъ и торговыхъ путей, въ этихъ мѣстахъ ставили изображенія Гермеса, т. е. собственно изображеніе головы его, поставленной на каменномъ столбѣ. Всякій проходящій мимо такой статуи *(Гермы)* долженъ былъ въ честь ей положить возлѣ камешекъ. Благодаря этому обычаю, не только большія пространства полей очищались отъ камней, но и положено какъ-бы начало самому усовершенствованію путей, слѣдовательно облегченію торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній между людьми.

Гермесъ былъ у древнихъ распорядителемъ жертвоприношеній; онъ и самъ принесъ въ жертву нѣсколькихъ коровъ изъ стада, похищеннаго у Аполлона. Тѣмъ не менѣе однакожъ, Гермесъ—покровитель стадъ, а кромѣ того—благословенный богъ полей, садовъ и особенно торговли.

На древнѣйшихъ изображеніяхъ Гермесъ представленъ въ видѣ сильнаго человѣка съ мощной, остроконечной бородой и обильными волосами на головѣ, въ откинутой назадъ хламидѣ (плащъ), въ дорожной шляпѣ, съ крылышками на ногахъ и съ своимъ жезломъ въ рукѣ. Наше изображеніе его принадлежитъ къ позднѣйшему періоду образовательнаго искусства. На немъ Гермесъ является въ видѣ крѣпкаго, безбородаго юноши, съ короткими волосами на головѣ, покрытой *Петасомъ* (шляпа съ крылышками); въ одной рукѣ символическій знакъ мудрости—крылатый, змѣями обвитый жезлъ (Герольдовъ жезлъ, *Керикейонъ* или *Кадуцей*), а въ

другой рукѣ кошелекъ; ноги окрилены въ знакъ поспѣшности.

Иногда на изображеніяхъ его представлены собака или пѣтухъ, какъ символы дѣятельности Гермеса.

Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ было посвящено ему множество храмовъ и праздниковъ, на которыхъ приносили ему въ жертву преимущественно языки животныхъ, какъ богу краснорѣчія. Римскіе купцы праздновали ему праздникъ 25 Мая.

ѲЕМИДА.

(См. табл. X).

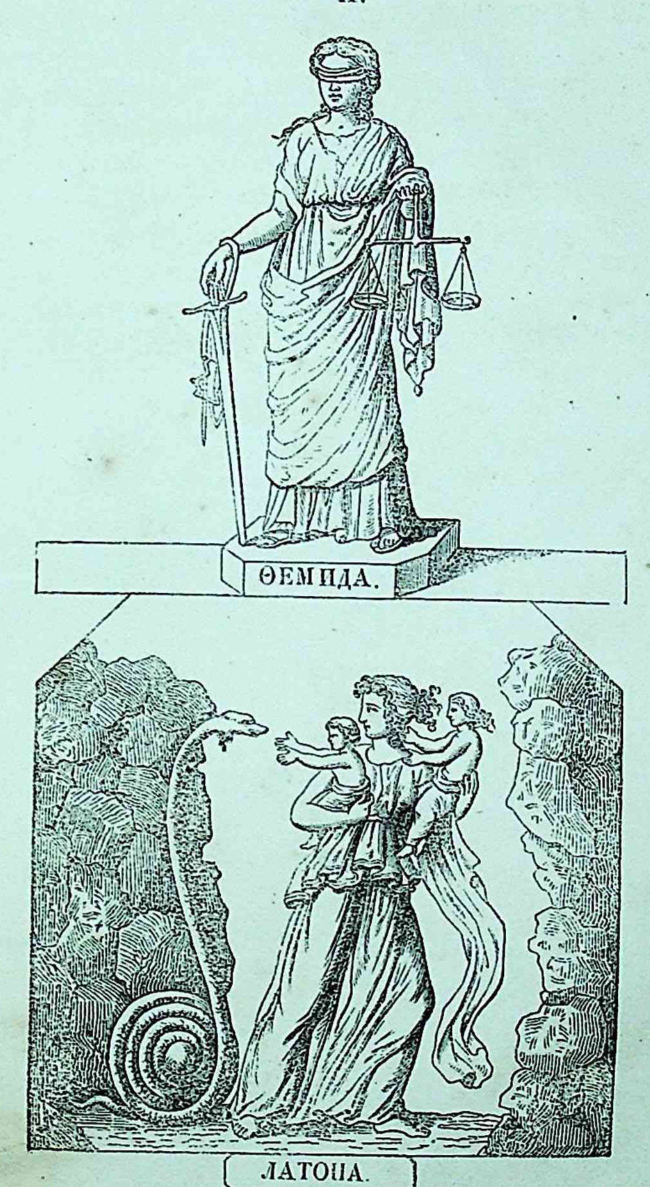
Ѳемида, дочь Урана и Геи, олицетворяетъ собою присущее цѣлой природѣ божественное право, въ чистѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ его проявленіи, внѣ зависимости отъ какого-бы ни было произвола. Отсюда Ѳемида является также и богиней права гостепріимства. Въ ней заключенъ источникъ непреложнаго совѣта, который и преподавался людямъ чрезъ посредство Дельфійскаго оракула Ѳемиды до-тѣхъ-поръ, когда богиня передала его Аполлону вмѣстѣ съ даромъ вѣщанія божественныхъ глаголовъ. Она долго противилась желаніямъ Зевса, но наконецъ сдѣлавшись его супругой,—слѣдовательно по счету первой изъ всѣхъ (по нѣкоторымъ же преданіямъ второй, т. е. тотчасъ за Метисой), произвела ему *Горъ*, *Мерій* или *Паркъ* и наконецъ *Астрею*, т. е. ту богиню справедливости, о которой мы ужъ имѣли случай упомянуть

говоря о *мѣдномъ вѣкѣ* человѣчества, когда справедливость удалилась отъ людей. На Олимпѣ, постоянномъ пребываніи Θемиды, ее звали Ураніей. Она впрочемъ въ продолженіе *золотаго вѣка* человѣчества сошла на землю и научила людей правдѣ и правосудію; но когда люди утратили свои первоначальныя нравственныя совершенства, она удалилась снова въ свое небесное жилище.

Существо Θемиды, по вѣрованью древнихъ, до того преисполнено было высочайшей премудрости и безусловной непреложности, что сами высшія божества слѣдовали совѣтамъ и внушеніямъ ея. Такъ, Зевсъ, пожелавшій взять себѣ въ супруги Θетиду, не сдѣлалъ этого, потому что Θемида предвѣстила ему рожденіе отъ этого союза такого сына, который превзошелъ бы самого отца своего въ могуществѣ и славѣ. О томъ, какъ Θетида, боясь, чтобъ отъ союза ея съ кѣмъ-либо изъ боговъ не произошелъ сынъ, опасный самому Олимпу, вступила въ бракъ съ мужемъ смертнымъ, Пелеемъ, разсказъ впереди. Почитаніе Θемиды, храмы ея и статуи распространены были во многихъ мѣстностяхъ Греціи, особенно же въ Аθинахъ, Трэценѣ, на островѣ Эгинѣ, въ Θивахъ и въ Олимпіи. Римскій храмъ ея стоялъ въ Капитоліи.

На древнѣйшихъ изображеніяхъ Θемида представлена въ видѣ зрѣлой женщины съ пространно-открытымъ взглядомъ; позднѣйшее же искусство изобразило ее, какъ и на избранной нами таблицѣ, въ видѣ высокорослой женщины въ длинной, обильными складками ниспадающей, одеждѣ; на глазахъ повязка для видимаго представленія того, что спра-

X.

ведливость должна быть оказываема равномѣрно всякому, несмотря на лица. Мечъ и оковы въ одной рукѣ и вѣсы въ другой означаютъ, что правосудіе хотя и строго, но зато безпристрастно.

II. НИЗШІЯ БОЖЕСТВА.

До-сихъ-поръ излагалось о такъ называемыхъ высшихъ божествахъ Грековъ и Римлянъ, т. е. такихъ, которыя были подчинены непосредственно только самому Зевсу. Теперь слѣдуетъ разсказать о божествахъ низшихъ, т. е. о такихъ, которыя въ царствѣ божествъ имѣли у древнихъ второстепенное значеніе, хотя все-таки почитаніе воздавалось и имъ, только не было такъ распространено, какъ почитаніе высшихъ божествъ. Начнемъ съ

ГОРЪ.

(См. табл. XXI.)

Дочери Зевса и Ѳемиды *Горы* были богинями временъ года. Ихъ принимали въ различномъ числѣ, смотря по тому, на сколько отдѣльныхъ періодовъ раздробляли пространство года, при чемъ однакожъ зима, какъ время засыпанья или кажущейся смерти природы, не шла въ счетъ. Сообразно съ этимъ въ Аѳинахъ почитали только двухъ Горъ: *Ѳалло*, богиню цвѣтущаго времени года и *Карпо*

богиню времени спѣлости, жатвы. Обыкновенно впрочемъ принимали трехъ Горъ, которыхъ изображенія сопровождали аттрибутами весны, лѣта и осени (цвѣтами, колосьями, овощами, виноградными плодами). На нѣкоторыхъ изображеніяхъ встрѣчается еще и четвертая Гора, т. е. Гора зимы, съ аттрибутомъ своимъ—охотничьей добычей, но эта четвертая нигдѣ не названа особымъ именемъ.

Какъ богини счастливыхъ временъ года, возвѣщающія собою расцвѣтанье всей природы, онѣ находятся въ услуженіи олимпійскихъ божествъ, преимущественно же Зевса и Геры. Изъ слѣдующихъ стиховъ Гомера видна главнѣйшая обязанность Горъ,

«Стражѣ которыхъ Олимпъ и великое ввѣрено небо,
«Чтобы облакъ густой разверсть, иль сомкнуть передъ ними.»

Впрочемъ, онѣ наравнѣ съ Харитами сопровождаютъ Афродиту и наравнѣ съ Музами украшаютъ свиту Аполлона; ибо когда же, какъ не въ счастливыя времена года наполнять Музамъ природу отрадными своими проявленьями? Съ значеніемъ ихъ, какъ богинь, ниспосылающихъ благословеніе свое на поля и нивы, тѣсно связаны представленія перемѣнъ погоды. Эти перемѣны олицетворены въ образѣ тѣхъ же Горъ, разверзаніемъ и смыканіемъ вратъ Олимпійскихъ, знаменующихъ то чередованье солнечнаго сіянья съ живительнымъ дождемъ, которое такъ благодѣтельно для растительности. Понятно, что древнему отрадно было представлять себѣ эти нѣжныя, веселыя существа украшенны-

ми свѣжими вѣнками и слѣдить въ воображеніи за ихъ очаровательной пляской и сулить себѣ въ ней радости любви и счастья, и вѣнецъ нетерпѣливыхъ ожиданій земныхъ благъ. Таково было значеніе Горъ въ представленіи Грека. Такъ какъ перемѣны временъ года условливаютъ собою величайшій и благодатный порядокъ и правильность въ мірѣ, то въ представленіи древнихъ Горы были возвышены до того, что считались за дочерей Ѳемиды, за покровительницъ всякаго благодѣтельнаго порядка и законности въ жизни человѣческой и вообще въ нравственномъ мірѣ. Въ этомъ переносномъ смыслѣ значенія Горъ образовались и три имени ихъ: *Эвномія* (благоустройство, порядокъ), *Дика* (право), *Эвренія* (миръ, покой). Эвномія дѣятельностью своей входитъ болѣе въ государственный, гражданскій бытъ цѣлаго общества, между тѣмъ, какъ кругъ дѣятельности Дики ограничивается предѣлами быта отдѣльныхъ лицъ. Про нее говорили, что она сообщаетъ отцу своему Зевсу о всякой неправдѣ людской. Наконецъ Эвренія, самая веселая изъ трехъ сестеръ, считалась, по нѣкоторымъ преданіямъ, матерью Плутоса, т. е. богатства, свѣтлой подругой Діонисса, покровительницей веселыхъ пѣсенъ и праздниковъ.

Весеннюю Гору звали *Хлориссой*. Ей у Римлянъ отвѣчаетъ *Флора*. Къ этой счастливой богинѣ разцвѣта и самыхъ цвѣтовъ, по граціозному миѳу Греческому, присватывались однажды *Борей* (сѣверный, зимній вѣтеръ) и *Зефиръ* (восточный, весенній вѣтеръ). Хлорисса избрала послѣдняго и вѣрной осталась союзу съ нимъ.

ПОМОНА

была богиней садовыхъ плодовъ. Ее изображали румяною дѣвой въ длинной сельской одеждѣ, въ вѣнкѣ изъ плодовъ или съ рогомъ изобилія въ рукѣ и въ сопровожденіи собаки. Прежде была она ***Гамадріадой*** и наградила ***Вертумна*** своимъ благоволеніемъ. Почитаніе ея было распространено только между Римлянами. Для служенья Помонѣ назначенъ былъ особый жрецъ (Flamen pomonalis).

ВЕРТУМНЪ

былъ супругомъ Помоны. Почитался у Римлянъ наравнѣ съ другими низшими божествами, а изображался съ такими же аттрибутами, какъ и Помона. Ежегодно въ Октябрѣ праздновали ему особаго рода послѣ жатвы благодарственный праздникъ ***Вертумналій***. Въ жертву Вертумну приносили первые собранные плоды и всякаго рода вѣнки изъ цвѣтовъ. И у него, какъ у Помоны, были тоже особые жрецы. Его изображали, какъ Сатурна, съ садовымъ ножемъ въ рукѣ и въ вѣнкѣ сплетенномъ изъ колосьевъ. Первоначальнымъ, грубымъ изображеніемъ этого божества служилъ просто деревянный столбъ; впослѣдствіи же Римскіе художники представляли его въ видѣ прекрасной, бронзовой статуи.

ЯНУСЪ.

(См. табл. IX).

Грекамъ Янусъ былъ неизвѣстенъ, за то Римлянами, особенно въ первыя времена существованія Римскаго государства, почитался очень-высоко. Его ставили почти наравнѣ съ Юпитеромъ и при какомъ бы ни было предпріятіи взывали къ нимъ обоимъ. Въ Янусѣ полагали источникъ всѣхъ вещей, его считали распорядителемъ теченія годовъ, перемѣнъ временъ годовыхъ и судебъ человѣческихъ и наконецъ ему же приписывали просвѣщеніе рода человѣческаго посредствомъ земледѣлія, искусствъ и религіи. По народному римскому сказанію, Янусъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ царей Италіи. Неизвѣстно когда именно пришелъ онъ въ Грецію, а оттуда въ Лаціумъ, но извѣстно, что онъ тутъ установилъ чинъ служенія божествамъ и что ему самому поэтому подобало самое высокое почитаніе, тѣмъ болѣе, что онъ научилъ людей такимъ полезнымъ занятіямъ, которыя обезпечили ихъ благосостояніе. Нѣкоторые смѣшивали Януса съ Сатурномъ, другіе же сказывали, что Сатурнъ, изгнанный изъ Греціи, пришелъ въ Лаціумъ къ царю Янусу и оба они царствовали и управляли народомъ съобща.

Легко объяснить великое почитаніе, которое Римляне воздавали Янусу. Римляне придавали особенное значеніе предзнаменованіямъ, сопровождавшимъ всякое дѣло, которое они начинали; въ началѣ для

нихъ представлялось самое важное, а Янусъ считался богомъ счастливаго начала. Римскій поэтъ Овидій *) влагаетъ въ уста Януса слѣдующія слова: „Все дѣло въ началѣ". Поэтому, если и самъ Юпитеръ благоволилъ къ дѣлу, то все-таки благополучный ходъ его относился болѣе къ содѣйствію бога начинанья, т. е. Януса.

Римляне такъ много значенія придавали началу, что если оно было хорошо, то значитъ можно было ожидать и благополучнаго исхода дѣла. Въ Янусѣ совмѣщены были, по вѣрованью Римлянъ, начало и конецъ всего существующаго на землѣ и въ небѣ; повелѣнью десницы его послушны были и воздухъ, и земля, и вода и всѣ предѣлы вселенной.

Изображеніе Януса соотвѣтствуетъ тому необыкновенному значенію, которымъ вѣрованье облекло это божество. Его изображали въ сидячемъ положеніи, съ двойнымъ лицемъ: юноши (начала) съ одной стороны и старца (исхода) съ другой. Поэтому и называли его: ***Бифронсъ*** (двулицый) или ***Теминусъ*** (двойничникъ). Въ лѣвой рукѣ у него ключъ въ знаменованье бога, открывающаго начало и замыкающаго исходъ, въ правой же — влады-

---

*) Овидій, поэтъ временъ Имперіи, развилъ въ своихъ сочиненіяхъ
свѣдѣнія касательно древней Исторіи и Миѳологіи. По вліянію, которое
оказывали его произведенія на Римское общество и по жадности, съ ко-
торой читались онѣ въ среднія и новѣйшія времена, его можно прировнять къ современникамъ его Горацію и Виргилію, хотя онъ имъ значи-
тельно уступалъ въ дарованьи. Недостатокъ поэтической силы его произ-
веденій обрисованъ слѣдующимъ стихомъ Delille'я:
«La raison en secret présidait à ses vers».

Прим. перевод.

ческій жезлъ, обозначающій владыку благополучнаго развитія всего совершающагося.

Ему въ честь праздновали первый день названнаго по имени его мѣсяца (Января), какъ начало новаго года. Какъ богу-началу каждаго мѣсяца жрецы приносили ему жертвы на 12 жертвенникахъ; на томъ же основаніи къ нему взывали въ началѣ каждаго дня. Даже и при жертвоприношеніяхъ другимъ богамъ не забывали ублажать Януса виномъ, печеньями, благовоніемъ и тому подобнымъ. Къ нему взывалъ земледѣлецъ предъ мирнымъ посѣвомъ и воинъ предъ бурей войны.

Царь Римскій Нума Помпилій ввелъ въ Римѣ всенародное почитаніе Януса, но основаніе почитанію возникло еще въ правленіе Ромула. Уже въ тѣ времена, когда однажды Сабиняне вторглись въ недавно построенный городокъ и погибли въ внезапно-раскрывшемся кипучемъ потокѣ, былъ построенъ на томъ мѣстѣ Янусу храмъ. Храмъ этотъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что двери его растворялись на все время войны и только при наступленіи у Римлянъ всеобщаго мира торжественно затворяли ихъ. Это случалось впрочемъ очень-рѣдко: по крайней мѣрѣ въ первыя семьсотъ лѣтъ существованія Рима пришлось запереть ихъ только три раза: въ царствованіе Нумы Помпилія (718—679 до Р. Х.), послѣ первой Пунической войны (241 г. до Р. Х.) и въ правленіе Августа (27 г. до Р. Х.).

ТЕРМИНУСЪ.

Терминусъ былъ богъ границъ. Его изображали по подобію придорожнаго Гермеса, т. е. въ видѣ головы божества, утвержденной на придорожномъ столбѣ. Такія изображенія его извѣстны были подъ именами *Терминовъ* или *Герменовъ*; впослѣдствіи же этимъ именемъ называли подобныя изображенія и другихъ божествъ, только съ прибавкой къ слову Герма имени того божества, чей бюстъ поставленъ на столбѣ, напримѣръ: *Гермаполлонъ*, *Гермаѳина* и проч. Пана и Пріапа также часто изображали въ такомъ видѣ.

Нума Помпилій и этому божеству устроилъ въ Римѣ первый жертвенникъ и первое почитаніе. Чтобъ внушить народу уваженіе къ границамъ своихъ сосѣдей, онъ разставилъ на послѣднихъ изображенія Термина и учредилъ въ честь ему, въ Февралѣ, праздникъ *Терминалій*. При этомъ приносили въ жертву Термину пограничные столбы, украшенные цвѣтами, и пѣли набожныя пѣсни.

ПРІАПЪ.

Римляне называли его еще *Мутиномъ*. Пріапъ, сынъ Діонисса и Афродиты, — богъ изобилія природы, а поэтому — хранитель виноградниковъ, садовъ и нивъ. Представленіе о Пріапѣ въ сказан-

номъ смыслѣ составилось въ незапамятныя времена, лишь только человѣчество стало сознавать мощную силу производительности природы, выражаемую въ безконечномъ разнообразіи и обиліи предметовъ. Но лишь въ позднѣйшія времена, а именно во время испорченности и упадка нравственности въ обществѣ римскомъ, чистыя, изъ природы внѣшней извлеченныя, представленія о Пріапѣ извратились. Значеніе божества этого съузили тѣмъ, что въ немъ стали воплощать свои собственныя представленія низкой чувственности. Понятно, что изображенія Пріапа поэтому очень разнообразились, но все таки вѣрнѣйшее изъ нихъ то, на которомъ Пріапъ представленъ въ видѣ человѣка почтенныхъ лѣтъ, въ длинной одеждѣ, съ садовымъ ножемъ въ одной рукѣ и корзиной плодовъ въ другой. Почитаніе его распространилось въ Греціи изъ Лампсака, городка Малой Азіи, у Геллеспонта. Здѣсь символами божества были чаши и тирсъ или копье. Слѣдовательно, съ этой стороны онъ похожъ на Діонисса (Вакха). На посвященныхъ Пріапу празднествахъ приносили ему въ жертву молоко, медъ и ословъ.

ПАНЪ

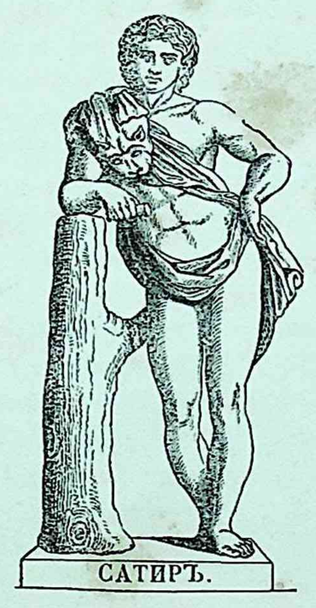
(См. Табл. XIV).

Это греческое слово въ переводѣ значитъ: Пастухъ. Дѣйствительно, въ Греціи, особенно въ Аркадіи, пастушеское населеніе почитало въ Панѣ—

пастыря-хранителя пастушеской жизни, пастбищъ и стадъ. Относя къ его покрову и охранѣ лѣса и поля, звѣриные и рыбные промыслы, его считали сыномъ Зевса или Гермеса и какой-то изъ Нимфъ. Какъ богъ зеленѣющихъ долинъ и горныхъ пастбищъ онъ смѣшивался въ почитаніи съ Діониссомъ (Вакхомъ) и съ Кибелой. *Панъ* любитъ игры и пляски, любитъ пастушью свирѣль, которую и называли флейтою Пана, потому что она была его изобрѣтеніемъ. Миѳъ повѣствуетъ объ этомъ слѣдующее. Панъ долго преслѣдовалъ Нимфу, Сиринксу, но не могши настигнуть недоступной, обратилъ ее въ тростникъ. Изъ тростника этого онъ нарѣзалъ свирѣлей и составилъ изъ нихъ пастушій музыкальный инструментъ, издававшій такіе сладкіе звуки, что Панъ вызвалъ однажды самого Аполлона на состязаніе. Оба сыграли и поручили царю Мидасу произнесть судъ объ игрѣ того и другаго. Мидасъ отдалъ предпочтеніе Пану, за что и удостоился получить отъ Аполлона ослиныя уши.

Какъ богъ пастуховъ и земледѣльцевъ, Панъ, по примѣру номадовъ, то есть пастушескихъ народовъ, велъ непостоянную, кочевую жизнь, отдыхая въ глухихъ пещерахъ, прохладныхъ побережьяхъ и наигрывая свою пѣсенку. Оттого древніе ставили подъ покровъ его горы, пещеры, дубы и черепахъ.

Какъ горный духъ, давалъ онъ чувствовать свое присутствіе заблудившемуся въ горахъ путнику, когда на восклицанія послѣдняго ни одно существо человѣческое не подавало голоса, а только пустыня откликалась на зовы утомленнаго и

САТИРЪ.

ПАНЪ.

озадаченнаго путника, да тревожное чувство, неизвѣстно откуда и почему, закрадывалось ему въ душу. Такое чувство, близкое къ страху, древніе называли „паническимъ страхомъ", выражая этимъ названіемъ близость невидимаго, горнаго бога.

Въ Аѳинахъ была посвящена этому богу пещера, которая называлась его именемъ и получала отъ гражданъ необыкновенные знаки уваженія: ежегодно, при зажженныхъ свѣтильникахъ, совершали въ ней Пану жертвоприношенія въ признательное воспоминаніе того паническаго страха, который обратилъ въ бѣгство полчища Персовъ съ полей Мараѳонскихъ и въ битвѣ при Саламинѣ.

Пана обыкновенно окружаютъ Нимфы и Ореады, пляшущія подъ звуки его сиринксы, или спасающіяся отъ преслѣдованій бога или настигнутыя имъ. По преданію, Панъ въ войну Титановъ оказалъ немаловажныя услуги богамъ, участвовавшимъ въ войнѣ: онъ изъ одной морской раковины сдѣлалъ что-то въ родѣ трубы и ею поднялъ такой необычайный шумъ по поднебесью, что Титанамъ почудились полки чудовищъ, преслѣдующихъ ихъ по пятамъ, и пораженные паническимъ страхомъ Титаны бѣжали съ поля битвы. По другому преданію, злоумышленники готовились напасть на Діонисса, когда послѣдній былъ на пути въ Индію. Панъ, сострадая Діониссу, вскрикнулъ такимъ необыкновеннымъ голосомъ, что толпа злодѣевъ, пораженная подобнымъ же ужасомъ, искала спасенія въ бѣгствѣ.

Панъ, или какъ его звали еще, ***Гилеосъ***, то есть лѣсной богъ, изображался обыкновенно въ видѣ

человѣка съ бородой, горбатымъ носомъ, козлиными рогами, ушами и ногами и семиствольною пастушескою свирѣлью (сиринксой) или же съ крючковатымъ пастушьимъ посохомъ въ рукѣ. Представленія о Панѣ отъ Грековъ перешли и къ Римлянамъ. Римляне называли его *Инусомъ* и *Луперкомъ*. Инусомъ въ томъ смыслѣ, что Панъ научилъ ихъ облагороживать породу стадъ животныхъ; Луперкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ научилъ ихъ приспособлять собакъ къ охранѣ стадъ отъ волковъ.

Другіе лѣсные боги, которые также изображались на козьихъ ногахъ, назывались по Пану *Эгипанами* или также *Панисками*.

ФАВНЪ или ФАТУСЪ.

Это римское божество по идеѣ своей было равнозначуще съ греческимъ Паномъ, но получивъ отдѣльное происхожденіе, отдѣльно же и развивалось въ вѣрованьи Римлянъ до той поры, когда Греческія: религія и сказанія проникли въ Италію и Римляне соединили представленія греческаго Пана съ своимъ Фавномъ воедино такъ, что и поэты Римскіе стали безразлично употреблять оба названія. Но съ существованіемъ Фавна связаны и отдѣльныя, римскія, сказанія. По этимъ сказаніямъ, Фавнъ (по однимъ — сынъ Пикуса, внука Сатурнова, по другимъ — сынъ Марса) царствовалъ первоначально въ Лаціумѣ, гдѣ и научилъ народъ земледѣлію и вообще смягчилъ его нравы, по смерти же сталъ даровѣщательнымъ богомъ

полей и лѣсовъ подъ вторымъ именемъ, то есть Фатууса. Мѣста оракуловъ Фавна находились обыкновенно въ рощахъ. Приходившіе къ оракулу вопрошали его, потомъ приносили Фавну жертвы на шкурахъ же принесенныхъ животныхъ проводили ночь и что видѣли во снѣ, въ томъ и искали толкованіемъ объяснить себѣ отвѣтъ оракула. Также и Фауна раздавала оракуловы отвѣты, но только для женскаго пола (см. ниже).

Этому божеству, какъ покровителю земледѣлія и скотоводства, праздновался ежегодно, 5 Декабря, при разныхъ особенныхъ обрядахъ, праздникъ ***Луперкалій*** или ***Фавналій*** съ жертвоприношеньями, съ раздачей вина и молока, веселымъ пиромъ и плясками на открытомъ воздухѣ, по лугамъ и перекресткамъ. Еще и въ Февралѣ приносили ему жертвы. Въ Римѣ было у Фавна два храма. Изображенія Фавна были рѣдки, при томъ же ихъ трудно отличить отъ изображеній Пана. И имя Фавна употреблялось во множественномъ числѣ, и точно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялось слово Паниски.

ПИКУСЪ, ПИКУМНЪ и ПИЛУМНЪ.

И ***Пикусъ*** — богъ Римлянъ; при томъ еще — сынъ и наслѣдникъ Сатурна, отецъ Фавна, супругъ Канензіи. Пикусъ — древній вѣщатель и богъ лѣсовъ. По другимъ миѳамъ, Пикусъ былъ въ союзѣ съ Помоной и такъ оставался ей вѣренъ, что

не склонился на любовь волшебницы Цирцеи, прельщенной его красотой. Безраздѣльная страсть Цирцеи переродилась въ ненависть къ своему предмету. Пикусъ превращенъ былъ волшебницей въ дятла. Римскіе жрецы, Авгуры, по полету птицъ гадавшіе о будущемъ, почитали въ немъ божество, какъ бы вводящее смертнаго въ область невѣдомаго грядущаго. Въ раннія времена изображеніемъ этого божества служилъ просто деревянный столбъ съ дятломъ; впослѣдствіи — юноша съ этой же птицей на головѣ. Дятелъ у Римлянъ считался пророческой птицей. Пикусъ считался Римлянами также и за перваго царя Италіи.

Съ Пикусомъ не слѣдуетъ смѣшивать, несмотря на близость названій, двухъ римскихъ же братьевъ-боговъ, и именно боговъ супружества: *Пикумна* и *Пилумна*. Тамъ, гдѣ бывалъ новорожденный, непремѣнно взывали къ этимъ божествамъ и просили посѣщенія ихъ, ибо твердо вѣрили, что Пикумнъ посредствомъ своего песта — pilum, которымъ онъ выучилъ людей толочь зерна (конечно, обычай толочь зерна существовалъ у людей прежде чѣмъ обычай молоть ихъ), отвратитъ отъ ребенка болѣзни, соединенныя съ періодомъ дѣтства; Пилумнъ же, научившій людей удобрять поля, поможетъ ему вырости и возмужать. Про обоихъ братьевъ-боговъ распространены были въ народѣ преданія о различныхъ подвигахъ во время войны и мира. Этихъ божествъ сравнивали съ Діоскуріями: Касторомъ и Поллуксомъ. (См. ниже).

ФАУНА или ФАТУА.

Фауна также Римское божество. По однимъ сказаньямъ, она жена Фавна, а по другимъ — дочь его. Хотя и много миѳовъ о ней, но происхожденіе и значеніе ея очень темны. Ее смѣшиваютъ то съ богиней Опсой, то съ Кибелой, то съ матерью Бахуса, Семелой, или съ матерью Гермеса, Майей, то съ Геей, то съ Гекатой, и наконецъ со многими другими богинями. Въ древнѣйшія времена ее звали доброй богиней, хотя собственно имя и происхожденіе ея полны были и тогда таинственной неопредѣленности. Тѣмъ не менѣе ей праздновали 1-го Мая особое празднество, ночью, съ веселой обстановкой музыки, пѣнія, пляски и плода Діониссова, при различныхъ странныхъ обычаяхъ и при участіи только однѣхъ женщинъ.

Доброй богиней звали ее на томъ основаніи, что считали ее въ нѣкоторомъ смыслѣ всеобщей благодѣтельницей. Оттого можетъ быть и смѣшивали ее съ такими разнообразными богинями. Ее звали также и вторымъ ея именемъ, а изображали приблизительно то Юноной, то Кибелой, обыкновенно впрочемъ въ видѣ пожилой женщины съ заостренными ушами и съ змѣей въ рукѣ.

Отъ Фауны и Фавна произошли ***Фатуи***, на которыхъ вѣрованіе глядѣло, то какъ на полевыхъ боговъ, вѣстниковъ благополучія, то какъ на демоновъ, въ которыхъ скрытъ источникъ золъ людскихъ. Имя и сбивчивыя представленія Фауны по

служили въ позднѣйшее время поводомъ къ различнымъ нелѣпымъ выдумкамъ: напримѣръ къ существованію волшебницъ и гадательницъ, которыхъ звали феями и которымъ придавали то добрыя, то злобныя качества и вліянія въ жизни человѣческой.

Къ разряду лѣсныхъ божествъ принадлежатъ также: Греческіе Сатиры и Римскій Сильванъ.

САТИРЫ.

(См. табл. XIV).

Сатиры часто смѣшаны въ представленіи съ Паномъ и Фавнами, но это неосновательно: *Сатиры*— представители той жизни, которая пышно и весело развертывается на поляхъ и лугахъ подъ сладкимъ покровомъ Діониса (Вакха). Въ свитѣ Діониса Сатиры обозначаютъ благороднѣйшихъ членовъ. По-крайней-мѣрѣ на такую степень искусство просвѣщенной поры Греціи возвысило ихъ изъ первоначальной грубости. Ихъ поэтому никогда не изображали въ полу-звѣрскомъ видѣ, какъ Пана, Панисковъ и Фавновъ, а только, въ напоминаніе отличія ихъ отъ чисто-божественной природы, придавали имъ крошечные козьи рожки и такой же хвостъ.

Впрочемъ, въ большомъ семействѣ Сатировъ нужно различать нѣсколько классовъ значенія. Высшіе изъ нихъ близки къ самому ихъ богу, то-есть Діониссу, и служатъ при немъ въ качествѣ свирѣль-

щиковъ или кравчихъ; потомъ Сатиры старые, называемые *Силенами*, и тутъ же сатиры-дѣти, называемые *Сатирисками*. Избранное нами изображеніе представляетъ Сатира благороднѣйшаго разряда. Стройный юноша облокотился небрежно на отрубокъ дерева и отдыхаетъ отъ игры. Волосы на головѣ не совсѣмъ въ порядкѣ, на челѣ едва-замѣтные рожки и физіономія носитъ отпечатокъ животно-плотскаго выраженія. Вся одежда состоитъ изъ перекинутой въ видѣ шарфа кожи животнаго (Nebris).

Вся ихъ жизнь и занятія проходятъ въ лѣсахъ и на горахъ, гдѣ они утѣшаютъ себя всевозможными пріятными препровожденьями времени: охотятся, пляшутъ, играютъ, виноградъ собираютъ, жмутъ и отвѣдываютъ сокъ его, или же, присутствуя въ свитѣ своего бога, затѣваютъ невиданныя, дикія пляски съ Менадами. Ихъ музыкальные инструменты: сиринкса, свирѣль, бубенъ.

Тутъ къ слову приходится сказать; что литературное произведеніе юмористическаго содержанія, называемое *сатирой*, не имѣетъ своимъ названіемъ ничего общаго съ названіемъ сейчасъ только описанныхъ божествъ. Родъ этихъ произведеній обязанъ своимъ происхожденіемъ Римлянамъ, и имя сатиры произошло отъ стариннаго латинскаго слова сатура (Satura), корзина съ плодами. Римляне этимъ именемъ обозначали сначала вообще собраніе стихотвореній различнаго содержанія. Впослѣдствіи уже сатирой стали называть стихотвореніе, имѣющее характеръ насмѣшки.

КОМОСЪ.

Комосъ неизмѣнно присутствуетъ повсюду, гдѣ духъ бодръ, а шутки, проникнутыя теплымъ чувствомъ, искрятся остроуміемъ и вливаютъ новыя и свѣжія струи въ потокъ, въ которомъ весело играетъ жизнь. Поэтому Комоса изображали непремѣннымъ сопутникомъ свѣтлыхъ пировъ, въ сопровожденіи различныхъ аттрибутовъ радости; а еще чаще хмѣльно-уснувшимъ послѣ чрезмѣрныхъ ночныхъ возліяній Діониссу, прислонясь къ чему-нибудь и опрокинувши свой свѣтильникъ.

СИЛЬВАНЪ.

Сильванъ почитался только Римлянами. Подобно Фавну, онъ былъ божествомъ пастуховъ, хранителемъ лѣсовъ, полей, предѣловъ и береговъ рѣкъ. Онъ первый положилъ пограничные камни, чтобы различать поля разныхъ владѣльцевъ. Его поэтому считаютъ основателемъ порядка, внесеннаго въ область сельско-хозяйственныхъ принадлежностей. По мѣстопребыванію его и покровительству въ домѣ, на полѣ и въ лѣсу, различали трехъ Сильвановъ. Сильвана изображали въ видѣ почтеннаго, бодраго старика, съ свирѣлью, какъ и всѣ другія божества полевыя и лѣсныя. По послѣднему же качеству Сильванъ представлялся еще вооруженнымъ древеснымъ стволомъ. Стволъ этотъ, чаще

всего похожій на кипарисъ, указываетъ на любовь Сильвана къ одному прекрасному юношѣ Кипарису, котораго онъ (вѣроятно, чтобъ не разставаться съ нимъ) превратилъ въ дерево, называемое этимъ именемъ. Изображеніе Сильвана пребывало у Римлянъ въ храмѣ Сатурна, но и у него самаго было два святилища. При служеніи этому божеству, женщинамъ присутствовать не позволялось.

О происхожденіи Сильвана въ миѳахъ повсюду встрѣчаются противорѣчія и темнота. Нѣкоторые выдаютъ его за сына Сатурна.

ПАЛЕСЪ.

Божество, по однимъ миѳамъ — мужское, по другимъ — женское, происхожденія Сицилійскаго. Отсюда оно перешло къ Римлянамъ, которые почитали его божествомъ скотоводства и ежегодно, 21-го Апрѣля, то есть въ день, когда по преданіямъ заложенъ камень основанія города Рима, праздновали въ честь ему веселыя *Палиліи*. Празднество это сопровождалось жертвоприношеніями молока и виноградняго сусла, свирѣлями и бубнами. Тутъ же зажигали костры сѣна и соломы, чрезъ которые въ видимый знакъ очищенія и освященья прогоняли скотъ; пастухи же прыгали чрезъ огонь. Такъ какъ число праздника *Палилій* совпадало со временемъ основанія Рима, то праздникъ Палеса считался вмѣстѣ и годовщиной основанія этого города.

Это древнѣйшаго происхожденія божество, которое изображали въ видѣ пожилой женщины,

облокотившейся на отрубокъ древеснаго ствола, или же съ настушьимъ посохомъ въ рукѣ, тоже смѣшивали съ Фауной или Кибелой или даже съ Вестой.

СИЛЕНЪ и СИЛЕНЫ.

По однимъ миѳамъ *Силенъ* представляется сыномъ Гермеса, по другимъ же — сыномъ Пана и какой-то Нимфы и изображается въ послѣднемъ случаѣ съ козьимъ хвостомъ и ушами; въ остальномъ однакожъ въ человѣческомъ образѣ. Обыкновенно считали Силена старшимъ между сатирами, какъ ужъ и выше замѣчено было, что старшіе Сатиры назывались Силенами. При томъ же Силена и представляли себѣ покровителемъ веселой гурьбы легкомысленныхъ Сатировъ. Однакожъ особенности миѳологическаго значенія Силена заставляютъ отличать его отъ Сатировъ. Почитаніе Силена вышло оттуда же, откуда и служеніе Діониссу, то есть изъ Малой Азіи, въ особенности же изъ Лидіи и Фригіи, гдѣ впервые воздавалось почитаніе Реѣ-Кибелѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ его почитали какъ плодотворнаго духа (Демона) источниковъ, рѣкъ, влажныхъ мѣстъ и пышныхъ садовъ и кромѣ того, какъ изобрѣтателя той свирѣли (сиринксы), которая напоминала употреблявшуюся при служеніи Реѣ и Бахусу.

По другимъ сказаніямъ, онъ родился въ Низѣ и былъ въ ней первымъ царемъ. Вѣроятно, эта Низа находилась во Ѳракіи, ибо, какъ свидѣтель-

ствуютъ изображенія, во Ѳракіи было отдано на руки Силену Бахусово воспитаніе, при которомъ и Нимфы помогали воспитателю.

На Греческихъ изображеніяхъ чаще всего Силенъ сопутствуетъ Бахусу. Онъ знаетъ искусство выжимать сокъ виноградный и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ такъ усердно, что на изображеніяхъ его поѣздокъ онъ обыкновенно покачивается на своемъ ослѣ, и потому почтительно поддерживается съ обѣихъ сторонъ Сатирами, изъ предосторожности. Иногда изображаютъ его съ гроздьями виноградными, съ чашей, или мѣхомъ вмѣсто чаши, иногда наконецъ въ ту минуту, какъ его, послѣ частыхъ отвѣдываній выжатаго сока, двое сатировъ должны нести на рукахъ. Самъ Силенъ представляется человѣкомъ пожилымъ, толстымъ, короткимъ, волосатымъ и съ стеклянной головой.

Оселъ Силеновъ былъ замѣчательный оселъ. Въ войну съ Гигантами, когда Силенъ явился на немъ въ качествѣ соратника и щитоносца, какъ бы Санхомъ-Пансой Діонисса, оселъ поднялъ такой неслыханный крикъ, что полчища Гигантовъ съ перепугу бросились бѣжать.

ОКЕАНЪ, ТЕѲИСА, ПРОТЕЙ.

Океанъ — сынъ Урана и Геи, сѣдой богъ морей, родоначальникъ цѣлаго семейства водныхъ божествъ, извѣстныхъ подъ однимъ общимъ названіемъ *Океанидъ* (см. ниже: Нимфы). Его изображали подобно

старцу Нерею съ телячьимъ рогомъ или съ двумя малыми рогами, со скиптромъ державства въ рукѣ и ѣдущимъ вмѣстѣ съ супругой своею Теѳисой на морскихъ чудовищахъ, или же въ колесницѣ, запряженной ими. Онъ былъ справедливѣйшимъ между братьями своими, Титанами, и въ заговорѣ противъ Урана не принималъ никакого участія. За то и остался онъ въ своей должности, когда Титаны были низвергнуты въ Тартаръ. У него и супруги его росла Гера; къ нимъ же и укрылась она во время войны Титановъ съ Небомъ. Родъ Океановъ такъ распространенъ былъ на землѣ въ рѣкахъ, ручьяхъ и источникахъ, что однихъ сыновей его насчитывали до трехъ тысячъ. Океанъ же пространнымъ потокомъ замыкалъ отовсюду земной кругъ. Изъ него истекали всѣ рѣки и источники земные.

Океаниды изображались, какъ и другія божества морскія, увѣнчанными травами морскими, въ коралловыхъ ожерельяхъ, сидящими на Дельфинахъ и держащими въ рукѣ раковины. Живописцы давали имъ видъ полу-человѣка, полу-рыбы; поэты же представляли ихъ въ чисто-человѣческихъ образахъ.

Протей, сынъ Океана и Теѳисы, пребывалъ въ самой глубинѣ моря, но восходилъ лишь для того, чтобы направить къ берегамъ материковъ или къ значительнымъ островамъ средиземья Посейдоновыхъ чудовищъ морскихъ. Старецъ Протей обладалъ даромъ предвѣщанія и силами тайныхъ волшебствъ, но первое можно было вызвать въ немъ только хитростію или же силой. И при

этихъ принужденьяхъ онъ всевозможными зависящими отъ него средствами пытался уклониться отъ отвѣтовъ вопрошающему; принималъ на себя самые неожиданные образы и являлся не только львомъ, пантерой, вепремъ, змѣей и проч. и проч., но могъ превращаться даже въ огонь и въ воду. Смыслъ этого сказанія о необычайной способности Протея, какъ и Ѳетисы, раскрывается въ необыкновенной перемѣнчивости поверхности и состоянія моря.

НЕРЕЙ и НЕРЕИДЫ

называемыя также *Доридами*, часто смѣшиваются въ миѳологіи съ Океанидами, дочерьми Океана, и низшими божествами морскими.

Нерей, сынъ Понта и Геи, почитался древнѣйшимъ божествомъ морскимъ. Когда Посейдону дано было верховное обладаніе надъ моремъ, тогда же и Нерей подчиненъ его власти, но тѣмъ не менѣе старецъ обладалъ даромъ вѣщанія. Отъ супруги своей, Дориды, дочери Океана, имѣлъ онъ пятьдесятъ, а по нѣкоторымъ сказаніямъ, сто дочерей, называемыхъ Нереидами или Доридами. Изъ нихъ замѣчательнѣйшая была: Амфитрита, сдѣлавшаяся супругой Посейдона, и Ѳетида, съ которой пожелалъ соединиться самъ Зевсъ-Громовержецъ; но такъ какъ Ѳемида (см. выше) предсказала ему отъ этого союза рожденіе такого сына, который могуществомъ превзойдетъ отца, то Зевсъ сокрушилъ свое вожделѣніе и отдалъ Ѳети-

ду за смертнаго мужа Пелейя. Ѳетида, родивши ему героя Ахилла, снова удалилась къ сестрамъ своимъ. Но удалившись къ безсмертнымъ подругамъ, Ѳетида не разорвала связи съ сыномъ, и нѣжное сердце ея откликнулось на скорбь Ахилла, когда, узнавши убійство возлюбленнаго своего друга Патрокла, подъ Троей,

«Страшно онъ плача вопилъ; и услышала вопль его матерь
«Въ безднахъ глубокаго моря, въ чертогахъ родителя старца;
«Горько сама возопила; и къ ней собирались богини
«Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды:
«Вдругъ Кимодока явилась, и Ѳалія Нимфа и Главка,
«Спея, Несея и Ѳоя, и Галія, свѣтлая взоромъ;
«Въ слѣдъ Кимоѳоя спѣшила, и съ ней Лимнорія, Актея,
«Нимфа Мелита, Іера, Агава, за ней Амфивоя,
«Дота, Прота, Феруза, Орузія и Амфинома,
«Калліанира пришла, Дексамена съ младой Динаменой:
«Нимфа Дорнса, Панопа, краса Нереидъ Галатея,
«Нимфа Нимерта, Апсевда, и нѣжная Калліанасса.
«Тамъ и Климена была, Іанира съ младой Іанассой,
«Мера и съ ней Амаѳея, роскошноволосая Нимфа;
«Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды.
«Ими вертепъ серебристый наполнился; всѣ онѣ вмѣстѣ
«Билися въ перси; и громко межъ нихъ возопила Ѳетида:
«Сестры мои, Нереиды! внемлите вы всѣ мнѣ, богини;
«Всѣ вы узнайте, какія печали терзаютъ мнѣ душу!
«Горе мнѣ бѣдной, горе несчастной, героя родившей!
«Такъ, родила я душей благороднаго, храбраго сына,
«Перваго между героевъ! Возросъ онъ, какъ пышная отрасль;
«Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ;
«Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Иліону,
«Ратовать храбрыхъ Троянъ; и его никогда не увижу
«Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелейя!
«Но пока и живетъ онъ; и солнца сіяніе видитъ,
«Долженъ страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
«Но иду я, чтобъ милаго сына увидѣть, услышать,
«Горесть какая постигла его, не причастнаго брани!»

(Иліада. Пѣснь XVIII).

Нерея изображали почтеннымъ старцемъ; блестящее же собраніе свѣтлыхъ дочерей его, какъ повѣствуютъ поэты, пребывало въ подводныхъ, сребристыхъ чертогахъ. Оттуда шаловливыя Нимфы на хребтѣ дельфиновъ или другихъ морскихъ чудовищъ взносились на поверхность волнистой стихіи и тѣшились играми, плескались въ изумрудныхъ струяхъ, рѣзвились въ слѣдъ Афродитѣ, рожденной изъ пѣны морской, или собравшись граціозной толпой, и насквозь проникнутыя сіяніемъ солнца, разсѣкая прозрачныя воды, неслись къ песчаному берегу въ тихомъ заливѣ морскомъ или въ устьѣ прохладноструистыхъ рѣкъ, и тамъ лишь теплый Зефиръ да всезрящій Геліосъ ласкали ихъ чудную красу и осушали влагу роскошныхъ кудрей. Поэтому-то и почитали Нереидъ преимущественно по берегамъ и устьямъ рѣкъ. Вглядитесь, какъ чутко и живо было въ древнемъ Грекѣ религіозное настроеніе и какъ откликалось оно на всякое проявленіе силы и красоты природы! Всѣ явленія, связанныя съ существованіемъ и свойствами моря, для него представлялись цѣлымъ, родственнымъ семействомъ: Нереидъ. Вотъ разостлалось зеркальной поверхностью успокоенное море — а Греку видѣлись въ немъ свѣтлоокія Галена и Главка; вдругъ зарябило граціозными струйками — и воображенью его предстали шаловливыя Галлія, Ѳоя; волны стелются на берегъ и ропщутъ вѣчно-задумчивымъ ропотомъ, а Греку слышится ласкающій шопотъ Несеи или привѣтливо нѣжной Актеи; волны сіяютъ на солнцѣ, дробятся и сыплются жемчугомъ и алмазами, а Грекъ,

созерцая, чувствуетъ, какъ незамѣтно прокрались къ нему въ самое сердце обворожительныя Пасиѳея, Эрата, Эвника и наполнили его небывалыми ощущеніями; и въ самомъ напорѣ поднявшихся волнъ онъ видитъ Ферузу съ младой Динаменой, какъ мощно нагоняютъ онѣ волну за волной, и громоздятъ ихъ и тѣшатся, глядя, какъ онѣ съ пѣной разсыпаются и плещутъ на крутой берегъ.

Эти Нимѳы были въ свитѣ Амфитриты.

Миѳъ о Нереидахъ и былъ вѣроятно поводомъ къ сказанію о пребываніи въ глубинѣ моря такъ называемыхъ *дѣвъ моря*.

ТРИТОНЫ.

(См. Табл. XVI.)

Тритонъ по однимъ сказаньямъ сынъ Нептуна и Амфитриты, по другимъ — Океана и Теѳисы. Какъ вѣстникъ велѣній Нептуна, онъ трубитъ въ завитую морскую раковину, и далеко по морю несутся вѣсти трубы его, то бурныя, когда, послушныя велѣнію владыки, начнутъ воздыматься до неба волны морскія; то тихія, нѣжныя, когда укротивъ свой гнѣвъ, онѣ ласковымъ шепотомъ успокоютъ встревоженное сердце путника. Онъ же возвѣщаетъ и приближеніе царственнаго владыки морей и созываетъ прочихъ морскихъ божествъ. Такія же обязанности и семейства Тритона. По нѣкоторымъ сказаніямъ Тритонъ представляется

СИРЕНА.

ТРИТОНЫ.

ужаснымъ чудовищемъ, стерегущимъ на берегу добычу, особенно если эта добыча — женщина. Съ нимъ сражаются Діониссъ и Гераклъ.

Въ войну Гигантовъ онъ былъ Зевсу полезенъ не менѣе другихъ божествъ: его страшная труба наполнила весь міръ такими потрясающими звуками, что Гигантамъ казалось, что всѣ чудовища міра поднялись на нихъ.

Покрытые голубоватой чешуей, Тритоны изображались до пояса въ человѣческомъ видѣ: нижняя же часть тѣла напоминала дельфина. На нѣкоторыхъ изображеніяхъ Тритонъ несется черезъ потокъ въ колесницѣ, запряженной морскими конями. На избранной картинкѣ изображено семейство Тритоновъ. Позади ихъ видѣнъ дельфинъ.

Древнѣйшіе миѳы придаютъ Тритону значеніе волнистаго моря, а жилищемъ ему даютъ, какъ Нептуну съ Амфитритой, блестящіе чертоги въ пучинѣ морской.

ЛЕВКОТЕЯ.

Левкотея была дочь Кадма, правнучка Посейдона, супруга Атамаса (см. о Кадмѣ). Въ этомъ послѣднемъ званіи она извѣстна подъ именемъ Ино. Не имѣвъ возможности спастись отъ ярости Геры (за то, что она вскормила Вакха, сына сестры своей Семелы и Зевса) и преслѣдованій безумнаго мужа своего, она бросилась въ море вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ *Меликертомъ*. И

ее, и сына ея спасли Дельфины или Нереиды. Затѣмъ ее включили въ число морскихъ божествъ и съ этихъ поръ, какъ Левкотея, она стала покровительницей мореплавателей. Къ ней взывали путники, застигнутые бурей, и не напрасно, она и сама являлась на помощь своимъ избраннымъ.

Такъ, преслѣдуемаго бурей,

«— Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотея,
«Нѣкогда смертная дѣва, привѣтнорѣчивая Ино,
«Послѣ — богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.
«Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей.
«Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла
«Легкимъ полетомъ на твердосколоченный плотъ и сказала:
«Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
«Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
«Вовсе однако тебя не погубитъ онъ, сколькобъ ни тщился.
«Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь
«Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья.
«Но лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
«Снявъ покрывало, не медля его въ многоводное море
«Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися.
«Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
«Послѣ спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
«Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.

(Одиссея. Пѣснь V).

Сына ея почитали богомъ-покровителемъ приморскихъ гаваней подъ именемъ ***Палемона***. Почитаніе ему распространилось съ незапамятныхъ временъ въ Коринѳѣ, древнѣйшемъ торговомъ городѣ Греціи, на островахъ Родосѣ, Тенедосѣ, Critѣ и въ побережныхъ городахъ материка Греческаго.

СИРЕНЫ.

(См. табл. XVI.)

Одни миѳы повѣствуютъ, что Сирены были дочерьми рѣчнаго бога Ахелоя (почему ихъ и называли также Ахелоидами) и одной изъ Музъ. Другіе же даютъ имъ въ отцы вмѣсто Ахелоя — Форкиса. Сирены были Нимфами-подругами Персефоны; но за то, что при похищеніи послѣдней Плутономъ онѣ не явились къ ней на помощь, Церера обратила ихъ сначала въ полуженщинъ, давъ имъ тѣло птицъ, а потомъ замѣнила послѣднее тѣломъ рыбъ. Въ такомъ видѣ Сирены стали похожи на Тритоновъ.

Такими являются онѣ и на изображеніяхъ, то есть нижняя часть тѣла птичья или рыбья, а туловище и голова дѣвичьи; въ рукѣ свирѣль (туба).

Изъ твореній Гомера не видно числа Сиренъ. Позже уже стали ихъ принимать въ числѣ трехъ: *Парѳенопы*, *Лигеи* и *Левкозіи*. Про нихъ преданіе повѣствовало, что когда онѣ еще въ полу-птичьемъ образѣ вздумали состязаться пѣніемъ съ самими Музами, то проигравъ побѣду, должны были съ горестью терпѣть, какъ Музы выщипывали у нихъ лучшія перья изъ крыльевъ и украшали ими себя.

Обыкновенно полагали, что Сирены обитаютъ на островахъ, разбросанныхъ на пространствѣ между Сициліей и Италіей и окруженныхъ под-

водными скалами. Волшебныя пѣсни Сиренъ оковывали вниманіе и сердце мимоѣзжихъ путниковъ и, очарованные, они не имѣли силъ оторваться отъ губительныхъ острововъ, забывали о цѣли своего путешествія и стремились въ обольстительный кругъ, гдѣ и погибали. Жилище Сиренъ отовсюду усѣяно было костями чувствительныхъ къ пѣнію ихъ смертныхъ. Боги, говорятъ, опредѣлили Сиренамъ продолженіе ихъ страшнаго могущества надъ людьми до тѣхъ поръ, когда между послѣдними найдутся безстрашные, которыхъ не смутятъ обольстительныя пѣсни. Въ первый разъ это случилось при проѣздѣ Аргонавтовъ, о которыхъ ниже будетъ разсказано подробнѣе. Повинуясь вліянію непреодолимой прелести пѣсней Орфея, который сопровождалъ ихъ, Аргонавты благополучно миновали острова Сиренъ. Въ другой разъ, Одиссей, одинъ изъ героевъ греческихъ, отличившихся подъ Троей, своимъ мужествомъ и хитростью побѣдилъ власть Сиренъ. Покровительствуемый богиней (Цирцеей), Одиссей говорилъ своимъ товарищамъ, приближаясь къ островамъ Сиренъ:

«Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи вѣдать
«То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
«Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
«Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
«Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
«Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
«Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
«Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
«Узы, — двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
«Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.

«Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
«Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
«Вѣтромъ; по вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
«На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
«Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
«Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
«Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
«Я же, немедля медвянаго воску укругъ изрубивши
«Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
«Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
«Геліосъ, богъ-жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноснымъ.
«Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я, меня же
«Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
«Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ни чѣмъ шевельнуться.
«Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
«Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
«Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ,
«Съ брегомъ онъ ихъ поравнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
«Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахеянъ,
«Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
«Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
«Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
«Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
«Сердцемъ влекомый ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ немедля
«Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силой
«Начали гресть; а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ,
«Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
«Но когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
«Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
«Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
«Уши я имъ заклеилъ, и меня отвязали отъ мачты.
«Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду».

(Одиссея. Пѣснь XII).

Такъ, видя, что насталъ конецъ власти ихъ, Сирены съ отчаянья кинулись въ море, гдѣ и были обращены въ подводные камни.

Это послѣднее превращеніе ихъ даетъ ключъ къ объясненію смысла миѳа о Сиренахъ. Въ нихъ вѣроятно олицетворены тѣ скрытыя подъ поверхностью моря отмѣли или опасности отъ подводныхъ утесовъ, надъ которыми море стелется такъ ровно и привлекательно для неопытнаго моряка и которыя сокрушатъ корабль его *) въ дребезги, если неосторожный поддастся соблазну. Что ка-

---

*) Здѣсь кстати сказать, что такъ называемые корабли древнихъ нисколько не соотвѣтствуютъ понятію, которое мы *теперь* имѣемъ о корабдѣ. Древніе не знали компаса, то-есть свойства магнитной стрѣлки постоянно однимъ концомъ указывать сѣверъ, противоположнымъ же — югъ (компасъ изобрѣтенъ лишь въ XV вѣкѣ), слѣдовательно, и не могли смѣло пускаться въ открытыя моря. Держась же береговъ, они естественно и суда свои должны были строить сообразно съ этой необходимостью, то есть по подобію теперешнихъ шлюповъ и лодокъ. Отсюда понятно, что если какимъ-либо вліяніемъ, напримѣръ противнымъ вѣтромъ, теченіемъ или измѣненнымъ приливомъ судно лишалось единственно-вѣрнаго постоянного своего путеводителя — берега, то оно подвергалось весьма неутѣшнаго своего путеводителя — берега, то оно подвергалось весьма неутѣштельнымъ морскимъ случайностямъ. Доказательствомъ тому служатъ многолѣтнія блужданія по морю «Одиссея хитроумнаго» прежде чѣмъ *удалось* попасть ему домой. Съ другой стороны древніе корабли представляли тѣ удобства, которыхъ нѣтъ въ теперешнихъ: тѣ можно было по произволу: держать на водѣ или уткнуть носами въ берегъ, или наконецъ на колесахъ перевезти весь флотъ къ другому водному бассейну. Итакъ, нѣтъ худа безъ добра: не блуждай «многоопытный мужъ Одиссей» по волѣ вѣтровъ и волнъ, не владѣли бы мы можетъ быть Одиссеей Гомеровой, сокровищемъ, въ которомъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, видишь отраженіе всей жизни древней Греціи, съ ея геройскими подвигами, съ ея поэтическими вѣрованьями и недосягаемой простотой многихъ семейныхъ и гражданскихъ подробностей быта.

Прим. перев.

сается до обольстительности самаго пѣнія, то въ этомъ можно видѣть идею того привлекательнаго мелодическаго ропота волнъ, когда онѣ шепчутся у берега или дробятся о скалы или безъ устали струятся однѣ за другими. Можно же видѣть и просто стремленіе выразить въ образѣ власть, которую оказываетъ на человѣка то, что обольщаетъ умъ или сердце.

РѢЧНЫЯ БОЖЕСТВА.

Эти божества считались обыкновенно сыновьями Океана и повелителями отдѣльныхъ рѣкъ. Ихъ изображали съ длинной бородой, въ вѣнкѣ изъ камыша или тростника, иногда съ рогами. Въ одной рукѣ у нихъ урна, символъ непрерывно-текущей струи, въ другой — весло.

Рѣчныхъ божествъ было много. Замѣчательнѣйшія: ***Алфей***, ***Ахелой***, ***Пеней***, ***Азопъ***, ***Цефиссъ*** и многіе другіе. Объ Алфеѣ повѣствовалось, что онъ такъ настойчиво преслѣдовалъ своей любовью Нимфу Ареѳузу, бывшую въ свитѣ Артемиды и не отвѣчавшую на страсть его, что Артемида, желая избавить Нимфу отъ опаснаго бога, обратила ее въ источникъ. Но и тутъ Алфей не оставилъ Ареѳузы: онъ разлился своими водами въ ея чистыхъ струяхъ.

НИМФЫ.

(См. табл. XVII.)

Вы видѣли, читатели, уже въ самомъ началѣ теперешняго повѣствованія, что вѣчно-дѣятельное, плодовитое воображеніе древнихъ населило существами высшаго разряда и отдало во власть ихъ поля, горы и долины, кустарники, деревья и лѣса, источники, рѣки, озера и моря. Вѣрованье это имѣло одинакое значеніе и у Грековъ и у Римлянъ. У обоихъ же такія божества и назывались *Нимфами*. Онѣ напоминаютъ отчасти существующихъ въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ русалокъ, и тому подобн.

Нимфы были существа по преимуществу женскія, нѣчто среднее по значенію между божествомъ и человѣчествомъ; съ обоими въ сношеніяхъ, обоими любимыя или почитаемыя. Нимфы обладали способностью дѣлаться и невидимыми; вскормленныя, какъ и боги, небесной амврозіей, онѣ какъ и боги проявляли свое значеніе въ дѣлахъ, превосходящихъ человѣческія силы и способности; вѣчно-юныя, онѣ не утрачивали граціи и силы, но не были безсмертны, какъ высшія божества. По вѣрованью древнихъ, Нимфъ призывали и въ сонмъ Олимпійскихъ божествъ, но постояннымъ мѣстопребываніемъ ихъ была область ихъ опредѣленной дѣятельности, то есть таинственные гроты, тихія долины и тому подобныя мѣстности, гдѣ Нимфы проводили время въ играхъ и пляскахъ,

ПЕГАСЪ и НИМФЫ.

ФЛОРА.

ФОРТУНА.

шутили, плескались, пряли и ткали; счастливыми пѣснями оглашали свои жилища; или наконецъ сопутствовали высшему божеству, когда послѣднему случалось посѣщать ихъ область: съ Артемидой-Діаной охотились; рѣзвились съ Діониссомъ-Бахусомъ; шутили съ Аполлономъ и Гермесомъ; но съ привязчивыми, своевольными Сатирами были въ вѣчной враждѣ.

Уже самыя древнія сказанія Грековъ и Римлянъ полны повѣствованій о разнообразныхъ проявленіяхъ дѣятельности различныхъ Нимфъ. Предметъ этотъ служилъ для фантазіи древнихъ поэтовъ неисчерпаемымъ и поэтическимъ источникомъ, въ особенности у Грековъ. Греки иногда выражали свое глубокое уваженіе къ Нимфамъ тѣмъ, что созидали имъ великолѣпные жертвенники. Повсюду, гдѣ воображенію вѣрующаго представлялось присутствіе и дѣятельность Нимфъ, воздавалось и почитаніе имъ. А это бывало наиболѣе у источниковъ рѣкъ, на влажныхъ полянахъ, въ лѣсахъ и горахъ. Имъ посвящались гроты и пещеры, въ которыхъ сочилась или капала сверху влага, въ которыхъ роились и жужжали пчелы. ***Нимфеи***, какъ назывались собственно святилища Нимфъ, также обыкновенно помѣщались въ особенно-влажныхъ долинахъ и пещерахъ, хотя бы и въ городѣ. Городскія Нимфеи представляли прекрасныя зданія. Въ нихъ обыкновенно совершаемы были свадебные обряды. Въ жертвы Нимфамъ приносили козлятъ, ягнятъ, молоко и елей; но вино не допускалось.

О происхожденіи Нимфъ было распространено

въ народѣ столько различныхъ преданій, что здѣсь мѣсто не позволяетъ привести ихъ всѣ. Отъ одного союза Зевса и Ѳемиды произошло ихъ множество. Вообще, по мѣстопребыванію и роду дѣятельности Нимфы представляютъ слѣдующіе разряды:

1) *Дріады* или *Гамадріады* или *Альзеиды*, Нимфы лѣсовъ и деревъ. Мѣстопребываніе ихъ въ рощахъ, лощинахъ и долинахъ лѣсныхъ. Ихъ дѣятельность — шутить и рѣзвиться съ Аполлономъ, Гермесомъ и Паномъ и спасаться отъ преслѣдованья Сатировъ. Впрочемъ, онѣ же были и сильныя, ловкія охотницы и неусыпныя хранительницы овечьихъ стадъ.

2) *Ореады*, Нимфы горъ. По имени горъ, гдѣ онѣ пребывали, получали онѣ и ближайшее прозваніе: Нимфы Пеліадскія (отъ Пеліона), Н. Идайскія (отъ Иды), Н. Киѳеронскія (отъ Киѳерона) и другія.

3) *Лимоніады* или *Леймоніады*, Нимфы луговъ и цвѣтовъ.

4) *Напеи* или *Авлоніады* — Нимфы долинъ. Въ нагорныхъ долинахъ, среди тучныхъ стадъ, по горамъ, по лѣсамъ и лугамъ, рѣзвились и кружились онѣ веселыми роями въ свитѣ Пана. Первѣйшую изъ нихъ по красотѣ *Эвридику* ужалилъ змѣй и она погибла, оплаканная своими подругами, воспѣтая неподражаемымъ Орфеемъ.

5) *Океаниды*, дочери Океана, — Нимфы источниковъ и ручьевъ. Каковы были ручьи, такъ и назывались Нимфы. Вотъ напримѣръ: *Примна*, съ высоты стремящаяся; *Гиппо*, быстро-текущая;

Плексавра, плещущая, *Галаксавра*, прохладой освѣжающая воздухъ, *Калипсо*, скрытно-текущая; *Родія*, между розовыхъ кустовъ протекающая; *Каллироя*, прелестно-журчащая; *Мелолозія*, пастбища сладко-поящая; *Телеста*, Нимфа горныхъ, искрометныхъ ключей, воду которыхъ Греки употребляли при религіозныхъ омовеніяхъ и очищеніяхъ.

6) *Нереиды*, дѣти Нерея, по матери же *Дориды* (См. выше: Нереи).

7) *Наяды*, по преимуществу Нимфы водъ, кормилицы, влажной стихіей, въ которой сами пребывали, распространяющія плодородіе въ почвѣ. Поэтому онѣ обыкновенно сопутствуютъ Зевсу, Посейдону и Діониссу, Деметрѣ, Персефонѣ и Афродитѣ. Ихъ также почитали Нимфами супружествъ и посвященій.

8) *Потамиды* — собственно Нимфы рѣчныя.

9) *Лимнады*, Нимфы озеръ, прудовъ и болотъ, опаснѣйшія изъ всѣхъ, ибо, какъ русалки нашихъ предковъ, обольстительнымъ пѣніемъ или притворной мольбою о помощи завлекали къ себѣ неопытныхъ путниковъ.

10) *Плеяды*, семь дочерей Атласа и Плейоны. Гіады — ихъ сестры.

11) *Атлантиды*, происходящія также отъ Атласа и принадлежащія къ его семейству.

12) *Гіады*, по нѣкоторымъ сказаніямъ дочери Атласа и Эвры; по другимъ же сестры или дочери Гіаса; или наконецъ сестры Плеядъ. Когда ихъ братъ (или отецъ) Гіасъ растерзанъ былъ дикими звѣрями, онѣ стали такъ сильно скорбѣть, что въ

утѣшенье имъ боги помѣстили ихъ въ число звѣздъ. Съ тѣхъ поръ и составилась группа семи звѣздъ, Плеядъ, въ созвѣздьи Тельца. Съ восходомъ ихъ, отъ 7 до 21 Мая, Греки привыкли ожидать дождя; поэтому ихъ обыкновенно называли созвѣздіемъ дождя. Какъ воспитательницы Зевса-Додонскаго онѣ назывались еще *Додонидами* (См. выше: Зевсъ). Одна изъ послѣднихъ называлась *Өіеной*.

Каждая Нимфа, по чему-либо особенно замѣчательная, имѣла и особое имя.

Нимфъ изображали стройными, прекрасными дѣвами и по роду ихъ дѣятельности сопровождали изображенія ихъ соотвѣтствующими аттрибутами.

На избранномъ нами рисункѣ Нимфы источниковъ ухаживаютъ за Пегасомъ. У всѣхъ ихъ тростникъ вплетенъ въ волосы; двѣ съ сосудами; каждая заботится объ общемъ ихъ питомцѣ.

ЭХО; НАРЦИССЪ.

Эхо, одна изъ горныхъ Нимфъ, была сначала въ услуженьи у Геры, но богиня за чрезвычайную болтливость удалила ее отъ себя. По другимъ же преданьямъ чудная Нимфа любила горнаго Пана. Но узнавъ Нарцисса, сына рѣчнаго бога Цефисса, она вспыхнула къ нему такою страстью, что самая безотвѣтность любви не уменьшала ее. Эхо скорбѣла, худѣла и такъ вся исчахла, что отъ нея остался въ жилищѣ Пана, въ лѣсахъ и горахъ, только голосъ одинъ. Онъ-то, безутѣшный, и откликается на зовъ человѣка.

Нарциссъ такъ очарованъ былъ прелестью собственныхъ своихъ формъ и такъ поддался безграничному тщеславію, что, увидѣвъ однажды въ чистомъ источникѣ свой образъ, влюбился въ него и истомился, истаялъ отъ этой безплодной, суетной страсти. По другимъ сказаніямъ, Нарциссъ въ наказаніе обращенъ былъ богами въ цвѣтокъ, который и теперь называется его именемъ. Конечно, въ Нарциссѣ Греки олицетворили непомѣрную суетность красавца и слѣдствія необычайнаго самообольщенія.

ГЕСПЕРИДЫ.

Геспериды были дочери *Атласа* (исполина, который, по сказаніямъ древнихъ, удалился въ послѣдніе предѣлы небеснаго запада) и *Гесперіи* (западной страны). По другимъ преданіямъ вмѣсто *Гесперіи* находимъ *Ночь*. Въ этомъ послѣднемъ конечно выражено то, что въ глубокой древности на западъ Европы глядѣли лишь сквозь сумракъ первоначальныхъ сказаній, изъ которыхъ впрочемъ и тогда уже знали, что въ неизвѣстныхъ предѣлахъ росли апельсины или по тогдашнему — золотыя яблоки. Разумѣется, что и существа, обитавшія въ такихъ темныхъ мѣстностяхъ, сами представлялись полными баснословныхъ свойствъ, — но яблоки золотыя, по представленію Грека, могли расти только въ божественныхъ садахъ; поэтому и Гесперидъ представляли себѣ божествами. Жилище ихъ полагали на далекомъ островѣ Океана,

иногда же и на островахъ къ сѣверу или западу отъ Африки. Въ садахъ тѣхъ, подъ рукою самихъ Гесперидъ, вѣяло райскимъ дыханіемъ; тамъ блистали золотыя яблоки, журчали ключи небесной амврозіи, разсыпаны были всѣ блага земли въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ какомъ не бывали онѣ въ счастливѣйшихъ предѣлахъ міра смертныхъ людей; однимъ словомъ, все тамъ блистало иною, блаженною жизнью, эдемомъ, высочайшей наградой самыхъ смѣлыхъ надеждъ. По мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе расширялся кругъ познаній о западѣ Европы, мѣсто Эдема отодвигали все далѣе на западъ и наконецъ вѣрованіе Грековъ помѣстило его на отдаленнѣйшихъ западныхъ островахъ Океана.

О происхожденіи драгоцѣннаго, божественнаго золотаго яблока, миѳъ повѣствуетъ слѣдующее: Зевсу и Герѣ, на свадьбѣ ихъ, боги принесли чудные подарки, но ни чей даръ не сравнялся съ даромъ богини *Титеи* (земли), потому что она на этотъ случай вызвала къ жизни дерево съ золотыми яблоками. Тронутая божественная чета опредѣлила самимъ Гесперидамъ беречь дерево, которого плоды осчастливили самихъ высочайшихъ боговъ. Когдажъ Геспериды поддались непреодолимому желанію отвѣдать завѣтныхъ плодовъ, боги приставили къ садамъ дракона Ладона. Гераклъ побѣдилъ его и боги благоволили снова поручить Гесперидамъ храненіе священныхъ садовъ.

Обыкновенно принимали трехъ Гесперидъ: *Эглею*, *Эриѳію* и *Гесперу*. Впослѣдствіи къ нимъ присоединили еще *Ареѳузу*, а потомъ и еще трехъ, такъ что всѣхъ сдѣлалось семь.

КЛЮ.

МЕЛЬПОМЕНА.

ТАЛІЯ.

МУЗЫ.

Музы, *Камэны*, *Пириды* или *Пиринны*, считались у древних Нимфами, жившими на берегахъ свѣтлыхъ источниковъ: *Касталія*, *Аганиппа* и *Пимпла*, струившихся на горахъ *Геликонъ* и *Парнассъ* и вдохновлявшихъ всякаго, кто испивалъ ихъ воды. Въ древнѣйшей миѳологіи называютъ только трехъ Музъ, дочерей Урана: *Мелету*, *Мнэму*, *Аэду* — богинь размышленія, памяти, пѣсни. Впослѣдствіи число ихъ дошло до девяти; ихъ стали считать дочерьми *Зевса* и *Мнемозины*, а имя Пирина, мѣсто рожденья ихъ на Олимпѣ, стало и ихъ названіемъ; поэтому-то преимущественно ихъ и почитали въ Пиринѣ Олимпійскомъ; отсюда же почитаніе распространилось на горѣ Геликонѣ въ Віотіи, потомъ и въ Аѳинахъ, Спартѣ, Трэценѣ и другихъ мѣстностяхъ. Распространенію почитанія Музъ способствовалъ одинъ Ѳракіецъ, Пиросъ, о которомъ разсказывали, что онъ, назвавъ девять своихъ дочерей именами Музъ, велѣлъ имъ вступить въ состязаніе съ Музами Олимпа, но первыя должны были признать себя побѣжденными, а за дерзкую самонадѣянность обращены были въ пѣвчихъ птицъ. Почитаніе Музъ на Геликонѣ продолжалось до позднѣйшихъ временъ въ рощѣ ихъ, гдѣ протекали священные источники: *Аганиппе* и *Гиппокрене*. Тутъ же находились и многія посвященныя Музамъ зданія. Празднество почитанія Музъ было въ связи съ различными состязаньями, *Музеинами*.

Музы у Грековъ и Римлянъ считались богиня-

ми пѣнія, музыки, поэзіи и въ особенности тѣхъ изящныхъ искусствъ, которыя образуютъ человѣка. Музы обитали на вершинахъ Геликона, Парнасса и Пинда, у священныхъ горныхъ ключей, и тамъ упражнялись въ изящныхъ искусствахъ, покровительствуя имъ и воздвигая, и вдохновляя къ нимъ смертныхъ мужей. Часто являлись онѣ на Олимпѣ, украшая своимъ чуднымъ искусствомъ блаженную жизнь безсмертныхъ боговъ. Въ миѳологіи—то онѣ всѣ являются дѣвами, то женами (исключая, впрочемъ, Ураніи) и матерями. Въ послѣднемъ случаѣ дѣти Музъ означаютъ, конечно, людей, совершенно посвятившихъ себя избранному художеству и какъ-бы слившихъ съ нимъ свое существованіе. Музы наказывали тѣхъ дерзкихъ, которые осмѣливались соперничать съ ними въ пѣніи и музыкѣ, какъ было, напримѣръ, съ дочерьми Пиромеса, съ Сиренами (о тѣхъ и другихъ см. выше: Геспериды и Сирены) и съ Ѳамиромъ. Самъ Аполлонъ стоялъ во главѣ Музъ и въ этомъ качествѣ назывался Музагетомъ. Древніе поэты часто взываютъ въ своихъ сочиненіяхъ къ Музамъ, прося ихъ благоволенія, напримѣръ, у Гомера (*Илліада. Пѣснь I*):

«Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына».

или (*Илліада. Пѣснь XVI*):

«Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
«Какъ на суда Аргивянъ упалъ истребительный пламень?»

По примѣру древнихъ поэтовъ и у новѣйшихъ безчисленное множество подобныхъ же взываній. Древніе изображали Музъ всегда вмѣстѣ, въ оди-

МНЕМОЗИНА.

КАЛІОППА.

накихъ одеждахъ съ соотвѣтственными аттрибутами и музыкальными инструментами, а именно: цитрой, арфой, флейтой, или же, наконецъ, съ рукописными свертками. Собраніе такихъ свертковъ послужило первоначальнымъ поводомъ къ образованію библіотекъ и хранилищъ различныхъ произведеній искусствъ. Подобныя хранилища и въ настоящее время носятъ названіе, напоминающее первоначальное происхожденіе ихъ отъ Музъ (*музеи*).

Девять Музъ, по различію характера своей дѣятельности и значенія, изображались древними въ слѣдующемъ видѣ:

1) ***Кліо*** (см. табл. XVIII), Муза Исторіи, увѣнчанная лаврами, сидитъ, развернувши свитокъ пергамента. Возлѣ нея сосудъ съ подобными же свитками. Ее изображали также стоящей съ рукописнымъ сверткомъ въ одной рукѣ и орудіемъ писанья въ другой.

2) ***Калліопа*** (см. табл. XIX), Муза героической пѣсни (поэмы, эпопеи), почиталась важнѣйшей изъ Музъ и какъ бы заступающей всѣхъ остальныхъ. Ее изображали сидящею съ письменной доской и грифелемъ; или же стоящей, въ вѣнкѣ и съ рукописнымъ сверткомъ въ рукѣ; или наконецъ съ ***тубой*** (родъ музыкальнаго инструмента, похожаго на трубу), увитой лавровою вѣтвью.

3) ***Мельпомена*** (см. табл. XVIII), Муза драмы и трагедіи, представлена въ видѣ высокой, осанистой дѣвы; въ длинныхъ, пространныхъ одеждахъ (туника, Сирма), которыя употреблялись въ трагическихъ роляхъ; поверхъ ихъ короткая хламида; лѣвой ногой опираясь на камень, богиня держитъ въ

правой рукѣ трагическую маску. На другихъ изображеніяхъ богиня въ блестящей діадемѣ или въ вѣнцѣ изъ кипарисныхъ вѣтвей; въ рукѣ же кинжалъ или палица.

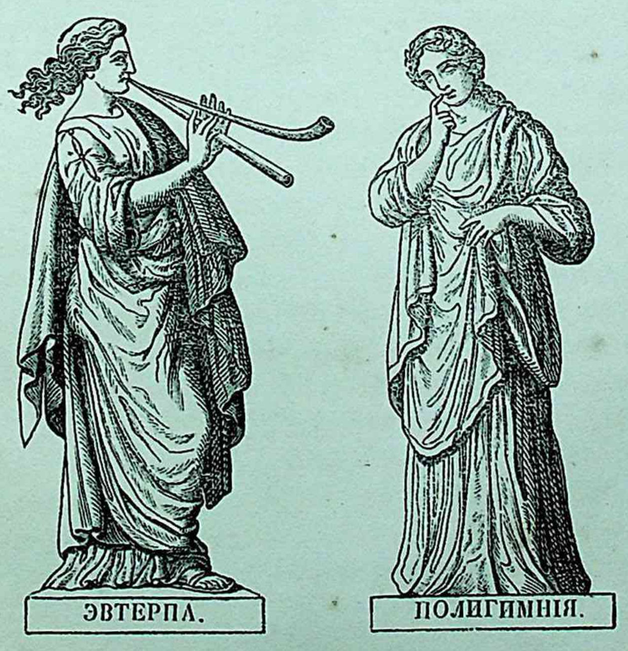
4) *Талія* (см. табл. XVIII), Муза комедіи и сценической шутки, изображена стоящей, въ длинной бахромистой туникѣ; въ одной рукѣ пастушій посошокъ (Педумъ) узловатый, вверху загнутый крючкомъ, а въ другой смѣющаяся маска.

5) *Полигимнія* или *Полимнія* (см. табл. XX), Муза пѣнія и краснорѣчія. Ея имя означаетъ: многозвучная, пѣсне-обильная. Ее почитали изобрѣтательницей миѳовъ, а потому и изображали богиню въ лавровомъ вѣнкѣ, съ задумчивымъ видомъ приложившую палецъ къ устамъ. Ее также изображали спокойно прислоненной къ скалѣ, внимательно устремивши взглядъ впередъ и скрывши или легкимъ покровомъ окутавши руки. Покровъ этотъ указываетъ, конечно, на то наружное выраженіе, подъ которымъ скрытъ истинный смыслъ миѳовъ; положеніе же Музы, углубившейся въ себя, разумѣется, выражаетъ глубокое значеніе миѳовъ. Полимнія считалась также богинею величавыхъ, религіозныхъ воспѣваній.

6) *Уранія* (см. табл. XX), т. е. Небесная, Муза Астрономіи, изображалась сидящей съ небеснымъ полузакрытымъ глобусомъ; одна рука держитъ циркуль, другая указываетъ по направленію къ небу. На иныхъ изображеніяхъ богиня въ звѣздномъ вѣнцѣ и съ лирой стоитъ, устремивши взоръ къ небу, или же чертитъ что-то на небесномъ глобусѣ, который передъ нею.

XX.

7) *Эвтерпа* (см. табл. XX), то есть веселящая, Муза музыки, изображена играющей на двойной флейтѣ.

8) *Эрато* (см. табл. XXI), то есть любимая, Муза пѣсень любви (эротическихъ произведеній) и брачныхъ пѣснопѣній. На изображеньяхъ богиня, въ вѣнцѣ и въ пышной одеждѣ, граціозно извлекаетъ сладкіе звуки изъ большой многострунной лиры. На нѣкоторыхъ же лира при богинѣ, а въ одной рукѣ у ней стрѣла, въ другой розовый или миртовый вѣнокъ.

9) *Терпсихора* (см. табл. XXI), Муза пляски, на однихъ изображеніяхъ — въ длинныхъ одеждахъ, въ вѣнкѣ, играетъ на малой лирѣ; на другихъ же богиня — съ звучно-бряцающимъ бубномъ и въ легкой позѣ, какъ бы устремляется въ пляску.

Мать Музъ называли, какъ вы уже знаете, *Мнемозиной*, что значитъ: память. Эта память указываетъ преимущественно на тотъ первоначальный періодъ существованія, въ которомъ Греки подъ видомъ борьбы Титановъ олицетворили постепенную борьбу основныхъ началъ, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, когда возникла изъ нея прелесть гармоніи, стройности. Въ позднѣйшее время Мнемозину стали почитать наравнѣ съ Музами, какъ богиню памяти и воспоминанія. Ее изображали въ спокойномъ, глубокомысленномъ положеніи, съ обѣими руками, погруженными въ длинныя, обширныя одежды, выражая этимъ образомъ спокойствіе, — глубину и замкнутость области памяти (см. табл. XIX).

На божественныхъ пирахъ и на свадьбахъ ге-

роевъ Музы вмѣстѣ съ Аполлономъ услаждали сердца пѣснопѣньемъ, Горы же, Хариты, сама Афродита и другія богини нѣжили очи божественной пляской. Такъ Грекъ самыя свѣтлыя проявленія духа человѣка: радость и музыку, поэзію, пляску, веселье, выводилъ изъ божественнаго, и притомъ одного и того же, источника.

Впрочемъ, не одни божественные пиры украшались присутствіемъ Музъ: онѣ, чрезъ посредство вдохновенныхъ ими пѣвцовъ, утѣшали слухъ и смертныхъ людей. Такъ Одиссей, хотя не узнанный, угощенъ былъ на пирѣ царя Ѳеакійскаго Алкиноя и въ избыткѣ радушія царь приказалъ:

«Позовите
«Также пѣвца Демодока; даръ пѣсней пріялъ онъ
«Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ».

И когда явился желанный Демодокъ, то

(Одиссея. Пѣснь VIII).

«Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
«Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
«Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
«Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
«Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
«Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ Ахеянъ.
«Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
«Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ; когда черезъ каменный прагъ онъ
«Бога спросить перешелъ, а случилось то въ самомъ началѣ
«Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на Троянъ и Данаевъ.
«Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же своею
«Сильной рукою широкую пурпурную мантію взявши,
«Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней:
«Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Ѳеакійцамъ».

XXI.

ЭРАТА.

ТЕРПСИХОРА.

ГОРЫ.

ИРИСА.

(См. Таблиц. XII.)

Богиня радуги, ***Ириса***, была дочерью Θаума и Электры, внучка Океана и Земли, сестра Гарпій Ириса — посланница Геры и Зевса, равно какъ и прочихъ Олимпійскихъ божествъ; руководительница и совѣтница людей, къ которымъ являлась съ божественными приказаніями. Ириса представляетъ новое олицетвореніе Гермеса въ женскомъ видѣ и стоитъ такъ же близко къ Герѣ, какъ Гермесъ къ Зевсу. Впрочемъ, подробности ея службы и необыкновенныя ея качества для исполненія своихъ обязанностей ярче всего покажутся изъ приводимыхъ вслѣдъ за этимъ нѣсколькихъ мѣстъ ***Иліады***.

1) Гера и Аθина, воспользовавшись отсутствіемъ Зевса, приготовились на помощь къ осаждающимъ Трою, ослабленнымъ мужествомъ храбрыхъ Троянцевъ. Зевсъ, негодуя на жену и дочь, призвалъ Ирису на гору Иду, гдѣ самъ находился, отдалъ ей приказаніе

— — «И бросилась вѣстница равная вихрямъ, Ириса:
«Прямо съ Идейскихъ вершинъ на великій Олимпъ устремилась.
«Тамъ при первыхъ вратахъ многохолмной горы Олимпійской
«Встрѣтивъ богинь, удержала и Зевсовъ глаголъ возвѣстила:
«Что предпріемлете? Что ваше сердце свирѣпствуетъ въ персяхъ?
«Зевсъ воспрещаетъ, Кронидъ, поборать кудреглавымъ Ахейцамъ:
«Такъ онъ грозилъ, громовержецъ, и такъ непреложно исполнитъ:

«Сломитъ колѣна конямъ подъ златой колесницею вашей;
«Васъ съ колесницы сразитъ и въ прахъ сокрушитъ колесницу.
«И ни въ десять уже совершившихся лѣтъ круговратныхъ
«Вы не излечите язвъ, которыя громъ нанесетъ вамъ.
«Будешь, Аѳина, ты помнить, когда на отца ополчалась!»
«— Слово скончавъ, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.

2) Въ другой разъ, Посидонъ, воспользовавшись сладкимъ на горѣ Идѣ усыпленіемъ Зевса, дѣятельно подвинулъ ослабѣвшихъ Ахеянъ, но воспрянувшій громовержецъ произнесъ Ирисѣ грозный приказъ Посидону и

«Покорилась ему вѣтроногая вѣстница неба;
«Быстро отъ Иды горы понеслась къ Иліону святому.
«Словно какъ снѣгъ изъ тучи, иль градъ холодный обрушась,
«Быстро летитъ, уносясь проясняющимъ воздухъ Бореемъ:
«Такъ устремляяся, быстрая путь пролетѣла Ириса;
«Стала и такъ провѣщала могущему Эннosигею:
«Съ вѣстью тебѣ, Посидонъ, колебатель земли черновласый,
«Я нисхожу отъ эгидоносителя Зевса Кронида.
«Брань ты оставь немедленно, такъ онъ велитъ; возвратися
«Или въ соборъ небожителей или въ священное море.
«Еслижъ глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
«Онъ угрожаетъ, что самъ, и немедля, съ тобою сразиться
«Прійдетъ сюда; и совѣтуетъ онъ, чтобы ты уклонялся
«Рукъ громовержущихъ: вѣдаешь, онъ и могуществомъ высшій,
«Онъ и рожденьемъ старѣйшій, а ты, Посидонъ, не страшишься
«Спорить о равенствѣ съ тѣмъ, предъ которымъ всѣ боги трепещутъ».
«Ей, негодующій сердцемъ, отвѣтствовалъ царь Посидонъ:
«Такъ, могущественъ онъ; но слишкомъ надменно вѣщаетъ,
«Ежели, равнаго честью, меня укротить онъ грозится!
«Три насъ родилося брата отъ древняго Крона и Реи:
«Онъ громовержецъ, и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка;
«На трое все дѣлено, и досталося каждому царство:
«Жребій бросившимъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало
«Мнѣ волношумное море, Аиду подземные мраки,
«Зевсу осталось межъ тучь и Эѳира пространное небо;
«Общею всѣмъ остается земля и Олимпъ многохолмный.

XII.

ГИМЕНЕЙ.

ГЕБА.

«Нѣтъ, не хожу по уставамъ я Зевсовымъ; какъ онъ ни мощенъ,
«Съ миромъ пусть остается на собственномъ третьемъ удѣлѣ;
«Силою рукъ онъ меня, какъ ничтожнаго, пусть не стращаетъ!
«Дщерей своихъ и сыновъ для Зевса приличнѣе будетъ
«Грознымъ глаголомъ обуздывать, коихъ на свѣтъ произвелъ онъ,
«Кои уставамъ его покоряться должны по неволѣ».
«— Вновь провѣщала ему вѣтроногая вѣстница Зевса:
«Сей ли отвѣтъ отъ тебя, колебатель земли черновласый,
«Зевсу должна я повѣдать, отвѣтъ и суровый и страшный?
«Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородныхъ.
«Знаешь и то, что Эринніи, *) вѣчно стоятъ за старѣйшихъ».
«— Ей отвѣтствовалъ вновь колебатель земли Посидонъ:
«Слово твое справедливо и мудро, Ириса богиня!
«Благо, когда возвѣститель исполненъ совѣтовъ разумныхъ».

3) Наконецъ, какъ посредницу между Олимпомъ и смертными, приводимъ разсказъ о появленіи Ирисы въ домъ Троянскаго царя Пріама, когда старецъ, пораженный глубокою скорбью, что сынъ его, Гекторъ, опора Трои, убитъ Ахиллесомъ и тѣло его въ рукахъ побѣдителя, рыдалъ „пресмыкаяся въ прахѣ"

«Быстрая вѣстница Зевса, приближаяся тихо къ Пріаму,
«Голосомъ тихимъ (но трепетъ объялъ Дарданидовы члены),
«Такъ говорила: дерзай, Дарданидъ, и меня не страшися:
«Я не зловѣщей тебѣ нисхожу отъ холмовъ Олимпійскихъ,
«Нѣтъ, но душей доброхотная вѣстница Зевса тебѣ я:
«Онъ о тебѣ, и далекій, душею болитъ и печется.
. . . .
«Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса».

Древніе вѣровали, что Ириса изъ рѣкъ и морей собираетъ влагу въ тучи и потомъ проводитъ ихъ

---

*) См. ниже *Эринніи*.

плодотворнымъ дождемъ надъ нивами и пастбищами. И потому кроткое появленье ея земледѣльцу въ видѣ сіяющей радуги наполняло сердце его свѣтлой радостью и благоговѣніемъ.

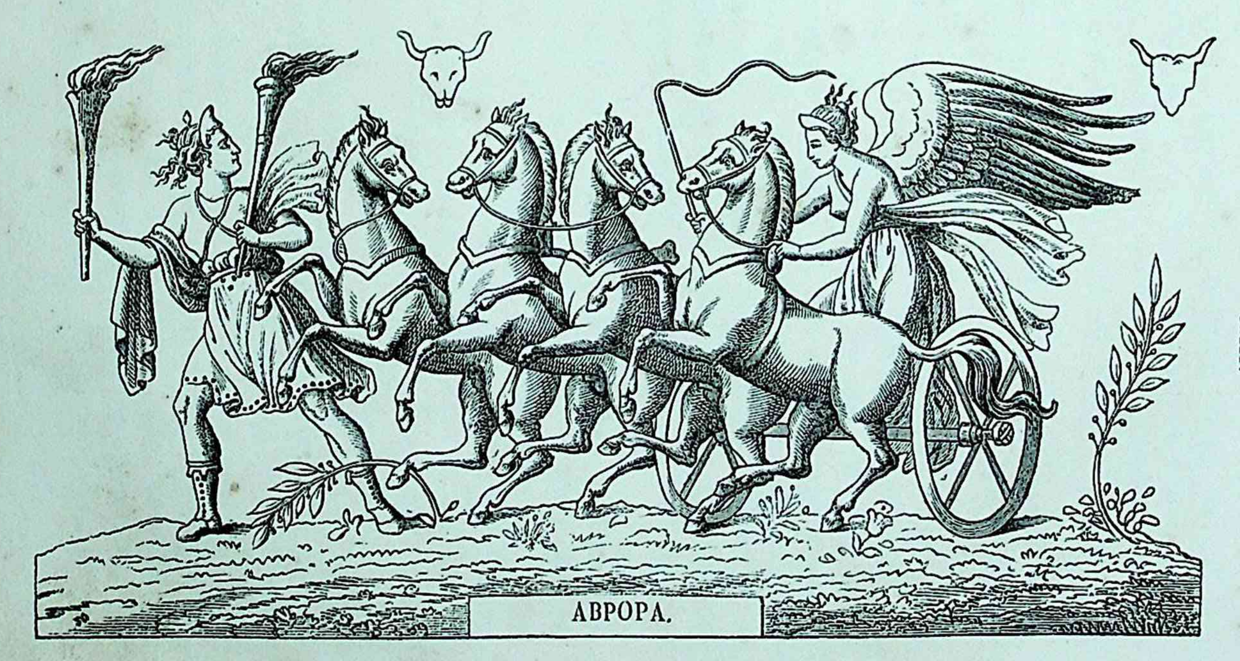
Ирису изображали въ видѣ прелестной дѣвы съ яркоцвѣтными крыльями, въ такой же одеждѣ и несущейся въ радужномъ сіяніи; иногда же съ радужнымъ свѣтомъ вокругъ головы. На избранномъ нами изображеніи Ириса крылатая въ длинной широкой одеждѣ; въ одной рукѣ жезлъ посольскій, какъ у Гермеса, въ другой — блестящій шлемъ, символъ явленія радуги.

ЭОСЪ или АВРОРА; ЛЮЦИФЕРЪ.

(См. табл. XIII).

Эосъ-Аврора, то-есть утренняя заря, или, какъ ее называли еще, Гемера, то-есть богиня разсвѣта, была дочь Титана Гиперіона и Титаны Тейи, сестра Геліоса и Селены, то-есть солнца и луны. Съ появленіемъ розовой Авроры луна и звѣзды блѣднѣютъ и предъ наступающимъ днемъ отходятъ на покой сумерки. Но и Аврора спѣшитъ, ибо слѣдомъ за нею торопится сіяющій Геліосъ. (См. выше Геліосъ). Одни поэты представляютъ Эосъ, какъ она, розовыми перстами приподымая ночной покровъ свой на дальнемъ востокѣ, изъ океана поспѣшаетъ на небо „сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ", стоя въ колесницѣ, запряженной бѣлыми конями. По другимъ, вмѣсто обыкновенныхъ божественныхъ коней крылатый Пегасъ (см. табл.

XIII.

АВРОРА.

XVII) мчитъ колесницу богини, тотъ самый Пегасъ, который, сбросивши отважнаго героя Беллерофонта, дерзнувшаго вознестись на немъ до Олимпа, былъ подаренъ Зевсомъ Аврорѣ для утреннихъ выѣздовъ.

Розовые персты богини означаютъ цвѣтъ зари, когда она любуется на природу, умытую свѣжимъ утромъ.

Отъ союза Эосъ съ Астреемъ, богомъ звѣзднаго свѣта, родились 4 вѣтра: ***Зефиръ***, ***Борей***, ***Нотъ***, ***Эвръ*** и пятая — ***Утренняя звѣзда***. Въ основаніи этого сказанія лежитъ та мысль, что при первомъ мерцаньи зари, когда не поблекли еще свѣтила ночныя, значитъ при союзѣ Авроры съ Астреемъ — обыкновенно пронесется прохладной струей утренній вѣтеръ и положитъ росою на землю ночные туманы.

Эосъ любила заставать въ лѣсахъ охотниковъ, ретивыхъ къ своимъ занятіямъ, и ко многимъ изъ нихъ чувствовала нѣжную склонность. По преданіямъ, изъ нихъ-то похитила она Оріона, Клита, Титона (которому исходатайствовала у боговъ безсмертіе) и Кефала. Здѣсь къ слову приходится сказать, что Кефалъ, нѣжно любя супругу свою Прокрису, презрѣлъ расположеніемъ къ нему Ауры, богини свѣжаго дуновенья. Послѣдняя разгнѣвалась на него за то, что Прокриса стала причиной недовѣрія и раздора межъ ними; по другимъ же сказаніямъ: за то, что Кефалъ неумышленно умертвилъ жену на охотѣ. Прокриса, ревнуя мужа къ Аурѣ, спряталась будто за кустъ, желая подсмотрѣть ихъ свиданіе, но шевельнувшись не-

осторожно, она обратила вниманіе мужа въ эту сторону. Кефалу показалось, что дичь засѣла въ кустѣ и онъ пустилъ въ него охотничій дротъ, поразившій на-смерть несчастную жертву ревности.

Потерявши сына отъ союза съ Титономъ, Мемнона, богиня воздвигла ему близъ Египетскихъ Ѳивъ чудную, небывалую статую. Едва лишь касались ея первые лучи зари, — статуя издавала печальный, какъ-бы струны дребезжащей, жалобный звукъ. Камбизъ, царь Персидскій, покоривши Египетъ (523 до Р. Х.), ниспровергъ и статую Мемнона. Впрочемъ, она и теперь еще служитъ предметомъ вниманія и даже удивленія путешественниковъ, которымъ чудится и въ обломкахъ ея преданьями прославленное качество.

Изображали Эосъ въ видѣ румяной очаровательной дѣвы, съ широкими крыльями, въ снѣжно-сіяющихъ, волшебно-пурпурныхъ одеждахъ, съ звѣздой на челѣ или въ граціозной шапочкѣ и съ свѣтильникомъ въ рукѣ, стоящей на колесницѣ, запряженной быстрою парой. На другихъ же изображеніяхъ „вставши изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ" на хребтѣ у Пегаса или же собственными крыльями разсѣкаетъ утренніе туманы и изъ щедраго сосуда росы увлажаетъ землю и растенія. На избранномъ нами, прекрасномъ изображеніи четверо быстрыхъ коней мчатъ Эосъ въ легкой колесницѣ. Устремленное впередъ положеніе богини, развѣянныя одежды, все означаетъ необычайную торопливость зари. Еще не померкли на небѣ свѣтила ночныя, означенныя тутъ головами тельцовъ, но ужъ не долго имъ оставаться видимыми:

Люциферъ съ факеломъ впереди еще болѣе ускоряетъ явленье Зари. Быстрѣй и быстрѣй возносится богиня и на пути ея встаютъ цвѣты и злаки и освѣженныя утренней росой привѣтствуютъ богиню.

Люциферъ, т. е. Утренняя звѣзда, у нѣкоторыхъ поэтовъ представляющійся любимцемъ Афродиты или Геры, постоянно изображается предвѣстникомъ Эосъ. Нѣкоторые изображаютъ въ этомъ случаѣ вмѣсто Люцифера — Гермеса.

ЭОЛЪ.

Эолъ былъ богъ вѣтровъ. Въ немъ олицетворили древніе владыку стремительно-дующихъ воздушныхъ потоковъ въ глубокихъ долинахъ и въ горныхъ ущельяхъ. Древніе помѣстили пребываніе Эола на Алпарскихъ островахъ (близъ Сициліи), откуда онъ посѣщалъ море и земли своимъ, часто неблагопріятнымъ для людей, вліяніемъ; другихъ же любимцевъ своихъ снабжалъ на дорогу своимъ благоволеніемъ. Приводимъ то мѣсто разсказа Одиссея (Улисса) о своихъ странствованіяхъ, изъ котораго видно мѣстопребываніе Эола и семьи его, и благоволеніе его къ Одиссею, неумѣвшему къ несчастью воспользоваться имъ (*Одиссея. Пѣснь X*):

«Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
«Ипотовъ сынъ тамъ, Эолъ благородный, богами любимый.
«Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
«Весь обнесенъ; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ.
«Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
«Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
«Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.

«Днемъ съ благороднымъ отцемъ и заботливой матерью вмѣстѣ
«Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
«Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и пѣньемъ
«Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею супругой,
«Спятъ на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ, кроватяхъ.
«Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили: тамъ цѣлый
«Мѣсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ
«Повѣсть о Троѣ, о битвахъ Аргивянъ, о ихъ возвращеньи;
«Все, любопытный, заставилъ меня разсказать по порядку.
«Но напослѣдокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,
«Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно,
«Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодоваго
«Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ онъ
«Ихъ господиномъ, по волѣ Кроніона Дія, и всѣхъ ихъ
«Могъ возбуждать иль обуздывать, какъ приходило желанье.
«Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью
«Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья
«Вѣтровъ: Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ
«Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать, но домой возвратиться
«Дій не судилъ намъ: своей безразсудностью всѣ мы погибли».

Одиссей, девять дней правивши рулемъ одинъ, на десятый, когда показался берегъ отчизны, уснулъ отъ усталости. Завистливые товарищи, воображая, что въ мѣшкѣ, подаренномъ Эоломъ, бездна золота и драгоцѣнностей, рѣшили раздѣлить богатство межъ собой

«Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю:
«Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями и ихъ, громко рыдавшихъ,
«Снова отъ брега отчизны умчали въ открытое море.

Въ наказаніе за оплошность Одиссея, когда явился онъ снова просить помощи Эола, онъ отвѣчалъ:

«Прочь, недостойный! не медля мой островъ покинь; неприлично
«Намъ подъ защиту свою принимать человѣка, который
«Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.
«Кончивъ, меня онъ рыдавшаго жалобно, изъ дому выслалъ,
«Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ».

Изъ вѣтровъ, жившихъ въ подчиненіи у Эола, въ ущельяхъ скалъ его острова, и изъ которыхъ онъ, какъ сказано, заключилъ „буреносныхъ" въ мѣшокъ Одиссею, замѣчательнѣйшими были: ***Борей***, сѣверный, ***Эвръ***, восточный, ***Нотъ***, южный и ***Зефиръ***, западный. Впрочемъ, по другому представленію, вѣтры являются не подчиненными у Эола, а самостоятельными божественными личностями, пребывающими въ особыхъ жилищахъ и слѣдующими только велѣніямъ Зевса и Посейдона. Такъ, послѣдній, застигнувъ Одиссея на благополучномъ пути къ землѣ Ѳеакійской, воспылалъ негодованіемъ на ненавистнаго ему героя

«И великія тучи поднявши, трезубцемъ
«Воды взбуравилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
«Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило
«Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.
«Разомъ и Эвръ, и полуденный Нотъ, и Зефиръ, и могучій,
«Свѣтлымъ рожденный Эфиромъ, Борей взволновали пучину.
. . . .
«Словно, какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ
«Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ,
«По морю такъ беззащитное судно повсюду носили
«Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій
«Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира».

(Одиссея. Пѣснь V).

рабля. *Зефиръ*, теплый и тихій западный вѣтеръ, изображенъ безъ обуви, въ легкой одеждѣ, наполненной цвѣтами. *Апеліотъ*, юговосточный, отличается отъ Зефира только тѣмъ, что у него легкая обувь и въ рукахъ вмѣсто цвѣтовъ множество разнообразныхъ, зрѣлыхъ плодовъ.

Хотя всѣ вѣтры были олицетворены Греками въ особыхъ изображеніяхъ, и всѣмъ имъ, какъ божествамъ, отъ вліянія которыхъ зависитъ во многихъ случаяхъ благополучіе человѣка, приносимы были жертвы, особенно же умилостивительныя вредоноснымъ вѣтрамъ; однакоже только Борей и Зефиръ имѣютъ собственные отдѣльные миѳы. Выше уже сказано (см. Горы), что оба они присватывались къ Хлорисѣ-Флорѣ, но послѣдняя избрала себѣ теплаго Зефира. Борей же похитилъ Ориѳію, прекрасную дочь Аттическаго царя Кекропса и сдѣлался ей супругомъ. Такъ какъ поэтому Борей сталъ родственникомъ Аѳинянъ, то они въ первое нашествіе на Аттику флота Персидскаго смѣло обратились къ нему за помощью и Борей исполнилъ ихъ просьбу. У мыса Аѳонскаго онъ воздвигъ такую бурю, что весь флотъ Персидскій отчасти разсѣянъ, отчасти уничтоженъ (въ 495 г. до Р. Х. при Даріѣ царѣ Персидскомъ). Съ этого времени Аѳиняне учредили Борею жертвенникъ и благодарственныя жертвы въ воспоминаніе незабвеннаго спасенія ихъ.

ЭРОСЪ или АМОРЪ; ПСИХЕЯ.

(См Табл. XI).

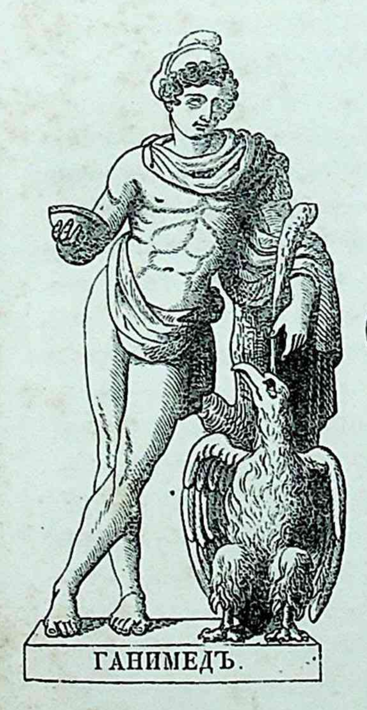
Эросъ (богъ любви) — божество исключительно греческое. Римляне узнали о немъ въ позднѣйшее время своего существованія и перевели имя его на свой языкъ словомъ Аморъ (Любовь) съ прибавкой Купидо, хотя слово это отвѣчаетъ болѣе греческому: *Поѳосъ*, жажда любви. Ужъ изъ этого обстоятельства раскрывается очевидно-различный взглядъ обоихъ народовъ на одно и тоже божество, взглядъ, дающій поводъ къ болѣе глубокому вниманію къ духовной сторонѣ жизни обоихъ народовъ.

Вспомнимъ, какъ древніе думали о происхожденіи міра. Они думали, что все сначала представляло хаосъ, т. е. такое состояніе, въ которомъ перепутаны были взаимно-борющіяся начала природы, но что съ вмѣшательствомъ новой, неодолимой силы, изъ хаоса стали выясняться порядокъ и гармонія. Эта сила, сочетавшая вмѣстѣ однородное и разлучившая его въ хаосѣ отъ разнородныхъ съ нимъ началъ, была — Эросъ. Такимъ образомъ основное представленіе объ Эросѣ соотвѣтствовало представленію о распространенной во всемъ мірѣ вѣчнодѣятельной, созидающей силѣ природы и развилось впослѣдствіи въ миѳъ о богѣ любви, повсюду вызывавшемъ у Грековъ глубочайшее почитаніе. Въ этомъ первобытномъ Эросѣ, какъ зиждителѣ міра, видѣли Греки божество, предшествовавшее собою всѣмъ остальнымъ божествамъ и своей дѣятельно-

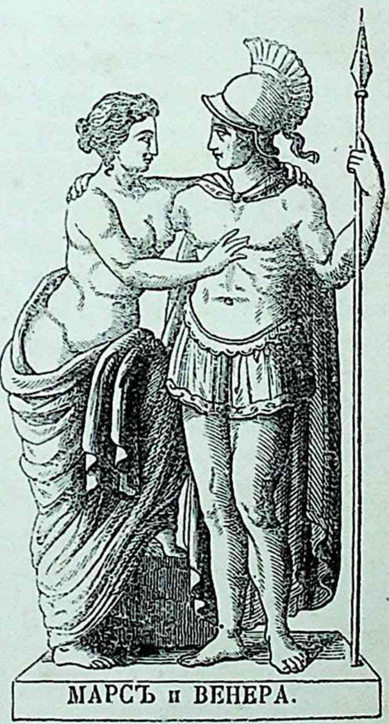

АМУРЪ, ЭРОСЪ.

КУПИДОПЪ

ГАНИМЕДЪ.

МАРСЪ и ВЕНЕРА.

стью устроившее порядокъ и гармонію міра. Не забудемъ, что этотъ міровой Эросъ не былъ олицетворенъ у Грековъ ни какимъ миѳологическимъ образомъ, а представленіе о немъ служило только какъ бы выраженіемъ философской идеи. Этому Эросу и не воздавалось собственнаго почитанія въ смыслѣ почитанія другихъ божествъ.

Это послѣднее случилось уже съ позднѣйшимъ Эросомъ или Аморомъ. Это божество извѣстно у насъ подъ именемъ Эрота, а еще чаще Амура или Купидона. Такъ и будемъ его называть. По подобію другихъ божествъ Амура представляли себѣ происшедшимъ отъ Афродиты и Зевса (Юпитера) или Арея (Марса) или даже Урана. Ему придавали необычайную власть надъ сердцами боговъ и людей. Великій же Греческій скульпторъ Фидій представилъ нѣсколько иначе отношеніе Афродиты къ Амуру, а именно: лишь только Анадіомена ступила изъ пѣны на землю, Амуръ ее встрѣтилъ, богиня сладкорѣчивая Пиѳо увѣнчала, а боги неба, земли и моря окружили царицу земли.

Въ первоначальныхъ представленіяхъ Амура представляется это божество древнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ между безсмертными. Оно и дѣйствительно такъ, когда вспомнимъ, что въ этихъ представленіяхъ Амуръ является всемощною силой природы, отъ дѣйствія которой укрощаются и сглаживаются дикіе порывы борющихся элементовъ въ безпорядочной хаотической массѣ, и на мѣстѣ борьбы является взаимодѣйствіе началъ природы, на мѣстѣ безпорядка — правильность и гармонія. Въ позднѣйшихъ представленіяхъ Амуръ является

юнѣйшимъ изъ боговъ, но все таки съ непреодолимой властью, вліяніе которой неотразимо ни для боговъ, ни для смертныхъ. Взгляните поближе на это обстоятельство въ религіозныхъ представленіяхъ Амура, и вы увидите, что съ теченіемъ времени въ нихъ совершилась удивительная смѣна. Изъ міро-зиждительной силы любви рождается юная, свѣжая сила любви человѣка. Въ основаніи обѣихъ, какъ видите, все одна и та же сила — любовь, всеустрояющая, всепобѣждающая мощь прелести и кротости. Ею прекращается борьба, ею устанавливается равномѣрность и правильность, — тамъ, въ отношеніи къ цѣлому міру; тутъ, въ отношеніи къ лучшей части его, человѣку. Позже это послѣднее представленіе еще ярче выступило въ вѣрованьи древнихъ, а вслѣдъ аа тѣмъ и въ искусствѣ ихъ, хотя все еще въ Амурѣ продолжали обоготворять или творческую силу природу, какъ напримѣръ въ Ѳеспіи, гдѣ древнѣйшее изображеніе бога было — голый камень, или же силу побѣдоносную, какъ было у Спартанцевъ, Ѳиванцевъ, въ Аѳинахъ и на островахъ Самосѣ и Критѣ. Спартанцы передъ битвой приносили жертвы Амуру, какъ богу, который посредствомъ любви къ отечеству даетъ дружинамъ крѣпость и единство. Въ Аѳинахъ былъ жертвенникъ Эросу и жертвенникъ Антеросу (богу взаимности). Въ Ѳеспіи до позднѣйшихъ временъ самыя любимыя изъ игръ Віотійскихъ были *Эротиды*, въ честь Эроса (Амура).

Пракситель, скульпторъ цвѣтущей поры Греческаго искусства, изобразилъ Эроса въ видѣ необычайной прелести мальчика, близкаго къ юношеско-

му возрасту, и съ золотыми крыльями. Изображеніе это, принадлежавшее къ изящнѣйшимъ изображеніямъ Греческихъ боговъ, Римляне, по покореніи Греціи (въ 146 году до Р. Х.), увезли къ себѣ. И другіе знаменитые художники Греціи производили изображенія этого бога.

Такъ и въ жизни, и въ искусствѣ и въ поэзіи выяснился у древнихъ Грековъ образъ возлюбленнаго божества, хотя и несчитавшагося въ сонмѣ верховныхъ Олимпійскихъ божествъ, но за то олицетворявшаго собою идею вѣчно-свѣжей, живительной силы. Изображая Эроса въ видѣ очаровательныхъ прелестей мальчика, они видѣли въ немъ божество, распространяющее неистощимыя сокровища любви на все, что прекрасно: цвѣты ли это или дѣти; прелестныя дѣвы или юноши, одушевленные молодымъ жаромъ любви къ отчизнѣ. Вооруженье его: лукъ и колчанъ со стрѣлами или же факелъ въ рукѣ, обозначаютъ свѣтъ невещественный и силу неотразимую власти любви. Иногда его изображали сидящимъ на спинѣ у льва, дельфина или орла, — и дикія животныя покорно несутъ на себѣ маленькаго бога, очарованныя сладкой игрой его лиры. Отъ Греческой древности намъ остались въ наслѣдство прелестныя пѣсни Анакреона *), пѣсни, въ которыхъ воспѣваются власть и продѣлки лукаваго бога. По имени его и пѣсни эти

*) *Анакреонъ*, лирическій поэтъ Греческій, жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х., прежде при блестящемъ Дворѣ Поликрата Самосскаго, потомъ у Гиппарха Аѳинскаго. Предметъ его поэзіи — все, что украшаетъ и радуетъ жизнь. И теперь подъ именемъ *анакреонтическихъ* стихотвореній разумѣютъ такія, которыя имѣютъ подобное этимъ содержаніе.

Прим. перевод.

и подобныя имъ, называются и теперь эротическими.

Весьма часто Амуръ сопровождаетъ свою мать. Музы и граціи—подруги его игръ и дѣтства. Группируя вокругъ Эрота всѣ блага любви и очарованія, древніе выражали этимъ идею, что дары прелести и любви лучше всего сочетаются съ красотой. — Греческій Поѳосъ, какъ было ужъ замѣчено, выражалъ, подобно тому какъ у Римлянъ Купидо (Купидонъ), жажду любви, то есть то состояніе души человѣка, когда, разогрѣтая страстью, она томится и жаждетъ слиться съ родной ей душой. Третье греческое божество изъ этого же круга, ***Гимеросъ***, выражалъ сладкую потребность любви. Амуръ поэтому на изображеніяхъ часто представленъ вмѣстѣ съ Поѳосомъ и Гимеросомъ.

Къ граціознѣйшимъ представленіямъ Греческимъ нужно отнести миѳъ о союзѣ Эрота (Амура) съ Психеей, миѳъ, такъ часто и разнообразно (впрочемъ уже въ позднѣйшее время) олицетворенный въ поэзіи и искусствѣ. Въ Психеѣ Греки выразили нѣжную воспріимчивость души; поэтому художники чаще всего изображали ее прелестною бабочкой или дѣвочкой съ крыльями бабочки. Послѣднее принадлежитъ уже къ позднѣйшей эпохѣ развитія греческаго искусства. Избранное нами изображеніе (См. Табл. XI) относится къ самымъ прекраснымъ и осмысленнымъ художественнымъ произведеніямъ классической древности. Нельзя изобразить тѣснѣйшаго и въ тоже время граціознѣйшаго сочетанія любви и души. Прижавшись къ Психеѣ, Амуръ позабылъ свои стрѣлы: онѣ ле-

жать вмѣстѣ съ ненужнымъ колчаномъ и лукомъ поодаль. Вблизи зеленѣетъ розовый кустъ, у ногъ разбросаны розы. Въ этихъ розахъ и сладкихъ взаимныхъ объятіяхъ, въ этомъ легкомъ покровѣ Психеи и кольцахъ вокругъ рукъ и ногъ. Греки какъ нельзя лучше съумѣли представить въ тѣснѣйшемъ союзѣ все обаяніе и прелесть любви вмѣстѣ съ живительной, всепросвѣтляющей силою духа.

Идею союза Амура съ Психеей представляли въ связи съ идеей о превратностяхъ и испытаніяхъ души человѣка во время земнаго существованія его. Аллегорическая повѣсть объ этомъ полна граціи и потому мы приведемъ здѣсь въ немногихъ словахъ хотя содержаніе его.

Психея — дочь одного Критскаго князя, по другимъ же сказаніямъ: дочь свѣтлаго Геліоса, — была такой чудной красоты, что сама Афродита позавидовала ей. Богиня рѣшила наказать ее за ея необычайную красоту. Для этого она повелѣла Амуру внушить ей любовь къ человѣку, недостойному этой любви. Амуръ увидѣлъ Психею и его собственное сердце стало добычей несокрушимой страсти. Отецъ ея между тѣмъ отправился къ Оракулу Аполлона и получилъ въ отвѣтъ приказаніе отвести Психею съ погребальнымъ обрядомъ на уединенную скалу, ибо — сказано — Психея обречена быть супругой крылатаго дракона. Какъ ни велика была скорбь отца, но приказаніе оракула нельзя было не исполнить. Недолго однакожъ Психея оставалась одна на скалѣ: тихіе зефиры приподняли ее и на мягкомъ облакѣ пере-

несли ее въ чудесныя палаты Амура. Тутъ посѣщалъ ее Амуръ, но только темною ночью, чтобъ Психея не открыла его, и каждый разъ укрощалъ въ ней любопытство и желанье узнать его ближе.

Однажды Психея пригласила къ себѣ сестеръ своихъ, чтобъ похвалиться имъ сокровищами и чудесами своихъ необычайныхъ палатъ. Сестры подстрекнули ее воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и узнать лично своего возлюбленнаго. Ночью, взявши свѣтильникъ съ собою, скользнула Психея въ спальню Амура. Она вся горѣла нетерпѣніемъ скорѣй удовлетворить возбужденному въ ней любопытству и забыла всѣ предосторожности, внушенныя ей сестрами. Она вздрогнула, ступивши нечаянно на стрѣлы Амура, но трепетъ вошелъ въ ея душу, когда наклонясь надъ спящимъ любимцемъ своимъ, она въ немъ узнала сына Афродиты. Руки у ней задрожали отъ страха и радости, и капля горячаго масла упала на плечи Бога. Проснувшись, Амуръ укорилъ несчастную за преступное любопытство и отлетѣлъ отъ нея. Съ тѣхъ поръ, неутѣшная, покинувъ свѣтлые чертоги Амура, Психея скиталась повсюду, отыскивая потерянное счастье. Наконецъ она попала во дворецъ Афродиты. Богиня, принявши ее, обходилась съ нею сурово какъ съ рабыней, обременяла ее тяжелыми работами и рѣшилась подвергнуть ее тяжелому испытанію. Она послала Психею въ царство тѣней съ порученіемъ принесть ей отъ Персефоны баночку какого-то чуднаго притиранья. Не будь Амуръ тайнымъ покровителемъ своей милой Психеи, она давно бы погибла подъ

невыносимыми страданьями, которыя приходилось несчастной терпѣть. До сихъ поръ онъ только невидимо охранялъ Психею, но когда послѣдняя, получивши баночку отъ Прозерпины, открыла ее и пораженная излетѣвшимъ изъ нея удушливымъ паромъ, безъ чувствъ упала на землю, Амуръ не выдержалъ болѣе: онъ бросился къ несчастной, но горячо имъ любимой Психеѣ, и снова любовью вдохнулъ угасавшую жизнь. Тутъ и самый гнѣвъ Афродиты укротился. Необычайно было торжество, когда въ сонмѣ боговъ Олимпійскихъ свершили брачный союзъ Психеи съ Амуромъ и даровали прекрасной безсмертье блаженныхъ жителей неба.

Не трудно видѣть смыслъ, скрытый въ этой чудной аллегоріи. Повѣсть объ Амурѣ и Психеѣ есть ничто иное какъ изображеніе того, какъ человѣкъ, преступивши божественный приказъ, утрачиваетъ такимъ образомъ невозмутимое счастіе, которымъ до тѣхъ поръ наслаждался, и много долженъ пострадать душею, длиннымъ рядомъ испытаній долженъ пройти до того, чтобы снова, очищенной, просвѣтленной душею сдѣлаться воспріимчивѣе къ чистой, истинной радости. *)

Поэты и художники изображали часто и другихъ божковъ или геніевъ любви, прелестными

---

*) У насъ имѣется прекрасный разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ. Это— «*Душенька*» Богдановича, явившаяся въ 1778 году, то есть въ такое время, когда она по всѣмъ правамъ могла почесться изящнѣйшимъ образцомъ въ легкой поэзіи. Впрочемъ ее и теперь можно читать съ удовольствіемъ. *Душенька* имѣла множество изданій. Графъ Толстой издалъ замѣчательное собраніе рисунковъ, относящихся къ содержанію *Душеньки*. *Прим. перевод.*

мальчиками, съ крылышками, въ свитѣ Афродиты, а иногда и Діонисса. Эти божки по родоначальнику своему назывались *Эротиками* или *Амуриками*.

ГИМЕНЪ или ГИМЕНЕЙ.

(См. табл. XII.)

Гименъ, богъ супружества, былъ почитаемъ и у Грековъ и у Римлянъ. Производили его различно: одни — отъ Аполлона и Каліопы, другіе — отъ Діонисса и Афродиты, или еще иначе. Гименъ есть собственно олицетвореніе свадебной пѣсни. По нѣкоторымъ сказаніямъ, онъ былъ рожденъ смертнымъ, богомъ же сталъ послѣ. Объ этомъ обоготвореніи различно повѣствуютъ. Вотъ какъ говоритъ слѣдующій миѳъ.

Гименъ былъ юноша такой необычайно-нѣжной красоты, что его можно было принять за дѣвицу. Бѣдность не позволяла ему надѣяться жениться на обворожительной Аѳинянкѣ, которую онъ любилъ всѣми силами души. Чтобъ быть къ ней хотя на минуту ближе, онъ замѣшался въ толпу дѣвицъ, которыя праздновали торжество Деметрѣ въ Элевзисѣ. Тутъ неожиданно выскочила изъ засады шайка морскихъ разбойниковъ. Дѣвицъ перехватали на корабль съ цѣлью продать ихъ въ рабство гдѣ-нибудь на отдаленныхъ берегахъ. Съ дѣвицами похищенъ и Гименъ. Разбойники пристали съ добычей къ какому-то пустынному острову и здѣсь такъ на радости напились, что всѣ заснули богатырскимъ сномъ. Гименъ, воспользовав-

шись этимъ обстоятельствомъ, воодушевилъ своихъ плѣнницъ-подругъ, внушилъ имъ отобрать у спящихъ оружіе и уничтожить всю шайку. Такъ и случилось. Тогда, не теряя минуты, Гименъ на суднѣ явился въ Аѳины. Заставши семейства похищенныхъ въ слезахъ и печали, онъ всѣмъ имъ далъ слово доставить безъизвѣстно-погибшихъ дѣтей ихъ, если родители рѣшатся отдать за него ту изъ нихъ, которая для него дороже цѣлаго міра. Ему торжественно обѣщали. Взявши съ собою людей, онъ снова отправился на пустынный островъ и привезъ оттуда бывшихъ своихъ подругъ, за что и получилъ прозваніе *Таласія*, счастливаго героя морскаго. Получивши въ супругу возлюбленную свою, онъ жилъ съ нею такъ счастливо, что имя его стало синонимомъ благополучія супружескаго. Къ нему стали взывать за благословеніемъ при заключеніи браковъ; наконецъ стали почитать въ немъ учредителя и хранителя супружества. При свадебныхъ обрядахъ и торжествахъ, воспѣвая *Гименеи*, собирали цвѣты и плели вѣнки богу супружества.

Въ свитѣ Венеры Гименей слѣдовалъ какъ товарищъ Амура. Мѣстопребываніе его было недалеко отъ жилища Музъ на горѣ Геликонѣ, въ Віотіи. По другимъ сказаніямъ, на свадьбѣ Вакха и Аріадны (или Алѳеи) Гименей потерялъ голосъ и жизнь. Вообще же въ Гименѣ Греки видѣли олицетвореніе юнощескаго жара и пѣсни. Представляли его въ видѣ прекраснаго юноши въ златистыхъ одеждахъ, или вовсе безъ нихъ, съ свѣтильникомъ или покровомъ въ рукѣ.

ХАРИТЫ или ГРАЦІИ

(См. табл. XXII.)

Съ незапамятныхъ временъ въ Орхоменѣ Віотійскомъ, въ Спартѣ и Аѳинахъ въ образѣ Грацій (т. е. богинь благосклонныхъ) существовало олицетвореніе обворожительной природы вообще и природы человѣка въ особенности. На островѣ Критѣ уже во времена баснословнаго царя Миноса были установлены игры въ честь Грацій. Древнѣйшее ихъ святилище полагали въ Орхоменѣ, гдѣ изображеньями ихъ служили голые камни, упавшіе будто бы съ неба.

Происхожденіе миѳа о Харитахъ лежитъ конечно въ потребности древняго Грека олицетворить ту вѣчно-юную красу природы, которая особенно свѣжо и разнообразно проявляется весной, не даромъ называемой юностью года. Явившись представительницами весенней красы цѣлой природы, Хариты стали потомъ образомъ вообще всякой красы. Греческіе поэты разработали этотъ миѳъ еще болѣе — что̀ видно напримѣръ въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Пиндара *), — и съ

*) *Пиндаръ*, о которомъ уже не разъ упоминалось въ этомъ сочиненіи, жилъ и дѣйствовалъ въ началѣ V вѣка до Р. Х. Поэтъ лирическій по преимуществу, онъ запечатлѣлъ свои произведенія духомъ величія и непоколебимою вѣрой въ безсмертье души, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ торжественныхъ одъ онъ обнаруживаетъ чувство глубочайшей грусти, вызванной размышленіемъ о скоротечности земныхъ благъ.

ГРАЦІИ.

ЦЕНТАВРЫ противъ ГЕРКУЛА.

первоначальнымъ представленіемъ Харитъ соединили представленіе всего, что неразлучно съ понятіемъ о нравственной красотѣ: прелесть пристойности, благо желанья и дѣла, благодарнаго чувства и вообще невиннаго, свѣтлаго расположенія духа. Пиндаръ, воспѣвая Харитъ, открываетъ, что все утѣшительное и радостное происходитъ отъ нихъ, когда человѣкъ самъ мудръ, и прекрасенъ, и добръ. У самихъ боговъ, по представленію древнихъ, не состоятся ни пляски, веселящія душу, ни усладительный пиръ, если Граціи не устроятъ ихъ.

Существо Грацій было, по идеѣ древнихъ, сама невинность и прелесть. Такъ и представляли ихъ себѣ: въ образѣ юныхъ, прекрасныхъ, чистѣйшихъ дѣвъ, занятыхъ пляской или пѣніемъ, или изображали ихъ, какъ онѣ плещутся въ серебристыхъ волнахъ, или тѣшатся розами и плетутъ изъ нихъ роскошные вѣнки. Розы посвящались и имъ, какъ Афродитѣ. Жизнь ихъ проходила въ сопровожденьи Афродиты, которой онѣ оказывали немаловажныя услуги. Постоянное мѣстопребываніе Грацій было недалеко отъ Музъ, на Олимпѣ, гдѣ онѣ чаще всего, сопровождая Афродиту, украшали своимъ присутствіемъ и пляской собранье боговъ.

Производили ихъ различно: то отъ Зевса (Юпитера) и Эвриномы, одной изъ Океанидъ; то отъ

Содержаніе большей части его произведеній было воспѣваніе подвиговъ побѣдителей на Олимпійскихъ, Пиѳійскихъ, Истмійскихъ, Немейскихъ и другихъ общественныхъ играхъ.

Прим. перев.

Діонисса (Бахуса) и Афродиты (Венеры). И число и имена ихъ были не вездѣ одинаковы. Изъ Орхомена вѣроятно происходятъ имена: *Аглая*, *Эфросина*, и *Θалія*. Въ Спартѣ ихъ было только двѣ: *Клета* (звукъ) и *Фаэнна* (мерцаніе). У обѣихъ было одно святилище. Въ Аѳинахъ почитались также только двѣ Хариты: *Луксо* и *Гегмонс*. Въ Иліадѣ Гомера упоминается цѣлое семейство Харитъ, изъ которыхъ самая младшая *Пасиѳея* (чудно-прекрасная). По другому миѳу младшею была *Аглая*, супруга Гефеста. Этимъ супружествомъ вѣроятно хотѣли выразить необыкновенное изящество произведеній Гефеста. Не только поэзіи Хариты служили лучшимъ украшеніемъ, но и занятія премудрой Аѳины-богини требовали содѣйствія и благосклонности Харитъ. Такъ Греки выражали ту мысль, что сама ученость суха, если ей недостаетъ прелести побужденія и красоты формы. Хариты же вѣрныя помощницы и руководительницы Гермесу въ его краснорѣчіи. Изъ этого видно, какъ высоко почитали Греки грацію во всѣхъ ея видахъ и ставили ее необходимѣйшимъ условіемъ всевозможныхъ проявленій развитія человѣческаго. Эвринома, мать Харитъ, совсѣмъ утратила свое значеніе въ позднѣйшее время.

Въ Греціи много прекрасныхъ храмовъ и статуй посвящено отчасти однимъ Харитамъ, отчасти вмѣстѣ съ другими божествами, напримѣръ съ Афродитой, съ Аполлономъ и Музами. Каждый годъ праздновали въ честь Харитамъ особыя игры, *Харитезіи*, сопровождаемыя состязаньями въ музыкѣ и пляскѣ. Имя Харитъ призывали въ клятву; Ха-

ритамъ же возливали на пирахъ и обѣдахъ первый кубокъ вина.

Подъ словомъ: *Харисъ* Грекъ разумѣлъ все, что относится къ признательности, благодѣянію, благорасположенію, искусству и прелести. И у насъ подъ словомъ: *грація* всякій понимаетъ дружное сочетаніе красоты и пріятности. Гёте вкладываетъ въ уста трехъ Грацій такія слова, изъ которыхъ видно значеніе каждой:

Аглая.	Anmuth bringen wir in's Leben. Leget Anmuth in das Geben. (Пріятна жизнь лишь нами: Пріятно счастьемъ *надѣлять.*)
Гегемона.	Leget Anmuth in's Empfangen; Lieblich ist's den Wunsch erlangen. (Еще пріятнѣй, исполняя Желанье сердца — *получать.*)
Евфросина.	Und in stiller Tage Schranken Höchst anmuthig ist das Danken. (Но еще слаще, получая, — *Благодарить*, воспоминать.)

Харитъ изображали въ пляскѣ и первоначально безъ всякой одежды, впослѣдствіи же съ легкими покровами. Аттрибуты Харитъ: розы, миртъ и игральныя кости (символы забавы). Иногда въ числѣ аттрибутовъ являются яблоки, сосудцы съ благовонною мазью или колосья и маковые стебли, или наконецъ музыкальные инструменты: лира, флейта, сиринкса.

ПЕЙФО или СУАДА.

Эта богиня *сладкорѣчивая* вмѣстѣ съ Граціями составляла принадлежность свиты Афродиты (Венеры). По нѣкоторымъ сказаніямъ ее считали и дочерью этой богини.

Тезей ввелъ почитаніе и служеніе этой богинѣ въ Аѳины вслѣдъ за служеніемъ Афродитѣ. Это случилось, когда Тезею *сладкою рѣчью* удалось склонить разноплеменныхъ жителей Аттики составить одинъ народъ и сдѣлать столицей своею — Аѳины. Вслѣдъ за тѣмъ *Пейфо* получила храмы и въ другихъ мѣстностяхъ Греціи. Ее почитали, какъ богиню, приводящую людей своими дѣйствіями къ неожиданнымъ и благимъ слѣдствіямъ.

ГЕБА.

(См. Табл. XII.)

Римляне называли ее *Ювентасъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи *Ганимедой* или *Діей*. Она была дочь Зевса и Геры. *Геба* олицетворяетъ собою юность и съ ней соединенныя благородныя наслажденія и радости этого возраста. Геба не покидала юности, ибо, питаясь, какъ и другіе безсмертные, нектаромъ и амврозіей, она, какъ и другіе боги, владѣла счастьемъ не старѣться. Впрочемъ, Геба, какъ служительница верховныхъ Олим-

пійскихъ боговъ, принадлежитъ уже къ низшимъ божествамъ. Должность ея состояла въ томъ, чтобъ подносить Олимпійцамъ небесные напитки. Когда Геба сдѣлала какую-то неосторожность при исполненіи своихъ обязанностей, то должность ея передана Ганимеду. Кромѣ этой должности Геба участвовала въ играхъ и пляскѣ Аполлона съ Музами, слѣдовала въ свитѣ богини Афродиты, а державнѣйшей Герѣ приготовляла колесницу въ ея частыхъ выѣздахъ. Послѣднее съ особенной поспѣшностью пришлось совершить Гебѣ, когда разраженная неуспѣхомъ Ахеянъ подъ Троей, торопилась на помощь къ нимъ и

«Сама устремясь, снаряжала коней златосбруйныхъ
«Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона.
«Геба-жъ съ боковъ колесницы набросила гнутые круги
«Мѣдныхъ колесъ осьмиспичныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
«Ободы ихъ золотые, нетлѣнные, сверху которыхъ
«Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора!
«Ступицы ихъ, серебромъ округленныя, окрестъ сіяли;
«Кузовъ блестящими пышно сребромъ и златомъ, ремнями
«Былъ прикрѣпленъ, и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
«Дышло серебряное изъ него выходило; на ономъ
«Геба златое, прекрасное вяжетъ ярмо, продѣваетъ
«Пышную упряжь златую; и быстро подъ упряжь ту Гера
«Коней безсмертныхъ подводитъ, пылая и бранью и боемъ».

(Илліада, пѣснь V.)

Въ Гебѣ почитали небесную невѣсту и потомъ супругу Геракла. Этой чертою миѳа выражено конечно то, что сладость блаженнаго пребыванія на Олимпѣ могла достаться отличному изъ смертныхъ мужей лишь послѣ тяжелыхъ битвъ и испытаній.

Гебу изображали въ видѣ юной, прелестной дѣвы, легко-покрытой и увѣнчанной розами; въ одной рукѣ сосудъ, источающій неземное питье, въ другой — чаша. На иныхъ изображеніяхъ Геба ласкаетъ Зевсова орла и въ чашѣ подноситъ ему нектаръ.

Храмъ Гебы находился въ греческой области Арголидѣ въ очаровательной рощѣ близъ города Флія. Храмъ этотъ считался спасительнымъ мѣстомъ (убѣжищемъ) для людей, которые укрылись въ него отъ преслѣдованій.

Въ Римѣ у Гебы-Ювентасъ было двѣ часовни: одна въ Капитоліи, другая у большаго ристалища.

ГАНИМЕДЪ.

(См. табл. XI.)

Родъ *Ганимеда*, сына Каллирои и Троса, виденъ вполнѣ изъ словъ Энея, одного изъ героевъ Троянскихъ, когда, выйдя на бой съ Ахиллесомъ, Эней хвалился ему своимъ происхожденіемъ:

«Нашего предка Дардана Зевсъ породилъ Громовержецъ:
«Онъ основатель Дарданіи; сей Иліонъ (т. е. Троя) знаменитый
«Въ полѣ еще не стоялъ, яснорѣчныхъ народовъ обитель.
«Жили еще на погоріяхъ Иды, водами обильной.
«Славный Дарданъ Эриѳонія сына родилъ скиптроносца,
«Мужа, который межъ смертныхъ властителей былъ богатѣйшій.
«Царь Эриѳоній родилъ властелина могучаго Троса.
«Тросомъ дарованы свѣту три знаменитые сына:
«Илъ, Ассаракъ и младый Ганимедъ. небожителямъ равный.
«Истинно былъ на землѣ онъ прекраснѣйшій сынъ человѣковъ!

«Онъ-то богами и взятъ въ небеса виночерпцемъ Зевесу,
«Отрокъ прекрасный, дабы обиталъ середь сонма безсмертныхъ».

(Илліада. Пѣснь XX.)

На фригійское происхожденіе Ганимеда указываетъ на изображеніяхъ его фригійская шапочка; на должность его намекаетъ чаша въ рукѣ его; орелъ же обозначаетъ члена Олимпійскаго общества.

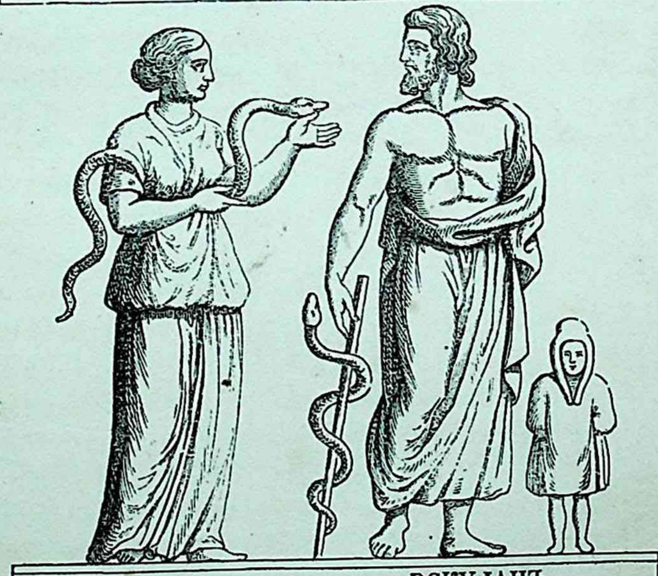
АСКЛЕПІЙ или ЭСКУЛАПЪ.

(См. табл. XV.)

По наиболѣе распространенному преданію *Асклепій* считался сыномъ Аполлона-Пэона и Корониссы, дочери царя Ѳессалійскаго. По матери и Асклепій назывался также *Коронидомъ*. Сраженная стрѣлой Артемиды, Коронисса погибла до рожденія сына, но отецъ спасъ ребенка на гору Пеліонъ и передалъ его искусному врачу Хирону. Послѣдній воспиталъ малютку и научилъ его ловко охотиться въ горахъ и знать тайны врачеванья различныхъ недуговъ. Въ послѣднемъ искусствѣ юный питомецъ развился такъ быстро, что скоро превзошелъ своего наставника, излечая самые тяжелые недуги, исцѣляя чуть не отъ смерти. Уменьшая такимъ образомъ прежде густое населеніе Аида, онъ возбудилъ на себя непримиримый гнѣвъ владыки царства тѣней. По жалобѣ Плутона, Зевсъ вошелъ въ положеніе своего брата и за дерзость,

съ которою отъ смертной рожденный Асклепій отважно охранялъ немощныхъ отъ горькой судьбины, поразилъ знаменитаго врача молніей. Поступокъ этотъ вызвалъ сильное негодованіе Аполлона; послѣдній даже, какъ выше упомянуто, былъ на нѣкоторое время сосланъ съ Олимпа. По смерти Асклепія въ Греціи стали воздавать ему божеское почитаніе. Въ честь ему праздновали *Асклепіи*. Изъ воздвигнутыхъ ему храмовъ знаменитѣйшій былъ *Эпидаврскій* въ Пелопонезѣ. Сюда изъ отдаленнаго Рима, когда въ немъ свирѣпствовала чума, по велѣнью оракула, прибыли десять избранныхъ пословъ. Какъ только ступили они въ храмъ Асклепія; изъ-подъ прекрасной, изъ золота и слоновой кости сдѣланной, статуи бога выползла змѣя, символическое изображеніе самаго бога, и по улицамъ Эпидавра до самой пристани слѣдовала за ними. Послы съ радостью и благоговѣніемъ приняли знаменательное животное къ себѣ на корабль и отплыли съ нимъ въ Италію. Тамъ съ корабля поползла змѣя къ храму Эскулапа, находившемуся въ городѣ Анціумѣ, но снова воротилась на корабль. Когда же корабль двинулся вверхъ по теченію Тибра, змѣя вышла въ послѣдній разъ и осталась на одномъ изъ острововъ этой рѣки. По прекращеніи чумы на этомъ мѣстѣ воздвигли Эскулапу великолѣпный храмъ. Туда приносили больныхъ и исцѣляя ихъ, вкратцѣ записывали на табличкахъ о самой болѣзни и объ исцѣлившемъ ее лекарствѣ; таблички же вѣшали въ обоихъ храмахъ Эскулапа. Этотъ обычай служилъ для послѣдующихъ врачей вразумительнымъ поученіемъ въ ихъ дѣйстві-

МОМУСЪ.

ГИГЕЯ.
ЭСКУЛАПЪ.

Изображали бога врачевства и врачей сидящимъ на тронѣ или просто стоя.

На избранномъ нами изображеніи Эскулапъ представленъ въ видѣ пожилаго, бородатаго мужа, съ важнымъ и благосклоннымъ выраженіемъ лица, въ бѣлой одеждѣ, съ жезломъ, вокругъ котораго вьется змѣя. Иногда кромѣ змѣи изображенъ съ Эскулапомъ пѣтухъ, котораго посвящали этому богу. Змѣя ежегоднымъ обновленіемъ своей кожи означаетъ при богѣ обновленіе здоровья для страждущихъ. Жезлъ въ рукѣ Эскулапа выражаетъ орудіе, сопутствующее ему въ безпрестанныхъ странствованіяхъ его на помощь больнымъ, а чаша, съ которою часто изображаютъ его, есть образъ цѣлебнаго питья (касательно ребенка на изображеніи См. *Телесфоръ*). Выздоравливающіе приносили ему въ жертву пѣтуха. Сократъ *), вы-

*) *Сократъ* величайшій философъ Греческій, жилъ въ половинѣ V вѣка до Р. Х. Ученіе его основано было на чистѣйшихъ правилахъ строгой нравственности. Неуклонно воспитывая въ самомъ себѣ доблести истиннаго гражданина и семьянина, онъ тѣмъ же путемъ совершенствовалъ и въ ученикахъ своихъ вѣрныя понятія объ обязанностяхъ ихъ къ самимъ себѣ, къ религіи, къ обществу и семейству. «Благополучію человѣка, говорилъ Сократъ, много мѣшаютъ потребности его плотской природы. Ограничивай ихъ сколько возможно болѣе, и тебѣ привольнѣе будетъ совершенствовать свой духъ». Въ отношеніи къ обществу убѣжденіе и ученіе Сократа было: «всѣ твои силы, желанія и стремленія, направляй къ тому, чтобы самому быть добродѣтельнымъ и ходить по волѣ безсмертныхъ боговъ; тогда и ты самъ, а за тобою и государства будутъ счастливы. А чтобъ быть добродѣтельнымъ, надо учиться ясно видѣть дурное и хорошее, и послѣдняго держаться, перваго беречься. Жить по правдѣ — единственный путь къ счастію». Въ понятіяхъ о божествѣ Сократъ также достигъ до успокоительныхъ воззрѣній. Углубляясь мыслью въ видимый порядокъ міра, онъ дошелъ до убѣжденія, что въ божествѣ заключаются вмѣстѣ и

пивъ назначенный ему ядъ, также велѣлъ принести въ жертву Эскулапу пѣтуха, показывая этимъ своимъ ученикамъ, что онъ смерти не только не боялся, но видѣлъ въ ней какъ-бы спасеніе, выздоровленіе.

Супругу Эскулапа звали *Эпіоной*, что значитъ: облегчающая. Изъ дѣтей этого бога особеннаго вниманія заслуживаетъ *Гигея*. Асклепія переселили по смерти, какъ это было со многими другими низшими божествами и героями, въ число звѣздъ.

ГИГЕЯ или ГИГІЕЯ.

(См. Табл. XV.)

По однимъ сказаніямъ богиня эта — дочь, а по другимъ жена Эскулапа. Ее почитали богиней здоровья. Миѳъ о *Гигеѣ* есть какъ бы продолженіе миѳа объ Аполлонѣ-Пэонъ, такъ какъ врачева-

---

высочайшій разумъ и высочайшая благость; душа же человѣческая въ своей дѣятельности подобна божеству. «Смерть, говорилъ Сократъ, есть или ни чѣмъ ненарушимый, кроткій, безконечный покой, или же счастливое сближеніе съ прежде-отшедшими мудрыми и доблестными людьми». Понятно, что ученіе человѣка, который всенародно обличалъ въ людяхъ неправду и не скрывалъ радости, когда могъ заронить въ кого-либо жажду истинной мудрости, не могло не возбудить противъ него зависти и злобы большинства населенія, уже утратившаго много изъ первоначальныхъ своихъ нравственныхъ доблестей. Такъ и случилось. Злоба и клевета изобрѣли обвиненіе Сократу. «Онъ распространяетъ *свои* понятія о божествѣ и добродѣтели и развращаетъ юношество. За это онъ заслуживаетъ смерть». Такъ рѣшило и судилище Аѳинское. Сократъ умеръ съ такимъ же достоинствомъ, съ какимъ жилъ и училъ.

Прим. перевод.

ніе послѣдняго тоже ведетъ къ возстановленію потеряннаго здоровья.

Ее изображали въ видѣ свѣжей, смѣющейся дѣвы, одѣтой до̀-верху и съ змѣей, которая и тутъ обозначаетъ тоже самое, что и при Эскулапѣ. Иногда же въ рукѣ у богини символическая чаша здравія.

На иныхъ изображеніяхъ богиня въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ вѣтвей или разныхъ цѣлебныхъ травъ; змѣя же извивается вокругъ руки или тѣла.

МЕДИТРИНА.

Считалась у Римлянъ сестрой Гигеи, т. е. также богиней здоровья. Ей въ честь праздновали въ Римѣ *Медитриналіи*, ежегодно въ началѣ Октября. Праздникъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что отвѣдывая въ одно время новаго вина и стараго, произносили торжественно: „пью новое и старое вино; пусть новое здоровье замѣнитъ старую болѣзнь."

Обѣихъ сестеръ различали такимъ образомъ: Гигея поддерживаетъ здоровье и не даетъ заболѣть, а Медитрина возстановляетъ его послѣ болѣзни.

Греческая богиня *Язо* кажется имѣла у Грековъ тоже значеніе, что Медитрина у Римлянъ.

ТЕЛЕСФОРЪ.

(См Табл. XV).

Телесфора почитали геніемъ, представителемъ или даже божествомъ, олицетворяющимъ ту скрытую, таинственную силу здоровья, которая предохраняетъ выздоровѣвшихъ отъ несчастія впадать снова въ тѣ же недуги. Его представляли себѣ чѣмъ-то вспомогательнымъ при Эскулапѣ или среднимъ между Эскулапомъ и Гигіеей. Его изображали при Эскулапѣ (См. выше: Эскулапъ) въ видѣ маленькаго, босоногаго мальчика, укутаннаго на подобіе муміи, и въ шапкѣ, изображающаго этими принадлежностями костюма скрытую и таинственную силу, которой Телесфоръ является олицетвореніемъ. Телесфоръ пользовался особеннымъ уваженіемъ по берегамъ Малой Азіи. Ему съ-родни *Эамиріонъ*, Демонъ „отраднаго дня", то есть дня счастливаго перелома болѣзни.

ТИХЕЯ или ФОРТУНА.

(См. Табл. XVII).

Уже въ древнѣйшія времена замѣтили, что часто случай имѣетъ благопріятное или вредоносное вліяніе на благополучіе и судьбу человѣка. Эту идею олицетворили богиней случайнаго счастія. Сначала это качество придано богинѣ Гекатѣ, а потомъ для него изобрѣли особенное божество:

Греки — *Тихею*, Римляне — *Фортуну*, и произвели ее отъ Зевса, а величали ее сестрою Паркъ (См. ниже: Парки). По вѣрованію древнихъ, она управляла судьбою людей, счастливой и несчастной. Въ этомъ смыслѣ на изображеніяхъ Тихея-Фортуна представлена съ двойнымъ рулемъ въ рукѣ. Здѣсь видимымъ образомъ представлена та мысль древнихъ, что довольно повернуться непрочной ладьѣ богининой вправо или влѣво, чтобы въ судьбѣ человѣка почувствовался приливъ или отливъ случайнаго счастья. Впослѣдствіи стали изображать богиню эту съ крыльями, съ повязкой на глазахъ и скользящей на шарѣ или колесѣ. Такимъ образомъ выражена мысль, что слѣпое счастье случая проносится быстро какъ шаръ или колесо, и невидя, какъ выбрать достойныхъ, просыпаетъ гдѣ и сколько придется: тому нужды и страданія, а этому богатство и наслажденія. Иногда богиня изображена съ шаромъ на головѣ. Римляне изображали Фортуну безъ шара и крыльевъ, а только съ рогомъ изобилія, давая этимъ знать, что имъ пріятны всѣ случайныя блага, но не измѣнчивость и непрочность ихъ.

Мы избрали то изображеніе Тихеи-Фортуны, гдѣ богиня представлена съ рогомъ изобилія въ одной рукѣ; другою же держитъ двойное кормило хотя и твердо, но шаръ, служащій ему опорою, символически выражаетъ легкую измѣнчивость направленія его.

Во многихъ мѣстностяхъ Греціи усердно почитали Тихею. Въ особенности Аѳиняне представля-

ли себѣ, что она безотлучно покровительствуетъ имъ.

У Римлянъ почитаніе Фортуны также было очень распространено, въ особенности усердствовали къ ней новобрачныя жены. Впрочемъ 24 Іюня былъ богинѣ и всенародный праздникъ. Оракулы богини, находившіеся въ Итальянскихъ городкахъ Анціумѣ и Пренестѣ, пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ.

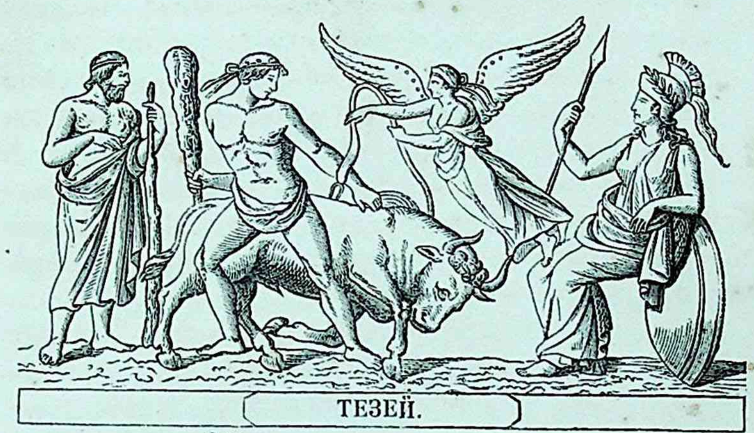
НИКА или ВИКТОРІЯ.

(См. Табл. XXV).

Эту богиню побѣды Римляне изображали съ крыльями, стоящею на шарѣ, въ волнистыхъ одеждахъ и съ пальмовой вѣтвью въ одной рукѣ, а вѣнкомъ въ другой. Впрочемъ, смотря по тому, на сушѣ или на морѣ побѣда, богиню изображали съ соотвѣтствующими случаю аттрибутами.

Греки считали *Нику* дочерью Гиганта Палласа и Нимфы-Океаниды Стиксы. Нику представляли безотлучно при Зевсѣ и при Аѳинѣ. Сначала изображали ее безъ крыльевъ. Аттрибуты ея у Грековъ: пальма, вѣнокъ и оружіе или же полное вооруженіе. Нерѣдко, въ знакъ державства побѣднаго, она изображается съ жезломъ Гермеса и въ такомъ видѣ или распростерши крылья паритъ въ воздухѣ или же съ развѣвающимися одеждами спускается къ землѣ. Богиня то манитъ къ славѣ побѣдителя, то паритъ надъ нимъ, готовясь вѣн-

XXV.

ТЕЗЕЙ.

ЛАОКООНЪ.

чать его доблесть, или же направляетъ въ бою его колесницу или наконецъ шествуетъ съ героемъ къ побѣдному торжеству.

ИРЕНА или ПАКСЪ.

У Грековъ и Римлянъ почиталась богинею мира. Ее изображали также какъ и Нику-Викторію съ пальмовой вѣтвью. При этомъ богиня ступаетъ ногою на вооруженіе или на связку оружія или же наконецъ затворяетъ двери Янусова храма. *Ирена* считалась у Грековъ одной изъ Горъ, и при томъ самой веселой. Въ Римѣ былъ богинѣ Паксъ храмъ, а ежегодно 30 Января торжественный праздникъ.

ФАТУМЪ.

Греки звали ее *Ананке*. Ею олицетворяли ту идею, что будто въ силу какой-то неизбѣжной необходимости судьба людей и событія міра заранѣе предопредѣлены. Сами боги подчинены были неодолимымъ опредѣленіямъ Фатума-Судьбы (См. выше: Введеніе и Зевсъ). Въ миѳѣ о Фатумѣ-Судьбѣ богиня эта считалась дѣтищемъ Ночи и Эреба. Парки были исполнительницами велѣній судьбы и хотя и сами почитались богинями судьбы, но Фатумъ все таки въ представленіи древнихъ считалась верховной, неумолимой рѣшительницей.

Богиню изображали съ урною жребіевъ въ рукѣ и стоящей на выпуклости земной.

МЭРА и МЭРЫ или ПАРКИ.

Въ древнѣйшее время въ лицѣ одной *Мэры* была выражена идея предстательницы міроваго порядка, основаннаго на непреложномъ разумѣ и справедливости, порядка, которому поэтому подчинены были и самые боги, котораго измѣнить не могъ даже верховный владыка Олимпійскихъ божествъ, такъ какъ въ своемъ качествѣ владыки боговъ онъ не могъ пожелать ничего противнаго высочайшему разуму. Впослѣдствіи древніе развили эту идею относительно судьбы и жизни человѣка и выразили ее въ трехъ образахъ, соотвѣтствующихъ тремъ главнымъ частямъ жизни человѣка: началу (рожденію), срединѣ (развитію жизни) и концу (смерти). Такъ у Грековъ явились три Мэры, а у Римлянъ отвѣчающія имъ три Парки. Въ этомъ образѣ Мэры представляются уже не высшими божествами, подчиненными, по примѣру прочихъ подобныхъ силъ міроуправленія, верховному Зевсу, но просто какъ божества, подвластныя велѣніямъ Зевса, въ которомъ одномъ по вѣрованью древнихъ обитаетъ вѣчный разумъ и вѣчное право. Поэтому Зевсъ и называется также *Мэрагетомъ* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Аполлонъ называется Музагетомъ.

Мэръ считали дочерьми Ночи, выражая этимъ мракъ, покрывающій судьбу человѣка; ихъ считали и дочерьми Зевса и Ѳемиды, обозначая этимъ дѣтей праведнаго неба. По нѣкоторымъ же сказаніямъ Мэры соединили Зевса съ Ѳемидой, а по

другимъ — съ самой Герой. Очень естественно, что къ нимъ обращались и имъ воздавали особенно ревностное почитаніе при бракосочетаніяхъ и рожденіяхъ дѣтей, такъ какъ вліяніе этихъ богинь судьбы считали весьма значительнымъ въ такіе моменты жизни человѣка.

Парокъ считали три (сестры). Ихъ имена: ***Клоѳа***, ***Лахезія*** и ***Атропа***. Вліяніе и значеніе ихъ въ жизни человѣческой Римляне выражали въ образѣ нити, которую пряли Парки человѣку отъ самаго его рожденія. Нить эта была кому изъ золота, кому изъ серебра, а кому и изъ шерсти. Занятіе это такъ было распредѣлено между тремя сестрами: Клоѳа, младшая, приготовляла на веретенѣ пряжу, Лахезія — вытягивала нить, а Атропа, старшая, отрѣзывала, когда приходилось человѣку умирать.

Въ тѣсной связи съ Парками находилась Греко-Римская Тихея-Фортуна. Иные даже смотрѣли на послѣднюю какъ на четвертую Парку. Поводъ къ этому смѣшенію представлялся въ томъ, что эта богиня означала измѣнчивость судьбы, а эта послѣдняя въ своемъ основаніи нераздѣльна съ идеей, олицетворенной Парками. Что Парки въ войну Зевса съ Гигантами, особенно съ чудовищемъ Тиѳономъ, стояли на сторонѣ Зевса, это совершенно понятно, ибо, олицетворяя собою божественныя опредѣленія Зевса, не могли Парки быть равнодушными къ чьему бы ни было стремленію нарушить эти опредѣленія.

Изображались Парки всегда въ видѣ дѣвъ, неразлучно и глубокомысленно занятыхъ своимъ

обычнымъ дѣломъ: Клоѳа спускаетъ съ веретена нить жизни; Лахезія развиваетъ ее или же читаетъ на небесномъ глобусѣ гороскопъ человѣка, то есть то, что предопредѣлено ему въ жизни; Атропа, съ ножницами въ рукахъ, готовится отрѣзывать нить. Въ Греціи и Италіи съ безмолвнымъ трепетомъ воздавалось поклоненіе этимъ неумолимымъ богинямъ и приносимы были въ жертву имъ медъ, цвѣты или же недавно объягнившіяся овцы. Въ Спартѣ и Римѣ находились храмы и жертвенники этихъ богинь.

НЕМЕЗИДА.

Немезиду называли также *Адрастой*, а по главному мѣсту ея почитанія, Аттическому Рамну, — ***Рамнузіей***. Мстительница, неумолимая карательница всякой неправды, Немезида олицетворяла собою идею правосуднаго воздаянія и потому изображеніе богини предсѣдательствовало въ судилищахъ. Въ ней видѣло вѣрованье древнихъ грозную таинственную силу, которая вездѣ въ нравственномъ мірѣ стремится снова внести нарушенный порядокъ: поступки людей направляетъ ко благу, караетъ нечестіе, сокрушаетъ благополучіе недостойныхъ, на главу беззаконныхъ обрушиваетъ послѣдствія ихъ собственныхъ преступленій и повсюду возстановляетъ нравственное равновѣсіе. Олицетвореніе этой идеи нравственнаго правосудія Греки изображали въ видѣ прекрасно-величественной, задумчивой .женщины, въ коронѣ или съ

крыльями, или же въ колесницѣ, запряженной грифонами. Аттрибуты ея, весьма различные, всѣ выражали символически или быстроту или строгость рѣшеній Немезиды: тутъ были колесо, вѣсы, локоть (См. выше: примѣч. на стр. 84), узда или иго, весло, бичъ или мечъ. Ежегодно въ Аѳинахъ и Смирнѣ въ честь богини праздновались *Немезеи* и при нихъ приносимы были умилостивительныя жертвы, чтобъ упрочить себѣ благоволеніе богини. Римляне заняли это божество у Грековъ и помѣстили святилище его въ Капитоліи, чтобы уничтожить въ обществѣ слѣдствія зависти.

О происхожденіи Немезиды преданія повѣствовали различно: то Океана или Эреба считали ея отцомъ; то Зевса — возлюбленнымъ, а Гелену — дочерью отъ этого нѣжнаго союза.

По преданію, у Немезиды было три исполнительницы приговоровъ, богини: *Дика*, *Пэна* и *Эриниса* (правосудіе, наказаніе, месть). Какъ ни грозна была для виновныхъ Немезида, а въ ней вѣрованье древнихъ видѣло начало любви, ибо на этой-то последней и основывало стремленіе богини повсюду въ человѣчествѣ уравновѣшивать нарушенное нравственное благополучіе. Поэтому въ вѣрованіи древнихъ Немезида представлена нераздѣльно съ Харитами. Въ Смирнѣ почитали въ духѣ Немезиды многихъ крылатыхъ Демоновъ.

ЭРИСА.

Римляне называли ее *Дискордіей*. Это было божество раздора. Эрису другіе боги употребляли

для возбужденія между людьми распри и кровопролитія. Она вызвала ссору между богинями Герой, Аѳиной и Афродитой, бросивши имъ на распрю на пирѣ Пелейя золотое яблоко (См. Афродита и потомъ еще: Пелей).

Ее изображали въ видѣ и со всѣми ужасными аттрибутами Эринній (См. ниже), съ которыми вмѣстѣ и пребывала она въ царствѣ тѣней. Вотъ какъ очерчиваетъ ея свойства и отношенія къ Арею-Марсу Гомеръ въ Илліадѣ (*Пѣснь IV*):

«Несытая бѣшенствомъ Распря.
«Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга,
«Малая въ самомъ началѣ, она пресмыкается; послѣ
«Въ небо уходитъ главой, а стопами касается дола».

ЭНІО и БЕЛЛОНА.

У Римлянъ была только одна богиня войны: *Беллона.* Ее представляли то сестрой, то супругою Марса. Точно въ такомъ же отношеніи къ Арею стояла у Грековъ *Эніо.*

«Грозная, слѣдомъ вѣдущая бранный мятежъ безпредѣльный.»

Поэтому и Арея называли между прочимъ *Эніалій.* Эніо мчитъ колесницу опустошительнаго бога и устремляетъ его, повсюду распространяя смерть и огонь. Отъ Паллады-Минервы отличается суровая и дикая Эніо тѣмъ, свойственнымъ ей, качествомъ, въ силу котораго на полѣ битвы вокругъ ея разливается ярость и ужасъ. Ее изображали въ видѣ свирѣпой женщины, съ разметан-

ными по воздуху волосами, въ полномъ вооруженіи, съ кровавымъ бичемъ въ одной рукѣ и устремленнымъ копьемъ въ другой. Извѣстнѣйшій храмъ ея находился въ Команѣ, городѣ Понта (Мало-Азійскаго). Аппій Клавдій, послѣ войны Римлянъ съ Самнитянами, построилъ богинѣ этой храмъ въ Римѣ. Сюда собирался Сенатъ для переговоровъ съ непріязненными послами или для обсужденія того, кому изъ двухъ возвращавшихся послѣ побѣды военачальниковъ устроить торжественный въѣздъ въ столицу. При входѣ въ храмъ находилась статуя Эніо, въ присутствіи которой всенародное объявленіе войны выражалось пущеннымъ копьемъ. Копье направлялось черезъ статую, то есть какъ бы за предѣлы Римскаго владычества, въ непріятельскій станъ. Богинѣ Эніо посвящены были особыя празднества съ дикими восклицаніями и тѣлодвиженіями. Жрецовъ этой богини въ Римѣ называли *Беллонаріями*.

ФЕМЕ или ФАМА.

Въ ней древніе олицетворили слухи, молву, какова бы ни была послѣдняя: хорошая или дурная. По вѣрованью древнихъ, послѣ того, какъ Гиганты ниспровержены божествами, земля въ гнѣвѣ произвела на свѣтъ Фаму и дала ей неусыпную бодрость всюду подглядывать и подмѣчать; и дала ей неутомимыя ноги разносить сначала въ небольшомъ кругу людей и вполголоса собранныя вѣсти, а потомъ громко и по всему свѣту трубить про

слышанное или подмѣченное. Ее изображали женщиной пріятной на видъ, съ крыльями за плечами и съ трубой вѣстовою въ рукѣ.

АТЕ.

Богиня обиды, ослѣпленія и вообще всякой немощи тѣлесной и нравственной, увлекающая людей только къ такимъ поступкамъ, отъ которыхъ имъ неизбѣжный вредъ. Зевсъ, произведшій Ате, въ гнѣвѣ на свое чадо, сбросилъ ее съ Олимпа, и съ тѣхъ поръ скитается она на землѣ и неутомимо ищетъ себѣ между людьми жертвы, радуясь, если удастся ей совратить кого-либо съ истиннаго пути. У ней были сестры,

ЛИТЫ.

Литы выражали покаяніе и *молитвы*, исцѣлявшія тотъ вредъ, который наносила на землѣ промежъ людей горькая сестра ихъ. О значеніи въ жизни благодѣтельныхъ, всеисцѣляющихъ Литъ и бѣдствіяхъ отъ сестры ихъ такъ говорится въ Илліадѣ (*Пѣснь IX*):

«И боговъ приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ,
«Винъ возліяньемъ и дымомъ кюреній смягчаетъ и гнѣвныхъ
«Смертный молящій, когда онъ предъ ними виновенъ и грѣшенъ.

«Такъ — Молитвы, смиренныя дщери великаго Зевса,
«Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косыя,

«Вслѣдъ за Обидой онѣ непрестанно заботныя ходятъ.
«Но обида могуча, ногами быстра; передъ ними
«Мчится далеко впередъ, и по всей ихъ землѣ упреждая,
«Смертныхъ язвитъ· а Молитвы спѣшатъ исцѣлять уязвленныхъ.
«Кто принимаетъ почтительно Зевсовыхъ дщерей прибѣжныхъ,
«Много тому помогаютъ и скоро молящемусь внемлютъ.
«Ктожъ презираетъ богинь и душею суровъ, отвергаетъ;
«Къ Зевсу прибѣгнувъ онѣ умоляютъ отца, да Обида
«Ходитъ за нимъ по слѣдамъ и его уязвляя накажетъ».

Итакъ, Греки образно выразили въ Атѣ и Литахъ даже самыя послѣдствія дѣлъ человѣческихъ.

ЭРИННІИ или ФУРІИ.

Ихъ называли еще: *Дирэ*, *Эвмениды*, *Семнаи*, а считали, по однимъ сказаніямъ, дочерьми Ночи, а по другимъ чадами земли и мрака, или же Кроноса и Эвриномы. Эринніи-Фуріи пребывали при входѣ въ подземное царство и, исполняя повелѣнія Плутона и Прозерпины, терзали тѣхъ изъ умершихъ, которые, надѣлавши во время земной жизни много зла, вступили въ обитель тѣней, непримирившись съ разгнѣванными божествами. Фуріи являлись и въ міръ живущихъ людей, чтобъ по назначенію верховныхъ божествъ или самой Немезиды мучить злодѣевъ.

Ужасный примѣръ мученій Эринніи виденъ на Орестѣ, сынѣ Микенскаго царя Агамемнона. Орестъ въ отмщеніе смерти отца своего убилъ мать свою Клитемнестру. Боги не оправдали коварства жены Агамемнона, но не простили и мести сыновней. Фуріи терзали несчастнаго до тѣхъ поръ, пока, по-

слушавши оракула Аполлонова, онъ не привезъ изъ Тавриды въ Аргосъ изображеніе Діаны Таврической. Тутъ свирѣпыя сестры покинули Ореста. (См. ниже: о герояхъ).

Число Эринній въ древнее время не было опредѣлено; впослѣдствіи ихъ считали три. Вотъ ихъ имена. ***Тизифопа*** (яростно-мстящая), ***Алекто*** (неутомимо-терзающая) и ***Мегера*** (свирѣпая). Представляли ихъ первоначально въ образѣ женщинъ отвратительной наружности и взгляда, въ черныхъ одеждахъ и съ такими же крыльями; вмѣсто волосъ на головѣ змѣи, въ рукахъ же ножи, плети, змѣиные бичи или горящіе факелы. Позже стали изображать Фурій въ видѣ молодыхъ, красивыхъ дѣвъ, съ важно-задумчивымъ видомъ и въ короткомъ платьѣ, похожемъ на охотничье Артемидино. Въ религіозномъ представленіи древнихъ число Фурій не было опредѣлено: въ степени же напряженности мученій видѣли или одиночную или совокупную дѣятельность страшныхъ богинь. Мы говоримъ: страшныхъ, потому что древніе трепетали Фурій, олицетворявшихъ для нихъ, какъ видите, терзанія нечистой совѣсти.

А между тѣмъ и въ Фуріяхъ проведено божественное начало, ибо онѣ преслѣдуютъ и мстятъ за забвеніе долга и вѣрности, за нарушеніе клятвъ и преступленія противъ родителей; слѣдовательно онѣ, хотя и свирѣпыя въ своихъ проявленіяхъ, служатъ истинѣ и добру. Поэтому ихъ и почитали ***Эвменидами***, то есть благосклонными, и ***Семпаями***, т. е. достойными уваженія. Жертвы Эринніямъ-Фуріямъ приносили въ темныхъ мѣстахъ или

же ночью, и съ трепетомъ наблюдали всѣ малѣйшія предписанныя при жертвоприношеніяхъ правила. Животныя, приносимыя въ жертву, были также черныя. Въ Греціи было посвящено Эринніямъ нѣсколько храмовъ и темныхъ рощей, въ особенности же у Аѳинянъ одно мѣсто близъ села Колона.

ГАРПІИ.

Древніе видѣли въ *Гарпіяхъ* страшныхъ богинь, посылаемыхъ другими божествами для наказанія преступниковъ. Первоначально же въ нихъ олицетворяли свирѣпую бурю, которая, все сокрушая на пути своемъ, оставляетъ по себѣ лишь зло и погибель. Было три ужасныхъ богини: ***Аэлло***, ***Окипета*** и ***Келано*** или ***Подарга***. Ихъ производили отъ исполина Ѳаума и Нимфы-Океаниды Электры. Ихъ изображали въ видѣ крылатыхъ, мертвенно-блѣдныхъ, свирѣпыхъ дѣвъ; орлиные когти на рукахъ; нижняя часть тѣла, напоминающая коршуна, оканчивается на подобіе змѣи.

Несчастныхъ, въ наказаніе которымъ онѣ ниспосылались, Гарпіи мучили особенно тѣмъ, что съ ненасытною жадностью похищали у нихъ всякую пищу, тутъ же пожирая ее или, если не могли этого, то пачкая ее грязью и всякой нечистотой. Такъ они карали Финея, царя Ѳракійскаго за его жестокосердіе къ сыну и нечестіе въ дѣлѣ религіи. Онъ освобожденъ былъ отъ нихъ только за то, что указалъ путь Аргонавтамъ въ Колхиду: находившіеся среди Аргонавтовъ крылатыя дѣти Борея: Калаисъ и Цетъ, умертвили Гарпій.

ГОРГОНЫ.

Горгонами назывались три сестры: *Сѳеино*, *Эвріала* и *Медуза*, дочери Форкиса и Кеты. Въ древнѣйшія времена принимали только одну Горгону, исчадье Аида, и представляли ее знаменьемъ Зевсова Эгида. Позже представили и ихъ, какъ и Парокъ, три: двѣ безсмертныхъ, послѣдняя же Медуза, самая молодая и прекрасная изъ трехъ, смертная. Медуза чувствовала такое влеченіе къ Посейдону, что не побоялась въ храмѣ Аѳины засвидѣтельствовать о своей страсти. Богиня, разсвидѣтельствовать о своей страсти. Богиня, раздраженная такимъ преступленіемъ противъ святости ея храма, превратила въ змѣй прекрасные волосы Медузы. Съ тѣхъ поръ, прежде пріятная, Медуза стала на видъ страшнѣе и свирѣпѣе своихъ старшихъ сестеръ. Персей, заставши однажды чудовище спящимъ, отважно приблизился и отсѣкъ голову Медузѣ. Подаренная Аѳинѣ, она была укрѣплена богиней въ передней части Эгида ея; съ тѣхъ поръ предъ ея страшнымъ образомъ никакія силы въ бою не могли держаться: ихъ превращалъ въ камень одинъ взглядъ на чудовище. Послѣднее обстоятельство вначалѣ конечно выражало только свойство безграничнаго ужаса, наводимаго видомъ Горгоны на эгидѣ Аѳины, ужаса, отъ котораго леденѣютъ у пораженныхъ имъ способности и цѣпенѣютъ члены; впослѣдствіи же стали понимать его буквально.

У древнихъ Греческихъ и Римскихъ поэтовъ Горгоны являются въ видѣ отвратительныхъ ста-

рухъ и обыкновенно въ товариществѣ съ Фуріями. Иногда представляли вмѣсто трехъ одну Горгону; тогда разумѣли Медузу. Съ Посейдономъ Медуза произвела на свѣтъ крылатаго Пегаса.

ГРЕИ

были дочери морскаго божества Форкиса и Кеты. Ихъ звали: *Деина*, *Пефреда* и *Энiо* (то есть страхъ, содроганіе, ужасъ). Ихъ считали сестрами и въ тоже время служительницами Горгонъ. Не менѣе послѣднихъ снабжало и Грей народное представленіе всѣми аттрибутами, внушающими страхъ или отвращеніе, и между прочимъ старческими сѣдинами съ самаго рожденія и только однимъ глазомъ и однимъ зубомъ въ общее владѣніе всѣмъ тремъ. Въ жилище этимъ страшнымъ вѣдьмамъ отводили мрачную пещеру у самаго входа въ Тартаръ. Очень вѣроятно, что онѣ оттого стали людямъ съ самаго начала не менѣе Горгонъ непріязненными и опасными, что олицетворяли собою (судя по значенію общаго имени богинь: Грей) густые, *сѣдые* туманы, въ которыхъ такъ легко судну попасть на мель или разбиться о скалы. Персей, отправившись на Горгонъ, отнялъ у Грей ихъ единственный глазъ и возвратилъ имъ его тогда лишь, когда онѣ указали ему путь въ жилище Горгонъ.

НИКСЪ или НОКСЪ.

(Ночь.)

Вы помните изъ предъидущаго, что *Никсъ* или *Ноксъ* была дочь Хаоса. Супругу своему Эребу (Мраку) она родила *Эѳира* (ясный воздухъ) и *Имеру* (день). Никсъ или Ночь въ древнѣйшей миѳологіи представляется основною причиною вещей, а причинъ этихъ принимали семь: огонь, землю, воду, небо, солнце, ночь и луну.

Понятно поэтому благоговѣніе, которое имѣли древніе къ ночи. Гомеръ, повѣствуя о томъ, какъ Сонъ устрашился приглашенія Геры вступить къ ней въ замыслы противъ Зевса, такія слова влагаетъ въ уста Сну (*Илліада. Пѣснь XIV*):

«Помню, меня онъ (то есть Зевсъ) и прежде своей образумилъ грозою
— — — — — — — — — — и на гибель съ неба забросилъ бы въ море,
«Еслибы Ночь не спасла, и безсмертныхъ и смертныхъ царица.
«Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротился, какъ ни былъ разгнѣванъ,
«Зевсъ-молнелюбецъ: священную Ночь оскорбить онъ страшился.»

Подвижное, живое воображеніе древнихъ развило болѣе идею темной богини; и вотъ — все невѣдомое, неясное, тревожное, а за ними скорби, болѣзни и грезы, злой рокъ и раздоръ, война и убійство, сонъ и смерть, олицетворили для древнихъ

потомство этой богини. *Порожденіемъ Ночи* всѣхъ ихъ звали.

По вѣрованью древнихъ, палаты богини, расположенныя въ подземномъ мірѣ, видѣли свою владычицу лишь тогда, когда она не опасалась встрѣтиться съ свѣтлымъ днемъ. При приближеньи его она удалялась по небу въ черной колесницѣ, запряженной такими же конями и въ сопровожденіи звѣзднаго сонма.

Ее изображали въ видѣ юной и важной женщины въ черной колесницѣ, въ одеждахъ, ниспадающихъ до низу, и съ звѣзднымъ покровомъ на головѣ; въ рукахъ опрокинутый погашенный факелъ и двое малютокъ: бѣлый и черный. Первый изображаетъ сонъ, второй — смерть;

ГИПНОСЪ или СОМНУСЪ.

(Сонъ.)

Первое названіе Греческое, второе — Римское. Сынъ Ночи, близнечный братъ Смерти (Ѳаната).

«Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей, всѣхъ земнородныхъ»

жилъ съ матерью и братомъ въ глубокомъ подземномъ мракѣ, у самаго входа въ Тартаръ. Его представляли себѣ благодѣтелемъ, ибо онъ живительнымъ отдыхомъ смѣняетъ утомленіе и проливаетъ сладкій покой въ измученную душу. Изображали его очень различно: то нагимъ, то въ легкой

одеждѣ; то стоя, то широко-шагающимъ, то глубоко-спящимъ; то въ видѣ крѣпкаго юноши, сыплющаго изъ маковыхъ головъ или изъ соннаго рога благодѣянія сна на утомленныхъ людей; то въ видѣ дитяти или почтеннаго старца съ сѣдой бородой. На головѣ его часто изображали крылышки. Его самого иногда представляли съ крыльями орла или бабочки, или же вовсе безъ крыльевъ. Изображеніе этого божества обыкновенно сопровождается ящерицей. За грезы, ниспосылаемыя этимъ божествомъ въ сновидѣніяхъ людямъ, Гипносъ почитался любимцемъ Музъ. На одномъ древнемъ изображеніи Гипносъ въ видѣ сѣдовласаго полуодѣтаго старца держитъ у себя на колѣняхъ спящаго Эндиміона; на другомъ онъ изображенъ нагимъ и съ крылатой головой.

ОНИРОСЪ и МОРФЕЙ.

Въ *Онирось* олицетворено представленіе самихъ сновидѣній, а въ *Морфеѣ* представленіе устроителя ихъ. Ониросъ является двойственнымъ, смотря по тому, каковы сновидѣнія, приходящія отъ него: обманчивыя или нѣтъ. И тѣ, и другія посылались изъ палатъ Онироса, расположенныхъ на западѣ океана; только первыя выходили вратами слоновой кости, послѣднія — вратами роговыми. И тѣхъ и другихъ звали дѣтьми Ночи, а иногда дѣтьми Сна. Сновидѣнія эти состояли во власти верховныхъ боговъ, которые по произволу ниспосылали то тѣ,

то другія на спящихъ людей. Такъ Зевсъ предводителю Греческихъ ратей подъ Троей, Агамемнону, въ отмщенье за обиду, нанесенную имъ одному изъ подвижниковъ своихъ, Ахиллесу, послалъ обманчивый Сонъ, говоря ему (*Илліада. Пѣснь II*):

«Мчися, обманчивый Сонъ, къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ;
«Вниди подъ сѣнь и явись Агамемнону, сыну Атрея,
«Все ты ему возвѣсти и непремѣнно, какъ я завѣщаю:
«Въ бой вести самому повели кудреглавыхъ Данаевъ
«Всѣ ополченія. Нынѣ, вѣщай, завоюетъ Троянскій
«Градъ многолюдный: уже на Олимпѣ имущіе домы
«Боги не мнятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
«Гера своею мольбой; и надъ Троею носится гибель».
— Рекъ онъ, и Сонъ отлетѣлъ, повелѣнію Зевса покорный. —

Исполнивши приказаніе Зевса, обманчивый Сонъ прибавилъ спящему Агамемнону:

«Помни глаголы мои, сохраняй на душѣ, и страшися
«Ихъ позабыть, какъ тебя оставитъ Сонъ благотворный».
— Такъ говоря, отлетѣлъ и оставилъ Атреева сына,
«Сердце предавшаго думамъ, которымъ не суждено сбыться.
«Думалъ, что въ тотъ же онъ день завоюетъ Пріамову Трою.
«Смертный безумный! не вѣдалъ онъ дѣлъ, устрояемыхъ Зевсомъ.»

(Въ приведенномъ же мѣстѣ изъ Илліады чувствительна разница между Сномъ обманчивымъ и Сномъ благотворнымъ: первый навѣялъ видѣнія несбыточныя, второй возвратилъ силы, утомленныя дневными трудами).

По другимъ представленіямъ Морфея считали стражемъ или правителемъ сновидѣній въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Эолъ считался стражемъ и по-

велителемъ Вѣтровъ. Имя Морфея употреблялось, впрочемъ, вообще, какъ имя бога, дающаго сновидѣньямъ ихъ зыбкія, прихотливыя формы. При Морфеѣ представляли себѣ еще нѣсколько, содѣйствующихъ ему, второстепенныхъ божествъ: *Икелосъ*, уподобляющій сновидѣнія дѣйствительности; *Фобеторъ*, вносящій въ нихъ ужасъ; *Фантазасъ*, чарующій спящихъ безконечными, обманчивыми призраками.

МОМУСЪ.

(См. табл. XV.)

Момусъ, сынъ Ночи, богъ пересудовъ, повсюду любилъ выискивать предметы для осужденія и — будь это дѣло самихъ безсмертныхъ — прибавить свое замѣчаніе или насмѣшку. Такъ, напримѣръ, подшучивалъ онъ надъ Прометеевымъ человѣкомъ, что Прометей не продѣлалъ своему произведенію отверстія въ груди, чтобъ можно было видѣть сквозь него чувства и побужденія этого новаго созданія. Только въ одной Афродитѣ онъ не нашелъ ничего, надъ чѣмъ можно было бы подтрунить и говорятъ, что Момусъ былъ въ ужасной досадѣ отъ этой неудачи.

Неизвѣстно, какъ древніе изображали это божество. У позднѣйшихъ же художниковъ, какъ показываетъ и избранная нами таблица, Момусъ является въ видѣ пожилаго человѣка въ шутовской шапкѣ и съ такимъ же жезломъ.

ѲАНАТОСЪ или МОРСЪ.

(Смерть.)

Богъ смерти, такъ же какъ и Сонъ, называемый сыномъ Ночи, по своей неумолимой строгости, былъ предметомъ ужаса для смертныхъ и даже боговъ. Его называли также сыномъ Земли и Тартара, должно быть потому, что по вѣрованью древнихъ, человѣкъ посредствомъ смерти входилъ въ неразрывный и тѣсный союзъ съ землей и съ міромъ подземнымъ.

Какъ ни велики были жесткость и суровость, которыми запечатлѣвали древніе характеръ этого божества, но все таки у нихъ смерть никогда не изображалась въ видѣ возмутительнаго скелета съ косой. У нихъ напротивъ было нѣсколько разныхъ изображеній смерти и каждое изъ нихъ было въ полномъ соотвѣтствіи съ глубиной представленія и духомъ того времени, когда оно явилось. Кромѣ того изображенія (въ видѣ черн аго ребенка), о которомъ мы упоминали, говоря о Ночи, смерть изображали еще въ видѣ необыкновенно-сильнаго мужа съ суровой бородой, дикимъ выраженіемъ и съ двумя огромными крыльями за спиной. Въ такомъ видѣ божество очень похоже на свирѣпаго Борея, съ сѣвера наносящаго бурные вѣтры. Въ этомъ образѣ древніе выразили ту идею, что смерть нежданно и неумолимо выхватываетъ свою жертву изъ міра живущихъ и увлекаетъ ее *на вѣки* —

какъ думали древніе — въ другой міръ, невѣдомый и безотвѣтный.

За этимъ изображеніемъ слѣдуютъ еще два, несравненно дружелюбнѣе первыхъ. Они и у древнихъ употреблялись сравнительно съ первыми гораздо чаще и намъ гораздо извѣстнѣе и понятнѣе. На первомъ смерть изображали въ видѣ крылатаго юноши съ кротко-печальнымъ выраженіемъ взгляда и съ погашеннымъ въ рукѣ свѣтильникомъ. Юноша изображался возлѣ урны, обвитой вѣнками. На второмъ древніе изображали въ смерти идею вѣчнаго покоя: привлекательной красоты юноша, закинувъ руки на голову и прислонившись къ дереву, стоялъ именно въ томъ положеніи, въ которомъ древніе выражали покой. Очень вѣроятно, что выработанныя у древнихъ въ позднѣйшее время кроткія представленія о переходѣ въ загробный Элизіумъ могли послужить ближайшимъ поводомъ къ тому, что и изображенію смерти придано выраженіе болѣе привлекательное, чѣмъ отталкивающее.

ДЕМОНЫ или ГЕНІИ.

У древнихъ, какъ мы видѣли, каждое дерево и кустъ дышали особымъ божествомъ; явленія и силы природы, непонимаемыя, необъясняемыя, получали также свои особенныя олицетворенія въ вещественныхъ образахъ; и такъ во всякомъ предметѣ видимой или невидимой природы чудилось древнему особое божество. Удивительно ли при такомъ настроеніи мыслей, что и каждаго человѣка

отдѣльно вѣрованье древнихъ ставило подъ покровъ и руководство отдѣльнаго божественнаго существа? У древнѣйшихъ народовъ Востока господствовала уже вѣра въ покровительствующихъ боговъ или духовъ. Вѣрованье это перешло къ Грекамъ и Римлянамъ и съ теченіемъ времени и сообразно съ обстоятельствами развилось еще шире. Хотя и неизвѣстны были эти божественныя власти по лицамъ, но тѣмъ не менѣе вѣрованье древнихъ насчитывало ихъ огромное количество. Всѣ онѣ считались тайными слугами Зевса (Юпитера). Греки называли ихъ *Демонами*, Римляне — *Геніями*. Греки представляли ихъ себѣ душами людей, жившихъ въ беззаботномъ періодѣ *Золотаго вѣка*, а теперь ставшихъ предстателями и покровителями людей, которымъ пришлось жить въ вѣкѣ желѣзномъ и вздыхать подъ бременемъ трудовъ и заботъ. И Греки, и Римляне были увѣрены, что покровительствующіе духи повсюду съ ними, ихъ охраняютъ, ихъ наставляютъ. Демоновъ Греки относили къ низшимъ божествамъ, но Римляне своихъ Геніевъ считали только чѣмъ-то въ родѣ посредниковъ между людьми и богами. По вѣрованью Римлянъ у каждаго человѣка былъ свой особенный Геній. Послѣдній и раждался вмѣстѣ съ человѣкомъ, съ человѣкомъ же и умиралъ. Съ самаго рожденія Геній вступалъ въ неразрывный союзъ съ человѣкомъ, наставляя его во все время жизни, какъ лучше пользоваться этимъ даромъ. Поэтому и думали и говорили такъ: живешь благочестиво, пользуешься благами жизни благоразумно значитъ — ты ходишь по указаніямъ твоего Генія,

и онъ тобою доволенъ; но если отравляешь свою жизнь нечестіемъ и растрачиваешь драгоцѣнный даръ на презрѣнныя потѣхи, значитъ — ты не слушаешь наставленій твоего Генія и онъ огорченъ твоимъ образомъ жизни. Греки особенно любили взывать къ *Агаѳодемону*, то есть доброму Демону. Изображали его въ видѣ юноши съ рогомъ изобилія и чашей въ одной рукѣ, а макомъ и колосьями въ другой.

Конечно представленіе о Геніяхъ, какъ о покровителяхъ человѣка, основывается ни на чемъ иномъ, какъ на чувствѣ потребности посредника между человѣкомъ и божествомъ, чувствѣ, которое проявлялось повсюду и во всѣ времена, хотя и не въ одинаковой формѣ. Сбивчивости въ этихъ представленіяхъ древности удивляться нечего, ибо сбивчивость и темнота господствуютъ въ большей части миѳологическихъ преданій.

На древнихъ памятникахъ искусства встрѣчаются изображенія отдѣльныхъ Геніевъ то въ видѣ змѣй, то крылатыхъ дѣтей, то увѣнчанныхъ юношей и съ самыми разнообразными аттрибутами. Въ день рожденія у древнихъ было въ обычаѣ посвящать своему Генію молока, вина, цвѣтовъ и благоуханій.

Помимо отдѣльныхъ Геніевъ, которые сопровождали людей отъ рожденія и до смерти, Римляне представляли себѣ еще одного, *Старшаго*, Генія, котораго причисляли къ сонму низшихъ божествъ и почитали съ особеннымъ усердіемъ. Подъ его началомъ находились всѣ остальные оди-

ночные Геніи, покровители людей, семействъ, городовъ и областей.

ЛАРЫ и ПЕНАТЫ.

Лары и *Пенаты* принадлежатъ также къ Геніямъ-покровителямъ и встрѣчаются только въ Римской миѳологіи.

Въ семействѣ обыкновенно бывалъ только одинъ Ларъ, а Пенатовъ нѣсколько. Покидая домъ отчій, Римлянинъ молился къ нимъ: „Вы, Пенаты отца моего, и ты, Ларъ, отецъ семьи родной, бодрствуйте надъ благополучіемъ роднаго моего дома; я вручаю вамъ его счастье, самъ же долженъ искать себѣ новыхъ Пенатовъ и новаго Лара.“ Были Лары семейные или домашніе и Лары общественные. Послѣдніе — покровители цѣлыхъ государствъ, народовъ и городовъ. Ихъ въ Римѣ почитали первоначально только двухъ, а впослѣдствіи присоединили къ нимъ третьимъ духъ Юлія Цезаря. Это присоединеніе будетъ понятно, когда прибавимъ, что древніе видѣли въ Ларахъ (имя ихъ значитъ: *владыка*) духовъ усопшихъ людей, незримо присутствующихъ среди оставшихся живыхъ. Общее вѣрованье считало ихъ и покровителями дорогъ, полей и путешественниковъ.

Двухъ первыхъ общественныхъ Ларъ иногда считали сыновьями Меркурія и Нимфы Лары, а иногда признавали въ нихъ добрыхъ Геніевъ, которые бодрствовали надъ благополучіемъ предковъ людей, а теперь охраняли и счастіе ихъ потом-

ковъ. Поклоненіе и приношеніе Ларамъ совершалось въ каждомъ домѣ въ особенномъ священномъ мѣстѣ, называвшемся: *Ларарiумъ*. Домашнихъ боговъ, въ числѣ двухъ, представляли обыкновенно въ видѣ мальчиковъ или нѣжныхъ юношей, съ подобраннымъ по дорожному платьемъ, съ шляпой и посохомъ, также дорожными, и собакой. Въ Ларарiумѣ, или домовой молельнѣ, кромѣ Ларъ почитали и Пенатовъ, выражая имъ это почтеніе постояннымъ куреніемъ благовоній и возліяніемъ вина. Статуи домашнихъ боговъ украшали вѣнками изъ ѳіалокъ и розмарина. Рабы, получая свободу отъ своихъ господъ, на изображеніе Лара вѣшали цѣпи, какъ бы въ символъ того, что они скинули съ себя свои.

Статуи общественныхъ Ларъ дѣлались изъ дерева или изъ камня. Храмъ ихъ во всякое время открытъ былъ общественной набожности. Имъ тутъ возносили общественныя молитвы за благоденствіе города, совершали жертвоприношенія, а весной и лѣтомъ украшали обыкновенно ихъ жертвенники цвѣточными вѣнками. Ларамъ же праздновали на перекресткахъ дорогъ, нѣсколько дней спустя послѣ Сатурналій, праздникъ *Компиталіи* съ жертвоприношеніями различныхъ печеній и сластей. Домашнихъ Ларъ привѣтствовали каждое утро молитвой и приношеніемъ, отъ каждаго же обѣда и ужина предлагали имъ лучшія части съѣстнаго на особыхъ блюдечкахъ. Въ праздники приносили имъ жертвы, вѣнками украшенныя. При общественныхъ моленіяхъ на поляхъ убивали полевымъ Ларамъ ягнятъ, телятъ и свиней.

Древніе вѣровали, что Геніи добрыхъ людей по смерти послѣднихъ обращались въ благодѣтельныхъ Ларъ, Геніи же злыхъ въ такомъ случаѣ обращались въ *Лемуровъ* или *Ларвъ*, т. е. въ такія существа, которыя рыскали по землѣ за тѣмъ только, чтобъ распространять мучительныя болѣзни и страданія, отъ которыхъ (какъ напр. бѣшенства и т. п.) древніе считали единственнымъ средствомъ спасенія — усердныя молитвы и частыя жертвоприношенія. Ларвы не оставляли въ покоѣ и мертвыхъ, если послѣдніе не хотѣли или не могли покаяніемъ умилостивить боговъ. Этимъ Ларвы очень близко подходятъ къ Греческимъ Эринніямъ или Римскимъ же фуріямъ.

МАНЫ.

Манами назывались вообще души усопшихъ, т. е. отшедшихъ въ подземный міръ или Оркусъ. Названіе это не выражало ничего относительно состоянія, въ какомъ находились души, а обозначало только, что онѣ перешли въ царство тѣней.

Такъ какъ естественно человѣку думать и желать, чтобы возлюбленный умершій наслаждался лучшимъ состояніемъ противъ земной жизни и самъ возвысился бы и просвѣтился болѣе сравнительно съ тѣмъ, каковъ онъ былъ на землѣ, то и понятно, какимъ образомъ случилось, что живые стали обоготворять души усопшихъ подъ именемъ *Dii Manes*. Эти *Dii Manes* были божества добрыя, какъ показываетъ и самое имя ихъ. И къ нимъ

любило обращаться живое чувство любви, и чаяло, что духи усопшихъ откликнутся на призывъ его и явятся снова среди родныхъ и друзей, собравшихся съ приношеніями на могилахъ ихъ.

Часто случалось, что воспламененные патріотизмомъ полководцы или отдѣльные храбрые воины приносили себя въ жертву Манамъ, чтобы этой цѣною доставить *своимъ* побѣду и славу, или же примирить съ ними боговъ, которыхъ полагали прогнѣванными. Обрекая себя на смерть, они кидались тогда въ самую толпу непріятелей и дрались ожесточенно, пока не исполнялось желаніе ихъ. Такое дѣло древніе превозносили какъ поступокъ высочайшаго героизма и самое воспоминаніе о мужѣ, пожертвовавшемъ собою Манамъ, съ благоговѣніемъ переходило изъ устъ въ уста въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ.

III. ГЕРОИ или ПОЛУБОГИ.

Ни у одного народа нѣтъ достовѣрныхъ преданій о древнѣйшемъ его бытѣ. Народъ и не довольствуется тѣмъ, чтобы вставлять всю свою исторію въ тѣсныя рамы имѣющихся достовѣрныхъ преданій и въ нихъ однихъ искать толкованія своего происхожденія и всего первоначальнаго времени своего существованія. Поэтому здѣсь вновь вступаетъ въ свои права вѣчно дѣятельная фантазія и своей верховной властью восполняетъ пробѣлы старинныхъ преданій, воскрешаетъ отжившій бытъ народа и плоды своей дѣятельности за-

ставляетъ въ вѣрованьи народномъ такъ тѣсно примыкать къ древнѣйшимъ преданіямъ о жизни его, что для безпристрастнаго историческаго изслѣдователя не всегда бываетъ легко различить ихъ другъ отъ друга.

Чѣмъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ народъ смотритъ на себя, тѣмъ естественнѣе становится, когда видишь, что ему не хотѣлось бы относить своего происхожденія къ слѣпому случаю, или къ обыкновенному началу, затерянному въ далекомъ прошедшемъ, а напротивъ хотѣлось бы обставить источникъ своего происхожденія самыми чистыми и благородными аттрибутами, и если можно, то дать ему божественный характеръ. Тутъ конечно припоминаются съ одной стороны чувство собственныхъ немощей, а съ другой ясныя свидѣтельства того, что большая часть человѣческихъ поступковъ никакъ не удовлетворяетъ мѣрилу чистой нравственности. Такимъ образомъ становится невозможнымъ народу повести себя *цѣликомъ* отъ боговъ. Воспоминаніе и историческія преданія о людяхъ, превосходившихъ толпу мужествомъ и гражданскими подвигами, служившихъ народу во время войны предводителями, а во время мира правителями и судьями, заставляетъ народъ глядѣть на нихъ какъ на избраннѣйшихъ и достойнѣйшихъ, происшедшихъ изъ благороднѣйшихъ сравнительно съ другими матеріаловъ. Считая ихъ отборнѣйшими представителями своими, народъ отличаетъ ихъ тѣмъ, что исторію ихъ происхожденія сливаетъ съ исторіей мѣстнаго божества; родоначальниковъ этихъ доблестныхъ мужей счи-

таетъ плодами супружескихъ узъ божества этого съ дочерьми смертныхъ.

Эти-то прародители избранныхъ поколѣній, полу-божественнаго, полу-человѣческаго происхожденія, и стали вмѣстѣ со своимъ сказочнымъ потомствомъ дѣйствительными посредниками между народомъ и его богами, стали — *Героями* или *Полубогами*. Изъ повѣствованій о ихъ жизни и дѣятельности, о ихъ баснословно-геройскихъ подвигахъ или страданіяхъ, странствованіяхъ или водвореніяхъ, отчасти же изъ чисто-миѳическихъ, поэтическихъ элементовъ, и сложилась исторія первоначальнаго быта народнаго.

Чѣмъ большей ѳантазіей надѣленъ народъ, тѣмъ обильнѣе представляется его первоначальная исторія удивительными приключеніями, въ блескѣ которыхъ онъ и самъ преображается; тѣмъ разнообразнѣе личности, дѣянія и страданія героевъ его; тѣмъ безграничнѣе плодятся сказанія около историческихъ преданій давно минувшихъ столѣтій; тѣмъ наконецъ дѣятельнѣе поэзія народная изукрашиваетъ ихъ прелестями вымысла и ѳормы и представляетъ ихъ въ самомъ очищенномъ, изящномъ видѣ. Сколько намъ извѣстно, ни у одного народа все сказанное здѣсь не встрѣчается не только въ высшей, но даже и въ такой степени, какъ у народа Греческаго. Ихъ сказанія о Герояхъ, и первоначальная исторія ихъ, которую мы и хотимъ вкратцѣ изложить вамъ, есть неистощимый рудникъ всего, что только можно представить себѣ чудеснѣйшаго, изящнѣйшаго, трогатель-

нѣйшаго и (при всей необычайности его) такъ близко-человѣчнаго.

Что касается до самаго существа Героевъ, то сообразно съ своимъ божественнымъ происхожденіемъ оно надѣлено было силой и красотой, мужествомъ и мудростью въ безконечно-высшей степени сравнительно съ обыкновенными смертными. Но такъ какъ они были отчасти и дѣтьми земли, то и не могли пользоваться безсмертіемъ, какъ боги, но напротивъ того подчинены были общему конечному удѣлу простыхъ смертныхъ. Битвы подъ Ѳивами и Троей похитили съ лица земли цѣлыя толпы Героевъ. Въ древнѣйшія времена вѣрованье народное не полагало никакой существенной разницы въ образѣ пребыванія Героевъ или простыхъ смертныхъ за предѣлами гроба. И тѣ, и другіе отправлялись къ Гадесу въ царство тѣней. Только нѣкоторые, особые любимцы боговъ, переселяются на острова блаженныхъ, т. е. въ Элизій. Въ это древнѣйшее время не могло быть и божескаго почитанія Героевъ. Позднѣйшее вѣрованье представляло себѣ Героевъ всѣхъ совокупно пребывающихъ по смерти въ лонѣ Кроноса и наслаждающихся благами безконечнаго золотаго вѣка. По этому же вѣрованью духъ Героевъ незримо бодрствовалъ надъ позднѣйшими поколѣніями людей на землѣ, принимая участіе въ событіяхъ ихъ жизни и возвышая ихъ доблести. Съ этого времени и возникло то божеское почитаніе Героевъ, которымъ живые люди старались пріобрѣсти себѣ ихъ помощь и содѣйствіе.

Правда, что Героямъ не воздавали такого почи-

танія, какъ полнымъ божествамъ: не назначали для служенія особенныхъ жрецовъ, не учреждали въ честь имъ особыхъ празднествъ; однакожъ въ извѣстныя времена совершали имъ жертвы на особенныхъ жертвенникахъ или на мѣстахъ ихъ погребенія; отличнѣйшимъ же изъ Героевъ были тамъ и сямъ даже и отдѣльные храмы. Были же и такіе изъ Героевъ, о которыхъ думали, что они по смерти возвышались до достоинства совершенныхъ божествъ. Такимъ Героямъ естественно воздавалось и почитаніе чисто-божеское. Одни поколѣнія Героевъ считали родственниками боговъ, другія ставили ближе къ смертнымъ и такимъ образомъ составился цѣлый чинъ и распорядокъ промежъ нихъ. Нѣкоторыхъ почитали какъ семейныя божества, другихъ обожали за необычайные подвиги или важныя открытія. — Относительно времени, къ которому относилась жизнь и дѣятельность Героевъ, послѣднихъ можно распредѣлить въ нѣсколькихъ классахъ, ибо и баснословный періодъ существованія народа имѣетъ также свое лѣтосчисленіе, какъ и періодъ историческій, хотя и не представляетъ той же ясности и согласія. Конечно здѣсь, гдѣ намъ предстоитъ имѣть дѣло съ совершенно сказочными событіями, нельзя ни какимъ образомъ расчитывать на строгій хронологическій порядокъ: весьма достаточно расположить повѣсть о героическомъ періодѣ въ трехъ большихъ отдѣленіяхъ, на которыя при томъ же и сама собою распадается эта баснословная исторія.

Въ первомъ отдѣленіи помѣстимъ исторію пер-

вобытнаго міра и созданія человѣка; тутъ же и повѣсть о первѣйшихъ приключеніяхъ всего человѣчества или отдѣльныхъ поколѣній людей. Въ этомъ отдѣленіи слѣдуетъ разсказать о томъ, какъ Прометей изъ праха земнаго сдѣлалъ человѣка; какъ первое человѣчество, постигнутое необычайными переворотами въ природѣ, почти все, за исключеніемъ своихъ представителей, было смыто съ лица земли потопами Огигскимъ и Инахскимъ; какъ изъ остатковъ этого человѣчества возникло новое; какъ наконецъ отдѣльныя поколѣнія людей, подъ предводительствомъ своихъ владыкъ, твердо водворились на мѣстахъ и положили начало самостоятельному политическому и гражданскому быту обществъ.

Второе отдѣленіе обнимаетъ собою время собственно древнѣйшихъ Героевъ: Геракла, Тезея, Миноса, Пелопса, Персея и Беллерофонта; время, въ которое совершились первыя великія приключенія и походы Героевъ, часто предпринятые нѣсколькими Героями вмѣстѣ; подвиги въ родѣ напримѣръ изгнанія Калидонскаго вепря или похода Аргонавтовъ въ Колхиду.

Третье отдѣленіе, заключающее въ объемѣ своемъ повѣствованіе о подвигахъ и событіяхъ, служащихъ основаніемъ для позднѣйшихъ историческихъ преданій, хотя все еще облеченныхъ въ баснословныя формы и изукрашенныхъ фантазіей, представляетъ уже времена позднѣйшихъ Героевъ, которые произошли не прямо отъ боговъ, а отъ полубожественнаго потомства ихъ, времена обѣихъ великихъ войнъ: съ Ѳивами и съ Троей, и

всѣ событія, которыя неразрывно связаны съ эпохой разрушенія Трои.

Попробуемъ изложить знаменательнѣйшія и изящнѣйшія исторіи Героевъ, придерживаясь сейчасъ обозначеннаго плана.

А. МІРЪ ПЕРВОБЫТНЫЙ. СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ.

Между Титанами, сыновьями Кроноса (См. выше: Кроносъ), былъ одинъ, называемый ***Япетосъ*** или ***Япетъ***, которому было предопредѣлено, хотя и не непосредственно, сдѣлаться родоначальникомъ человѣческаго рода. Онъ женился на Океанидѣ ***Клименѣ***, которая родила ему: ***Менетія***, ***Атласа***, ***Прометея*** и ***Эпиметея***. Атласъ подпиралъ собою небесные столбы, на которыхъ покоился мѣдный сводъ неба; Прометей же и Эпиметей, которыхъ имена означаютъ: замышляющій и обдумывающій, самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собою въ первоначальной исторіи человѣчества.

По вѣрованью древнихъ, Прометей слѣпилъ изъ глины перваго человѣка, а Аѳина оживила произведеніе его. Первые, сдѣланные Прометеемъ, люди, находились въ состояніи совершенной грубости и дикости. Хотя и были вложены въ нихъ Аѳиной начала духовныхъ способностей, но къ образованію и совершенствованію этихъ началъ недоставало одного, а именно того огня, благо-

даря которому возможны искусства на свѣтѣ и который нѣжными узами связываетъ раздробленныхъ членовъ человѣчества въ одно родственное семейство. Въ этомъ-то основномъ началѣ, необходимомъ для образованія человѣчества, и отказалъ ему Зевсъ, ибо верховный богъ не расположенъ былъ къ созданьямъ Прометеевымъ, вѣдая впередъ, до какой гордости и нечестія дойдутъ люди, когда, владѣя просвѣщеніемъ, почувствуютъ себя независимыми отъ боговъ и непосредственныхъ даровъ природы. Но Прометей, горя любовью къ своимъ созданьямъ, не хотѣлъ и самъ остановиться на полъ-пути и людей оставить въ состояніи грубости и полной зависимости отъ боговъ. Ему хотѣлось обезпечить имъ самостоятельное существованіе; въ немъ самомъ кипѣло старинное Титановское мужество и упрямство.

Тайно пробрался Прометей къ священному огню Зевса и, похитивъ искру, возжегъ ею огни въ родѣ человѣческомъ. Такъ совершенъ былъ великій шагъ на пути къ просвѣщенію людей: самъ Зевсъ не могъ совершившагося сдѣлать несовершившимся. Но Прометей жестоко поплатился за свою отважность и настойчивость: прикованный по повелѣнью Зевса къ Кавказу, онъ долженъ былъ цѣлыя столѣтія страдать отъ орла, который ежедневно выклевывалъ у него печень, нароставшую ночью для новыхъ терзаній. Эти мученія сломили наконецъ гордый духъ Титана: Прометей покорился власти Зевса и по повелѣнію его былъ освобожденъ Геракломъ отъ оковъ и орла и назначенъ покровителемъ той самой образованности,

которую онъ заронилъ на землю въ видѣ искры небеснаго огня.

Между тѣмъ людямъ стало гораздо лучше послѣ подарка Прометеева, но — какъ и предузналъ Зевсъ — чѣмъ болѣе распространялось просвѣщеніе между ними, тѣмъ болѣе отклонялись они отъ почитанія боговъ. Тогда Зевсъ опредѣлилъ послать на человѣческій родъ зло и страданія, которыя очистили бы заблудшихъ и обратили бы ихъ къ богамъ. Это совершилося такъ.

Зевсъ велѣлъ Гефесту сдѣлать изъ глины статую человѣка и оживилъ ее. Произведеніе это надѣлено было всѣми и качествами и недостатками человѣческими, а кромѣ того, боги дали статуѣ красоту неземную и дали, каждый особо, какой-либо даръ. Афродита украсила главу ея прелестью очертаній и выраженья; Аѳина научила ее всѣмъ женскимъ рукодѣльямъ и художествамъ, Гермесъ вложилъ въ нее хитрость, лукавство и вкрадчивую рѣчь, Горы и Хариты такъ изукрасили нарядъ ея, что сами боги, глядя, приходили въ восхищеніе. Боги назвали ее: ***Пандора***, что значитъ: ***всѣми одаренная***, и съ Гермесомъ отослали ее къ брату Прометея, Эпиметею. Прометей предупреждалъ своего брата беречься подарковъ Зевеса, но Эпиметей, прельстившись невиданною красою и прелестью Пандоры, принялъ ее къ себѣ въ домъ и сталъ ей супругомъ.

Пандора принесла отъ боговъ въ приданое большой запертый сундукъ. Прометей опять предостерегалъ брата не открывать таинственнаго ящика. Эпиметей не могъ преодолѣть желанія узнать,

что въ немъ внутри и попросилъ Пандору открыть его. Приподнята роковая крышка, и вылетѣли изъ заключенія своего на свободу всѣ заразы и болѣзни, всѣ бѣдствія и страданія, отъ которыхъ несчастное человѣчество терпитъ съ той минуты. Одну только надежду удержалъ въ ящикѣ испуганный Эпиметей, успѣвши захлопнуть крышку.

Вотъ какимъ образомъ, — думали древніе, — дошли люди до нынѣшняго состоянія, въ которомъ, вооруженные небесной искрой просвѣщенія, подчинены они безчисленнымъ страданіямъ и живутъ между горделивымъ упорствомъ съ одной стороны и не всегда сознаваемой немощью съ другой. Проходили столѣтія, и просвѣщеніе человѣческое подвигалось впередъ, но къ несчастію съ нимъ вмѣстѣ росли и самонадѣянность и нечестіе людей. Зевсъ, раздраженный беззаконіями людей, положилъ истребить ихъ потопомъ. Этотъ потопъ по различнымъ мѣстнымъ преданіямъ о немъ, извѣстенъ былъ подъ разными названіями: такъ по Аттическимъ и Віотійскимъ сказаніямъ онъ назывался *Огигскимъ* по имени царя Огига; въ Аргосѣ подъ именемъ *Инахскаго*, отъ царя Инаха. Иногда же называли его еще и *Девкаліоновымъ* по имени Девкаліона, единственнаго мужа, который спасся отъ потопа съ женой своей Пиррой, дочерью Эпиметея. По прошествіи потопа чета эта сдѣлалась родоначальной для послѣдовавшаго человѣчества, а какъ? объ этомъ ужъ было разсказано выше.

Владыкой этого послѣдовавшаго человѣческаго рода послѣ Девкаліона былъ *Эллинъ*, по имени ко-

тораго и Греки назывались *Эллинами*. У Эллина было три сына: *Эолъ*, *Доръ* и *Ксуфъ*. Сыновья последнихъ назывались: *Іонъ* и *Ахей*. Между этими потомками Эллина и разделилось господство надъ отдельными частями рода человеческаго, и по имени ихъ назвались четыре значительнейшихъ племени греческихъ: *Доряне*, *Эоляне*, *Іоняне* и *Ахеяне*.

Племена эти завладели различными областями Греціи, отделенными одна отъ другой цепями горъ, и основали въ нихъ различныя государства. Правителями въ нихъ были отчасти сыновья и внуки четырехъ выше названныхъ родоначальныхъ царей; отчасти сыновья различныхъ боговъ, то есть Герои, которые получили господство въ этихъ обществахъ или по праву семейнаго наследства или по праву завоеванія или переселеніи. Съ водвореніемъ новаго человеческаго рода въ этихъ различныхъ областяхъ и съ образованіемъ въ нихъ государствъ замыкается первый періодъ баснословныхъ сказаній.

В. ПЕРІОДЪ ДРЕВНИХЪ ГЕРОЕВЪ.

Большая часть сказаній о Герояхъ этого періода принадлежитъ отдельнымъ греческимъ областямъ и племенамъ. Общенародными греческими можно назвать только сказанія о жизни и подвигахъ Геракла, ибо хотя эти сказанія и возникли въ одной изъ греческихъ областей, но благодаря поэзіи стали общимъ достояніемъ целаго народа греческаго. Рядомъ съ сказаньями объ отдельныхъ Герояхъ

стоятъ и сказанія о первыхъ великихъ общихъ предпріятіяхъ, многихъ изъ нихъ вмѣстѣ, каковы: преслѣдованіе Калидонскаго вепря и походъ Аргонавтовъ. Мы начнемъ съ отдѣльныхъ областныхъ сказаній, такъ какъ въ нихъ легко усмотрѣть тѣсную связь и взаимнодѣйствіе Героя съ мѣстнымъ божествомъ, подъ покровомъ и съ помощью котораго Герой совершаетъ свои подвиги.

1. *Областныя сказанія о Герояхъ.*

Въ главѣ поколѣнія Героевъ стоитъ рѣчной богъ *Инахъ*. У него была дочь (а по другимъ сказаніямъ: правнука) прекрасная *Іо*, о которой мы ужъ говорили въ миѳологіи Гермеса, какъ Зевсъ, любившій ее, обратилъ ее въ корову, чтобъ укрыть Іо отъ преслѣдованій ревнивой Геры, какъ Гера велѣла стоглазому Аргусу стеречь любимицу Зевсову и какъ наконецъ Гермесу удалось усыпить и умертвить стоглазаго сторожа. Здѣсь мы еще прибавимъ къ этой исторіи слѣдующее: послѣ убійства Аргуса Гера наслала на превращенную Іо такого ужаснаго шершня *), что Іо, спасаясь отъ него, бѣжала чрезъ всѣ страны Греціи и только въ

*) ***Шершень*** (*Crabro*, Le frelon, Die Horniss, Hornet), близкая родня *осамъ*. Длиной бываетъ до полутора дюйма. Тѣло его мохнатое, тонкое до безобразія, цвѣта бураго; брюхо желтое съ черными крапинками. Кусаетъ очень больно. Жизнь ведотъ уединенную. Роетъ норы для гнѣздъ преимущественно въ пескѣ и въ мѣстахъ безопасныхъ отъ воды. Въ гнѣзда складываетъ яички и припасы для корма безногихъ личинокъ: полуумерщвленныхъ пауковъ, насѣкомыхъ и т. п. Взрослые кормятся медовымъ сокомъ цвѣтовъ. ***Прим. перевод.***

Египтѣ нашла покой. Тамъ возвращенъ ей человѣческій образъ и тамъ же она сдѣлалась матерью *Эпаѳоса*. Отъ Эпаѳоса кромѣ другихъ дѣтей родилась *Ливія*, по имени которой названа страна къ западу отъ Египта и съ которой былъ въ нѣжной связи самъ Посейдонъ, владыка морей. Отъ Посейдона родились у ней *Агенорь* и *Белъ*. У Бела и *Анфирои* родились *Египтъ* и *Данай*, *Цефей* и *Финей*. Къ послѣднимъ двумъ мы еще воротимся. Изъ первыхъ двухъ братьевъ *Египтъ* царствовалъ въ странѣ, которая и назвалась по имени его; *Данай* же получилъ отъ отца во владѣніе Ливію. Какъ у брата его родилось отъ разныхъ женъ 50 сыновей, такъ и у него — 50 дочерей, *Данаидъ*. Такъ какъ эти 50 сыновей были причиной различныхъ безпокойствъ для дяди-сосѣда, къ тому же они стали преслѣдовать и дочерей его, то Данай по приказу Аѳины построилъ первый 50-ти весельный корабль и вмѣстѣ съ дочерьми уплылъ черезъ море въ родную область, Арголиду.

Здѣсь въ то время царствовалъ *Геланоръ*, одинъ изъ потомковъ младшаго сына Инаха. Данай потребовалъ у него господства надъ Арголидой и послѣ одного чудеснаго явленія, которое показало, что воля боговъ на сторонѣ Даная, Геланоръ передалъ ему господство. Такъ сдѣлался Данай царемъ Аргоса и прославился многими замѣчательными изобрѣтеніями. Онъ между прочимъ первый сталъ рыть колодцы, чтобъ и въ бездождное лѣто народъ не нуждался въ водѣ. Царствованіе Даная было благодѣтельно для цѣлаго края.

Между тѣмъ сыновья его брата переплыли мо-

ре, явились къ Данаю и опять возобновили притязанія свои на дочерей его. Данай не скрылъ гнѣва и негодованія на нихъ за то, что они своими поступками принудили его къ бѣгству изъ Египта. Не могши болѣе противиться требованіямъ юношей, онъ отдалъ имъ дочерей своихъ въ супружество, но только для виду; на самомъ же дѣлѣ онъ вручилъ каждой изъ дочерей кинжалъ и каждой же повелѣлъ, не откладывая, тайно умертвить своего мужа. За исполненіе этого повелѣнія Данаиды, какъ было уже разсказано, обречены были: въ Тартарѣ жестокими мученіями искупать свое преступленіе. Только одна изъ Данаидъ, *Гипермнестра*, не исполнила приказанія своего отца, ибо она истинно любила мужа своего *Линкея*. Отецъ повелѣлъ ей явиться въ судилище, но народъ объявилъ ее невинной. Она осталась вѣрной своему Линкею и родила ему Абаса, который потомъ былъ отцомъ *Акризія* и *Прэта*. О нихъ мы сейчасъ разскажемъ. Но прежде упомянемъ, что остальныя Данаиды, несмотря на свой злодѣйскій поступокъ съ первыми мужьями, нашли себѣ вторыхъ. Данай устроилъ огромное состязаніе изъ-за руки дочерей своихъ. Къ состязанію явилось множество Героевъ греческихъ. Отъ браковъ, заключенныхъ такимъ образомъ, пошли потомства многихъ геройскихъ родовъ, о которыхъ мы впослѣдствіи разскажемъ въ свое время. Съ одной изъ Данаидъ, *Амимоной*, еще до убійства, совершеннаго ею, Посидонъ имѣлъ сыновей *Навплія* (впослѣдствіи отца *Паламеда*) и *Эака*. Къ нимъ воротимся въ Троянскую войну.

Теперь продолжимъ разсказъ о Линкеѣ и Гипермнестрѣ. Сынъ ихъ, *Абасъ*, женился на Аркадской Нимфѣ — *Окалеѣ*. Герой этотъ прославился своимъ бурнымъ и завоевательнымъ нравомъ. Абасъ построилъ въ Фокидѣ городъ, который назывался его именемъ (*Аба*) и безпокойные жители котораго, Абанты, выселились на островъ Эвбею. У Абаса было двое сыновей: *Акризій* и *Прэтъ*. Они враждовали другъ съ другомъ чуть не со дня рожденья. Выросши, Акризій совсѣмъ изгналъ брата своего изъ роднаго мѣста. Прэтъ отправился въ Ликію, женился на дочери тамошняго царя, *Сѳенобеѣ*, и съ многочисленнымъ войскомъ возвратился отъ тестя на родину, гдѣ, построивши городъ Тиринтъ, сталъ господствовать надъ Аргосомъ и Коринѳомъ.

У Прэта было три дочери, прекраснѣйшихъ изъ смертныхъ дѣвъ, но до того надменныхъ, что онѣ дерзнули кичиться даже предъ самыми богинями. За это онѣ были поражены такими страшными, заразительными болѣзнями, отъ которыхъ одна изъ несчастныхъ, доведенная до отчаянія, въ смерти искала спасенія. Она бросилась со скалы въ пропасть. Другія двѣ получили исцѣленіе отъ знаменитаго врача и вѣщателя Пилосскаго *Мелампа*. Обѣ исцѣленныя вышли за Мелампа и брата его, *Біа*, и стали родоначальницами знаменитаго поколѣнія Героевъ, къ которому принадлежали: *Адрастъ* и *Амфіаръ*, *Капаней* и *Этеоклъ*. О нихъ разскажемъ въ походѣ противъ Ѳивъ.

Акризій же, Прэтовъ братъ, послѣ того, какъ послѣдній по возвращеніи на родину уступилъ ему часть земли съ городомъ Аргосомъ, женился на

Эвридикѣ, отъ которой родилась *Даная*. Акризію предсказано было, что отъ его дочери родится сынъ, который умертвитъ дѣда. Чтобъ не допустить исполниться этому предсказанію, Акризій заперъ на-глухо дочь свою въ особое, глубокое подземелье и думалъ, что онъ такимъ образомъ сдѣлалъ ей невозможными какія-бы ни было сношенія съ человѣчествомъ. Но самъ Зевсъ почувствовалъ вожделѣніе къ прекрасной и несчастной Данаѣ и, превратившись въ тонкій золотой дождь, таинственно сочетался съ нею. Отъ союза этого родился знаменитый *Персей*.

Акризій, узнавши о рожденіи у Данаи сына, повелѣлъ умертвить ихъ обоихъ. Заключенные въ большомъ деревянномъ ящикѣ, они были брошены въ море. Но Зевсъ не далъ погибнуть сыну своему. Ящикъ плавалъ по волнамъ до тѣхъ поръ, пока у острова *Серифа* рыбакъ *Диктисъ* не извлекъ его сѣтями на берегъ. Даная съ сыномъ была представлена царю острова, *Полидекту*. Царь сталъ Персея воспитывать, къ матери же его почувствовалъ такое сильное влеченіе, что неотступно преслѣдовалъ ее своей страстью. Не видя сочувствія, царь обратилъ Данаю въ рабыню, чтобы суровымъ обращеніемъ заставить ее раздѣлить его страсть.

Чтобы удобнѣе достичь своей цѣли, Полидектъ услалъ выросшаго уже Персея къ Горгонамъ и повелѣлъ ему добыть голову Медузы. Вооружившись шлемомъ невидимкой, подареннымъ ему Гадесомъ, и подвязавши себѣ крылатыя сандаліи, Персей, руководимый Гермесомъ и Аѳиной, ринулся сначала на Грей, хранительницъ Горгоно-

выхъ, и заставилъ ихъ указать себѣ жилище Медузы; потомъ подстерегъ послѣднюю во снѣ, отрубилъ ей голову и поспѣшилъ уйти съ нею, спасаясь отъ погони сестеръ убитой. Уже чувствуя себя внѣ опасности, подарилъ онъ трофей свой Аѳинѣ, которая и утвердила его въ срединѣ щита своего. Но еще прежде, чѣмъ онъ отдалъ Аѳинѣ голову Горгоны, онъ успѣлъ наполнить всѣ страны, чрезъ которыя мчался, громкою славой своихъ необычайныхъ подвиговъ. Какъ удивительны были дѣла этого Героя, видно изъ того, что онъ, показавши ликъ ужасной Горгоны, превратилъ этимъ въ скалу могучаго Атласа за то, что послѣдній отказалъ ему въ гостепріимствѣ, главнѣйшей добродѣтели тѣхъ временъ.

Другой, не менѣе замѣчательный, подвигъ Персея былъ съ Андромедой. ***Кассіопея***, жена Финикійскаго царя ***Цефея***, очарованная своей собственной красотой, осмѣлилась равняться съ Нереидами. Разгнѣванныя божества морскія подвигнули Посейдона къ тому, чтобы онъ послалъ какое-либо страшилище морское опустошить берега владѣній Цефея и причинить какъ можно болѣе вреда жителямъ ихъ. Такъ и сдѣлано. Устрашенный царь вопрошалъ оракула, какъ ему умилостивить разгнѣванныя божества, и получилъ въ отвѣтъ повелѣніе: принесть въ жертву страшилищу единственную дочь свою: Андромеду. Несчастную привязали къ уединенному утесу и обрекли на искупительную жертву чудовищу. Но Персей, въ своемъ полетѣ по небу, увидѣлъ страдалицу и пораженный ея красотой, въ камень превратилъ самое чудовище,

ее же освободилъ, сдѣлалъ себѣ супругой и возвратился съ нею на родину свою, въ Серифъ. Тутъ онъ освободилъ и мать свою изъ рукъ Полидекта, а самаго похитителя, заставши его среди буйной толпы невоздержно-пировавшихъ съ нимъ гостей, превратилъ вмѣстѣ съ гостями въ камни, все тѣмъ же движеніемъ головы Горгоны.

Вручивши Аѳинѣ свою добычу, Персей съ матерью и супругой воротился въ свое родовое наслѣдіе — Аргосъ. Прэтъ между тѣмъ едва не успѣлъ здѣсь снова соединить въ рукахъ своихъ владѣніе цѣлою областью. Персей же наперекоръ ему возстановилъ на престолѣ своего дѣда Акризія, но не на долго: однажды при метаніи въ дискъ Персей по несчастію попалъ въ дѣда и ранилъ его насмерть. Такъ исполнилось давнишнее предсказаніе. По примѣру дѣда Персей владычествовалъ въ Тиринтѣ, но мѣстопребываніе свое перенесъ въ Микену, а сыну Прэта — *Мегапенту,* предоставилъ господство надъ Аргосомъ. По смерти Персей причисленъ къ богамъ. Изъ сыновей, рожденныхъ ему Андромедой, славнѣйшими были: ***Электріонъ*** и ***Алкей.*** Сынъ послядняго, ***Амфитріонъ***, женатъ былъ на дочери Электріона ***Алкменѣ***. Отъ сочетанія Зевса съ Алкменой родился Гераклъ.

Вотъ какимъ образомъ сказанья о Герояхъ Аргоса сливаются съ сказаніями о Герояхъ Ѳивъ. Но прежде, чѣмъ займемся послѣдними и разскажемъ о подвигахъ Геракла, бросимъ взглядъ на Коринѳъ.

КОРИНѲЪ.

Коринѳъ, какъ мы сейчасъ видѣли, стоялъ во времена Прета подъ владычествомъ Аргоса. Первый удивительный образъ, который тутъ встрѣчается, есть Сизифъ, сынъ того Эола, родоначальника Эолянъ, о которомъ мы ужъ упоминали, когда разсказывали объ отцѣ его, Эллинѣ, въ первомъ отдѣленіи геройскихъ преданій. Сизифъ въ преданіяхъ является необыкновеннымъ лгуномъ и нечестивцемъ. Онъ себѣ приготовилъ страданіе особенно тѣмъ, что дерзнулъ обнаружить тайную связь Зевса съ прелестною дочерью Азопа — *Егиной*. Зевсъ предалъ его смерти, но хитрый и изворотливый Сизифъ съумѣлъ увернуться отъ преслѣдованій Ѳаната и долго скрывался въ глубокомъ подземельѣ. Гермесъ открылъ виновнаго и предалъ его на казнь. Одиссей, разсказывая о страданіяхъ различныхъ преступниковъ въ Аидѣ, вотъ какъ говоритъ о страданіяхъ Сизифа (См. *Одиссею* ***Пѣснь VI***):

«Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:
«Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
«Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
«Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
«Съ тяжкою ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
«Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
«Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, силы напрягши,
«Тѣло въ поту, голова вся покрыта черною пылью».

У Сизифа былъ сынъ, несчастный Главкъ: его

на одномъ ристаньи кони сбросили съ колесницы и растоптали.

«Главкъ (*Илліада. Пѣснь VI*) даровалъ бытіе непорочному Беллерофонту,
«Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
«Въ даръ ниспослали.»

За это онъ въ юности попалъ ко двору Прэта, царствовавшаго тогда и надъ Коринѳомъ. Сѳенобея, царица, (она же и *Антея*) воспылала къ юношѣ такой безграничной любовью, что неотступно повсюду преслѣдовала его,

« — — — — Но къ ищущей былъ непреклоненъ,
«Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонтъ непорочный».

Не находя отвѣта, Антея оклеветала его предъ супругомъ своимъ. Разгнѣванный Прэтъ отослалъ Беллерофонта къ тестю своему, Ликійскому царю Іобату, съ тайнымъ повелѣніемъ умертвить посланнаго. Простодушный юноша отошелъ къ Іобату „подъ счастливымъ покровомъ безсмертныхъ.“ Царь назначилъ ему такіе тяжелые труды, при исполненіи которыхъ ему неминуемо нужно было погибнуть. Но боги стояли за невиннаго. Беллерофонту прислали крылатаго коня, Пегаса; богиня Аѳина научила его управлять конемъ. Съ Пегасомъ Беллерофонтъ не только избѣжалъ всѣхъ опасностей, но „чудесами боговъ ободренный“ поразилъ Химеру

«Лютую, коей порода была отъ боговъ, не отъ смертныхъ:

«Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
«Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ».

Такъ онъ избавилъ цѣлую страну отъ ужаснаго чудовища. Вслѣдъ за тѣмъ отразилъ многочисленныхъ враговъ Іобата и между прочимъ разсѣялъ полчища воинственныхъ женъ-Амазонокъ.

«Царь наконецъ позналъ знаменитую отрасль безсмертныхъ;
«Въ домѣ его удержалъ и дочь сочеталъ съ нимъ царевну;
«Отдалъ ему половину блистательной почести царской;
«И Ликійцы ему отдѣлили удѣлъ превосходный,
«Лучшее поле для сада и пашень, да властвуетъ онымъ.
«Трое родилося чадъ отъ премудраго Беллерофонта:
«Мужи, *Исандръ*, *Гипполохъ*, и прекрасная *Лаодомія*.
«Съ Лаодоміей прекрасной почилъ громовержецъ Кроніонъ
«И она Сарпедона, подобнаго богу, родила».

Таковъ былъ Беллерофонтъ, но возгордившись своими успѣхами, онъ вздумалъ на Пегасѣ своемъ взлетѣть до самаго неба. Тогда-то Зевсъ въ гнѣвѣ ниспровергъ его на землю, и все величіе героя осталось лишь въ воспоминаніи народовъ, возбуждая состраданіе къ плачевному концу такой блестящей и завидной сначала участи.

ѲИВЫ.

Городъ Ѳивы, основанный, какъ полагаютъ, Кадмомъ, есть мѣсто самыхъ замѣчательныхъ и живѣйшихъ геройскихъ сказаній.

Кадмъ, по преданію, былъ сынъ Финикійскаго царя Агенора (родившагося отъ Посейдона и Ливіи, слѣдовательно — брата Бела) и Телефассы или

Антіопы. У него были еще братья: ***Финиксъ*** (означающій Финикіянъ) и ***Киликсъ*** (означающій Сицилійцевъ), а кромѣ ихъ еще сестра, ***Европа***, отъ которой будто бы и обитаемая нами часть свѣта ведетъ свое названіе. Прелестная Европа сама того не вѣдая, поразила сердце державнаго Зевса. Чтобъ похитить ее, Зевсъ принялъ на себя видъ прекраснаго, бѣлоснѣжнаго, цвѣтами увѣнчаннаго, быка и предсталъ предъ Европой, когда она гуляла на цвѣтистомъ лугу, раскинувшемся у самаго взморья. Европа плѣнилась прекраснымъ животнымъ и, какъ дитя, простодушно ласкала его и любовалась его бѣлоснѣжною шерстью, а когда быкъ, опустившись у ногъ красавицы, какъ будто предлагалъ ей отдохнуть на пространномъ, могучемъ хребтѣ, то Европа поддалась ребяческому желанію; но лишь только быкъ почувствовалъ на себѣ желанную ношу, какъ, быстро вскочивши, онъ умчалъ ее въ море и съ нею приплылъ въ Гортисъ, на островѣ Критѣ. Тамъ онъ, принявши настоящій свой образъ, долго не покидалъ своей добычи. Въ домѣ жъ родительскомъ господствовала печаль по утратѣ возлюбленной дочери. Кадмъ, исполняя приказаніе отца, повсюду искалъ сестру, но напрасно. Наконецъ вопросилъ онъ дельфійскаго оракула: гдѣ отыскать ему погибшую? Оракулъ отвѣчалъ, что ему должно прекратить безплодные розыски, но послѣдовать за первой коровой, которую встрѣтитъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ она приляжетъ, основать городъ. Кадмъ послѣдовалъ оракулу. Мѣсто, гдѣ пришлось ему остановиться, оказалось въ области, названной послѣ Віотіей (стра-

ною рогатаго скота). Тутъ онъ и основалъ городъ Өивы.

Построеніе города Өивъ произведено было не безъ усилій и опасностей. По повелѣнію Оракула же, Кадмъ хотѣлъ сначала, въ благодарность богамъ за совѣтъ, принесть имъ въ жертву ту корову, которая указала ему путь къ мѣсту основанія города. Онъ выслалъ для этого товарищей своихъ принесть ему для омовенья воды изъ ближняго источника. Но источникъ, посвященный богу Арею, былъ охраняемъ свирѣпымъ дракономъ. Товарищи сдѣлались жертвой чудовища. Тогда, охраняемый богиней Аөиной, самъ Кадмъ вступилъ съ нимъ въ побѣдоносную борьбу. По наученію своей покровительницы онъ вырвалъ у чудовища зубы и посѣялъ ихъ. Изъ этого удивительнаго посѣва выросли не менѣе удивительные вооруженные мужи. Они чуть не уничтожили другъ друга въ ожесточенныхъ взаимныхъ битвахъ, но пятеро изъ нихъ уцѣлѣло и они-то были Кадму усердными помощниками при постройкѣ и укрѣпленіи Өивъ. Мужи эти назывались *Спартами*, т. е. *посѣянными*. Отъ нихъ, какъ подлинныхъ отпрысковъ өиванской почвы, впослѣдствіи лучшіе вельможные роды Өиванскіе вели свое происхожденіе.

За дракона, посвященнаго Арею, Кадмъ, въ примиреніе съ разгнѣваннымъ богомъ войны, долженъ былъ прослужить ему цѣлый такъ называемый *божественный* годъ, т. е. полныхъ 8 лѣтъ сряду. Только тогда Зевсъ даровалъ Кадму въ супружество Гармонію, дочь Арея-Марса и Афродиты-Венеры. Въ этой дочери Арея и Афродиты олице-

творено выраженіе мира, добытаго войною, борьбой (См. выше: Арей и *Афродита*). Всѣ боги присутствовали на свадьбѣ Кадма съ Гармоніей и каждый по своему одарилъ ихъ. Такимъ образомъ обозначено божественное участіе въ постройкѣ новаго города. Дѣти Гармоніи, были: дочери *Автоноя*, *Ино*, *Семела*, *Агава* и сынъ *Полидоръ*. Автоноя съ Аристеемъ имѣла сына Актеона, того самаго который имѣлъ несчастіе подстеречь Артемиду въ купальнѣ послѣ охоты, за что и былъ превращенъ ею въ оленя, а послѣ растерзанъ въ этомъ видѣ собственными же собаками. Ино была супругой Атамаса. О немъ пространнѣе будетъ изложено послѣ, но теперь прибавимъ только, что въ изступленномъ помѣшательствѣ онъ такъ жестоко преслѣдовалъ жену свою, что она ища спасенія кинулась въ море, гдѣ и была обращена въ богиню подъ именемъ Левкотеи (См. выше). О матери Діонисса, Семелѣ, любимицѣ Зевса, разсказано уже какой печальный конецъ постигъ ее, когда Зевсъ исполнилъ ея безумную просьбу и явился ей во всей славѣ громовержца. У послѣдней же, Агавы, отъ Эхіона, одного изъ пяти Спартовъ, родился Пентей, которому по смерти Полидора досталось господство надъ Ѳивами.

Когда Семела погибла отъ сіянья представшаго ей громоноснаго супруга, сестры ея, особенно Агава, распустили молву, что Семела солгала, будто мужемъ ей былъ самъ Зевсъ, и потому-то и наказана смертью. Но когда, спустя нѣсколько времени Діониссъ, объѣзжая страны, явился и въ Ѳивы, Ѳиванскія жены, въ томъ числѣ и Агава, присое-

динились къ сопровождавшимъ его Мэнадамъ. Пентей вздумалъ было сопротивляться введенію новаго божества и восторженнаго служенія ему въ Ѳивы, но сама же мать его вмѣстѣ съ подругами умертвила его. Только опамятовшись отъ своего религіознаго изступленія, Агава сознала совершенное ею преступленіе. Она бѣжала изъ Ѳивъ и въ Иллиріи нашла успокоеніе потрясенной душѣ. Господство въ Ѳивахъ по смерти сына Полидорова перешло къ Лабдаку. Такъ совершились въ семействѣ Кадма событія блестящія, но не безъ трудовъ и печалей. Онъ самъ въ глубокой старости, спасаясь отъ враждебныхъ преслѣдованій, долженъ былъ съ супругой бѣжать въ Иллирію. Тамъ онъ и умеръ, а по смерти вмѣстѣ съ вѣрной своей Гармоніей переселенъ Зевсомъ въ блаженный Элизій. По смерти Кадма ему воздавались въ Ѳивахъ почти божескія почести, ибо онъ былъ благодѣтелемъ своего народа: научилъ его воздѣлывать землю, построилъ первый водопроводъ и преподалъ искусство писанья буквами, которое занесъ, по преданію, съ Востока.

При смерти Пентея и бѣгствѣ Кадма внукъ его, Лабдакъ, былъ еще несовершеннолѣтнимъ и потому владычество надъ Ѳивами принялъ *Никтей*. Отъ союза Никтея съ Ѳиванской богиней, Тебеей, родилась дочь *Антіопа* (по другимъ же преданіямъ, она была дочерью бога рѣчнаго Азопа), которую Зевсъ любилъ тайно отъ всѣхъ. Но отецъ замѣтилъ ея связь и въ гнѣвѣ поразилъ бы ее смертью, еслибъ дочь не спаслась въ уединенную Киѳеронскую пустыню, откуда, разрѣшившись двумя близ-

нецами, явилась къ царю Сикіона — Эпопею. Плодъ же любви несчастной матери, близнецы Амфіонъ и Цетѳсъ, поручены были пастухамъ Киѳеронскимъ, подъ надзоромъ которыхъ дѣти Антіопы и Зевса возрасли прекрасными, мужественными юношами, но въ полномъ невѣдѣніи о своемъ происхожденіи. У Эпопея Антіопа наслаждалась короткимъ покоемъ, ибо отецъ ея не смягчилъ своего гнѣва, а напротивъ, умирая завѣщалъ его брату своему Ликосу, который послѣ него правилъ Ѳивами, все еще по причинѣ несовершеннолѣтія Лабдака. Ликосъ завоевалъ Сикіонъ, а Антіопу снова увлекъ въ Ѳивы. Здѣсь начались новыя страданія для несчастной, которая прежде.

«Гордо хвалилася такъ, что объятія Дія, отворилъ ей».

Самъ Ликосъ правда обращался съ нею хорошо, даже слишкомъ хорошо, ибо возбудилъ къ ней ревность жены своей Диркеи и тѣмъ приготовилъ ей новыя печали. Ревнивая жена обратила ее въ рабыню и поступала съ нею такъ жестоко, какъ только можно себѣ представить. Много лѣтъ терпѣла Антіопа горькую участь, но когда замѣтила, что Диркея умышляетъ на жизнь ея, то бѣжала на Киѳеронъ, гдѣ радушно принята была сыновьями своими, но такъ, что ни она ихъ, ни они ее не узнали. Вслѣдъ затѣмъ Вакховъ праздникъ привелъ на Киѳеронъ многихъ женъ Ѳивскихъ, въ томъ числѣ и Диркею. Встрѣтивъ здѣсь свою бѣглянку, жестокая царица рѣшила предать ее ужасной смерти. Она повелѣла обоимъ пастухамъ, Амфіону

и Цето́су, привязать Антіопу къ рогамъ дикаго буйвола. Пастухи повиновались и ужъ готовились исполнить повелѣніе, когда старикъ пастухъ, воспитавшій ихъ, открылъ имъ ихъ мать. Въ ужасѣ, что они такъ были близки къ убійству собственной матери и услышавши о всѣхъ страданіяхъ, перенесенныхъ ею у жестокой царицы, юноши удовлетворили ярость свою тѣмъ, что приказанье царицы исполнили надъ нею самой. По смерти Диркея превращена была въ источникъ, который протекалъ у Ѳивъ и назывался ея именемъ.

Тутъ и Ликосъ передалъ имъ господство надъ городомъ. Амфіонъ и Цетосъ построили стѣны вокругъ нижняго города, ибо Кадмъ укрѣпилъ только возвышенную часть его. При этой постройкѣ Цетосъ самъ долженъ былъ камни носить, Амфіонъ же бряцаньемъ на своей чудной лютнѣ, которую подарилъ ему Гермесъ, дѣлалъ то, что камни передвигались и складывались въ стройное зданіе. Амфіонъ былъ супругомъ Ніобы, дочери Тантала, той самой, о судьбѣ которой разсказано выше (См. Фебъ-Аполлонъ). По смерти Амфіона и Цетоса, сраженныхъ стрѣлами Аполлона, братья почитались покровительствующими божествами Ѳивъ, господство же надъ городомъ перешло наконецъ къ Лабдаку. О правленьи этого послѣдняго неизвѣстно ничего особенно-замѣчательнаго. За то весьма замѣчательна исторія сына его, Лайоса и внука, Эдипа.

Лайосъ взялъ за себя Іокасту, дочь Меникея, родившую ему сына Эдипа. Объ Эдипѣ было такое же предсказаніе, какъ и о Персеѣ: а потому

отецъ велѣлъ скоро по рожденьи просверлить ему ноги и отнесть на гору Киѳеронъ къ пастухамъ. Пастухи не отвергли малютку, а отнесли его къ царю Коринѳскому Полибосу. Его бездѣтная жена съ радостью приняла малютку и воспитала его. Когда Эдипъ выросъ, онъ спросилъ Оракула о своихъ родителяхъ, но оракулъ отвѣчалъ: „бѣги отъ родимой стороны: тебѣ злой судьбою назначено быть убійцей отца и мужемъ твоей матери.“ Пораженный этимъ предсказаніемъ, Эдипъ оставилъ и дворъ царя коринѳскаго, ибо ему казалось, что призрѣвшій и воспитавшій его Полибосъ могъ быть ему отцемъ. Потомъ онъ пошелъ, самъ не зная куда, искать счастья. На пути онъ невѣдомо для себя встрѣтилъ дѣйствительнаго своего отца. Случилась ссора у Эдипа съ приближенными Лайоса. Послѣдній принялъ горячее участіе въ ней и погибъ отъ удара собственнаго сына. Невѣдая своего ужаснаго преступленія Эдипъ явился въ Ѳивы. Здѣсь всѣхъ онъ засталъ въ невыразимомъ смущеніи, ибо невиданное чудовище, Сфинксъ, женщина спереди, левъ сзади, рыскало по странѣ, всякому встрѣчному задавало загадку, и тутъ же пожирало его, если онъ не въ состояніи бывалъ разрѣшить загадку. Эдипъ по счастью разрѣшилъ заданное ему. Чудовище съ отчаянія бросилось съ высокой скалы и погибло. Эдипъ же получилъ отъ Ѳиванцевъ награду, обѣщанную ими тому, кто сокрушитъ Сфинкса. Награда эта оказалась Іокаста, царица — вдова; а съ нею владычество надъ Ѳивами.

И сталъ жить съ Іокастой несчастный Эдипъ, не подозрѣвая, какъ скоро исполнилось на немъ

пророчество Оракула. Іокаста родила ему Этеокла и Полиника и дочерей Антигону и Исмену. Во время ужасныхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Ѳивами, Эдипъ обратился къ Оракулу за совѣтомъ, и тутъ-то открылось ему все его неумышленное беззаконіе. Что произошло въ печальномъ семействѣ отъ этого открытія, пусть о томъ говоритъ здѣсь лучше самъ Одиссей, который, повѣствуя о видѣнныхъ имъ въ Аидѣ тѣняхъ усопшихъ, упомянулъ и объ Іокастѣ, которая

«Страшно-преступное дѣло въ незнаньи своемъ совершила,
«Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшися бракомъ.
«Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.
«Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Ѳивахъ,
«Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ,
«Но Іокаста Аидовы двери сама отворила:
«Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,
«Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался
«Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эриній».

(Одиссея. Пѣснь XI).

Эдипъ, чтобъ не видѣть міра, свидѣтеля его преступленій, лишилъ себя зрѣнія и покинулъ страну. Правленіе перешло въ руки сыновей его, но они жили въ такой безпрестанной враждѣ, что сами были причиной вспыхнувшей междоусобной войны, извѣстной подъ именемъ Ѳиванской (о ней подробнѣе разскажемъ въ третьемъ отдѣленіи). Въ эту войну они погибли жестокою смертью во взаимномъ единоборствѣ.

Ужасная судьба Эдипа часто служила поэтамъ предметомъ потрясающихъ трагедій; изъ нихъ замѣчательнѣйшія находимъ у Эсхила и Софокла *).

ѲРАКІЯ.

Ѳракіи принадлежитъ миѳъ объ Орфеѣ. Орфея мы встрѣтимъ въ повѣсти о походѣ Аргонавтовъ, въ связи съ другими замѣчательными личностями, здѣсь же приведемъ отдѣльное о немъ сказаніе. *Орфей*, называемый сыномъ Аполлона и Музы Калліопы, былъ древнѣйшій пѣснопѣвецъ греческій. По однимъ преданіямъ онъ вмѣстѣ съ Геракломъ и Ѳамиромъ учился у знаменитаго пѣвца, Линоса, по другимъ же онъ юность провелъ въ Египтѣ и тамъ-то развилъ въ себѣ необыкновенное свое дарованіе. Отъ волшебной его лиры и обворожительнаго пѣнья вся природа наполнялась сладостнымъ трепетомъ: стихали хоры птицъ, очарованные; останавливались рыбы на своемъ рѣзвомъ пути; горы, деревья и скалы нѣжно откликались на звуки; самые

*) Къ примѣчанію объ Эсхилѣ (см. выше) кстати прибавить два слова объ Эврипидѣ и Софоклѣ. Всѣ они составляютъ группу славнѣйшихъ трагическихъ писателей цвѣтущаго времени Греческаго искусства, то-есть вѣка Перикла. Въ трагедіяхъ Софокла, проникнутыхъ спокойной, идеальной красотой, самые потрясающіе моменты изображеній страсти не нарушаютъ прелести выраженія и гармонически-размѣреннаго стиха. Трагедіи Эврипида, ученика друга Перпклова, Анаксагора, мало чѣмъ уступаютъ произведеніямъ Софокловымъ.

Прим. перевод.

звѣри смягчались въ своихъ логовищахъ и покидая ихъ ласклаись у ногъ волшебника — Орфея. Конечно въ этомъ сказаніи выражена чарующая сила музыки.

Пѣсни Орфея прониклись непобѣдимою силой съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ жену свою, Нимфу Эврпдику. Преслѣдуемая Астреемъ, она спасалась бѣгствомъ и на пути была ужалена на смерть змѣей. Съ этого времени грусть неотразимая проникла душу и пѣсни Орфея. И Нимфы, и самые боги были такъ тронуты ими, что позволили неутѣшному мужу спуститься въ Аидъ за супругой своею. Самъ Гадесъ и Персефона разрѣшили ему увесть Эвридику изъ царства тѣней, но повелѣли на пути къ свѣтлому міру не оглядываться только къ супругѣ своей. Любовь ли, забота ли, но среди мрака Орфей забылъ повелѣнье и оглянулся, здѣсь ли Эвридика, и — послѣдняя, снова принявши видъ тѣни, отклонилась и исчезла на вѣки въ предѣлахъ Аида. Съ этихъ поръ Орфей, безотрадный, не разставался болѣе съ своею скорбью и не разсѣялъ ее среди безконечныхъ странствованій по уединеннымъ пустынямъ. Во время похода въ Колхиду онъ присоединился къ Аргонавтамъ. Имъ оказалъ онъ весьма важныя услуги, особенно когда своимъ неподражаемымъ пѣньемъ и игрой при проѣздѣ мимо острововъ Сиренъ уничтожилъ чары пѣнья послѣднихъ и тѣмъ избавилъ участниковъ въ походѣ отъ неминуемой гибели. Въ другой же разъ, ужъ въ Колхидѣ, онъ усыпилъ дракона, оберегавшаго золотое руно, за которымъ пріѣзжали Аргонавты. Здѣсь Орфей употребилъ въ дѣло таин-

ственныя силы чарованья, которымъ научился въ Египтѣ.

Печаленъ былъ конецъ Орфея: онъ былъ убитъ Вакхантинами (Мэнадами) во время одного изступленнаго празднества Вакху во Ѳракіи. Тѣло его погребли, по преданію, Музы, а лира помѣщена въ звѣздныя группы.

Вся Грецiя была исполнена славы Орфея. Онъ обладалъ не только необыкновеннымъ даромъ пѣнія, но получилъ отъ боговъ и даръ предсказаній. Ученье Орфея о служеньи богамъ и объ оракулахъ ихъ было распространено во всей Греціи, но въ тоже время было въ связи съ различными таинственными обыкновеніями, знать которыя могъ только посвященный въ *орфійскія мистеріи* или орфійское таинственное служенье богамъ.

Знаменитѣйшіе изъ учениковъ Орфея были: Амфіонъ и Музей.

ѲЕССАЛІЯ.

О главныхъ ѳессалійскихъ герояхъ: Пириѳоѣ, другѣ Тезея, Пелейѣ и Ахиллѣ, повѣсть впереди; здѣсь же изложимъ только то коренное ѳессалійское геройское сказаніе, которое прикасается и ко многимъ другимъ подобнымъ, а именно сказаніе о Хиронѣ.

Хиронъ былъ сыномъ Кроноса и Филиры, дочери Океана. Похищая Филиру, Кроносъ, боясь преслѣдованій ревнивой супруги своей, Геры, долженъ былъ принять на себя видъ коня, вотъ почему и

Хиронъ получилъ образъ Центавра. Собственно Центавры были исполинскія существа, спереди человѣкообразныя, сзади же кони, одаренные необычайною силой и быстротой. О происхожденіи ихъ разсказывалось слѣдующее. Иксіонъ, царь ѳессалійскій неутомимо преслѣдовалъ преступной любовью самую Геру. Спасаясь отъ него, богиня предала Иксіону Нефелу (что значитъ *облако*) поразительно сходную съ нею самой. Отъ союза Иксіона съ Нефелой и произошли означенныя существа. За оскорбленіе же цѣломудренной Геры Иксіонъ былъ обреченъ въ царствѣ Гадеса на страшное мученіе. (См. *Гадесъ*).

Хиронъ не принадлежалъ однакожъ къ *этимъ* центравамъ, извѣстнымъ въ миѳологіи по своимъ битвамъ съ Лапитами, дружиной Пириѳоя, но имѣлъ только образъ Центавра. Онъ считался у древнихъ справедливѣйшимъ изъ Центавровъ, знаменитъ былъ какъ искусный врачь, неложный вѣщатель, гадатель по звѣздамъ и славный пѣвецъ. Въ жилищѣ его, пещерѣ на горѣ Пеліонѣ, получили воспитаніе Ахиллесъ, Асклепій, Гераклъ и многіе другіе знаменитые Греки. Страшное для враговъ ясенное копье Пелейя было подарено ему другомъ его, Хирономъ. Аргонавты на пути въ Колхиду заѣзжали къ Хирону за совѣтомъ. Самъ Орфей не стыдился состязаться съ Хирономъ въ пѣньи и игрѣ. Хотя, какъ безсмертный, онъ не подверженъ былъ общему удѣлу обыкновенныхъ людей— смерти, но раненый случайно ядовитой стрѣлой среди ссоры, возникшей у Центавровъ съ Геракломъ, онъ добровольно предался смерти.

На избранномъ нами изображеніи (табл. XXII) представлена борьба Геракла съ Центаврами. Гераклъ потрясаетъ своей исполинской палицей; одинъ изъ Центавровъ мечетъ въ него камнемъ, другой, раненый, обращается въ бѣгство.

По смерти Хиронъ присоединенъ къ божествамъ и также помѣщенъ въ число звѣздъ.

АТТИКА.

Какъ у ѳиванскихъ Спартовъ, такъ и въ аттическомъ народѣ было распространено вѣрованье, что народъ возникъ на собственной почвѣ и управлялся въ древнѣйшія времена царями, происхожденія также туземнаго. Къ этому вѣрованью присоединялось однакожъ и другое, а именно: о прибытіи въ Аттику, въ царствованіе Актея, Египтянина Кекропса. Преданіе говоритъ, что ***Кекропсъ*** былъ принятъ весьма дружелюбно. Царь отдалъ за него дочь свою; по смерти же царя къ Кекропсу перешло и верховное господство въ Аттикѣ. Рядомъ съ этимъ сказаніемъ, по которому Кекропсъ является чужеземцемъ, стоитъ другое, по которому Кекропсъ производится по примѣру прочихъ аттическихъ царей отъ богини Геи (аттической богини земли).

О правленіи его повѣствуется слѣдующее: обезпечивъ предѣлы Аттики отъ вторженія сосѣднихъ Віотійцевъ, онъ заложилъ укрѣпленіе, названное по имени его ***Кекропіей***, которое и послужило началомъ города, посвященнаго богинѣ Аѳинѣ-Пал-

ладѣ и названнаго по имени ея — Аѳинами. (См. *Аѳина-Паллада*). Кекропсъ оказалъ необыкновенныя услуги образованію народному; раздѣлилъ весь народъ на 12 городскихъ общинъ и ввелъ въ нихъ прочный гражданскій порядокъ. Онъ, кромѣ этого, установилъ многіе религіозные обряды, воздвигъ храмы Палладѣ-Аѳинѣ и учредилъ порядокъ жреческаго служенія и жертвоприношеній. Ему же приписываютъ преданія, разрѣшеніе въ пользу богини Аѳины спора, возникшаго у ней съ Посейдономъ. У Кекропса было три дочери: *Герса*, *Аглавра* и *Пандроза*. Отъ брака Герсы съ Гермесомъ родился *Кериксъ*, отъ котораго велъ свое происхожденіе родъ аттическихъ жрецовъ, Keриковъ. Отъ союза Аглавры съ Ареемъ родилась Алкиппа, любившая Посейдонова сына Галлиротіоса, убитаго однакожъ Ареемъ. Какимъ образомъ убійство это послужило поводомъ къ учрежденію высшаго судилища греческаго, ареопага, мы уже упоминали выше (см. Арей). Пандроза, пребывая дѣвой, служила жрицей въ храмѣ дѣвственной богини Аѳины. О дальнѣйшей судьбѣ трехъ сестеръ вотъ что сказывается въ миѳѣ: богиня Аѳина передала имъ на сохраненіе въ закрытомъ ящикѣ дитя Гефеста и Геи, *Эрихтонія*, и повелѣла не открывать ящика. Пандроза не ослушалась богини, остальныя же сестры не въ силахъ были преодолѣть любопытства и открыли ящикъ. Лишь только увидѣли онѣ порожденье Гефеста и Геи въ видѣ змѣи, то пришли въ такой ужасъ и смятеніе, что бѣжали сами не зная куда и бросались со скалъ акрополиса Аѳинскаго. Вѣрная

приказанію, Пандроза получила безсмертіе и стала безотлучной спутницей Аѳины. Достигши зрѣлаго возраста, Эрихтоній сталъ царемъ области и установилъ панатенейскія празднованія (см. выше: Паллада-Аѳина). У сына его, ***Пандіона***, были дѣти: ***Эрехтей***, ***Филомела*** и ***Прокна***. Со смертью Эрехтея во время войны съ Эвмолпомъ, царемъ элевзинскимъ, пресѣклось мужеское колѣно Кекропса, и владычество надъ Аттикой перешло къ *Іону*, сыну Аполлона. О сестрахъ же Эрехтея жило въ народѣ трогательное преданіе. Мы передаемъ его вкратцѣ.

Во время войны Пандіона съ Либдакомъ, царемъ ѳиванскимъ, ѳракійскій царь, Терей, оказалъ ему необыкновенно важное содѣйствіе, за что и получилъ, въ награду, руку дочери его Прокны. Плодомъ супружества ихъ былъ ***Итисъ*** или ***Итилосъ***. Но Терей жаждалъ сестры Прокниной. Подъ предлогомъ, будто бы Прокна умерла, онъ женился на Филомелѣ. Филомела узнаетъ правду и грозитъ мужу открыть его преступленіе; Терей отрѣзываетъ ей языкъ и ссылаетъ въ самую глушь на горѣ Парнассѣ. Прокна не знаетъ ни объ ужасной судьбѣ, ни о близости нѣжно-любимой сестры. Филомелѣ удается сообщить ей объ этомъ, посредствомъ искустно-сдѣланной, ею ткани съ изображеніемъ всего, что случилось. Сестры заключаютъ неразрывный союзъ и клянутся въ вѣчной ненависти къ Терею. Прокна умерщвляетъ собственное дитя и повергаетъ его предъ Тереемъ. Терей, узнавши о замыслѣ обѣихъ сестеръ, готовится нанести имъ роковой ударъ топоромъ, но — вдругъ

всѣ трое, они обращены въ птицъ: Терей въ удода, Прокна въ ласточку, а Филомела — въ соловья. То обстоятельство, что соловей большую часть года не поетъ, послужило поводомъ къ выдумкѣ, будто у него отрѣзанъ языкъ. Сказаніе объ Ориѳіи, дочери Эрехтея, сдѣлавшейся супругой Борея, приведено выше (см. Вѣтры), также упомянуто уже и о супружествѣ Кефала съ Прокрисой (см. Аврора). Теперь остается еще разсказать исторію Іона, который былъ въ Аттикѣ царемъ послѣ того, какъ пресѣклось мужеское колѣно Кадма, а подложный сынъ Эрехтея, Пандіонъ II, изгнанъ былъ въ Мегару, гдѣ отъ него родился Эгей. Іонъ произошелъ отъ тайнаго брака Аполлона съ Крезой, дочерью Эрехтея. Тотчасъ по рожденіи, онъ отнесенъ былъ на чужбину и мать потеряла его изъ виду. Она вышла за Ксуѳа, но супружество это было безплодно. Тогда Ксуѳъ и Креза отправляются въ Дельфы, къ оракулу, вопросить боговъ о потомствѣ своемъ. Въ отвѣтѣ повелѣно имъ признать своимъ сыномъ перваго юношу, который имъ встрѣтится. Встрѣчный оказался Іонъ. Ксуѳъ его усыновилъ и завѣщалъ ему, по смерти его, принять верховную власть надъ областью. Но у Ксуѳа родился, послѣ этого, еще сынъ, *Ахей*. Онъ, какъ ужъ выше упомянуто, былъ родоначальникомъ Ахеянъ.

По другимъ преданіямъ Пандіонъ, сыновьями Метіона, былъ изгнанъ изъ Аттики, переселился въ Мегару, къ тамошнему царю Пилосу, усыновилъ себѣ Эгея, который потомъ, по смерти Пандіона, явился въ Аттику съ братьями своими: ***Палласомъ***, ***Низомъ*** и ***Ликосомъ***, и сталъ съ нимъ

вмѣстѣ господствовать въ этой странѣ, изгнавши оттуда сыновей Метіона. Дальнѣйшую исторію Эгея, отца Тезеева, также какъ и сказанія о подвигахъ послѣдняго, мы изложимъ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о критскихъ Герояхъ, стоящихъ въ близкой связи съ аттическими.

КРИТЪ.

Уже было разсказано, какъ Зевсъ, въ образѣ бѣлоснѣжнаго быка, похитилъ прекрасную дочь царя Агенора, Европу, и съ нею примчался въ критскій Гортисъ. Здѣсь, отъ союза съ божественнѣйшимъ изъ Олимпійцевъ, родились у ней: ***Миносъ***, ***Радамантъ*** и ***Сарпедонъ***. Радамантъ оставилъ Критъ и переселился въ Віотію, гдѣ онъ пользовался необычайнымъ уваженіемъ, какъ законодатель и судья. Онъ же, по преданію, былъ вторымъ супругомъ прекрасной Алкмены, матери Геракла. Сарпедонъ основалъ могущественное государство въ Ликіи. Миносу же, старшему изъ братьевъ, досталея въ удѣлъ Критъ. Въ Миносѣ олицетворено и благоустройство, и законодательство, и могущество, и величіе Крита. Въ немъ одномъ такое обширное значеніе, что въ послѣдствіи его разбили на двѣ личности: собственно на Миноса и на другаго (также Миноса), сына Ликастова, внука перваго Миноса. Но такое извращеніе миѳовъ, которое имѣетъ притязаніе дѣлать изъ нихъ исторію, совершенно неумѣстно, ибо что же такое сами, такъ называемые Герои, какъ не личности вооб-

ражаемыя, представители извѣстныхъ историческихъ періодовъ развитія въ жизни народа греческаго? Слѣдовательно такой же взглядъ надобно имѣть и на Миноса, то есть принимать его за одно, полное значенія, миѳическое лицо.

Миносъ прославился особенно безукоризненнымъ правосудіемъ и далъ своему народу многіе мудрые законы, преподанные ему, какъ онъ говорилъ, самимъ Зевсомъ въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ. Дѣйствительно, черезъ каждые 9 лѣтъ онъ скрывался въ какую-то священную пещеру и здѣсь выслушивалъ уставы Зевса. Какъ мудрѣйшій и правосуднѣйшій изъ людей, Миносъ по смерти облеченъ былъ званіемъ судьи въ мірѣ подземномъ.

«Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ
«Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
«Ждали въ пространномъ, съ вратами широкими, домѣ Аида.»

(Одиссея. Пѣснь XI.)

Особенно покровительствовалъ Миносъ мореплаванію и самъ часто любилъ отправляться для знакомства съ свободной стихіей. Воротившись однажды, изъ такихъ отсутствій изъ дому — говоритъ темное преданіе — Миносъ нашелъ у жены своей Пасифеи, поразительное свидѣтельство нарушенія супружеской чистоты. Пасифея, дочь Геліоса и Персеисы, мать многихъ Миносовыхъ дѣтей, въ томъ числѣ Аріадны и Федры, произвела теперь страшное чудовище, полу-человѣка, полу-быка, названное ***Минотавромъ***, то есть Миносовымъ быкомъ. Миносъ пригласилъ знаменитаго аѳинскаго

зодчаго, Дедала, и велѣлъ ему построить обширное и сложное зданіе и назвалъ его *Лабиринтомъ*. Зданіе это состояло изъ такого множества комнатъ, между которыми вели такіе спутанные ходы, что не знающему ихъ, ни какъ нельзя было выбраться изъ нихъ. Сюда велѣлъ царь заключить Минотавра. Сюда же, впослѣдствіи, отправлялъ онъ всякаго преступника, на жертву чудовищу.

Какъ пространно было могущество Миноса на морѣ, и какъ велико значеніе его вообще, видно изъ того, что Миносъ, при случаѣ, смирялъ и посторонних царей и правителей, хотя бы въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Греціи. Эгей царь Аѳинскій, умертвилъ сына Миноса, Андрогеа, изъ зависти къ тому, что послѣдній отличился на общественныхъ играхъ. Миносъ явился отмстить за смерть сына. Помощью хитрости и измѣнниковъ, онъ завоевалъ Мегару, обложилъ потомъ Аѳины, и принудилъ ихъ, голодомъ и болѣзнями, просить пощады. Аѳины обязались выдать ему семь благороднѣйшихъ женъ и столько же знатнѣйшихъ мужей. Черезъ каждые 8 лѣтъ Аѳины должны были отправлять къ нему такой же выкупъ на жертву Минотавру. Это ужасное жертвоприношеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Тезей, сынъ Аѳинскаго царя, не освободилъ гражданъ отъ такой жестокой и постыдной дани. О подробностяхъ этого освобожденія разскажемъ въ связи съ другими подвигами Тезея.

Привыкши вездѣ и со всѣми поступать съ неограниченнымъ деспотизмомъ, Миносъ не любилъ, чтобы дѣлали при немъ что-либо безъ его вѣдома

и воли. Знаменитый строитель Лабиринта, который въ тоже время былъ и отличнѣйшій скульпторъ, за то, что по желанію царицы подарилъ ей какое-то художественное произведеніе, не имѣвши на это соизволенія царя, жестоко поплатился. Миносъ велѣлъ заключить его вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ сыномъ, Икаромъ въ Лабиринтъ. Оба съумѣли спастись изъ заключенія и бѣжали съ острова. Дедалъ сдѣлалъ изъ перьевъ и воску крылья Икару, съ которыми послѣдній пустился черезъ море въ Сицилію, куда спасся и Дедалъ. Икару не удалось достигнуть Сициліи; онъ, не послушавъ предостереженія, слишкомъ близко подлетѣлъ къ Геліосу; крылья его растаяли и безразсудный Икаръ рухнулся въ море. По имени его и море назвали ***Икарскимъ***. Духъ мести подвинулъ Миноса преслѣдовать Дедала: онъ пустился за нимъ и прибылъ въ Сицилію; но здѣсь, по наущенью Дедала, былъ убитъ жителями острова.

ЭЛИДА и АРГОСЪ.

Прежде, чѣмъ обратимся къ самымъ колоссальнымъ героямъ древности: Гераклу и Тезею, скажемъ нѣсколько словъ о героѣ, который отчасти самъ по себѣ имѣетъ большое значеніе, отчасти же знаменитъ жестокими дѣяньями или плачевной судьбой своихъ потомковъ. Мы разумѣемъ ***Пелопса***. Онъ былъ сынъ Тантала и братъ несчастной Ніобы, супруги Амфіона ѳиванскаго. О Пелосѣ-отцѣ повѣствуетъ миѳологія слѣдующее: его боги такъ

любили и ласкали, что даже, какъ семьянина, сажали съ собою за столъ (?) на Олимпѣ. Пелопсъ во зло употребилъ ласку и довѣріе, коварно предалъ таинства Олимпа, похитилъ нектаръ и амврозію, умертвилъ собственнаго сына Пелопса, чтобы поподчивать имъ посѣтившихъ его однажды боговъ и посмотрѣть, узнаютъ ли они? Боги тотчасъ открывши злодѣя, возвратили убитому жизнь; отца же Зевсъ низвергъ въ преисподнюю, и обрекъ его на жестокія мученія (см. выше Плутонъ).

Пелопсъ изъ мало-азійской Фригіи пришелъ въ южную Грецію, которая по имени его названа Пелопонесомъ. Тутъ онъ, въ области Элидѣ, основалъ свое владычество и облагодѣтельствовалъ народъ свой многими мудрыми законами и учрежденіями. Впрочемъ, о Пелопсѣ существуетъ столько различныхъ миѳовъ, что значеніе его самаго становится темно.

Въ странѣ, куда пришелъ Пелопсъ изъ Фригіи, царствовалъ въ то время царь Деномей, сынъ Арея. У него была единственная дочь, несравненная Гипподамія. Царю было предсказано, что онъ погибнетъ отъ зятя своего; поэтому онъ всячески препятствовалъ браку дочери. Онъ объявилъ, что тотъ только можетъ расчитывать на руку дочери его, кто его самаго побѣдитъ въ ристаньи, метаньи копьемъ и прочихъ воинскихъ упражненіяхъ. Благодаря его необыкновенной силѣ, ловкости и хитрости, а особенно благодаря необычайной быстротѣ коней его, до сихъ поръ никому изъ искателей не удавалось одержать побѣды; напротивъ, большая часть ихъ погибали на самыхъ состязаньяхъ.

Пелопсъ не испугался попробовать счастья. Небесные боги любили его, Посейдонъ подарилъ ему золотую колесницу и быстролетныхъ коней. Съ ними, и съ благоволеніемъ боговъ, Пелопсъ одержалъ блистательную побѣду надъ Деномеемъ. Пелопсу тутъ, впрочемъ, много помогъ еще и возница царскій. Его Пелопсъ соблазнительными подарками съумѣлъ такъ задобрить, что среди бѣга у Деномея соскочило колесо на земь. И такъ Пелопсъ получилъ Гипподамію въ супружество. Отъ нея родилось много дѣтей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшими были: *Атрей* и *Өіестъ*. Гипподамія, подъ рукой любила, Миртилла, но, не находя отвѣта на свою склонность, оклеветала его предъ мужемъ своимъ. Пелопсъ повѣрилъ и сбросилъ невиннаго въ море. Миртиллу удалось спастись на отвѣсную скалу. Въ этомъ мѣстѣ и море названо по имени его Миртисскимъ. Миртиллъ не могъ забыть злодѣйства, сдѣланнаго съ нимъ, и умирая проклялъ Пелопса и домъ его. Проклятіе навлекло впослѣдствіи множество золъ и страданій на домъ Пелопса.

Впрочемъ, какъ герой и правитель, Пелопсъ былъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ миөическихъ личностей. Народу своему онъ оставилъ много истинно-полезныхъ учрежденій; снова ввелъ Олимпійскія игры и еще болѣе возвысилъ блескъ ихъ. Віотійцы причислили его къ божествамъ за необыкновенныя въ немъ качества правителя, и ежегодно приносили ему жертвы въ храмѣ, построенномъ въ Олимпійской рощѣ.

Пелопиды, дѣти Пелопса, испытали большія несчастія. Любимѣйшій сынъ Пелопса, *Хризиппъ*,

былъ убитъ, а Ѳіестъ и Атрей покинули отечество свое. Атрей прибылъ въ Микену, въ область Аремиду, гдѣ царствовалъ Сѳенелъ, сынъ Персея и Андромеды, бывшій ему шуриномъ. Когда сынъ Сѳенела, Эврисѳей, погибъ на войнѣ, къ Атрею перешло по наслѣдству господство въ Аргосѣ и Микенѣ. Атрей сталъ родоначальникомъ новой династіи царей. Сыновья его, *Агамемнонъ* и *Менелай*, были главнѣйшими участниками въ Троянской войнѣ, вспыхнувшей за то, что Парисъ похитилъ супругу царя Менелая. Агамемнонъ имѣлъ верховное начальство надъ всѣми ратями Ахеянъ, отправившихся подъ Трою. Съ Атреемъ прибылъ въ Микену и братъ его Ѳіестъ, но былъ изгнанъ первымъ за то, что обольстилъ жену его. Чтобъ отмстить за себя, Ѳіестъ послалъ къ Атрею собственнаго сына его, котораго съ дѣтства воспитывалъ у себя, какъ своего. Посылая, Ѳіестъ сообщилъ брату о необходимости умертвить посланнаго; что Атрей, не узнавши сына, и исполнилъ, ставши такимъ образомъ убійцей собственнаго сына. Когда Атрей узналъ истину, то составилъ планъ ужасной мести. Онъ притворился, будто совершенно забылъ обиду, нанесенную его чести братомъ, и пригласилъ его къ себѣ. Ѳіестъ поддался обману. У себя въ домѣ Атрей угостилъ брата кушаньемъ, приготовленнымъ изъ убитыхъ дѣтей Ѳіеста. Когда послѣдній удовлетворилъ свой голодъ, Атрей велѣлъ ему показать остатки матеріаловъ, изъ которыхъ приготовленъ былъ гостю обѣдъ. Говорятъ, что несчастный отецъ въ такомъ неописанномъ ужасѣ бѣжалъ изъ дому брата, что самъ свѣтлый

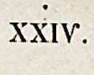
богъ солнца содрогнулся отъ такого злодѣянія и благопріятствовалъ спасенію Ѳіеста. На землю же Атрея палъ голодъ и несчастіе. Оракулъ повелѣлъ ему призвать обратно Ѳіеста. Большаго труда стоило Атрею отыскать Ѳіеста. Атрей заключилъ его въ Аргосѣ и старался подкупить сына его Эгиста, (мы его встрѣтимъ въ исторіи Агамемнона) чтобъ онъ извелъ своего отца. Эгистъ, напротивъ, умертвилъ жестокаго своего дядю при жертвоприношеніи. По смерти Атрея, Агамемнонъ вступилъ на престолъ его и былъ могущественнѣйшимъ изъ царей греческихъ. Братъ его, Менелай, посредствомъ супружества пріобрѣлъ во владѣніе Спарту. Объ этомъ послѣ.

ГЕРАКЛЪ или ГЕРКУЛЕСЪ.

(См. табл. XXII.)

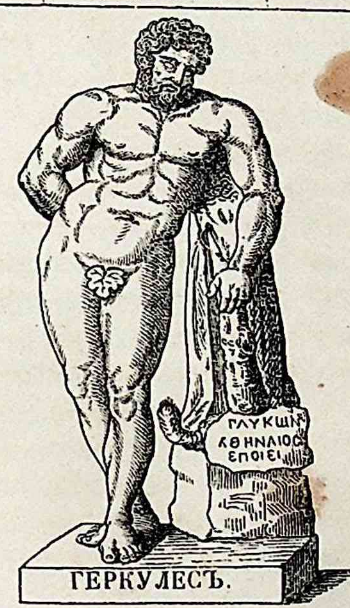
Теперь намъ предстоитъ разсказать о знаменитѣйшихъ герояхъ греческихъ: Гераклѣ и Тезеѣ.

Гераклъ, или по Римски *Геркулесъ*, олицетворяетъ въ себѣ въ высочайшей степени доблести истинно-греческаго героя, такъ что въ немъ виденъ самый законченный идеалъ его. Чрезвычайно обширныя и богатыя подвигами преданія о Гераклѣ мы изложимъ въ четырехъ отдѣленіяхъ: 1. Рожденіе и юность Геракла; 2. Служба его у Эврисѳея; 3. Подвиги его какъ народнаго героя и 4. Смерть Геракла и обоготвореніе его.

ВИКТОРІЯ.

ГЕРКУЛЕСЪ.

1. *Рожденіе и юность Геракла.*

Гераклъ родился отъ Зевса и Алкмены, супруги царя Амфитріона (Амфитріонъ былъ сынъ Алкея,— по чему и Гераклу придается прозваніе Алкида,— внукъ Персея). Гера, узнавши о связи Зевса съ Алкменой, неумолимо преслѣдовала послѣднюю повсюду, Гераклу же показала себя враждебной чуть не до самаго его рожденія. Это было такъ: Зевсъ произнесъ клятву, что тотъ кто родится въ назначенный имъ день, будетъ обладать всѣми окрестными народами. Гера, не могши измѣнить великаго опредѣленія, съумѣла однакожъ задержать рожденіе Геракла, а вмѣсто него ускорить, именно къ назначенному дню, рожденіе Эврисѳея, отъ жены царя Сѳенела, дяди Амфитріона. И такъ рожденный послѣ, Гераклъ, вступилъ въ подданство Эврисѳея. Но Зевсъ возвеличилъ своего сына, даровавъ ему въ самомъ раннемъ періодѣ младенчества безсмертіе. Преданіе объ этомъ повѣствовало слѣдующее: Гермесъ, по повелѣнію Зевса, подалъ Герѣ малютку-Геракла. Восхищенная богиня дала малюткѣ груди своей. Нѣсколько капель божественной пищи достаточны были, чтобъ даровать безсмертіе будущему герою. Говорятъ, что Гера, узнавши, кого она кормитъ, тотчасъ отбросила его въ сторону, а изъ богининой груди брызнули капли по небу. Изъ нихъ то и образовался *млечный путь*, то-есть тотъ бѣловатый поясъ на небѣ, который каждый можетъ видѣть въ ясную ночь и

въ которомъ безчисленныя, на неизмѣримомъ отъ насъ разстояніи находящіяся, звѣзды, составляющія этотъ млечный путь, сливаются въ свѣтло-туманныя полосы.

Уже въ раннемъ младенчествѣ Гераклъ проявилъ божественность свою. Гера послала на него двухъ змѣй, которымъ повелѣно было умертвить младенца. Гераклъ съ улыбкой схватилъ и задушилъ ихъ обѣихъ, къ великой радости своего братишки Ификлеса, который въ страхѣ не зналъ, что дѣлать, и только плакалъ. Амфитріонъ не гнѣвался на супругу за божественнаго ребенка ея; напротивъ, скоро узнавши о его великой будущности, всѣми силами старался, чтобъ Гераклу лучшіе наставники преподали нужныя воинскія упражненія и изящныя искуства, которыя у Грековъ составляли непремѣнную принадлежность героя. Гераклъ во всемъ дѣлалъ удивительные успѣхи, но тутъ же обнаруживалъ и необыкновенную пылкость и увлеченіе. Такъ, въ припадкѣ оныхъ онъ поразилъ однажды, и на смерть, Линоса, упражнявшаго его въ бряцаньи на лирѣ. За этотъ проступокъ Амфитріонъ удалилъ его отъ двора и назначилъ пасти царскія стада. Это занятіе тогда не считалось впрочемъ нисколько предосудительнымъ. Гераклъ оставался въ этой должности до 18-ти лѣтняго возраста.

Въ это время предстали ему внезапно на перекресткѣ дорогъ двѣ богини. Одна, со всей прелестью и очарованьемъ красоты, ласкала юношу и говорила ему: „хочешь ли избѣжать въ жизни всѣхъ скорбей и трудностей? Предоставь мнѣ ру-

ководить тебя — и жизнь будетъ для тебя цѣпью непрерывныхъ наслажденій и радостей." Другая, въ осанкѣ которой величіе достоинства преобладало надъ прелестью красоты, ободряя его свѣтлымъ взглядомъ, говорила: „не бойся труда и борьбы: мужествомъ духа слѣдуетъ мужу преодолѣвать опасности, предстоящія ему. Дѣйствуй такъ, и жизнь для тебя будетъ исполнена подвиговъ доблести и неувядаемой славы между людей и безсмертныхъ." Безъ труда узналъ онъ въ первой богинѣ роскошный, обольстительный путь однихъ наслажденій, ведущихъ незамѣтно къ пороку; а во второй — путь добродѣтельныхъ и доблестныхъ дѣлъ, а съ ними единственно — прочной славы. Гераклъ почувствовалъ свое непростое происхожденіе и свое великое призваніе, и съ послѣдней богиней заключилъ тѣсный, на вѣки неразрывный, союзъ. — Тутъ преданіе конечно олицетворило тотъ моментъ въ жизни юноши, когда достигши полнаго развитія своего для жизни, онъ сознаетъ необходимость избрать себѣ такой, или иной путь и образъ дѣятельности въ жизни.

Конечно, *добродѣтель* и *доблесть* тѣхъ геройскихъ временъ выражаютъ собою понятія отличныя отъ тѣхъ, которыя разумѣютъ подъ ними въ современныхъ намъ обществахъ, просвѣтленныхъ духомъ христіанскаго самопожертвованія. Древніе въ нихъ полагали слѣдующія качества: безстрашіе, съ которымъ человѣкъ встрѣчаетъ видимыя опасности или даже выискиваетъ ихъ; храбрость въ битвѣ съ врагомъ и великодушіе съ побѣжденнымъ; великодушіе не во всемъ, впрочемъ, совпа-

дающее съ нашими понятіями о немъ. Кто больше низложилъ и уничтожилъ чудовищъ или хищныхъ звѣрей или разбойничьихъ шаекъ, опустошавшихъ страну; кто населилъ пустынныя области, или основалъ колоніи; кто съумѣлъ возвысить благоустройство и распространить образованность гражданскихъ обществъ; тотъ у древнихъ во всемъ мірѣ сіялъ славой героя. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ Гераклъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ героевъ. Благодаря исполинской силѣ, онъ легко совершалъ такія дѣла, которыя не входили въ помышленія славнѣйшимъ изъ другихъ героевъ. Свѣтлымъ же, возвышеннымъ духомъ онъ вѣрно узнавалъ истинныя потребности совершеннаго человѣчества, и неуклонно и счастливо велъ ихъ къ исполненію. За то Гераклъ и названъ истиннымъ сыномъ Зевса, храбрѣйшимъ, славнѣйшимъ, лучшимъ изъ героевъ, но въ то же время и *несчастнѣйшимъ*. Послѣднее указывало на ту неблагопріятную судьбу, съ которой у Геракла съ самаго рожденія завязалась борьба, борьба непрерывная, которую, въ сознаніи своихъ силъ и назначенія, герой довелъ до конца, изъ всѣхъ тяжелыхъ испытаній вышелъ побѣдоноснымъ и наконецъ увѣнчанъ былъ тѣмъ, что удостоился принятія въ сонмъ Олимпійскихъ боговъ.

Первые подвиги Геракла были слѣдующіе: онъ умертвилъ льва, опустошавшаго на горѣ Киѳеронѣ стада царя Тестія. За тѣмъ, онъ освободилъ свой родной городъ, Ѳивы, отъ постыдной дани, наложенной на него хищными сосѣдями его, Орхоменцами; а потомъ заставилъ ихъ самихъ на бу-

дущее время платить такую же дань Өивамъ. Этими дѣлами юноша Гераклъ окончилъ свое послушаніе у Амфитріона. Тутъ начинается его тяжкая барщина Эврисөею.

2. *Служба Геракла у Еврисөея.*

Гера, досадуя на возрастающую славу Геракла, заставила Эврисөея призвать его къ себѣ и употребить въ пользу силу и могущество, доставшіяся герою по клятвѣ Зевса. Гераклъ отправился за совѣтомъ къ оракулу. Оракулъ отвѣчалъ, что ему неизбѣжно подвергнуться 12-ти испытаніямъ у Эврисөея, чтобъ заслужить безсмертіе. Гераклъ ушелъ въ пустыню и послѣ долгой, упорной борьбы съ собою самимъ, явился къ Эврисөею, чтобы наложить на себя тяжелое испытаніе. Двѣнадцать работъ, заданныхъ ему одна за другой, онъ выполнилъ самымъ блестящимъ образомъ. Вотъ, что повѣствуетъ о нихъ Миөологія.

1) Прежде всего онъ низложилъ такъ называемаго Немейскаго льва, который въ лѣсахъ и на поляхъ въ области Арголидѣ производилъ страшныя опустошенія, не боясь ни стрѣлъ, ни копій. Гераклъ охватилъ его шею исполинскими руками, повергъ царственнаго звѣря на землю и задушилъ его. Кожу содравши, Гераклъ надѣлъ на себя. Съ тѣхъ поръ его всегда изображали въ этой одеждѣ.

2) Въ той же области свирѣпствовало чудовище о ста головахъ, которыя тотчасъ же вновь выростали, если уничтожали которую-нибудь изъ

нихъ. Это чудовище — гидра, прозванное по имени болотъ близь Лерны, въ Арголидѣ, *Лернайскимъ* и вовлекавшее въ нихъ людей и животныхъ, было уничтожено Геракломъ съ помощью своего щитоносца Іолагая. Гераклъ рубилъ серпообразнымъ мечемъ головы, одну за другой, Іолай же, слѣдомъ за нимъ, прижигалъ ихъ и тѣмъ мѣшалъ наростанію новыхъ. Именно этимъ-то вспомогательнымъ средствомъ воспользовался Эврисѳей, чтобъ не признать исполненнымъ какъ слѣдуетъ даннаго порученія, а потому велѣлъ Гераклу исполнить новое, слѣдующее. Не упустите изъ виду, что по убіеніи чудовища, Гераклъ омочилъ стрѣлы свои въ желчи его и тѣмъ сдѣлалъ ихъ неизбѣжно-смертельными.

3) Гераклу царь повелѣлъ доставить ему лань, посвященную Артемидѣ. Эта лань, съ золотыми рогами, на мѣдныхъ ногахъ, быстротой спорившая съ нагорнымъ вѣтромъ, жила на горѣ Киринеѣ, отъ чего и называлась *Киринейской*. Гераклъ пустился за нею и неутомимымъ преслѣдованіемъ, въ теченіи цѣлаго года, довелъ животное до крайняго изнеможенія, ранилъ его и понесъ на плечахъ по Аркадіи. Артемида, укоривши Геракла, собиралась уже отнять у него добычу, но Гераклъ спасся и самъ и добычу свою удержалъ за собою, объявивъ Артемидѣ, по чьему приказанію онъ долженъ былъ такъ дѣйствовать.

4) *Эримантійскій* свирѣпый вепрь навелъ ужасъ на всю Ѳессалію. Гераклъ, по повелѣнію Эврисѳея, взвалилъ хищника къ себѣ на плечи и такъ быстро и неожиданно предсталъ съ добычей къ царю,

что тотъ въ ужасѣ спрятался въ бочку, къ великому удовольствію Геракла и всѣхъ домашнихъ царя.

5) Гераклу назначено было совершить, весьма неприличное для героя, дѣло: очистить скотный дворъ Аугіаса, царствовавшаго въ Элидѣ, и притомъ очистить въ одинъ день. Скотъ царскій помѣщался предъ его жилищемъ въ пространной оградѣ. Долгое время стояли въ этой оградѣ три тысячи воловъ. Навозу набралось неимовѣрное количество. Но Гераклъ исполнилъ эту работу въ назначенный срокъ и нисколько не унижая достоинства героя; онъ прорылъ канаву отъ двора къ рѣкамъ Алфею и Кладею и впустилъ воды ихъ въ ограду. Остальное сдѣлалось само собой. Царь Эврисѳей не зачелъ ему и этой работы и отправилъ его на шестой подвигъ.

6) Эврисѳей повелѣлъ Гераклу прогнать *Стимфалидъ*. Это были огромныя хищныя птицы, съ желѣзными крыльями, клювами и когтями. Онѣ жили около озера Стимфалиды въ Аркадіи; могли метать свои перья какъ стрѣлы и клювами могли пробивать, даже, мѣдныя латы. Онѣ убивали въ окрестностяхъ множество людей и животныхъ. Самъ Гераклъ, увидя огромную стаю Стимфалидъ, какъ онѣ спустились надъ лѣсомъ, растерялся и не зналъ, какъ совладать съ ними. Вдругъ онъ почувствовалъ легкій ударъ по плечу, обернулся и увидѣлъ исполинскій образъ Аѳины. Богиня вручила ему двѣ мѣдныя трещотки, сдѣланныя для нее Гефестомъ. Она приказала употребить ихъ противъ птицъ и исчезла. Стимфалиды перепуга-

лись страшнаго треска и поднялись изъ лѣсу. Тутъ Гераклъ схватилъ лукъ и стрѣлы и множество изъ птицъ убилъ на лету. Остальныя покинули эту мѣстность и больше не возвращались.

7) Не довольный тѣмъ, что такъ удачно исполнялись его приказанія, Эврисѳей велѣлъ Гераклу укротить свирѣпаго быка, который опустошалъ пастбища на островѣ Критѣ. Самъ Миносъ выпросилъ его у Посейдона; но, позабывши принесть должную жертву, приготовилъ себѣ и другимъ тяжелыя слѣдствія невниманія къ божествамъ. Быкъ, пришедши въ бѣшенство, надѣлалъ царю неисчислимыя бѣды. По приказанію Эврисѳея, Гераклъ одолѣлъ разъяренное животное и явился въ Микены съ добычей на плечахъ. Въ досадѣ, что не удалось ему и этотъ разъ погубить героя, Эврисѳей выпустилъ опять быка, который не замедлилъ опустошить поля въ плодоносной равнинѣ Мараѳонской (въ Аттикѣ), той самой равнинѣ, на которой, впослѣдствіи, Мильтіадъ поразилъ вдесятеро сильнѣйшія полчища Персовъ. Въ исторіи Тезея мы опять встрѣтимъ этого быка подъ именемъ Мараѳонскаго.

8) Теперь Гераклъ былъ отправленъ за конями Ѳракійскаго царя Діомеда. Это были неслыханные кони. Жестокій царь Діомедъ, какъ будто съумѣлъ внушить имъ хищныя побужденья, ибо кони стали нравомъ похожи болѣе на тигровъ, чѣмъ на подобныхъ себѣ; кто бы ни прибылъ изъ чужой земли во владѣнія Діомеда, царь отдавалъ его конямъ своимъ въ добычу и тѣ пожирали его. Гераклъ, собираясь въ путь, пригласилъ съ собой надежныхъ

товарищей и съ ними высадился во Ѳракіи. Смѣло встрѣтилъ онъ свирѣпыхъ чудовищъ, разомъ сокрушилъ ихъ, не менѣе ихъ, свирѣпаго вождя; коней же самыхъ, обуздавши, отвелъ на корабль свой и доставилъ къ царю Эврисѳею. Царь повелѣлъ прогнать ихъ подальше, въ ущелія горъ на жертву дикимъ звѣрямъ. Побѣда эта дорого стоила Гераклу. Діомедъ съ многочисленнымъ войскомъ гнался за похитителемъ, но былъ со всѣмъ войскомъ разбитъ и самъ умерщвленъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ изъ сподвижниковъ Геракловыхъ, Абдеросъ, былъ растерзанъ конями, герой основалъ городъ и, въ воспоминанье дорогаго товарища, назвалъ городъ его именемъ.

9) Гераклъ ужъ бывалъ за предѣлами Греціи. Преслѣдуя лань Киринейскую, онъ носился за нею въ невѣдомыхъ странахъ Гиперборейскихъ и въ долинѣ Истра (Дуная). Теперь ему пришлось проникнуть въ лѣсныя чащи рѣки Борисѳена (Днѣпра) и рыскать въ землѣ дикихъ Скиѳовъ, къ сѣверу отъ Чернаго моря, въ нынѣшней южной Россіи. Дѣло въ томъ, что царь повелѣлъ ему, во что бы ни стало, добыть воинскую перевязь Гипполиты, царицы Амазонокъ. Гераклъ отыскалъ Гипполиту, сразился съ нею и со всею ратію отважныхъ, войнолюбивыхъ подругъ ея и, добывши желанную перевязь, поднесъ ее дочери царя Эврисѳея.

10) Тутъ вдругъ появился герой на крайнихъ предѣлахъ запада. Царь послалъ его на островъ Эритію, на океанѣ, отбить у владыки острова, Геріона, многочисленныя стада его. Самъ исполинъ Геріонъ, о трехъ туловищахъ, и свирѣпый трех-

главый песъ, стороживший стада, не могли устоять подъ ударами могущественной палицы. Гераклъ умертвилъ ихъ обоихъ, стада же привелъ въ Микены.

11) Новый подвигъ смутилъ героя. Ему повелѣли достать изъ стада Гесперидъ нѣсколько золотыхъ яблокъ. Смутилъ потому, что никому не было извѣстно, гдѣ этотъ садъ; знали только гадательно, что онъ гдѣ-то на краю океана. Тутъ пособилъ Гераклу исполинъ Атласъ. Онъ привыкши работать въ тѣхъ предѣлахъ, зналъ мѣстность лучше, чѣмъ сколько могло быть извѣстно герою греческому. Гераклъ проникъ въ этотъ садъ, убилъ дракона, оберегавшаго заповѣдные плоды (см. выше: Геспериды) и вволю набралъ себѣ золотыхъ яблокъ. Успѣхъ этотъ стоилъ, впрочемъ, не мало: по уговору Гераклъ долженъ былъ облегчить участь Атласа и нѣсколько времени подержать за него сводъ небесный.

12) Послѣдній, чуть ли не труднѣйшій, подвигъ Геракла, выказалъ всю небывалую, невиданную въ мірѣ мощь исполина. Царь повелѣлъ ему увести изъ Аида зубастаго стража его, Цербера. Посейдонъ согласился позволить, но съ тѣмъ лишь, чтобы безъ всякихъ орудій, Гераклъ сокрушилъ двери Аида, за которыми сидѣлъ самъ Церберъ. Но не только ударовъ — однихъ напоровъ страшныхъ геройскихъ не вынесли мѣдныя двери, ибо сама Аѳина содѣйствовала Гераклу; вмѣстѣ съ запорами поколебались двери на своихъ основаніяхъ и грохнулись такъ, что всѣ своды небеснаго царства потряслися до самаго верху. Побѣдоносно явил-

ся Гераклъ къ Эврисѳею съ добычей и опять, по его повелѣнію, отнесъ ее на прежнее мѣсто.

Здѣсь кончилось рабство Геракла, наложенное на него богинею Герой.

Дочь Эврисѳея, Адмета, впослѣдствіи жрица Геры, проникнутая благоговѣніемъ къ подвигамъ Геракла, сильнѣе другихъ содѣйствовала къ прославленію и обоготворенію Героя.

3. *Подвиги Геракла, какъ народнаго Героя.*

Кромѣ этихъ 12 работъ, Гераклъ совершилъ множество другихъ знаменитыхъ подвиговъ, частью еще во время служенья у Эврисѳея, частію же по окончаніи этой рабской службы. Между ними занимаетъ почетное мѣсто низложенье исполина Антея, сына Посейдона и Геи, жившаго въ Кирене, въ сѣверной Африкѣ. Антей схватывался со всякимъ иноземцемъ и непремѣнно одолѣвалъ его, ибо каждый разъ, какъ касался земли, черпалъ изъ нея новыя и новыя силы. Гераклъ увидѣвъ, въ чемъ сила Антея, приподнялъ великана, грянулъ имъ о землю и разомъ покончилъ съ нимъ; кости же перенесъ въ Олимпію.

Въ Египтѣ царь Бузирисъ, также Посейдоновъ сынъ, по совѣту оракула, принялъ въ обычай: всякаго иноземца, приходящаго въ его землю, приносить въ жертву Зевесу. Самаго Геракла, когда онъ попалъ въ Египетъ, схватили, связали и обрекли Зевесу; но Герой разорвалъ узы, потомъ умертвилъ

оракула, присовѣтовавшаго такія жертвы, а за нимъ и самаго Бузириса. Гераклъ освободилъ отъ оковъ Прометея (см. выше: *А. Первобытный міръ*); освободилъ Алкестису, супругу царя Адмета*) и принималъ участіе въ походѣ Аргонавтовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, Гераклъ воротился въ Ѳивы, гдѣ отъ долгаго, чрезмѣрнаго напряженія впалъ въ тяжкую болѣзнь, близкую къ помѣшательству. Въ этомъ состояніи герой надѣлалъ много несчастныхъ дѣяній и даже неиствовалъ въ святилищѣ Дельфійскаго оракула. Тогда-то жрица Аполлонова въ пророческомъ духѣ провѣщала, что Гераклъ только тогда исцѣлится отъ своего помѣшательства, когда снова прослужитъ рабомъ цѣлые три года. Гераклъ вступилъ въ службу къ царицѣ Лидійской Омфалѣ. Какъ во время этого добровольнаго плѣна, такъ и послѣ, Гераклъ непереставалъ карать повсюду несправедливости, помогать притѣсненнымъ и совершать подвиги доблести и правды.

Изъ блестящихъ его ратныхъ подвиговъ, доставившихъ ему имя народнаго героя, разскажемъ ниже объ участіи его въ походѣ Аргонавтовъ, а теперь же—о первомъ раззореніи Трои. Поводомъ

---

*) Царь Адметъ былъ безнадежно боленъ. Спрошенный оракулъ сказалъ, что царь можетъ выздоровѣть тогда лишь, когда кто нибудь добровольно пожертвуетъ за него собой смерти. Алкестиса такъ любила своего мужа, что рѣшилась пожертвовать собой. Жизнь выздоровѣвшему безъ любимой супруги была не въ жизнь. Гераклъ такъ настоятельно упрашивалъ бога смерти воротить Алкестису и такъ усердно и долго сжималъ его въ объятіяхъ, что богу ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ исполнить просьбу Гераклова друга.

къ этому раззоренію было нарушеніе слова, даннаго царемъ троянскимъ Лаомѣдономъ Гераклу.

Лаомѣдонъ обѣщалъ тому, кто освободитъ дочь его, Гезіону, отъ чудовища морскаго, отдать ее въ супружество. Гераклъ спасъ Гезіону, но обѣщаннаго не получилъ и потому пошелъ войной на царя, заключивши союзъ съ другими героями: Теламономъ, отцемъ Аякса; Пелеемъ, отцемъ Ахиллеса; и Оиклесомъ, отцемъ Амфіараса. Теламонъ первый взобрался на стѣну городскую, Троя была взята, самъ же Лаомѣдонъ и все семейство его погибли отъ стрѣлъ Геракла. Только Гезіона осталась въ живыхъ, да братъ ея, Подаркесъ; Гезіона, доставшись побѣдителю Теламону, упросила его пощадить жизнь брату, что и было исполнено. Подаркесъ остался царствовать въ Троѣ подъ именемъ Пріама, то есть *выкупленнаго* мольбами Гезіоны. Гераклъ, отплывши изъ подъ Трои, былъ бурей занесенъ на островъ Косъ, гдѣ жители отказали ему въ гостепріимствѣ, за что у Геракла дошло съ ними до войны и разрушенья ихъ города. — Въ другой разъ на островѣ Пилосѣ, Гераклъ умертвилъ вреднаго Периклимена, обладавшаго такимъ страшнымъ умѣньемъ превращать людей во что ему хотѣлось, что и самъ Гераклъ, по прибытіи на островъ спасся, отъ превращенія только благодаря защитѣ богини Аѳины.

Вслѣдъ за этимъ случилось, что Гиппоконтиды, жившіе въ Лаледемонѣ, несправедливо изгнали отъ себя царя своего, Тиндарея, друга Гераклова. Гераклъ, не терпѣвшій нарушенья законнаго права, явился сюда и привелъ все къ желанной имъ

цѣли, хотя и потерялъ въ борьбѣ съ бунтовщиками многихъ изъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ сыновей царя Кефея, но Тиндарея возстановилъ на престолѣ. — Оставляемъ многія другія дѣла и военныя предпріятія Геракла и переходимъ къ тѣмъ, которыя предшествовали смерти героя.

4. *Смерть Геракла и обоготвореніе его.*

Сначала Гераклъ искалъ въ супружество Іолу, дочь Эхалійскаго царя Эвритоса, и исполнилъ всѣ обязательства, наложенныя отцемъ, но обѣщанной Іолы не получилъ. Затаивъ въ душѣ гнѣвъ на коварство Эвритоса, Гераклъ взялъ за себя Діаниру, выдержавъ прежде за нее, по приказанію отца ея, калидонскаго царя, тяжелую борьбу съ рѣкой Ахелоемъ. Теперь Гераклъ пошелъ на Эвритоса наказать его за вѣроломно-нарушенное слово. Гераклъ взялъ и разрушилъ городъ царя и уничтожилъ семейство его, Іолу же пощадилъ и съ нею вмѣстѣ отправился на одинъ изъ мысовъ Эвбеи принесть торжественную, благодарственную жертву Зевесу. Сердце Діаниры сжалось тоской, когда она узнала, что Іола съ Геракломъ; она боялась, чтобы любимца Геракла не завладѣла всею любовью супруга ея.

У Діаниры была таинственная мазь, обладавшая будто бы свойствомъ возвращать потерянную любовь кого-либо изъ супруговъ. Эту мазь подарилъ ей коварный Нессосъ, одинъ изъ Цен-

тавровъ, въ отмщенье за рану, нанесенную ему Геракломъ. Когда къ Діанирѣ явился посолъ отъ Геракла за бѣлой одеждой къ жертвоприношенью, то несчастная Діанира, ослѣпленная ревностью, умастила эту одежду роковой мазью, а потомъ вручила ее сыну, Лихасу, чтобъ самъ онъ доставилъ ее отцу. Лишь только облекся сю Гераклъ, какъ немедленно неотразимый ядъ, съ которымъ мазь была изготовлена Центавромъ, проникъ все его существо. Спасенія не было. Несчастная Діанира, узнавши объ этомъ, лишила себя жизни, не представлявшей ей болѣе ничего утѣшительнаго. Гераклъ, чувствуя близость смерти, повелѣлъ перенесть себя на гору Эту и построить огромный костеръ. Когда все было изготовлено, онъ подарилъ другу своему Филоктету на̀-смерть-разящія свои стрѣлы, и возлегъ на зажженный костеръ. Тогда темное облако покрыло костеръ, духъ же Геракловъ разставшися съ тѣломъ, воспарилъ къ сонму Олимпійскихъ божествъ, гдѣ примиренный съ Герою и высокопоставленный Зевсомъ за услуги, оказанныя ему героемъ въ войну Гигантовъ. Гераклъ раздѣлилъ съ божествами безсмертное блаженство, ставъ въ тоже время супругомъ вѣчно-юной и вѣчно-прекрасной Гебы.

Вотъ существенное содержаніе многихъ, часто противорѣчивыхъ миѳологическихъ повѣствованій о жизни и дѣяніяхъ Геракла. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ лицѣ Геракла соединены сказанія о многихъ герояхъ вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, но герой Гераклъ является у Грековъ и Римлянъ прекраснымъ символомъ величайшей силы и

доблестнѣйшихъ качествъ, характеризующихъ героевъ тогдашнихъ временъ. Эти-то качества и вызывали то необыкновенное почитаніе Геракла, которое запечатлѣно въ храмахъ, воздвигнутыхъ въ честь его въ Греціи и Римѣ. Изъ Греческихъ храмовъ Геракла замѣчательнѣйшіе были въ Ахайи и Віотіи.

По различнымъ качествамъ и дѣяніямъ Геракловымъ ему придавали различныя прозванія, которыя мы здѣсь не приводимъ, ибо ими не выражается ничего новаго или особеннаго о героѣ.

Изображали Геракла обыкновенно въ видѣ необычайно-развитаго, крѣпкаго мужа, въ самую цвѣтущую пору возраста; нагимъ или въ львиной шкурѣ, съ курчавой головой и съ тяжкой дубиной въ рукѣ.

Иногда изображали его въ сонмѣ безсмертныхъ боговъ, раздѣляющимъ радости счастливыхъ небожителей.

Отъ Геракла осталось многочисленное потомство. Полагать свой родъ происшедшимъ отъ Геракла, хотя косвенно, считалось въ древности величайшею честью. Потомки его, Гераклиды, вели долгую и упорную войну за обладанье Пелопонесомъ съ потомками Пелопса, Пелопидами, къ которымъ принадлежалъ и Эврисѳей.

ТЕЗЕЙ.

(См. Табл XXV.)

Тезей для Аттики былъ тѣмъ же, чѣмъ Гераклъ — для Аргоса и Віотіи. Даже и самыя сказанія о нихъ сходны во многихъ подробностяхъ.

Вотъ каково происхожденіе Тезея: отецъ его, Эгей, царствовавшій въ Аттикѣ, былъ потомокъ Аѳинскаго царя Эрехтея; мать Эѳра, дочь Трецепскаго царя, Питѳея внучка Посейдонова. Тезей воспитывался у дѣда своего, Питѳея, который славенъ былъ въ древности мудрыми изрѣченьями и добродѣтельными поступками. Съ раннихъ лѣтъ развивалъ и укрѣплялъ Тезей тѣло свое воинскими упражненіями; но не только въ воинскихъ играхъ, Тезей скоро и въ изящныхъ искусствахъ поравнялся съ лучшими мастерами. Посвятивши переднія пряди волосъ Аполлону, онъ ихъ отрѣзывалъ, волосы же сзади, по старинному обычаю Іонянъ, распадались у него изъ подъ связки; роскошными волнами. Шестнадцати лѣтъ ужъ обнаружилъ онъ необычайную силу и мужество. Въ это время случилось Эгою отправиться въ Аѳины. Прощаясь съ супругой, онъ сказалъ ей, что если юноша въ состояніи будетъ самъ отвалить тяжелый камень, подъ которымъ царь спряталъ свой мечъ и сандаліи, то прислать его къ нему. Все такъ и случилось, Тезей прибылъ къ отцу, который въ это время женился на Медеѣ, (см. ниже), замыслившей было погубить его. Ея замыслы, впрочемъ, откры-

ты во-время и она сама изгнана. И Тезей на пути въ Аѳины совершилъ много дѣлъ подобныхъ первоначальнымъ подвигамъ Геракловымъ. Такъ, въ непроходимомъ ущельѣ, на пути изъ Треценъ въ Эпидавръ, онъ умертвилъ Перифета, который, засѣвши тамъ, всѣхъ проходящихъ побивалъ желѣзной дубиной. Далѣе, близъ Коринѳскаго перешейка, онъ встрѣтилъ разбойника Синиса, причинявшаго не мало вреда и жестокостей путникамъ на большихъ дорогахъ. Его Тезей поразилъ, а на самомъ перешейкѣ (истмѣ) установилъ впослѣдствіи общественныя Истмійскія игры. Возлѣ Кроммiона онъ убилъ свирѣпую дикую свинью, напавшую на него. Въ самомъ опасномъ мѣстѣ скалистой дороги онъ столкнулся съ разбойникомъ Скирономъ, бросавшимъ ограбленныхъ имъ въ пропасть. Тезей его самаго сбросилъ со скалы. У Элевзиса онъ сокрушилъ другаго отважнаго разбойника, Керкiона, отъ котораго много терпѣли прохожiе. Тутъ же онъ уничтожилъ и Дамаста, который былъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Прокруста. Этотъ Дамастъ, подъ видомъ гостепрiимства зазывалъ къ себѣ жертвы и укладывалъ ихъ въ постель: кто былъ длиннѣе постели, тому онъ часть ногъ отрубалъ; а кто короче, того вытягивалъ на столько, чтобъ онъ пришелся въ мѣру.

Очистивши пути, Тезей прибылъ въ Аѳины и тутъ самъ очистился отъ крови и облачился въ длинныя, по обычаю Iонянъ, одежды, въ которыхъ, благодаря юности своей, похожъ былъ на дѣву. Часто народъ Аѳинскiй подшучивалъ, что дѣвица гуляетъ одна по улицамъ города. Однажды, чтобъ

разъувѣрить народъ, Тезей удержалъ колесницу съ волами и такъ высоко разбросалъ по воздуху воловъ, колесницу и строевой матеріалъ, которымъ она была нагружена, что народъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія.

Скоро послѣ прибытія въ Аѳины, Тезей укротилъ свирѣпаго быка, котораго еще Гераклъ (см. выше седьмой подвигъ его;) принесъ изъ Крита въ Грецію и который, снова отпущенный царемъ Эврисѳеемъ, не переставалъ наводить ужасъ на страны сосѣднія Мараѳонской равнинѣ. Тезей привелъ быка въ Аѳины и принесъ его въ жертву богинѣ-покровительницѣ этого города, за содѣйствіе герою въ побѣдѣ. На нашемъ изображеніи представленъ тотъ моментъ, когда герой заноситъ надъ быкомъ ужасную палицу, а съ колѣнъ богини Аѳины слетаетъ къ нему побѣда (Ника).

Но знаменитѣйшій подвигъ Тезея свершенъ въ Лабиринтѣ. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ преданіе. Въ Аѳинахъ готовили обычную дань для отправки на Критъ; въ съѣденье чудовищу Минотавру. Тезей упросилъ, чтобъ въ число обреченныхъ на жертву юношей Аѳинскихъ включили и его. Онъ былъ увѣренъ, что уничтожитъ чудовище. Прибывши на островъ, онъ возжегъ къ себѣ такую безграничную любовь въ сердцѣ дочери Пиноса, Аріадны, что она оказала ему необыкновенно важную услугу при нападеніи его на Минотавра. Ужъ выше было сказано, что въ Лабиринтѣ было столько тысячь комнатъ и съ такими спутанными ходами и переходами, что вошедшій въ него, ни какъ не могъ выбраться, если не былъ за-

ранѣе знакомъ со всѣми подробностями зданія. Аріадна вручила Тезею клубъ нитокъ и Тезей при входѣ укрѣпилъ одинъ конецъ, а съ клубомъ смѣло направился внутрь Лабиринта. Распуская его по пути, онъ легко достигъ до средины зданія, сразился съ чудовищемъ, и умертвивши его, по нити спокойно выбрался изъ опаснаго зданія. Такъ Аѳины освободились отъ постыдной дани. Тезей спасъ себя и товарищей, обреченныхъ на жертву и вмѣстѣ со всѣми ими и съ своей покровительницей, Аріадной, тайно поплылъ къ Аѳинамъ. Впрочемъ, онъ и Аріадну оставилъ на островѣ Наксосѣ потому, что не хотѣлъ привозить на родину иноземную супругу. Какъ Діониссъ нашелъ Аріадну покинутою на островѣ и какъ послѣдняя стала безсмертной супругой ему, объ этомъ см. выше: *Діониссъ*.

А, между тѣмъ въ Аѳинахъ съ замираніемъ сердца ожидали корабля Тезеева. Онъ обѣщалъ, что если судьба благоволитъ ему воротиться съ побѣдой, то Аѳиняне узнаютъ корабль по бѣлому парусу который онъ поставитъ вмѣсто чернаго, подъ которымъ корабль покинулъ Аѳины съ печальною данью. Но въ радости Тезей забылъ обѣщаніе. Корабль приближался, но видя черный парусъ на немъ, престарѣлый отецъ Тезея, съ отчаянія, что потерялъ послѣднюю отрасль свою, лишилъ себя жизни.

Тезей принималъ участіе и въ походѣ Аргонавтовъ и въ битвахъ съ Амазонками. Съ послѣдними два раза; въ первый онъ сопровождалъ Геракла за перевязью Гипполиты. Въ этотъ походъ онъ плѣнилъ сердце Амазонки Антіопы, не хотѣвшей разстать-

ся съ нимъ и въ Греціи. Въ другой разъ Тезей во главѣ рати аѳинской изгналъ Амазонокъ, когда онѣ пришли отомстить Грекамъ за первыя пораженія ихъ. Много при этомъ случаѣ отважныхъ героинь было истреблено, не мало взято въ плѣнъ.

Тезей былъ въ тѣсной дружбѣ съ Ѳессалійскимъ царемъ Пириѳоемъ. На бракѣ послѣдняго съ Гипподаміей, Центавры неожиданно вторглись въ веселое собранье и смутили набѣгомъ своимъ свѣтлый, торжественный пиръ. Но Тезей разогналъ толпы хищниковъ и возстановилъ радость и спокойствіе на пирѣ. Послѣ случилось Тезею поддержать своего друга въ другомъ гораздо опаснѣйшемъ дѣлѣ. Пириѳой почувствовалъ такое неодолимое влеченье къ Персефоніи, что никакія силы ума и рѣшимости не могли погасить страсти его. Онъ предпринялъ безумное дѣло: похитить царицу изъ дому Плутона. Тезей не измѣнилъ дружбѣ: вмѣстѣ съ нимъ отправился онъ, хотя и безнадежно, въ царство тѣней, но здѣсь вмѣстѣ съ другомъ выдержалъ долгій, томительный плѣнъ у Гадеса. Гераклъ освободилъ ихъ.

По смерти Эгея Тезей вступилъ на престолъ отцовскій, царствовалъ славно и мудро; далъ демократическое устройство Аѳинамъ и возвысилъ и расширилъ значеніе народнаго празднества въ честь Аѳины: *Панатенеи*, еще болѣе, чѣмъ онъ имѣлъ при Эрехтеѣ. Кромѣ этого, Тезей по возвращеніи съ Крита учредилъ на священномъ островѣ Делосѣ ежегодный праздникъ состязаній, *Деліи*, на ко-

торомъ побѣдитель получалъ священную пальму. Аѳины посылали туда ежегодно на праздникъ выборныхъ изъ среды своей людей и, говорятъ, на томъ самомъ кораблѣ на которомъ Тезей пріѣзжалъ на этотъ островъ. Въ Аѳинахъ Тезей учредилъ въ честь Аполлону праздникъ *Піанепсій*, а Діониссу, какъ супругу Аріадны, праздникъ *Осхофорій*. Тезей по преданью погибъ отъ руки убійцы Ликомеда, во время возстанія въ Аѳинахъ.

Супругами Тезея называются преимущественно Антіопа и Федра, сестра Аріадны.

Аѳиняне почитали Тезея, какъ полу-бога, построили ему храмъ и установили ежегодный народный праздникъ. Благоговѣніе къ памяти этого Героя очень понятно: не считая уже многихъ отдѣльныхъ дѣяній Тезея во славу Аѳинянъ, самыя Аѳины были возвеличены имъ на степень первостатейнаго города, а разрозненныя, незначительные округи греческіе соединены въ одну, могущественную область — Аттику.

Предстоящее повѣствованіе объ охотѣ на Калидонскаго вепря и о походѣ Аргонавтовъ, заключитъ собой второе отдѣленіе сказаній о древнихъ Герояхъ Греціи и въ тоже время познакомитъ васъ, читатели, еще съ нѣкоторыми личностями, примыкающими къ этому періоду героическаго существованія Греціи.

МЕЛЕАГРЪ

И

ОХОТА НА КАЛИДОНСКАГО ВЕПРЯ.

Во главѣ этого предпріятія стоитъ Мелеагръ. *Мелеагръ* былъ сынъ Инея, царя Калидонскаго (другія преданія говорятъ: сынъ Арея) и Алѳеи; онъ же и братъ Діаниры, слѣдовательно шуринъ Геракла. Парки видѣли рожденье Героя, а когда ихъ спросили о срокѣ жизни Мелеагра, Атропа отвѣчала: „онъ будетъ жить, пока не сгоритъ головня, которая пылаетъ на этомъ домашнемъ очагѣ.“ Тотчась Алѳея выхватила головню, погасила и заботливо спрятала ее. Такъ Мелеагръ выросъ, укрытый отъ опасности смерти, принималъ участіе въ походѣ Аргонавтовъ, но и кромѣ этого совершилъ много доблестныхъ дѣлъ. Во всемъ блескѣ явился этотъ Герой во главѣ охоты на Калидонскаго вепря, который, какъ полагали, былъ потомкомъ страшной Кроніонской свиньи, пораженной Тезеемъ. По преданью, вепрь этотъ явился на поляхъ Калидонскихъ и уничтожилъ до корня пастбища и нивы по повелѣнью богини Артемиды, разгнѣванной тѣмъ, что царь Иней, принося однажды жертву всѣмъ божествамъ, ее одну позабылъ. Всѣ усилія народа изгнать, или захватить клычистаго звѣря, были напрасны. Мелеагръ тогда созвалъ Героевъ на общую охоту, и шкуру ужаснаго вепря назначилъ побѣдной цѣной. И явились по зову *Идасъ*

и *Линкей* изъ Мессены, *Касторъ* и *Полидектъ* изъ Лакедемона, *Тезей* изъ Аѳинъ, *Адметъ* изъ Феры, *Анкей* и прекрасная *Аталанта* изъ Аркадіи, *Язонъ* изъ Іолка, *Пелей* изъ Ѳессаліи, и многіе другіе Герои и охотники. Противъ такого сонма мужей не устоялъ звѣрь. Наиболѣе отличились Анкей и Аталанта. Послѣдняя особенно тѣмъ, что изъ нѣжнаго чувства любви къ Мелеагру, она старалась и успѣла любимцу своему, а не кому другому, приготовить совершенную побѣду. Такъ и случилось: раненый ея мѣткой стрѣлою звѣрь, былъ направленъ на Мелеагра, который окончательно поразилъ его. Впрочемъ, сердце побѣдителя отозвалось къ Аталантѣ, и ей онъ поднесъ трофей свой. Аталанта не долго владѣла подаркомъ: братья матери Мелеагровой не могли снести, что такая дорогая добыча не въ ихъ рукахъ. На обратномъ пути Аталанты въ Аркадію они силою отняли у нея шкуру вепря. Отъ ссоры съ дядями дошло у Мелеагра и до схватки, и оба завистника пали отъ могучей руки племянника. Но мать не пощадила сына и отмстила ему за братьевъ своихъ: долго сохраняемая головня, въ первомъ порывѣ гнѣва, брошена была ею въ пламя, и Мелеагръ въ страданьяхъ окончилъ цвѣтущую жизнь, обѣщавшую много новыхъ блистательныхъ дѣлъ. Одумавшись, мать испытала весь ужасъ позднягo раскаянія и въ отчаяньи лишила себя жизни.

Память о Мелеагрѣ, какъ о славномъ Героѣ, долго была предметомъ благоговѣнья для народа. — Изображали Мелеагра въ видѣ мужа цвѣтущей поры, въ охотничьемъ нарядѣ, съ дротомъ и соба-

кой. Голова вепря непремѣнно сопровождаетъ его изображеніе.

Несравненно знаменитѣе художниками и поэтами прославленной охоты на Калидонскаго вепря былъ

ПОХОДЪ АРГОНАВТОВЪ,

заключающій въ себѣ еще болѣе удивительныя и чудесныя приключенья Героевъ.

Во главѣ предпріятія стоитъ *Язонъ*. Вотъ его происхожденіе: отецъ, — царь Іолка Ѳессалійскаго, Эзонъ; а мать — Алкимеда, правнука Эола, не того Эола, который завѣдывалъ вѣтрами, а другаго: сына Эллина и внука Девкаліона. Сводный братъ Эзоновъ, Пеліасъ, отнялъ у него престолъ и всѣхъ близкихъ или далекихъ преемниковъ его преслѣдовалъ съ неутомимой жестокостью. Язона спасли однакожъ друзья отца его и укрыли отъ Пеліаса къ Центавру Хирону. Здѣсь воспитывался Язонъ. Достигши же 20-ти лѣтняго возраста, онъ по слову оракула воротился къ Пеліасу и потребовалъ у него своего отцовскаго наслѣдія. И Пеліасу давно было извѣстно, также чрезъ оракула, что одинъ изъ потомковъ Эола свергнетъ его съ престола. Узнать же его можно будетъ по тому, что онъ явится съ одной сандаліей. Пеліасъ взглянулъ на ноги Язона и смутился, увидя роковой признакъ: другую сандалію (конечно это случилось во исполненіе пророческаго слова) Язонъ потерялъ незадолго передъ тѣмъ, какъ явиться ему къ Пеліасу. На дорогѣ, у рѣчки Энипея, онъ

встрѣтилъ старушку (то была сама Гера), которая не знала, какъ перебраться ей на ту сторону рѣки. Язонъ перенесъ ее на другой берегъ, но на пути, связи одной изъ сандалій ослабли и Язонъ обронилъ ее въ воду. Пеліасъ увидѣлъ, что настало время исполненія слова оракула, но онъ обѣщалъ вручить Язону царскій вѣнецъ и престолъ только тогда, когда онъ заслужитъ ихъ какимъ-либо достойнымъ подвигомъ. Онъ указалъ Язону поѣхать въ Колхиду и привезть оттуда золотое руно. Язонъ принялъ предложеніе и не теряя времени, принялся окончательно снаряжать въ путь корабль Арго. Корабль этотъ, невиданной до тѣхъ поръ величины, былъ выстроенъ прежде, подъ непосредственнымъ руководствомъ Геры и Аѳины. Скоро корабль былъ готовъ. За Героями не было остановки. Между многочисленными охотниками, которые вызвались сопровождать Язона, встрѣчаемъ имена почти всѣхъ знаменитостей того времени; тутъ были: ***Гераклъ***, ***Касторъ*** и ***Поллуксъ***, ***Мелеагръ***, ***Орфей***, ***Пелей*** (отецъ Ахилла), ***Нелей*** (отецъ Нестора), ***Адметъ***, ***Тезей*** съ другомъ своимъ ***Пириѳоемъ***, оба сыновья борея ***Калаисъ*** и ***Цетъ***, такіежъ крылатые какъ и отецъ, и множество другихъ славныхъ вождей и Героевъ.

Вотъ исторія золотаго руна: одного изъ сыновей Эола (Эллинида) звали Атамасомъ. Этотъ Атамасъ женился на Нефелѣ и имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей: сына Фрикса и дочь Гелу. По смерти Нефелы онъ снова женился, на дочери Кадма, Ино, которая родила ему двухъ сыновей: Леарха и Меликерта. Ино какъ мачиха не любила дѣтей

Атамаса отъ первой жены; такъ не любила, что вымышляла даже сжить ихъ какъ-нибудь сд-свѣта. Мать изъ подземнаго царства откликнулась на страданья дѣтей своихъ и — говоритъ преданье — явилась къ нимъ, привела съ собою златоруннаго барана и уговорила ихъ спастись на немъ за море. Фриксъ благополучно достигъ спасенья, Гела же утонула въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ море сжимается между Европой и Азіей. Древніе, въ воспоминаніе погибшей, назвали это мѣсто Геллеспонтомъ, а теперь оно называется проливомъ Дарданельскимъ. Фрикъ одинъ прибылъ въ Колхиду (нынѣшнюю Кутаисскую губернію) и въ благодарственную жертву принесъ Зевсу своего барана, золотое же руно его повѣсилъ въ храмѣ Арея; самъ Фриксъ царствовалъ долго и славно въ новой странѣ. Вотъ за этимъ-то руномъ отправился теперь Язонъ, умоливши сначала Зевеса покровительствовать его предпріятію и получивши несомнѣнный знакъ его благоволенія: громы и молніи. Съ товарищами, *Аргонавтами* (слово въ слово значитъ: *мореходцами на корабль Арго*) прежде всего приплылъ онъ на островъ Лемносъ. Здѣсь они застали только однѣхъ женъ: мужья ихъ были убиты женами по повелѣнію самой Афродиты. Но Аргонавты приняты самымъ радушнымъ образомъ. Они пробыли здѣсь долго, а отъ браковъ, заключенныхъ ими съ Лемносскими вдовами, родилося на островѣ цѣлое поколѣнье витязей и героевъ. Изъ женъ Лемносскихъ упомянемъ Гипсипилу, родившую Язону сына Инеоса. Однакоже, какъ ни легко было пребыванье Аргонавтамъ на Лемносѣ,

пора была продолжать путь. Снова пустились они въ море и уже собирались отплыть изъ Кизика, гдѣ была ихъ стоянка, но ихъ задержало то, что у Геракла сломилось весло. Герой отправился въ лѣсъ сдѣлать себѣ новое. Съ нимъ былъ прелестный юноша Гиласъ. Нимфы, увидѣвъ его, такъ плѣнились его красотой, что пока Гераклъ былъ занятъ работой, тайкомъ увели юношу къ себѣ. Гераклъ, спохватившись, сталъ всюду искать его и никакъ не хотѣлъ воротиться на корабль, не найдя Гиласа, живаго или мертваго. Товарищи, потерявши надежду на возвращенье Геракла, поплыли безъ него дальше. Теперь имъ пришлось остановиться въ Бебрике, гдѣ нынѣ Скутари, на Азіатскомъ берегу противъ Константинополя. Тутъ царствовалъ въ то время Амикосъ, неодолимый кулачный боецъ. Кто бы ни прибывалъ въ его страну, за прѣсной водой, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, долженъ былъ непремѣнно сразиться съ царемъ и — погибнуть въ неравномъ бою. И съ Аргонавтами, когда они высадились за прѣсной водой, Амикосъ вздумалъ сражаться, но тутъ онъ встрѣтилъ конецъ свой: его побѣдилъ Полидевкъ (Поллуксъ) сынъ Зевса, первый кулачный боецъ своего времени. Аргонавты продолжали путь далѣе. При входѣ въ Черное море, гдѣ и теперешнимъ мореходцамъ предстоитъ не мало усилій, они испытали много препятствій, и навѣрно погибли бы здѣсь, еслибъ новое неожиданное событіе не помогло имъ. Страна, гдѣ встрѣтили Аргонавты столько опасностей, принадлежала Финею, который отлично зналъ, какъ избѣжать ихъ. Но Финей, за несправедливые поступки съ

женою своей, одною изъ дочерей Борея, и дѣтьми ея, былъ въ это время подъ гнѣвомъ боговъ: онъ, лишенный зрѣнія, преданъ былъ на терзаніе Гарпіямъ и изнемогалъ отъ голода, ибо Гарпіи, или похищали его пищу, или умѣли различными нечистотами дѣлать ее негодной къ употребленію. Калаисъ и Цетъ уничтожили Гарпій, и обрадованный Финей отблагодарилъ ихъ тѣмъ, что указалъ гдѣ и какія опасности предстоятъ имъ, и какъ преодолѣть ихъ. Величайшая опасность грозила имъ въ проходѣ между скалъ Симплегадскихъ. Скалы эти громадныя, неподвижныя, неминуемо затирали судно, попавшее между нихъ. Финей присовѣтовалъ послать впереди корабля голубя, самимъ же — въ то время, когда скалы сомкнувшись и сжавши голубя отодвинутся на прежнія мѣста — быстро скользнуть между нихъ. Такъ и исполнили; только не успѣли проскользнуть цѣликомъ: часть кормила корабельнаго попала между скалъ и съ тѣхъ поръ послѣднія стали крѣпко на мѣстѣ. Вотъ какія бѣды потерпѣли Аргонавты, но наконецъ достигли желанной Колхиды. Здѣсь въ то время царствовалъ Аэтосъ, сынъ Геліоса и Персеисы. И этотъ царь назначилъ Язону совершить прежде много трудныхъ дѣлъ, если хочетъ получить золотое руно. Хорошо, что Язону помогла дочь Аэта, искусная въ разныхъ волшебствахъ, Медея. Она полюбила отважнаго Язона и съ-умѣла сдѣлать его неуязвимымъ отъ огня и меча. Язону предстояло во-первыхъ: неукротимыхъ, огнедышущихъ воловъ съ желѣзными копытами запречь въ желѣзный же плугъ и вспахать ими землю Арея; потомъ посѣять

на ней зубье драконье, чтобъ выросли воины въ полномъ вооруженьи, готовые въ битву; тогда только могъ онъ съ ними достать золотое руно въ рощѣ Арея. Оно было повѣшено на дубѣ и охраняемо ужаснымъ чудовищемъ. Помощь Медеи, а еще болѣе защита богини Аѳины (замѣтьте: богини разума и разсужденья) помогли ему исполнить всѣ приготовленія, и во время роковой битвы съ чудовищемъ, рѣшили дѣло въ пользу Героя. Язонъ поразилъ стража, добылъ руно и отплылъ вмѣстѣ съ Медеей домой. Аэтосъ, въ досадѣ, что у него увезли дочь, пустился въ погоню и ужъ догналъ бы Язона, еслибъ Медея не изрубила своего меньшаго брата, Абсирта, и не разбросала частей его по морю *). Несчастный отецъ принялся собирать ихъ, бѣглецы же выигравъ время, налегли на весла и скоро скрылись изъ виду и достигли предѣловъ странствованія, впрочемъ не безъ новыхъ, многочисленныхъ приключеній. Пеліасъ теперь не хотѣлъ было уступать Язону обѣщанный престолъ, но послѣдній отнялъ у него насильно наслѣдіе свое не только въ Іолкѣ, но и въ Коринѳѣ, гдѣ царствовалъ Аэтосъ до отъѣзда своего въ Колхиду.

Десять лѣтъ правленья его протекли въ мирѣ, на одинадцатый случилось Язону плѣниться прекрасной Коринѳянкой Креусой (по другимъ преданіямъ Главкой). Первая жена его, Медея, въ му-

---

*) По другимъ сказаніямъ не Медея убила своего брата: онъ ужъ является взрослымъ во время бѣгства сестры. Отецъ послалъ его въ погоню за нею. Абсиртъ на какомъ-то островѣ выжидалъ Язона и вступивши съ нимъ въ борьбу, имъ былъ убитъ.

ченіяхъ безсильной ревности рѣшилась отравить свою соперницу, пославши ей ядовитое платье и такой же вѣнокъ, а домъ отца ея, Креона, предать пламени. Все это она исполнила, а когда Язонъ готовился излить на нее гнѣвъ свой, Медея, умертвивши дѣтей своихъ отъ брака съ нимъ, бѣжала въ Аѳины, гдѣ стала супругой царя Эгея, но не надолго, потому что умыслы ея на жизнь Тезея (см. выше) заставили ее спасаться изъ Аѳинъ. Говорятъ, что на крылатомъ драконѣ она снова умчалась въ Колхиду. Язонъ повсюду искалъ отдыха душѣ, измученной послѣдними испытаньями; наконецъ рѣшилъ поселиться въ святилищѣ на перешейкѣ Коринѳскомъ, въ томъ самомъ, въ которомъ сохранялся, богамъ посвященный имъ, корабль Арго. Здѣсь Язонъ и умеръ, по однимъ сказаньямъ: лишивши самъ себя жизни; а по другимъ: отъ упавшей на него задней части корабля въ то время, какъ онъ проходилъ подъ нею.

Очень можетъ быть, что въ основаніи миѳа о походѣ Аргонавтовъ лежитъ дѣйствительное событіе. Золотое руно могло означать богатства Колхидскаго царя Аэтоса, богатства, подвинувшія Грековъ на первое великое предпріятіе ихъ на морѣ, увѣнчанное при помощи Медеи полнымъ успѣхомъ, не смотря на необыкновенныя опасности въ невиданныхъ до тѣхъ поръ Греками мѣстностяхъ. А можетъ быть, что въ Язонѣ олицетворено представленіе человѣка, для котораго обладаніе матеріальными богатствами составляетъ преобладающій интересъ въ жизни. Если такъ, то обстоятельства жизни Язона являются (въ повѣствованіи) въ пол-

номъ соотвѣтствіи съ этой основной мыслью. Въ самомъ дѣлѣ: опасности ради богатства, похищеніе Медеи, которой обязанъ не только достиженіемъ своей цѣли, но и тѣмъ, что она изъ любви къ нему покинула домъ отца своего, и родину, и брата роднаго принесла въ жертву этой любви; измѣна Язона въ пользу своей жажды чувственныхъ наслажденій; все это не выражаетъ ли полнаго, всепоглощающаго самолюбія? Все для себя и ничего для другихъ, а тѣмъ менѣе для общественнаго блага! Въ этомъ отношеніи Язонъ представляетъ личность совершенно противуположную личности Геракла. За то и жалкій, ничтожный конецъ Язона далекъ отъ величественной кончины божественнаго Геракла. Въ образѣ Медеи представлены: все благородство увлеченія любви, вся преданность и самоотверженіе въ пользу любимаго существа, такъ свойственныя женщинѣ; но къ несчастію съ этимъ же вмѣстѣ изображены всѣ ужасныя слѣдствія ревности и мести, когда эти страсти проникаютъ въ душу женщины и становятся, наперекоръ возвышенному чувству истиннаго человѣческаго достоинства и разсудку, полновластными руководителями поступковъ ея. Язонъ и Медея стали предметомъ трагедіи и представлены со всей яркостью красокъ въ произведеніи знаменитаго Эврипида *).

---

*) См. выше примѣчанія объ Эсхилѣ и Софоклѣ, которымъ Эврипидъ былъ современникомъ и соперникомъ по роду своихъ литературныхъ произведеній, уступающихъ, впрочемъ, по красотѣ своей, произведеніямъ первыхъ двухъ писателей. Лица, особенно женскія, представляются у него созданными подъ вліяніемъ мрачнаго взгляда на жизнь, развившагося у

С. ПЕРІОДЪ МЛАДШИХЪ ГЕРОЕВЪ.

—

ПОХОДЪ НА ѲИВЫ И ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

Періодъ младшихъ Героевъ, сыновей и внучатъ тѣхъ, о подвигахъ которыхъ разсказано въ предъидущихъ отдѣленіяхъ, заключаетъ въ себѣ два величайшихъ повѣствованія: о походѣ противъ Ѳивъ и о Троянской войнѣ. Въ основаніяхъ обоихъ повѣствованій лежатъ хотя и историческія событія, но въ изложеніи, подробности ихъ неразрывно связаны съ миѳическими украшеніями, и во всемъ ходѣ своемъ переплетены съ живыми цвѣтами плодовитой фантазіи Греческой.

Оба эти повѣствованія полнѣе, чѣмъ всѣ остальныя народныя греческія сказанія, сохранились въ древнѣйшихъ памятникахъ ихъ поэзіи. Походъ семи Героевъ противъ Ѳивъ заключается, какъ въ древней эпопеѣ „*Ѳиваидѣ*“, (время не пощадило имени автора ея), такъ и въ послѣдующихъ, частями дошедшихъ до насъ, трагедіяхъ греческихъ. Повѣствованье же о Троянской войнѣ заключается въ цѣломъ рядѣ эпическихъ произведеній, изъ ко-

---

Эврипида вѣроятно въ слѣдствіе разочарованій и потрясающихъ огорченій, испытанныхъ имъ въ семействѣ своемъ. Шаткость же религіознаго настроенія поэта, настроенія, дающаго такую свѣжесть поэтическимъ произведеніямъ Греціи, выражается въ восклицаніи, вырвавшемся у Эврипида: «мы служимъ богамъ, но чтожъ такое боги?»

Прим. перев.

торыхъ наиболѣе полнымъ и законченнымъ дошло до насъ знаменитое произведеніе Гомера: „*Иллiада*". По примѣру древнихъ поэтовъ взываемъ и мы къ Музамъ, чтобъ онѣ украсили наше повѣствованіе и дали вамъ, читающимъ, возможность увидѣть изъ него, въ связи и въ полной картинѣ, великія предпріятія той поры греческаго развитія, когда страна и народъ являются уже на высокой степени гражданственности.

ПОХОДЪ НА ѲИВЫ СЕМИ ГЕРОЕВЪ.

ПОХОДЪ ЭПИГОНОВЪ.

Мы ужъ видѣли (см. Ѳивы стр. 324) какимъ образомъ, сцѣпленьемъ преслѣдованій злобной судьбы, Эдипъ, умертвивши отца своего, вступилъ на престолъ Ѳивскій и женился на собственной матери Іокастѣ. Вы помните, что отъ Іокасты родилося Эдипу двое сыновей: Этеоклъ и Полиникъ и столько же дочерей: Антигона и Исмена, и что по открытіи ужаснаго преступленія, совершеннаго бракомъ Эдипа, Іокаста умертвила себя. Эдипъ, лишенный зрѣнія, обрекъ себя на добровольное изгнаніе, въ которомъ только благородная дочь его Антигона не покидала отца, раздѣляя повсюду съ нимъ тяжкія нужды и страданія.

Сыновья Эдиповы остались въ Ѳивахъ, долго спорили за право наслѣдія, наконецъ положили царствовать поочередно, по году каждому. Перворожденный, Этеоклъ, вступилъ на престолъ, но по ис-

теченіи срока онъ не только не передалъ престола брату своему, а напротивъ вовсе изгналъ послѣдняго изъ роднаго города.

Съ ненавистью на брата явился Полиникъ къ Адрасту, царю Сикіонскому. Тутъ онъ встрѣтилъ радушный пріемъ и засталъ здѣсь еще одного изгнанника, такого же претендента на престолъ, Тидея Аргосскаго. Оба сдружились, а за тѣмъ поклялись неизмѣнно служить другъ другу въ дѣлѣ возвращенія себѣ отнятыхъ престоловъ. И самъ царь Сикіонскій, уже связанный съ ними узами родства, ибо отдалъ за юношей своихъ двухъ дочерей, присталъ къ ихъ союзу и созвалъ могучую рать идти прежде за Полиника на Ѳивы, а тамъ за Тидея въ Аргосъ.

Сами юноши-претенданты тоже не теряли времени, но пользуясь своимъ именемъ странствовали по всей Греціи, приглашая желающихъ служить ихъ дѣлу. Многіе доблестные витязи отозвались на воинственный кличь: явились ***Капаней***, Гиппоноосовъ сынъ, изъ Аргоса; ***Этеоклъ***, сынъ Ифиса; ***Парѳенопей***, сынъ Аталанты и Меланіона (или Арея) изъ Аркадіи. Къ нимъ присоединился еще и знаменитый мудрецъ и вѣщатель ***Амфіарасъ***, сынъ Оиклеса (или Аполлона). И такъ главныхъ вождей собралось вмѣстѣ съ Полиникомъ, Тидеемъ и Адрастомъ семеро, почему и походъ ихъ названъ ***походомъ семи*** противъ Ѳивъ. Амфіарасъ, впрочемъ не долго былъ съ ними: какъ человѣкъ строгихъ понятій о нравственности и законности, онъ скоро увидѣлъ своекорыстіе вождей, къ которымъ попалъ самъ въ товарищи. Онъ сочувствовалъ неспра-

ведливости, сдѣланной Полинику, но какъ достойный сынъ родины не могъ примириться съ тѣмъ, что Полиникъ набралъ чужеземныя рати и ихъ хочетъ направить на родной городъ. По этимъ причинамъ онъ открыто отказался отъ участія въ походѣ и остальнымъ участникамъ объявилъ, что боги не могутъ благословить успѣхомъ ихъ противузаконнаго дѣла, и что если они будутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, то онъ всѣмъ имъ предсказываетъ печальный конецъ. Но эти остальные много расчитывали на такого человѣка, каковъ былъ въ глазахъ всѣхъ Амфіарасъ, и потому старались принудить его не оставлять общаго дѣла. Чтобъ успѣть въ этомъ, вотъ что они придумали сдѣлать.

И до этого часто бывали размолвки у Амфіараса съ Адрастомъ. Тутъ же случился у нихъ горячій споръ по поводу предпринимаемаго похода. Споръ грозилъ быть безплоднымъ и даже опаснымъ. Обѣ стороны согласились поручить женѣ Амфіараса, Эрифилѣ, которая приходилась Адрасту сестрой, разрѣшить его. Полиникъ воспользовался страстью Эрифилы къ красивымъ нарядамъ, и дорогимъ уборомъ съ,умѣлъ совершенно склонить ее на Адрастову, то есть свою, сторону. Сознавая всю правоту своего мужа и предчувствуя исполненіе предсказанья его, что никому кромѣ Адраста не вернуться изъ похода, Эрифила однакожъ покривила душой и рѣшила неправо. За то, отправляясь по неволѣ въ походъ, Амфіарасъ произнесъ ей проклятье за ложь, и проклятье то привело всѣ ужасныя свои послѣдствія: Эриѳила пала

подъ рукой собственнаго сына, Алкмеона, въ отмщенье за коварно-преданнаго отца.

Такъ изготовилось войско въ походъ. Но прежде, чѣмъ послѣдуемъ за ними, посмотримъ, что было съ Эдипомъ въ это время. Въ безъисходной тоскѣ и отчаяніи блуждалъ онъ по Греціи, поддерживаемый въ скорби только великодушной дочерью своей, и такъ прибылъ въ Аттику. Здѣсь оракулъ предвѣстилъ ему близкій конецъ страданій. До сихъ поръ сыновья и не думали объ отцѣ; когда же на запросъ Полиника о предстоящемъ исходѣ борьбы его съ братомъ, оракулъ отвѣчалъ, что только тотъ побѣдитъ, на чьей сторонѣ будетъ Эдипъ и къ кому онъ явится въ Ѳивы, тогда Полиникъ самъ отыскалъ отца и просилъ его вмѣстѣ съ нимъ двинуться на Ѳивы и насладиться плодами побѣды. Эдипъ проклялъ беззаконное предпріятіе Полиника. Узналъ объ оракулѣ и Этеоклъ. Изъ Ѳивъ выслалъ онъ тогда въ Аттику дядю своего, Креона, брата матери своей, съ порученіемъ привести отца въ Ѳивы и, если нужно будетъ, то употребить для этого даже силу. — Креонъ готовъ уже былъ поступить по приказанію, но Тезей не допустилъ совершиться нечестивому дѣлу: онъ прогналъ посла и всѣхъ сопровождавшихъ его. Эдипъ проклявши обоихъ сыновъ, посягнувшихъ на отца своего, предрекъ имъ обоимъ смерть отъ междоусобія и потомъ удалился въ рощу Эвменидъ, близъ Колонна, не далеко отъ Аѳинъ, гдѣ и умеръ. Тезей торжественно предалъ его погребенію, Антигона въ глубокой печали воротилась въ Ѳивы.

Въ это-то время приближалось къ городу воинство семи вождей. Прибывши въ Немею они увидѣли, какъ боги не благопріятствуютъ имъ. Богъ-покровитель Ѳивъ, Діониссъ, изсушилъ всѣ ключи и источники въ этомъ мѣстѣ. Томимые жаждой, воины встрѣтили Гипсипилу (см. выше: Походъ Аргонавтовъ. стр. 373), ту самую, которую жены Лемносскія изъ зависти къ ней за предпочтенье, оказанное ей Язономъ, продали въ рабство къ Ликургу, царю Немейскому. Гипсипилѣ поручили смотрѣніе за царскимъ малюткой, Офельтесомъ. Вожди усердно просили показать имъ какой-нибудь источникъ и она, готовясь исполнить ихъ просьбу, положила младенца въ лѣсу, на траву. Она забыла, что оракулъ предупреждалъ ее не оставлять малютки. Возвратившіеся отъ источника увидѣли, что змѣй охватилъ и задушилъ оставленнаго Офельтеса. Тидей и Капаней бросились на змѣя, но Амфіарасъ удержалъ ихъ. „Это—посланье боговъ, сказалъ онъ; Зевсъ знаменуетъ недоброе намъ.“ Амфіарасъ назвалъ поэтому погибшаго младенца: *Археморосъ*, что значитъ—„роковое начало.“ Вожди умиротворили горестныхъ и гнѣвныхъ родителей тѣмъ, что совершили блистательныя игры на похоронахъ Офельтеса. Эти игры послужили началомъ общественныхъ Немейскихъ игръ (см. выше: Зевсъ стр. 51). Гипсипила, которую сынъ ея, Инеосъ, давно и повсюду искалъ, встрѣтилась здѣсь съ нимъ и съ нимъ же воротилась на родину.

Не смотря на всѣ эти зловѣщія предзнаменованья, воинство подошло къ Ѳивамъ, расположилось

возлѣ лагеремъ и пытаясь покончить съ Этеокломъ мирнымъ путемъ, отправило къ нему Тидея съ требованіемъ уступки престола Полинику.

Тидей былъ принятъ весьма непріязненно и, вопреки священному праву посла, былъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ навѣрно пришлось бы ему погибнуть, не будь онъ герой: онъ одинъ поразилъ всю свою стражу, до 50 человѣкъ; только одинъ изъ нихъ спасся и въ трепетѣ сообщилъ царю о неслыханномъ подвигѣ.

И такъ приходилось рѣшать дѣло оружіемъ. Ѳивы обложили кругомъ: семь полководцевъ расположились, каждый съ своею дружиной, противъ семи городскихъ воротъ. Этеоклъ съ своей стороны выставилъ имъ семь отборныхъ ратей подъ предводительствомъ особыхъ вождей, себѣ же предоставилъ идти противъ братней дружины. Начались битвы. Много доблести выказали обѣ стороны, но явно было, что боги не благоволятъ нападающимъ, а напротивъ крѣпко стоятъ за Ѳиванскія рати, ибо тронуты самоотверженіемъ сына Креонова, Меникея, который по слову оракула Тирезія, не колеблясь принесъ себя въ добровольную жертву богамъ. Въ день рѣшительной битвы Амфіарасъ предсказалъ своимъ всеобщее пораженіе, а вождямъ, кромѣ Адраста, погибель. Тогда вручивши послѣднему, на память своимъ, разные знаки, вожди съ мужествомъ отчаянья ринулись въ битву.

И ужъ, казалось, колеблятся Ѳивы; воинъ безстрашный, Капаней, сквозь тысячи копій и стрѣлъ, отважно вознесся съ дружиной подъ самыя стѣны;

вотъ воины громоздятся и лѣзутъ; Капаней ужъ хватается за зубчатую стѣну,—вдругъ молнія поражаетъ отважнаго.... рати отхлынули назадъ. Всеобщее смятеніе въ сонмѣ осаждающихъ; Ѳиванцы, ободренные знаменьемъ Зевса, какъ бурные потоки проливаются на безпорядочно бѣгущихъ Аргивянъ. Этеоклъ и Полиникъ сшибаются въ послѣдней схваткѣ и уничтожаютъ другъ друга. Вожди ихъ падаютъ другъ за другомъ и воинство истреблено, или разсѣяно; только пораженный Амфіарасъ ухватился за землю, обожженную молніей Зевса и остался на ней по смерти демономъ-вѣщателемъ, да Адраста вынесъ изъ погибельной свалки крылатый конь Аріонъ „порожденіе крови безсмертной."

Въ Ѳивахъ власть по смерти Этеокла перешла къ Креону. Новый царь предалъ торжественному погребенію тѣло Этеокла, Полиника же, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ хоронить. Такъ, неудостоенный послѣдней почести, онъ блуждалъ бы безпріютной душою по міру, нигдѣ не зная покоя. Этого великодушная Антигона не могла вынести. Тайно и противъ повелѣнья Креона, она похоронила несчастнаго брата. Схваченная на мѣстѣ дозорными царскими, Антигона представлена на судъ. Судъ приговорилъ закопать ее живую, не смотря на то, что она была невѣстой царскаго сына Гемона, и что женихъ со слезами молилъ о пощадѣ ея. Въ глубокое подземелье зарыли несчастную Антигону. Тамъ она удавила себя, не имѣя силъ ожидать голодной смерти. И Гемонъ съ отчаянья лишилъ себя жизни. Тогда раскаявался, но поздно, одинокій отецъ въ своемъ не-

преклонномъ жестокосердіи. Такъ уничтожился весь домъ Эдиповъ.

Тридцать лѣтъ спустя, сыны пораженныхъ героевъ—отцовъ предприняли въ отмщенье новый походъ противъ Ѳивъ. Этотъ походъ извѣстенъ подъ именемъ похода *Эпигоновъ* (то есть потомковъ). На этотъ разъ благоволеніе Зевса сопровождало героевъ, — городъ Ѳивы разрушенъ до основанія, и долго на мѣстѣ его стояло бѣдное селенье, называвшееся: *пригородные Ѳивы*.

ТРОЯ И ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

Поводъ къ войнѣ.

Во время похода Эпигоновъ на Ѳивы, въ Троѣ, или Илліонѣ, главномъ городѣ прекрасной области, находившейся у Геллеспонта, царствовалъ Пріамъ (См. выше: *Подаркесъ*, стр. 361). Супругу его звали Гекубой. Предъ рожденьемъ меньшаго сына его Париса, одна изъ дочерей Пріамовыхъ, Кассандра, въ пророческомъ предвидѣніи, полученномъ ею отъ Аполлона, предсказала, что новорожденный будетъ причиною погибели Трои. Чтобъ не дать предсказанью исполниться, Париса тотчасъ по рожденьи отнесли изъ дому и оставили въ полѣ на произволъ всѣхъ случайностей. Пастухи нашли и воспитали его. И Парисъ выросъ пастухомъ на горѣ Идѣ, въ полной неизвѣстности и въ полномъ собственномъ невѣдѣніи, кто онъ.

Однажды, когда Парисъ слѣдилъ за своимъ ста-

домъ по зеленымъ отлогостямъ горъ, предстали къ нему Гера, Аѳина и Афродита, прося рѣшить, кто изъ нихъ выше красотой. Здѣсь еще разъ нужно вспомнить, какъ это случилось, что богини явились къ Парису на судъ за этимъ приговоромъ. Уже было разсказано о томъ, какъ Ѳемида отсовѣтовала Зевсу сочетаться бракомъ съ прекрасной Ѳетидой на томъ основаніи, что отъ этого брака произошелъ бы такой сынъ, который могуществомъ своимъ могъ бы сдѣлаться опаснымъ для самого отца. Предсказаніе Ѳемиды отклонило намѣренье Зевса и въ совѣтѣ боговъ положено было выдать Ѳетиду за смертнаго мужа Пелея. Пелей, царь Ѳессалійскаго города Ѳтіи, пользовался особеннымъ расположеніемъ боговъ за свое необыкновенное благочестіе. Ѳетида долго противилась этому браку, но настойчивость Пелея побѣдила ее. На свадьбѣ Ѳетиды, какъ на свадьбѣ Кадма и Гармоніи, присутствовали всѣ боги и богини; одна только Эриса не была приглашена: ее забыли. Богиня раздора, вѣрная своему значенію, отмстила за невниманіе это тѣмъ, что съумѣла вызвать среди веселаго собранія распрю и ссору. Она бросила въ общество золотое яблоко съ надписью на немъ: „прекраснѣйшей.“ Каждая изъ трехъ вышеназванныхъ богинь присвоивала яблоко себѣ. Вышелъ за яблоко раздоръ между ними. Зевсъ отправилъ ихъ къ Парису, на Иду. Юноша былъ въ затрудненіи и отказывался произнесть рѣшеніе въ такомъ щекотливомъ вопросѣ. Богини склоняли его обѣщаніемъ разныхъ подарковъ: Гера, царица, обѣщала ему владычество въ Азіи; Аѳина

воинственная, обѣщала даровать неувядаемую славу героя; Афродита же, богиня любви, обѣщала подарить ему прекраснѣйшую изъ всѣхъ женъ на землѣ. Тогда Парисъ рѣшился произнесть, и безъ того ужъ готовый, приговоръ въ пользу послѣдней богини и тѣмъ оскорбилъ первыхъ двухъ. Гера и Аѳина враждебно преслѣдовали Париса и перенесли ненависть къ нему на его родной городъ Трою.

Между тѣмъ случилось въ царскомъ домѣ Троянскомъ жертвоприношеніе. Двое изъ сыновей Пріамовыхъ, Гекторъ и Эленъ, отправились на Иду и выбрали лучшихъ тельцовъ изъ стада, тельцовъ—любимцевъ Париса. Сколько Парисъ ни отстаивалъ ихъ, указывая другихъ, не менѣе годныхъ къ жертвоприношенію, — все было напрасно. Онъ самъ тогда пошелъ въ Трою съ цѣлью: возвратить ихъ во что бы ни стало. Братья въ свою очередь отстаивали взятыхъ. Дошло до ссоры, а отъ ссоры до дѣла, и Парису конечно пришлось бы погибнуть отъ руки братьевъ, не знавшихъ его, еслибъ не вступилась въ распрю Кассандра — пророчица. Она открыла происхожденіе Париса. Радость всеобщая въ домѣ Пріама была тогда такъ велика, что не только умолкли всѣ ссоры, но и самое роковое предсказаніе, о бѣдствіи дому царскому и всей Троѣ отъ этого сына, было забыто.

Парису, послѣ пастушеской жизни такъ понравилось при дворѣ отцовскомъ, что у него изглаживалось воспоминаніе о явившихся ему на Идѣ богиняхъ; самое же обѣщаніе, данное Афродитой, представлялось какъ сновидѣніе. Богиня сама на-

помнила ему; она приказала Парису построить корабль и отправиться въ Спарту, гдѣ ему назначено получить обѣщанную награду: несравненную Елену. Парисъ исполнилъ повелѣніе и въ сопровожденіи Энея, Анхизова сына, и самой Афродиты поплылъ въ Элладу.

Въ Амикле онъ былъ дружелюбно принятъ Діоскурами: ***Касторомъ*** и ***Поліевктомъ*** (***Поллуксомъ***). Оба послѣдніе были сыновьями Зевса и Леды, и братьями обѣщанной Елены и Клитемнестры (супруги царя Агамемнона). Касторъ и Клитемнестра были смертны, братъ же его и Елена одарены были блаженнымъ безсмертьемъ. Не смотря на это различіе судьбы, братья и сестры жили въ самой тѣсной дружбѣ и братской любви.

Парисъ, послѣ краткаго пребыванія у Діоскуровъ, поспѣшилъ въ Спарту. Тутъ онъ съ товарищемъ своимъ нашелъ не менѣе дружелюбный пріемъ у доблестнаго и гостепріимнаго царя Менелая, супруга Елены. О происхожденіи Менелая отъ Атрея уже разсказано; теперь разскажемъ исторію брака его съ Еленой.

Елена, еще бывши дѣвочкой, своей невиданной въ мірѣ красотой воспламеняла сердца доблестныхъ мужей. Тогда уже Тезей похитилъ ее изъ дому у родныхъ. Діоскуры возвратили ее силой и, при этомъ случаѣ, мать Тезея Эѳру, отдали въ рабство Еленѣ. Когда Елена возрасла и развернулась во всемъ очарованьи юной красоты и прелести, самъ попечитель ея, Лединъ супругъ, Тиндаръ, не зналъ, какъ ему быть съ безчисленными искателями руки Елены. Выбрать было трудно, ибо всѣ они были

славнѣйшіе и отборнѣйшіе изъ сонма героевъ Греціи; отдать же Елену одному изъ нихъ значило всѣхъ другихъ возстановить противъ себя и приготовить себѣ такимъ образомъ неизчислимыя опасности. Въ такомъ затрудненіи Тиндаръ придумалъ самой красавицѣ предоставить выборъ себѣ супруга; искателей же обязать клятвой не только не мстить счастливому избраннику Елены, но напротивъ, съ полной готовностью, помогать ему въ дѣлахъ его и если можно то радоваться его радости. Такъ и сдѣлано. Страшная клятва искателей произнесена. Елена избрала собѣ благороднаго Менелая, брата шурина своего, могущественнаго Агамемнона. Свадьбу отпраздновали съ неслыханнымъ торжествомъ. И все было бы хорошо,—не забудь Тиндаръ на радостяхъ, принести благодарственную жертву богинѣ Афродитѣ. Разгнѣванная богиня отмстила за себя тѣмъ, что, на горе Тиндару, назначила сердцу его питомицы — Елены, помимо успокоительнаго, отраднаго чувства къ своему супругу, вспыхнуть всепожирающимъ пламенемъ страстной любви. Теперь, съ пріѣздомъ Париса, настала минута исполненія богининой мести.

Итакъ Елена и Парисъ, увлекаемые неопреодолимою страстью, съ каждымъ днемъ сближались болѣе и болѣе и становились одинъ другому чѣмъто такимъ необходимымъ, какъ существованіе. Впрочемъ, они такъ тщательно скрывали свое роковое чувство, что царь Менелай, ничего не подозрѣвая, спокойно оставилъ Париса въ своемъ гостепріимномъ домѣ, когда самому ему пришлось отлучиться на свиданіе съ Идоменеемъ, царемъ Критскимъ.

Съ отъѣздомъ Менелая грозная туча надвинулась на его домашнее благополучіе. Къ несчастію и братья Елены, Діоскуры, не могли отвратить отъ нее опасности. Богиня устроила такъ, что Діоскуры въ это время совершенно поглощены были собственными дѣлами: они домогались рукъ дочерей Левкиппа: Гилаиры и Фебы, любившихъ, однакожъ, Афареевыхъ сыновъ: Идаса и Линкея, а потому отвергавшихъ домогательство Діоскуровъ. Отказъ повлекъ открытую ссору соперниковъ. Касторъ убилъ Линкея, но, какъ смертный, самъ погибъ отъ Идаса. Поліевктъ, безсмертный, отмстилъ, правда, за брата, но самому ему такъ было грустно на свѣтѣ безъ любимаго брата, что онъ просилъ отца своего, Зевса, позволить ему подѣлиться съ братомъ своимъ безсмертіемъ. Зевсъ исполнилъ его просьбу и съ тѣхъ поръ, Касторъ и Поллуксъ остались оба въ памяти народной, какъ полу-боги, особенно покровительствующіе мореходцамъ, застигнутымъ бурею. И чудилось послѣднимъ присутствіе неразлучныхъ братьевъ въ томъ электрическомъ огонькѣ *), который часто играетъ на верхушкахъ мачтъ корабельныхъ.

---

*) Извѣстно, что при всякой температурѣ вода испаряется, а при этомъ въ ней скопляется болѣе или менѣе электричества. Въ тучахъ поэтому, такъ какъ онѣ представляютъ огромныя массы водяныхъ испареній, находится и огромный запасъ электричества. Освобожденье этого электричества является въ видѣ *сіянія;* стремленье освободившейся искры электричества перейти въ другое облако, или въ землю, производитъ *молнію* и слѣдующій за ней *громъ*, происходящій отъ быстраго смыканья разрѣзаннаго ею воздуха. Эти явленія, извѣстныя всякому, не всегда, однакожъ, совершаются точно такъ, какъ сказано. Если грозовыя тучи идутъ очень

Но возвратимся къ Парису. Увлеченная собственной страстью, Елена скоро поддалась очарованію рѣчи Париса: она забыла и благороднаго супруга своего, и домъ, гдѣ жила такимъ безмятежнымъ, полнымъ счастіемъ, и рѣшилась бѣжать съ соблазнителемъ далеко отъ Спарты. Тайно, ночью, похитивши большую часть сокровищъ царскихъ, сѣли они на корабль и не смотря на сильную бурю, воздвигнутую Герой, покровительницей цѣломудреннаго супружества, отправились и доплыли благополучно въ Трою, гдѣ торжественно и шумно отпировали и свадьбу свою.

Приготовленіе къ походу въ Трою.

Такъ обрушилось несчастіе на Трою. Еще въ то время, когда Менелай гостилъ у Идоменея, Ириса принесла ему вѣсть о несчастіи и стыдѣ, постигшихъ домъ и имя его. Не теряя времени, Менелай отправляется домой и посовѣтовавшись съ братомъ своимъ Агамемнономъ, ѣдетъ на островъ Пилосъ, къ старцу царю Нестору, прожившему уже два вѣка человѣческихъ и пріобрѣвшему без-

---

низко, т. е. близко къ поверхности земли, то электричество земли, стремясь соединиться съ электричествомъ тучь, восходитъ къ нему посредствомъ возвышеннѣйшихъ точекъ на поверхности земли. Чаще всего оно устремляется къ тучамъ съ вершинъ остроконечныхъ высокихъ башень, верхушекъ мачтъ, и т. п. въ видѣ игриваго пламени, которое, впрочемъ, не сжигаетъ предметовъ. Уже древніе замѣчали это явленіе и называли его Касторомъ и Поллуксомъ; теперь же называютъ его огнемъ св. Эльмз. *Прим. перевод.*

конечную опытность и мудрость въ жизни. Въ юности доблестный герой приготовилъ дѣлами своими неувядаемую славу своему имени; въ старости мудрою рѣчью онъ сталъ выше всѣхъ скиптроносныхъ царей греческихъ. Въ труднѣйшихъ случаяхъ, опытнѣйшіе мужи обращались къ Нестору за совѣтомъ и свято исполняли его. Къ нему-то отправился Менелай. Несторъ ему объявилъ, что соединенными силами всей Греціи слѣдуетъ наказать похитителей и возстановить царя въ его правѣ.

Итакъ, оба героя отправились по Греціи сзывать въ походъ товарищей своихъ. Многіе изъ гражданъ, прежнихъ жениховъ, соискателей Елены сочли себя обязанными принять участіе въ походѣ, другихъ доблестныхъ героевъ увлекъ рыцарскій духъ поддержать справедливую сторону въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ предстояло наказать вѣроломно нарушенное гостепріимство, соблазнъ, похищеніе и срамъ, нанесенные въ лицѣ Менелая достоинству каждаго сына Греціи. Такъ собралось войско многочисленное, вожди славнѣйшіе.

Только Одиссея и Ахиллеса, мудрѣйшихъ и доблестнѣйшихъ изъ героевъ греческихъ, трудно было склонить къ принятію участія въ Троянскомъ походѣ. Сынъ Лаэрта, Одиссей, царь Итаки и сосѣднихъ ей островковъ, былъ такъ счастливъ женой своей Пенелоппой, дочерью Икарія, которая является въ греческой исторіи чистѣйшимъ и благороднѣйшимъ типомъ женщины; онъ такъ недавно былъ обрадованъ рожденіемъ сына Телемака, что ему тяжело было разстаться со всѣмъ этимъ

безмятежнымъ благополучіемъ и отправиться на войну, которой нельзя было предполагать близкаго конца. Одиссей притворился помѣшаннымъ, когда явились къ нему послы; но одинъ изъ нихъ, Паламедъ, обнаружилъ его хитрость и — тутъ ужъ нельзя было долѣе уклоняться отъ участія въ общемъ дѣлѣ. Одиссей оставилъ семью свою, затаивши чувство мести къ Паламеду. Впослѣдствіи онъ нашелъ случай отплатить ему.

Съ Ахилломъ поступили иначе. Объ этой отрасли героя Пелея и богини Ѳетиды было предсказано, что онъ можетъ: или наслаждаться долгимъ счастьемъ въ невозмутимомъ спокойствіи жизни, или же умереть скоро, но за то прославившись прежде необычайными подвигами и затмивши собою всѣхъ современниковъ своихъ. Мать его, по понятному материнскому чувству, предпочла, конечно, первое и скрыла сына въ женскомъ платьѣ, между дочерей царя Ликомеда, на островѣ Скирѣ. Здѣсь полюбилъ онъ Деидамію и отъ брака съ нею имѣлъ сына Неоптолема. Онъ также долженъ былъ, впослѣдствіи, явиться подъ Троей. Собравшіеся герои греческіе расчитывали отыскать и склонить къ себѣ и Ахилла. И то и другое взялся сдѣлать „хитроумный Одиссей„.

Одиссей съ другими сподвижниками, переодѣвшись торговцами, прибылъ на островъ Скиру и, въ домѣ царя Ликомеда, предлагалъ дочерямъ его купить различныя бездѣлушки. Дочери царскія съ жадностью бросились къ новизнѣ и со вниманіемъ разсматривали красивыя вещицы. Одинъ Ахиллесъ, одѣтый, какъ и онѣ, не обращалъ на дорогія ве-

щицы никакого вниманія. Тогда Одиссей сталъ показывать дорогое военное убранство и блестящее оружіе. При видѣ косматыхъ шлемовъ и сіяющихъ латъ, при звукахъ военныхъ музыкальныхъ инструментовъ, Ахиллесъ вспыхнулъ воинственнымъ жаромъ и, схвативши оружіе, примкнулъ къ героямъ искать себѣ славы. Простившись съ своими, Ахиллесъ отправился вмѣстѣ съ послами, сопровождаемый другомъ своимъ, Патрокломъ, Менетія сыномъ. Герои собрались въ Авлидѣ.

Никогда еще Греція не видала такого блестящаго собранія воиновъ. Болѣе 1,000 кораблей стояли въ бухтѣ Авлидской, а на каждомъ изъ нихъ среднимъ числомъ помѣщалось до 150 воиновъ. Только необыкновеннымъ единодушіемъ въ предпринимаемомъ дѣлѣ можно себѣ объяснить, какъ въ тѣ времена и въ такой малой странѣ, какъ Греція, могло составиться войско въ 150 тысячъ. Главнокомандующимъ былъ избранъ могущественнѣйшій изъ участниковъ, царь Агамемнонъ, владыка Аргоса и многихъ острововъ прилежащихъ.

Событія предшествовавшія войнѣ.

Когда могущественное войско греческое собралось въ Авлидской гавани, случилось чудо, котораго смыслъ остался бы непонятнымъ, еслибъ не объяснилъ его жрецъ Калхасъ. Змѣя всползла на платанъ, обвилась вокругъ воробьинаго гнѣзда съ девятью птенцами, проглотила сначала всѣхъ ихъ, потомъ мать ихъ, а наконецъ сама, повисши, ока-

менѣла. Калхасъ открылъ въ этомъ явленіи такой смыслъ: девять лѣтъ рати греческія подъ стѣнами Трои проведутъ въ кровавыхъ битвахъ, на десятый возьмутъ городъ. Съ этимъ знаменіемъ отправилось воинство въ походъ. Сначала, не зная пути, все войско прибыло къ берегамъ Мизіи и, принявши ихъ за владѣнія Троянскаго царя, принялось ихъ опустошать. Царь Мизіи, сынъ Геракловъ, Телефъ, быстро двинулся съ многочисленнымъ войскомъ на Грековъ и только съ большимъ трудомъ заставилъ ихъ удалиться на корабли: такъ храбро дрались Греки. Патроклъ, сопровождавшій повсюду Ахилла, особенно отличился здѣсь и былъ раненъ; Ахиллъ исцѣлилъ его рану, такъ какъ онъ былъ искусенъ въ врачеваніи, научившись этому у наставника своего Хирона. Тутъ же Ахиллъ соединился съ Патрокломъ тѣми тѣсными, неразрывными узами дружбы, которыхъ сама смерть не могла уничтожить. Телефъ отразилъ Грековъ, но самъ раненный онъ страдалъ, ибо не было человѣка, который умѣлъ бы пособить ему. Спрошенный оракулъ отвѣчалъ ему: „Тотъ исцѣлитъ тебя, кто ранилъ.“ Въ тоже время и Грекамъ было слово оракула: „Телефъ пусть укажетъ вамъ путь въ Трою.

Когда Греки собрались снова въ Авлидской бухтѣ, Агамемнонъ чуть не навлекъ на все воинство гнѣва боговъ. Онъ встрѣтилъ однажды на ловлѣ быстроногую, чудную лань и въ пылу охотничьяго увлеченія погнался за нею и застрѣлилъ ее. Лань же эта была одна изъ стада богини Артемиды. Богиня приведена была въ негодованіе

поступкомъ Агамемнона, особенно тѣмъ, что послѣдній хвалился предъ всѣми ловкостью и силой на охотѣ и дерзалъ равняться въ этихъ качествахъ съ самой Артемидой. То было для Агамемнона началомъ длинной цѣпи ужасныхъ несчастій. По повелѣнію разгнѣванной богини затихли всѣ вѣтры и море угладилось къ общей печали союзной рати. Шли недѣли за недѣлями, а кораблямъ греческимъ нельзя было и думать о выходѣ. Правда, что Паламедъ изобрелъ игру въ кости и другія препровожденія времени для праздныхъ воиновъ, но тѣмъ не менѣе, общее, принужденное бездѣйствіе тяготило всѣхъ, особенно потому, что конца непріятному состоянію не предвидѣлось. Показывались уже недовольные въ воинствѣ, и все, блистательно затѣянное дѣло грозило разрѣшиться ничѣмъ. Тогда жрецъ Калхасъ объявилъ, что богиня требуетъ отъ Агамемнона жертвы, старшей дочери его, Ифигеніи.

Долго въ сердцѣ Агамемнона боролись отцовское чувство и долгъ царя и военачальника. Послѣднее одолѣло. Агамемнонъ послалъ за женой и дочерью въ Авлиду, подъ предлогомъ сговора Ифигеніи за Ахилла. Явилися жены и приступили къ жертвоприношенію. Ифигенію, убравши и приготовивши какъ слѣдуетъ, возвели на зажженный костеръ. Богиня Артемида, тронутая послушаніемъ Агамемнона, окружила густымъ облакомъ возведенную жертву и перенесла ее въ Тавриду (Крымъ), гдѣ поставила ее жрицей въ храмѣ своемъ. Когда облако разсѣялось, всѣ увидѣли на мѣстѣ Ифигеніи одну изъ богининыхъ

ланей. Надъ нею и совершено жертвоприношеніе въ глазахъ пораженнаго религіознымъ трепетомъ народа. Такъ умилостивилъ Агамемнонъ раздраженную богиню, но въ то же время приготовилъ себѣ ненависть жены своей: Клитемнестра никогда не могла забыть уклончивости, съ которою царь вызвалъ ее съ дочерью изъ Авлиды. Это чувство подготовило событія, къ которымъ мы впослѣдствіи возвратимся.

Теперь все было готово къ вторичному отплытію, не доставало только путеводителя Телефа. Послѣдній скоро явился въ станъ греческій, помня предсказаніе оракула. Здѣсь онъ встрѣтилъ сына Агамемнонова, Ореста, и грозилъ убить его, если не исцѣлятъ его ранъ. Одиссей вступился въ дѣло. Рану Телефа исцѣлили ржавчиной съ копья Ахиллесова и Телефъ охотно взялся вести Грековъ въ Трою. Двинулись въ путь. По дорогѣ остановились у острова Лемноса, чтобъ принесть здѣсь жертву на жертвенникѣ, построенномъ Геракломъ. При этомъ случаѣ Филоктетъ, которому завѣщалъ Гераклъ лукъ свой и стрѣлы, укушенъ былъ въ ногу ядовитой змѣей, и сколько Греки ни старались пособить его несчастію, но не могли и продолжали путь далѣе, покинувъ больнаго.

Первые годы войны.

Троянцы узнали заблаговременно о предстоящемъ нашествіи и до прихода Грековъ успѣли пригласить значительныя рати союзниковъ и при-

готовить свои собственныя. Когда Греки явилися къ Троѣ, то защитники города готовы были встрѣтить непріятелей мужественно. Главное начальство надъ защитниками Трои возложено было на старшаго сына царскаго, Гектора: самъ Пріамъ былъ слишкомъ старъ для этого. Троянцы выступили противъ Грековъ, лишь только корабли послѣднихъ показались у береговъ Троянскихъ; но какъ ни храбро дрались Троянцы, какъ ни много доблестныхъ воиновъ Греческихъ встрѣтило смерть на непріятельской землѣ, а все таки высадку отразить не могли, напротивъ: Троянцы сами должны были укрыться за крѣпкія стѣны своего города. Греки получивши отказъ Троянцевъ выдать Елену, двинулись подъ начальствомъ Ахилла на городъ: но это первое нападеніе ихъ было такъ неудачно, что Грекамъ не оставалось пока ничего лучшаго, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ своемъ на берегу моря выжидать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Приступъ на Трою Греки положили невозможнымъ; Троянцы же, съ своей стороны, убѣдились въ превосходствѣ военной силы своихъ непріятелей. Такъ длились многіе годы выжиданія обѣихъ сторонъ; рѣшительнаго столкновенія не происходило. Только однажды, и то безъ важныхъ послѣдствій, помѣрялись въ единоборствѣ Гекторъ съ Ахилломъ, да послѣдній, въ другую стычку, умертвилъ меньшаго сына Пріамова, Троила. Чтобъ не безплодно было выжиданье, Греки принялись въ это время опустошать Троянскую область и разрушать окрестные, мелкіе, города.

При взятіи одного изъ нихъ, Педаса, царь Ага-

мемнонъ взялъ въ плѣнъ прекрасную Хризеиду, дочь Аполлонова жреца Хриза (на островѣ того же имени). По праву добычи военной, плѣнница принадлежала Агамемнону, но и сподвижникъ его, Ахиллъ, былъ успокоенъ тѣмъ, что получилъ на свою долю не менѣе прекрасную Бризеиду. Судьбѣ угодно было, чтобы эти двѣ плѣнницы стали источникомъ ужасной распри между царемъ — начальникомъ и царемъ — героемъ, главнѣйшимъ сподвижникомъ его. Отецъ Хризеиды явился въ греческій лагерь и предлагалъ дорогой выкупъ за дочь свою, но Агамемнонъ отвергъ выкупъ и просьбу: старикъ удалился съ горемъ и стыдомъ домой. Тутъ обратился онъ къ своему богу, прося отомстить за оскорбленнаго отца, и Аполлонъ, уже расположенный въ пользу Троянцевъ, услышалъ его, и своими смертоносными стрѣлами распространилъ заразу въ лагерѣ греческомъ. Множество воиновъ погибло. Царь Агамемнонъ, смущенный, созвалъ общее собраніе вождей и требовалъ, чтобы верховный жрецъ, Калхасъ, указалъ, чѣмъ можно умилостивить раздраженнаго Аполлона; Калхасъ, положившись на увѣреніе Ахиллеса, что онъ защититъ жреца, если бы его пророчество навлекло на него опасности, провѣщалъ (*Илліада. Пѣснь I*):

«Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчую гнѣвенъ
«Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамемнонъ;
«Дщери не выдалъ ему и моленье и выкупъ отринулъ.
«Фебъ за него покаралъ, и бѣдами еще покараетъ,
И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ
«Прежде, доколѣ къ отцу не отпустятъ безъ платы, свободной

«Дщери его черноокой, и въ Хризу святой не представятъ
«Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость приклонимъ.»

Агамемнонъ, незабывшій еще сколько горя нанесъ ему жрецъ прежнимъ своимъ рѣшеніемъ, отнявшимъ у него дочь, не сдержалъ въ этотъ разъ своего царственнаго негодованія. Подозрѣвая умышленное дѣйствіе со стороны Калхаса и Ахилла, онъ хотя и не противился рѣшенію жреца, но осыпалъ язвительными упреками и его и защитника его и объявилъ, что если онъ останется безъ награды, добытой войной, то и у Ахиллеса отыметъ его Бризеиду. Тутъ бурный Ахиллесъ грозно возсталъ изъ собранья и ужъ схватился — было за мечъ, и ужасное, кровавое рѣшеніе спора между царями было близко, но вругъ предстала, сверкая очами, Аѳина-Паллада и обратившись къ Ахиллу сказала ему (тамъ же):

«Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты безсмертнымъ покоренъ,
«Съ неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
«Васъ обоихъ равномѣрно и любитъ она и спасаетъ.
«Кончи раздоръ, Пелейонъ, и, довольствуя гнѣвное сердце,
«Злыми словами язви, но рукою меча не касайся;
«Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:
«Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столько жъ дарами
«Здѣсь за обиду заплатятъ, смирися и намъ повинуйся.»

И Ахиллъ покорился. Хризеида была отослана къ отцу своему, Аполлонъ примирился съ Агамемнономъ, Бризеиду отнялъ послѣдній у Ахиллеса, Ахиллесъ же съ ратью своею удалился на корабли и предоставилъ остальныхъ Грековъ ихъ соб-

ственнымъ силамъ. Но мать Ахиллеса, богиня Өетида, услышала вопли оскорбленнаго сына и (тамъ же):

«Съ раннимъ туманомъ взошла на великое небо, къ Олимпу;
«Тамъ одного возсѣдящаго молній метателя Зевса
«Видитъ на самой вершинѣ горы многоверхой, Олимпа;
«Близко предъ нимъ возсѣдаетъ и быстро обнявши колѣни
«Лѣвой рукою, а правой подбрадія тихо касаясь,
«Такъ говоритъ, умоляя отца и владыку безсмертныхъ:
— «Если когда я, отецъ нашъ, тебѣ отъ безсмертныхъ угодна
«Словомъ была или дѣломъ, исполни одно мнѣ моленье!
«Сына отмсти мнѣ, о Зевсъ! Кратковѣчнѣе всѣхъ онъ Данаевъ;
«Но его Агамемнонъ, властитель мужей, обезславилъ:
«Самъ у него и похитилъ награду, и властвуетъ ею.
«Но отмсти его ты, промыслитель небесный, Кроніонъ!
«Ратямъ Троянскимъ даруй одолѣнье, доколѣ Ахейцы
«Сына, почтить не предстанутъ и чести его не возвысятъ.»

Зевсъ обѣщалъ умолявшей, и скоро обнаружились слѣдствія этого обѣщанія. Лишь только узнали Троянцы, что покинулъ Ахеянъ Ахиллесъ съ дружиной своею, какъ, ободренные, вышли изъ города и напали на Грековъ. Съ этихъ поръ запылали частыя битвы то подъ стѣнами Трои, то у лагеря Грековъ; но сколько послѣдніе ни выказали мужества, какъ часто счастіе военное ни склонялось на ихъ сторону, а кончилось тѣмъ что герои греческіе, не исключая Агамѐмнона, то легли на полѣ брани, то, тяжело-раненые, не могли болѣе сами одушевлять своихъ дружинъ. Тогда смутился духомъ великій Агамѐмнонъ, и созвавши совѣтъ, спрашивалъ мудрѣйшихъ, что предпринять, чтобы возвысить упадающій духъ ратей Ахейскихъ? Тутъ всталъ изъ собранья вѣчно бли-

ставшій совѣтами Несторъ и сказалъ (*Иллiада, пѣснь IX*):

«Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
«Слово начну я съ тебя и окончу тобою: могучій
«Многихъ народовъ ты царь, и тебѣ вручилъ Олимпіецъ
«Скиптръ и законы, да судъ и совѣтъ произносишь народу.
«Болѣе всѣхъ ты обязанъ и сказывать слово и слушать;
«Мысль исполнять и другаго, если кто, сердцемъ внушенный,
«Доброе скажетъ, но что предпочесть, отъ тебя то зависитъ.
«Мужа, храбрѣйшаго въ рати, котораго чествуютъ боги,
«Ты обезчестилъ, награды лишивъ. Но хоть нынѣ, могучій,
«Вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы его умолить намъ, смягчивши
«Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой рѣчью.»
— «Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
«Старецъ! не ложно мои погрѣшенія ты обличаешь:
«Такъ, погрѣшилъ, не могу отрекаться я! Стòитъ народа
«Смертный единый, котораго Зевсъ отъ сердца возлюбитъ:
«Такъ онъ сего возлюбивъ превознесъ, а Данаевъ унизилъ.
«Но какъ уже погрѣшилъ, обуявшаго сердца послушавъ;
«Самъ я загладить хочу и несмѣтныя выдать награды.

Затѣмъ царь исчисляетъ несметныя богатства, которыя намѣренъ предложить оскорбленному: богатства золотомъ; конями, прославленными на многихъ ристаньяхъ; плѣнницами, добытыми при взятіи многихъ городовъ; самой Бризеидой, возвращаемой Ахиллесу въ той же красѣ и непорочности. При этомъ царь посылаетъ Ахиллесу обѣщаніе, что когда возьмутъ Трою, то пустъ онъ корабль свой обильно нагрузитъ мѣдью и золотомъ, добытыми въ городѣ. Наконецъ царь прибавляетъ:

Если же въ Аргосъ придемъ мы, въ Ахейскій край благодатный,
«Зятемъ его назову я и честью сравняю съ Орестомъ,

«Съ сыномъ однимъ у меня, возрастающимъ въ полномъ довольствѣ.
«Три у меня разцвѣтаютъ въ дому благосозданномъ дщери:
«Хризоѳемиса, Лаодика, юная Ифіанасса.
«Пусть онъ, какую желаетъ, любезную сердцу, безъ вѣна,
«Въ отческій домъ отведетъ, а приданое самъ я за нею
«Славное дамъ, какаго никто не давалъ за невѣстой:
«Семь подарю я градовъ, процвѣтающихъ, многонародныхъ:
«Градъ Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,
«Феры, любимые небомъ, Анѳею съ глубокой долиной,
«Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ, и Эпею, градъ велелѣпный.
«Такъ я немедля исполню, какъ скоро вражду онъ оставитъ.
«Пусть примирится: Аидъ несмиримъ, Аидъ непреклоненъ;
«Но за то изъ боговъ ненавистнѣе всѣхъ онъ и людямъ».

(Иліада. Пѣснь IX).

Съ этимъ рѣшеньемъ явились послы къ Ахиллесу, но не могли укротить его гнѣва и возвратились печально въ станъ Ахейскій.

Между тѣмъ Троянцы одолѣвали болѣе и болѣе Грековъ. Уже, предводимые блистательнымъ Гекторомъ, они ворвались въ самый лагерь греческій; вотъ запылали и корабли ихъ, зажженные непріятелемъ. Тутъ, благородный другъ Ахиллесовъ, Патроклъ, не могъ долѣе совладать съ сердцемъ своимъ: онъ упросилъ Ахиллеса позволить ему принять участіе въ битвѣ Ахейцевъ и, въ Ахиллесовомъ вооруженьи, съ отважными Мирмидонянами (воинами Ахиллеса) ринулся на помощь къ землякамъ своимъ. Устрашенные неожиданнымъ появленьемъ рати Ахилловой и думая, что за первой и самъ онъ идетъ на нихъ, Трояне бросились изъ лагеря и быстро стали отступать къ городскимъ стѣнамъ. Въ пылу побѣды, Патроклъ, забывъ приказанье Ахилла: отбивши Троянъ тотчасъ воротиться, преслѣдовалъ бѣгущихъ и отда-

лялся отъ рати все болѣе и болѣе. Вблизи уже Трои Гекторъ схватывается съ Патрокломъ и убиваетъ его. Тѣло Патрокла отбиваютъ Ахейцы, но доспѣхи Ахиллесовы достаются въ добычу защитнику Трои.

Теперь-то поднялся страшный Ахиллъ на месть за смерть своего друга. Чего не сдѣлали мольбы Агамемнона и печальное положеніе земляковъ его, то вызвала жажда отмстить убійцѣ возлюбленнаго Патрокла.

«Быстро по берегу моря пошелъ Ахиллесъ быстроногій
«Голосомъ страшнымъ крича, и всѣхъ взволновалъ онъ Ахеянъ.
«Всѣ поспѣшали въ собранье, когда Ахиллесъ благородный
«Вновь показался, столь долго чуждавшійся брани кровавой.
«И, когда уже всѣ на собранье сошлися Ахейцы,
«Всталъ между ними и такъ говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
— «Царь Агамемнонъ! полезнѣе было бы, если бы прежде
«Такъ поступили мы оба, когда, въ огорченіи нашемъ,
«Гложущей душу враждой воспылали за плѣнную дѣву.
«Сколько Ахейскихъ героевъ земли не гладало бъ зубами,
«Павъ подъ руками враждебныхъ, когда я упорствовалъ въ гнѣвѣ?
«Гекторъ и Трои сыны веселятся о томъ; а Данаи
«Долго, я думаю, будутъ раздоръ нашъ погибельный помнить.
«Но совершившееся прежде оставимъ, въ прискорбіи нашемъ.
«Гордое сердце въ груди укротимъ, какъ велитъ неизбѣжность.
«Въ битву подвигни скорѣе мѣдяно-доспѣшныхъ Данаевъ;
«Дай мнѣ скорѣе итти на Троянъ и еще испытать ихъ».

(Илліада, пѣснь XIX.)

Между тѣмъ, по просьбѣ матери Ахиллесовой, самъ Гефестъ принялся ковать доспѣхи герою, какихъ не видано еще было въ мірѣ. Зевсъ же повелѣлъ Аѳинѣ-Палладѣ нектаромъ свѣтлымъ и амврозіей сладкой грудь оросить Ахиллесу, чтобы

сдѣлать его невредимымъ среди предстоящихъ опасностей боя.

«Рекъ и подвигнулъ Аѳину, давно пламенѣвшую сердцемъ:
«Быстро она, какъ орелъ звонкогласный, широко крылатый,
«Съ неба слетѣла по воздуху. Тою порою Ахейцы
«Воинствомъ всѣмъ ополчались по стану. Пелееву сыну
«Некторомъ Зевсова дочь и амврозіей сладкой незримо
«Грудь оросила, да немощь отъ глада его не обыметъ;
«И сама на Олимпъ вознеслась къ мѣднозданному дому
«Зевса. Ахейцы жъ лилися отъ черныхъ судовъ мореходныхъ.
«Словно какъ снѣжные клоки летятъ отъ Зевса густые,
«Быстро гонимые хладнымъ, эѳиръ проясняющимъ, вѣтромъ:
«Такъ отъ Ахейскихъ судовъ несчетные въ поле неслися
«Шлемы, игравшіе блескомъ, щиты, воздымавшія бляхи,
«Крѣпко сплоченныя брони и ясеня твердаго копья.
«Блескъ восходилъ до небесъ; подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди
«Окрестъ смѣялась земля; и весь берегъ гремѣлъ подъ стопами
«Ратныхъ мужей. Посреди ихъ Пелидъ ополчался великій.
«Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
«Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
«Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ пышущій гнѣвомъ,
«Бога дарами, облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
«Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи,
«Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
«Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
«Бросилъ мечъ на плечо съ рукояткой серебряно-гвоздной
«Съ лезвеемъ мѣдянымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
«Щитъ; далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался.
«Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяетъ,
«Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
«Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли и волны и буря
«Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ:
«Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго, взорамъ,
«Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши
«Крѣпкій надѣлъ на главу; засіялъ, какъ звѣзда, надъ главою
«Шлемъ коневласый; и грива на немъ волновалась златая,
«Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
«Такъ Ахиллесъ ополчася, испытывать началъ доспѣхи

«Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ?
»И какъ крылья они подымали владыку народа.
«Взялъ, наконецъ, изъ ковчега копье онъ отцовское: ясень
«Крѣпкій, огромный, тяжелый; его изъ героевъ Ахейскихъ
«Двигать не могъ ни одинъ; но легко Ахиллесъ потрясалъ
имъ,
«Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
«Ссѣкъ съ высоты Пеліона, на грозную гибель героямъ.
«Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали,
«Въ пышныхъ наперсьяхъ къ ярму припрягали ихъ; удила въ
морды
«Втиснули имъ, и бразды натянувъ къ колесницѣ прекрасно,
«Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда, захвативши рукою
«Гибкій, блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автоме-
донъ;
«Сзади, готовый къ сраженью, сталъ Ахиллесъ быстроногій,
«Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіонъ лучезарный.
«Крикнулъ онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ
коней:
«Ксанѳъ мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти!
Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
«Къ ратному сонму Данаевъ, когда насытимся боемъ;
«Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!
«Рекъ и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконо-
гихъ.

(Тамъ же).

Рати враговъ сошлись на открытомъ пространствѣ и съ обѣихъ сторонъ выказано много небывалой храбрости дружинъ и героевъ, но дрогнули воинства Троянскія подъ бурнымъ напоромъ Ахилла. (***Илліада, пѣснь XX***).

«Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ
дебрямъ,
«Окрестъ сухой горы; и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
«Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень;
«Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ
демонъ;

«Гналъ, поражалъ; заструилося черною кровію поле.
«Словно, когда земледѣлецъ воловъ сопряжетъ крѣпкотѣлыхъ,
«Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ;
«Быстро стираются класы, мычащихъ воловъ подъ ногами:
«Такъ подъ Пелидомъ божественнымъ твердокопытные кони
«Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
«Снизу вся мѣдная ось и высокій полкругъ колесницы,
«Въ кои какъ дождь и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
«Брызги хлестали; пылалъ онъ добыть между смертными славы,
«Храбрый Пелидъ, и въ крови обагрялъ необорныя руки.

Бѣжали Трояне къ городскимъ стѣнамъ, другіе къ броду на рѣкѣ Ксанѳѣ и усѣялось безпорядочными толпами все то пространство, гдѣ еще наканунѣ воинственный Гекторъ поражалъ рати бѣгущихъ Ахейцевъ. Но и тутъ Ахиллесъ не давалъ Троянцамъ спасенья; гналъ ихъ въ потокъ „глубокопучиннаго *)“ Ксанѳа, рубилъ безпощадно тѣхъ, кто спасался отъ гибели въ потокѣ, но не спасался отъ быстроногаго Ахиллеса. Лишь только малая часть воинства успѣла скрыться за стѣны Троянскія, самъ же вождь ихъ остался на полѣ и долженъ былъ ждать нападенья. Никогда еще неустрашимый Гекторъ не уклонялся отъ опасностей боя. Вчера онъ, прощаясь съ молодой женой своей Андромахой и сыномъ—малюткой Астіанак-

*) *Ксанѳъ* или *Скамандръ*, тогда «глубоко-пучинный» «стремительный» теперь хотя и не заслуживаетъ этихъ названій, но все таки *остается* живымъ памятникомъ событій, воспѣтыхъ Гомеромъ, какъ въ то время былъ свидѣтелемъ сценъ болѣе утѣшительныхъ, когда къ его свѣтлымъ струямъ стекались жены и дочери троянскія мыть «свои бѣлыя ризы» или плескаться сами въ тѣни густыхъ кустарниковъ, и теперь окаймляющихъ берега его.

Прим. перевод.

сомъ, съ грустью на сердцѣ, но съ возвышеннымъ духомъ торопилъ своихъ братьевъ, возбуждалъ всякаго стоять до послѣдняго за милую родину, и всѣ увлекались его непреодолимымъ мужествомъ и доблестнымъ примѣромъ. Нынче жъ все измѣнилось. А между тѣмъ Ахиллесъ къ нему приближался

«Грозенъ, какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ;
«Ясень отцовъ Пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
«Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла,
«Будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце.
«Гекторъ увидѣлъ, и взялъ его страхъ; больше не могъ онъ
«Тамъ оставаться; отъ Скейскихъ воротъ побѣжалъ устрашенный».

Какъ горный соколъ преслѣдуетъ робкую голубку и жадный схватить ее, не даетъ ей ни отдыха, ни спасенья, такъ и стремительный Ахиллесъ гнался за устрашеннымъ Гекторомъ. Три раза обѣжали они Трою; наконецъ, Гекторъ, предавшись на волю судьбы, сталъ и дождавшись Пелида, сказалъ:

«Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ!
«Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ не дерзая
«Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
«Стать и сразиться съ тобою; убью, или буду убитъ я!
«Прежде жъ боговъ мы возмемъ во свидѣтельство: лучшіе будутъ
«Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
«Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда Громовержецъ
«Даруетъ мнѣ устоять и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
«Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я,
«Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни.
«Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!

«Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
«Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца,
«Вѣчно враждебны они, злоумышленны другъ противъ друга:
«Такъ и межъ насъ невозможна любовь; никакихъ договоровъ
«Быть между нами не можетъ, доколѣ одинъ распростертый,
«Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
«Все ты искуство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
«Быть копьеборцемъ отличнымъ и воиномъ неустрашимымъ!
«Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
«Скоро тебя укротитъ; и заплатишь ты разомъ за горе
«Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»

(*Илліада. Пѣснь XXI*).

И завязался послѣдній, отчаянный бой между обоими героями, однимъ,—кому боги назначили стяжать себѣ великую славу, и другимъ,—надъ которымъ распростерлась ужъ смерть. Гекторъ палъ въ цвѣтѣ красоты и силы, палъ жертвой въ защиту роднаго города и семьи, на глазахъ печальныхъ родителей, съ замираніемъ сердца слѣдившихъ съ высокой Троянской стѣны за рѣшительнымъ боемъ.

Но и самая смерть Гектора не утолила мести Ахилла. Недостойное дѣло замыслилъ онъ на Гектора:

«Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія,
«Сзади отъ пятъ и до глезнъ, и продѣвши ремни, къ колѣсницѣ
«Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
«Сталъ въ колесницу и пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
«Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
«Прахъ отъ влекомаго вьется столбомъ; по землѣ растрепавшись
«Черные кудри крутятся; глава Пріамида по праху

«Бьется, прекрасная прежде; а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
«Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской».

Боги, возмущенные такой необъятностью мести, сами покрыли покровомъ своимъ тѣло Гектора и не дали хищнымъ звѣрямъ или псамъ тронуть покинутый трупъ.

«Ихъ отъ него удаляла и денно и нощно Киприда;
«Зевсова дочь умастила его амврозическимъ масломъ
«Розъ благовонныхъ, да будетъ безъ язвъ Ахиллесомъ влачимый.
«Облако темное богъ Аполлонъ преклонилъ надъ героемъ
«Съ неба до самой земли, и пространство, покрытое тѣломъ,
»Тѣнію все осѣнилъ, да отъ силы палящаго солнца
«Прежде на немъ не изсохнутъ тѣлесныя жилы и члены.»

(Иллiада. Пѣснь XXIII).

Самъ Зевсъ опредѣлилъ сердцу Ахилла смягчиться и благороднымъ поступкомъ очистить имя свое въ воспоминаньи потомковъ, принявши выкупъ, предлагаемый за трупъ Гектора. Призвавши Өетиду, Зевсъ сказалъ ей:

«Шествуй къ Ахейскому стану и сыну, богиня повѣдай:
«Всѣ божества на него негодуютъ; но я отъ безсмертныхъ
«Болѣе всѣхъ огорчаюсь, что онъ въ изступленіи гнѣва
«Гектора возлѣ судовъ, непріемлющій выкупа, держитъ.
«Если страшится меня, да немедля отпуститъ онъ тѣло.
«Я жъ посылаю Ирису къ Пріаму царю съ повелѣньемъ
«Въ станъ Мирмидонскій итти къ искупленію милаго сына;
»Несть и дары Ахиллесу, пріятные сердцу героя».

(Иллiада. Пѣснь XXIV).

По приказанію Зевса тайно собрался печальный Пріамъ, приготовилъ несмѣтныя богатства на вы-

купъ, не пощадивъ золота десять талантовъ *) и самыхъ драгоцѣнныхъ наградъ, полученныхъ имъ отъ Ѳракіянъ. Съ ними явился онъ къ Ахиллесу и такъ умолялъ героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
«Старца такого жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной?
«Можетъ быть въ самый сей мигъ и его окружившіи сосѣди
«Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
«Но покрайнѣй онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
«Сердце тобой веселитъ и вседневною льстится надеждой,
«Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ подъ Трои
«Я жъ, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возростилъ браноносныхъ
«Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
«Я пятьдесять ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
«Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
«Прочихъ родили другія, любезныя жены въ чертогахъ;
«Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣни.

---

*) *Талантъ* у Грековъ была счетная и вѣсовая единица денежнаго достоинства, а невещественная, то-есть не монета.

До 594 года до Р. Х., слѣдовательно и во время Троянской войны, золотой талантъ греческій выражалъ на наши деньги сумму 12.978 р. с., а по вѣсу 47²/₅ фун. Серебряный же въ 12½ разъ менѣе. Послѣ 594 года золот. талантъ выражалъ сумму нашихъ 10,383 р. с., а серебряный въ десять разъ менѣе.

Талантъ	золотой	Вавилонскій, Персидс. Мидійскій	равнялся	12,570	р. с.
—	—	Египетскій	—	29,760	—
—	—	Іудейскій	—	11,600	—
—	серебр.	Вавилонскій, Персидс. Мидійскій	—	967	—
—	—	Египетскій	—	2,480	—
—	—	Іудейскій	— до	967	—

(Изъ Метролог. Петрушевскаго) *заимств. перев.*

«Сынъ, оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и граждана;
«Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
«Гектора! я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
«Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
«Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
«Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
«Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
«*Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!*
«Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
«За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо
«Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
«Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
«Царь Ахиллесъ; то отца вспоминая, то друга Патрокла.
«Плакалъ и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому,
«Но когда насладился Пелидъ благородный слезами
«И желаніе плакать отъ сердца его отступило;
«Быстро возсталъ онъ и за руку старца простертаго поднялъ,
«Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
«Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
«Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
«Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
«Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ желѣзное сердце!
«Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
«Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолствовать горести наши.
«Сердца крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служитъ:
«Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
«Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
«Ты ничего не успѣешь о сынѣ печалясь; плачемъ
«Мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!

(Илліада. Пѣснь XXIV).

Затѣмъ повелѣлъ Ахиллесъ рабынямъ омыть тѣло Гектора, умастить мастью душистой, въ новыя дорогія одежды облечь трупъ и когда все

было исполнено, онъ самъ поднялъ его и положилъ на приготовленный одръ. Утѣшая старца—Пріама, Ахиллесъ радушно пригласилъ его къ приготовленной трапезѣ и отпуская изъ стана съ драгоцѣннымъ его пріобрѣтеньемъ, онъ снова обратился къ царю:

«Слово еще, Дарданидъ; объяснися, скажи откровенно:
«Сколько желаешь ты дней погребать знаменитаго сына?
«Столько я дней удержуся отъ битвъ, удержу и дружины.»

Когда же старецъ попросилъ на это погребенье одиннадцать дней, Ахиллесъ отвѣчалъ ему:

«Будетъ и то свершено, какъ желаешь ты, старецъ почтенный,
«Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь.
— «Такъ произнесъ Ахиллесъ и Пріамову правую руку
«Ласково сжалъ, чтобы сердце его совершенно спокоить »

Тѣло же друга своего, Патрокла, предалъ Ахиллесъ великолѣпнѣйшему погребенію и отпраздновалъ въ честь ему блистательныя игры и состязанья, раздавши побѣдителямъ на нихъ щедрыя награды изъ сокровищъ своихъ.

Послѣдніе подвиги Ахиллеса и смерть его.

По смерти главнѣйшаго защитника Трои, Троянцы ужъ не отваживались выходить изъ-за стѣнъ городскихъ, выжидая пока благопріятная судьба пошлетъ имъ помощь. И судьба не оставила ихъ. Скоро явились у Трои дружины Амазонокъ подъ предводительствомъ воинственной *Пентезилеи*, до-

чери Марса по плоти, пылавшей желаньемъ помѣряться съ Ахилломъ и отмстить ему за пораженіе Гектора.

Начались новыя битвы. Во главѣ Троянъ стояла Пентезилея, во главѣ Грековъ — Ахиллъ и Аяксъ, Теламоновъ сынъ, герой Эгинскій. Въ продолженіе одной битвы оба воинства отошли другъ отъ друга, и Ахиллъ съ Пентезилеей остались одни другъ противъ друга. Храбро наступаетъ на героя предводительница Амазонокъ, но не родились еще доблестные изъ среды мужей, которые могли бы состязаться копьемъ съ непобѣдимымъ Ахилломъ; Пентезилея же, хотя и Марсова дочь, но все же рожденіе слабаго пола. Ахиллъ щадитъ красоту ея. Увлеченная воинственнымъ жаромъ, Пентезилея ставитъ Ахилла въ опасность. Тогда герой устремляется на противницу свою и — та же участь постигаетъ отважную воительницу, которая постигла всѣхъ, прежде ея испытавшихъ несокрушимую силу Ахилла.

Пораженная смертельно, обратилась Пентезилея съ мольбой къ герою пощадить ея тѣло отъ позорной участи, постигшей трупъ Гектора. Ахиллъ не только преклонился къ мольбѣ ея, видя въ Пентезилеѣ теперь только слабую женщину, но и на руки къ себѣ поднялъ ее и ласковой рѣчью проводилъ ея послѣдній вздохъ. Трояне и Амазонки готовились было ринуться на героя, чтобъ отбить тѣло своей предводительницы, но Ахиллъ громоносымъ крикомъ удержалъ нападеніе и, прославляя храбрость убитой, оплакивая красоту ея и юность, самъ вызвался добровольно, безъ выкупа, выдать

имъ тѣло Пентезилеи. Въ сердцѣ Троянъ и Ахеянъ нашелъ самый живой отголосокъ вызовъ Ахилла; одинъ только Ѳерситъ, человѣкъ малодушный и коварный, у котораго низкая душа была въ соотвѣтствіи съ отталкивающей наружностью, дерзнулъ всенародно поносить Ахилла и подозрѣвать въ немъ нечистыя побужденія подъ личиной рыцарскаго благородства. Онъ тутъ же погибъ отъ удара Ахилла и ничье сочувствіе не сопровождало кончины его.

Діомедъ, сынъ Тидеевъ, родственникъ убитаго, не смотря на всеобщее одобреніе поступка Ахиллова, не могъ снести равнодушно смерти Ѳерсита. Онъ потребовалъ денежнаго удовлетворенья отъ Ахиллеса и тѣмъ привелъ героя въ негодованіе. Ахиллесъ и не скрывалъ этого чувства: ему было давно ужъ тяжело, что не всѣ Греки единодушно и безусловно видѣли въ немъ безкорыстнаго поборника за общее дѣло. Здѣсь, во второй разъ покинулъ Ахиллесъ предпріятіе Грековъ и отплылъ въ Лесбосъ. При этомъ случаѣ мудрость и краснорѣчіе Одиссея (Улиса) оказали Грекамъ незабвенныя услуги. Благодаря усиліямъ Одиссея, Ахиллесъ опять воротился къ Ахейцамъ и — новыя битвы запылали.

Въ это время явился на помощь Троянамъ новый союзникъ, Мемнонъ, сынъ Тинона и Эосъ, противникъ, по божественному происхожденію своему, вполнѣ достойный Ахилла. Герои сошлись въ рѣшительной битвѣ, а матери ихъ въ это время у престола Зевса молили каждая о побѣдѣ своему сыну и объ отвращеніи отъ него смерти. Зевсъ,

исполняя рѣшеніе Мэры, кинулъ жребій обоихъ Героевъ на золотые вѣсы судьбы смертныхъ людей и — быстро поднялся жребій Ахилла и опустился, знаменуя смерть, — жребій Мемнона. Съ отчаяньемъ въ душѣ понеслась Эосъ на поле битвы, сознавая безсиліе свое въ дѣлѣ судьбы. Ей ужъ теперь ничего болѣе не оставалось, какъ тѣло погибшаго храбро Мемнона перенесть въ далекіе предѣлы Запада, на родину, и тамъ предать останки торжественному погребенію.

Но приближался конецъ и Ахиллову торжеству. Въ восторгѣ своихъ безпрестанныхъ побѣдъ, герой, во главѣ ратей Ахейскихъ, подступилъ къ самымъ стѣнамъ Троянскимъ. Ужъ жители трепетали за свой послѣдній часъ; ужъ готово было, на перекоръ опредѣленьямъ судьбы, совершиться паденіе Трои отъ напора Ахиллеса, но богъ Аполлонъ, изъ лука Париса пустивши свою дальнометную стрѣлу, положилъ предѣлъ подвигамъ великаго мужа. Тогда дружно всѣ рати Ахейскія, предводимыя Аяксомъ Теламонидомъ и Одиссеемъ, напали на Троянъ, жестоко отмстили за смерть великаго вождя своего и отбивши тѣло его, съ необыкновенными почестями предали его погребенію. Сами Музы оплакивали героя. Несмѣтныя богатства Ахилла розданы были въ награды побѣдителямъ на великихъ играхъ, произведенныхъ въ воспоминанье усопшаго. Сама богиня — Ѳетида распредѣлила награды. Только божественные доспѣхи и оружіе героя, произведеніе Гефеста, безъ всякаго состязанья за нихъ, назначены были въ награду тому изъ двухъ героевъ, который наибо-

лѣе способствовалъ къ отбитію у враговъ тѣла Ахилла. Совѣтъ присудилъ ихъ Одиссею. Сподвижникъ его, Аяксъ Теламонидъ, не въ силахъ былъ пережить этого лишенья: онъ впалъ въ помѣшательство и дѣтское неразуміе, а очнувшись — отъ горя и стыда лишилъ себя жизни.

Послѣднія событія до взятія Трои.

Греки, лишившись по смерти Ахилла еще одного, храбрѣйшаго по немъ, мужа, Аякса, въ смущеніи, не знали, какъ продолжать начатое дѣло. Скоро побѣда Одиссея ободрила ихъ. Одиссей взялъ въ плѣнъ сына Пріамова Элена. Даръ пророчества, которымъ владѣлъ послѣдній по примѣру сестры своей, Кассандры, Одиссей заставилъ его употребить въ пользу Грековъ.

Отъ Элена узнали Греки, что для покоренія Трои имъ еще многое предстояло сдѣлать, а главное: 1) привезти сына Ахиллесова на битву съ Троянцами, 2) достать Геракловы нà-смерть разящія стрѣлы и наконецъ 3) овладѣть Палладіумомъ. (См. выше: Аѳина–Паллада.) Первое было легчайшее. Одиссей, всегда готовый служить общественному дѣлу, самъ отправился на островъ Скиросъ за сыномъ Ахилла, Неоптолемомъ, который успѣлъ уже достигнуть отрочества. Въ его душу съумѣлъ Одиссей заронить желаніе славы и, великодушно уступивши ему доспѣхи отцовскіе, привезъ его къ Троѣ. Неоптолемъ, тотчасъ по прибытіи, отличился въ единоборствѣ съ Эврипидомъ, сыномъ Телефа, пришедшаго на помощь Троянцамъ.

Не такъ легко было Грекамъ добыть себѣ стрѣлы Геракловы, находившіяся у Филоктета, котораго Греки покинули въ страданьи отъ ранъ на островѣ Лемносѣ и котораго, поэтому, очень боялись. Мудрость и неутомимое усердіе Одиссея все превозмогли. Въ сопровожденьи Діомеда (сына Тидея), по другимъ же преданіямъ: въ сопровожденьи Неоптолема, Одиссей отправился на розыски Махаона, сына Эскулапова, отыскалъ и привезъ его въ лагерь. Сюда же онъ привезъ на исцѣленіе и Филоктета, ибо Махаонъ знаменитъ былъ во всемъ мірѣ искусствомъ, полученнымъ отъ божественнаго отца своего. Обрадованный, Филоктетъ примирился съ Агамемнономъ и уступилъ Грекамъ безцѣнныя стрѣлы. Не откладывая, Филоктетъ испыталъ неотразимость ихъ на самомъ Парисѣ, оставившемъ, такимъ образомъ, вдовою свою прекрасную Елену. Послѣдняя, впрочемъ, скоро вышла за Деифоба, брата Париса.

Теперь Греки стѣснили Трою болѣе чѣмъ когдалибо; но для полнаго успѣха имъ недоставало послѣдняго пріобрѣтенія, труднѣйшаго изъ всѣхъ трехъ, Палладіума.

Кто могъ привесть въ исполненіе трудное это дѣло, какъ не тотъ же Одиссей? Что же придумалъ „хитроумный“ герой?

«Тѣло свое безпощадно изсѣкши бичемъ недостойнымъ,
«Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, пошелъ онъ
«Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ.
«Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался
«Нищимъ, какимъ никогда межъ Ахеянъ его невидали.

«Такъ посреди онъ Троянъ укрывался;
»Многихъ изъ нихъ длинно-острою мѣдью меча умертвивши,
«Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвратился.»

(Одиссея. Пѣснь IV).

Успѣху Одиссея много содѣйствовала, хотя и тайно отъ Троянъ, Елена, супруга Деифобова. Сердце ея давно ужъ стремилось въ родную землю и давно она скорбѣла, что по волѣ Афродиты ушла она добровольно изъ милой отчизны, покинувъ и дочь и супруга. Теперь она рада была указать Одиссею путь и средство къ пріобрѣтенью Палладіума, и вмѣстѣ съ нимъ обдумать планъ взятія города, въ которомъ — казалось ей — она ужъ слишкомъ долго томилась въ плѣну.

Возвратившись въ лагерь, Одиссей сообщилъ свои намѣренія Діомеду и съ нимъ же вмѣстѣ похитилъ Палладіумъ изъ Трои. Теперь все было исполнено по предсказанію Элена; оставалось обдумать, какъ совершить самое взятіе Трои. Честь этого послѣдняго дѣла принадлежитъ, въ главнѣйшемъ, также Одиссею. Дѣло же совершено такъ. Въ войскѣ греческомъ находился художникъ Эпеосъ. Ему поручено было построить огромнаго, деревяннаго коня, такого, чтобъ внутри его могла помѣститься горсть отборнѣйшихъ воиновъ. Чудовищный конь оконченъ; въ него засѣли храбрѣйшіе охотники и съ ними Одиссей; всѣ же рати Ахейскія на своихъ корабляхъ отплыли въ море, какъ будто истомившись безплодной, безконечной осадой и покидая, въ досадѣ на неудачу, и лагерь свой и начатыя постройки, въ томъ числѣ и чудовищнаго коня.

Взятіе и разрушеніе Трои.

Когда увидѣли Троянцы, что Греки покинули лагерь и съ кораблями отплыли въ море, то подумали, что въ самомъ дѣлѣ наступилъ конецъ ихъ безконечно-тягостному, осадному положенью. Радостными потоками пролились толпы Троянцевъ изъ города по полю и по мѣсту, гдѣ недавно еще раздавались воинственные крики и происходили ужасныя состязанья. Встрѣтивши коня деревяннаго долго разсуждали, съ какой бы это цѣлью Греки построили огромное чудовище? Мнѣнія были очень различны. Больше всего думали, что это: или какой-нибудь боевой снарядъ, который, поэтому, лучше всего уничтожить какъ можно скорѣе, или жъ: богамъ посвященная жертва, которую, поэтому, слѣдуетъ благоговѣйно и съ почестями ввезти въ городъ и сохранить на память счастливаго освобожденья его. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ надъ другими. Къ этому способствовали слѣдующія два обстоятельства.

Въ числѣ тѣхъ, которые въ деревянномъ конѣ видѣли злобный умыселъ противъ свободы троянцевъ, былъ и жрецъ Аполлоновъ Лаокоонъ. Пришедши въ собранье съ двумя сыновьями своими, чтобъ совершить на полѣ благодарственное жертвоприношеніе, онъ краснорѣчиво убѣждалъ своихъ соотечественниковъ беречься роковаго коня. „Ни въ какомъ случаѣ не вѣрьте подарку Грековъ,“ сказалъ онъ, а чтобъ убѣдить ихъ въ справедливости своего предположенья, онъ собственнымъ

копьемъ поразилъ коня въ бокъ, и въ отверзтіе, пробитое копьемъ, слышно было бряцанье оружія заключенныхъ въ немъ воиновъ. Были близки Трояне къ тому, чтобъ увидѣть истину, но боги рѣшили погибнуть Троѣ и — вотъ совершается чудо, отъ котораго еще болѣе смущаются мысли Троянъ.

«Четой отъ страны Тенедоса два змѣя, возлегши на воды,
«Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ шумному брегу:
«Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
«Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
«Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
«Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; всползаютъ на берегъ;
«Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
«Съ свистомъ, проворными жалами лижутъ развнуты пасти.
«Толпы людей разбѣжались. Чудовища прянули дружно
«Къ Лаокоону и, двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
«Разомъ настигнувъ, скрутили имъ тѣло и, жадныя втиснувъ
«Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
«Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ, но змѣи, напавши
«Вдругъ на него и запутавшись крѣпкими кольцами, дважды
«Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
«Тѣломъ чешуйнымъ, и грозно надъ нимъ поднялись головами.
«Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки:
«Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
«Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ ко звѣздамъ онъ подъемлетъ:
«Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
«Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
«Быстро віясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
«Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
«Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.»

(Энеида.)

Это внезапное, ужасное убійство Лаокоона (табл. XXV, съ знаменитой мраморной группы, находящейся въ Ватиканѣ) показалось въ глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ справедливой казнью за поношеніе священнаго коня.

Второе обстоятельство, послужившее къ окончательному утвержденію народа въ первомъ мнѣніи, было слѣдующее.

Кромѣ коня, Греки оставили еще нѣкоего Синона, друга Одиссеева. Синонъ, съ связанными руками, громко вопилъ и взывалъ къ народу, моля о защитѣ отъ Грековъ, которые, говорилъ онъ, схватили его и обрекли на жертву богамъ, и отъ которыхъ только счастливый случай избавилъ его. Его привели къ царю. Добродушный старецъ Пріамъ не только повѣрилъ во всемъ хитрецу, но еще сочувствуя его положенію, велѣлъ освободить ему руки и лаской стараться исцѣлить обиды, нанесенныя ему Греками. На распросы же о конѣ Синонъ отвѣчалъ, что это такое драгоцѣнное сокровище, которое стòитъ только Троянамъ увести къ себѣ и, на мѣсто похищеннаго Палладіума, у нихъ будетъ гораздо надежнѣйшая охрана боговъ. Такъ и сдѣлали. А такъ какъ ворота троянскія были не довольно высоки, то ихъ для провода коня розломали и священнаго коня, съ торжествомъ неописаннымъ, помѣстили въ городѣ. Троя ликовала все остальное время дня. Избывши опасности, народъ предался самому безграничному веселью: пирамъ и потѣхамъ, пѣнью и пляскамъ не было конца. Ужъ поздней ночью вся Троя погрузилась въ сладкій и — послѣдній сонъ.

Лишь только стихло все въ Троѣ, Синонъ выпустилъ изъ коня сидѣвшихъ въ немъ воиновъ и въ то же время подалъ сигнальный огонь Грекамъ, притаившимся съ флотомъ своимъ у береговъ Тенедоса. Тихо, неслышно приплыли и вы-

шли на берегъ воинства, проникли въ беззащитный городъ и тутъ-то началось ужасное, небывалое, кровопролитіе. Отчаянье охватило жителей Трои; лучшіе защитники города легли безполезною жертвой любви къ отчизнѣ. Повсюду смятенье и плачь, пораженье и бѣгство. Смутился самъ царь, многоопытный въ бѣдствіяхъ, когда пламя пожара разлилось повсюду.

«Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
«Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
«Старецъ давно-позабытую броню па трепетны плечи,
«Сгорблены тягостью лѣтъ, черезъ силу надѣлъ, безполезный
«Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.
«Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ,
«Былъ великій алтарь: надъ нимъ многолѣтняго лавра
«Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
«Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Вотще, пріютившись
«Робко подъ жертвенникъ, — словно какъ стая пугливая горлицъ
«Въ грозу подъ вѣтви, — кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
«Вдругъ царица одѣтаго бронею младости бранной
«Видитъ Пріама. «Куда ты, бѣдный супругъ (возгласила)
«Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
«Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
«Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій мой Гекторъ.
«Съ нами останься, Пріамъ; сей алтарь защититъ насъ,
«Или умремъ неразлучны.» Сказала и, руку супругу
«Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.»

(Энеида).

Но, ни воинственные порывы царственнаго старца, ни жертвенники домашнихъ кумировъ не спасли его отъ послѣдней судьбы. Онъ палъ подъ мечемъ Неоптолема. Палъ и юной сынъ Гектора, чтобъ некому было отмстить за смерть отца, дѣда

и роднаго города. Лучшіе герои погибли въ отчаянной битвѣ, только Эней одинъ спасся на Иду съ сыномъ своимъ Асканіемъ (по римскимъ сказаньямъ Іулъ; см. Афродита) и отцемъ, Анхизомъ. Послѣдняго, за дряхлостью, вынесъ Эней на плечахъ. По разрушеніи Трои Эней прибылъ въ Италію, гдѣ и былъ родоначальникомъ новаго поколѣнья.

Менелай возвратилъ Елену безсмертную, по прежнему прекрасную, и простилъ ей всѣ бѣды, которыя она заставила переносить стольких героевъ и въ продолженіе стольких лѣтъ. Другія троянскія жены достались военной добычей героямъ греческимъ и распредѣлены между ними, по степени участія ихъ въ разрушеніи города. Андромаха досталась Неоптолему, Кассандра — Агамемнону. Несмѣтнымъ богатствомъ, добытымъ въ городѣ и въ царскомъ жилищѣ, наполнили Греки свои корабли и, не оставивши въ Троѣ камня на камнѣ, поплыли обратно, домой.

Возвращеніе греческихъ героевъ въ отчизну.

Не всѣмъ героямъ греческимъ суждено было снова увидѣть отчизну и насладиться въ ней плодами своихъ трудовъ и побѣдъ. Многіе изъ нихъ, предъ самымъ отъѣздомъ домой, предались взаимнымъ раздорамъ и въ самоослѣпленіи оскорбили безсмертныхъ боговъ. За то они испытали новыя бѣдствія. Такъ, Аяксъ, Оилеевъ сынъ, потерпѣлъ крушеніе отъ бури, воздвигнутой богиней Аѳиной у Трои, при скалахъ Гирейскихъ. Другіе

также погибли, а многимъ суждено было скитаться по морямъ, разыскивая знакомые, родные берега. Благополучно и скоро возвратились на родину только Несторъ, Идоменей, Діомедъ, Филоктетъ, Неоптолемъ и другіе. Менелай достигъ Спарты послѣ многихъ годовъ странствованія. Самые печальные жребіи выпали въ этомъ случаѣ на долю Агамемнона и Одиссея.

Послѣднія событія жизни Агамемнона и мщенье Ореста.

Агамемнонъ возвратился домой хотя и благополучно и безъ особенныхъ приключеній, но то, что засталъ онъ у себя въ домѣ, стыдомъ и горемъ обрушилось на голову царя. Выше упомянуто было, какъ злобствовала на мужа своего Клитемнестра за то, что онъ, подъ предлогомъ сговора дочери своей Ифигеніи за Ахилла, вызвалъ ихъ обѣихъ въ станъ и въ глазахъ матери принесъ Ифигенію въ жертву разгнѣванной богинѣ. Во время 10-ти лѣтняго отсутствія мужа, Клитемнестра вступила въ бракъ съ сыномъ Ѳиеста, Эгистомъ, и теперь, при возвращеніи Агамемнона, сговорилась съ новымъ мужемъ своимъ на смертъ Агамемнона. Клитемнестра притворилась несказанно-обрадованной возвращеньемъ царя и ласками любви и радушіемъ съумѣла обольстить его не смотря на то, что Кассандра предостерегала Агамемнона. Въ избыткѣ нѣжной заботливости, Клитемнестра изготовила теплую, ароматную баню, и пригласила царя ободрить свои усталые члены.

Агамемнонъ былъ тронутъ такъ давно невиданными ласками жены своей. Когда онъ вышелъ изъ бани, Клитемнестра накинула на него пространную, нѣжную ткань, укутавшую его съ ногъ до головы, но здѣсь суждено было разсѣяться очарованью несчастнаго царя, и разсѣяться такъ быстро, что только въ Аидѣ могъ Агамемнонъ обозрѣть всю необъятность злобы коварной жены (см.: *Одис. пѣс. XI*, стр. 405 — 435). Обвитый поданной тканью, онъ былъ умерщвленъ злоумышленной женой своей и ея сообщникомъ. Въ одно время съ нимъ погибли и Кассандра и почти всѣ приближенные и приверженцы его. Только сынъ его, Орестъ, при помощи сестры своей, Электры, спасся бѣгствомъ къ одному изъ друзей отцовыхъ, въ Фокиду, гдѣ и пользовался много лѣтъ радушнымъ гостепріимствомъ и безопасностью. Между тѣмъ, Эгистъ, положившись на слово невѣрной Клитемнестры, взошелъ на престолъ Агамемнона и сталъ царствовать въ Аргосѣ.

Прошло много лѣтъ и Аполлонъ внушилъ Оресту желанье отмстить за смерть отца. Въ сопровожденьи вѣрнаго друга своего, Пилада, онъ прибылъ въ Микёну; только сестрѣ Электрѣ открылъ онъ себя, матери же сообщилъ ложную вѣсть о своей собственной смерти, желая испытать чувства ея. Когда онъ увидѣлъ радость матери своей при этой вѣсти, то не могъ болѣе удерживать въ себѣ ненависти къ матери. Клитемнестра пала подъ рукой собственнаго сына. Пиладъ умертвилъ Эгиста.

Такое ужасное преступленіе, какъ убійство матери, не могло, однакожъ, оставаться безъ соотвѣт-

ствующаго наказанія, не смотря на то, что оно совершено по внушенію Аполлона. Эринніи стали преслѣдовать Ореста и онъ, спасаясь отъ мученій собственной души, бѣжалъ изъ одной страны въ другую. Въ Дельфахъ, въ храмѣ Аполлона, онъ излилъ жалобу предъ богомъ на свою горькую участь и получилъ чрезъ оракула повелѣнье отправиться въ Тавриду и принесть оттуда въ Грецію изображенье Діаны Таврической. Этимъ (сказано ему) подвигомъ онъ очистится предъ богами и освободится отъ муки Эринній.

Вы помните, что Ифигенія была сдѣлана жрицей въ храмѣ Діаны Таврической. Прибавимъ, что по тамошнему храмовому закону всѣ иноземцы, являющіеся въ немъ, должны были быть приносимы въ жертву богинѣ. Поэтому и Орестъ съ Пиладомъ, по прибытіи ихъ, были взяты и, можетъ быть, рукою сестры Оресту вонзенъ былъ бы жертвенный ножъ, еслибъ случайно не узнали они другъ друга. Тогда Орестъ передалъ сестрѣ событія домашнія и повелѣніе, полученное имъ отъ Аполлона и, при помощи сестры, увезъ изображеніе богини въ Грецію. Нечего и прибавлять, что Ифигенія послѣдовала за братомъ на родину.

Орестъ, и исполнивши приказаніе, все еще не совсѣмъ освободился отъ терзанія Фурій. Тогда Аполлонъ направилъ его въ Аѳины, гдѣ онъ законнымъ образомъ долженъ былъ получить оправданіе. Орестъ явился въ Аѳины и воззвалъ къ богинѣ — покровительницѣ города. По повелѣнью богини собрался Ареопагъ. Эринніи явились обвинительницами, Аполлонъ — защитникомъ Ореста.

Когда голоса *за* и *противъ* раздѣлились при рѣшеніи по-ровну, сама Аѳина-Паллада опустила въ урну голосовъ бѣлый камень и — Орестъ былъ оправданъ. Эринніи оставили свою жертву и назвались Эвменидами (то есть благосклонными). Съ этихъ же поръ вошло въ обычай въ Аѳинахъ каждый разъ, когда подсудимый получалъ ровное количество голосовъ *за* и *противъ* себя, класть „камень Аѳины" то есть камень милости. И такъ, Орестъ, освобожденный отъ Эринній и по уставамъ религіи своей очищенный отъ преступленія, вступилъ на тронъ своихъ предковъ въ Микёнѣ, а женившись на Эрміонѣ, дочери Менелая и Елены, получилъ впослѣдствіи и престолъ царя Спартанскаго.

Возвращеніе Одиссея. „Одиссея".

Мы ужъ сказали, что изъ всѣхъ героевъ греческихъ, Одиссей на пути въ отчизну болѣе всѣхъ испыталъ печальныхъ приключеній и тяжкихъ бѣдствій.

Другіе сподвижники давно ужъ наслаждались отдыхомъ въ родныхъ семействахъ послѣ долгихъ, томительныхъ трудовъ и ожиданій, а Одиссей все еще по волѣ судьбы блуждалъ по морямъ и не зналъ, будетъ ли когда конецъ его странствіямъ. На своихъ знаменитыхъ корабляхъ, сопровождаемый разными товарищами, Одиссей отплылъ изъ-подъ Трои и прибылъ въ городъ воинственныхъ Киконовъ, Измаръ. Хотя городъ былъ взятъ и разрушенъ, но по собственной оплошности, на

радостяхъ, они упустили изъ виду, что бѣжавшіе изъ города собрали окрестныхъ жителей къ себѣ на помощь. Сильно напали они на воинство Одиссея. Послѣ упорной битвы, въ продолженіе цѣлаго дня, Одиссей, потерявши многихъ изъ своихъ „броненосцевъ отважныхъ" долженъ былъ ночью спасаться бѣгствомъ. Отсюда, послѣ сильной бури, которая отнесла ихъ корабли отъ избраннаго направленія, пристали они къ землѣ мирныхъ Лотофаговъ, „пищей цвѣточной себя насыщающихъ." Лотофаги встрѣтили странниковъ дружелюбно и дали даже отвѣдать имъ сладкаго Лотоса *), но чудное дѣло: лишь только отвѣдывалъ

---

*) ***Лотосъ***, или ***Нелюмбій***, упоминаемый Геродотомъ подъ именемъ ***Нильской Лиліи*** или ***Розы***, у другихъ же древнѣйшихъ писателей подъ именемъ ***боба египетскаго*** или ***Лотоса***, принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ и полезнѣйшихъ водяныхъ растеній.

Замѣчательно, что пресловутой египетской лиліи не удалось найти въ Египтѣ ни ученымъ спутникамъ экспедиціи Наполеона I, ни новѣйшимъ путешественникамъ; она, напротивъ, значительно распространена въ верхнихъ частяхъ Нила и въ Азіи. Въ Индіи, Японіи и Китаѣ сѣмена этого растенія, вареныя или поджаренныя, подаются какъ лакомство. Они вкусомъ напоминаютъ тогда сырые или каленые лѣсные орѣхи. Бѣдные люди въ этихъ странахъ употребляютъ въ пищу корневища этого растенія, которыя стелются по илистому дну тихихъ прѣсныхъ водъ. Индѣйцы, у которыхъ нынче это растеніе пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ и у древнихъ Египтянъ, умѣютъ добывать изъ черешковъ листьевъ и изъ цвѣточныхъ ножекъ онаго, волокна или нити, и приготовляютъ изъ нихъ свѣтильни для лампадъ, зажигаемыхъ въ храмахъ (пагодахъ) при совершеніи религіозныхъ обрядовъ.

Растеніе это воздѣлываютъ и въ садахъ южной Европы ради красоты и сладостнаго, сильнаго запаха огромныхъ цвѣтовъ его (отъ одной до полуторы четверти аршина въ поперечникѣ).

Наши водяныя *кувшинки* или *купавки* или *нимфеи*, которыя бро-

кто-либо изъ людей Одиссеевыхъ этого растенія, какъ позабывалъ все на свѣтѣ и только объ одномъ думалъ, чтобъ сбирать вкусный лотосъ, отказавшись отъ родины. Однакожъ, Одиссей силой притащилъ плачущихъ на корабли, привязалъ ихъ къ скамьямъ корабельнымъ, съ вѣрными же товарищами быстро покинулъ опасную страну. Теперь они прибыли въ землю сильныхъ, свирѣпыхъ Циклоповъ, въ землю благословенную, гдѣ тучная земля щедро, безъ паханья и посѣва, даетъ рожь и пшено и ячмень и роскошный виноградъ; въ землю,—на которую не ступала еще ни разу нога человѣка, гдѣ только стада тонко-рунныхъ козъ и барановъ вольно разгуливали на тучныхъ пастбищахъ. Циклопы, обитавшіе въ этой землѣ, были страшные, одноглазые великаны, съ виду похожіе скорѣе на вершины лѣсистыхъ горъ, чѣмъ на человѣка, жившіе одиночно по разсѣяннымъ островамъ и не знавшіе ни вѣры, ни закона, ни общежитія. Приставши къ одному изъ такихъ острововъ, Одиссей съ товарищами наловилъ безъ труда козъ и барановъ и запасся на всѣ корабли свои свѣжею пищей. Путники цѣлый день до вечерняго мрака ѣли прекрасное мясо и запивали

саются въ глаза красотой своей, вблизи Астрахани, напримѣръ, въ одномъ изъ рукавовъ Волги, называемомъ чульпаномъ, также близкая родня лотосу.

Китайцы, употребляютъ и какъ лакомство и какъ лекарство (подъ именемъ *самбарая* или *жамбарая*) зрѣлые плоды этого растенія. Жители Астрахани также пользуются ими. Плоды, подъ именемъ *шишекъ*, идутъ для настойки, а въ простомъ народѣ, какъ лекарство въ различнаго рода кровотеченіяхъ.

Прим. перев.

сладкимъ виномъ, даннымъ герою при разрушеньи Измара, Марономъ, жрецомъ Аполлоновымъ, въ благодарность за то, что дружина пощадила семейство отца его. Отдохнувши, Одиссей объявилъ своимъ спутникамъ, что онъ оставляетъ ихъ у берега, самъ же, съ отважнѣйшими товарищами, попытается узнать о томъ, какой народъ обитаетъ на островѣ: дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій правды, или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный? Скоро достигъ онъ съ товарищами пещеры, въ которой жилъ Циклопъ Полифемъ, сынъ Посейдоновъ. Онъ былъ въ отсутствіи; когда жъ воротился и герои увидѣли хозяина, отъ котораго по тогдашнему обычаю ждали радушнаго гостепріимства и подарковъ, то со страху забились отъ чудовища въ самый дальній уголъ пещеры. Загнавши стада козъ и барановъ въ пещеру, Полифемъ входъ въ нее заградилъ камнемъ, скалѣ необъятной подобнымъ. Тогда обратившись къ Одиссею и товарищамъ его, Полифемъ, грубо сказалъ имъ:

«Странники! кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
«Дѣломъ какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
«Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные мчася,
«Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?

(Одиссея.)

Отъ гремящаго голоса и вида чудовища замерло сердце у вопрошенныхъ, но Одиссей ободрился прежде другихъ и смѣло объяснилъ ему, кто они, откуда и куда плывутъ; какъ, сбившись съ пути попали во владѣнія Циклоповъ, и какъ теперь ждутъ они дружелюбія и приличнаго подарка,

какимъ обыкновенно надѣляютъ на прощаньи гостей, ибо, прибавилъ онъ:

«Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго Кроніонъ,
«Богъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.»

(тамъ же.)

Смѣлость и угроза Одиссея раздражили Циклопа и онъ прогремѣлъ, трепетавшимъ отъ страха, пришельцамъ:

«Видно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ пришелецъ,
«Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
«Намъ, Циклопамъ, нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
«Вашихъ блаженныхъ богахъ. Мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй.
«Страхъ, громовержца Зевеса прогнѣвать, меня не принудитъ
«Васъ пощадить. Поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.»

(тамъ же.)

И въ доказательство сказаннаго, онъ тутъ же выхватилъ двоихъ изъ товарищей Одиссеевыхъ, разорвалъ ихъ на части и поужинавъ ими, запилъ молокомъ, а потомъ беззаботно растянулся на голой землѣ между козловъ и барановъ.

Тутъ подошелъ къ нему Одиссей, замысливъ нанесть спящему чудовищу рѣшительный ударъ, но вспомнивъ о скалѣ, заграждавшей выходъ изъ пещеры, онъ перемѣнилъ намѣреніе и сталъ придумывать иной способъ спасти себя и другихъ. И придумалъ. Наставленный богиней Палладой, онъ затесалъ съ товарищами огромный колъ и, когда Полуфемъ, снова сожравши двоихъ изъ товарищей,

приготовлялся заснуть, Одиссей безстрашно поднесъ ему полную чашу искрометнаго вина, подареннаго Марономъ, прося Полифема отвѣдать драгоцѣннаго напитка, который, говорилъ Одиссей, я сначала надѣялся предложить тебѣ въ обмѣнъ за ласку и гостепріимство, теперь же подношу какъ моленье о тѣхъ изъ насъ, которыхъ еще некоснулись твои челюсти. Циклопу понравилось питье, онъ попросилъ и другую, и третью чашу. Одиссей съ радостью подалъ ему и другую, и третью. Вино огневое зашумѣло въ головѣ людоѣда и, въ свирѣпомъ весельи, онъ объявилъ Одиссею, что въ подарокъ ему, какъ дорогому гостю, онъ обѣщаетъ, что съѣстъ его послѣднимъ изъ всѣхъ остальныхъ. Тутъ грянулся навзничь Циклопъ и всепобѣждающая сила сна одолѣла его. Одиссей же, не теряя минуты, раскалилъ приготовленный колъ, и быстро съ товарищами, наставивъ, разомъ вонзилъ его чудовищу въ лобъ и—просверлилъ и выдавилъ его единственное око. Схватившійся Полифемъ въ ярости шарилъ повсюду и не могъ зацѣпить притаившихся героевъ. Тутъ сталъ выгонять онъ стада изъ пещеры, чтобы удобнѣй было изловить и растерзать виновниковъ своего страданія, но Одиссей искусстно связавши барановъ по-трое, среднему подъ брюхо подцѣпилъ по товарищу и такимъ образомъ и ихъ и себя вывелъ изъ пещеры. Полифемъ при выходѣ ощупывалъ только спину барановъ, а подъ брюхомъ не догадался посмотрѣть. Ярость Циклопа была неописанна, когда спасенные, отъѣхавъ отъ берега, стали громко выражать свою радость, а виновникъ всего дѣла воскликнулъ:

«Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
«Какъ истребленъ твой единственный глазъ? Ты на это отвѣтствуй:
«Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
«Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.»

(Одиссея.)

Заревѣлъ Циклопъ отъ злости. Посыпались камни громадные на голосъ царя Одиссея, но богиня Паллада отвращала полетъ ихъ отъ кораблей героя и только море, при паденьи ихъ, колыхалось какъ въ сильную бурю и высоко подымало на волнахъ корабли со счастливой дружиной. Тогда въ отчаяньи кричалъ Полифемъ:

«Горе! Пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною,
«Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
«Телемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
«Жилъ и состарѣлся онъ прорицая, въ землѣ у Циклоповъ.
«Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
«Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
«Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
«Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный;
«Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
«Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши,
«Царь Посидонъ! земледержецъ могучій, лазурнокудрявый!
«Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
«Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
«Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
«Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ губитель, чтобъ въ домъ свой
«Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцевъ возвратился,
«Дай, чтобъ по̀ многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно

«Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ
горе.»

(Одиссея. Пѣснь IX.)

И услышалъ жалобу своего сына царь Посейдонъ: десять лѣтъ преслѣдовалъ онъ по морямъ Одиссея, и только, потерявши всѣхъ своихъ товарищей, на чужомъ кораблѣ, прибылъ Одиссей въ Итаку.

Изъ приключеній и бѣдствій, испытанныхъ имъ теперь на пути, главнѣйшія были слѣдующія. Прежде попалъ онъ къ владыкѣ вѣтровъ Эолу, и гостепріимно былъ принятъ и обласканъ имъ, но по собственной оплошности не съумѣлъ воспользоваться благосклонностью его. Объ этомъ разсказано уже выше (см.: Эолъ). Потомъ, послѣ долгихъ опасныхъ блужданій по волѣ поднявшихся вѣтровъ, присталъ онъ въ страну Лестригоновъ, къ городу Ла́мосу. Тутъ опять наткнулась дружина его на великановъ-людоѣдовъ. Всѣхъ бѣдныхъ товарищей Одиссеевыхъ Лестригоны схватили, нанизали какъ рыбокъ на палку и понесли въ городъ на съѣденье. Только съ однимъ кораблемъ, и товарищами на немъ, спасся Одиссей, мечемъ отрубивши канатъ въ ту роковую минуту, когда остальные одиннадцать его кораблей трещали и ломались подъ ударами ужаснѣйшихъ камней, которые швыряли Лестригоны. Долго плылъ Одиссей съ остатками храброй дружины и присталъ, наконецъ, къ острову Эи, гдѣ издавна жила дѣва Цирцея, богиня, сестра волшебницы Медеи. Не посчастливилось и здѣсь путникамъ: всѣхъ ихъ

обратила волшебница Цирцея въ свиней. Одинъ только Одиссей устоялъ противъ замысловъ чародѣйки: ему покровительствовалъ богъ Гермесъ. Онъ научилъ его, чѣмъ и какъ одолѣть чары Цирцеи и спасти товарищей. Одиссей все исполнилъ и — цѣлый годъ волшебница угощала и ласкала пришельцевъ, возвративши имъ напередъ образъ человѣческій. Когда же Одиссей объявилъ желанье продолжать свой путь, Цирцея снабдила его благодѣтельнымъ совѣтомъ спуститься въ Аидъ и тамъ отъ Тирезія узнать обо всемъ, что еще назначено судьбою испытать Одиссею до возвращенья на родину и послѣ. Исполнилъ и это знаменитый герой и получилъ отъ Тирезія ясное предсказаніе о дальнѣйшей судьбѣ своей. Тутъ же видѣлъ онъ призракъ матери своей. Отъ нее узналъ онъ о томъ, что сынъ его, Телемакъ, томится невѣденіемъ о судьбѣ отца своего, жена же Пенелоппа все ждетъ—не дождется его; что престарѣлый отецъ Одиссеевъ, Лаэртъ, ни днемъ ни ночью не знаетъ покоя, все помышляя о сынѣ; сама же мать, Антиклея, невынесла тоски разлуки и преждевременно перешла въ область тѣней. Увлеченный сердцемъ, три раза Одиссей протягивалъ къ ней руки, но обнимая лишь призракъ, онъ раздраженъ былъ противъ богини Персефоны. Ему мать отвѣчала на это:

«Милый мой сынъ! Злополучнѣйшій между людьми! Персефона,
«Дочь громовержца, тебя приводитъ въ заблужденье не мыслитъ.
«Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.

«Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ ни костей ихъ.
«Вдругъ истребляетъ проницательной силой огонь погребальный
«Все, — лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ.
«Вовсе тогда отлетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.»

(Одиссея. Пѣснь IX).

Тутъ же увидѣлъ Одиссей и тѣни великихъ героевъ и женъ, и мученья преступниковъ за злодѣянія, совершенныя въ мірѣ. Передъ нимъ проходили и съ нимъ бесѣдовали: Антіопа, Азопова дочь, и Алкмена, матерь Геракла; Іокаста, Эдипова мать и жена; Касторъ и боецъ Полидевкъ, Аріадна, Миносова дочь; царь Атридъ Агамемнонъ и сынъ Теламона, Аяксъ быстроногій, въ самомъ Аидѣ косившійся на Одиссея за предпочтенье, оказанное ему при назначеньи доспѣховъ Ахилла; и тѣнь самого царя Ахиллеса, и судьи въ Аидѣ Миноса — царя и многихъ другихъ знаменитыхъ тѣней царей и героевъ. Не удалось ему видѣть только великихъ мужей, въ отдаленныя вѣка богами рожденныхъ, Тезея, Пириѳоя и другихъ, но это только потому, что вдругъ безчисленной толпой слетѣлись души усопшихъ и подняли ужасный крикъ. Одиссей, думая, что это Персефона хочетъ выслать на него окаменяющій ликъ страшной Горгоны, бѣжалъ, пораженный паническимъ страхомъ, къ своимъ кораблямъ и быстро поплылъ во владѣнья Цирцеи.

Волшебница съ благоговѣніемъ встрѣтила мужей, за̀-живо видѣвшихъ царство Аида, и приготовила имъ новые пиры и бесѣды. Когда жъ Одиссей окончательно собрался въ путь, она нѣжно-

заботливо указала ему предстоящія опасности на пути и средства избѣгнуть ихъ. По ея-то совѣтамъ Одиссей благополучно миновалъ губительныя острова Сиренъ (см. выше: Сирены) и прошелъ счастливо, хотя и потерявши шестерыхъ изъ своихъ товарищей, въ проходѣ чудовищъ Сциллы и Харибды, чудовищъ, подъ которыми древніе олицетворяли бурьливыя, неправильныя волненія и водовороты въ Мессинскомъ проливѣ, причиняемыя въ немъ столкновеніемъ различныхъ теченій и неправильностей, находящихся въ связи съ приливами и отливами (См: примѣч. — о приливахъ и отливахъ). Отсюда, не послушавъ предостереженій Тирезія и Цирцеи, Одиссей присталъ на островъ Тринакрію (Сицилію), строго наказавъ товарищамъ не посягать на стада бога Геліоса, которыя свободно паслись по лугамъ. Но не исполнили товарищи строгаго повелѣнія, и Одиссей поплатился за это жестокою бурей, въ которой и товарищи, и самый корабль погибли; Одиссей же, на обломкѣ мачты, 9 дней носился по волѣ взволнованной стихіи и, наконецъ, ночью выброшенъ былъ на островъ Огигію, гдѣ царствовала „свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая“ Нимфа Калипсо. Его дружелюбно встрѣтила и къ нему душой привязалась владычица острова, но, не смотря на сладкій, семилѣтній плѣнъ свой у Калипсо, душа Одиссея стремилась къ семьѣ своей. Одинъ сидя на берегу моря, онъ молилъ боговъ хотя разъ передъ смертью увидѣть еще дымъ роднаго жилища. Боги услышали молитвы героя, въ совѣтѣ положили возвратиться Одиссею на родину, и Гер-

месъ, посланникъ, пролетѣвъ безпредѣльныя морскія пространства, предсталъ предъ Калипсой и отъ имени Дія — Юпитера возвѣстилъ ей:

«Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый
«Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
«Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну;
«Но, при отплытіи, дерзко они раздражили Аѳину:
«Бури послала на нихъ и великія волны богиня;
«Онъ же, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
«Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
«Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ,
«Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
«Воля — напротивъ — судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ, родную
«Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.»

(Одиссея Пѣснь V).

Какъ ни прискорбно было Калипсѣ, но она повиновалась велѣнью боговъ и сама помогала Одиссею устроить себѣ надежный плотъ и поставить на немъ парусъ. Снабженный припасами и благословеньемъ Калипсы, Одиссей снова вручилъ себя невѣрному морю, глазъ не сводя съ группы Плеядъ и вправо держась отъ звѣздной Медвѣдицы, какъ велѣла Калипсо. И ужъ видны были на горизонтѣ берега Феакійской земли, гдѣ назначено было Одиссею встрѣтить конецъ своимъ бѣдствіямъ, но вдругъ завидѣлъ его на пути, отъ Эѳіопянъ возвращавшійся, богъ Посейдонъ. Онъ вскипѣлъ негодованіемъ, что боги, противъ обѣщанья, чуть не допустили прежде назначеннаго срока

спастись Одиссею и воздвигъ ему страшную бурю (См: Эолъ). Безъ помощи Левкотеи (см: *Левкотея*) Одиссей на вѣрное погибъ бы здѣсь. Теперь же, хотя и безъ судна, безъ платья, но спасся онъ на островъ Феаки и былъ радушно принятъ и угощенъ царемъ Алкиноемъ. Тутъ онъ въ собраньи, тронутый пѣснями пѣвца Демодока, и самъ предъ царемъ разсказалъ о всемъ, что потерпѣлъ онъ, отплывъ изъ подъ Трои (См. *Одиссеи* пѣсни IX, X, XI и XII). Одѣливши Одиссея щедрыми дарами, Феакійцы построили ему прочный корабль и давши надежныхъ гребцовъ и кормчихъ проводили его въ счастливый, послѣдній путь.

Скоро насладился Одиссей радостями въ семействѣ своемъ и радостью же наполнилъ сердце отца своего и вѣрной Пенелоппы, упорно отвергавшей всѣ лестныя просьбы и искательства многочисленныхъ жениховъ, наполнявшихъ, въ отсутствіе Одиссея, домъ его и склонявшихъ ее на новый бракъ.

Сына своего, Телемака, который ужъ выросъ и возвращался домой, послѣ путешествія по разнымъ странамъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ отцѣ своемъ, Одиссей встрѣтилъ у одного пастуха и открывшись ему, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ на безпокойныхъ жениховъ своей Пенелоппы, расхищавшихъ и съѣдавшихъ имущество его. Какъ ни сильно было сопротивленье ихъ, но всѣхъ, при помощи Аѳины-Паллады, низложилъ Одиссей. Затѣмъ ужъ вступилъ онъ въ домъ свой и, укротивши возстанье за убійство имъ столькихъ знатнѣйшихъ

людей, царствовалъ, увѣнчанный славой, въ Итакѣ и подвластныхъ ей странахъ.

Подробное и въ высшей степени занимательное повѣствованіе о приключеніяхъ Одиссея на пути изъ подъ Трои домой, о событіяхъ, случившихся въ это время въ Итакѣ и, наконецъ, о трогательномъ свиданіи возвратившагося героя съ своими домашними, составляетъ содержаніе, всякому образованному человѣку извѣстной, поэмы Гомера: „*Одиссеи*,“ изъ которой мы такъ часто заимствовали матеріалы при изложеніи греческой Миѳологіи. На нѣмецкій языкъ Одиссею перевелъ Генрихъ Фоссъ (Heinrich Voss), на русскій — В. А. Жуковскій.

РИМСКІЕ ГЕРОИ.

У римлянъ также были герои, хотя и немногочисленные.

РОМУЛЪ и РЕМЪ.

Оба были основателями города Рима. Мать ихъ, по преданью, была какая-то весталка. Храмъ Ромула былъ: простая, соломой крытая хижина, на Палатинскомъ холмѣ, въ Римѣ, но на обязанности приставленнаго жреца было: содержать этотъ храмъ въ постоянномъ порядкѣ и свѣжести. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Ромулъ почитается установителемъ пастушескихъ праздниковъ: *Луперкалій* (въ

воспоминанье волчицы, вскормившей, будто бы, братьевъ) и *Палиліи*. Рема убили приверженцы брата. Ромулъ же былъ счастливѣе его во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и самая смерть его запечатлена чертами необычайнаго, чудеснаго. По преданью, онъ съ громомъ и молніей схваченъ былъ, при многочисленномъ народномъ собраньи, на небо и больше не возвращался.

ГОРАЦІЙ КОКЛЕСЪ.

Послѣдній царь Римскій, Тарквиній Гордый, за жестокость свою былъ изгнанъ изъ Рима со всѣмъ семействомъ своимъ въ 510 году до Р. Хр. — Но изгнанникъ, съ помощью союзниковъ, непріязненныхъ Римлянамъ, часто подходилъ къ самому Риму и разъ, ужъ въ правленіе Консуловъ, чуть не овладѣлъ имъ. Горацій Коклесъ съ непонятнымъ мужествомъ удерживалъ враговъ на мосту черезъ Тибръ до тѣхъ поръ, пока прибыли Римскіе воины и отразили ихъ. Преданье изукрасило дѣйствительный подвигъ Коклеса и потомки чтили память его, какъ героя, и въ пѣсняхъ прославляли его необычайный подвигъ. На площади рынка стояла Коклесу въ Римѣ золотая статуя, при которой совершались и жертвоприношенья.

IV. МИѲОЛОГІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

Египетская Миѳологія развилась въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ, одинъ изъ другаго вытекавшихъ, періодовъ. Только въ концѣ третьяго, какъ число боговъ, такъ и вся миѳологія представляются получившими окончательное устройство. Въ древнѣйшемъ періодѣ находимъ восемь основныхъ божествъ. Въ слѣдующій за тѣмъ періодъ, число божествъ увеличивается новыми двѣнадцатью. Наконецъ, послѣдній представляетъ совокупно полный составъ ихъ — 27; по крайнѣй мѣрѣ сколько намъ извѣстно; да еще впослѣдствіи прибавилось къ нимъ семь новыхъ.

Для вѣрной оцѣнки значенія Египетской миѳологіи, нужно сначала бросить взглядъ на самую страну и на физическія особенности ея.

Египетъ представляетъ пространную долину низоваго теченья рѣки Нила, вытекающаго, какъ извѣстно, изъ глубины Африканскихъ малоизвѣстныхъ странъ и впадающаго въ югозападный уголъ Средиземнаго моря. На востокъ ограничиваютъ Египетъ горы, а за ними Аравійскій заливъ (Чермное или Красное море); на западъ разстилаются песчаныя пустыни — начало безпредѣльнаго, песчанаго океана, наполняющаго почти всю сѣверную и северо-западную части Африки. Единственно только ежегодному разлитію Нила, обширно затопляющему пространство своей долины, и оставляющему на немъ благодѣтельный илъ, обязанъ Египетъ

своимъ прославленнымъ плодородіемъ. Безъ него былъ бы Египетъ, какъ и сосѣдняя ему Ливія, не болѣе какъ печальная пустыня. Источникъ благосостоянія страны сталъ и первоначальнымъ источникомъ религіи Египтянъ; правильное же періодическое появленіе разлитія Нила и оплодотворенія полей, повело къ правильному распредѣленію времени и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ подробностей существованія Египтянина, и затѣмъ удивительной тишины и уединенія, запечатлѣвшихъ бытъ древняго Египтянина до новаго наводненія. Особенность Египетской религіи представляетъ образованіе отдѣльнаго отъ общества, замкнутаго въ самомъ себѣ и прочно-составленнаго класса жрецовъ. Этотъ классъ или лучше сказать *каста*, распадавшаяся на 6 разрядовъ, пользовалась въ Египтѣ необычайнымъ могуществомъ ужъ потому одному, что держала въ рукахъ своихъ ключъ религіи и науки. Сами цари Египетскіе должны были быть посвящаемы жрецами. Въ первомъ классѣ заключались жрецы-хранители (они же и составители) священныхъ письменъ. Кромѣ этого, на нихъ же лежала обязанность изслѣдованія неба и земли и, конечно, письменное изложеніе свѣдѣній о нихъ. Второй классъ завѣдывалъ всѣми подробностями при отправленіи богослуженья и религіозными церемоніями. Третій заключалъ въ себѣ пророковъ — оракуловъ. Въ четвертомъ состояли жрецы — пѣснопѣвцы, приготовлявшіе, сохранявшіе и руководившіе пѣніемъ при священныхъ церемоніяхъ. Пятый занимался астрономіей и времясчисленіемъ. Наконецъ, шестой, озабоченъ былъ

службою священнымъ животнымъ, которыхъ считали, отчасти, воплощеніемъ извѣстныхъ божествъ, отчасти же, самостоятельными божественными силами. Изъ нихъ въ каждой области, въ каждомъ селѣ были извѣстныя разряды животныхъ, пользовавшіеся предпочтительнымъ или же исключительнымъ почитаніемъ: въ одномъ мѣстѣ кошки, въ другомъ — ибисы, въ третьемъ — ихневмоны, и такъ далѣе.

Науку и нравственный смыслъ религіи жрецы содержали въ тайнѣ отъ народа и отъ непосвященныхъ, и потому можно сказать, что въ дѣлѣ самой религіи владѣли ею только жрецы и посвященные; вѣрованье же и боги остальнымъ представлялись только непонятными аллегоріями, или изображеніями съ неизвѣстнымъ смысломъ и значеніемъ. Посвященнымъ жрецы излагали религію въ такъ называемыхъ *мистеріяхъ* (таинствахъ); самихъ же посвященныхъ въ нихъ лицъ называли *Эпоптами* (созерцающими). Мистеріи эти, совершаемыя въ храмахъ Изиды и Сераписа, служили, для участниковъ въ нихъ, прообразомъ чистѣйшей истины. Почерпать изъ этаго возвышеннаго, чистѣйшаго источника, приходили въ древнѣйшія времена изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ тогдашняго извѣстнаго міра. Пиѳагоръ, Геродотъ и другіе совершили за этимъ путь изъ Греціи.

Вѣроятно, таинственностью облечено было служеніе такимъ божествамъ, которыя, какъ первобытныя основныя начала и силы, не могли быть олицетворены жрецами въ приличныхъ, вещественныхъ образахъ. Оно могло относиться и къ 8 бо-

жествамъ перваго порядка, изъ которыхъ намъ, впрочемъ, болѣе или менѣе извѣстны съ именами и значеніями только 6. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ *Пта* или *Ѳта* (или *Ѳте*), богъ родоначальнаго огня. Его ближе всего можно сравнить съ греческимъ Гефестомъ. Его звали отцемъ боговъ или же отцемъ бога солнца, также — древнѣйшимъ властителемъ Египта. Символомъ этого бога былъ жукъ — скарабей, а главный храмъ его былъ въ Мемфисѣ. Можно полагать, что въ этомъ божествѣ выражено начало жизни, распространенное во вселенной, или же основная производящая сила въ природѣ. Отъ этого бога расходятся остальныя божества этого перваго періода или порядка боговъ. Вотъ они: 2) *Аммонъ* или *Амунъ* (или *Аммонъ-да*), богъ водъ, съ символомъ овна, распадающійся на два видоизмѣненія: *Мендеса* и *Кнуфа* или *Кнуфиса*, и являющійся богомъ благословенной производительности. 3) *Неифа*, богиня свѣтлаго огненнаго эѳира. Ее почитали матерью солнца, какъ Ѳта — отцемъ его. Символомъ богини былъ коршунъ. Главное почитаніе ее распространено было въ Саисѣ. 4) Въ близкомъ отношеніи къ Амуну стоитъ богиня *Сатиса*, которую Греки сравнивали съ своею Герой, какъ самого Амуна — съ Зевсомъ. 5) Пятое основное божество, *Афора*, богиня первобытной ночи и жизни, таящейся въ мракѣ. Символъ ея была корова, а главное почитаніе распространено въ Тентирѣ (или Дендерахъ). 6) Шестое божество, *Буто*, кажется, такъ же какъ и Амунъ, имѣетъ близкое отношеніе къ водѣ. — 7) и 8) божествъ не знаемъ теперь.

Эти основныя 8 божествъ олицетворяли у Египтянъ основныя начала міра и изображалися въ видѣ загнутой въ кругъ змѣи. Оттуда замкнутый кругъ служилъ символомъ вѣчности. Изъ устъ Кнуфа вышло міровое яйцо, изъ котораго произошло ужъ все остальное. На Египетскихъ іероглифахъ, у змѣи, образующей кругъ, яйцо это помѣщается между головой и хвостомъ, чѣмъ Египтяне выражали, конечно, не что иное, какъ идею вѣчности міра. Кнуфа почитали единственнымъ безсмертнымъ божествомъ въ городѣ Ѳивахъ, извѣстномъ въ древнихъ письменныхъ источникахъ подъ именемъ *стовратныхъ*, по причинѣ множества воротъ въ городскихъ стѣнахъ. Міръ, созданный Кнуфомъ, и представленный на изображеніяхъ подъ видомъ яйца въ устахъ божества, только тогда и наслаждался свѣтомъ, когда Кнуфъ глядѣлъ; каждый же разъ, когда очи Кнуфа смыкались, и міръ весь погружался во мракъ. Въ послѣдствіи, бога этаго стали изображать съ ястребиной головой и съ такой крестовидной египетской ручкой, которая составляетъ отличительный знакъ Озириса (см. табл. XXVI).

За этими 8-ю основными божествами идетъ рядъ 12 божествъ, составляющихъ слѣдующій за ними порядокъ. Впрочемъ, съ совершенно достовѣрной точностью мы не можемъ ни всѣхъ ихъ назвать, ни опредѣлить значенія называемыхъ. Съ приблизительной точностью божества эти суть слѣдующія: 1) ***Ра*** или ***Фра*** (или ***Фре***), богъ солнца, сынъ Фты и Неифы. Символъ его — ястребъ; по этому Ра изображали съ ястребиной головой, увѣн-

чанной солнечнымъ щитомъ. 2) *Іогъ* или *Піогъ*, богъ луны, являющійся на изображеніи съ серповидной луной на головѣ. 3) Богъ войны, сравниваемый съ Греческимъ Ареемъ. Имя его неизвѣстно. 4) *Сонъ* или *Хонъ* (или *Семъ*), который считается равнозначащимъ съ греческимъ Геракломъ. 5) *Тутъ* или *Тотъ* (или *Таутъ*), равнозначащій съ Гермесомъ. Символъ его — ибисъ. 6) *Анубисъ* съ головой собачьей или шакальей. 7) *Сохосъ* или *Сокъ* съ головой крокодила. Наконецъ, 8) божество, кажется, представляетъ что-то въ родѣ греческой Реи. Имени этой египетской богини неизвѣстно, но извѣстно, что отъ браковъ съ различными другими божествами у ней произошли другія, младшія божества: *Озирисъ*, *Изида*, *Горъ*, *Нэфтиса* и *Тифонъ*.

Преданія объ этихъ божествахъ, ихъ происхожденіи, кругѣ дѣятельности и взаимной между собою связи, представляются намъ гораздо менѣе ясными, нежели миѳологическія преданія Грековъ и Римлянъ. Слишкомъ далеко и темно ихъ прошедшее и лишь неопредѣленно просвѣчиваетъ сквозь нихъ то значеніе, которое онѣ когда-то представляли. Впрочемъ, какъ бы ни было это неопредѣленно, а все таки положительно и мы видимъ, что религія и миѳологія Египтянъ находилась въ постоянной и тѣсной связи съ Астрономіей, Естествознаніемъ и даже Медициной.

Уже въ древнѣйшія времена Египтяне съ благоговѣніемъ почитали тѣла небесныя, ибо признавали за ними несомнѣнно-дѣятельное вліяніе повсюду въ мірѣ, особенно же при разлитіи и спа-

деніи водъ Нильскихъ, — явленіи, имѣвшемъ для нихъ такое огромное значеніе во всемъ быту народномъ. Египтяне видѣли въ этомъ явленіи особенно дѣятельное участіе солнца и луны (Озириса и Изиды) и потому почитали ихъ полубожествами, самый же Нилъ представляли себѣ въ такой нераздѣльности съ Озиросомъ, что часто обоихъ смѣшивали въ образѣ одного божества. По правильно-возвращавшимся разлитіямъ этого божества, составили религіозный годъ, состоявшій изъ 360 дней; естественный же, солнечный годъ, заключалъ въ себѣ пространство 365 дней. Оттуда вышелъ обычай: планеты и знаки зодіакальные почитать за божества и за покровителей дней недѣли, часовъ дня, и давать послѣднимъ имена по именамъ покровительствующихъ имъ божествъ. Даже естественныя принадлежности каждаго мѣсяца, или значеніе того или другаго мѣсяца, въ государственномъ, или частномъ хозяйствѣ, были олицетворяемы въ образахъ различныхъ божествъ, съ соотвѣтствовавшими первымъ качествами, и почитались эти божества подъ видомъ знаковъ зодіакальныхъ. Поэтому многія изъ египетскихъ полубожествъ являются совершенно загадочными и заимствованными: то отъ различныхъ созвѣздій, то отъ свойствъ Нила, то наконецъ, какъ символы, отъ царства животныхъ.

Вообще, однакожъ, Египтяне видѣли въ своихъ, божествахъ, въ особенности въ главныхъ изъ нихъ, существа невоображаемыя, но дѣйствительныя, подъ могучимъ вліяніемъ которыхъ находился весь видимый міръ и время, съ его ходомъ и измѣненіями,

и самая судьба обитателей міра со всѣмъ прихотливымъ разнообразіемъ ея. Отдѣльнымъ божествамъ строили особые храмы, опредѣляли въ нихъ особыхъ жрецовъ, и приносили богамъ жертвы благодарственныя и умилостивительныя. По преданіямъ, въ древнѣйшія времена существовали даже, въ необыкновенныхъ случаяхъ, и человѣческія жертвы, но царь *Амазисъ* навсегда отмѣнилъ ихъ.

Рядомъ съ почитаніемъ созвѣздій возникло (какъ увидимъ ниже) и почитаніе различныхъ животныхъ, не какъ символовъ различныхъ божествъ, а какъ дѣйствительныхъ, самостоятельныхъ божествъ, каковы напримѣръ были: Аписъ и Мнефисъ *). Къ нимъ взывали съ молитвами; ихъ существо и значеніе умѣли представлять въ необыкновенно

---

*) Замѣчательнымъ уваженіемъ пользовались у нихъ, между прочими животными, обезьяны *Гамадрилы* (Hamadrias или иначе Tartarins, изъ рода мартышекъ, сем. узконосыхъ). На египетскихъ іероглифахъ встрѣчается она, какъ символъ Таута, равнозначущаго съ греческимъ Гермесомъ. Гораполлонъ говоритъ, что каждый разъ, какъ вводили во храмъ одну изъ такихъ обезьянъ, жрецы подавали ей дощечку, тростинку и чернилъ и такимъ образомъ узнавали, къ образованному ли сословію принадлежитъ эта обезьяна? Нерѣдко, на іероглифахъ же, видна внимательная фигура гамадрила передъ вѣсами, ибо этой особѣ дана была, въ вѣрованьи египтянъ, страшная власть: взвѣшивать людскія души и произносить надъ ними верховный судъ. На египетскихъ памятникахъ нетрудно узнать Hamadrias по ея длинной мордѣ и длиннымъ волосамъ на головѣ и плечахъ; волосамъ, расположеніе которыхъ Эренбергъ считаетъ прообразомъ прически, бывшей въ прошедшемъ столѣтіи въ большой модѣ у государственныхъ мужей, сановниковъ и проч., и оставшейся теперь только коегдѣ въ Западной Европѣ.

Прим. перев.

близкой связи съ существомъ и значеньемъ главныхъ божествъ.

Такимъ образомъ религія и мифологія постепенно выработывались болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ постепенными періодами развитія исторіи этого народа. Но, чѣмъ шире становился кругъ религіозныхъ представленій, тѣмъ слабѣе оказывалась связь ихъ съ религіозными представленьями предшествовавшихъ періодовъ и, наконецъ — какъ выше сказано — во многомъ вовсе утратила точное значеніе для послѣдовавшихъ поколѣній людей, или пріобрѣла значеніе темное и загадочное.

Здѣсь мы изложимъ въ немногихъ словахъ о тѣхъ египетскихъ божествахъ, о которыхъ чаще приходится слышать, или изображенія ихъ чаще встрѣчать на древнихъ памятникахъ искусства.

ОЗИРИСЪ.

(См. табл. XXVI.)

Озирисъ представляетъ божество, пользовавшееся наиболѣе распространеннымъ почитаніемъ у древнихъ Египтянъ.

Озирисъ, сынъ египетской Реи, братъ и супругъ Изиды, олицетворяетъ собою божество Нила до такой степени ясно и отчетливо, что миѳъ объ Озирисѣ есть собственно представленіе того, что въ теченіе года совершается съ Ниломъ. Когда Нилъ накопленныя воды разливаетъ по долинѣ и, въ полной красѣ и величіи, разноситъ плодотвор-

ный илъ по будущимъ нивамъ, на всеобщее благо, это значитъ: небесный богъ плодородія, въ торжественномъ шествіи, въ сопровожденіи крокодиловъ, водяныхъ змѣй и ибисовъ, спѣшитъ съ любовью къ ожидающей его невѣстѣ, Изидѣ, богинѣ земли, разливается по ней озеромъ и оплодотворяетъ ее. Но лишь короткое время длится этотъ счастливый союзъ: воды Нила спадаютъ теперь ужъ болѣе и болѣе, образуютъ разрозненныя озерки и болота, а наконецъ и вовсе исчезаютъ. И такъ, по миѳу, Озирисъ умираетъ теперь въ полномъ цвѣтѣ силы и счастія, умираетъ потому, что братъ и врагъ его, Тифонъ, позавидовалъ его счастью; ибо, какъ демонъ безплодья и засухи, онъ не можетъ не быть во враждѣ съ богомъ всякаго плодородія и благополучія.

Тифонъ растерзалъ Озириса и четырнадцать частей его разбросалъ по Египту. Этому времени соотвѣтствовала глубокая скорбь всего Египта, особенно же скорбь Изиды, розыскивавшей повсюду члены своего супруга. Она ихъ отыскала и предала торжественному погребенію. Какъ ни велика печаль Изиды, но не вѣчно же ей продолжаться. У богини рождается сынъ, *Арори*, *Аруръ* или *Горъ*, который, выросши и возмужавъ, мститъ за смерть отца своего тѣмъ, что въ свою очередь изгоняетъ и умерщвляетъ Тифона. И самъ Озирисъ, какъ видно, не безнадежно погибъ: *Амунъ*, птица съ человѣческой головой, оживотворяетъ снова тѣло Озириса; послѣ того, отъ упавшей съ неба искры божественнаго огня, оплодотворяется корова и раждаетъ *Аписа*. Въ этого послѣдняго во-

площается Озирисъ и плотію, въ образѣ его, навсегда остается на землѣ; духомъ же онъ все-таки умеръ для земли и, какъ владыка, пребываетъ въ мірѣ подземномъ, гдѣ, подъ именемъ *Аментеса*, судитъ умирающихъ. Такимъ образомъ, кругъ дѣйствій Озириса обнимаетъ собою и небо (по происхожденію бога), и землю (по оплодотворенію ея) и преисподній міръ (по суду надъ умершими). Кромѣ этого, на основаніи правильнаго, періодическаго повторенія явленій, составляющихъ содержаніе миѳа объ Озирисѣ, божество это становится въ близкое отношеніе къ солнечному году и потому является символомъ этого свѣтила, какъ Изида—символомъ луны. Впослѣдствіи, впрочемъ, когда мало-по-малу расширились представленія объ Изидѣ и Озирисѣ, оба эти божества вмѣстѣ, безразлично, являются символами солнца и луны.

Греки сравнивали Озириса съ Діониссомъ: последній также былъ богъ плодородія, и—какъ Озирисъ Тифономъ—убитъ и растерзанъ былъ Титанами. Греки сравнивали Озириса также и съ Патономъ, который, какъ Озирисъ у Египтянъ, служилъ у Грековъ символомъ оплодотворяющей силы земли и вообще природы.

По разнообразію значенья Озириса, его и изображали различно: то какъ символъ солнца — въ одеждѣ огненнаго цвѣта, сидящимъ въ колесницѣ, съ планетнымъ шаромъ въ рукѣ; то съ ястребиной или кобчиковой головой вмѣсто человѣческой; то съ бычачьими рогами на головѣ и съ жезломъ, въ рукѣ, наверху котораго кобчиковая головка.

ИЗИДА.

(См. Табл. XXVI.)

Изида, называемая часто *Мотой*, пользовалась также обширно-распространеннымъ почитаніемъ въ Египтѣ. Изида, мать природы и супруга Озириса, олицетворяла для Египтянъ то, что *Астарта* для Сиріянъ; Кибела, Юнона, Діана и Деметра для Грековъ и Римлянъ, или, лучше сказать: одна олицетворяла *почти всѣ* качества, заключенныя въ названныхъ богиняхъ. Подробности объ Изидѣ покрыты, впрочемъ, глубокимъ мракомъ прошедшаго; въ разсказахъ же греческихъ писателей, изъ которыхъ узнаемъ о нихъ, онѣ и представляются, отчасти, съ греческой же точки зрѣнія.

Изида любила своего супруга (Озириса) и слѣдовала такъ ревностно и неуклонно имъ начертаннымъ путемъ развитія, что скоро сама была въ состояніи, въ духѣ Озириса и почти съ мужеской твердостью и мудростью, царствовать надъ народами, пока супругъ ея странствовалъ по сосѣднимъ странамъ, научая людей земледѣлію, разнымъ мирнымъ полезнымъ искусствамъ и распространяя повсюду свѣтъ образованія и добра.

Тифонъ, олицетвореніе злобнаго демона, замыслилъ на жизнь благодѣтельнаго бога и успѣлъ въ своемъ замыслѣ: Озирисъ былъ убитъ имъ. Въ безграничной скорби, Изида разыскивала тѣло супруга, нашла его части и похоронила ихъ. Эти части снова возвращены къ жизни.

Сынъ Озириса и Изиды, *Горъ*, отмстилъ Тифону за убійство отца своего: онъ взялъ Тифона въ плѣнъ и предалъ матери на справедливое наказаніе. Но Изида, движимая возвышеннымъ чувствомъ, вмѣсто правосудія заплатила ему милосердіемъ и великодушно освободила его отъ оковъ. Это великодушіе привело въ такое ожесточеніе злобнаго Тифона, что онъ навсегда разсорился съ матерью.

Изида, за свои необыкновенно возвышенныя качества, пользовалась и почитаніемъ у Египтянъ наравнѣ съ своимъ мужемъ; можетъ быть, даже и больше, а ужъ навѣрно — раньше Озириса. Ее почитали символомъ природы, матерью-кормилицей всего живущаго. Вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, Изида, по вѣрованью народному, разсыпала щедрой рукой благословенія человѣчеству и улучшала общественный бытъ людей. Она (какъ говорятъ нѣкоторыя преданія) уничтожила человѣческія жертвоприношенія, научила людей воздѣлывать хлѣбныя растенія, а Озирисъ показалъ какъ извлекать изъ нихъ пользу. Изида основала города, построила храмы, усовершенствовала судостроеніе и судоходство.

Обыкновенно Изиду изображали въ видѣ молодой женщины, въ длинной, складчатой одеждѣ, на груди связанной въ узлы; на головѣ нѣчто въ родѣ покрова монахини, а на немъ цвѣты лотоса; въ рукѣ сосудъ для воды или же *Систръ*: родъ металлической трещотки. Это въ воспоминаніе той божественной трещотки, которою однажды Изида обратила въ бѣгство Тифона; почему Египтяне и

употребляли этотъ инструментъ на празднествахъ Изиды и производили имъ ужаснѣйшій шумъ и трескотню.

Въ числѣ аттрибутовъ богини встрѣчается иногда на изображеніяхъ ея полу-луна; иногда, какъ символъ всеобщей матери-кормилицы, множество грудей, по примѣру Діаны Эфесской. Въ силу древнѣйшихъ миѳовъ, Изида изображается иногда въ видѣ женщины съ рогами коровы, или даже съ коровьей головой и съ шаромъ между рогъ. На этомъ послѣднемъ изображеніи, конечно, рога и самый шаръ обозначаютъ луну. У Финикіянъ Астарта, у Грековъ Іо, также изображались, иногда, въ видѣ коровъ; поэтому понятно, что Изиду смѣшивали съ той и другою, хотя, конечно, значеніе ихъ не одно и то же.

Хотя почитаніе Изиды распространено было во всемъ Египтѣ, но особенно сильно выражалось въ Мемфисѣ. Какъ наставницѣ въ земледѣліи, повсюду ей приносили въ жертву первые скошенные колосья пшеницы и ячменя. Присутствующіе, при этомъ, стоя у жертвенныхъ сноповъ, били себя въ перси. Ежегодно отправлялось Изидѣ десятидневное празднество. Во все продолженіе его, всевозможные роды хлѣбныхъ произрастеній носили по городу и окрестностямъ въ торжественныхъ процессіяхъ, съ приноравленными къ этому случаю церемоніями. Служеніе этой богинѣ, изъ Египта распространилось въ Грецію и особенно въ Римъ. Но праздникъ Изиды, по причинѣ безграничной необузданности, сопровождавшей его, былъ здѣсь запрещенъ. Императоръ римскій Августъ снова

посвятилъ Изидѣ особый храмъ, а Тиверій снова отмѣнилъ служеніе этой богинѣ. При Императорахъ же Домиціанѣ, Коммодѣ и Каракаллѣ почитаніе этой богини не только было опять возстановлено, но сами государи эти отправляли должность жрецовъ при служеніи Изидѣ, а храмъ ея украсился необыкновенно-богатыми приношеніями выздоравливавшихъ послѣ трудныхъ болѣзней. Благодаря Римлянамъ, съ которыми пришлось разнымъ сѣвернымъ народамъ войти въ близкое отношеніе, почитаніе Изиды проникло даже и къ германскимъ народамъ, что̀ свидѣтельствуютъ различные, найденные у нихъ, памятники.

ГОРЪ.

Сынъ Озириса и Изиды, старшій братъ Гарпократа, *Горъ*, надѣленъ, въ противоположность съ братомъ своимъ, подвижностью и силой. Въ символическомъ представленіи солнечнаго года, Горъ (какъ Геліосъ греческій) является образомъ солнца во всей его силѣ и дѣйствіи на живое созданіе, какъ въ мірѣ животномъ такъ и въ мірѣ растительномъ. Греки глядѣли на Гора египетскаго, какъ на бога, близкаго, по значенію, съ ихъ Фебомъ-Аполлономъ. Отъ Гора получили названія времена года и дня.

Въ миѳическомъ повѣствованіи Озириса, Горъ является прежде, какъ мститель за убійство отца, а послѣ низложенія Тифона, какъ законный наслѣдникъ престола отцовскаго.

По другимъ же преданіямъ, Горъ является братомъ Озириса и притомъ братомъ, искавшимъ свергнуть послѣдняго съ престола, чтобъ самому завладѣть онымъ. Наконецъ, еще по нѣкоторымъ миѳамъ, является Горъ знаменитымъ богомъ врачеванья, почти египетскимъ Эскулапомъ. Такъ какъ въ древности болѣзни излѣчивались, большей частью, по совѣтамъ оракуловъ, то не трудно объяснить, зачѣмъ въ миѳѣ о Горѣ повѣствуется, что онъ отъ матери своей, Изиды, получилъ даръ оракульства. Этимъ способомъ, конечно, болѣе обезпечено было значеніе Гора въ вѣрованьи народномъ не только, какъ вообще божества, но и божества врачеванья въ особенности.

По преданію, Горъ былъ послѣдній изъ боговъ, царствовавшихъ надъ Египтомъ.

Изображенія Гора также различны, какъ и значеніе его. Его изображали: то въ видѣ груднаго младенца на лонѣ матери-Изиды; то въ видѣ мальчика съ цвѣткомъ лотоса, или сидящимъ на этомъ цвѣткѣ и съ бичемъ въ рукѣ; то, наконецъ, какъ Озириса, съ коршуньей или кобчиковой головой.

ГАРПОКРАТЪ.

Имя это состоитъ изъ египетскихъ словъ: ***Гарпа-хрутъ***, что значитъ: ***дитя***. Именемъ этимъ Греки называли означенное божество. Гарпократа считали младшимъ сыномъ Озириса и Изиды и нерѣдко смѣшивали его съ Горомъ. Гарпократъ — символъ живительнаго утренняго и весенняго солнца,

т. е. такого солнца, котораго благодѣтельное дѣйствіе на природу особенно ярко бросается въ глаза. Почитаніе Гарпократа не по всему Египту было распространено. Быть можетъ, что божество это принадлежало исключительно какой-либо мѣстности Египта. Изображали Гарпократа въ видѣ дитяти нѣжнаго сложенія, съ слабо развитыми членами и сидящимъ на лотосѣ. Тамъ, гдѣ почитали это божество, приносили въ жертву ему стручковые плоды и персики. Въ особенные, назначенные для этого дни, старики кормили его молокомъ, а жрецы въ процессіяхъ носили изображеніе его по улицамъ города или деревни.

Въ первоначальныя времена Гарпократъ изображался въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, сообразно съ тѣмъ, смотрѣли ли на него, какъ на символъ жизни человѣческой, или, какъ на символъ времени, или же весенняго и утренняго солнца. Если въ Гарпократѣ олицетворяли появленіе и возрастаніе солнечнаго свѣта и тепла, то въ Горѣ представляли выраженіе этихъ качествъ въ полномъ развитіи и силѣ. На это указываютъ многія изображенья Гарпократа.

Съ Гарпократомъ часто смѣшивали по значенію ***Сона*** или ***Сема*** (египетскаго Геракла), котораго считали правителемъ — годоваго круга солнца въ его трудолюбивомъ теченіи и представителемъ всего, что служитъ на благо странѣ *).

---

*) Сообразно съ свойствами самой страны, и благодѣтельное дѣйствіе божествъ египетскихъ является не въ тѣхъ формахъ, какъ въ другихъ странахъ. Въ Греціи Гераклъ убиваетъ чудовищъ, хищныхъ животныхъ, истреб-

Впослѣдствіи Гарпократа стали принимать за бога молчанія и изображать его въ видѣ мальчика, или юноши съ общепринятымъ знакомъ молчанія (палецъ ко рту).

Изображеніе Гарпократа встрѣчалось у всѣхъ входовъ въ египетскихъ храмахъ. Нѣкоторое время служеніе Гарпократу распространилось и въ другихъ странахъ.

Греки называли его еще *Зигаліохъ* (отъ греческаго глагола: *Зигахъ* — молчать).

У Римлянъ было въ обычаѣ носить изображеніе этого божества на печатяхъ перстней. Изъ животныхъ посвящали Гарпократу скорпіоновъ, змѣй крокодиловъ, львовъ и оленей.

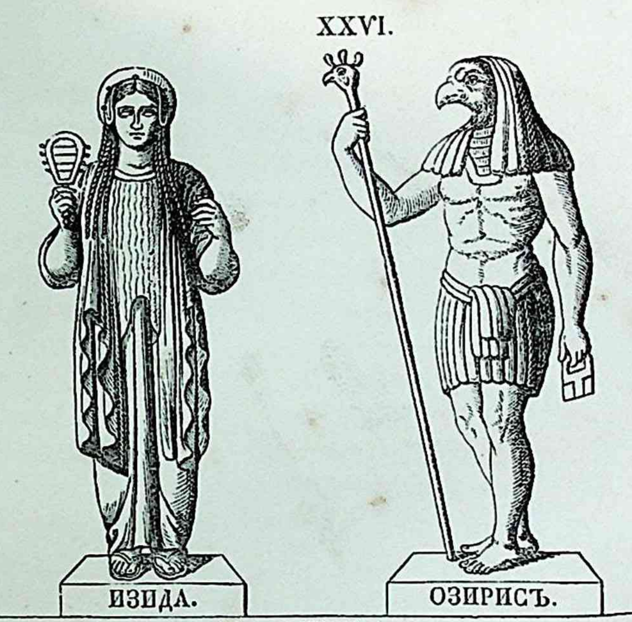
СЕРАПИСЪ или САРАПИСЪ.

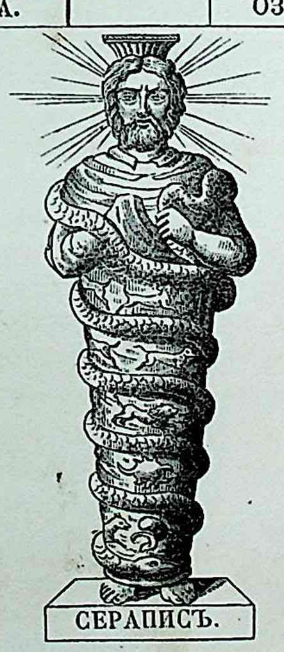
(См. Табл. XXVI.)

Первоначально этимъ именемъ назывался Озирисъ, въ качествѣ владыки подземнаго міра и душъ усопшихъ людей. При царяхъ изъ Птоломеевъ, онъ возвышенъ былъ на степень самостоятельнаго божества, родственнаго по значенію съ греческимъ Гадесомъ, и въ этомъ качествѣ онъ имѣлъ въ Египтѣ болѣе сорока храмовъ.

Объемъ значенія Сераписа больше чѣмъ Гадеса

ляетъ разбойниковъ: въ Египтѣ равнозначущій съ нимъ Сонъ или Семъ содѣйствуетъ Гору къ убіенію злобнаго великана Тифона, строитъ каналы и водопроводы. *Прим. перев.*

ИЗИДА.
ОЗИРИСЪ.

СЕРАПИСЪ.

Плутона. Въ Сераписѣ олицетворенъ былъ владыка стихій, хранитель ключей воднаго міра, а поэтому и ключей Нила, богъ міра подземнаго, податель жизни, а въ то же время правосудный и милостивый судія умирающихъ. По послѣднимъ качествамъ Серапись является то дружественнымъ, то суровымъ и непримиримымъ, какъ Аидесъ. Въ первомъ случаѣ, онъ является благимъ промыслителемъ всѣхъ живущихъ, источникомъ богатства, благополучія и радости, напоминающимъ отчасти благодѣтельнаго Эскулапа; во второмъ же случаѣ — ужаснымъ божествомъ мрака, судьей строгимъ и непреклоннымъ въ царствѣ смерти.

Почитаніе Сераписа было гораздо древнѣе основанія самой Александріи. И въ ней онъ почитался однимъ изъ величайшихъ божествъ, ибо въ немъ соединены были, въ представленіи Египтянъ, значенія Зевса и Гефеста. Со временъ Александра Македонскаго, почитаніе этого божества сосредоточено было преимущественно въ Мемфисѣ, гдѣ и находился знаменитый *Серапіонъ* великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ посвященныхъ ему храмовъ *). Въ послѣдствіи времени Сераписа считали обыкновенно

---

*) Почитаніе Сераписа изъ Египта распространилось и въ другія мѣстности, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки храмовъ его: напримѣръ, близъ Пуццоли, возлѣ Неаполя, на берегу моря, плитами вымощенное подножіе портика храма и самыя колонны до 40 фут. вышины, замѣчательнѣйшія еще и въ томъ отношеніи, что носятъ на себѣ несомнѣнные признаки разновременныхъ поднятій и понижeній этой мѣстности, относительно уровня моря.

Прим. перевод.

символомъ Нила и въ этомъ смыслѣ равнозначущимъ съ Канобомъ; считали также преимущественно символомъ и плодородія земли, и въ этомъ смыслѣ изображали въ видѣ важнаго старца съ длинной бородой, въ пространныхъ, ниспадающихъ одеждахъ и съ изображеніемъ хлѣбной мѣры вмѣсто короны.

Нерѣдко встрѣчается онъ на изображеніяхъ: съ трезубцемъ, обвитымъ змѣей, и съ лучистымъ сіяньемъ вокругъ головы, или же съ аттрибутами, характеризующими божество подземнаго міра.

АНУБИСЪ.

Анубисъ также принадлежитъ къ такимъ божествамъ Египтянъ, которыя пользовались у нихъ наибольшимъ уваженіемъ. Анубисъ — геній Сиріуса (звѣзда въ группѣ Пса), на котораго глядѣли какъ на предвѣстника Озириса (Нила). Ему посвящались не только многочисленные жертвенники, но, въ среднемъ Египтѣ, цѣлый городъ: Кинополисъ *). Его считали сыномъ Озириса, рожден-

---

*) На мѣстѣ его теперь стоитъ *Кенегъ*, городишко все еще замѣчательный величественнымъ положеніемъ на Нилѣ и роскошными финиковыми рощами.

Если вѣрить англійскому путешественнику Ирвину (Irwin), то жители этого городка до сихъ поръ сохранили остатки прежней своей религіи: при погребеніи, женщины пляшутъ подъ звуки особенной, раздирающей душу, музыки. Ночные праздники на берегу Нила оканчиваются пантомимами, послѣ которыхъ, почти нагія, плясуньи бросаются въ прохладныя волны Нила и плаваютъ, облитыя таинственнымъ сіяньемъ мѣсяца.

Прим. перевод.

нымъ отъ ***Нефтисы***, сестры Изиды. Нефтиса, боясь преслѣдованій со стороны Изиды, скрыла его въ какую-то ложбину на берегу моря. Изида, однакожъ, нашла его при помощи своей собаки, воспитала и впослѣдствіи приставила къ нему надежнаго спутника и руководителя. Вотъ и все, что можно извлечь изъ преданій о рожденіи Анубиса. Изъ того же источника оказывается, что выросши Анубисъ сопровождалъ отца своего во всѣхъ его странствованіяхъ и своей вѣрностью и расторопностью оказалъ ему немаловажныя услуги, какъ охотникъ и стражъ его.

Анубиса изображали въ шлемѣ, поверхъ котораго наброшена собачья шкура: но еще чаще изображали въ видѣ человѣка съ собачьей головой. Это послѣднее обозначало тогда, что только напоминаніемъ той вѣрности, съ которою собака служитъ человѣку, можно дать понять, какъ неусыпно охраняетъ Анубисъ прочихъ боговъ. На собакъ Египтяне глядѣли съ большимъ уваженіемъ, благодаря услугамъ, которыя онѣ оказывали прибрежнымъ жителямъ при наводненіяхъ Нила. Собакой найденъ былъ Анубисъ; собаку же считали поэтому приличнѣйшимъ символомъ Анубиса, а вмѣстѣ съ этимъ и символомъ вѣрности и пользы, заключенныхъ въ представленіи объ этомъ божествѣ. И здѣсь, какъ и въ другихъ египетскихъ миѳахъ, въ основаніи лежитъ представленіе, извлеченное изъ явленій природы и смысла ихъ. Какъ геній Сиріуса, предвѣстника наступающаго Озириса, Нильскаго потока, Анубисъ — по вѣрованію Египтянъ чуетъ прибываніе потока, и

вотъ почему божеству этому дали образъ собаки, которой отличительная способность: чутье; да кромѣ того, дали символомъ ему ведро. Только, впрочемъ, вначалѣ изображали Анубиса въ видѣ собаки, позже стали изображать его человѣкомъ съ собачьей головой.

Нѣкоторые миѳы представляютъ Анубиса посланникомъ прочихъ боговъ и въ этомъ смыслѣ изображаютъ его съ змѣистымъ жезломъ Меркурія и пальмовой вѣтвью. Еще по нѣкоторымъ другимъ, онъ является уже низшимъ божествомъ и символомъ времени дня; наконецъ, иные придаютъ ему качества Таута (или Тота) Египетскаго Гермеса, то есть генія благоразумія и науки, и въ этомъ то смыслѣ представляютъ его спутникомъ и совѣтникомъ Озириса и Изиды.

БУБАСТА.

Бубаста, дочь Изиды, олицетворяла у Египтянъ новую (а по другимъ миѳамъ: полную) луну. Поэтому, Бубаста стоитъ въ такомъ же отношеніи къ Гору, въ какомъ Артемида къ Аполлону. И дѣйствительно, Египтяне видѣли въ ней одной значеніе греческихъ: Артемиды и Селены. Ей посвящены были кошки, какъ животныя, одаренныя способностью видѣть въ темнотѣ и бодрствовать по ночамъ. Поэтому кошки пользовались большимъ почетомъ въ Египтѣ. Убивать ихъ было запрещено.

Бубасту изображали съ кошачьей головой, или же подобно Изидѣ, но только съ серповидной луной въ видѣ аттрибута. Почитаніе этой богини особенно было торжественно въ городѣ Бубастѣ (въ Нижнемъ–Египтѣ), на островѣ, образуемомъ теченіемъ Нила. Тутъ находился великолѣпный, съ обширнымъ преддверіемъ, храмъ богини, куда ежегодно стекалось до 700,000 Египтянъ, нещадившихъ въ храмѣ обильныхъ жертвъ и богатыхъ приношеній.

НЕИФА.

Неифа или Ниѳа по различнымъ, разновременнымъ миѳамъ о ней, представляется съ чрезвычайно разнообразными значеніями, которыя тѣмъ труднѣе уяснить себѣ, что онѣ восходятъ къ глубочайшей древности. Она олицетворяетъ собою: то свѣтлый, воздушный Эѳиръ, то — время, то, наконецъ, науку, изобрѣтательность, искусство. Древнѣйшіе миѳы смѣшиваютъ ее съ самой Изидой, давая и ей: или почти все значеніе послѣдней, или нѣкоторые аттрибуты ея. Въ позднѣйшее время значеніе ея для Египтянъ опредѣлилось нѣсколько болѣе и Неиѳа олицетворяла имъ то, что Аѳина Грекамъ. Почитаніе Неиѳы было наиболѣе распространено и наидолѣе держалось въ Нижнемъ Египтѣ. Тутъ, въ главномъ городѣ (въ Саисѣ) воздвигнутъ былъ ей храмъ съ слѣдующей надписью: „Я — все, что было, есть и будетъ. Смертный! не дерзай подымать покрова моего. Солнце — дитя

мое.“ Храмъ ея былъ необычайно изукрашенъ, и каждый годъ, при празднествѣ въ честь богини, блистательно иллюминованъ.

СОТИСЪ и СУРОТЪ.

Первый считался, какъ и Аннибисъ, символомъ звѣзды Сиріуса, съ восходомъ котораго въ первое новолуніе Египтяне начинали свой годъ*); послѣдній же — символомъ утренней звѣзды (т. е. планеты Венеры), возвѣщающей начало дня.

СФИНКСЪ.

Подъ этимъ именемъ мы встрѣтили чудовище (происшедшее отъ Тифона и Эхидны), которое Гера, во гнѣвѣ на Ѳиванцевъ, выслала на нихъ; которое всѣмъ встрѣчнымъ задавало загадки и пожирало тѣхъ, кто не могъ разрѣшить ихъ. Эдипъ умертвилъ чудовище (см. выше: Ѳивы).

---

*) Годъ египетскій въ глубокой древности раздѣлялся на 12-ть мѣсяцовъ, каждый изъ 30 дней. Слѣды такого дѣленія встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ другихъ древнихъ народовъ, напримѣръ: у Грековъ, Персовъ. Кромѣ 360 дней, отъ такого дѣленія каждый годъ имѣлъ еще 5 дней добавочныхъ. Названія мѣсяцовъ, сохранившіяся, впрочемъ, и теперь у Египтянъ, были: **_Тотъ_**, **_Паофи_** или **_Фаофи_**, **_Атиръ_**, **_Хіакъ_**, **_Тиби_**, **_Мехиръ_**, **_Фаменотъ_**, **_Фармути_**, **_Пахонъ_**, **_Паони_**, **_Эпифи_** и **_Месори_**.

По присоединеніи Египта къ Римской Имперіи, Египтяне, принявши въ 26 г. до Р. Х., Юліанское лѣтосчисленіе, начинали, однакожъ, свой годъ съ 29 Августа.

Не таковы были представленія Египтянъ о Сфинксѣ. Въ Египтѣ, это странное воображаемое существо было знаменьемъ плодородія страны, а иногда — премудрости и таинственности природы. Изображеніе же его было: лежащая львица съ женскою грудью и головой. На головѣ нѣчто въ родѣ той хлѣбной мѣры, съ которою изображали Сераписа; иногда же изображеніе имѣло много грудей, а родъ покрывала спадалъ съ головы по обѣ стороны. Въ такомъ видѣ изображенія Сфинкса находились у входовъ во всѣ Египетскіе храмы *).

КАНОБЪ.

Канобъ или ***Канопъ,*** полубогъ Египтянъ, считался божествомъ или только символомъ Нила, начальникомъ морскихъ силъ Озириса. Его изобража-

---

Седмицы были также у Египтянъ и вѣроятно заимствованы ими у Евреевъ. Дни седмичные назывались, какъ впослѣдствіи у Римлянъ, отъ планетъ или правильнѣе, отъ божествъ, по именамъ которыхъ назывались эти планеты. Дни или сутки (нихтимеронъ), раздѣлялись у астрономовъ на 24 часа, а часъ — на 60 минутъ, и считались съ полуночи, но обыкновеннѣе съ полудня.

Прим. перевод.

*) Цѣлыми рядами стояли Сфинксы предъ входомъ въ храмы египетскіе и служили (по словамъ Плутарха), для входящаго въ храмъ, символами таинственности и загадочности священной мудрости. Другіе же думаютъ, что Египтяне желали олицетворить въ Сфинксѣ сочетаніе страха и любви, внушаемыхъ божествомъ: страха — безбожнымъ и дурнымъ людямъ, любви — благочестивымъ и добрымъ. Вотъ почему въ Сфинксѣ и соединенъ образъ хищнаго звѣря съ благодушнымъ изображеніемъ человѣка. Едва ли отъ такого объясненія вполнѣ раскрывается смыслъ Сфинксовъ.

Прим. перев.

ли въ видѣ объемистой, расписанной различными символическими подробностями, урны, съ головой какого-либо изъ высшихъ Египетскихъ божествъ, а иногда съ маленькими ручками и ножками у этой урны.

По преданію, Канопомъ назывался какой-то знаменитый мореходецъ временъ Озириса. Чтобъ не утратилась въ потомствѣ память о немъ, по имени его назвали одно изъ созвѣздій.

Грубый фетишизмъ *) въ древнія времена составлялъ господствующую религію у народовъ Африканскихъ. Фетишизмъ, развиваясь, перешелъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ поклоненіе *животнымъ*, которое въ свою очередь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обратилось въ поклоненіе змѣямъ. Къ фетишизму приводила первобытныхъ, дикихъ, народовъ замѣчаемая польза или вредъ извѣстныхъ родовъ животныхъ. Поклоненіе животнымъ встрѣчаемъ и у древнихъ Египтянъ. Въ числѣ ихъ священныхъ животныхъ первое мѣсто занимаетъ:

АПИСЪ.

Поклоненіе *Апису* было всеобщее въ Египтѣ и продолжалось весьма долго. Его звали еще: ***Мне-***

---

*) Различные предметы природы: земля, вода, огонь, горы, рѣки, ис-
точники, лѣса, деревья и камни, особенно же звѣри и произведенія рукъ
человѣческихъ, напримѣръ: урны, сосуды, столбы, и проч. въ древнѣйшія
времена были у разныхъ народовъ на земномъ шарѣ предметами почита-
нія и поклоненія. Эти предметы назывались *Фетишами*, а самое по-
клоненіе имъ: *Фетишизмомъ* или поклоненіемъ Фетишамъ.

фисъ или *Онуфисъ*. Подъ этими именами поклонялись ему въ Геліополисѣ и Гермонтисѣ. Аписъ посвященъ былъ Озирису и Изидѣ и потому украшенъ былъ знаками этихъ божествъ: Солнцемъ и Луной, особенно первымъ. Одни миѳы видѣли въ Аписѣ самое существо Озириса, другіе же полагали, что только душа этого божества вселилась въ быка. Въ Египтѣ еще держалось вѣрованье въ переселеніе душъ.

Озирисъ ввелъ въ Египетъ земледѣліе; быкъ же Озириса остался навсегда для Египтянъ священнымъ символомъ земледѣлія. Почитаніе его во многомъ схожее съ почитаніемъ Нила.

Аписъ долженъ былъ непремѣнно быть чернымъ, съ бѣлыми пятнышками на лбу и правой сторонѣ, имѣющими подобіе звѣзды и полулунія, а подъ языкомъ у него должна была находиться узловатость, напоминающая собою форму жука. Только такой Аписъ считался дѣйствительнымъ воплощеніемъ Озириса и составлялъ предметъ особенныхъ заботъ со стороны жрецовъ, всѣми силами поддерживавшихъ въ народѣ вѣрованье въ присутствіе въ быкѣ благодѣтельнаго духа самаго бога.

Нашедши такого быка (а къ этому прикладывали жрецы всевозможное стараніе), его 4 мѣсяца держали въ особенномъ зданіи, открытомъ на востокъ, кормили отборной пищей, въ первое же затѣмъ новолуніе, въ красивой и богатой баркѣ, торжественно перевозили его въ Геліополисъ. Здѣсь опять жрецы откармливали его 40 дней и наконецъ перевозили его въ Мемфисъ, гдѣ Аписъ имѣлъ

постоянный храмъ, а для житья двѣ часовни и при нихъ обширный дворъ, гдѣ божество могло прогуливаться. Жрецы очень внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы Аписа никто кромѣ ихъ не могъ замѣтить внѣ часовни.

Аписъ не только самъ владѣлъ всезнаніемъ, а потому и могъ подавать непреложныя оракульства, но еще могъ (такъ вѣровали) этотъ даръ сообщать и другимъ, посредствомъ, постоянно находившихся при немъ, мальчиковъ, которыхъ считали какъ бы посредниками такихъ сообщеній. Не только хожденія его преимущественно въ ту или другую часовню, но и вообще всѣ его движенія и поступки (!) представлялись чѣмъ-либо знаменательнымъ и служили для жрецовъ его предметомъ глубокомысленныхъ толкованій.

Апису отправляли жертвоприношенія и празднества, какъ божеству. Замѣчательны были эти жертвы и празднества при наступленіи Нильскаго разлитія. Тутъ ему, семь дней сряду, отправляли торжественное празднество, при которомъ, между прочими церемоніями, жрецы бросали въ Нилъ золотую чашу. Тутъ же въ жертву Апису убивали множество красныхъ быковъ.

Всѣмъ этимъ необыкновеннымъ почитаніемъ Апису суждено было пользоваться не долѣе 25 лѣтъ. Въ концѣ этого срока жрецы тайно сбрасывали его въ одинъ изъ посвященныхъ Нилу колодцевъ и потомъ тихомолкомъ зарывали его. Впрочемъ, по инымъ свѣдѣніямъ, церемоніалъ погребальный совершался всенародно; тѣло же Аписа торжественно погребалось въ Мемфисскомъ храмѣ Се-

раписа. Быть можетъ, такъ хоронили Аписа только въ случаѣ его естественной смерти. Какъ бы ни совершались похороны Аписа, но по всѣмъ свѣдѣніямъ ясно, что если Аписъ оканчивалъ свое существованіе, а другаго по чему-либо жрецы еще не могли найти, то вся страна погружена была въ глубочайшее уныніе до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь выискивался быкъ съ характеристическими принадлежностями божества, то есть цвѣтомъ и знаками. Тогда провожали его въ Мемфисъ и — Египетъ ликовалъ.

ИБИСЪ.

Ибисъ (*), похожій на нашу цаплю, водился въ Египтѣ въ огромномъ количествѣ и, оказавъ на-

---

*) *Ибисъ* (Ibis, I. religiosa) принадлежитъ къ птицамъ голенастымъ, болотнымъ, которыя безопасно разгуливая на своихъ длинныхъ ножкахъ по лужамъ и болотамъ, питаются червями, и т. п. Нѣкоторые виды Ибисовъ (напримѣръ, Ибисъ Коровайка) водятся въ Азіи и южной Европѣ; тотъ же, о которомъ тутъ рѣчь, Ибисъ древній, мумміиный, живетъ въ Суданѣ, Эѳіопіи, отчасти въ Египтѣ; на Черное же море залетаетъ только изрѣдка, случайно.

Ибиса Египтяне считали вѣстникомъ Озириса и Изиды, потому что онъ появлялся непремѣнно съ началомъ разлитія Нила, то есть въ Іюнѣ, и во все время разлитія, особенно послѣ спаденія водъ, оказывалъ Египту большія услуги тѣмъ, что уничтожалъ миріады гадъ и червей, остававшихся на мѣстѣ спадшихъ водъ. Но чтобы онъ уничтожалъ змѣй, какъ говоритъ Геродотъ, это конечно невѣроятно, ибо по слабости клюва онъ убивать ихъ не можетъ, глотать же мѣшаетъ ему узкое горло. Ясно, что необычайное уваженіе къ нему народа вызвано представленіемъ о связи появленія Ибиса съ началомъ Нильскаго оплодотворенія, въ которомъ ви-

роду важную услугу тѣмъ, что пожиралъ лягушекъ и другихъ земноводныхъ, которыхъ множество оставалось на поляхъ, послѣ стока Нильской воды. Египтяне видѣли въ немъ благодѣтельное для цѣлой страны божество и воздавали ему разнообразное почитаніе.

Кромѣ Ибиса, предметами божественнаго почитанія у Египтянъ были еще: Нильскій бегемотъ, крокодилъ и врагъ его Ихневмонъ или Фараонова мышь, пожирающій его яйца; извѣстный родъ обезьянъ, и родъ жуковъ; даже нѣкоторыя растенія, напримѣръ чеснокъ.

V. МИѲОЛОГІЯ ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

О миѳологіи древнихъ Германцевъ извѣстно очень, очень мало. Вѣрованья ихъ какъ будто исчезли, не оставивъ слѣда. Это, можетъ быть, отъ того, что въ средѣ первобытнаго, грубаго народа только жрецы, и то невсегда, знали письменность. Притомъ же, самая письменность эта, извѣстная теперь

дѣлся имъ образъ дѣйствія самихъ божествъ. Только поэтому и можно понять, отчего Египтяне не ограничивались почитаніемъ живыхъ Ибисовъ, но бальзамировали ихъ трупы, торжественно хоронили и воздвигали надъ ними пирамиды. Нынѣшніе Египтяне не раздѣляютъ, впрочемъ, религіознаго уваженія къ нимъ своихъ предковъ и называютъ эту залетную птицу ужъ не вѣстникомъ благодѣтельнаго бога, а, въ намекъ на важность его осанки и мѣрной поступи, — Абу Ганнесъ (отцомъ Иваномъ).

Прим. перев.

подъ именемъ *рунъ*, была бѣдна средствами: въ ней знаки замѣняли буквы. Книгъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы имѣемъ ихъ отъ Грековъ и Римлянъ, у древнихъ Германцевъ не было; единственные же скудные слѣды этой письменности представляютъ неменѣе скудные и грубые камни,—памятники древности Германской. Кромѣ камней чертили Германцы свои знаки и на корѣ древесной. Понимать эти письмена очень трудно и едвали всегда возможно, потому что нѣтъ ключа къ объясненію значенія составляющихъ ихъ знаковъ. Гораздо знаменательнѣе были бы пѣсни народныя, которыя переходя изъ устъ въ уста могли бы служить проводниками или живыми памятниками религіозныхъ вѣрованій временъ минувшихъ. И этого источника къ несчастію нѣтъ. Уже во времена Карла Великаго (въ концѣ VIII вѣка) начали вымирать въ народѣ эти пѣсни: боевыя, героическія, торжественныя, въ которыхъ заключены были подробности отживившихъ языческихъ вѣрованій народа и быта того времени. Чтобъ спасти ихъ отъ совершеннаго уничтоженія, Карлъ Великій велѣлъ собирать и записывать ихъ. При сынѣ же его Людовикѣ, называемомъ Благочестивымъ (814—841 по Р. X.), ревность духовенства, окружавшаго государя, дошла до того, что въ пѣсняхъ этихъ стали находить вещи, несовмѣстныя съ христіаннѣйшимъ вѣрованьемъ Людовика, и вотъ, вездѣ, гдѣ только открывали что-либо изъ письменныхъ собраній старинныхъ пѣсень, тотчасъ безпощадно уничтожали ихъ. Такимъ образомъ, для насъ онѣ исчезли безъ всякаго слѣда. Правда, уцѣлѣло кое-

что изъ старины Германской въ изустныхъ преданіяхъ народныхъ и сказкахъ, которыхъ не могла постигнуть странная судьба пѣсень, но это уцѣлѣвшее не можетъ служить такимъ вѣрнымъ источникомъ для объясненія себѣ прошедшаго, каковы, письмомъ увѣковѣченныя, пѣсни; да, притомъ, и не всегда можно безошибочно напасть въ нихъ на истинный смыслъ.

За то, гораздо болѣе сохранилось изъ древняго вѣрованья въ собранныхъ письменныхъ памятникахъ, особенно въ обѣихъ *Эддахъ*, принадлежащихъ племенамъ, родственнымъ Германскому, обитавшимъ на полуостровѣ Скандинавскомъ, въ Швеціи и Норвегіи. Поэтому, мы представимъ здѣсь очеркъ обще-германской миѳологіи, основываясь на томъ многомъ, что извѣстно изъ источниковъ Скандинавскихъ и на томъ маломъ, что отъ невѣжественной ревности духовенства Людовикова спаслось въ народныя повѣрья и сказки. Начнемъ съ понятій древнихъ Германцевъ о происхожденіи міра.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

Древне-скандинавская сага говоритъ: вначалѣ не было ни животнаго, ни растенія, ни твердой земли, ни соленаго океана, ни сыпучаго песку, ни подвижнаго моря, ни небеснаго покрова, ни зіяющей пропасти, ничего не было, кромѣ одной повсемѣстной пустоты. Эта безграничная пустота называется въ сагѣ *Гиннунагапъ*. Въ этомъ Гиннунагапѣ образовалось какое-то бродящее, перво-

бытное вещество, *Имиръ*, въ которомъ совмѣщались начала всѣхъ вещей въ мірѣ, но только въ смѣшанномъ, безпорядочномъ видѣ. Имиръ называется великаномъ и олицетворяетъ собою приблизительно то, что Греки олицетворяли въ Хаосѣ, Титанахъ и Гигантахъ. Изъ него произошелъ, на сѣверномъ концѣ Гиннунагапа, холодный и мрачный *Нифльгеймъ*, а на южномъ концѣ-жаркій и свѣтлый *Муспельгеймъ*. Въ Нифльгеймѣ находилась котловина *Гвергельмиръ*, изъ клокочущей пасти которой вливались въ Гиннунагапъ 12 стремительныхъ потоковъ: *Эливагаръ*. Изъ этихъ водъ образовались массы льда и снѣга, наполнившаго собою пустоту. Эти массы снѣга начали стаявать и — первобытное вещество, Имиръ получило жизнь.

Имиръ, великанъ, олицетворяющій собою первобытную силу міровыхъ началъ, мужъ и жена въ одно время, заснулъ и изъ обильной испарины его возникли новые великаны, между которыми славнѣйшій шестиголовый сынъ его: *Вафтруднизмъ*. Это—такъ называемые *Гримтурзы* то есть *морозные великаны*.

Одинъ взглядъ на этотъ миѳъ даетъ понять, что въ этихъ вѣчныхъ льдяныхъ и морозныхъ исполинахъ выражено ничто иное, какъ представленіе о томъ, какимъ образомъ возникли вѣчныя массы сѣверныхъ льдовъ, которыя только навремя, и то слегка, таютъ подъ вліяніемъ долгихъ лѣтнихъ дней.

Конечно, предки болѣе южныхъ Германцевъ,— у которыхъ, благодаря сравнительно теплѣйшему климату, льды и снѣга не могли представлять та-

каго всепоглощающаго значенія, какъ на отдаленномъ сѣверѣ, — могли имѣть нѣсколько другія представленія о происхожденіи міра. Можетъ быть даже *Муспельгеймъ* и означаетъ именно этихъ южнѣйшихъ народовъ германскаго племени. Основываясь на этомъ предположеніи, родоначальникомъ этихъ народовъ принимаютъ *Туиска* или *Туиста*, считая его такимъ же великаномъ какъ Имиръ. Сыномъ ему даютъ *Маннуса*, отъ котораго производятъ, въ свою очередь, трехъ сыновей: *Истіо*, *Ингвіо* и *Гермино*, родоначальниковъ отдѣльныхъ трехъ германскихъ племенъ: *Истевонцевъ*, *Ингевонцевъ* и *Герминонцевъ*. Все это очень возможно и даже вѣроятно, но достовѣрно этого неизвѣстно. У народовъ, въ обычаѣ съ древнѣйшихъ временъ, давать себѣ происхожденіе божественное. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ Туиско или Туисто выражаетъ родоначальника народа Германскаго въ томъ смыслѣ, что въ этомъ лицѣ представлено божество, отъ котораго, по основному преданію германской миѳологіи, непосредственно произошелъ первый человѣкъ.

Въ одно время съ Имиромъ произошла корова *Аудумла*, что значитъ: *сочнообильная*. Ея необыкновеннымъ молокомъ питался самъ Имиръ. Корова эта принялась облизывать солоноватую глыбу льда и вотъ — къ вечеру перваго дня, показались на глыбѣ волосы человѣка, на другой день — кожа, на третій — весь человѣкъ. Его назвали *Бури*. Онъ былъ прекрасенъ собою, великъ и силенъ. Сынъ его, *Бэръ*, женился на *Вестлѣ* (или *Вельстѣ*), дочери великана *Бельторна*. Отъ этого брака

родились сыновья: *Одинъ*, *Вили* и *Ве*, изъ которыхъ только первый остался властителемъ.

Въ миѳѣ этомъ кидается въ глаза сѣверная природа съ ея льдомъ и съ единственнымъ предметомъ, вѣрно-обезпечивающимъ существованіе въ ней человѣка, скотоводствомъ. Днями происхожденія человѣка обозначены огромные періоды времени въ созданіи міра, періоды, которые, не смотря на свое огромное пространство, въ сравненіи съ вѣчно-дѣятельною творческой силой не болѣе какъ моменты. Стало быть и предки Германцевъ были дѣти той же матери-природы, и преданіе ихъ о первоначальномъ своемъ происхожденіи и бытѣ не менѣе религіозны, хотя и не такъ поэтичны какъ преданія Грековъ. А, между прочимъ, поразительно сходство преданій у обоихъ народовъ о существѣ вещей: таковы напримѣръ представленія о борьбѣ основныхъ міровыхъ началъ. Вотъ онѣ у Германцевъ. Сыновья Бэра умертвили великана Имира, и весь родъ морозныхъ великановъ потонулъ: такъ много вышло крови изъ Имира. Только одинъ Бергельмиръ спасся, и то потому, что успѣлъ съ женой своей сѣсть въ лодку (*Лудръ*). Бергельмиръ былъ сынъ Трудельмира, внукъ Имира. Изъ пота и крови Имира возникли моря и вообще воды, изъ тѣла — земля; изъ волосъ — растительность; изъ зубовъ, челюстей и разбитаго остова — скалы и утесы; изъ бровей — на защиту людей отъ великановъ, вокругъ земли оплотъ *Мидгардъ*; изъ черепа — сводъ небесный, который четырьмя углами уперся въ землю. По четыремъ этимъ угламъ засѣли четыре карлика, которые назывались: *Аустри*

(Ost, Востокъ), *Вестри* (West, Западъ), *Нордри* (Nord, Сѣверъ) и *Зудри* (Sud, Югъ). Эти четыре карлика обозначаютъ четыре страны свѣта. Воздухъ и облака образовались изъ мозга великана; звѣзды же — изъ разбросанныхъ Муспельгеймомъ по небу искръ.

Другой миѳъ повѣствуетъ, что у какого-то человѣка, по имени Мундильфери, было двое прекрасныхъ, рослыхъ дѣтей. Сына звали *Мани* (Луна), дочь — *Соль* (Солнце). Дочь выдалъ онъ за *Гленра* (блескъ). *Соль* катится по небу, благодаря двумъ отличнымъ конямъ: *Арвакру* (раннему) *Альсвидру* (быстроногому), которыми управляетъ привычная рука *Мани*. Въ пятнахъ на Лунѣ миѳъ видитъ *Видфинровыхъ* обоихъ дѣтей — *Била* и *Гіуки*, несущихъ на жерди (*Симуль*) кадку съ водой (*Зэгръ*). Народное повѣрье видитъ въ этихъ пятнахъ другое: то — ни болѣе, ни менѣе, какъ изображенія или мужчины съ вязанкой дровъ или дѣвицы за прялкой, помѣщенныя на Луну какъ бы для вѣчнаго укора людямъ, что они работами оскорбили святость праздника. Въ основаніи своемъ повѣрье это можетъ быть и древняго свойства; объяснено же явленіе уже съ христіанской точки зрѣнія.

Затмѣнія Солнца и Луны въ германской миѳологіи объясняются преслѣдованьемъ этихъ свѣтилъ особенными двумя волками. Преслѣдователь Солнца называется *Сколлъ*, а преслѣдователь Луны — сынъ *Гродвитнира*, *Гати*. Луну называютъ „небесной невѣстой.“ Оба эти волка, по той же миѳологіи, происходятъ отъ какой-то исполинской женщины

обитающей въ лѣсу *Ярнвидръ* (желѣзномъ), который расположенъ на востокъ отъ Мидгарда.

Не только Солнце и Луна, но и день и ночь, въ миѳологіи германской являются божественными существами. *Ноттъ* (ночь) предшествуетъ *Дагу* (дню). Ночь произошла отъ великана *Нери*, *Норви* или *Нарфи*, который въ свою очередь произошелъ отъ *Локи*. Богиня смерти, *Гель*, тоже является дочерью Локи, поэтому ночь и смерть — близкія родственницы между собою. День былъ сынъ ночи. Ночь три раза вступала въ супружество: въ первый — съ *Нагльфари*, во второй — съ *Онаромъ* или *Анаромъ* и, наконецъ, въ третій — съ *Делингромъ*. Отъ перваго супружества родились *Удры* или *Аудры*, отъ втораго — дочери *Іорды* (земля), а ужъ отъ послѣдняго — свѣтлый прекрасный *Дагъ* (день).

Еще по одному миѳу, на конѣ *Гримфаксѣ* Ночь скачетъ безъ отдыха и каждое утро пѣна усталаго Гримфакса росой увлажаетъ землю. За ночью жъ несется самъ День на свѣтломъ конѣ: *Скинфаксѣ*. Блестящая грива послѣдняго развѣвается по воздуху, а блескъ отъ нея освѣщаетъ и воздухъ и землю.

Временъ года предки Германцевъ считали только два: лѣто и зиму. Отецъ перваго назывался *Свазудръ*, кроткій и сладкій богъ; отецъ послѣдней — *Виндлони* или *Виндсвальръ*, буреносный, холодный, суровый. Вѣтеръ представляли себѣ новымъ исполиномъ, въ образѣ Орла, сидящаго на сѣверномъ концѣ неба. Каждый разъ, какъ подымался вѣтеръ, это значило, что великанъ понесся

съ своего мѣста *). Радугу называли ***Бифрэстъ***, что значитъ ***колеблющійся путь***, и думали, что это красивый, сіяющій мостъ между небомъ и землей; но по мосту этому могли ходить только добрыя и благодѣтельныя божества, а не злобные демоны или великаны, ибо иначе послѣдніе взобрались бы на самое небо.

О созданіи человѣка есть два миѳа. Одинъ про-

---

*) Кому изъ читателей можетъ показаться, что-либо загадочное въ тѣхъ явленіяхъ природы, которыя тутъ упомянуты и которыя такъ незатѣйливо объясняли себѣ предки нынѣшнихъ глубокомысленныхъ и наблюдательныхъ Германцевъ, для тѣхъ мы прибавимъ два слова о причинѣ вѣтровъ. О затмѣніяхъ же считаемъ лишнимъ говорить, ибо, конечно, всякому извѣстно, что онѣ бываютъ вслѣдствіе тѣхъ разныхъ положеній, которыя земля и луна принимаютъ во время своихъ движеній относительно солнца.

Коренная причина вѣтровъ заключается: 1) въ томъ, что атмосфера въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара и въ разныхъ предѣлахъ своихъ, согрѣта различно; а 2) что различно согрѣтые слои воздуха постоянно стремятся уравновѣситься въ температурѣ, то есть смѣшаться такимъ образомъ, чтобы изъ разныхъ температуръ вышла одна, средняя. У экватора солнце грѣетъ отвѣснѣе и дольше, чѣмъ гдѣ-либо, поэтому постоянно тамъ сильно нагрѣтый воздухъ, становясь чѣмъ теплѣе тѣмъ легче, стремится вверхъ; на его мѣстѣ поступаетъ другой, мѣнѣе нагрѣтый. Первый же течетъ отъ экватора къ сѣверу и югу поверхъ холоднаго. По мѣрѣ приближенія къ полюсамъ охлаждается онъ и самъ болѣе и болѣе, и слѣдовательно, спускается ближе и ближе къ поверхности земли. И такъ, значитъ, на поверхности земли всегда два главныхъ вѣтра: въ верхнихъ слояхъ атмосферы теплый, экваторіальный; и въ нижнихъ — холодный, отъ полюсовъ (на нашемъ полушаріи: сѣверный). Существенныя видоизмѣненія направленія главныхъ вѣтровъ зависятъ отъ того, что вѣтры, какъ бы не совсѣмъ поспѣваютъ на экваторѣ за землей въ ея обращеніи на оси и потому вѣтеръ, собственно сѣверный, отстаетъ на западъ и чувствуется сѣверо-восточнымъ; южный, отставая также конечно на западъ, чувствуется юго-восточнымъ. Мелочныя же видоизмѣненія направленій вѣтровъ зависятъ отъ формы мѣстностей, положенія горъ, лѣсовъ и т. п.

Прим. перев.

изводитъ человѣчество отъ трехъ сыновъ Бэра: Одина, Вили и Ве; другой же приписываетъ происхожденіе его отъ трехъ боговъ: *Одина*, *Гонира* и *Лодура* (*Лоптра* или *Локи*). Три эти божества— замѣтьте число три — нашли на берегу моря два дерева и создали изъ нихъ мужа и жену. Первому дали имя: *Аскъ* (ясень), а второй: *Эмбла*. Отъ этой четы произошло человѣчество и населило отведенный ему городъ Мидгардъ. *Одинъ* даровалъ первозданнымъ людямъ душу, *Гониръ* — разумъ, *Лодуръ* же — плоть и кровь.

Вотъ, какъ представляется происхожденіе міра изъ миѳологіи германскихъ народовъ; хотя, впрочемъ, тутъ заключается болѣе элементовъ миѳологіи скандинавской и вообще сѣверной, чѣмъ собственно нѣмецкой. Прежде уже упомянуто то, что извѣстно изъ этой послѣдней о происхожденіи міра и человѣка. Теперь нельзя не упомянуть еще объ одномъ представленіи миѳологическомъ. По этому представленію, необычайный ясень, *Игдразилъ*, стоя посреди міра, своими сучьями и вѣтвями распространяется во всѣ стороны дальше, чѣмъ самые далекіе предѣлы вселенной и охватываетъ собою и землю, и воды, и небо. Поразительна въ этомъ представленіи идея безконечнаго, безпредѣльнаго міроваго пространства. Этотъ міровой ясень держится крѣпко тремя корнями. Замѣтьте и здѣсь число: три. О нихъ говорится въ одномъ собраніи миѳовъ древнихъ Германцевъ: „*Гель* живетъ подъ однимъ изъ нихъ, *Гримтурзы* подъ другимъ, а подъ третьимъ живутъ — *люди*".

И такъ, достигая своими вѣтвями до самаго не-

ба, проникая корнями въ мрачныя глубины смерти (Гель), въ царство таинственно-мрачныхъ силъ, этотъ міровой *Иггдразилъ* со всѣхъ сторонъ обнимаетъ жилище человѣка. У корней этого ясеня протекаютъ три свѣтлыхъ ключа. Всѣ они принадлежатъ исполину *Мимиру*. Тотъ, изъ котораго пьетъ самъ Мимиръ, есть источникъ мудрости.

БОЖЕСТВА.

И въ Германской миѳологіи, также, какъ и въ Греческой, открывается нѣсколько степеней божествъ. Вѣрованье въ существованіе ихъ тѣсно связано съ вѣрованьемъ въ міровыя начала и силы, изъ которыхъ произошла вселенная. Поэтому, тѣ изъ существъ являются въ вѣрованьи древнѣйшими, которыя называются исполинами и обозначаютъ собою первобытныя міровыя начала. Имъ, какъ основнымъ силамъ, придается постоянное движеніе и дѣятельность. Онѣ же часто являются во взаимной борьбѣ, которой и сами боги не могутъ одолѣть, ибо таковъ вѣчный, естественный ходъ природы; и это, безъ сомнѣнія, подсказано первобытному Германцу его глубокимъ чувствомъ близости къ матери-природѣ. Такимъ образомъ, исполины олицетворяютъ вѣчно-дѣятельныя силы природы; божества же или *Азы* выражаютъ собою руководящіе законы ея, направляющіе ихъ къ конечной, благой цѣли. Не слѣдуетъ принимать исполиновъ за олицетворенія непремѣнно злобныхъ на-

чалъ. Въ миѳѣ объ источникѣ мудрости, изъ котораго ежедневно пьетъ исполинъ Мимиръ, ясно указано, какое начало приличнѣе имъ. Затѣмъ-то въ миѳахъ часто называются они наставниками пророковъ. Самъ *Одинъ* споритъ съ исполиномъ *Вафтрудниромъ* о началѣ вещей. Вотъ отчего, по вѣрованью древне-германскаго народа, и борьба въ мірѣ безконечна: таковы слѣдствія столкновеній разнородныхъ началъ. Вотъ отчего, также, создались въ вѣрованьи исполины мороза и бури, воды, огня, непогоды. Чѣмъ болѣе уяснялось вліяніе различныхъ божествъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни человѣка, тѣмъ опредѣленнѣе выходили образы самихъ божествъ и тѣмъ разительнѣе отличились они отъ исполиновъ.

Нѣмецкое названіе бога, *Готтъ*, Gott, происходитъ отъ готтскаго слова gôds, *годсъ*, что значитъ: *благо*. Божества, въ собственномъ смыслѣ, назывались древнимъ первобытнымъ словомъ: *Азы*. Божества были и мужскія и женскія. Въ сѣверной миѳологіи Одина называютъ также *Алльфатеромъ*, то есть всеобщимъ отцомъ. По одному древнѣйшему преданію былъ, у Германскаго народа еще какой-то богъ вездѣсущій, которому подчинены были и небо и земля. Какое божество разумѣли подъ именемъ *Ирминкота*, о сю пору необъяснено. Кромѣ этого, и у древнихъ Германцевъ, была судьба въ образѣ трехъ сестеръ *Норнъ*: *Урды*, *Верданды* и *Скульды* (то есть прошедшаго, настоящаго и будущаго). Эти сестры въ одно время повелѣваютъ и временемъ и владѣютъ однимъ изъ трехъ упомянутыхъ священныхъ источниковъ, на берегу ко-

тораго боги творятъ судъ надъ смертными. Съ появленіемъ Норнъ прекратился золотой періодъ существованья боговъ. Въ этомъ послѣднемъ представленіи лежитъ въ основаніи, конечно, какая-нибудь глубокая мысль.

Были еще божества, *Ваны*; но сколько можно заключать по скуднымъ свѣдѣніямъ о нихъ, Ваны кажется, принадлежали къ миѳологіи какого-либо другаго сѣвернаго народа, а не того, который почиталъ *Азовъ*. Можно думать, судя по этимъ свѣдѣніямъ, что между обоими этими народами были долгія и жестокія войны, изъ которыхъ народъ *Азовъ* вышелъ побѣдителемъ, а все таки сталъ послѣ этого почитать и *Вановъ*. *Валькурами* называются служительницы въ *Валгаллѣ*.

Эльбы или *Эльфы*, обозначающіе добрыхъ духовъ, суть существа полубожественнаго свойства. Ихъ два рода: свѣтлыя Эльбы (*Ліофальфаръ*) и черныя Эльбы (*Швартальфаръ*) или темныя Эльбы (*Докальфаръ*). Чернымъ Эльбамъ поручено завѣдываніе ростомъ травъ и хлѣбовъ, и образованіе рудныхъ жилъ въ нѣдрахъ земли. По послѣднему занятію, эти Эльбы знаютъ отлично кузнечное мастерство, но, впрочемъ, не чужды и изящному: любятъ игру, пѣніе и пляску. Они живутъ особымъ государствомъ, подъ началомъ своего короля, и образуютъ одно цѣлое съ вышеупомянутыми карлами.

А вотъ еще божество: *Альбъ* или *Нахтаръ*, ночной духъ, угнетающій спящаго. Этотъ духъ еще о сю пору живетъ въ вѣрованьи народномъ. Въ

Ольденбургѣ, напримѣръ, извѣстенъ онъ подъ именемъ: *Вальдридерске* *).

Были еще духи лѣсные, духи водные. О сю пору у нѣкоторыхъ германскихъ народовъ видны остатки языческихъ вѣрованій въ этихъ духовъ; такъ, напримѣръ, предводитель охоты на дикаго звѣря въ лѣсной чащѣ, въ бурную ночь, называется и теперь еще въ Саксоніи и Вестфаліи: *Гакельберендъ*, *Гакельбергъ* или *Гакельблокъ*, а въ Мекленбургѣ, Помераніи и Голштиніи — *Водъ*.

АЗЫ.

Въ этомъ отдѣленіи находились слѣдующія божества мужеской природы: *Одинъ*, верховный надъ всѣми; *Торъ*, сильнѣйшій между богами; *Фрейръ*, добрѣйшій, источникъ солнечнаго тепла, благотворнаго дождя и считавшійся поэтому богомъ солнца и плодородія; *Видаръ* — богъ скрытности и молчанія; *Али* или *Вали*, сынъ *Одина* и *Риндры*, богъ битвы и стрѣльбы; *Ньордръ* — богъ направляющій

---

*) Но сродни ли этотъ Вальдридерске Славянскому *Домовому*, который по вѣрованіямъ Славянъ языческихъ, а отчасти и нынѣшнихъ, живетъ во всякомъ домѣ, шатается въ немъ по ночамъ; лошадь или другую скотину, которую полюбитъ, холитъ и откармливаетъ на счетъ другихъ, которыхъ не взлюбивши, задушитъ или заѣздитъ? Тому, наконецъ, *Домовому*, который не всегда тѣснитъ и душитъ вѣрующаго въ него спящаго, но иногда садится чѣмъ то теплымъ и мягкимъ въ ногахъ на постели и — тогда стоитъ только смѣлой рукой схватить его живьемъ да не забыть *зачурать*?

Прим. перев.

вѣтры, укрощающій свирѣпость пожара и морскаго волненія; почему къ нему и взывали мореходцы во время бури, а рыболовы при своемъ занятіи; *Геймдаль*, хранитель небесныхъ вратъ, вѣчно-бодрый, едва лишь отвѣдывающій сна; днемъ ли, ночью ли — онъ зорко видитъ на сто миль вокругъ и слышитъ, какъ растетъ малѣйшая былинка въ полѣ; *Уллеръ* (или *Оллеръ*) богъ зимній, съ колчаномъ и лукомъ несется на лыжахъ; *Форзети*, сынъ *Бальдура* и *Нанны*, примиритель всякой ссоры и расприи; *Тиръ*, богъ войны и отваги; съ символомъ меча; *Браги*, богъ краснорѣчія и поэзіи, съ женою своею: *Идунной*; *Гедръ* и *Бальдуръ*, боги обѣихъ половинъ года: первый — самъ слѣпой, богъ той половины года, когда преобладаетъ ночь; второй же богъ лѣтней половины, когда преобладаетъ день; поэтому оба божества въ вѣчной враждѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и *Гора*, бога осенняго мѣсяца (Ноября), когда происходила бойня скота къ зимнимъ запасамъ.

Теперь божества женскаго свойства: *Фригга* или *Фрика*, супруга Одина; *Идунна*, прекраснѣйшая изъ женскихъ Азовъ, богиня безсмертія, супруга Браги; у ней-то въ сосудѣ хранились, невѣдомо отъ прочихъ божествъ плоды вѣчной юности, и ихъ каждодневно должны были боги отвѣдывать, чтобъ не старѣться, чтобъ вѣчно быть въ той же красѣ и силѣ; *Фрейа*. *Фріиа* или *Фруа* — богиня любви; *Іорда* (земля, Erde), названная матерью Тора, есть та же личность, которая въ позднѣйшемъ вѣрованьи является подъ именемъ *Герки*, *Гирки* или *Гурки*; *Герда*, супруга Фрейра; *Лага*, подруга и

сотрудница Одина; *Риндра* — супруга Одина и мать Вали, который умертвилъ *Гедра*, убійцу *Бальдера*; *Гефіона*, дѣва-богиня, покровительница дѣвства и цѣломудрія, принимающая къ себѣ всѣхъ умершихъ чистыми дѣвами; *Фулла* или *Фолла* — сестра и подруга *Фрейи*; *Лофа* — богиня сердечности и взаимной любви, скрѣпляющая союзы супружества; *Гноффа*, дочь Фрейи, богиня красоты; *Сьофна*, богиня нѣжнаго чувства и страстнаго томленія; *Вара*, богиня вѣрности и чистоты въ супружествѣ, карающая всякое нарушеніе этой чистоты; *Зина*, хранительница дверей, не впускающая тѣхъ, кому не должно входить; *Глина*, покровительница людей въ постигающихъ ихъ опасностяхъ; *Снотра*, богиня всякой чистоты; *Гна*, посланница верховной богини (Фригги). И здѣсь встрѣчаемъ божество мѣсяца, и именно мѣсяца Февраля, богини *Шпурку*, по имени которой и мѣсяцъ этотъ назывался *Шпоркель*. Въ честь этой богини былъ праздникъ *Шпуркаліи*.

КОНИ АЗОВЪ.

Особенность германской миѳологіи та, что каждое божество представляется съ своимъ собственнымъ конемъ. Видно, что предки Германцевъ въ представленіяхъ своихъ божествъ надѣляли ихъ естественно тѣмъ, что сами считали за лучшее. По ихъ понятіямъ, боги любили проводить свободное отъ занятій время въ рыцарскихъ играхъ, къ которымъ пріучали и коней своихъ. Одиновъ конь

назывался *Слейпниромъ.* Конь этотъ не вѣдалъ усталости потому, что у него было 8 ногъ, изъ которыхъ всегда 4 отдыхали, пока другія 4 работали. На этомъ конѣ 8 ночей мчался *Гермодуръ,* когда задумалъ освободить изъ царства смертей убитаго Бальдура. Онъ достигъ этого царства, пронесся по золотому мосту на рѣкѣ *Гьоллъ* и однимъ прыжкомъ мощнаго коня пробилъ рѣшетку ада (Геля). *Геймадлевъ* конь назывался: *Гультопъ* (Goldzopf нынѣшнее значеніе: *золотая коса*). — Конь Бальдура со всей сбруей былъ сожженъ вмѣстѣ съ нимъ. Остальные кони: *Вальгофнеръ*, *Гіель*, *Гладръ* (бодрый), *Гиллеръ* (золотистый) *Летзетте, Зинеръ. Зильфринтопръ* (серебряная коса или волосъ), *Скейдбримеръ* конь богини Гна, *Гофварфниръ*, мчитъ ее по водѣ ли, по воздуху, съ неизмѣнной быстротой. Впрочемъ, богъ Фрейръ разъѣзжаетъ въ колесницѣ, запряженной дикимъ кабаномъ *Гуллинбурсти,* а богиню *Фрейю* везутъ кошки.

АЗЕНГЕЙМЪ и АЗГАРДЪ.

Страна, въ которой обитаютъ боги, называется *Азенгеймомъ,* и главный ихъ городъ или огромный, среди міра, великолѣпнѣйшій замокъ — *Азгардъ.* Всѣ отдѣльныя божественныя палаты, составляющія вмѣстѣ общее мѣстопребываніе боговъ, сіяютъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями; рѣшетки изъ золотыхъ рыцарскихъ копій, а потолки обширныхъ покоевъ увѣшаны такимъ множествомъ блестящихъ

геройскихъ щитовъ, что нѣтъ нужды для свѣта ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ. Вокругъ великолѣпныхъ чертоговъ обширныя, вѣчно-зеленыя рощи. Въ нихъ боги прохлаждаются послѣ небесной трапезы или возвратившись съ поля битвы. Въ этомъ главномъ мѣстопребываніи боговъ, на пространной площади *Глаадсгеймъ*, стоятъ 12 свѣтлыхъ престоловъ, каждому богу особый, а тринадцатый, самый блистательный — богу Одину. У бога Одина есть, впрочемъ, еще и отдѣльное отъ прочихъ боговъ жилище, *Валаскіальфъ*, а въ немъ такой высокій престолъ, что, сидя на немъ съ супругой своей Фриггой, Одинъ можетъ обозрѣвать весь міръ. Жилище богинь въ Азгардѣ имѣетъ особое названіе, *Вингольфа*, что значитъ „жилище радостей„. Палаты Фрейи — богини называются: *Вольквангъ*; въ немъ главная зала — *Зессрумиръ*.

Къ этимъ жилищамъ блаженныхъ относится и *Валгалла*, мѣстопребываніе героевъ, павшихъ на полѣ брани. Валгалла вся изъ золота и такъ высока, что едва глазомъ разглядишь. Въ 450 пространныхъ дверей входятъ сюда герои; сама богиня Фрейа встрѣчаетъ ихъ свѣтлой улыбкой и каждому подноситъ рогъ, полный небеснаго напитка, *Эля*. Потомъ, по волѣ Одина, служащія въ Валгаллѣ Норны, Валькуры, судя по заслугамъ вводятъ дорогихъ гостей въ жилище блаженства, гдѣ ожидаетъ ихъ, между прочими наслажденіями, обильное молоко козы Гейдруны, вкусомъ напоминающее медъ. Число *Валькуръ* въ Валгаллѣ, кромѣ Фрейи, по однимъ миѳамъ 6, по другимъ 13. Хотя Валькуры и считаются Норнами Одина, но не

въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы видѣли Норнъ, изображающихъ Судьбу. Валькуры только богини судьбы героевъ, павшихъ на полѣ брани. Это видно изъ самаго имени ихъ: *валь* — битва, *куренъ* — выбирать. Вѣрованью Германцевъ представляется, какъ Валькуры на тучахъ, принявшихъ образы коней, носились надъ поприщемъ битвы, а изъ гривы ихъ удивительныхъ коней обильная влага садилась росою въ глубокихъ долинахъ, дождемъ или градомъ стучала по листьямъ деревьевъ. Знаменитѣйшая изъ Валькуръ была *Гильда*, та самая, которая носясь надъ павшими въ битвѣ сладкимъ поцѣлуемъ пробуждала ихъ — къ жизни въ блаженной Валгаллѣ. Вообще героевъ, заслужившихъ это блаженство, вѣрованіе народное называло *Эйнгеріаръ*.

Въ такомъ видѣ изображалась въ германской миѳологіи жизнь блаженныхъ боговъ и героевъ, и это блаженство невозмутимо было до самаго того времени, когда настанетъ Рагнарöкъ, то есть время, когда затмится существованіе самихъ боговъ, а съ нимъ прекратится, конечно, существованіе и человѣчества.

РАГНАРÖКЪ.

Рагнарöкъ, въ миѳологіи древне-германской является синонимомъ кончины боговъ и всего міра. О *Рагнарöкѣ*, такъ значится въ этой миѳологіи. Боги, какъ міроправители, постоянно стремятся

обуздать и покорить своей власти страшныхъ исполиновъ (изображающихъ основныя силы природы); но настанетъ время, когда эти необоримыя чудовища разорвутъ свои цѣпи; волки, преслѣдующіе такъ часто Солнце и Луну, настигнутъ и поглотятъ эти свѣтила; задрожитъ міръ, и такъ задрожитъ, что лопнутъ всѣ основы и связи вселенной. Ни плоды вѣчной юности богини Идунны, ни блаженный напитокъ (*Одрериръ*) который черпали боги изъ блаженнаго источника Урда, ни воронъ Одина (*Гугинъ*), посланный за совѣтомъ къ мудрѣйшимъ изъ карловъ, ни всѣ силы верховныхъ *Азовъ* не отвратятъ неизбѣжнаго Рагнарӧка.

Вѣрованіе о кончинѣ міра, какъ видите, чуждо миѳологіи Грековъ и Римлянъ. Оно тѣмъ особенно знаменательно, что гораздо позже является въ основаніи божественнаго христіанскаго откровенія о будущей судьбѣ міра.

Другіе миѳы представляютъ кончину міра въ постоянномъ засыханіи того міроваго Ясеня, о которомъ уже говорено. Сначала остановится растительность его; Идунна спустится тогда съ вѣтвей его на землю, въ долину ночи, дочери Норвиса, расположенную подъ обширнымъ навѣсомъ зелени ясеня. Но Идунна привыкла къ веселой жизни на вѣтвяхъ безпредѣльнаго ясеня; ей будетъ тѣсно, не ловко въ долинѣ, ей будетъ жаль своего прежняго жилища, и въ безотвѣтной тоскѣ она горько заплачетъ. Тогда Ночь наведетъ продолжительный сонъ, и уснутъ всѣ народы; она навѣетъ тяжелую дремоту на самихъ боговъ. И такъ будетъ долго, долго, до новаго восхода Солнца.

Съ этимъ отжившимъ вѣрованіемъ германскимъ стоитъ въ связи, до сихъ поръ, сохранившееся кое-гдѣ повѣрье, будто вороны все еще прилетаютъ по временамъ на гору Киѳейзеръ въ Турингіи, подъ которой спитъ крѣпко король *Ротбартъ* (рыжая борода); будто этотъ король, просыпаясь чрезъ каждые сто лѣтъ разъ, спрашиваетъ, летаютъ ли еще вороны; будто, наконецъ, когда наступитъ исполненье судьбы, вороны влетятъ къ нему въ гору, сядутъ къ нему на плечо и въ самое ухо нашепчутъ ему, что̀ и когда станется съ міромъ. Этихъ вороновъ считаютъ за тѣхъ, которыхъ выслалъ *Одинъ*.

МІРЪ ПРЕИСПОДНІЙ.

Въ мірѣ преисподнемъ царствуетъ *Гель* (богиня Ада). Конечно, отъ имени этой богини образовалось, впослѣдствіи слово, выражающее понятіе ада по нѣмецки Hölle, *гелле*, значитъ: *адъ*. И у Германцевъ царство этой богини, въ которое попадали всѣ не сложившіе доблестно головы на полѣ брани, расположено было въ далекомъ подземельѣ. Самую богиню представляли въ видѣ ужасной женщины, получеловѣческаго, получудовищнаго свойства. Мѣстопребываніе ея называется въ миѳѣ обителью плача, гдѣ входящаго встрѣчаетъ на самомъ порогѣ погибель; гдѣ угощаютъ его голодомъ и ненасытною алчностію; гдѣ служатъ ему лѣность *(Ганглитъ)* и непокоротливость *(Ганглöкъ)*; гдѣ на постели, вмѣсто отдыха находитъ онъ томленье и

горе, а съ занавѣсокъ постели слетаются толпы докучныхъ сновидѣній и мучительныхъ грёзъ. Мы ужъ видѣли, какъ далеко отъ міра находились эти унылыя жилища: Одиновъ конь, безъ отдыха, мчался къ нимъ девять сутокъ и только на десятыя достигнулъ моста на рѣкѣ. Мостъ этотъ охраняетъ суровая дѣва *Модудра* (что значитъ: *борьба душъ*). Вѣрованью Германца тяжкими представлялись самыя награды въ мрачномъ царствѣ богини, извѣстной, въ теперешнихъ сказкахъ, подъ именемъ бабушки Голлы, а не только наказанія. Это опасеніе заставляло заботиться о томъ, чтобъ прожить на землѣ, какъ можно достойнѣе, конечно, сообразно съ тогдашними понятіями о нравственности и законности.

Особенность Германскаго ада въ томъ, что мы не встрѣчаемъ въ немъ мучительнаго огня, а вмѣсто него душные, тинистые потоки, кишащіе червями и гадами. Въ нихъ-то преступники осуждены были безконечно бродить и терзаться. Одинъ изъ такихъ потоковъ называется: *Вадгельмиръ*. Вотъ, что сохранилось о немъ въ старинномъ собраніи миѳовъ германскихъ:

„Harte Strafe wird Menschensöhnen
Die in Wadgelmir waten:
Wer mit Unwahrheit den Andern verlügt,
Ueberlang schmerzen die Strafen.“

„Сыновъ человѣческихъ, которые на землѣ опутывали собратьевъ обманомъ и ложью, постигаетъ жестокая судьба: безконечно бродить и терзаться въ пучинѣ Вадгельмира.”

Другой потокъ называется *Слидромъ*. Такихъ потоковъ мученій насчитываютъ разные миѳы отъ 32 до 37. Все царство обтекаетъ свирѣпая Голла; а на берегу ея находится открытый къ сѣверу *Настрандъ* (палата усопшихъ), покрытый змѣями. Ихъ головы свѣшиваются внизъ и столько отъ нихъ яду, что цѣлые потоки его служатъ здѣсь для вѣчнаго мученія убійцъ и нарушителей супружеской вѣрности.

Вотъ въ какомъ видѣ рисуется въ миѳологіи Германской мѣсто мученій различныхъ преступниковъ.

Теперь посмотримъ на нѣкоторыя божества отдѣльно.

ОДИНЪ.

Одинъ — владыка боговъ. По одному миѳу, онъ сынъ великана Бэра и Вестлы; по другому — онъ самъ, своей мощью, возникъ изъ міроваго дерева и сталъ управлять вселенной. Легко понять заключенное въ этомъ представленіи глубокое значеніе власти духа, сравнительно съ физическими силами природы (исполинами). Духъ всюду присущъ. Въ Одинѣ олицетворяли божество духа, и въ то же время и солнца. Послѣднее на томъ основаніи, что источникъ свѣта физическаго служитъ, какъ бы символомъ источника свѣта нравственнаго, духовнаго, олицетвореннаго Одиномъ. При необычайномъ величіи и глубочайшей премудрости Одину достаточно было одного глаза. Онъ и съ нимъ все видитъ, все знаетъ. Одину приписывало вѣрованье

народное изобрѣтеніе *рунъ* *), письменъ загадочныхъ, въ которыхъ каждый знакъ выражаетъ не отдѣльную букву, а цѣлую мысль, и которыя поэтому, во время своего употребленія, считались въ народѣ полными таинственныхъ, волшебныхъ качествъ. Онѣ дѣйствительно и теперь могутъ считаться таинственными, ибо по неимѣнію ключа къ нимъ, открываемое значеніе ихъ остается сомнительнымъ. Кромѣ этого, Одинъ у Германцевъ былъ богомъ мудрости, краснорѣчія, врачеванія; богъ-поразитель драконовъ, богъ звѣздный, весенній; богъ любви и супружествъ, охоты, войны, завоеванія, побѣды. Оружье его — копье; впрочемъ, по нѣкоторымъ миѳамъ, на изображеніяхъ жертвоприношеній и посвященій этому богу, онъ является съ посохомъ въ рукѣ. Въ Азгардѣ, божественномъ жилищѣ боговъ, престолъ Одина господствуетъ высоко надъ престолами всѣхъ остальныхъ боговъ. Нѣкоторые миѳы изображаютъ Одина въ видѣ орла.

---

*) Подъ именемъ *рунъ*, разумѣлись не только письмена, но и таинственныя изрѣченія. Въ древнѣйшую эпоху, чтеніе рунъ предоставлялось только избранному классу людей. Замѣчательно, что особенно женщинамъ приписывалось это почетное умѣніе. Замѣчательно это въ томъ отношеніи, что даетъ видѣть, какимъ высокимъ нравственнымъ значеніемъ пользовалась женщина въ древней Скандинавіи, то есть странѣ, куда не проникло азіатское воззрѣніе на женщину, какъ рабыню, воззрѣніе заразившее сопредѣльныя востоку страны. Скандинавскія саги знакомятъ насъ со многими свѣтлыми идеалами дѣвственной непорочности и вообще достоинства женщины. Общественное мнѣніе запрещало даже восхвалять дѣвицу хотя бы и въ стихахъ, безъ ея согласія: такъ щекотливо было оно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предавалось публичности доброе имя женщины. (См. сочиненіе: Altnordisches Leben. von Karl Weinhold. Berlin. 1856).

Прим. перев.

Одинъ одолжаетъ на время битвы любимцамъ своимъ собственные: мечь, шлемъ и латы. На плечахъ у него сидятъ вороны: *Гугинъ* (мысль) и *Мунинъ* (воспоминаніе), возвѣщающіе ему ежедневно на ухо судьбу предстоящаго дня. Этихъ вороновъ миѳы называютъ иногда ястребами. У ногъ его волки (иногда собаки); онъ ихъ питаетъ мясомъ кабаньимъ, такъ какъ ему самому пищи не нужно: ему только Валькуры, *Риста* и *Миста*, попеременно подаютъ небесный медъ. Волкъ служитъ символомъ битвы, и орелъ или *Ааръ* — символомъ власти его въ предѣлахъ видимаго и невидимаго міра. Конь его осьминогій, какъ сказано выше, усталости не вѣдалъ.

Супруги или любимицы Одина слѣдующія: *Іорда* (сынъ у ней *Торъ*), *Риндра*, *Фригга*, *Гридата*. *Скада*, *Гриѳа* и *Лага* (богиня наслажденій).

ТОРЪ ДОНАРЪ.

Торъ или *Донаръ* — величайшій богъ въ физической природѣ, какъ Одинъ — въ области духа, а поэтому онъ повелѣваетъ всѣми стихіями міра *), Донаръ, сынъ Одина и Фригги, самъ же женатъ на златовласой *Зифѣ*. Онъ преклонилъ своей власти различныхъ исполиновъ и чудовищъ, человѣческому же роду онъ благопріятствуетъ особенно

---

*) *Стихіи* и тутъ, конечно, слѣдуетъ понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ объяснены онѣ выше въ примѣчаніи на стр. 75.

Примѣч. перев.

тѣмъ, что заботится объ образованіи его, скрѣпляя своимъ молотомъ права супружества, семейства, собственности и этимъ же самымъ молотомъ воздвигая имъ удобные пути и мосты сообщеній. Свои громы и молніи онъ направляетъ только противъ исполиновъ, враговъ своихъ и человѣческихъ; людей же онъ любитъ, разкрываетъ имъ лоно небесное, посылаетъ дождь на ихъ землю, оплодотворяетъ ихъ нивы. Молотомъ своимъ разрушаетъ онъ голову исполина (то есть, молніей и дождемъ раздробляетъ и размываетъ гордыя породы), чтобъ создать изъ нея плодоносное поле для человѣка. Онъ въ вѣчной войнѣ съ холоднымъ восточнымъ вѣтромъ, мѣшающимъ благосостоянію человѣчества Торъ — богъ земледѣлья, а за нимъ и земледѣльцевъ и слугъ, а поэтому и не вызываетъ между ними раздоровъ и битвъ, какъ дѣлаетъ часто богъ духа — Одинъ. Въ Германіи особенно Торъ, считался богомъ стадъ и домашнихъ огней; ему посвящались бѣлки, бараны, козлы, а изъ растеній рябина. Освящая животное, прикасались къ нему вѣткою этого дерева. Этого бога представляли себѣ съ красными волосами на головѣ и такой же бородой. Изъ дней недѣли ему посвященъ былъ Четвергъ. (И теперь Donnerstag или Thorsdag; по Английски также Thursday, то есть Тора день). Слѣды почитанія его сохранились въ употребляемыхъ, до сихъ поръ Ивановыхъ огняхъ *).

---

*) Вѣроятно, эти огни имѣютъ близкое отношеніе съ тѣми, которые въ Богеміи, Славоніи, Галиціи и другихъ Славянскихъ земляхъ, въ том числѣ и у насъ, зажигаютъ въ мѣсяцъ, когда солнце достигаетъ наиболь-

На основаніи борьбы Донара съ исполинами, его часто сравниваютъ съ греческимъ Геракломъ. Онъ должно быть то же самое божество, которое извѣстно подъ именемъ Ирмина и которому древніе Саксы приносили благодарственную жертву одержавши побѣду надъ Турингцами. Какъ Геракловыхъ статуй такъ и Донаровыхъ было нѣсколько. Замѣчательна изъ нихъ *Ирминзуль* (то есть статуя Ирмина), которую Карлъ Великій велѣлъ уничтожить у Фрейбурга въ Вестфаліи.

ТИРЪ или ЦІУ, ГЕРУ, САКСНОТЪ.

Божество это занимало въ миѳологіи третье мѣсто по значенію. Ему посвященъ былъ Вторникъ Dienstag или Tysdago, Tysdag; Баварскій Ertag, Erichtag; Англійскій Thuesday, то есть день Міу).— Символомъ этого бога считали мечь. У Свевовъ, одного изъ древнѣйшихъ германскихъ народовъ, Тиръ назывался: *Ціу*, у Херусковъ — *Геру*, а у древнихъ Саксовъ — *Сакснотъ*. По вторникамъ собирали растеніе *желѣзную траву* (Verbena offici-

---

шей высоты, то есть въ Іюнѣ, и которымъ придаютъ, до сихъ поръ, самыя разнообразныя, удивительныя свойства: предохранять скотъ отъ падежа, приворожить сердце къ сердцу, выростить ленъ или коноплю такъ высоко, какъ прыгаютъ черезъ огонь, отогнать всякую силу нечистую и проч. и проч. У Славянъ огни эти извѣстны подъ именемъ огней Ивана-Купала, Свято-Яновыхъ огней, живыхъ огней и т. п.

Прим. перев.

nalis). Объявлявшіе о войнѣ вѣнками изъ нея украшали себѣ голову. Венды также почитали это божество подъ именемъ Тира.

ФРЕЙА и ФРИГГА. НЕРѲА.

Первая — богиня любви и юности. Хотя она оставалась въ вѣрованіи Германцевъ вѣчною дѣвой, но называлась супругой Одина. Другая же, была супругой верховнаго бога, богиней супружескаго и материнскаго счастья. По имени Фрейи названа пятница (Freitag, а по англійски Fryday, то есть Фрейи день). Она первая встрѣчаетъ въ Валгаллѣ Эйнгеріаровъ (см. выше). Нерѳа, пользовалась у Германскихъ народовъ обширнымъ почитаніемъ. Главная роща ея была на островѣ Рюгенѣ. Ей воздавалось почитаніе и поклоненіе на морѣ или на полѣ особенно въ ту пору, когда съ весной море и рѣки снова становятся доступными судоходству, а земля раскрываетъ свои нѣдры для всякихъ произрастеній. Поэтому, Нерѳу называли богиней-матерью земли.

ВОДАНЪ.

Величайшій богъ древнихъ Нѣмцевъ въ собственномъ смыслѣ. Первоначально его звали *Ротаномъ*. Воданъ равнозначущъ съ обще-германскимъ Одиномъ. Римляне же приравнивали его къ Меркурію. Дикія орды Германцевъ, устремляясь въ бит-

вы, взывали къ своему Водану и ему обрекали заранѣе въ жертву всѣхъ плѣнныхъ непріятелей. Сами Римскіе воины, когда приходилось, лишь примѣромъ великаго Цезаря бывали увлекаемы въ бой съ такими свирѣпыми врагами. По имени этого бога называли созвѣздіе *Большой Медвѣдицы* — *Водановой Колесницей*, млечный путь—*Водановымъ путемъ*, а средній день недѣли — *Водановымъ днемъ* (Wodanstag). Какъ Римляне называли его Меркуріевымъ днемъ (Dies Mercurii), откуда и вышло французское Mercredi. Теперь Нѣмецкая Среда не носитъ имени Водана, за то это имя удержалось въ Англійской средѣ: (Wednesday). Еще въ недавнія времена было въ обычаѣ у земледѣльцевъ Нижней Саксоніи, снимая жатву хлѣба, оставлять мѣру на полѣ для Воданова коня, припѣвая при этомъ на древне-нѣмецкомъ нарѣчіи:

«Woda, Woda,
Hal dienem Rosse nu Voder,
Nu Distel und Dorn,
Achter Jar beter Korn!»

«Воданъ, Воданъ! возьми твоему коню корму, репейнику, шиповъ, а мнѣ въ будущій годъ, дай лучшаго хлѣба!

И у древнихъ Германцевъ, какъ у Грековъ, Римлянъ, Іудеевъ, почитаніе боговъ выражалось также жертво-приношеніями и религіозными шествіями. Жертвы были благодарственныя, умилостивительныя и просительныя. Въ жертвы приносили не только звѣрей и растенія, но и людей и не только военно-плѣнныхъ, но въ важныхъ слу-

чаяхъ и своихъ. Такъ, жертвовали дѣтей для исцѣленія проказы или другой повальной болѣзни, жертвовали женъ и дѣтей при опасныхъ переходахъ рѣкъ; жертвовали самихъ предводителей при всеобщемъ неурожаѣ или иномъ общемъ бѣдствіи. Особенно Одину угодны были человѣческія жертвы. Еще въ средніе вѣка, на островѣ Зеландіи, черезъ каждые 9 лѣтъ, 6-го Января приносили Датчане въ жертву 99 человѣкъ, и столько же коней, для умилостивленія суровой богини преисподняго міра. Осенью въ чаяніи богатой жатвы, приносили въ великую благодарственную жертву коней, ягнятъ, козловъ, свиней, птицъ, а кромѣ того хлѣбныя и овощныя растенія. Слѣды этихъ приношеній видны еще въ *Мартинсгансѣ*. И животныя, назначенныя для этихъ жертвоприношеній, должны были быть или совершенно бѣлыя, или совершенно черныя, безъ малѣйшихъ крапинъ. По совершеніи жертвы, само собой разумѣется, участники принимались за пиръ и, при содѣйствіи жрецовъ уничтожали все, что оставалось отъ жертвеннаго огня. Приготовлялись къ этому случаю и различныя сладкія печенья въ формѣ божковъ и животныхъ. Капища боговъ помѣщались въ глубинѣ священныхъ рощей и въ глуши дубовыхъ лѣсовъ. Едва ли у кого-либо изъ Германскихъ народовъ строились богамъ сколько нибудь замѣчательные храмы. Какъ бы то ни было, но мѣста жертвоприношеній служили въ то же время и мѣстами народныхъ судилищъ, на которыхъ обязанностью судей облекались, конечно, все тѣ же жрецы. Впрочемъ, жрецы сопровождали и воинство,

возбуждая въ немъ духъ неодолимой храбрости. У сѣверныхъ Германцевъ жрецы часто становились въ тоже время и королями; у южныхъ Германцевъ Короли были только предводителями, но обязанности жреца и судьи соединялись въ другомъ лицѣ.

У Германцевъ въ большомъ ходу было волшебство. Еще и теперь видны остатки его въ народныхъ вѣрованіяхъ, напримѣръ: въ силу *сглаза* или *порчи*, въ *оборотней* и т. п.

Годъ начинался у древнихъ Германцевъ зимой, со дня св. Климента, 23 Ноября, кое гдѣ однакожъ, и раньше, 11 Ноября, съ Мартынова дня. Изъ праздниковъ языческихъ Германцевъ укажемъ *Вальпургистагъ*, то есть день, въ который праздновалось бракосочетаніе бога солнца съ богиней Земли. Вообще надо сказать, что и въ теперешнихъ народныхъ вѣрованіяхъ Германцевъ много осталось языческаго, только скрылось оно подъ Христіанскіе образы и въ нихъ, какъ бы прониклось христіанскимъ смысломъ.

VI. ИНДѢЙСКАЯ МИѲОЛОГІЯ

Заглянемте теперь, читатель, на дальній востокъ, въ Азіатскую Индію, и познакомимся съ религіозными вѣрованіями народа, искони населяющаго ту страну. У этого народа, какъ и у Грековъ, Римлянъ, Египтянъ и Германцевъ, есть своя миѳологія, ибо

ихъ вѣрованія также опираются на существованіе многихъ божествъ, хотя въ проявленіи своемъ обнаруживаютъ многія исключительныя особенности. Преобладающая черта индѣйскихъ вѣрованій есть — глубокомысленное вниканіе въ такіе предметы, которые обыкновенно называются невещественными. Сами эти вѣрованія представляются намъ часто, какъ плодъ размышленія отвлеченнаго отъ міра внѣшняго, дѣйствительнаго и направленнаго во внутренній міръ самого мыслителя. Часто послѣдній, привыкая болѣе и болѣе жить жизнью внутренней, созерцательной, вовсе отрѣшается отъ общества и созидаетъ себѣ кромѣ вѣрованій и образъ жизни, его самаго только удовлетворяющій. Оттого такъ обыкновенны у Индѣйцевъ всякого рода отшельники и пустынножители: ***Факиры***, ***Іоги*** (то есть набожные), ***Саніасси*** (то есть для міра умершіе) и ***Авадутосъ*** (то есть Факиры, лежащіе по берегамъ священныхъ рѣкъ). Всѣ они и подобныя имъ, блуждая въ уединеніи, посвящаютъ себя только на самосозерцаніе и на всевозможныя истязанія своего тѣла: то сидя годы на одномъ мѣстѣ, вперивши неподвижный взглядъ на одинъ какой-либо предметъ; то лежа подъ палящими лучами Индѣйскаго Солнца на доскахъ, съ набитыми на нихъ гвоздями; пресмыкаясь по берегамъ рѣкъ въ отвратительныхъ лохмотьяхъ, выражая этимъ презрѣніе свое ко внѣшности. Но въ какой бы формѣ ни проявлялось въ нихъ это оскорбительное для достоинства вообще человѣка самоуниженіе, народъ индійскій считаетъ факировъ людьми святыми и выражаетъ свое необыкновенное благоговѣніе

къ нимъ въ видѣ богатыхъ подарковъ и приношеній.

Индійская миѳологія весьма древняго происхожденія и заключается въ древнѣйшихъ священныхъ книгахъ Индѣйцевъ: четырехъ *Ведахъ* и *Зенд-Авестѣ*. Книги эти написаны на древнѣйшемъ, священномъ языкѣ — Санскритскомъ. Языкъ этотъ считаютъ первобытнымъ корнемъ языковъ: Греческаго, Латинскаго, Персидскаго, Германскихъ и Славянскихъ. Связь этихъ языковъ съ Санскритскимъ находятъ въ созвучіи многихъ отдѣльныхъ словъ и въ согласіи формъ выраженій. Такъ, напримѣръ, Санскритское ***Девасъ***, ***Богъ***, — у Грековъ ***Ѳеосъ*** или ***Теосъ*** (Θεως); у Римлянъ ***Деусъ*** (Deus); у Литовцевъ — ***Девсъ*** (Dews); у Готтовъ — ***Ѳіусъ*** или ***Тіусъ*** (Thius); у сѣверныхъ Германцевъ — ***Тиръ*** (Tyr). Греческое имя Зевса — ***Діосъ*** и Римское ***Юпитеръ*** звучатъ близко съ Санскритскимъ словомъ ***Дью*** (Dju), что значитъ: *небесное сіяніе*.

Чѣмъ болѣе расходились народы, происшедшіе отъ этого первоначальнаго, индѣйскаго корня, тѣмъ болѣе видоизмѣнялись у каждаго и ихъ первоначальныя вѣрованія. Тутъ у Индѣйцевъ является высшимъ божествомъ ***Индра***, означающее высшій духъ и въ тоже время Луну. За нимъ слѣдуютъ 33 божества, а именно *8* ***Фазу***, то есть добрыхъ, къ которымъ относятся огонь, земля, солнце, вѣтеръ, небо; потомъ 8 ***Рудра***; далѣе 12 ***Адильа*** и двое ***Асфинанъ*** божественныхъ всадниковъ, сравниваемыхъ съ греческими Діоскурами.

Особенность индѣйской миѳологіи заключается въ томъ, что въ ней ясно видны четыре періода раз-

витія ея, соотвѣтствующіе столькимъ же періодамъ историческаго развитія народа. Первый періодъ, начинаясь съ незапамятныхъ временъ, доходитъ до 900 г. до Р, Х.; второй — почти до 250 г. до Р. Х.; третій — почти до 800 г. по Р. Х., и наконецъ четвертый, продолжающійся и теперь. Эти періоды въ развитіи религіозныхъ Индѣйскихъ вѣрованій различаются по способу почитанія главнѣйшихъ божествъ: *Брамы*, *Вишну* и *Шивы* (или *Сивы*), О первомъ изъ періодовъ извѣстно очень мало. Первоначально солнце, и огонь, какъ представитель его на землѣ, представлялись Индѣйцамъ чистѣйшими и возвышеннѣйшими божествами. Къ этому присоединилось обоготвореніе и другихъ силъ природы, подъ видомъ благодѣтельныхъ, или вредныхъ божествъ. Позже, въ представленіи Брамы, Индѣйцы сосредоточили все, что заключается въ понятіи о существѣ высочайшемъ, всемогущемъ, проникающемъ собою всю природу.

Брама, сотворившій весь видимый міръ создалъ и души, которыя отдѣлившись отъ него и пройдя въ мірѣ безконечнымъ путемъ самосовершенствованій снова соединяются съ Брамой. Вотъ начало ученія о переселеніи душъ, въ силу котораго Индѣйцы не смѣютъ убивать ни какого животнаго, самихъ змѣй и насѣкомыхъ-паразитовъ, полагая, что даже и въ нихъ можетъ быть, въ тотъ моментъ, душа, оставившая свое тѣло, пребываетъ извѣстный срокъ, идя къ послѣднему предѣлу своего долгаго пути самосовершенствованія. Поэтому вѣрованію настанетъ время, когда весь видимый

міръ уничтожится, а на мѣстѣ его явится блаженное царство чистыхъ душъ *).

Женская половина Брамы (его дочь и жена) называются *Сарасвати* или *Брами*. Ее почитали богиней языка и науки. Въ одно время съ сотвореніемъ міра, произошли отъ Брамы 9 Брамовъ, или такъ называемыхъ *Ришисовъ*, то есть родоначальниковъ и владыкъ творенія. Вотъ они: *Ангира*,

---

*) Пока же явится это царство, здѣсь весьма кстати указать фактъ, свидѣтельствующій какое безграничное, суевѣрное уваженіе оказываютъ вѣрные сыны Брамы нѣкоторымъ животнымъ, особенно обезьянамъ.

Все семейство обезьянъ *Semnopithèques* Σεμνος, (*сѐмносъ*, — достопочтенная, а *πηθηζ, питиксъ* — обезьяна), распространенное исключительно въ тропической Азіи и ея островахъ, пользуется, по словамъ Лессона необычайнымъ уваженіемъ, особливо *Semnop. Entelle*, туземцами называемый Вандеру и Гульманъ. Блаженъ Индусъ, когда въ огородъ его заберется и опустошитъ его ватага этихъ прожерливыхъ почтенныхъ.

Фредерикъ Кювье говоритъ о нихъ же: «видя, какъ истинные сыны Брамы гордятся, если въ садахъ и огородахъ ихъ привилигированные четырерукіе нахалы произвели побольше опустошеній; видя съ какою радостью позволяютъ они священнымъ обезьянамъ безцеремонно распоряжаться въ ихъ домѣ и со стола хватать любимыя кушанья, по неволѣ подумаешь, что не у всякаго разсужденье одолѣваетъ предразсудки и не всякому независимость слаще рабства».

А вотъ еще нѣсколько словъ о нихъ же изъ путешествія Дювоселя (Duvaucel): Индѣйцы боготворятъ этихъ обезьянъ и ставятъ ихъ на одномъ изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду своихъ трехъ сотъ милліоновъ (?) божествъ. Является Гульманъ въ нижнемъ Бенгалѣ обыкновенно въ концѣ зимы. Индѣйцы разсказываютъ, что Гульманъ похитилъ имъ изъ садовъ цейлонскаго великана драгоцѣнный плодъ la mangue (это — плодъ дерева Mangifera indica, Mangobaum, растущаго въ изобиліи въ Индіи, Персіи, Аліят. островахъ и южной Америкѣ. Величина плода съ гусиное яйцо, вкусъ похожъ на сладкій миндаль. См. *Erdkunde* v. *Klöden*. стр. 769.) За похищеніе это онъ осужденъ на сожженіе, но Гульманъ затушилъ роковой огонь и только обжогъ себѣ морду и руки. И до сихъ поръ, онѣ у него черны.

Прим. перев.

Атри, *Бригу*, *Дакша*, *Маритши*, *Нарада*, *Пулага*, *Пиластіа* и *Васишка*. Имъ Брама далъ власть творить боговъ, людей и животныхъ. Браму, какъ добраго духа, почитали подъ именемъ *Аттимабаха*. Главное мѣстопребываніе блаженнаго духа Брамы въ *Брамапатнамѣ* (городѣ Брамы), на возвышенности горы *Меру*. Четырьмя вратами изливаются изъ Брамапатнама 4 источника: *Алагуни*, *Садассонъ*, *Садаламъ* и *Патнамъ*, сливая свои воды въ началѣ извѣстнаго Ганга. Вотъ отчего воды послѣдняго считаются у Индѣйцевъ священными. Брамины (жрецы Индѣйскіе) рассылаютъ ее въ сосудцахъ по всей Индіи.

Къ почитанію Брамы присоединилось слѣдомъ почитаніе *Вишну*, міродержателя и міроправителя. Вишну началъ существовать для счастья всего міра. Чтобъ этого достигнуть, онъ подвергъ себя разнымъ превращеніямъ *(Аватара)*. Послѣ перваго онъ явился рыбой, тамъ черепахой, тамъ — вепремъ, освободившимъ землю изъ власти семи подземныхъ міровъ, которымъ ввергнулъ землю страшный исполинъ *Гераунги-Аксана*; за этимъ онъ принялъ на себя образъ человѣка, потомъ льва и т. д., а наконецъ, явился въ образѣ крылатаго коня *(Каленки-Аватара)*, подъ управленіемъ небеснаго всадника. До тѣхъ поръ, Вишну, погруженный въ сонъ плавалъ въ млечномъ морѣ. Такъ его изображали. Славнѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ изъ превращеній Вишну есть, конечно, то, въ которомъ онъ является человѣкомъ (*Кришна*). Рожденный *Изодгой*, женой пастуха *Нанда*, онъ наперекоръ настояніямъ царя *Камза* былъ сохраненъ и воспи-

танъ. А еще прежде было предсказано, царю, что онъ погибнетъ отъ новорожденнаго бога. Въ юности Кришна велъ жизнь пастушескую, потомъ умертвилъ жестокаго Камза и женился на девяти царевнахъ; покоривши же царя-великана *Бумассера* еще присоединилъ къ числу женъ своихъ 16,000 царевенъ, освобожденныхъ имъ изъ плѣна у Бумассера. Первая супруга Кришны, еще когда онъ жилъ пастухомъ, была *Радга*. Ее Индѣйцы почитали за богиню красоты, подъ именемъ *Лакшми*. Индѣйцы почитающіе Кришну за высочайшее божество, называютъ и себя *Кришнаитами* и отличаютъ себя видимымъ знакомъ: поверхъ бровей проводятъ двѣ бѣлыя отвѣсныя черты, а между ними красное пятно, знакъ солнца. Они думаютъ что самъ Кришна носилъ на лбу такой знакъ.

Кромѣ Брамы и Вишну въ Индѣйскомъ почитаніи еще есть и третій, также главный, богъ, *Шива* или *Сива*. Божество это, олицетворяя собою начало разрушительное въ мірѣ, въ то же время почитается и какъ богъ, возстановляющій жизнь на мѣстѣ разрушенія, подающій радости любви, а кромѣ того, какъ богъ великій (Магадева), владыка высочайшій (Парамезуара). Въ честь ему въ Мартѣ празднуется Шиварарти, а въ Августѣ — Авани-Аотонъ. Въ храмѣ бога Шива служитъ нѣсколько классовъ Баядерокъ, которыхъ призваніе и назначеніе въ томъ, чтобъ служить для смертныхъ посредницами небесныхъ радостей, создавать и устроивать имъ счастье.

Второй періодъ вѣрованій Индѣйскихъ отличается отъ перваго тѣмъ, что здѣсь трое божествъ:

Брама, Вишну и Шива толкуются жрецами въ образѣ одного. Хотя этотъ новый взглядъ на прежнія божества пріобрѣлъ у жрецовъ большое значеніе, но онъ и остался только ихъ достояніемъ. Жрецы, какъ извѣстно, составляютъ замкнутое сословіе (касту), называемое Браминами. Браминовъ почитаютъ, какъ непосредственныхъ потомковъ самого божества. Кромѣ необычайнаго уваженія въ народѣ, они одни владѣютъ ключемъ ко всѣмъ религіознымъ вѣрованіямъ. Во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ Брамины предшествуютъ остальнымъ кастамъ народа *). За эти преимущества образъ жизни Браминовъ стѣсненъ множествомъ ограниченій; особенно они должны опасаться сближеній съ остальными кастами, чтобъ не нарушить своей чистоты. Изъ всѣхъ кастъ Индѣйскихъ есть одна, *Парiи*, сообщеніе съ которыми оскверняетъ, въ по-

---

*) Эти остальныя касты: *судрасъ*, вообще свободные люди; *вайсія*, земледѣльцы и промышленники; *кшатрія* — воины, и *парія* — отверженныя. Начало различія сословій восходятъ ко времени завоеванія Индѣйцами Индостана, около 1300 л. до Р. Х. Первобытные жители Индостана были или уничтожены побѣдителями или бѣжали въ горы. Покорившіеся добровольно получили свободу и назвались: *судрасъ*. Сами побѣдители составили нѣсколько классовъ. Тѣ, которые, оставивши войну занялись исключительно земледѣліемъ, промыслами и вообще мирными занятіями, назвались *вайсія*; тѣ же, которые будучи обезпечены готовымъ имуществомъ, могли на досугѣ совершенствоваться въ военномъ ремеслѣ, составили отборный (?) классъ — *кшатріевъ*. Отправленіе же религіозныхъ обрядовъ, ученыя занятія, познанія священныхъ книгъ и т. п. облекли привилегированнымъ покровомъ особенный классъ — жрецовъ, *Браминовъ*. Наслаждаясь властью, общественнымъ уваженіемъ, богатствомъ, брамины стали учить остальныхъ, что соблюденіе божественнаго порядка въ мірѣ требуетъ, чтобъ всякій *оставался* въ томъ классѣ, въ которомъ родился.

Прим. перев.

нятіи Индѣйцевъ, не только жреца, но и всякаго другаго, не Парія. Паріи не имѣютъ права построить свой отдѣльный храмъ (пагоду), не смѣютъ даже переступить порогъ Индѣйца ни ихъ касты, а ужъ не то, чтобъ съ нимъ ѣсть или пить. Они живутъ отдѣльно отъ остальныхъ, какъ было въ то время, когда они находились въ рабствѣ у первобытныхъ жителей Индіи, какъ полагаютъ. У нихъ, впрочемъ, есть особые жрецы, ***Баиніи***, такъ названные по имени музыкальнаго инструмента, ***Баини***, на которомъ они акомпанируютъ своему пѣнью предъ храмомъ богини ***Маріаталы***. Страненъ и непонятенъ смыслъ изображеній этой богини: тѣло ея безъ головы находится на дверяхъ храма, голова же скрыта внутри самаго священнаго мѣста въ немъ. Богиня эта была прежде женой одного кающагося, ***Шамадагини***. Онъ велѣлъ сыновьямъ своимъ отрѣзать ей голову.

Сами Брамины составляютъ 4 разностепенныхъ отдѣленія. Высшее изъ нихъ: ***Бикшу***. Въ него можетъ вступить каждый Браминъ, достигшій 72-хъ лѣтняго возраста и опытный уже во всевозможныхъ лишеніяхъ и самоистязаніяхъ. Вступившій въ число Бикшу считается въ мнѣніи народа такимъ святымъ человѣкомъ, что ему не достаетъ только смерти, чтобы достигнуть полнаго блаженства. Бикшу долженъ отречься отъ всякаго вещественнаго имущества, отрѣзать себѣ косу, вмѣсто одежды обернуться льнянымъ полотномъ, а въ честь Шивы накинуть на себя тигровую шкуру. Принесши богамъ жертву, ***Гома***, онъ входитъ, окончательно, въ обязанности своего высокаго зва-

нія. Полотно свое мыть долженъ онъ самъ, самъ же долженъ очистить въ мѣдномъ сосудѣ пищу свою, если случайно прикоснется къ ней посторонняя рука. Бикшу не покидаетъ своего суковатаго, о семи узлахъ, посоха, котораго узлы служатъ воспоминаньемъ семи священныхъ Индѣйцевъ. Каждый день онъ долженъ не забыть омочить въ водѣ свой посохъ; такимъ образомъ онъ будетъ постоянно въ полной безопасности отъ навожденій злыхъ духовъ. Далѣе: онъ долженъ ходить изъ мѣста въ мѣсто; просить милостыни, протягивая руку, но не произнося ни слова; три раза въ день совершать полныя омовенія, а главное: ежеминутно бороться и одолѣвать въ себѣ страсти и даже чувства: любви, гнѣва, радости, печали, зависти, ненависти, гордости, мстительности и проч. Такъ было, такъ и теперь еще въ Индіи; тысячи такихъ святошъ блуждаютъ въ странѣ. Оказывать безграничное почтеніе къ Брамину, а тѣмъ болѣе къ Бикшу, составляетъ священнѣйшую обязанность всякаго Индѣйца; иначе, онъ оскорбитъ самое божество.

Единство трехъ означенныхъ божествъ, Брамы, Вишну и Шивы, еще нагляднѣе представлено въ миѳологіи Индѣйской тѣмъ, что ихъ всѣхъ считаютъ происшедшими отъ супруги Шивы, называемой *Бавани* (то есть первоначальная сила, произведшая все существующее), по глаголу послѣдней: *Омъ!* что значитъ: *да будутъ!* Изъ Вишну въ цвѣткѣ Лотоса возникъ Брама, а изъ послѣдняго опять Шива. Бавани — подательница всякаго благополучія: плодородія, мудрости, богатства. Она же и

страшная мстительница за зло. Поэтому ее изображають съ молніеноснымъ взглядомъ и восьмью руками. Множество празднествъ посвящено этой богинѣ. Брама изображается съ 4-мя головами и 4-мя руками, въ знаменье своего всевѣдѣнья и всемогущества.

Изъ сказаннаго вы легко увидите, читатель, что особенность всего народа Индѣйскаго состоитъ въ томъ, что образованіе его составляетъ принадлежность жрецовъ и стоитъ само на исключительно-религіозныхъ основаніяхъ. Какъ ни глубоки эти послѣднія, но все таки жизненныя отношенія народа представляются въ неизбѣжномъ отъ этого, замкнутомъ, состояніи; а слѣдовательно, и самая возможность истиннаго, человѣчнаго просвѣщенія становится народу недоступной. Жрецы такъ обставили жизнь человѣка, что она должна сдѣлаться чуждой всему земному, и человѣкъ дорого платится за это неестественное свое положеніе, относительно міра, за это насилованіе природы. И этотъ печальный конецъ вы встрѣтите повсюду, гдѣ человѣкъ предается исключительно жизни созерцательной. Отчего? Оттого, что онъ отвергаетъ естественное назначеніе человѣка на землѣ — дѣятельность. Онъ силится умирать, когда высшій законъ велитъ ему жить.

Третій періодъ Индѣйской миѳологіи ознаменованъ преобразованіями, внесенными въ религіозныя вѣрованія Индѣйцевъ однимъ реформаторомъ, котораго послѣдователи называютъ: ***Будда*** (что значитъ пробудившійся). Онъ отвергнулъ ученіе Браминовъ о Брамѣ, какъ единомъ существѣ и сталъ

учить, что всякій человѣкъ можетъ путемъ долгихъ совершенствованій обратиться самъ въ божество. За то, что Будда хотѣлъ уничтожить различіе кастъ, возстали на него Брамины и всѣми силами преслѣдовали приверженцевъ новаго ученія, *Буддизма* или *Буддаизма*, съ такой же ревностью, съ какой народъ спѣшилъ пристать къ послѣднему благодѣтельному принципу новаго ученія. Основанія этого новаго ученія заключаются въ слѣдующихъ положеніяхъ; „не подавать повода къ злу; служить правдѣ и благу; обуздывать въ себѣ плотскія побужденія“. Пространнѣе изложены эти основы Буддизма въ слѣдующихъ десяти правилахъ: 1) не умертвлять ни малѣйшаго животнаго, 2) не присвоивать себѣ чего-бы ни было чужаго, 3) не нарушать чистоты и цѣломудрія, 4) не лгать, 5) не клеветать, 6) не обижать кого-бы ни было, 7) не возбуждать ссоры или брани, 8) не допускать въ сердце злобы или ненависти, 9) не сомнѣваться въ священныхъ книгахъ, и 10) вѣрить въ безсмертіе.

По ученію Браминовъ, религія жизни состоитъ въ дѣятельности и познаніи. Народъ отдаетъ предпочтеніе дѣятельности, особенно въ вещественныхъ ея проявленіяхъ; мудрѣйшіе (?) же, отвергая съ презрѣніемъ дѣятельность и плоды ея, ищутъ въ самосозерцаніи приблизиться къ божеству и въ этомъ только состояніи видятъ источникъ грядущаго блаженства. У всѣхъ же считается дѣломъ благочестивымъ: читать вполголоса молитвы, обращаясь впередъ и назадъ и перебирая четки; совершать омовенья, особенно въ священныхъ водахъ

Ганга; приносить жертвы, состоящія изъ животныхъ, плодовъ, меду и т. п. Забывать объ этомъ долгѣ считается тяжкимъ грѣхомъ. Хорошо также: храмъ построить, колодезь вырыть, милостыни побольше раздать и т. п. Къ благочестивымъ же дѣламъ относится участіе въ совершеніи празднествъ, т. е. участіе въ сопровождающихъ празднества: жертвоприношеніяхъ, религіозныхъ шествіяхъ, хожденіяхъ съ изображеніями боговъ, съ музыкой, играми, плясками, огнями и т. п. Каждый истый Индусъ долженъ въ теченіе года участвовать, по крайнѣй мѣрѣ, въ 18 празднествахъ въ честь божествъ.

Индусъ вѣритъ, что изъ всякаго дѣла вытекаютъ естественно-происходящія изъ него слѣдствія, и что каждый за дурное дѣло долженъ непремѣнно ждать и соотвѣтствующей мѣры несчастія, или наказанія; но онъ въ это же время вѣритъ еще, что отъ заслуженныхъ наказаній можно избавиться самоистязаніемъ. Такъ какъ самоистязанія можно продолжать и далѣе, чѣмъ сколько ихъ понадобится для искупленія заслуженнаго наказанія, то Индусъ воспользовался этимъ удобствомъ и вздумалъ продолжительной цѣпью добровольныхъ самоизстязаній накопить себѣ *въ запасъ добрыхъ дѣлъ* и въ счетъ ихъ въ послѣдствіи потребовать себѣ у божества разныхъ благъ. Вотъ изъ какого источника проистекаютъ такъ распространенныя между Индѣйцами, разнообразныя самоистязанія, умерщвленія плоти своей, доходящія иногда до ожесточенія.

Четвертый періодъ въ Индѣйской миѳологіи обозначился въ 9-мъ столѣтіи по Р. Хр. совершен-

нымъ пораженіемъ Буддаизма въ Индіи. Приверженцы его спаслись отъ преслѣдованій Браминовъ въ сосѣднія страны, къ сѣверу отъ Гималая: такъ распространилось ученіе Будды въ Бирманѣ, Тибетѣ, Монголіи и проч. *) Съ-тѣхъ-поръ въ Индіи снова возстановился чистый *Браманизмъ*. Конечно, при упомянутыхъ религіозныхъ волненьяхъ въ Индіи, образовалось не мало сектъ, напр. секта *Дшаи-*

---

*) Буддисты есть и въ Россіи: это — Волжскіе и Алтайскіе Калмыки и Буряты въ Западной Сибири.

Будду они знаютъ только по имени, да и считаютъ его уже какимъ-то полубогомъ. Духъ ученья забытъ, а осталась одна только форма. Такъ, буддійское выраженіе: *вертѣть колесо вѣры*, то есть заниматься самоусовершенствованіемъ и побуждать къ тому другихъ, теперь приняло другой смыслъ и исполняется совершенно иначе. Тибетцы, Монголы, Калмыки дѣлаютъ цилиндръ на оси, и списываютъ его снаружи и внутри молитвенными воззваніями, даже начиняютъ его бумажками съ этими воззваніями, и вертятъ его за ручку или же, для сокращенія труда, придѣлываютъ къ цилиндру крылышки и тогда самъ вѣтеръ обращаетъ его, какъ мельничку. Около кибитокъ Калмыцкихъ, на холмахъ, вездѣ, гдѣ можно сунуть такой цилиндръ, вездѣ *вертится* колесо вѣры и несется къ небу молитва.

Впрочемъ, не здѣсь только, но и въ средѣ болѣе просвѣтленныхъ людей, поразительны, съ одной стороны, слѣдствія буквальнаго, ограниченнаго и поэтому безнравственнаго пониманія высокихъ правилъ, а съ другой, примѣненія къ обыденной жизни вѣковѣчныхъ истинъ. Кому изъ просвѣщенныхъ Евреевъ не горько видѣть, какъ собратъ его по вѣрѣ, чтобъ *стоя на молитвѣ имѣть передъ собою Законъ Божій*, напяливаетъ на лобъ себѣ сундучекъ съ заключенными въ немъ 10 заповѣдями; а *чтобъ молитва* къ духовному Существу и сама *была духовна*, стягиваетъ себѣ руку длиннымъ ремнемъ для обузданія нечистыхъ, плотскихъ побужденій? Мало ли изъ христіанъ понимаютъ, напримѣръ, милостыню въ смыслѣ магометанскомъ, то есть въ смыслѣ подачки копѣйки протянутой рукѣ (по большей части, рукѣ принадлежащей какой-либо язвѣ общественной) и за тѣмъ полнаго равнодушія къ случаямъ, гдѣ дѣйствительно требуется человѣчная помощь, сочувствіе, поддержка, благодѣяніе?

Прим. перев.

новъ, которыхъ вѣрованье представляетъ смѣсь буддизма съ Браманизмомъ; или секта *Сеиковъ*, составляющихъ особое государство, которыхъ религія представляетъ смѣсь Браманизма и магометанства. Эта послѣдняя секта образовалась въ 1540 году. Сеики вѣруютъ въ одного только невидимаго Бога—Вседержителя, никакихъ изображеній не почитаютъ; въ отношеніи къ самимъ себѣ не допускаютъ никакихъ кастъ; въ отношеньи же вообще къ человѣчеству ставятъ за правило руководствоваться взаимнымъ доброжелательствомъ и любовью.

Остановимся на нѣсколько времени на религіозныхъ вѣрованьяхъ Индѣйцевъ минувшихъ временъ.

Кромѣ названныхъ Брамы, Вишну и Шивы было у Индѣйцевъ еще много и другихъ боговъ и богинь. Вотъ напримѣръ *12 Адитіасовъ*. Эти божества означаютъ положеніе солнца въ 12-ти различныхъ зодіакальныхъ созвѣздіяхъ, которыя переходитъ свѣтило въ теченіи года. Имена этихъ божествъ очень различны. Главнѣйшее изъ нихъ *Индра*, богъ солнца и воздушныхъ предѣловъ со всѣми населяющими ихъ духами и свѣтлыми существами надземнаго рая. Изображаютъ Индру сидящимъ на величественномъ слонѣ. Аттрибуты его — зубчатыя молніи. Другое божество солнца, *Суріа*, изображается въ великолѣпной колѣсницѣ. Семь зеленыхъ коней, управляемыхъ рукою *Аруна*, везутъ его; тысячи духовъ съ хвалебными пѣснями сопровождаютъ его. У этого бога двое сыновъ-близнецовъ: *Асвинъ* и *Кумаръ*.

Нарада почитался посланникомъ боговъ.—Сынъ Шивы, *Ганеза-Пулеаръ*, котораго изображаютъ съ

головой слона, почитается богомъ мудрости. Къ нему взываютъ при началѣ всякаго предпріятія. Онъ покорилъ великана ***Геджемугашурина***, который дерзнулъ-было подняться на боговъ. Поэтому содѣйствіе Ганезы считаютъ въ высшей степени благопріятнымъ для того, чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Предъ изображеніемъ его, въ домѣ набожнаго Индуса, произносятся ежедневно молитвы. — ***Кама*** или ***Кама-дева*** есть богъ любви. На изображеніяхъ Кама несется на цвѣтномъ папугаѣ; въ рукѣ у него лукъ изъ сахарнаго тростника. Тетива у лука изъ пчелъ, а стрѣлы заострены сладко-розовыми цвѣточными почками душистаго дерева амбры. — ***Вадра-Кали*** *), дочь Шивы, ужас-

---

*) Здѣсь мѣсто упомянуть объ ужасномъ Индѣйскомъ братствѣ *душителей*, называющихъ себя *тугами*, вѣрными служителями богини Кали. Религія ихъ въ томъ, чтобъ всякаго, кто не посвящёнъ въ ихъ братство, задушить во исполненіе даннаго богиней повелѣнья. Въ исполненіи цѣли своей туги необыкновенно ловки, настойчивы. Часто по цѣлымъ мѣсяцамъ преслѣдуютъ они свою жертву, являясь ей подъ разными видами, въ разныхъ мѣстахъ и выждавъ благопріятный случай, ласками вкравшись въ довѣріе несчастнаго, или хитро спутавъ его обманомъ, набрасываютъ ему на шею роковую петлю. Изъ сочиненія о Тугахъ, изданнаго въ Калькуттѣ (Ramaseana, or a vocabulary of the peculiar language used by the Thugs with the introduction to the system pursued by that Fraternity) заимствуемъ о нихъ нѣсколько подробностей. У Туговъ есть преданіе, на основаніе котораго они благоговѣйно считаютъ свое ужасное ремесло религіознымъ дѣломъ. Вотъ оно:

Демонъ, Рукутъ-Бей-Дана, пожиралъ всякаго, кто рождался въ міръ. Чтобъ предохранить человѣчество отъ уничтоженія, богиня Кали опредѣлила умертвить его. Но Демонъ былъ исполинскаго роста: головою касался онъ неба, а ноги... самый океанъ не доходилъ ему выше пояса. И такъ онъ свободно разгуливалъ по міру. Богиня однакожъ сразила его. Что же? Изъ каждой капли крови Рукута возникли новые демоны. Богиня уничтожила и ихъ, но изъ каждой капли и этого поколѣнія демонскаго

ная могуществомъ богиня, поразившая исполина *Дарида* непобѣдимаго, который самаго Шиву вызывалъ на опасный бой. — *Вазуда-Сурабби*, богиня земли. — Къ числу же боговъ нужно отнести несчетные сонмы дѣвъ (до 600 милліоновъ), *Апсара*, утѣшающихъ въ небѣ блаженныхъ боговъ и счастливыхъ смертныхъ.

Кромѣ боговъ и святые люди почитаются Индѣй-

явились новые и новые, многочисленнѣйшіе противники Кали. Тогда утомленная богиня изъ пота, снятаго у себя съ плеча, создала двухъ огромныхъ мужей, дала имъ по платку и велѣла уничтожить всѣхъ демоновъ, не проливая ни единой ихъ капли крови. Передушивши ихъ, мужи представили богинѣ своей обратно платки, но богиня въ награду за исполненье приказанья ея оставила имъ эти платки и дала право пользоваться ими для собственныхъ своихъ выгодъ. «Вы уничтожили, сказала Кали, цѣлый родъ демоновъ и такимъ образомъ дали человѣчеству спокойно умножаться; даю вамъ и потомству вашему власть нѣкоторыхъ изъ потомства человѣковъ душить для обезпеченія вашего собственнаго существованія».

И Туги по сію пору живутъ плодами занятія, завѣщаннаго имъ богиней. У нихъ есть нѣсколько степеней при отправленіи обязанностей своего братства. Нужно пройти извѣстныя испытанія и приготовленія, прежде чѣмъ достигнешь званія *душителя*. И при каждомъ посвященіи достойнаго Туги взываютъ: «О, Кали, Кун-Кали, Бгутъ-Кали! О, Кали, Мага-Кали, Калькутта-Кали! если ты соизволишь находящемуся у насъ путешественнику быть задушену руками предстоящаго твоего раба, покажи намъ Тибау». (Тибау значитъ благопріятный знакъ, съ правой стороны). Затѣмъ ждутъ знака. Если покажется Тибау, то съ этихъ поръ кандидатъ посвященъ въ новую должность, еслижъ покажется *Пильгау*, то есть знакъ съ лѣвой стороны, неблагопріятный, или ничего не покажется, то кандидатъ ждетъ слѣдующаго удобнаго случая.

Братство это или секта разсѣяна по всему Индостану и страшно опасна своимъ фанатизмомъ; ловкостью, съ которой отправляетъ свои обязанности въ отношеніи Кали и особенностями убійствъ, которымъ нѣтъ слѣдовъ, ибо убійства Туги должны совершать безъ пролитія крови, трупы же тщательно хоронить. Впрочемъ, Англійское правительство дѣятельно преслѣдуетъ и уничтожаетъ Туговъ.

Прим. перевод.

цами на ряду съ божествами. Такъ, напримѣръ статуи *Дандезурій* стоятъ въ храмѣ рядомъ съ изображеньями Шивы.

При множествѣ боговъ еще болѣе было въ вѣрованьи Индѣйцевъ разныхъ духовъ, добрыхъ и злыхъ. Первые, называемые *Девета*, проводятъ все время въ воспѣваніи хвалебныхъ гимновъ у престола высочайшаго божества. Ихъ поэтому и называютъ еще *Гандарвасъ*, то есть воздушные пѣвцы. Число ихъ безгранично. Духи злобные называются: *Асфарна*, то есть вѣчно-недремлющіе или *Ассуры*. Одинъ изъ нихъ *Бгута* (*Бутта*), въ видѣ воина вѣчно сторожитъ входъ въ храмъ бога войны, *Манара*. Впрочемъ, не только Бутта, но весь родъ злобствующихъ духовъ представляется воинственнымъ и въ вѣчной враждѣ съ *Индрой*. Кромѣ Ассуровъ есть еще отрядъ злыхъ духовъ, называемый *Дану*. Есть еще одинъ свирѣпый духъ, *Басмагутъ*, въ злости уничтожавшій самъ себя. Кажется имъ олицетворена, въ Индѣйской миѳологіи, слѣпота, тѣлесная или нравственная — навѣрно не знаемъ. Наконецъ, *Азоры* — духи волшебства.

Къ богамъ и духамъ примыкаютъ, въ вѣрованьи Индѣйцевъ, и различные исполины, воюющіе съ богами и разстроивающіе порядокъ въ міровомъ управленіи. Въ этомъ отношеніи вѣрованье ихъ сходится съ вѣрованьемъ древнихъ Германскихъ народовъ и Грековъ. Кромѣ упомянутыхъ исполиновъ: *Дарида* и *Гедже́мугашурина* замѣчателенъ еще, страшнѣйшій изъ всѣхъ, *Бумассеръ*, сынъ земли, возставшій на самое небо и чуть не побѣдив-

шій великаго Индру. Но Кришна одолѣлъ и смирилъ его.

Въ вѣрованьи Индѣйцевъ встрѣчаемъ еще цѣлыя поколенья полубоговъ, возникшихъ отъ дѣтей Солнца и Луны. Къ такимъ поколѣньямъ возводятъ обыкновенно свой родъ Раджи индѣйскіе и знатнѣйшія изъ фамилій. По преданью Индѣйскому обезьяны произошли отъ союза полубоговъ со змѣями.

Быки, лошади и змѣи считаются у Индѣйцевъ священными и служатъ имъ предметами поклоненія. Не менѣе священна для нихъ и вода, особенно вода рѣкъ Инда и Ганга; поэтому купанье есть дѣло весьма богоугодное: сами боги любятъ купаться. *Данукоби* считаютъ прудомъ, гдѣ купается Вишну, а *Бегра*, въ которой купающійся черпаетъ неувядаемую юность, находится, по вѣрованью Индѣйцевъ, близъ чертоговъ самаго Брамы.

Не менѣе особенны миѳическія представленія Индѣйцевъ о мірѣ и людяхъ. По этимъ представленіямъ міръ состоитъ изъ пятнадцати послѣдовательныхъ, другъ надъ другомъ лежащихъ, предѣловъ, называемыхъ *Бобунъ*. Семь изъ нихъ подъ землей, семь надъ землей, пятнадцатое въ срединѣ. Эти семь предѣловъ называются еще семью небесами. Нижніе предѣлы населены злобными падшими духами, осужденными терпѣть въ нихъ страданье, пока не будутъ постепенно выводимы, изъ нижнихъ предѣловъ семи небесъ, въ верхніе. Изъ верхнихъ ближайшее къ землѣ называется *Бгулокъ* или *Бгурлокъ*. Второе за нимъ — лунное, а называется *Бговерлокъ*. Въ этомъ второмъ небѣ луна то-и-дѣло мчится на быстрой газели по свѣт-

лымъ двадцати-восьми палатамъ своихъ пространныхъ чертоговъ. Ясно, что тутъ въ миѳѣ изображено ежемѣсячное обращеніе луны вокругъ земли. Индѣйцы вѣруютъ, что души добрыхъ переселятся въ блаженное жилище, на горѣ *Меру*. Въ эфирной небесной колесницѣ, ***Байбанъ***, перевезутъ ихъ туда крылатые грифы.

Вещественный міръ произошелъ изъ основныхъ началъ, называемыхъ у Индѣйцевъ *Бгутъ*. Сюда относятся: эфиръ, огонь, воздухъ, вода, земля. Изъ чистѣйшаго эфира, ***Бгутъ-окашъ***, возникли посредствомъ сгущенья его: тепло, земля, вода, всякая растительная и животная жизнь. Тѣло человѣка называютъ: *Бгутъ-атма*. Оно состоитъ изъ пяти основныхъ началъ и шестаго — духа (*атма*). Въ человѣческомъ тѣлѣ постоянно засѣдаютъ пять геніевъ, приводящихъ въ дѣйствіе весь составъ его. Одинъ изъ геніевъ помѣщается въ сердцѣ, называется ***Біанъ***, и исключительно занятъ процессомъ кровообращенія.

Гора Меру считается средоточіемъ міра. Она вся изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. На плоской вершинѣ ея, недосягаемо для взоровъ обыкновенныхъ людей, расположено блаженное жилище Шивы. Отъ него расходятся священные потоки: Гангъ, Оксусъ, Енисей и Гоан-го.

Вотъ вамъ, читатель, бѣглый очеркъ миѳологическихъ вѣрованій народа, нѣкогда занимавшаго высокое мѣсто въ ряду человѣческихъ обществъ по образованію и теперь владѣющаго древнѣйшими письменами, хранителями минувшей его славы.

VII. АЛЛЕГОРИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Здѣсь собраны предъ вами, читатель, тѣ формы, въ которыхъ выражали и выражаютъ символически различныя умственныя представленія. Эти формы находятся въ связи съ изложенной миѳологіей, ибо она даетъ ключь къ пониманію этихъ аллегорическихъ образовъ. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

Алчность. Часто въ видѣ Тантала.

Ариѳметика. Доска, испещренная цифрами и косой крестъ внутри четыреугольника.

Астрономія. Муза Уранія, въ длинной одеждѣ, съ пергаментомъ, испещреннымъ изображеніями различныхъ созвѣздій, въ рукѣ — зрительная труба; около — земной шаръ.

Архитектура. Мужъ, въ греческой одеждѣ, разсматриваетъ чертежъ зданія. Возлѣ — разбросаны: циркуль, угломѣръ и т. п. инструменты.

Благоговѣніе. Образъ прекрасной, стройной женщины. Свѣтлый взоръ устремленъ на небо. Одной рукой выражено движеніе туда же, въ другой — курильница съ ѳиміамомъ.

Болтливость. Изображеніе женщины съ папугаемъ на плечѣ. Возлѣ нея гусь гогочетъ, суетливо поднявши голову. Въ рукѣ у ней сосудъ, изъ котораго вода льется непрерывнымъ ручьемъ во всѣ стороны.

Ваяніе. Художникъ съ рѣзцомъ и молоткомъ сидитъ передъ поврежденнымъ изображеніемъ Гер-

кулеса (знаменитымъ торсомъ Михель-Анжело) или передъ иной какой-либо головой, или инымъ мраморнымъ торсомъ.

Винодѣліе. Въ образѣ Бахуса.

Времена года. Четыре времена года изображаются въ видѣ четырехъ ***Горій*** (или ***Горъ***). Изъ нихъ одна въ вѣнкѣ цвѣточномъ, другая въ вѣнкѣ сплетенномъ изъ спѣлыхъ колосьевъ, третья въ вѣнкѣ изъ виноградныхъ кистей и вѣтвей; наконецъ последняя, съ плетушкой изъ еловыхъ вѣтвей. На поясахъ у богинь изображены созвѣздія, соответствующія временамъ года: у весны — Телецъ; у лѣта — Левъ; у осени — Скорпіонъ; у зимы — Водолей. Иногда вмѣсто Горъ изображаютъ мальчиковъ, но съ аттрибутами, имѣющими подобный же смыслъ: у одного мальчика корзинка цвѣтовъ, у другаго — серпъ, у третьяго — виноградная кисть, у четвертаго — жаровня.

Время. Въ образѣ Кроноса или же Сатурна.

Возрасты человѣка. Дѣтство — въ образѣ младенца у груди матери или въ образѣ малютки, въ то время, какъ его учатъ, ходить или когда онъ окруженъ игрушками и весь погрузился въ свое занятіе. ***Юность*** въ образѣ лицъ обоего пола, какъ они вмѣстѣ пляшутъ, рѣзвятся или заняты какимъ-нибудь дѣломъ, развивающимъ тѣлесную ловкость и грацію, умственное соображеніе и изящное чувство; или наконецъ оба у жертвенника Гименея приносятъ ему жертву. ***Возмужалость*** изображалась различно: или въ видѣ зрѣлаго мужа или жены, преподающихъ дѣтямъ своимъ полезныя ремесла и искусства; или въ видѣ полководца, прини-

мающаго знаки главнаго начальствованія; или въ видѣ римскаго гражданина, въ тогѣ, съ знаками достоинства у ногъ (связки прутьевъ, fasces); или наконецъ въ видѣ римлянки, матери семейства, въ цвѣтѣ силы, съ дѣтьми. *Старость* изображали или сѣдовласымъ воиномъ, сложившимъ оружіе, съ почетнымъ вѣнкомъ, или въ видѣ пожилой гражданки, окруженной взрослыми дѣтьми и внуками.

А вотъ и символы четырехъ возрастовъ человѣка: 1) Муза качаетъ колыбель младенца; 2) Юноша, по мимо богини Венеры, протягиваетъ руку Минервѣ; 3) Мужъ зрѣлый, опоясанный мечемъ, обвитымъ лаврами, совершаетъ приношеніе на жертвенникѣ Минервы или Геракла; 4) Старецъ съ улыбкой протягиваетъ руку юношѣ (Генію смерти), стоящему съ опрокинутымъ свѣтильникомъ на надгробномъ памятникѣ.

Война. Марсъ или Беллона. Иногда же Марсъ въ полномъ вооруженіи спѣшитъ на битву. За нимъ мчится жадный волкъ, впереди — Беллона.

Вѣчность. Свѣтлая дѣва съ сіяющимъ звѣзднымъ вѣнцомъ вокругъ головы. У Египтянъ — крылатый Геній съ змѣею загнутою въ кругъ.

Годъ. Въ видѣ богини въ цвѣточномъ вѣнкѣ, съ серпомъ и колосьями въ одной рукѣ и рогомъ изобилія въ другой. У ногъ — жаровня. Иногда вмѣсто богини — крылатый Геній.

День. Аполлонъ съ свѣтлымъ сіяньемъ вокругъ головы и колчаномъ со стрѣлами, изображающими лучи Солнца за спиной. Иногда Аполлонъ изобра-

женъ къ колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлоснѣжными конями.

Драматическое искусство. Богиня съ масками драмы и комедіи въ одной рукѣ, а кинжаломъ и жезломъ Момуса въ другой.

Дружба. Для изображеній дружбы множество аллегорій. Замѣчательнѣйшая: широко-вѣтвистый вязъ, обвитый плющемъ или (особенно у древнихъ). Касторъ съ Поллуксомъ.

Душа. Въ образѣ граціозной Психеи.

Здоровье. Фортуна возливаетъ изъ чаши на жертвенный огонь; надъ нимъ взвивается змѣя, символъ Эскулапа.

Земледѣліе. Изображеніе богини Цереры (Деметры или Димитры) со всѣми принадлежащими ей аттрибутами. Возлѣ нея Триптолемъ.

Изобиліе. См. *Плодородіе.*

Истина. Въ образѣ свѣтлой богини, безъ всякихъ одеждъ, съ сіяющимъ Солнцемъ на груди. Иногда въ видѣ закрытаго изображенія Египетской богини Неиѳы.

Комедія. Муза Талія съ своими аттрибутами.

Краснорѣчіе. Изображенье Полигимніи въ торжественной позѣ, какъ бы на ораторской трибунѣ. Въ лѣвой рукѣ свитокъ пергамента, правая дѣлаетъ выразительное, убѣдительное движеніе впередъ. Часто при ней статуи Перикла или въ рукѣ громовая стрѣла (краснорѣчія), а возлѣ — произведенія знаменитыхъ ораторовъ греческихъ.

Красота. Въ образѣ несравненной Аѳродиты-

Венеры, съ золотымъ яблокомъ первенства, полученнымъ ею отъ Париса.

Кротость. Богиня съ ласковымъ взоромъ ведетъ льва на уздѣ.

Любовь. Въ различныхъ проявленіяхъ любовь изображается различно.

Любовь родительская — въ образѣ матери, которая одного малютку кормитъ грудью, а другаго, стоящаго возлѣ, ласкаетъ и прижимаетъ къ себѣ. Иногда символомъ такой любви является Пеликанъ, про котораго сказка гласитъ, что онъ растерзалъ себѣ грудь, чтобъ собственной кровью вскормить своихъ птенцовъ.

Любви супружеской — символы: два соединенныя сердца, чета голубей, пылающій свадебный факелъ. Печаль супружеской любви изображается въ видѣ женщины съ нависшимъ покровомъ, оплакивающей надъ урной потерю свою. Возлѣ печальной супруги лежитъ погасшій факелъ.

Любовь сестрина — щитъ, алтарь или жертвенный сосудъ, а надъ ними обнявшіяся Граціи.

Любовь братская — двое обнявшихся мальчиковъ съ звѣздами на шлемахъ. Звѣзды — Касторъ и Поллуксъ.

Любовь дѣтей — въ образѣ Энея, несущаго на плечахъ отца своего Анхиза, спасаясь съ нимъ изъ пылающей Трои; или же въ образѣ молодой женщины, кормящей своей грудью старца. (По сказанію одного Римскаго писателя, такъ спасла одна благородная Римлянка, Пера, жизнь своему престарѣлому отцу, Кимону, осужденному на голодную смерть въ темницѣ).

Милосердіе. См. *Состраданіе*.

Миръ. Образъ богини съ оливковой вѣтвью въ рукѣ. Богиня ступаетъ на сложенныя доспѣхи, или же (у Римлянъ) затворяетъ двери Янусова храма. Еще: шлемъ, на которомъ, благодаря продолжительности мира, паукъ соткалъ свои сѣти.

Молва. Богиня молвы несется и трубитъ собранные слухи.

Мудрость. Изображенье богини Аѳины–Минервы или стоящей, съ совой возлѣ нея; или въ сидячемъ положеніи, въ длинной одеждѣ и съ произведеньями греческихъ философовъ; или въ звѣздномъ вѣнцѣ.

Мѣсяцы года. Двѣнадцать мѣсяцовъ олицетворяются въ видѣ 12 Геніевъ, которыхъ сопровождаютъ различные предметы, имѣющіе отношеніе къ земледѣлію во всемъ его разнообразіи въ теченіи года. Кромѣ этого приличные мѣсяцамъ знаки зодіаковъ находятся на щитахъ Геніевъ или на поясахъ у нихъ.

Надежда. Въ образѣ женщины, съ яснымъ, дружелюбнымъ выраженіемъ лица, облокотившись на якорь, а взглядъ обративши къ небу. Яркія зеленыя одежды усѣяны цвѣтами, а въ рукѣ расцвѣтающая вѣтвь плодоваго дерева.

Непорочность. См. *Цѣломудріе*.

Ночь. Ночь изображаютъ въ видѣ серьозной женщины въ темной одеждѣ, усѣянной звѣздами. Иногда ими усѣянъ и покровъ головной. Въ рукѣ у богини ночи обращенный факелъ. Если богиня изображается ѣдущей, то въ колесницѣ у ней черные кони, а впереди Геній. Послѣдній или брыз-

жетъ на землю прохладной росой изъ сосуда, или изъ опрокинутаго рога сѣетъ сновидѣнья и грезы по пути ночи.

Періоды существованія человѣчества. Золотой вѣкъ — въ видѣ Сатурна; серебряный — въ видѣ Юпитера; мѣдный — въ видѣ Фуріи. Божества эти, само-собой разумѣется, сопровождаются приличными аттрибутами.

Плодородіе. Въ образѣ богини, которая сыплетъ изъ рога плоды и цвѣты. По этому рогъ этотъ и названъ рогомъ изобилія (Cornu copiae, corne d'abondance). Въ другой рукѣ у богини связка пшеничныхъ колосьевъ.

Поэзія. Изображеніе Аполлона или одной изъ Музъ, Калліопы, Мельпомены, Эрато и Таліи, смотря по роду поэтическаго произведенія. Лира и лавровый вѣнокъ — ихъ аттрибуты. Часто возлѣ нихъ лежатъ произведенія знаменитѣйшихъ поэтовъ древности или изображенія ихъ.

Правосудіе. У древнихъ въ образѣ Ѳемиды или Астреи, съ свѣтлымъ взоромъ и съ вѣсами въ одной рукѣ, а мечемъ въ другой. Въ новѣйшее время богиню изображаютъ съ повязкой на глазахъ, въ знакъ всякаго отсутствія лицепріятія.

Прелесть. Образъ трехъ Грацій.

Природа. Образъ богини Изиды (см. Изиду).

Свобода. Свободу изображали аллегорически въ видѣ женщины съ длиннымъ жезломъ, на который надѣта шляпа или что-то въ родѣ шапки. Возлѣ — разорванная цѣпь или пальма. Происхожденіе этой аллегоріи конечно указываетъ на обычай древнихъ Римлянъ: отпуская рабовъ на волю давать

имъ такую шляпу и на прощанье легкій ударъ жезломъ.

Слава. Крылатый Геній въ вѣнкѣ и съ *трубой*, увитой лаврами.

Сонъ. Въ образѣ крылатаго юноши или мальчика въ сидячемъ или стоячемъ положеніи. Въ рукѣ маковыя головки или свинцовый скипетръ. Иногда, для выраженія непреодолимой силы сна, юноша изображенъ въ состояніи покоя на спинѣ у льва или на львиной шкурѣ. Иногда же возлѣ него ящерица: намекъ на повѣрье, будто это животное сторожитъ покой спящаго и въ случаѣ приближенія змѣи будитъ его.

Состраданіе. Женщина поднимаетъ одного малютку къ своей обнаженной, полной груди, а другому подаетъ что-нибудь или ласково набрасываетъ на него пространный покровъ.

Стихіи. *Земля* — въ образѣ Реи, въ желтой, блестящей одеждѣ, въ башенной коронѣ и въ сопровожденіи льва. Изъ рога изобилія богиня сыплетъ на землю цвѣты, плоды, колосья и т. п. *Воду* изображаетъ рѣзвая Наяда, въ ярко-зеленыхъ одеждахъ, въ тростниковомъ вѣнкѣ. Въ одной рукѣ у ней поднята урна, изъ которой выбивается свѣтлый ручей, а въ другой — сѣти полныя рыбы или весло. *Воздухъ* — изображенъ Герой, владычицей пространствъ небесныхъ, одѣтой въ лазурныя ткани, свѣянныя съ плеча богини. *Огонь* — въ образѣ Весты въ ярко-огненномъ платьѣ, съ сосудомъ, изъ котораго пышетъ прихотливое пламя.

Счастье. Богиня Фортуна (Тихея), крылатая, съ завязанными глазами, съ двумя веслами въ рукахъ,

катится впередъ, стоя на колесѣ или шарѣ. Иногда она сыплетъ по пути изъ рога обилія различныя блага міра. Аттрибуты выражаютъ неопредѣленность и измѣнчивость пути, которымъ слѣдуетъ Фортуна.

Терпимость. Надъ дѣтьми, въ рукахъ которыхъ книги религіознаго содержанія или какіе-либо знаки различныхъ богослуженій, распростертъ щитъ съ изображеніемъ солнца, какъ символъ единственнаго солнца правды, на всѣхъ проливающаго дары свѣта.

Терпѣніе. Женщина почтеннаго вида, со скромно-опущеннымъ взглядомъ. Аттрибуты: агнецъ и крестъ.

Торговля. Меркурій съ жезломъ и возлѣ него тюки и товары, или недалеко виденъ корабль на водѣ.

Фортуна. См. *Счастіе.*

Хирургія. Фигура Эскулапа, Гигіеи или Телесфора съ приличнымъ оперативнымъ инструментомъ или чашей, подаваемой больному, или т. под.

Художественный даръ. Юноша съ пламенемъ на головѣ и съ маленькимъ изображеніемъ Изиды въ рукѣ. Принадлежности изящныхъ искусствъ окружаютъ его.

Царства природы. Или въ образѣ трехъ Героевъ, занятыхъ животными, растеніями и минералами или же въ видѣ богини, у которой въ одной рукѣ сосудъ съ минералами, въ другой разъ съ цвѣтами и плодами, а у ногъ левъ или дельфинъ.

I.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЯ.

I. Высшія божества.

II. Низшія божества.

III. Герои или Полубоги.

ОБЛАСТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ГЕРОЯХЪ.

РИМСКІЕ ГЕРОИ.

IV. Миөологія Египетская.

V. Миѳологія древнихъ Германцевъ.

VI. Индійская миѳологія.

II.

УКАЗАТЕЛЬ

АЛЛЕГОРИЧЕСКИХЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПРИ „ОЛИМПѢ“.

III.

УКАЗАТЕЛЬ

ПРИМѢЧАНІЙ КЪ „ОЛИМПУ“.

VI.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ „ОЛИМПѢ“.

(Крупныя цифры означаютъ подробности).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

І.

К.

Л.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ш.

Э.

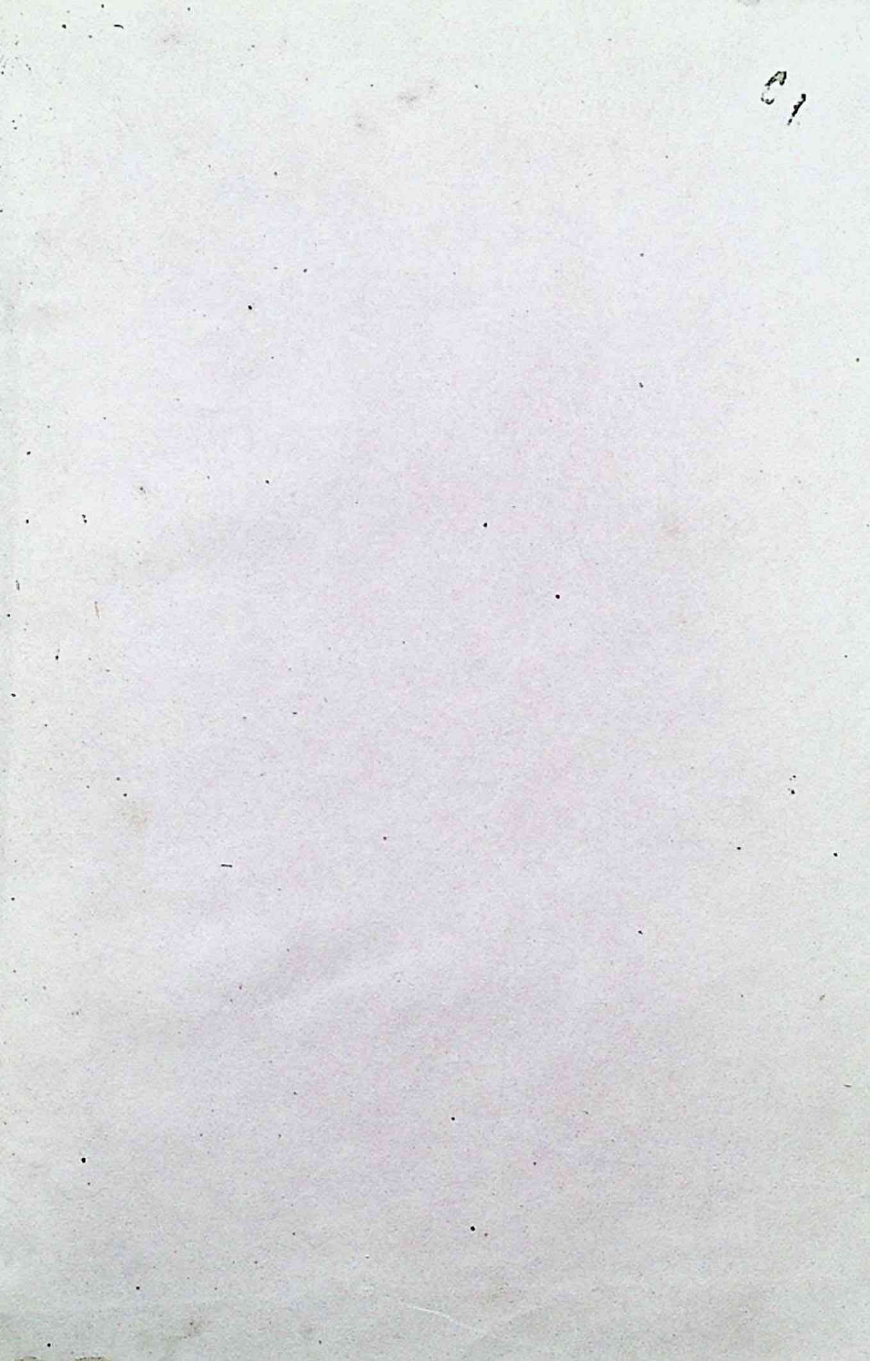
Ю.

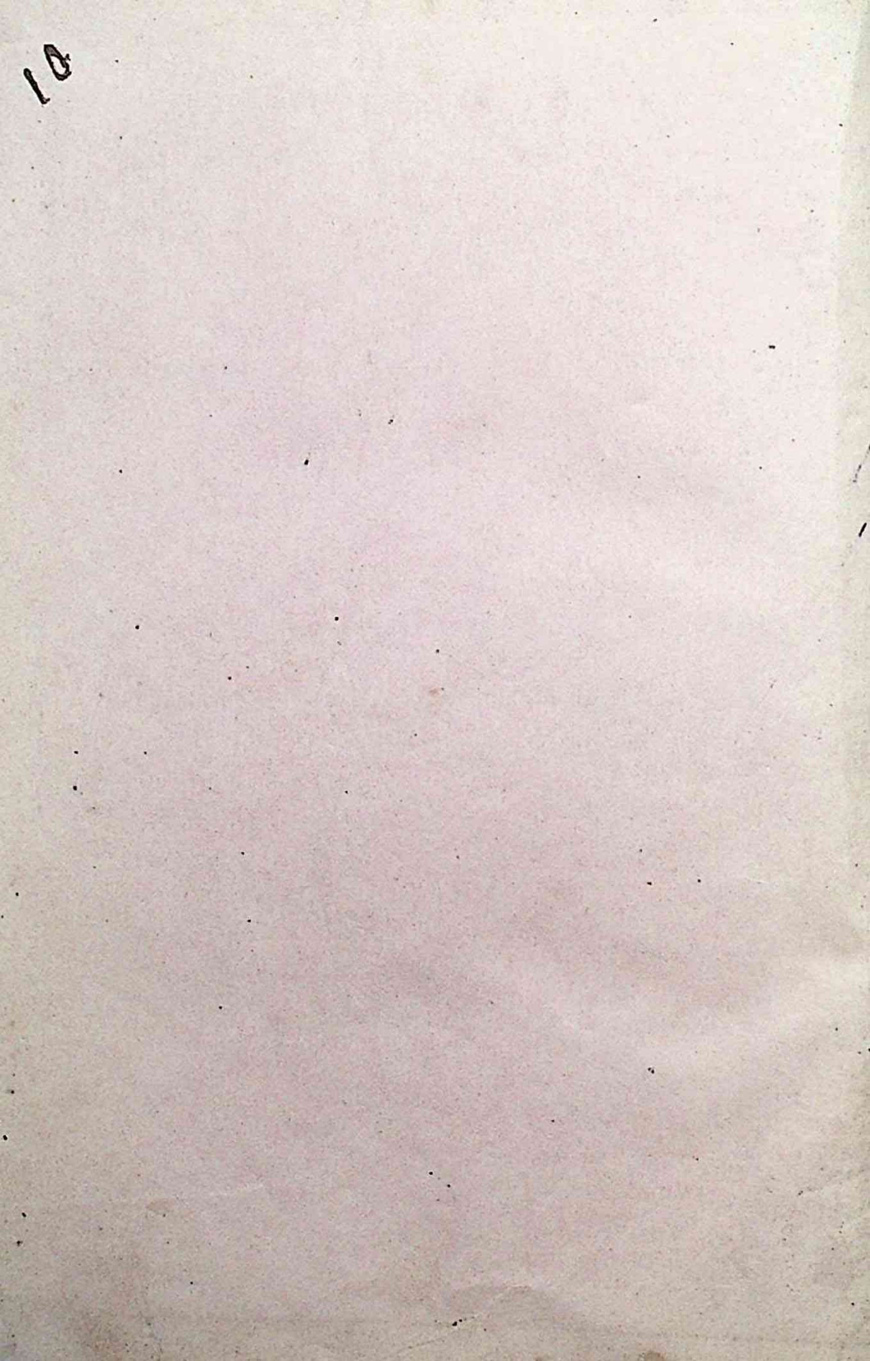
Я.

Ѳ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*строк.*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
30	10	Эфиръ	Эѳиръ
32	11	Аресъ	Арей
69	25	Мемактиріопъ	Мемактиріонъ
79	23	Иниха	Инаха
90	24	Хроноса	Кроноса
96	4	Хроноса	Кроноса
106	17	Хроноса	Кроноса
120	31	Ареа	Арея
139	19	Le Noivre	Le Poivre
121	5	Эриду	Эрису
202	21	Теминусъ	Геминусъ
249	16	Алпарскихъ	Липарскихъ
288	7	Тизифопа	Тизифона
342	22	Пасифея	Пасиѳая
342	24	Пасифея	Пасиѳая
353	5	Еврисѳея	Эврисѳея
354	5	Іолагая	Іолая
360	4	Аикестису	Алкестису
38	25	Олклеса	Оиклеса
392	8	Поліевктомъ	Полидевкомъ
394	12	Поліевктомъ	Полидевкомъ
395	29	св. Эльмз	св. Эльма
419	27	Тинона.	Титона
430	9	стр. 405 — 435	ст. 405 — 435.
450	16	Аммонъ-да	Аммонъ-Ра
457	22	Патономъ	Паномъ

10

Михаил Ивач Брискин
Людмила Брискова
Май

36218